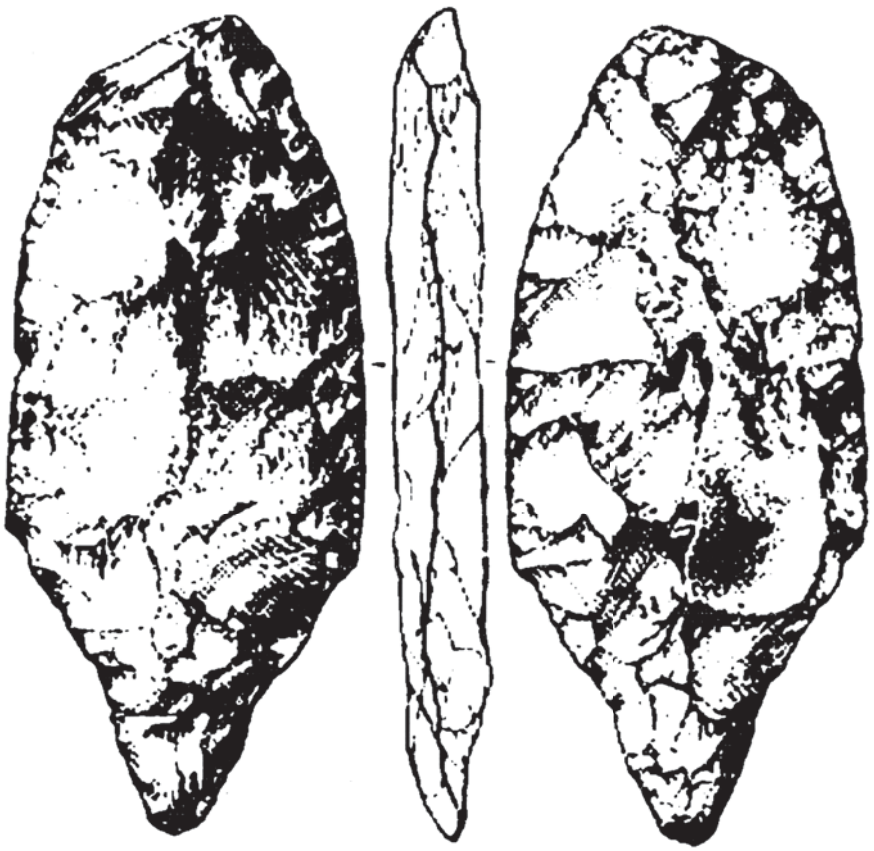
М.В. Аникович, В.В. Попов, Н.И. Платонова

ПАЛЕОЛИТ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РАЙОНА В КОНТЕКСТЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ

РАН

Russian Academy of Sciences
Institute for the Material Culture History
Proceedings of Kostenki-Borschevo archaeological expedition
Vol. 1

M.V. Anikovich, V.V. Popov, N.I. Platonova

PALEOLITHIC OF KOSTENKI-BORSCHEVO REGION IN THE CONTEXT OF UPPER PALEOLITHIC OF EUROPE

State Archaeological Museum-Reserve «Kostenki»

Nestor-Istoriya Publishers
St. Petersburg
2008

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры
Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции
Вып. 1

М.В. Аникович, В.В. Попов, Н.И. Платонова

ПАЛЕОЛИТ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РАЙОНА В КОНТЕКСТЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ

Государственный археологический Музей-Заповедник «Костёнки»

Издательство «Нестор-История»
Санкт-Петербург
2008

УДК 551.791(47):930.26
ББК 64.442.12(2)

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб. : Нестор-История, 2008. — 304 с.

Ответственный редактор серии: *д. и.н. М.В. Аникович*
Ответственный редактор выпуска: *д. и. н. М.В. Аникович*
Ответственный секретарь издания: *к. и. н. Н.И. Платонова*

В книге рассматривается палеолит Костёнковско-Борщёвского района в периодизационном аспекте. Показывается, что в этих, казалось бы, узко региональных памятниках отражена основная проблематика первых двух третей верхнепалеолитической эпохи всего Европейского континента. Это основное, что делает указанный район воистину уникальным явлением в мировом палеолитоведении.

Коллективная монография является итогом работ по проекту РФФИ № 04-06-80037а «Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в свете основных проблем генезиса верхнего палеолита Европы» (рук. М.В. Аникович). Помимо того, в неё включены результаты исследований последних лет, осуществлявшихся по Программе Президиума РАН П-21: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект: «Адаптация культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий (в контексте среднего/верхнего палеолита Евразии)» (рук. М.В. Аникович) и по проекту РФФИ №08-06-00161а (рук. М.В. Аникович).

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 04-06-80037.

9 785981 872914

© Институт истории материальной культуры РАН
© М.В. Аникович, В.В. Попов, Н.И. Платонова
© Издательство «Нестор-История»

Светлой памяти Учителя —
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА РОГАЧЁВА

К ЧИТАТЕЛЮ

Возможно, кого-то удивит то обстоятельство, что первый выпуск «Трудов Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН» выходит из печати позднее выпусков №№ 2–5, изданных в 2005–2007 гг. Однако первым в указанной серии, по праву, должен был считаться сборник «Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное» (Воронеж, 2004), включивший в себя путеводитель и тезисы докладов одноименной Международной конференции, состоявшейся в Костёнках 23–26 августа 2004 г.

Сборник этот готовился нами в спешке и, по недосмотру, не получил порядкового номера. В конце концов, я решил, что это не случайно. Первый номер в серии уместнее присвоить книге, которая, действительно, обобщает итоги археологических исследований в Костёнковско-Борщёвском районе в последние десятилетия. Тем более, что работу над этой книгой я начал в 1980-х годах, ещё до создания Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции. За годы, протекшие с тех пор, многое изменилось. Появилась финансовая поддержка наших исследований, позволившая на новом уровне развернуть работы, перепроверить и уточнить многие прежние представления. Появились и соавторы, принявшие активное участие в создании настоящей монографии на всех её этапах — от полевых работ до критической выверки текста. Итоги наших совместных трудов мы сейчас представляем на читательский суд.

Начальник Костёнковско-Борщёвской
археологической экспедиции ИИМК РАН,
доктор исторических наук
М.В. Аникович

ВВЕДЕНИЕ

Слово «Костёнки» сейчас на слуху у каждого, кто посвятил свою жизнь изучению каменного века — и в России, и за рубежом. На языке административных терминов это название большого села на правом берегу р. Дон, в 35 км к югу от г. Воронежа. Но для учёного-археолога Костёнки — это не просто населённый пункт, а своеобразный «центр мира», в котором сосредоточены огромные культурные ценности эпохи палеолита.

Высокое правобережье Дона рассечено здесь древними, разветвлёнными балками (логами) с крутыми задернованными склонами, протяжённостью до 4 км и до 100 м глубиной[1]. За последние 125 лет на территории соседних, уже почти слившихся друг с другом сёл Гремячье, Рудкино, Костёнки, Александровка и Борщёво было открыто около трёх десятков[2] памятников эпохи верхнего палеолита (рис. 1). По меньшей мере, 10 из них являются многослойными стоянками. Принять участие в археологических исследованиях Костёнок ныне является честью для любого палеолитоведа.

В Восточной Европе известны и иные районы сосредоточения верхнепалеолитических стоянок, например, Днестровско-Прутское междуречье. Однако Костёнковско-Борщёвский регион — явление особое. Его ключевое значение для изучения эпохи верхнего палеолита определяется целым рядом обстоятельств. Концентрация памятников на этой весьма ограниченной территории (всего около 10 км по течению Дона) так велика, что не имеет аналогий во всём мире. Условия залегания культурных слоёв здесь таковы, что позволяют ставить и решать сложнейшие вопросы хронологии и изменений природной среды, происходивших, по крайней мере, в течение первых двух третей верхнепалеолитической эпохи.

На всей территории Восточной Европы только здесь, на Среднем Дону, доказательно выделяется целый пласт индустрий, относящихся к самому началу этой эпохи (древнее 32 тыс. л.н.). Кроме того, — и это делает Костёнковско-Борщёвский район воистину уникальным в мировом палеолитоведении, — сосредоточенные здесь памятники отличаются исключительным культурным разнообразием. Здесь налицо не наследование традиций, не медленная культурная эволюция, а достаточно резкая смена одних культур другими на различных хронологических ступенях. Здесь же мы наблюдаем сосуществование значительно отличающихся друг от друга культур на одном хронологическом срезе. Это, в известной мере, затрудняет анализ и обобщение материалов, но, с другой стороны, позволяет и шире, и глубже охватить проблематику верхнепалеолитической эпохи. Именно здесь, в Костёнках, были открыты и исследованы все основные типы верхнепалеолитических жилищ. На костёнковских стоянках собрана самая богатая в Восточной Европе коллекция произведений палеолитического искусства малых форм. Подавляющее большинство известных в России погребений эпохи верхнего палеолита тоже найдены в Костёнках.

---

[1] Село Костёнки разделено Поповым, Покровским, Аносовским и Александровским логами. Село Борщёво, в основном, располагается в Борщёвском логу.

[2] Имеются в виду стоянки Костёнки 1–21, Борщёво 1–6, а также, по меньшей мере, два местонахождения, не вошедшие в номенклатуру (1 — открыто П.И. Борисковским в Поповом логу, 2 — открыто А.Н. Рогачёвым в с. Рудкино). В действительности, палеолитических памятников в этом регионе намного больше, но они практически недоступны даже для разведки, поскольку расположены на приусадебных участках, находящихся в частном владении: сейчас, как и в далёком прошлом, люди селятся на наиболее удобных местах!

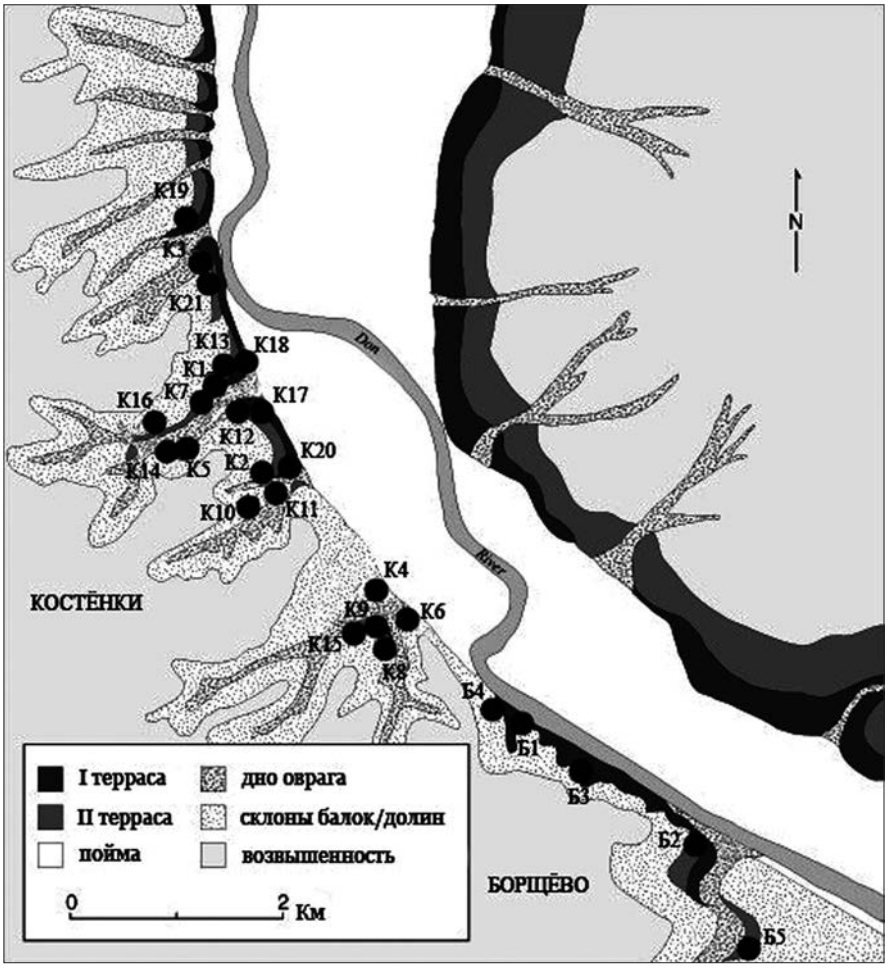

Рис. 1. Схема расположения верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района (К1-К21 — Костенки 1–24; Б1-Б5 — Борщево 1–5)

Не случайно поэтому на протяжении десятков лет Костёнковская палеолитическая экспедиция являлась настоящей «кузницей кадров»[1]. На её опыте сформировалась школа советского палеолитоведения, выросло не одно поколение известных учёных-археологов нашей страны. В 1970–1980-х гг. в Костёнковской экспедиции проходили подготовку студенты и аспиранты из ряда стран Азии и Африки. Сейчас мы активно сотрудничаем со специалистами из США и западноевропейских стран. На повестку дня встали вопросы стажировки европейских и американских студентов и аспирантов.

Именно на базе костёнковских материалов зарождались, развивались и сменяли друг друга важнейшие концепции, определившие направление и развитие отечественной науки о палеолите. Данные, полученные в ходе первых 10–15 лет работы Костёнковской палеолитической экспедиции, во многом способствовали сложению «стадиальной парадигмы» П.П. Ефименко. Результаты дальнейших раскопок, проводившихся его учеником А.Н. Рогачёвым, привели в середине 1950-х гг. к «научной революции» и смене парадигм в отечественном палеолитоведении. Вполне закономерно, что без обращения к памятникам Костёнковско-Борщёвского района сейчас невозможно даже правильно поставить какую-либо важную проблему верхнего палеолита Восточной Европы.

[1] В 1923 г. работы финансировались Русским музеем (этнографический отдел) и Воронежским краеведческим музеем. С середины 1920-х гг. основное финансирование раскопок производилось ГАИМК. Затем, по мере преобразования (и переименования) этого учреждения менялось и название экспедиции. Она называлась Костёнковской палеолитической экспедицией ГАИМК — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН. В настоящее время произошло разделение на Костёнковскую палеолитическую и Костёнковско-Борщёвскую археологическую экспедиции ИИМК РАН (см.: 1.7–1.8).

Костёнковские материалы публиковались и публикуются по-разному. Естественно, без них не обходится ни одна обобщающая статья или монография, в которой затрагивается восточноевропейская проблематика. Подобного рода работы выходят регулярно как в России, так и за рубежом, так что даже одно их перечисление заняло бы слишком много места. Укажем лишь те, что, на наш взгляд, являются важнейшими: [Ефименко 1938, 1953; Абрамова, 1962; Григорьев 1970; Рогачёв, Аникович 1984; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007; McBurney 1976; Soffer 1985; Debrosse, Koslovski 1988; Hoffecker 2002].

Несколько реже появляются обобщения, посвященные собственно Костёнковско-Борщёвскому району. Львиная доля монографических публикаций такого рода приходится на 1950 — начало 1960-х гг.: [Рогачёв 1955; 1957; Ефименко, Борисковский 1957; Ефименко 1958; Борисковский 1963; 1971]. Все эти работы связаны с ожесточённой дискуссией, приведшей, в конечном счете, к смене парадигм, поэтому ни одна из них не ограничивается чисто описательными задачами. Хотя, конечно, одни из них в большей степени «публикационны» [Рогачёв 1955; Ефименко 1958], а другие, в первую очередь, «концептуальны» [Рогачёв 1957].

Итак, список книг, в которых рассматриваются те или иные вопросы палеолита Костёнковско-Борщёвского района, достаточно обширен. Но лишь две из них могут претендовать на более или менее всестороннее изложение костёнковских материалов.

На основе перечисленных публикаций в 1969 г. появилась на английском языке капитальная монография Ричарда Клейна [Klein 1969], до сих пор остающаяся для западных читателей, не владеющих русским языком, основным источником сведений о костёнковском палеолите. В этой книге стоянки сгруппированы по геолого-стратиграфическому (хронологическому) принципу: залегающие в нижней гумусированной толще (глава 7), залегающие в верхней гумусированной толще (глава 8), залегающие в перекрывающих отложениях второй террасы (глава 9) и, наконец, приуроченные к отложениям первой террасы (глава 10). В каждой из глав материалы излагаются по памятникам. Обобщения, в том числе культурно-генетического плана, приводятся в конце каждого раздела и в заключительной главе 11.

В 1982 г. была опубликована на русском языке коллективная монография, подготовленная в честь столетия со дня открытия первой палеолитической стоянки в Костёнковско-Борщёвском районе [Палеолит... 1982]. В её написании приняли участие не только археологи, но и целый ряд специалистов-»естественников» — геологи, палеозоологи, палинологи, антропологи, особенно активно включившиеся в работу экспедиции в 1970-х гг. Значение этой книги трудно переоценить. В ней впервые оказались сведены воедино все материалы, добытые Костёнковской экспедицией с начала её существования и вплоть до конца 1970-х. Археологическая информация подаётся в соответствии с нумерацией памятников: от Костёнок 1 до Костёнок 21 и от Борщёво 1 до Борщёво 4. Многие данные были опубликованы впервые, — прежде всего, это касается естественнонаучных разделов. Сейчас «Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979», давно уже ставший библиографической редкостью, продолжает оставаться основным источником информации по данному региону.

Эта книга внесла целый ряд существенных уточнений в старую схему представлений о костёнковском палеолите, сложившуюся в 1950–1960-х гг. Однако её нельзя считать концептуальной (как, впро-

Рис. 2. Вид на с. Костёнки с левого борта Покровского лога

чем, и монографию Р. Клейна). Скорее, она содержит в концентрированном виде подготовительные материалы для выработки новых концепций культурного развития на Среднем Дону в верхнепалеолитическую эпоху. Ничего удивительного в этом нет. Новые научные идеи, конечно, базируются на коллективной работе, но высказываются они, как правило, не коллективом, а отдельными учёными. Уже поэтому коллективная монография — далеко не лучшее место для продуцирования таких идей. Недостатки же её как источника информации обусловлены, в первую очередь, ограниченным листажом.

Настоящая монография отнюдь не является ещё одним, исправленным и дополненным, или, напротив, сокращенным вариантом фактологического описания памятников. По своему характеру она концептуальна. Её главная задача — выразить авторское понимание основных закономерностей культурно-исторических процессов, происходивших в бассейне Среднего Дона в эпоху верхнего палеолита. Эти процессы рассматриваются нами в восточно-европейском, а отчасти и в более широком, общеевропейском, контексте. Да, наша книга тоже претендует на более или менее полный (хотя далеко не исчерпывающий!) охват костёнковских материалов. Однако сам подход к этим материалам и их изложение здесь принципиально иные, чем в описанных выше монографиях. И для того, чтобы читатель мог при желании разобраться в наших исходных посылках и оценить сделанные выводы, необходимо предварить подачу археологического материала изложением тех основных принципов и обобщающих понятий, которыми авторы руководствуются при работе с этим материалом.

Наши представления о развитии верхнепалеолитической культуры на Среднем Дону в контексте более широкой проблематики стали складываться в процессе работы над разделами уже упомянутой коллективной монографии по Костёнкам, проходившей почти одновременно с написанием раздела по верхнему палеолиту Восточной Европы для первого тома «Археологии СССР». Тогда наш учитель А.Н. Рогачёв оказал большую честь одному из авторов настоящей книги, пригласив его в соавторы указанного раздела. Пользу, извлеченную из этой совместной работы, невозможно переоценить. В относительно законченном виде взгляды М.В. Аниковича оформились в начале 1990-х гг. Впервые они нашли свое отражение в печати в 1993 г., в статье, посвященной именно Костёнковско-Борщёвскому району [Аникович 1993]. Позднее, уже в более широком контексте, они были изложены в ряде публикаций, важнейшими из которых следует считать: [Аникович 1994; 1997; 1998; 2000; 2003; 2005а; 2007а; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007].

В предлагаемой читателю книге эта концепция костёнковского палеолита излагается в наиболее полном, законченном и аргументированном виде. Читатель может в полной мере оценить как её достоинства (если таковые найдутся), так и неизбежные недостатки и промахи. Авторы прекрасно осознают спорность ряда положений, шаткость некоторых аргументов, равно как и нехватку фактологических данных по многим вопросам. Всё это неизбежно сопутствует любой обобщающей концепции; фактологических данных в науке никогда не бывает вполне достаточно. Лишая себя этой публикацией возможности ссылаться на «ограниченный объём» и «нехватку времени», авторы заранее приносят благодарность всем, кто прочтёт эту книгу и сделает замечания.

Хотелось бы предварительно обратить внимание на следующие моменты. Концептуальный характер настоящей работы определяет её особенности и структуру: выводы основаны главным образом на материалах, уже введённых в науку. Объём принципиально новой фактологической информации относительно невелик. Полагаем, сведения такого рода должны излагаться в монографиях, посвящённых отдельным стоянкам Костёнковско-Борщёвского района. Последняя такая работа была опубликована в 1963 г. [Борисковский 1963], и необходимость возобновления подобных изданий назрела давно.

Следует подчеркнуть: излагаемые здесь представления отнюдь не являются «сменой парадигм» по отношению к взглядам А.Н. Рогачёва. Несмотря на неизбежные частные разногласия, в общем и целом это закономерное развитие высказанных им идей, их дальнейшая разработка. В терминологии Т. Куна, данная работа относится к разряду «решения головоломок» в рамках «нормальной науки».

Можно надеяться на то, что ведущая роль Костёнковско-Борщёвского региона для российского палеолитоведения сохранится ещё на долгие годы, если не навсегда. Во время подготовки к столетнему юбилею открытия палеолита в Костёнках было подсчитано, что, при сохранении современных темпов раскопок, для полного изучения лишь известных в настоящее время памятников потребуется не менее 1000 лет! А ведь мы знаем далеко не всё, что скрывает в себе костёнковская земля. Да и по мере совершенствования методов полевых исследований, темпы раскопок не ускоряются, а, напротив, замедляются.

Однако все это будет лишь в том случае, если сумеет выжить сама наша наука, первобытная археология. «Выжить» — означает занять в обществе достойное, уважаемое положение, иметь возможность вести дело так, как это принято в цивилизованных странах, где и народ, и правительство уважают свою

культуру, своё прошлое, и не только на словах. Где и неписаные традиции, и писаные законы на деле защищают как сами древние памятники, так и тех, кто посвятил им свою жизнь.

Это очень болезненный вопрос, затрагивающий, конечно, не только судьбу Костёнок. Да, можно сказать, что в начале XXI века ситуация в российской науке вообще, и в первобытной археологии в частности, улучшается. Эти улучшения происходят, главным образом, за счёт личной инициативы отдельных специалистов, за счёт возможности привлекать к разработкам различные фонды, выдвигать программы и т.п. Но, в то же время, в стране сложилась ситуация, когда фактически ни один исторический памятник не защищён от возможности уничтожения во имя интересов толстосумов, приглядевших местечко под будущую застройку. В Томске, родном городе одного из авторов этой книги, сейчас уничтожены («случайно сгорели») уникальные архитектурные памятники деревянного зодчества. Мы не знаем и знать не хотим, что и кем возведено на их месте. Да и что говорить о Томске, если даже центр Москвы фактически беззащитен перед новыми «застройщиками»! Об этом пишут, об этом говорят по телевидению, «а Васька слушает, да ест!» В такой ситуации кто способен всерьёз помешать безнаказанному разгулу «чёрных археологов»?

В Костёнках указанные проблемы пока не столь остры. Подчеркнём — *пока*. У нас нет ни малейших иллюзий, что презрительно-наплевательское отношение к отечественной культуре со стороны тех, в чьих руках находятся реальные деньги (а, следовательно, и реальная власть), изменится в сколько-нибудь обозримом будущем. А это значит, что в тех же Костёнках не только не будут открыты новые стоянки, но безвозвратно погибнут многие из тех, что уже известны. Погибнут в ходе интенсивного освоения приватизированных земельных участков, владельцы которых уже сейчас имеют полную возможность делать на «своей» земле всё, что угодно. Не нужно себя обманывать. Застройка частными особняками земель, в которых хранятся бесценные сокровища мировой культуры, может начаться в любой момент. То, что при этом будет потеряно для России, не восполнят потом уже никакие деньги.

И, наконец, последнее. Мы старались писать эту книгу так, чтобы она стала доступной не только специалистам, но и просто любителям древней истории. Мы твердо убеждены: подавляющее большинство обобщений, действительно, имеющих научную ценность, вполне может быть изложено не квазинаучным «волапюком», а нормальным человеческим языком — было бы желание.

Благодарности. Эта работа в значительной мере основана на результатах, достигнутых совместными усилиями сотрудников прежней Костёнковской палеолитической экспедиции. Мы искренне благодарны всем своим коллегам и друзьям по этой экспедиции — и бывшим, и в особенности, настоящим.

Благодарим всех сотрудников Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции: Александра Дудина, Ирину Котлярову, Татьяну Попову, Александра Пустовалова, Сергея Чернышова, Екатерину Иконникову, Сергея Макарова, Романа Хрячкова, Андрея и Ярослава Куловых, Ольгу Бонч-Осмоловскую, Артёма Каракишиева и многих других за их самоотверженный труд.

Выражаем горячую блатодарность ученым-»естественникам», без чьих разработок были бы невозможны хроностратиграфические и палеоэкологические построения: почвоведу Борису Фёдоровичу Апарину (Санкт-Петербург), палеозоологу Ирине Евгеньевне Кузьминой (Санкт-Петербург), палинологам Галине Михайловне Левковской (Санкт-Петербург) и Елене Алексеевне Спиридоновой (Москва), палеомагнитчику Генриетте Антониновне Поспеловой (Москва), геоархеологу Вэнсу Холлидею (Аризона, США), а также специалистам по радиометрическим методам датирования Леопольду Дмитриевичу Сулержицкому (Москва), Стивену Форману (Иллинойс, США), Ганне Ивановне Зайцевой (Санкт-Петербург).

Наша особая благодарность научному сотруднику Института арктических и альпийских исследований при Университете штата Колорадо (США), почётному профессору ИИМК РАН Джону Ф. Хоффекеру за плодотворное сотрудничество и помощь в организации исследований верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района в 2001–2008 гг.

ГЛАВА 1.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РАЙОНА

1.1. От зверя «индера» до первых раскопок

В англоязычной археологической литературе село Костёнки, как правило, помещают на Украину. Это неверно. Среднее Подонье входило в состав Древнерусского государства — Киевской Руси[1]. Но после её разгрома монголо-татарами (XIII в.) и превращения части южнорусских земель в «украйну» Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой (XIV в.) оно стало «Диким полем» — слабо заселённой южной окраиной молодого Московского царства. К Малороссии (будущей Украине) эти земли не относились никогда. В XIV–XVII вв. люди жили здесь почти исключительно в городках-крепостях, защищавших русские рубежи от набегов из южных степей.

Населённый пункт Костёнки впервые упомянут в «Писцовой книге» 1629 г. В 1642 г. на месте его строится уже город Костёнск — одна из крепостей «Белгородской черты», построенной для обороны от крымских и ногайских татар. В середине XVII в. этот городок мало, чем уступал своим соседям — Воронежу, Острогожску, Коротояку. Гарнизон состоял из «поселённых драгун». Однако уже во второй половине XVIII в., с продвижением российской границы на юг, Белгородская черта теряет своё оборонительное значение. Дальнейшие судьбы входивших в неё крепостей оказались различны. Воронеж рос и развивался, стал губернским городом, центром всего региона, а Костёнск, после недолгого расцвета в начале XVIII в., превратился в большое село. Это превращение былого города-крепости Костёнска в село Костёнки окончательно закрепляется в 1779 г. Указом императрицы Екатерины II — ровно за 100 лет до того, как там был заложен первый археологический раскоп.

«Костёнск», «Костёнки» — сами названия недвусмысленно указывают на главную достопримечательность этого места. Видимо, уже строители первого острога находили здесь в земле огромные, непонятные кости, поражавшие их воображение. Объяснением загадки служила для них легенда о подземном звере *индере*. Вот что писал об этом академик С.-Г. Гмелин, посетивший Костёнск (у него — «Кастинск») специально ради его палеонтологических местонахождений:

«Жители заражены ложным мнением о великом подземельном четвероногом звере, которого бытие открывается после его смерти. Хотя и не можно доуметься, откуда бы зашли слоновые кости в сии страны, по крайней мере, известно, что такое оные суть, и, следовательно, рассеянные о том басни не могут нас более привесть в заблуждение...» [Гмелин 1771: 53, цит. по: Поляков 1880: 11].

И.С. Поляков, работавший в Костёнках в 1879 г., слышал там это предание в несколько ином варианте. Суть легенды, записанной им, можно изложить следующим образом. Жил некогда огромный зверь

---

[1] В IX–X вв. этот регион был заселен славянами — носителями так называемой «роменско-боршевской» культуры. В соседнем с Костёнками с. Борщёво на высоком мысу находится эпонимный памятник этой культуры — Большое Боршевское городище. На соседнем мысу расположено Малое Боршевское городище; рядом с ними на плато — курганный могильник. В XI–XII вв. бассейн Дона в среднем течении являлся юго-восточным порубежьем Древнерусского государства. Русские поселения по р. Воронежу входили в состав Рязанского княжества.

индер. Однажды хотел он перейти Дон. «Голова была у вод реки, туловище тянулось по всему Чекалину оврагу[1], с вершинами которого кончался хвост животного, так что великан, сообразно с длиною оврага, имел больше двух вёрст в длину...» [Там же: 18]. За чудовищем шли его дети, и он боялся, что, переходя реку, они утонут. Тогда индер «вздумал перепить Дон». Пил он пил, уже и дно показалось, и река уменьшилась до размеров маленького ручья. Оглянулся зверь, чтобы дать знать своим детям, — да и лопнул от натуги. И разметало его кости на большое расстояние. Кто говорил на семь, а кто — на тридцать семь верст...

«Индер», о котором здесь идёт речь (он же «индра», «индрик», «индрог» и пр.) — персонаж средневековых русских сказаний — так называемой «Голубиной книги». Он — глава всех зверей («зверь всем зверям»), сочетающий в себе черты носорога («единорога») и морской гидры. От слова «гидра», возможно, произошло и название фантастического зверя [Гарутт 2001: 8]. Подобные рассказы о мамонте как о *подземном* животном, бытовали в XVIII-XIX вв. у многих народов Севера[2] — якутов, тунгусов, остяков и др. [Поляков 1880: 19; Гарутт 2001: 7–8].

Городок Костёнск пережил свой звёздный час при Петре Великом. Царь–корабельный мастер стал первым (и пока последним) правителем России, побывавшим в этих местах. В Воронеже и его окрестностях он провёл, в общей сложности, более года — руководил строительством первого русского военного флота, учился сам конструировать корабли, работал плотником на верфи, издавал указы о великих преобразованиях России и заодно, мимоходом положил начало палеонтологическим исследованиям на Среднем Дону.

В первый же свой приезд в Воронеж (1696 г.) Пётр I узнал о диковинных находках в Костёнске и направил туда солдата Преображенского полка Филимона Катасонова «для обыску больших костей». Судя по документам фонда Разрядного приказа РГАДА, Катасонову для раскопок были предоставлены «градские люди» [Загоровский 1996: 28–30].

В 1703 г. царь вместе с иностранными дипломатами в очередной раз приезжал под Воронеж для осмотра строительства канала Дон — Ока. Гостям показали «слоновые зубы», найденные при земляных работах. По сообщению Корнелия де Бруина, Пётр I дал находкам своё, вполне рационалистическое объяснение: «Государь рассказывал нам, что Александр Великий, проходя этой рекой, как уверяют некоторые историки, доходил до небольшого городка Костёнска, находящегося верстах в восьми отсюда, и что очень могло быть, в то время пало тут несколько слонов, остатки которых и находятся здесь ещё и поныне...» [де Бруин 1989: 120].

К данному предположению нельзя относиться свысока: оно было озвучено, когда в русском языке не существовало даже слова «мамонт», а люди не сомневались в том, что Мир сотворён около шести тысяч лет назад. Учёные начала XVIII в. ещё всерьёз задавались вопросом, принадлежат ископаемые бивни слону или какому-то другому неизвестному зверю с большими «рогами»? То, что мамонт — это особая, вымершая форма слона, окончательно стало ясно лишь на рубеже XVIII–XIX вв. [Гарутт 2001: 16].

Российские натуралисты второй половины XVIII в. уверенно отождествляли мамонта с современным слоном и считали его выходцем из южной Азии. В 1768–1769 гг. уже упомянутый выше ***Самуил-Готлиб Гмелин-младший*** (1745–1774) дважды посетил Костёнск и его окрестности, особо заинтересовавшись находимыми здесь костями. Солидный титул «академика» не должен вводить читателя в заблуждение. На деле, это был совсем молодой, двадцатитрёхлетний путешественник, только что избранный в Санкт-Петербурге академиком по кафедре ботаники. Безусловно, он не имел никакого опыта раскопок, зато оказался достаточно наблюдателен, любознателен и по-немецки дотошен в описаниях увиденного.

В книге своей «Путешествие по России для исследования трёх царств естества» Гмелин писал: «Уже давно известно, что в окрестностях города Кастинска, лежащего на Дону в 30 верстах от Воронежа, находят мамонтовую кость. Дабы тем лучше о сём убедиться, поехал я туда, и по приезде моём на место, как скоро начали копать, то на песчаном берегу Дона немедленно оказались беспорядочно рассеянные слоновые кости. Зубы, челюсти, рёбра, лбы, стегна и берцы, неокаменелые, но в естественном своем состоянии, или от долговременности трупооореховатые, лежали на три локтя в глубину и около 40 сажен в длину. Кроме слоновых остатков, не мог я найти никаких костей от других животных, и... совсем невозможно... было собрать полный скелет...» [Гмелин 1771: 53, цит. по: Поляков 1880: 10–11].

---

[1] Современное название Чекалина оврага — Попов лог.

[2] Само слово «мамонт» было расшифровано акад. К.М. Бэром (1866 г.), как «земляной крот» (*эстонск.*: maamuut). В современной науке эта гипотеза признана наиболее вероятной. По-видимому, указанная финно-угорская языковая форма была в древности перенесена в Европу из Сибири [Гарутт 2001: 7].

Рис. 3. Вид на первую террасу Дона в районе предполагаемого раскопа С.-Г. Гмелина

Раскоп С.-Г. Гмелина был заложен на первой надпойменной террасе Дона. В апреле 1769 г., когда он попытался вторично провести исследования, берег в том месте «совсем покрыт был выступившей сильно водою» [Гмелин 1771: 119, цит. по: Поляков 1880: 11]. Второй раскоп находился в непосредственной близости от первого, но чуть выше по склону. Эта новая попытка оказалась неудачной: ни одной кости найти не удалось.

Теоретически, можно предположить, что в первом раскопе молодой академик попал на развалины жилищ из костей мамонта или на заполнения ям-хранилищ. Однако до сих пор на костёнковских стоянках, приуроченных к первой надпойменной террасе, не встречалось ничего подобного. Кроме того, в описаниях С.-Г. Гмелина имеется утверждение, что «помянутые кости лежат, покрыты песком, без примесу иной земли». Сам он склонялся к тому, что найденные им кости были принесены водой: «речные берега обыкновенно бывают местом погребения для слонов...» [Там же: 12–13].

Сравнительно небольшие размеры не позволяют рассматривать находку С.-Г. Гмелина как обширное и долговременное «естественное кладбище» мамонтов. Но отдельные местонахождения такого рода, представляющие собой остатки мегафауны, погибшей естественной смертью, безусловно, должны были существовать в Костёнках. В 1879 г., спустя 110 лет после раскопок Гмелина, И.С. Поляков зафиксировал, казалось бы, аналогичное по типу местонахождение в урочище Глинище — тоже на первой надпойменной террасе Дона, в устье Чекалина ручья (совр. — ручья Попова лога). По мнению Полякова, серая слоистая глина, вмещавшая кости, являлась продуктом водного отложения: «...кости в ней замыты; они не сопровождались остатками человеческой деятельности. Место, подобное Глинищу, было, вероятно, раскопано Гмелиным...» [Там же: 20].

Забегая вперёд, необходимо отметить, что позднее, уже в 1920–1950-х гг., в урочище Глинище были открыты верхнепалеолитические памятники — Костенки 3 (Глинище) и многослойная стоянка Костёнки 21 (Гмелинская) [Палеолит... 1982: 72, 198–200]. В связи с этим вновь встаёт вопрос о соотнесении ископаемых фаунистических остатков, обнаруженных С.-Г. Гмелиным и И.С. Поляковым, с местами обитания палеолитического человека. Отсутствие следов человеческой деятельности, отмеченное ими обоими, может объясняться: а) несовершенством методов раскопок XVIII–XIX вв.; б) локализацией упомянутых остатков на периферии стоянок, где отсутствовал насыщенный культурный слой. Впрочем, нахождение костей на периферии стоянки, в принципе, не противоречит трактовке их как остатков животных, вынесенных на берег рекой. Настораживает лишь указание С.-Г. Гмелина на явный некомплект костей.

Возвращаясь к первоначальным истолкованиям находок мамонтовой фауны в России, следует упомянуть другого путешественника, современника С.-Г. Гмелина, адъюнкта Императорской Академии наук Ивана Лепёхина. Описывая находки «слоновьих» костей близ г. Симбирска, он уверенно поставил их в связь со сделанными в той же местности находками человеческих костей и оружия («обломками железных копейцов и прочего ратного снаряда»). Вывод звучал так: «...что асиатские народы почасту на сражение выважывают слонов, дело известное. И так мне мнится, что сии иностранные покойники не за многие тысячи, но за несколько сот лет близ Волги были погребены... Что касается до порядочных слоёв земли, то и сие... большого затруднения не имеет. ...Вымытые из берегов кости могут паки завалены

быть новыми земными слоями, когда река переменяет своё течение...» [Лепёхин 1795: 299–300, цит. по: Поляков: 1882: 109–110].

Именно эту трактовку принял и развил в своей книге, посвящённой описанию Воронежского края, русский историк-краевед митрополит Евгений Болховитинов. Он дал находкам «слоновьих костей» на Дону объяснение, казавшееся ему «простее всех предыдущих». В Костёнках-де были найдены остатки боевых слонов, только не Александра Македонского, а хана Батыя. Эти слоны либо были убиты в сражении 1237 г., либо стали жертвами сурового климата [Болховитинов 1800: 101–102]. Разумеется, подобная гипотеза могла претендовать на научность лишь в те времена, когда русские летописи ещё не подверглись сколько-нибудь серьёзному изучению со стороны критики текста.

Первое по-настоящему правильное объяснение указанным находкам дал И.С. Поляков, заложивший в Костёнках первый археологический раскоп (1879 г.) и открывший там первые стоянки эпохи верхнего палеолита.

1.2. И.С. Поляков и открытие палеолита Костёнок

1.2.1. Иван Семёнович Поляков

Первооткрыватель костёнковского палеолита ***Иван Семёнович Поляков*** (1845–1887) был в высшей степени незаурядной личностью; судьба его заслуживает специального исследования. Здесь нам приходится излагать её кратко, преимущественно, на основе нескольких публикаций [Анучин 1952; Петряев 1954; Праслов 1982; Формозов 1983: 47–57; Никонова 2004]. Сын бедного забайкальского казака и бурятки, уроженец глухой станицы Ново-Цурухайтуевской, на границе с Китаем, он четырнадцати лет вышел оттуда «в большой мир»[1]. В биографическом очерке о Полякове, принадлежащем перу Д.Н. Анучина, сообщается, что отец «дал ему семь рублей на дорогу и отправил с этими деньгами в Иркутск, для получения образования или приискания какого-нибудь занятия...» [Анучин 1952: 96].

Неординарный, грамотный подросток быстро привлёк внимание местных влиятельных лиц: начальника Иркутского училища военного ведомства полковника О.Ф. Рейнгарда и инспектора того же училища М.В. Загоскина, одного из первых сибирских публицистов. Училище готовило военных писарей: в «Отчёте» Сибирского отдела РГО за 1867 год оно было названо «военной начальной школой». Однако И.С. сумел освоить там не только писарское дело. «По окончании курса наук» он получил в своём училище место учителя второго разряда (1863–1867 гг.). Так ему удалось освободиться от военной (казачьей) службы «в нижних чинах».

Впрочем, И.С. мог быть благодарным судьбе даже за эту службу. Видимо, когда отцовские семь рублей подошли к концу, какой-то доброжелатель пристроил его в денщики к молодому казачьему офицеру — князю П.А. Кропоткину. Знакомство и дружба с этим человеком сыграли поворотную, определяющую роль в жизни Полякова. Князь обратил внимание на одарённого юношу. Под его руководством И.С. овладевает основами естественных наук. В 1866 г. он уже не просто принимает участие в Олекминско-Витимской экспедиции П.А. Кропоткина, но становится полноправным соавтором научного отчёта. Зоологическая часть отчёта, целиком написанная 22-хлетним И.С. Поляковым, обратила на себя внимание Сибирского отдела РГО. Летом 1867 г. отдел выдаёт ему субсидию для самостоятельных исследований в Восточных Саянах и Тункинской котловине. В августе того же года, с помощью своего старшего друга П.А. Кропоткина, И.С. получает отставку из действующей армии «для поступления в одно из высших учебных заведений Российской Империи, на собственный счёт...» [Никонова 2004: 159].

Выпускнику Иркутской военной начальной школы нелегко было попасть в университет. Многие месяцы И.С. перебивался частными уроками, одновременно готовясь к сдаче экзаменов за курс гимназии. «Несколько раз проваливался он по латыни, но, наконец, в Харькове, живя, по его словам, в весьма поэтической квартире, в которую... не иначе можно было попасть, как с крыши через окно, ему удалось выдержать экзамен...» [Анучин 1952: 98]. Осенью 1874 г. И.С. Поляков с отличием заканчивает Естественное отделение Физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, со степенью кандидата. Затем он выдерживает экзамен на степень магистра зоологии, защищает диссертацию и назначается хранителем зоологических коллекций Академии наук. Кратковременный арест

[1] В некоторых публикациях год рождения И.С. Полякова указан ошибочно: 1847. Поэтому иногда считается, что он покинул родной дом двенадцати лет от роду.

по делу его учителя П.А. Кропоткина, ставшего революционером-анархистом, не отразился на судьбе ученика, хотя никаких полезных для следствия показаний от Полякова получить не удалось.

В 1870-х гг. молодой учёный ведет активные полевые работы на средства Академии наук и Русского Географического общества — на Русском Севере, на верхней и средней Волге, в долине Оби, на Алтае, Урале, Кавказе и т.д. Бывает он и в зарубежных командировках — в Швеции, Дании, Австрии, Германии, Франции. Основным предметом его занятий служит зоогеография, но, помимо того, Поляков проявляет неизменный интерес к этнографии изучаемых регионов и всем имеющимся там остаткам каменного века. Географическое общество трижды удостаивало И.С. Полякова медали, причём в последний раз (1879 г.) малая золотая медаль была присуждена ему именно за труды в области истории древнего человека — в год открытия палеолита Костёнок.

Зоолог, археолог, этнограф, И.С. Поляков был талантливым популяризатором науки, пробовал свои силы и в литературе. Но жизнь его оставалась при этом одинокой и неустроенной. До сорока лет он отличался железным здоровьем и работал без отдыха, на износ. В одном из писем к родным есть такие слова: «От вас, глубоко уважаемый мною отец, и от покойной моей матери я получил в наследство здоровое тело и голову, и честное ваше имя. Имя моё и ваше знают теперь во многих местах...» [цит. по: Петряев 1954: 183].

Рис. 4. Иван Семёнович Поляков (1845–1887)

Но всему наступает предел. В 1881 — начале 1885 гг. Поляков провёл длительную экспедицию на о. Сахалин, посетив, по ходу дела, южный Китай, Японию и Сингапур. По возвращении в Россию оказалось, что его здоровье, прежде несокрушимое, пошатнулось. В марте 1886 г. И.С. приезжает в Москву в тяжелейшем состоянии: «У него не действовали ноги, он едва владел руками, голова была не в порядке: он сейчас же забывал, что говорил, и повторял иногда один и тот же вопрос до 17 раз без промежутков. Принятыми мерами он мало-помалу поправился и уехал в Петербург почти здоровым, но ему были строго запрещены научные занятия в течение года...» [Анучин 1952: 103].

Это улучшение было достигнуто стараниями знакомых московских врачей — Е.М. и К.М. Павлиновых. Увы, одинокий человек, не имевший иных средств к жизни, кроме скромного жалованья, не мог позволить себе такой роскоши, как годичный отпуск. Даже поездку в Москву для лечения ему пришлось оформить, как командировку от Академии наук. В очерке Д.Н. Анучина глухо упомянуты служебные неприятности, случившиеся у Полякова в последующие месяцы. В результате 5 апреля 1887 г. И.С. скончался в Петербурге, в приёмном покое Мариинской больницы. Он умер сорокадвухлетним, в самом расцвете творческих сил.

1.2.2. И.С. Поляков и начало исследований палеолита в России

И.С. Поляков стал автором первых научных монографий, посвящённых каменному веку России [Поляков 1873; 1880; 1882; см. также: Формозов 1983: 47–57]. Им же был написан соответствующий раздел для роскошного многотомного энциклопедического издания «Живописная Россия» [1881]. Оценивая труды Полякова в области палеолитоведения, С.А. Васильев отмечает, что их «стиль и содержание... ближе к традиционному жанру «учёных путешествий», с частыми экскурсами в область географии, этнографии и т.д.» [Васильев 1999: 11]. Конечно, это так, но справедливо и другое: «путевые заметки» И.С. Полякова весьма богаты содержанием и свежими, неординарными трактовками. Несомненно, учёный стоял у истоков целой серии новых подходов к изучению каменного века.

К числу их, в первую очередь, следует отнести первые опыты типолого-морфологической характеристики древних орудий, начатые им ещё в 1867–1868 гг., при обработке материалов дюнных стоянок Тункинской котловины. Как прирождённый систематизатор, И.С. уже в этой ранней работе сделал попытку выделить среди кремневых изделий отдельные типы и варианты и дать их описание [Поляков 1869: 140–142 и др.]. Аналогичные попытки делались им и позднее, в частности, применительно к кремнёвому материалу открытой им стоянки Костёнки 1/верхний слой. В частности, им был выделен и описан один из важнейших культуроопределяющих типов кремнёвых изделий данного комплекса — наконечник с боковой выемкой, названный «ланцетом» или «ланцетообразным орудием» (см.: Прил. 1). Конечно, эти первые опыты весьма несовершенны: сказалась общая неразработанность терминологии и слабая изученность самого материала. Но, так или иначе, данное направление научной мысли должно быть отмечено. И.С. Поляков выступил здесь уже не как натуралист, из чистой любознательности изучающий в поле культурные остатки. Он сделал первые шаги по пути построения новой науки — *первобытной археологии*.

Являясь эволюционистом в биологии, И.С. переносил эволюционный подход и в историю первобытности: «Человек, как все другие органические создания, подчиняется закону постепенного развития, — писал он, — ...в своей собственной организации и деятельности восходит от низшего состояния к высшему...» [Поляков 1881: 382]. Однако при этом он без колебаний признавал огромную роль миграций и культурного общения в истории человечества. «...Если бы не посторонняя помощь, — писал он, — если б не приток свежих сил извне, наши обитатели каменного века до сих пор ... продолжали бы свою жизнь в её более-менее первобытной форме...» [Там же: 401–402].

Важнейшим вкладом И.С. Полякова в первобытную археологию явилась разработка методики поиска стоянок палеолитического человека по признаку *совстречаемости культурных остатков с ископаемой мегафауной*. И.С. Поляков, горячий сторонник ледниковой теории П.А. Кропоткина, был убеждён, что территория России весьма благоприятна для поиска остатков палеолитической культуры. Их следует искать, в первую очередь, там, где обнаружены остатки мамонтов. Из отчёта С.-Г. Гмелина Полякову было хорошо известно о нахождении «слоновьих костей» на среднем Дону. И в 1879 г., отправившись по заданию РГО в «антропологическую поездку» по центральным районам России, он посещает с. Костёнки для того, чтобы обнаружить здесь следы деятельности первобытного человека — современника мамонта. Именно так — не случайно, а в результате проверки научной гипотезы — был открыт костёнковский палеолит.

В археологической литературе как-то успело закрепиться мнение, что в 1879 г. И.С. Поляков заложил здесь только один раскоп (причём, по случайному принципу) и открыл, в результате, одну стоянку — Костёнки 1/верхний слой. Это не так. В действительности, первое, что предпринял И.С. по приезде в Костёнки, была тотальная разведка всего района — его топографии, почв и геологических позиций остатков мегафауны. Уже располагая всеми этими данными, учёный целенаправленно выбрал место для своих будущих раскопок.

«13 июня я совершил экскурсию поперёк долины Дона и по левому его берегу... — читаем мы в его книге. — На следующий день был осмотрен правый берег Дона, с его обрывами и лугами. 15 июня я обошёл вершины всех оврагов, лежащих около Костёнок, осмотрев при этом целый ряд обнажений почвы. После этих четырёхдневных странствований, я имел возможность более или менее ознакомиться с топографией местности, с распределением почв, а вместе с тем получил ряд указаний относительно мест, в которых залегают ископаемые остатки.

...Разбирая условия залегания костей, я пришёл к тому заключению, что в одном случае они лежат в тех именно местах, где животное погибло... в другом они находятся во вторичных пластах, будучи увлечены, в особенности, водой из своего первоначального местозалегания. Случаи второго рода мне пришлось наблюдать много раз... Интереснее для меня было найти кости в их первоначальном положении, и для этого мне предстояло сделать раскопку. Но так как остатки вымерших животных лежат на различных высотах... то при этом необходимо было взять во внимание топографию всей местности...» [Поляков 1880: 15–16].

В конечном счёте, внимание Полякова остановила местность по левому берегу Покровского ручья (что, безусловно, делает честь его интуиции!). Здесь он начал искать «местечко, которое бы не было подмываемо ни донскою водой, ни ручьевой» [Там же: 21]. Такой пункт вскоре нашёлся (см.: Прил. 1). И.С. Поляков получил возможность заложить первый раскоп и убедиться, что его предположения подтвердились полностью. В суглинке под современной почвой вместе с костями мамонта залегали и остатки деятельности древних людей: кремни и скопления угля. Так был открыт один из самых интересных памятников

Костёнковско-Борщёвского района — верхний культурный слой многослойной стоянки Костёнки 1, впоследствии получившей в честь первооткрывателя свое второе имя: «стоянка Полякова».

Первый раскоп, заложенный на усадьбе псаломщика Ф.А. Мануилова, имел размеры ~4×3×1,7 м. Углы его были ориентированы по странам света. В нём обнаружилось два чётких скопления золы, пережжённых костей и угля. Учёный не преминул отметить, что именно эти скопления сопровождались находками кремнёвых орудий, тогда, как в остальных местах обнаружены лишь отходы кремня. Основные земляные работы выполняли крестьяне-землекопы, но указанные «пепелища» археолог разбирал сам, стараясь проследить закономерности распределения находок в слое. «...В таких пунктах человек жил и разводил огонь; здесь он сидел, отдыхал и грелся, также готовил себе пищу... Из числа орудий, встречающихся обыкновенно с массою костей, золы и угля, большая часть — самые лучшие экземпляры, хорошо, даже изящно обделаны. В других же местах, где мало костей, встречаются только осколки кремня; значит, около пепелища человек употреблял орудия в дело, здесь, в то же время, он готовил их, отбрасывая осколки в сторону от очага...» [Там же: 24].

В Покровском логу И.С. Поляковым было заложено ещё три раскопа. Одним из них стала траншея 4×1,4 м, параллельная северо-западной стене первого раскопа и отделённая от него, примерно, полутораметровой перемычкой. Проложить её ближе не было возможности, так как между раскопами проходил забор, разделявший крестьянские усадьбы. В этой траншее Поляковым также был зафиксирован край «пепелища», с многочисленными фрагментами мамонтовых бивней, которые «лежали... горизонтально или торчали из земли почти стоймя». Учёный подметил и другое: кости мамонта были как бы «сортированы» — лопатки и бивни образовывали более-менее компактные скопления. Принадлежали они животным самых разных возрастов, причём, по определению самого Полякова, на раскопанном небольшом участке присутствовали остатки не менее 10 особей [Там же: 26–27].

Третий раскоп был заложен в 50–60 саженях от первых двух, близ погреба крестьянина Фокина. Он также представлял собой траншею ~4×1 м, глубиной немногим более 1,5 м. Здесь не обнаружилось остатков жилищ или очагов. Однако Поляков нашел отдельные отщепы кремня, кусочки перегоревших костей и осколки зубов мамонта. Все они залегали «на глубине 1,5 метра, в слое, лежащем между чернозёмом и глиной» — том самом, к которому была приурочена и масса культурных остатков в первых двух раскопах.

Наконец, четвёртый раскоп (траншея) располагался в ~420–430 м к северо-востоку от первого, во дворе крестьянина Григория Шаева. Здесь ещё ранее находили кости мамонта. И.С. Поляковым было открыто скопление таких костей (исключительно трубчатых), сопровождавшихся отдельными кремнёвыми отщепами. Кости не были расколоты. На одной из них учёный заметил следы погрыза зубами небольшого хищника. Это позволило ему сделать вывод, что «кости лежали ещё свежие ... в некоторой дали от человеческого жилья...» [Там же: 30–31]. В дальнейшем этот последний раскоп И.С. Полякова был идентифицирован с верхнепалеолитической стоянкой Костёнки 18.

Уезжая из Костёнок, И.С. Поляков планировал вскоре вернуться туда для новых исследований. Но внимание его оказалось надолго отвлечено — сначала защитой магистерской диссертации, поступлением на службу в Академию наук, затем уже упоминавшейся выше экспедицией на о. Сахалин, необратимо подорвавшей его здоровье. Возможно, сыграло свою роль и то, что, вернувшись в Европу, И.С. Поляков уже не застал в живых своего доброго друга графа А.С. Уварова — великого энтузиаста исследований каменного века в России.

Современная историография склонна, скорее, противопоставлять друг другу этих двух учёных. А.С. Уварова не без основания считают основоположником «исторического подхода» к изучению каменного века — родоначальником представлений о единстве всех отделов археологии — от первобытной до позднесредневековой [Васильев 2008: 19]. Поляков же представлял собой археолога-естествоведа. Он отталкивался от естественнонаучных данных (наиболее понятных ему!) и реконструировал картину «древнего быта» каменного века на их основе, с привлечением данных этнографии. Археология эпохи металлов мало его интересовала. Порой его называют одним из первых русских «палеоэтнологов», поставивших себе целью «уяснить роль природы в судьбе человека и... обозначить изменения, произведённые человеком в природе» [Жук 1987: 18].

В изложении современной историографии обе очерченные позиции зачастую выглядят непримиримыми [Васильев 2008: 20]. Однако при жизни А.С. Уварова и И.С. Полякова между ними не возникало никаких принципиальных разногласий. Обладая научной подготовкой в различных, но соприкасающихся областях, они не столько спорили, сколько дополняли друг друга в своей кипучей деятельности. В частности, А.С. Уваров неоднократно привлекал И.С. Полякова к совместным работам, и тот с готовностью откликался на эти приглашения.

«21-ого июня 1878 г. — читаем мы в одной из его монографий, — я приехал сюда [в с. Карачарово. — *авт.*] и остановился в усадьбе графа А.С. Уварова... Я нашел здесь графа А.С. Уварова и его супругу, а также профессора В.Б. Антоновича в полной деятельности... После моего приезда экскурсии и раскопки... начали повторяться целою дружною компанией, которая разделялась только в том случае, если граф Уваров с его спутниками предпринимал раскопки, касающиеся более новых времен, чем каменный век... В усадьбе у высокоуважаемого мною хозяина, вместе с самым радушным гостеприимством, я нашёл уже богатые коллекции из Волосова и окрестностей Карачарова...» [Поляков 1882: 80–81].

В феврале 1879 г. И.С. Поляков охотно принял участие в чтении задуманного А.С. Уваровым курса публичных лекций по археологии в МАО. Для этого он специально, по просьбе устроителя, приехал в Москву из Петербурга [Уваров 1910: 200]. Основные выводы А.С. Уварова, сделанные по материалам раскопок Карачаровской палеолитической стоянки, встретили поддержку Полякова. Не возникло у них разногласий и в таком принципиальном вопросе, как наличие специализированной охоты на мамонтов в палеолите. Этот последний тезис Уварова — Полякова немедленно оказался оспорен В.В. Докучаевым, склонным объяснять наличие мамонтовых костей на стоянках исключительно собирательством и трупоедством [Там же: 7–8]. Так было положено начало вековому спору, который ведется палеолитоведами до сих пор и никак не может прийти к своему завершению (см.: 7.6)[1].

Продолжить археологические работы на Среднем Дону, столь удачно им начатые, И.С. Поляков не сумел. Но имя первооткрывателя Костёнок навсегда осталось в истории российской археологии.

1.3. От И.С. Полякова до Костёнковской палеолитической экспедиции

В 1881 г., по горячим следам И.С. Полякова, на стоянке Костёнки 1 произвёл небольшие раскопки член МАО А.И. Кельсиев [1883]. Вообще, 1870-е — начало 1880-х гг. представляли собой короткий, но яркий период непрерывных открытий в области палеолита в России. В 1871 г. был обнаружен Иркутский Госпиталь, в 1873 г. – Гонцы, в 1877 г. — Карачаровская стоянка, в 1879 г. — Костёнки, в 1879–1880 гг. — палеолит Крыма — стоянки Волчий Грот, Сюрень 1, Качинский навес и т.д. Однако в последующие годы интерес к палеолиту в нашей стране стал быстро затухать. В частности, следующим по времени исследователем Костёнок оказался геолог из Харькова Н.И. Криштафович, шурфовавший стоянку почти четверть века спустя (1904 г.) [Криштафович 1906]. Сколько-нибудь серьёзного научного значения его работы не имели. Часть коллекции, депаспортизованной в ходе 1 Мировой войны и революции, в конце концов, попала в Общественный музей археологии в Варшаве [Праслов, Желтова 2007].

Рис. 5. Александр Андреевич Спицын (1858–1931)

В 1905 г. Воронежскую губернию посещает археолог-энциклопедист, великий систематизатор русской археологии А.А. Спицын (1858–1931). В ходе осмотра славянских городищ в соседнем с Костёнками с. Борщёво ему посчастливилось открыть там новую палеолитическую стоянку — Борщёво 1 [Исследования... 1908: 82–84]. Материалы были переданы в Москву В.А. Городцову, с пожеланием произвести раскопки. Но, несмотря на поддержку этой идеи в МАО [Древности 1909: 124], исследования так и не начались.

[1] Характерно, что В.В. Докучаев, подвергший жёсткой критике монографию А.С. Уварова [1881], критиковал её отнюдь не за общий подход к предмету. Достаточно оценить сам объём естественнонаучных разделов в книге Уварова, чтобы понять, какое внимание придавал сам автор этой стороне исследований. Раздражение рецензента вызвало откровенное предпочтение, оказанное им «ледниковой гипотезе» и теории происхождения лёссов П.А. Кропоткина [Докучаев 1882: 12–14]. Не приходится сомневаться, что А.С. Уваров склонился к точке зрения П.А. Кропоткина именно потому, что главным его консультантом в данных вопросах был И.С. Поляков.

Затем, уже в 1915 г. польский археолог С.А. Круковский провёл обширные раскопки в Костёнках, на стоянке Полякова. Целью этих работ являлся сбор коллекции каменных орудий, которую Круковский собирался перевезти в Польшу для передачи частному коллекционеру, который, вероятно, и финансировал эти работы. Материалы оказались частично конфискованы на таможне, а позднее переданы в фонды Воронежского краеведческого музея. Несмотря на обилие находок (несколько сот орудий), их научная значимость невелика. Полевая документация раскопок, если и была, исчезла бесследно.

Тем не менее, из раскопок С.А. Круковского происходит первая по времени находка женской статуэтки — обломок торса палеолитической «венеры», вырезанной из мергеля. «Верхняя часть её не сохранилась; ноги изображены лишь до колен; сильно отвислый живот; грудь не передана...» [Замятнин 1922: 7, рис. 3]. Как видно по рисунку, данная статуэтка вполне вписывается в канон, в котором, как показали дальнейшие исследования, выполнено подавляющее большинство виллендорфско-костёнковских «венер».

В начале 1920-х гг. конфискованную коллекцию С.А. Круковского обработал в Воронежском музее ***Сергей Николаевич Замятнин*** (1899–1958), ставший впоследствии одним из основоположников советского палеолитоведения (см.: 1.4.1). В своей брошюре, опубликованной в 1922 г., он писал, что условия находок Круковского «сходны с результатами, добытыми И.С. Поляковым и А.И. Кельсиевым» [Замятнин 1922: 7]. Но при этом оговаривал любопытный момент: «Им [Круковским. — *авт.*], так же, как и раньше, обнаружены следы кострищ, *залегавшие однако не на одинаковой высоте*, в которых и были собраны находки, представляющие остатки деятельности палеолитического человека. Костёнковская стоянка... относится к новейшему палеолитическому периоду. Однако, даже при самом беглом ознакомлении с находками С. Круковского, приходится, оставаясь в тех же хронологических рамках, приписывать ей большую продолжительность существования и древность, чем это делалось обыкновенно... [курсив наш, — *авт.*]» [Там же].

Рис. 6. Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958)

Эти замечания С.Н. Замятнина наводят на мысль, что раскопками 1915 г., возможно, оказался затронут не только верхний слой Костёнок 1, который изучали Поляков и Кельсиев. Упоминание о кострищах, залегавших «не на одинаковой высоте», свидетельствует о том, что в шурфах С.А. Круковского наблюдалось *несколько* культурных слоёв, по-видимому, интенсивно окрашенных, с примесью угля.

При отсутствии в музее документации этих раскопок, указанные сведения могли быть основаны или на личных впечатлениях, или на рассказах очевидцев, принимавших участие в работах. Таковые в кругу Замятнина, безусловно, имелись — в первую очередь, крестьянин П.И. Богданов, ставший первооткрывателем стоянки Костёнки 2 (см.: 7.3). Но и сам С.Н. в 1915 г., будучи выпускником гимназии, принимал участие в археологической экспедиции, организованной местной Губернской учёной архивной комиссией [Акиньшин 2002: 210]. Нет ничего невозможного в том, что воронежские краеведы посетили тогда раскоп приезжего польского археолога. Если так, то именно юношеским впечатлениям С.Н. Замятнина мы обязаны тем немногим, что нам известно об условиях находок С.А. Круковского. Разумеется, подобных воспоминаний было недостаточно для того, чтобы утверждать в публикации 1922 г. многослойный характер стоянки Полякова. Этот вывод сформулировал лишь 10 лет спустя П.П. Ефименко, уже на основании собственных шурфовок 1931–1932 гг. [Палеолит... 1982: 42].

Почему же исследования костёнковского палеолита, так удачно начатые в 1870-х гг., заглохли в дальнейшем почти на полвека? — Ответ на этот вопрос включает два аспекта — организационный и идеологический. На начальных этапах исследования каменного века в России разведочные работы, производившиеся учёными-одиночками, как правило, в комплексе с географическим и этнографическим обследованием региона, являлись оптимальной организационной формой. Но раскопки палеолитических памятников — дело трудоёмкое и дорогостоящее. За первыми разведками должно было последовать снаряжение крупных экспедиций. Препятствия к переходу исследований на эту новую ступень возникали в иной плоскости — чисто идеологической.

Первобытная археология второй половины XIX в., была тесно связана с естественными науками — геологией и палеонтологией. На том этапе развития естествознания это означало неизбежную связь её с либерально-революционными и атеистическими идеями. В России указанная связь проявилась особенно ярко — не столько в научных, сколько в околонаучных кругах разночинной интеллигенции. Но всё же изучение первобытности — в любом её аспекте — имело прямой и непосредственный «выход» в историю, причём на такой принципиально важный её отрезок, как начальный этап истории человечества. В связи с этим неизбежно вставали «ненужные» вопросы о движущих силах истории, о происхождении человека и т.п. Они напрямую затрагивали животрепещущие идеологические проблемы. Поэтому, с усилением консервативных тенденций во внутренней политике России после убийства Александра II, власти, в первую очередь, позаботились об изоляции науки о первобытности от комплекса исторических наук.

Приведём лишь один пример, как это осуществлялось на практике. В начале 1880-х гг. на историко-филологическом факультете Московского университета действовала кафедра антропологии, во главе с Д.Н. Анучиным. «Антропология» понималась им весьма широко, как наука, включающая, в частности, комплексное исследование Человека в первобытную эпоху. Именно в указанный период Д.Н. Анучиным были начаты и собственные работы по обследованию археологических памятников России (1882 г.).

По новому университетскому уставу 1884 г. кафедра антропологии оказалась ликвидирована. Тем не менее, историко-филологический факультет настоял на открытии у себя новой кафедры близкого профиля — географии и этнографии. Сменилась лишь «вывеска»: чтение курса антропологии было продолжено. Видимо, тогда в университетских кругах ещё доминировало представление о полной уместности преподавания науки о первобытности именно здесь, в комплексе с историческими дисциплинами. Однако в 1888 г. этому был положен конец: кафедру Д.Н. Анучина перевели с историко-филологического на физико-математический факультет [Д.Н. Анучин... 1900: 2–4].

В результате, отечественное естествознание, возможно, выиграло, но первобытная археология явно проиграла. Д.Н. Анучин всецело сосредоточился в своей научно-преподавательской работе на проблемах физической географии и физической антропологии. Наукой о первобытности он продолжал заниматься лишь постольку, поскольку, будучи человеком энциклопедического склада ума, продолжал следить за литературой и за работой научных обществ, в которых участвовал. Собственных полевых работ он не вёл, учеников-археологов не готовил. Таковые появились лишь на завершающем этапе его деятельности, в тот период, когда в Санкт-Петербургском университете уже начала складываться «школа Волкова». Число же их просто несопоставимо с той плеядой ученых-географов, которую Д.Н. Анучин воспитал, создавая отечественную географическую школу[1]. Разрыв с историей (организационный и тематический) на практике обернулся отходом от археологических исследований, как таковых.

Очень похожая ситуация сложилась в указанный период и в Санкт-Петербургском университете, где на естественном отделении физмата также функционировала кафедра географии и этнографии. При всём огромном интересе её руководителей (Э.Ю. Петри, Д.А. Коропчевского) к доисторической антропологии и археологии, подготовка специалистов-»первобытников» на кафедре не велась. Она началась лишь на рубеже 1900–1910-х гг., с приходом туда Ф.К. Волкова [Тихонов 1995; Платонова 2003; Руденко 2003].

Истоки данной тенденции не вызывают ни малейших сомнений. По крайней мере, в России она явно подталкивалась «сверху». Давление было неизбежным, особенно, если учесть остроту противостояния. Конечно, даже в самые «чёрные годы реакции» это противостояние не принимало таких диких форм идеологического террора, как позднее в СССР. Но этого и не требовалось. «Археология — наука богатых», — вполне справедливо указала графиня П.С. Уварова. Совсем не обязательно *запрещать* изучение палеолитических стоянок. Достаточно *не поощрять* их, то есть не финансировать. Возможностью производить раскопки за собственный счёт археологи, по большей части, не располагали.

Магистральный путь развития русской археологии XIX в. оставлял науку о первобытности в стороне.

---

[1] Археологами — учениками Д.Н. Анучина стали Б.С. Жуков и Б.А. Куфтин. Но их самостоятельная научная деятельность началась не ранее 1910-х гг.

1.4. Создание Костёнковской палеолитической экспедиции: П.П. Ефименко и «стадиальная концепция»

1.4.1. Первые шаги

В 1922 г. Костёнки и Борщёво посещает С.Н. Замятнин, в ту пору молодой хранитель археологического отдела Воронежского краеведческого музея, выпускник Московского археологического института (Воронежского отделения). За плечами у него большая работа по картированию и систематизации сведений об археологических памятниках Воронежской губернии, в том числе разборка коллекции Круковского [Акиньшин 2002: 210–212]. В 1922 г. он сам проводит небольшие раскопки на стоянке Полякова, а заодно собирает новые сведения о местонахождениях мамонтовой фауны и кремней в Костёнковско-Борщёвском районе [Праслов 1999: 6–7; Формозов 2004: 126–127].

Рис. 7. С.Н. Замятнин на раскопках в Борщёво.1920-е годы

В 1923 г. его усилиями была организована более крупная экспедиция. Возглавил её, по просьбе С.Н. Замятнина, археолог из Петрограда ***Петр Петрович Ефименко*** (1884–1969) — знающий палеолитовед, ученик Ф.К. Волкова, успевший до революции поработать с материалами старых раскопок Костёнок 1 [Ефименко 1915]. Этот первый сезон работ экспедиции был проведён на средства, выделенные Этнографическим отделом Русского музея (место основной работы П.П. Ефименко) и Воронежского краеведческого музея [Формозов 2004: 127]. Тогда же был достоверно зафиксирован ряд новых памятников, а в небольшом (35 м²) раскопе на стоянке Полякова найдена вторая палеолитическая «венера». На сей раз статуэтка оказалась вырезана из бивня мамонта и не уступала лучшим зарубежным образцам по мастерству изготовления и своеобразному изяществу.

Экспедиция 1923 г. открыла собой новый период в изучении Костёнковско-Борщёвского района. С этого момента здесь начинаются многолетние, целенаправленные исследования палеолита[1]. В 1920-х гг. это были ещё, в основном, разведки или раскопки ограниченными площадями. Поворотным моментом в исследованиях стал 1931 г., когда экспедиция ГАИМК во главе с П.П. Ефименко начала систематические раскопки стоянки Полякова широкой площадью. В ходе их стало ясно: проводимые здесь исследования дают такие материалы, без которых невозможно представить общую картину развития верхнепалеолитической культуры

В первой половине 1930-х гг. в Костёнковско-Борщёвском районе было открыто уже полтора десятка верхнепалеолитических стоянок. Тогда же археологи впервые обнаружили, что некоторые из них

[1] В период до 1931 г. пропущенными оказались только сезоны 1924 и 1930 гг. В 1926–1927 гг. экспедицию возглавлял С.Н. Замятнин — уже в качестве аспиранта ГАИМК, в остальные годы — П.П. Ефименко.

Рис. 8. Начало Костёнковской палеолитической экспедиции.
Шурф П.П. Ефименко на Костёнках 1. 1920-е годы

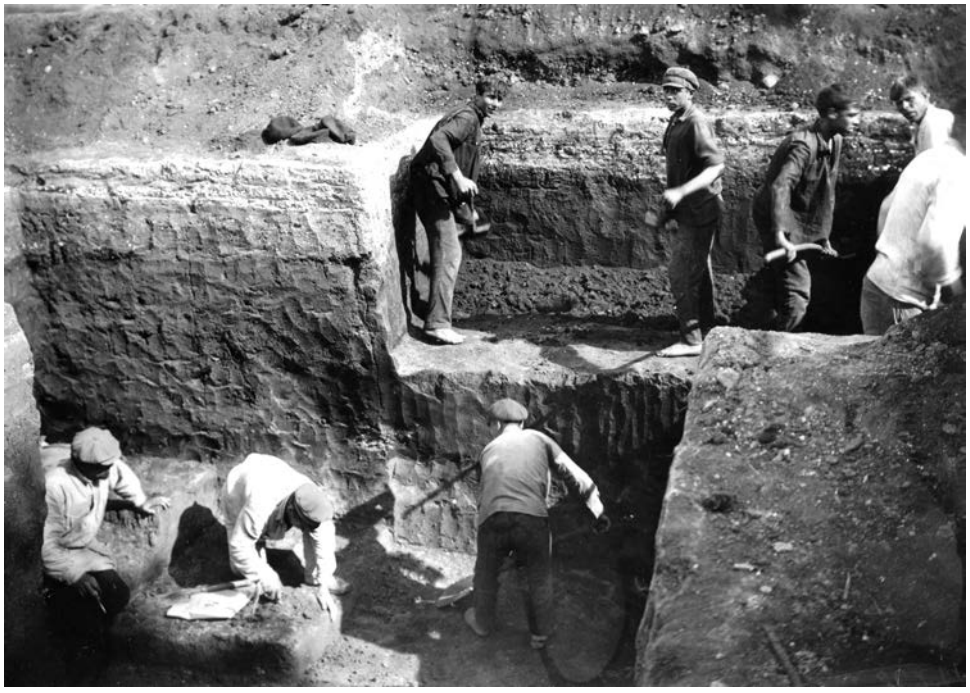

Рис. 9. Раскопки П.П. Ефименко на Костёнках 1. 1920-е годы

являются многослойными, то есть представляют собой особую ценность для хронологических построений, поскольку в них самих уже заложена «естественная хронология»: то, что лежит выше, заведомо моложе, то, что глубже — древнее. Но первоначально основные усилия Костёнковской палеолитической экспедиции сосредоточились на другом.

1.4.2. П.П. Ефименко и его позиции в науке

Общие взгляды П.П. Ефименко на цели и задачи первобытной археологии, реализованные им в ходе работ Костёнковской экспедиции, оформились не ранее рубежа 1920–1930-х гг. Произошло это, во многом, под давлением непростых обстоятельств. Поэтому стоит хотя бы кратко описать, как развивались научные представления учёного на разных этапах его деятельности.

Рис. 10. Петр Петрович Ефименко (1884–1969)

По своему мировоззрению П.П. Ефименко, несомненно, был материалистом и демократом, воспитанным на идеях Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева [Формозов 2004: 115]. В юности, учась в Харьковском университете, он участвовал в революционном движении, вступил в партию меньшевиков. Из-за участия в студенческих беспорядках 1905 г. П.П. был вынужден покинуть Харьков. После амнистии он продолжил учёбу в Петербурге, где, по-видимому, с 1909 г. серьёзно занялся наукой. Во всяком случае, после 1908 г. сведений о его участии в революции уже нет.

Это были годы, когда в Санкт-Петербургском университете под руководством Ф.К. Волкова создавалась «палеоэтнологическая школа». Ефименко стал одним из старших учеников мэтра. В 1909 г. он был послан своим учителем исследовать Мезинскую стоянку. Работы провёл неумело, зато собранные материалы поразили всех и, в первую очередь, самого раскопщика. «...Они почти сразу наткнулись на богатейшие залежи, — писал Ф.К. Волков в письме к С.И. Руденко, — где оказались обработанные кости и поделки из слоновой кости. Эти последние заключают в себе иглы, куски мамонтовых бивней с надрезами и т.п. и, наконец, такие вещи, которых никто до сих пор не находил... Само собой разумеется, что Пётр Петрович совсем и голову потерял над всем этим...» [Руденко 2003: 364]. Увлечение палеолитом сохранилось у П.П. Ефименко на всю жизнь.

Важность идейного наследия Ф.К. Волкова Ефименко признавал всегда. «...С 1909–1910 по 1920 год, — указывал он в одном из своих публичных выступлений в ГАИМК в начале 1937 г., — вероятно, в России был единственный человек, который работал по палеолиту, и этим человеком был я. Правда, были и Спицын, и Хвойко, и Щербаковский, но дело в том, что я попал в довольно счастливую обстановку. Мне удалось, благодаря тому, что моим учителем был Волков, сразу же, со студенческой скамьи, ясно осознать: для того, чтобы продвигать вопросы нашего палеолита, необходимо полностью освоить опыт западноевропейского... За границей и имел возможность поработать во многих десятках крупнейших музеев...» [РО НА ИИМК, ф. 2, 1937, д. 35, л. 107 об. — 108].

Пожалуй, говоря так, П.П. не сильно ошибался. Уже в начале 1910-х гг. именно он стал автором «первых профессиональных исследований по палеолиту в полном смысле этого слова» [Васильев 1999: 11]. Он разработал основы русской номенклатуры палеолита и дал первые квалифицированные типологические описания материалов отдельных памятников. Развитие культуры палеолита, несомненно, виделось ему в эволюционистском ключе, как и его учителю Ф.К. Волкову. Однако уже в работах 1915 г. начинают проскальзывать совсем иные идеи и подходы.

«В основе доисторической археологии как науки, имеющей дело с непрерывной и последовательной сменой форм, в которую укладывается прогресс человеческой техники и быта... — читаем мы в статье Ефименко о каменном веке Палестины, — лежит плодотворная идея эволюции... Вторым, не уступающим по важности своей моментом для доисторической археологии является изучение областей (areal) распространения и путей миграции отдельных элементов культуры и целых культурных комплексов, воздействия одних областей (высших) на другие (отсталые), иными словами, изучение той реальной обстановки, в которой осуществлялся неустанный и неуклонный прогресс человеческой культуры...» [Ефименко 1915а].

Таким образом, в середине 1910-х гг. в основе подхода П.П. Ефименко к археологическому материалу лежали представления о «непрерывной и последовательной смене форм», обусловленной, как саморазвитием культур, так и их постоянным взаимодействием. В работах 1920-х гг. он уже напрямую говорит о сосуществовании разных «культурных типов» в палеолите и соотносит их с разными географическими ареалами [Ефименко 1928].

Стимулы к развитию культур Ефименко усматривал в тот период в изменениях природной среды. К этой идее подталкивала его сама логика развития русской палеоэтнологии, всегда рассматривавшей археологические данные в контексте данных физической географии и в тесной взаимосвязи с ними. Указанный подход к исследованиям имел глубокие корни на русской почве в трудах К.М. Бэра, И.С. Полякова, А.А. Иностранцева, Д.Н. Анучина, Ф.К. Волкова и др. Признание воздействия природы на человека основным двигателем развития представляло собой следующий шаг на этом пути, и Ефименко был готов его сделать, хотя «имевшийся тогда материал не позволял продвинуться в этом вопросе дальше догадок» [Васильев 1999: 19].

Однако в 1929–1930 гг. наступил кризис. В ГАИМК был брошен лозунг: «За марксистскую историю материальной культуры». От археологов в приказном порядке потребовали перестроиться и разрабатывать только «марксистские методы». Сопротивление этой установке было чревато потерей работы, потерей возможности заниматься наукой, а то и чем похуже — тюрьмой.

Сам П.П. Ефименко, старый меньшевик, несомненно, был марксистом по убеждениям. Однако марксизм долго «не совмещался» в его сознании с наукой о палеолите.

«...В 1927–1928 году я стоял совершенно в стороне от марксизма. — говорил он впоследствии. — Мне представлялось странным: ну, хорошо, марксизм, прекрасно, но как его применить к палеолиту, к нашему материалу, к камню? Мне представлялось это совершенно различными вещами — общее мировоззрение, научная методология и совершенно специфическая область знания... В следующие годы начинается процесс освоения, настоящего освоения марксизма. Это очень тяжёлая работа... ибо нелегко, исходя из анализа материала, углублять те положения, которые дали нам основатели марксизма...» [РО НА ИИМК, ф. 2, 1937, д. 35, л. 108–109].

Что же означало на практике это «углубление положений» марксизма на археологических материалах? «Марксизация» археологии понималась на рубеже 1920–1930-х гг., как её социологизация. Тогда же было выработано представление об идеологическом враге — «буржуазной археологии», якобы направленной только на описание и систематизацию вещей и упорно не желающей вскрывать социальные отношения древних обществ. Эта «чисто вещеведческая» дисциплина якобы служила классовым интересам буржуазии, отвлекая пролетариат от революционной борьбы и оправдывая колонизаторскую политику.

В противовес ей, основной задачей советской археологии провозглашалось раскрытие социально-экономических отношений, выражающих основные закономерности исторического процесса. Единствен-

Рис. 11. На раскопках в Костёнках. Начало 1930-х годов.
В середине — П.П. Ефименко, справа — П.И. Борисковский

Рис. 12. Раскопки на Костёнках 1. Середина 1930-х годов. Слева направо: П.П. Ефименко и А.Н. Рогачёв

ной теоретической основой для этого являлся, разумеется, марксизм-ленинизм, а методом — марксистская диалектика. Разумеется, в этой схеме уже не находилось места для рассуждений о сколько-нибудь серьёзном влиянии природных факторов на развитие культуры. К собственно научным методам, применяемым в археологии — в первую очередь, типологическому — отношение было в лучшем случае настороженным, а чаще резко отрицательным, как к идеологической диверсии, изобретённой буржуазными вещеведами в своих целях (разумеется, гнусных!).

На деле, проблема упиралась не в идеологию, а именно в методику. Ни один хоть сколько-нибудь серьёзный западный исследователь каменного века не отказался бы узнать сам и поведать человечеству, каковы были социальные отношения людей — современников мамонтов и шерстистых носорогов? Вопрос заключался в том, *как* это сделать? Как добиться результатов — не голословных, а *научных,* то есть доказательных?

П.П. Ефименко, прошедший в своё время школу Ф.К. Волкова, конечно, осознавал невероятную сложность этой проблемы и постарался справиться с нею, как мог. Не случайно именно он, как справедливо заметил потом П.И. Борисковский, «имел самое непосредственное отношение к созданию и первым шагам трасологии», активно поддерживая начинания своего аспиранта С.А. Семенова в разработке принципиально нового метода анализа каменных орудий [Борисковский 1989: 258]. Ведь прежде, чем говорить о социально-экономическом значении орудий труда, нужно хотя бы понять, *что делали этими орудиями те, кто их изготовил*?

Но самые заметные успехи были достигнуты в области полевой археологии. П.П. Ефименко понимал недостатки принятой тогда методики поквадратного («кессонного») вскрытия культурного слоя. При этой методике каждый квадрат прокапывался на всю глубину, до исчезновения находок. Встреченные предметы фиксировались и тут же снимались. Задачи проследить планиграфию палеолитических поселений, выявить остатки жилищ и других объектов, по сути, даже не ставились.

В начале 1930-х гг. П.П. Ефименко начинает работать по-иному — не квадрат за квадратом, а широкими площадями. Непосредственным толчком в данном направлении стала для него находка С.Н. Замятнина, который в 1928 г. зафиксировал в обрезе случайной ямы в Гагарино полный профиль палеолитической землянки, а затем исследовал остатки жилища в плане. Так, значит, фиксация таких объектов возможна! Надо только искать их... Цели, на которые был направлен метод широких площадей, несомненно, связывались с очерченными выше глобальными задачами. Ведь подлинному учёному ясно:

Рис. 13. Костёнки 1/I. Раскопки первого жилого комплекса. 1934 г.

прежде чем рассуждать о социальных отношениях, нужно хотя бы узнать, *как был организован посёлок* тех, чьи социальные отношения предполагается раскрыть?

Новый подход позволил проследить взаимную связь находок в плане, выявить различные конструктивные детали и в частности, остатки жилищ. Указанная методика, при всех её издержках, оправдала себя при раскопках Костёнок 1/верхний слой. В 1931–1936 гг. там были открыты остатки сложного жилого комплекса, включающего крупные хозяйственные ямы и землянки, множество более мелких ям-хранилищ, очаги сложной конструкции и проч. Объекты располагались в строгом порядке: крупные ямы и землянки — по краю большого овала 36×15 м. По его центральной оси располагалась линия из девяти очагов, а вокруг — многочисленные ямки-кладовые различной формы и глубины (см.: 6.3.2, рис. 103–104). Перед археологами возникла наглядная и очень яркая картина долговременного поселения, сложного образа жизни древних охотников на мамонтов, не вписывающаяся в привычные представления о бродячих дикарях, не знавших оседлости. Это было, действительно, новое слово в археологической науке. Позднее остатки жилищ иных форм были обнаружены при раскопках Костёнок 4 и Костёнок 8/I.

Но подлинно научный путь решения сложной проблемы невероятно труден и долог, а результаты всегда скромны. Идеологическое руководство требовало прямо противоположного — немедленных и ошеломляющих результатов, таких, о которых «буржуазная наука» и мечтать не смеет! Научность? — Всё просто: подлинно научным подходом является лишь неуклонное следование основополагающим принципам марксизма. А неотъемлемой частью марксизма, его «специальным лингвистическим отделом» считалось в 1930-1940-х гг. «новое учение об языке» Н.Я. Марра [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. № 619. Л. 16–29]. Основой его служил универсальный метод "палеонтологии речи", якобы позволявший проникнуть в отдаленнейшие уголки сознания древнего человека, реконструировать его мыслительные процессы, дать объяснение фактам истории материальной культуры, перед которыми иные, собственно археологические методы оказывались бессильны. На практике это позволяло, с видимым наукообразием, *доказывать абсолютно все, вплоть до самого откровенного абсурда*.

Социальный заказ надо было выполнять. И всё-таки П.П. Ефименко сделал всё возможное для научного, фактологического обоснования своих реконструкций. Он выдвинул идею о возникновении в эпоху верхнего палеолита родовой организации: «У нас имеются все основания думать, что история верхнепалеолитического общества является не чем иным, как историей возникновения и развития того, что следует за первобытной кровнородственной семьей, — родового или родоплеменного строя, характеризующегося экзогамией и матриархальной организацией родовых групп...» [Ефименко 1938: 344].

Опорой социологических построений для П.П Ефименко послужила известная схема Моргана — Энгельса. Археологическая же аргументация сводилась к наличию на палеолитических стоянках долго-

временных жилищ, свидетельствующих, по его мнению, не просто об определённой оседлости, но и о родовом строе, и женских статуэток, свидетельствующих о матриархате. Привлечены были также некоторые этнографические данные, напрямую связываемые автором с археологическими источниками [Ефименко 1931].

Конечно, в таких построениях едва ли можно усмотреть осознание необходимости строго научной критики источников и осторожного обобщения добытых фактов. Но не забудем, что стремление связать воедино формы женских статуэток, условия их залегания и свидетельства этнографии явилось одной из первых попыток создать научную методику реконструкции социальных отношений в палеолите по археологическим данным. Да, с современной точки зрения, эту попытку можно считать неудачной. Однако результатом её стал опыт, который науке XXI века стоит учитывать. Ведь и сейчас мы ещё очень далеки от успешного решения указанных задач. Между тем, новейшие попытки социологической интерпретации палеолитических материалов (в частности, в англоязычной литературе) зачастую мало, чем отличаются от наивного отождествления палеолитических жилищ с родовым строем, а женских статуэток — с матриархатом.

Куда хуже обстояло дело с классификацией верхнепалеолитических памятников и построением их периодизации. Блестящий эрудит, знаток западной научной литературы, П.П. Ефименко не мог не ориентироваться на лучшие достижения французской школы палеолитоведения. В первой трети XX в. схема Г. де Мортилье — А. Брейля: ориньяк — солютре — мадлен — азиль, разработанная для верхнего палеолита Западной Европы, являлась единственной более-менее обоснованной хронологической схемой. Однако советский археолог 1930-х гг. мог использовать эту схему на практике, лишь обрядив её «в марксистские бармы» и основательно перетолковав всё её содержание.

Французские палеолитоведы основывали свои выводы на типологии каменных орудий и геологической стратиграфии. П.П. Ефименко, в свою очередь, брал за основу французскую схему, но стремился усмотреть за ней нечто большее: *проявление общеисторических закономерностей развития первобытного общества*. Саму же схему Мортилье — Брейля он оценивал, как «отвлечённое построение, далёкое от исторической действительности» [Ефименко 1953: 314].

Предполагалось, что изменения форм каменных и костяных орудий в эпоху верхнего палеолита происходили более или менее одинаково, по крайней мере, в пределах Евразии. Иными словами, эти изменения отражают *стадии исторического развития,* единые для всего человечества. В результате, основным ступеням французской периодизации было голословно придано социологическое значение. Так, по Ефименко, «ориньяко-солютрейское время» характеризовалось «более или менее оседлым типом охотничьего хозяйства», «мадленское время» отличалось «своеобразным хозяйственно-бытовым укладом охотников-номадов», а «азильское время» — упадком охотничьего хозяйства верхнепалеолитического общества [Ефименко 1938: 328–329]. Так возникла *стадиальная концепция* развития верхнепалеолитической культуры.

Соответствующим образом Ефименко оценивал и восточноевропейские материалы, прежде всего — добытые Костёнковской экспедицией под его руководством. Однако для Восточной Европы он ввёл более дробные подразделения: семь ступеней, включая «азильское время» (см.: 2.2.2). Заметим, что материалы костёнковских стоянок использовались при выделении каждой из этих ступеней, а в четырёх случаях дали им название.

Но как распределять по «фазам» и «ступеням» конкретные верхнепалеолитические стоянки? У французских археологов для этого использовались два чётких критерия: стратиграфия и типология каменного и костяного инвентаря. При стадиальном подходе характер кремнёвого инвентаря как массового материала, якобы непосредственно отражающего общеисторические закономерности развития производительных сил, выдвигался на первый план, а геологическая стратиграфия представлялась менее значимой для атрибуции памятника. Однако ни сам П.П. Ефименко, ни его последователи даже не пытались выработать сколько-нибудь чёткие технико-типологические критерии для сравнения коллекций, сопоставления их с западноевропейскими материалами и последующего распределения по стадиям. Причина проста: это могло быть сделано только на основе углублённых разработок типологического метода, а подобные занятия в 1930–1940-х гг. не только не поощрялись, но представляли собой реальную опасность. Советский археолог, решившийся на такое, рисковал быть обвинённым в «идеологической диверсии», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому на практике сопоставление восточноевропейских материалов с западноевропейскими и друг с другом производилось по интуиции, по смутному ощущению «похожести». Пожалуй, наиболее определённым признаком сходства выступала так называемая «солютрейская ретушь», за которую в те годы принималась любая двусторонняя покры-

вающая ретушь. Наличия в коллекции предметов с такой обработкой было достаточно для отнесения её к «ориньяко-солютрейскому времени».

С 1930-х до середины 1950-х гг. стадиальная концепция оставалась в советском палеолитоведении незыблемой. Она утвердилась настолько, что даже некоторые учёные-естественники стали датировать литологические горизонты по облику содержащихся в этих горизонтах археологических материалов, а не наоборот [Громов 1948].

Нужно отметить, что сам создатель «стадиальной парадигмы» оказался менее последовательным её проводником и защитником, нежели большинство его коллег и соратников. Уже в 1930-х гг. П.П. Ефименко был склонен рассматривать «ориньяк» и «солютре» как «лишь варианты в развитии техники обработки кремня», свойственные ранней фазе верхнепалеолитической эпохи [Ефименко 1938: 326][1]. В 1950-х гг., в связи с новыми открытиями в Костёнках, он уже с уверенностью писал о *множестве вариантов* сложения верхнепалеолитической культуры, особенно в ранний период. Не отказываясь в принципе от стадиальной концепции, он закономерно пришёл к идее существования в верхнем палеолите археологических культур, — синхронных, но заметно различавшихся между собой по характеристикам археологического материала [Ефименко 1958: 435]. Всё это отнюдь не кажется удивительным, если представить себе путь, который П.П. Ефименко прошёл в науке до 1930 г. Так в работах одного из основателей «стадиальной парадигмы» уже прорастали зёрна её разрушения.

1.5. Смена парадигм: Александр Николаевич Рогачёв и его идеи

Рис. 14. Павел Иосифович Борисковский (1911–1991). Фото 1941 г.

Среди учеников П.П. Ефименко были двое, начавшие свою научную биографию в Костёнковской экспедиции и посвятившие изучению этого региона долгие годы. Это ***Павел Иосифович Борисковский*** (1911–1991) и ***Александр Николаевич Рогачёв*** (1912–1984). Оба они стали крупными палеолитоведами, создавшими немало ценных научных работ, воспитавшими не один десяток учеников. Всю жизнь они проработали бок о бок, в Отделе палеолита ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН). Но по всем основополагающим вопросам археологической науки (исключая, конечно, декларируемую марксистскую основу советской археологии) взгляды их диаметрально расходились. Они редко были хоть в чём-то согласны друг с другом.

П.И. Борисковский принял и развивал стадиальную концепцию своего учителя, а А.Н. Рогачёву суждено было стать разрушителем этой концепции. И взгляды его сформировались опять-таки на основе изучения материалов Костёнковско-Борщёвского региона.

А.Н. Рогачёв начал работать в Костёнках с 1934 г. и быстро стал ближайшим помощником П.П. Ефименко. После завершения раскопок верхнего слоя Костёнок 1 и Костёнок 8, он возглавляет раскопки Костёнок 4 (1937–1938 гг.) [Платонова, Аникович 2005]. Анализ добытых там материалов, по его словам, впервые зародил сомнения в правильности стадиальной концепции. Дело в том, что раскопками там были открыты остатки жилищ двух типов: длинные, шириной 5,5 м и длиной

[1] Его ученик, П.И. Борисковский, рассматривал ориньяк и солютре как закономерные стадии развития верхнепалеолитической техники и орудийного набора [Борисковский 1953; 1954]. Так же трактовал их и наиболее упорный сторонник стадиальной концепции А.П. Черныш. С современных позиций более прав был П.П. Ефименко: на всей территории Европы верхний палеолит начинается в двух основных вариантах: «развитом» — к нему относятся культуры ориньякоидного технокомплекса, и «архаичном», представленном в Центральной и Восточной Европе селетоидным технокомплексом, содержащим листовидные двусторонне обработанные формы, в прошлом отождествлявшиеся с «солютрейской стадией.» Подробнее об этом см. главу 4.

до 34 м, и округлые, диаметром 6 м, примыкающие к одному из «длинных домов». Каменный инвентарь, собранный в них, резко различался: в длинных жилищах он имел, по тогдашним представлениям, «мадленский облик», а в округлых — типичный «ориньяко-солютрейский». Вставал закономерный вопрос об их разновременности. Но в этом случае округлые «ориньяко-солютрейские» жилища должны были быть признаны моложе длинных «мадленских», так как, по крайней мере, в одном случае раскопками было зафиксировано перекрывание длинного жилища округлым, — неприятный факт, наглядно нарушающий стройную последовательность схемы П.П. Ефименко!

Рис. 15. Александр Николаевич Рогачёв (1912–1984). Фото 1945 г.

«Одна ласточка весны не делает». Имелось довольно много способов объяснить сложившуюся ситуацию в рамках стадиальной концепции. В первой предварительной публикации памятника были высказаны аргументы в пользу одновременности тех и других комплексов, и делался осторожный вывод, «что в Костёнках 4 мы имеем дело со сложной системой одного поселения, построенного по единому плану» [Рогачёв 1940: 40]. Но и в этом случае приходилось признать, что «ориньяко-солютрейские» и «мадленские» комплексы могут сосуществовать, да ещё на одном поселении! Может быть, Костёнки 4 — это всего лишь курьёзное исключение из общего правила? Проверить это можно было лишь одним способом: поисками и раскопками многослойных стоянок, результаты которых или показали бы, что схема П.П. Ефименко в подавляющем большинстве случаев остается незыблемой, или заставили бы от неё отказаться. Развернуть такие работы в Костёнках помешал призыв А.Н. в армию в 1939 г. (на Халхин-Гол) и грянувшая вскоре Отечественная война.

Вернувшись с фронта, А.Н. Рогачёв в 1948 г. возглавляет Костёнковскую экспедицию и сосредоточивает усилия на обнаружении и изучении именно многослойных стоянок региона. В конце сороковых — начале пятидесятых годов были исследованы нижние слои Костёнок 1. На Костёнках 8, под слоем, признанным П.П. Ефименко самым древним верхнепалеолитическим памятником региона, обнаружились остатки более ранних поселений. В первой половине пятидесятых годов были открыты новые многослойные памятники: Костёнки 11, Костёнки 12, Костёнки 14, Костёнки 17 (последний от-

Рис. 16. Пример многослойной стоянки — Костёнки 1, раскопки А.Н. Рогачёва. 1950-е годы

крыт и изучен П.И. Борисковским). После небольших дополнительных раскопок 1953 г. Костёнки 4 окончательно признаются двуслойной стоянкой [Рогачёв 1955; Палеолит... 1982: 76–85; см. также: Анисюткин 2006].

Работы велись А.Н. Рогачёвым в тесном содружестве с геологами М.Н. Грищенко, Г.И. Лазуковым и А.А. Величко. Особенно большую помощь в создании новой концепции развития верхнепалеолитической культуры оказал московский геолог Г.И. Лазуков.

А.Н. Рогачёв и Г.И. Лазуков подметили общие закономерности в строении толщ, вмещающих культурные остатки. Часть верхнепалеолитических слоёв залегала в буром лёссовидном суглинке, подстилающем современную почву. Ниже этого суглинка залегали более древние, гумусированные отложения, — остатки ископаемых почв. Они также вмещали культурные слои. В нескольких пунктах было замечено, что эти гумусированные отложения разделяются негумусированными прослоями, вмещающими линзы вулканического пепла. Поскольку Русская равнина находится за тысячи километров от ближайшей зоны вулканической деятельности, выпадение здесь пепла можно было считать редчайшим явлением, и принять эти линзы за стратиграфический репер, подразделяющий гумусированные отложения на более древние («нижняя гумусированная толща» — ниже вулканического пепла) и более молодые («верхняя гумусированная толща» — выше вулканического пепла).

Хронология костёнковских памятников строилась не по характеру кремнёвого инвентаря, а по их приуроченности к тому или иному стратиграфическому горизонту. Самые древние залегают в нижней гумусированной толще, более поздние — в верхней. Ещё моложе стоянки, приуроченные к перекрывающему лёссовидному суглинку. А самыми молодыми памятниками в Костёнках Рогачёв и Лазуков посчитали те, которые располагаются в отложениях первой надпойменной террасы Дона. Согласно этим представлениям, была выстроена новая хронологическая схема палеолита Костёнковско-Борщёвского района (см. главу 2) [Рогачёв 1957: 119–124].

В сущности, в том, что касается основополагающих принципов построения хронологии палеолита, работы А.Н. Рогачёва и Г.И. Лазукова не содержали ничего принципиально нового. Принципиально новой стала культурно-историческая интерпретация полученных результатов. А.Н. Рогачёв доказывал, что в формах каменных и костяных орудий труда проявляются, в первую очередь, не общеисторические, стадиальные закономерности, но *этнографические особенности,* культурное своеобразие, выражающееся в понятии «археологическая культура» (см.: 3.2). В 1950-х гг. это понятие широко использовалось археологами, изучающими более поздние периоды: неолит, эпоху бронзы и раннего железа. Но применительно к верхнепалеолитической эпохе его впервые стал употреблять А.Н. Рогачёв. Предложенное им хронологическое распределение костёнковских памятников убедительно подтверждало эту идею. Так, например, двусторонне обработанные орудия, традиционно считавшиеся показателем принадлежности памятника к «солютрейской стадии» встречались во всех четырёх хронологических группах (I — Костёнки 1/V, Костёнки 6, Костёнки 12/III; II — Костёнки 12/I; III — Костёнки 1/I, Костёнки 8/I; IV — Костёнки 4/I). На Костёнках 8 верхний культурный слой, трактовавшийся в тридцатые годы как самый архаичный среди восточноевропейских верхнепалеолитических памятников с инвентарём «переходного характера от мустье к верхнему палеолиту» [Ефименко 1938: 442], оказался довольно молодым, и подстилался слоем, содержавшим такое большое количество микроорудий, что, согласно стадиальной схеме, его следовало бы относить к финалу верхнего палеолита.

Рис. 17. П.И. Борисковский. Фото 1980-х годов

Отказавшись от классификации каменных индустрий по стадиальному принципу, А.Н. Рогачёв на основе костёнковских материалов наметил выделение трёх археологических культур: костёнковско-стрелецкой, костёнковско-городцовской и костёнковско-виллендорфской, а также указал на проявление иных культурных традиций, представленных единичными памятниками (Костёнки 8, слои I и II). Он предположил, что, как и для костёнковско-виллендорфской культуры, корни этих традиций могут обнаружиться в Центральной Европе:

для Костёнок 8/II в материалах стоянки Кремс-Гундштейг, а для Костёнок 8/I — в Ежмановицкой стоянке [Рогачёв 1957: 132–133].

Поставленные задачи не давали возможности сосредоточиться на широкомасштабных раскопках какого-либо одного культурного слоя, хотя бы и очень интересного. Зато в результате этих работ перед археологами предстало необычное культурное разнообразие верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района. Работавшим здесь археологам повезло ещё в одном отношении: был открыт целый ряд палеолитических погребений — на Костёнках 2 (1953 г., раскопки П.И. Борисковского), Костёнках 14 (1954 г., раскопки А.Н. Рогачёва), Костёнках 15 (1952 г., раскопки А.Н. Рогачёва) и на Костёнках 18 (1959 г., раскопки А.Н. Рогачёва). Заметим, что до пятидесятых годов на всей территории Советского Союза было известно только три палеолитических погребения: мустьерское в пещере Киик-Коба (Крым), мустьерское в Тешик-Таше (Средняя Азия) и верхнепалеолитическое в Мальте (Забайкалье).

Рис. 18. А.Н. Рогачёв. Фото 1980-х годов

Пятидесятые — шестидесятые годы прошли в ожесточённой полемике между А.Н. Рогачёвым и его оппонентами, в первую очередь, П.П. Ефименко и П.И. Борисковским. П.И. Борисковский пытался поставить под сомнение стратиграфические основы хронологической схемы своего оппонента, опираясь на результаты собственных раскопок, проводившихся им в Костёнках в первой половине пятидесятых годов, параллельно раскопкам Рогачёва [Борисковский 1963]. Наблюдающуюся здесь «культурную чересполосицу» он отрицать не мог, но объяснял её спецификой региона. По мнению Борисковского, вся совокупность костёнковских стоянок охватывает относительно небольшой период верхнепалеолитической эпохи: её среднюю пору. В это время сюда, на правый берег Дона в его среднем течении, неоднократно приходили из разных мест племена, находившиеся на разных ступенях исторического развития: одни ушедшие вперёд и относившиеся уже к «мадленской стадии», другие — отсталые, выделывавшие свои орудия приёмами, характерными для «ориньякской» и «солютрейской» ступеней. Отсюда — отсутствие здесь, на ограниченной территории и в сравнительно короткий отрезок времени той чёткой культурно-исторической последовательности, которая, по мнению П.И. Борисковского, прослеживалась на большей части территории Европы [Борисковский 1963: 123–124].

Эти попытки успехом не увенчались. Дальнейшие раскопки в Костёнках подтвердили правильность стратиграфического членения четвертичных отложений, предложенного Лазуковым и Рогачёвым, а, следовательно, — и правильность рогачёвской хронологической схемы. Начиная со второй половины 1960-х гг. всё большее число советских палеолитоведов принимает новую концепцию, которую её автор назвал «конкретно-историческим подходом» (подробнее см.: [Аникович 2005в; 2007б]) К началу семидесятых годов происходит окончательная смена парадигм, и в отечественной археологии палеолита прочно утверждаются взгляды А.Н. Рогачёва.

Следует обратить внимание ещё на один момент. И в годы полемики, и позднее стадиалисты усматривали в концепции А.Н. Рогачёва «отрицание закономерностей прогрессивного поступательного развития производительных сил общества» [Черныш 1977: 72]. С другой стороны, те, кто разделял его взгляды, порой понимали их весьма упрощённо: была «плохая» стадиальная концепция, основанная на псевдомарксистской схоластике, а сменила её «правильная», научная концепция археологических культур. В последние годы подобный же подход к результатам старой полемики, но уже «со знаком минус», высказывается рядом археологов, в частности, С.А. Васильевым [1996: 183; [2004]: 133–135] и Г.П. Григорьевым [1992: 15; 1993: 15–16]. Суть его в следующем: П.П. Ефименко ошибался в частностях, но в целом он правильно стремился выделить общие закономерности развития верхнего палеолита Европы. Напротив, концепция археологических культур себя не оправдала: в верхнем палеолите их почти нет.

Подобного рода упрощения неверны по существу. А.Н. Рогачёв, как и его учитель П.П. Ефименко, был убеждённым марксистом. Уже в силу этого он никак не мог отрицать наличия «закономерностей прогрессивного развития производительных сил общества». Он отрицал упрощённый подход к выявлению таких закономерностей: прямое и непосредственное их выведение из археологических источников. Он считал, что в первобытной археологии, как и в собственно исторической науке, прежде чем выходить

на столь высокий уровень абстракции, необходимо воссоздать конкретно-историческую картину развития верхнепалеолитической культуры в различных регионах, и уже потом делать обобщения более высокого порядка. Не случайно он называл свою концепцию *конкретно-историческим подходом*. Всякий, кто обратится к главе по верхнему палеолиту Русской равнины, написанной для первого тома «Археологии СССР», может убедиться в том, что А.Н. Рогачёв искал пути к установлению общих закономерностей культурно-исторического развития в эпоху верхнего палеолита. Но делал он это не на основе заранее принятой абстрактной схемы, а путем обобщения результатов исследования конкретных археологических материалов.

В 1960-х гг. работы Костёнковской палеолитической экспедиции сосредоточились в основном на многослойной стоянке Костёнки 11. Здесь в верхнем слое (Ia) были обнаружены прекрасно сохранившиеся остатки округлого наземного жилища, где использовалось большое количество крупных костей мамонта. Подобные жилища хорошо известны в ряде верхнепалеолитических стоянок бассейна Днепра — Десны. Остатки таких конструкций, представлявших собой вершину домостроительной техники эпохи верхнего палеолита, очень эффектны. Именно в Костёнках впервые возникла идея их музеефикации. Борьба за её осуществление заняла без малого 20 лет.

1.6. Создание музея-заповедника «Костёнки»

Стоянка Костёнки 11 была открыта А.Н. Рогачёвым ещё в 1951 г. В 1960 г. здесь был начат первый в СССР эксперимент по сохранению остатков костно-земляного жилища как музейного экспоната и натурального археологического документа [Попов 2005а]. В 1960–1965 гг. над раскопом площадью 150 м² был построен павильон из досок, а впоследствии началось строительство капитального павильона-музея.

В ходе подготовки участка к строительству выяснилось, что Костёнки 11 — многослойный памятник. Два слоя (II и III), залегающие сравнительно неглубоко, были вскрыты на более-менее широкой площади. Самые древние слои IV и V, находящиеся на большой глубине, только разведаны в отдельных шурфах[1].

Строительство здания музея шло с большими трудностями. Оно было завершено только в 1979 г. Все эти годы сотрудники Костёнковской экспедиции всеми силами старались сохранить расчищенные кости, сберечь их от разрушения. Сейчас кажется почти невероятным, что это удалось!

После завершения строительства в павильоне-музее была развернута временная экспозиция, центром которой являлись расчищенные в своем первоначальном положении остатки костно-земляного жилища, окружённого пятью ямами-кладовыми, заполненными крупными костями мамонта. В дальнейшем предполагалось значительно её расширить, с тем, чтобы она отражала, по меньшей мере, важнейшие особенности верхнего палеолита всего Костёнковско-Борщёвского района. Первоначальная экспозиция с незначительными изменениями просуществовала вплоть до 2007 г. В настоящий момент она перестраивается и расширяется.

Костёнковский музей был буквально выстрадан А.Н. Рогачёвым. Трудно сказать, сколько душевных сил (а, может, и лет жизни!) отдал он, пробивая всевозможные бюрократические препоны, вновь и вновь убеждая местное начальство в том, что «старые кости» — это не бесполезный хлам, а огромная культурная ценность. А.Н. Рогачёв считал, что работать в Костёнковском музее должны люди, вполне понимающие значение Костёнковско-Борщёвского района в отечественной и мировой науке, и делал всё, что мог, для обучения и воспитания предполагаемых кандидатов в музейные работники. Он мечтал о том, что Костёнковский музей станет средоточием лучших достижений отечественного палеолитоведения. Мечтал, что богатство и разнообразие костёнковских материалов в экспозиции музея позволит отразить особенности развития верхнего палеолита всей Восточной Европы. Мечтал, что музей и экспедиция рука об руку будут делать общее дело; что создание музея стимулирует археологические исследования, выведет их на новый этап...

Первоначально Костёнковский музей являлся филиалом Воронежского областного краеведческого музея. В 1991 г. руководством Воронежской области было принято решение о создании самостоятельной

[1] Слой Костёнки 11/IV был зафиксирован Костёнковско-Борщёвской археологической экспедицией в раскопе 2004 г. (4 × 4 м²). Это позволило заметно пополнить коллекцию. К сожалению, слой Костёнки 11/V в раскопах 2003–2004 гг. выявлен не был.

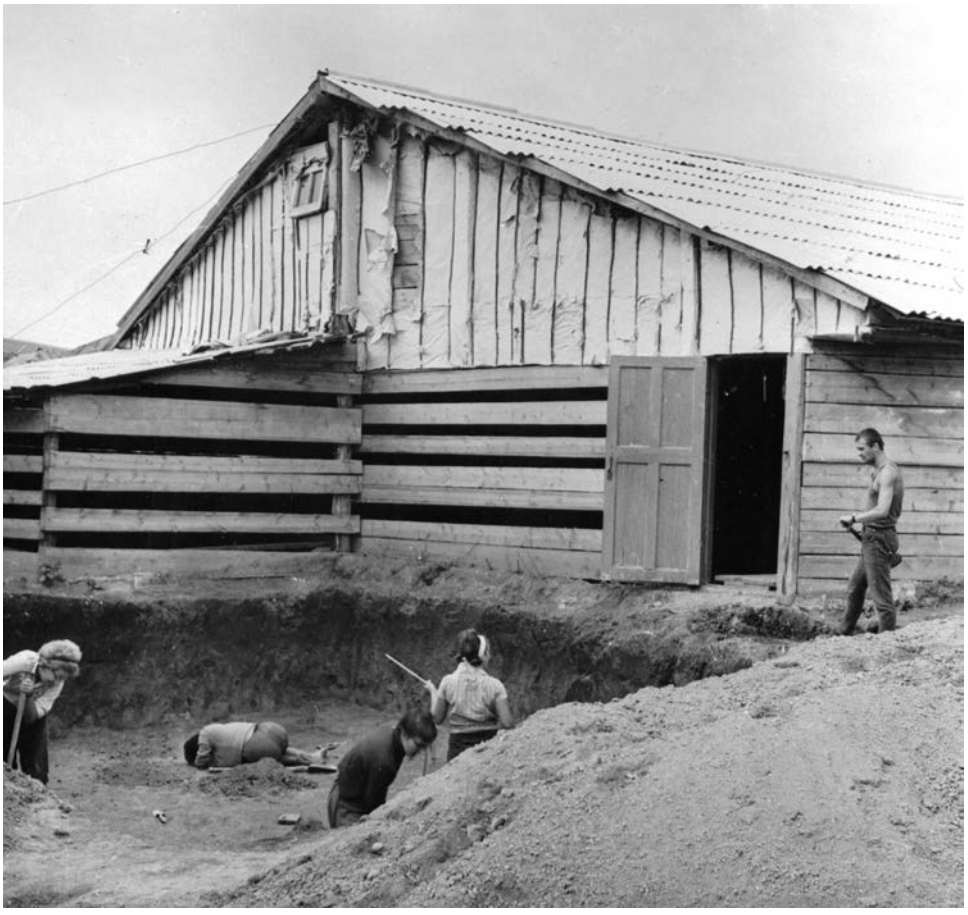

Рис. 19. Исследование Костёнок 11 и первый павильон
из досок над палеолитическим жилищем. 1960-е годы

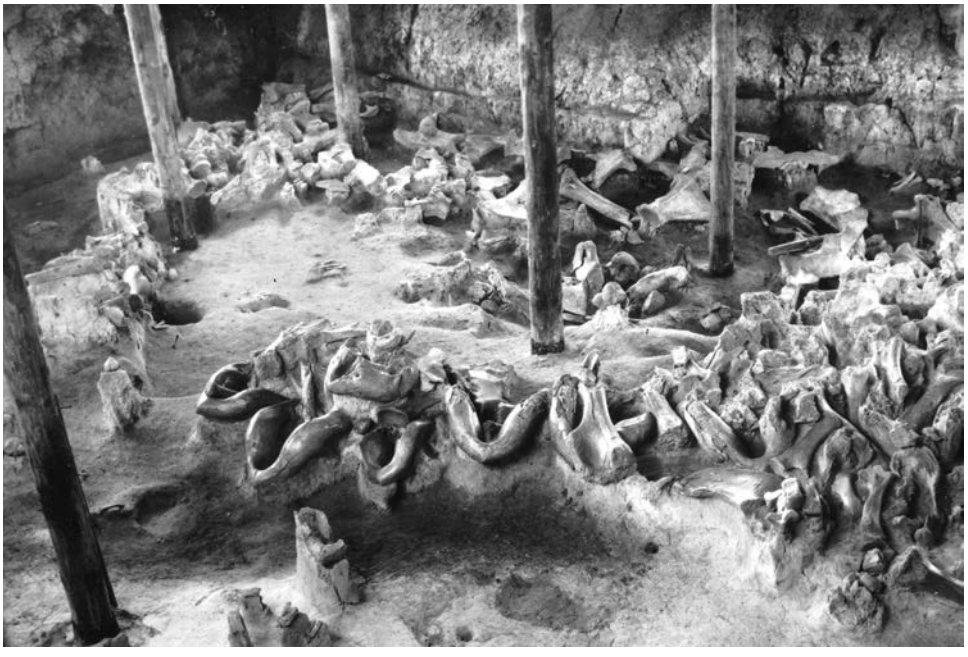

Рис. 20. Первая музейная экспозиция. Вид с юго-запада.1960-е годы

Рис. 21. Первая экскурсия в музей на Костёнках 11. 1960-е годы

Рис. 22 Костёнки 1/I. Раскопки второго жилого комплекса. Фото 1973 г.

организации: Государственного археологического музея-заповедника «Костёнки». По существующему законодательству такая организация, помимо просветительской работы и туризма, должна обеспечивать охрану памятников и координировать научно-исследовательскую деятельность, проводящуюся на территории охранных зон, в том числе и археологические раскопки. По мере сил и возможностей, музей стремится выполнять свои задачи. Но следует признать: до осуществления всего того, о чем мечтал А.Н. Рогачёв, ещё очень далеко.

1.7. Костёнковская палеолитическая экспедиция в 1970–1990-х гг.

В 1971 г. по решению Отдела палеолита ЛОИА АН СССР возобновились широкомасштабные раскопки верхнего культурного слоя Костёнок 1. Началось исследование второго жилого комплекса, расположенного рядом с первым, вскрытым полностью в тридцатые годы и опубликованном монографически [Ефименко 1958]. Работы эти продолжались в течение двадцати лет, и, к сожалению, так и не были завершены. Второй комплекс оказался намного сложнее и куда более насыщен разного рода конструктивными объектами, чем первый. Значительно усложнилась и методика раскопок. Достаточно сказать, что исследование одной землянки стало занимать от четырёх до шести полевых сезонов.

Рис. 23. На раскопках Костёнок 1/I. Слева направо: А.Н. Рогачёв, З.А. Абрамова, Н.Д. Праслов, В.Я. Сергин, М.В. Аникович. Фото 1972 г.

Другой, не менее важной задачей Костёнковской экспедиции в этот период явилось уточнение геологического возраста костёнковских памятников. С этой целью проводились раскопки на важнейших многослойных стоянках: Костёнки 1, Костёнки 8, Костёнки 11, Костёнки 12, Костёнки 14, Костёнки 17, Костёнки 21 и Борщёво 2. В работах принимали активное участие геологи, палеозоологи, палинологи; были отобраны образцы на разные виды анализов, включая радиоуглеродный. Это направление исследований особенно активно стимулировал ***Николай Дмитриевич Праслов***, возглавивший Костёнковскую экспедицию в 1976 г. и ставший её последним руководителем.

В 1979 г. в Костёнках прошёл полевой семинар, посвященный 100-летию открытия здесь первой палеолитической стоянки [Верхний плейстоцен... 1979]. К этой же дате была приурочена коллективная монография «Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979», в какой-то мере подведшая итоги многолетних исследований, включая и работы 1970-х гг. [Палеолит... 1982]. В этой книге уточняется хронологическая схема, опубликованная А.Н. Рогачёвым в середине 1950-х. Самые большие изменения связаны с отказом от выделения IV хронологической группы. Работами 1970-х гг. было доказано, что верхнепалеолитические стоянки, расположенные в Костёнках на I террасе, в целом, синхронны стоянкам хронологической группы III (подробнее см.: 2.2.2). В книге также приведены новые данные, позволяющие уточнить геологический возраст костёнковского палеолита и, в какой-то мере, увязать его с радиоуглеродной шкалой. Намечены и новые подходы к классификации костёнковских археологических материалов, распределения их по культурам.

Рис. 24. Международная конференция к 125-летию открытия палеолита в Костёнках. Демонстрация разреза многослойной стоянки Костёнки 12. Выступает М.В. Аникович

Много времени и сил заняло строительство экспедиционной базы. В 1930–60-х гг. немногочисленные участники экспедиции арендовали жильё у крестьян. Начиная с 1970-х гг., когда численность сотрудников резко возросла, такая практика стала невозможной. В 1978 г. местными органами власти для экспедиции был выделен участок земли. В течение нескольких последующих полевых сезонов археологические работы совмещались с работами по строительству базы. Велось оно силами самих сотрудников. Часть людей была занята на раскопках, часть — на строительстве. В итоге Костёнковская палеолитическая экспедиция стала располагать двумя деревянными домиками, камеральным помещением для хранения инструментов и коллекций, кухней, столовой и даже небольшим огородом и садом. В саду отвели площадку для различного рода археологических экспериментов.

К сожалению, в 1990-х гг., по целому ряду причин, работы в Костёнках практически прекратились. Костёнковская палеолитическая экспедиция в её прежних научно-организационных формах закончила

своё существование в 1994 г.[1] Главная причина тому — не какие-то внутренние организационные обстоятельства (хотя и их нельзя сбрасывать со счетов). Причиной стали перемены, происшедшие в нашей стране в целом — перемены, сделавшие невозможными, в том числе, и прежние формы организации археологических экспедиций.

Как известно, при советской власти научно-административные структуры достаточно жестко регламентировались «сверху» по всем направлениям (быть может, кроме сугубо исследовательской стороны). Оттуда же, «сверху», спускалось и финансирование — не слишком большое, но достаточно стабильное. Вдаваться в детали этой прежней системы нет необходимости. Тем более бессмысленно ругать её или хвалить. Система эта безвозвратно исчезла вместе с «развитым социализмом».

Перемены затронули, в первую очередь, организационно-финансовую сферу. Огромное значение приобрели различные научные фонды — как отечественные, так и зарубежные. Получение средств на исследования теперь может быть только результатом поддержки ими тех или иных научных проектов. При этом значительная часть успеха зависит от личной инициативы исследователя.

1.8. Новый этап

В 1998 г. старший научный сотрудник ИИМК РАН к.и.н. ***Андрей Александрович Синицын*** — один из старейших сотрудников прежней Костёнковской палеолитической экспедиции — возобновил раскопки многослойной стоянки Костёнки 14 (Маркина гора), а позднее — стоянок Костёнки 16 (Углянка) и 17 (Спицынская). В 1999 г. к полевым исследованиям в Костёнках вернулись ещё двое сотрудников прежней экспедиции с не менее солидным стажем работы — авторы настоящей монографии д.и.н. ***Михаил Васильевич Аникович*** (ведущий научный сотрудник ИИМК РАН) и к.и.н. ***Виктор Васильевич Попов*** (директор Государственного археологического музея-заповедника «Костёнки»). Их объединёнными усилиями было возобновлено изучение многослойных памятников Костёнки 12 (Волковская) и Костёнки 11 (Аносовка 2). В 2004 г. после длительного перерыва возобновились исследования на Костёнках 1 (стоянка Полякова), в 2005 г. на Костёнках 8 (Тельманская), в 2006 — на Костёнках 9 (Бирючий лог). Так сложилась принципиально новая ситуация: в Костёнках на равных правах стали действовать две экспедиции ИИМК РАН.

Экспедиция, руководимая А.А. Синицыным, сохранила прежнее название: «Костёнковская палеолитическая». Экспедиция, возглавляемая М.В. Аниковичем, получила наименование «Костёнковско-Борщёвская археологическая». Она работает в тесном содружестве с Государственным археологическим музеем-заповедником «Костёнки», директором которого и со-руководителем полевых работ является В.В. Попов. Кроме того, с 2002 г. в Борщёво действует отдельный отряд этой экспедиции, возглавляемый научным сотрудником ИИМК РАН к.и.н. ***Сергеем Николаевичем Лисицыным***. Силами отряда проводятся систематические исследования многослойной стоянки Борщёво 5 и разведки в Борщёвском логу.

Таким образом, если говорить не о названиях, а о существе дела, то ныне в Костёнках ведут исследования две крупные самостоятельные экспедиции ИИМК РАН. Возглавляют их ученики А.Н. Рогачёва, не один десяток лет проработавшие в прежней Костёнковской палеолитической экспедиции. Они имели равные возможности перенимать её огромный научный опыт и в равной мере претендуют на её научное наследие.

В настоящее время и в настоящих условиях такая форма организации исследований палеолита Костёнковско-Борщёвского района с его обширнейшей проблематикой представляется наиболее приемлемой. В дальнейшем, вероятно, встанет вопрос об объединении усилий — если не организационном и постоянном, то временном и научно-тематическом. Некоторые шаги в указанном направлении уже сделаны — прежде всего, благодаря усилиям Дж. Ф. Хоффекера (Институт арктических и альпийских изысканий /INSTAAR/ Университета Колорадо, США). В результате, в 2002–2004 и 2007–2008 гг. деятельность обеих экспедиций удалось отчасти объединить в рамках крупных проектов, финансируемых, с одной стороны, Национальным научным фондом США (National Science Foundation), с другой — Фон-

[1] Результатом раскопок Костёнковской палеолитической экспедиции 1970–1990-х гг. на Костёнках 1 стало громадное количество материалов, но далеко не все они прошли надлежащую камеральную обработку. Лишь ничтожная часть их была опубликована — в первую очередь, «элитные» вещи. Дальнейшая судьба этих бесценных материалов неясна до сих пор. На сегодняшний день это, пожалуй, самая болезненная проблема Костёнок (подробнее см.: 6.3.1).

Рис. 25. Вид на Аносов лог и современное здание музея

дом Лики (Leakey Foundation, США). Предварительные результаты этих исследований неоднократно публиковались, как на русском, так и на английском языках[1].

Начальники обеих костёнковских экспедиций активно участвуют в проектах по Программам фундаментальных исследований Президиума РАН. В рамках этих проектов в Костёнках с 2005 г. ведутся полевые исследования. По результатам их уже изданы, помимо отдельных статей, 2 монографии и 2 тематических сборника. Последняя коллективная монография представляет собой не только наиболее полное на сегодняшний день обобщение материалов по проблеме перехода к верхнему палеолиту в Евразии, но и принципиально новый взгляд на этот процесс [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007].

Обе экспедиции работают в тесном контакте с разнопрофильными специалистами-естественниками — из России, США, Великобритании, Франции, Бельгии, Норвегии, Италии, Белоруссии. Результаты такого сотрудничества весьма продуктивны. Работы последних 10 лет были сосредоточены на изучении памятников ранней поры верхнего палеолита — в первую очередь, самых древних, залегающих в нижней гумусированной толще. Результаты исследований превзошли все ожидания. Оказалось, что нижняя гумусированная толща включает в себя целую серию палеопочв, содержащих археологические материалы. Самые древние из них датируются, по совокупности данных, 50–45 тыс. л.н. Таким образом, совершенно неожиданно для учёных — как российских, так и зарубежных — древнейший верхний палеолит Европы, датируемый именно в диапазоне 50–45 тыс. л.н., оказался найден совсем не там, где его ожидали (подробнее см. 2.3.2). Ведь ранее предполагалось: пути миграции *Homo sapiens* в Европу лежат далеко к югу от Среднего Дона. А более древних мустьерских стоянок, принадлежавших неандертальцам, здесь не открыто.

Костёнковская земля поведала нам лишь малую часть скрытых в ней тайн. И дай нам Бог не утратить возможность работать тут дальше, открывая всё новые и новые горизонты истории человечества. Костёнковская округа — этот маленький «пятачок» площадью около 30 км² — представляет собой один огромный памятник ВСЕМИРНОГО значения. Между тем, несогласованность земельного законодательства с нуждами охраны исторических ценностей, находящихся в земле, может в ближайшее время привести к потерям, которые не восполнят потом никакие миллионы. Совершенно необходимо объединение усилий многих организаций — музея-заповедника «Костёнки», Российской Академии наук, органов федеральной и местной власти — чтобы принять особые постановления по данному району, чтобы сберечь доставшееся нам уникальное наследие человеческой культуры.

---

[1] Важнейшими из этих публикаций являются: [Аникович 2005а; 2007а; Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2004; Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005; Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006; Герник, Гуськова 2002; Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005; Лисицын 2004; 2006; Поспелова, Аникович, Хоффекер 2005; Синицын 2002; 2005а; Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004; Anikovich, .Sinitsyn, Hoffecker et al. 2007; Holliday, Hoffecker, Anikovich et al. 2006; Holliday, Hoffecker, Goldberg et al. 2007; Housley, Higham, Anikovich 2006; Lovlie 2006; Pyle, Ricketts, Margari et al. 2005; Sinitsyn, Haesaerts, Damblon et al. 2002; Sinitsyn, Otte, Hedges 2002].

ГЛАВА 2.

УСЛОВИЯ ЗАЛЕГАНИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РАЙОНА

2.1. Условия залегания стоянок

Костёнковско-Борщёвский район в настоящее время состоит из нескольких практически слившихся воедино сёл: на севере — Рудкино, далее собственно Костёнки, затем Аносовка и Александровка и несколько в отрыве от последней — Борщёво (см. рис. 1). Археологами лучше всего обследована центральная часть этого района, включающая Покровский, Аносов и Александровский лога; хуже — Борщёво. Северная окраина от Попова лога до Рудкино практически не изучена. Верхнепалеолитические местонахождения там, несомненно, есть: находки кремней были сделаны в разное время и в Поповом логу, и в Рудкино, но раскопок не производилось.

Костёнковско-Борщёвский район является опорным для решения не только культурно-исторических проблем верхнего палеолита Восточной Европы, но и важных естественно-исторических вопросов, таких, как геологический возраст верхнего палеолита, палеогеографические условия времени обитания людей той эпохи и т.п. Естественнонаучные данные по рассматриваемому региону имеют здесь особое значение.

Долина Дона на данном участке имеет резко асимметричное строение. Правобережье, где находятся палеолитические стоянки, относится к Среднерусской возвышенности, сложенной здесь в основном мезозойскими породами, высоко поднимающимися над уровнем реки. Мощности четвертичных отложений правого берега относительно невелики. Левобережье Дона, относящееся к Окско-Донской впадине, напротив, низкое и сложено в основном, четвертичными отложениями, среди которых преобладают песчаные осадки днепровского (рисского) оледенения.

Особенностью правого берега Дона в Костёнковско-Борщёвском районе является его расчленённость большими логами. Палеолитические стоянки, как правило, располагаются на мысах в глубине логов (рис. 1) и связаны с отложениями второй балочной террасы; реже — непосредственно на второй и первой террасах Дона. Отложения, вмещающие культурные остатки, по своему характеру суглинисто-супесчанистые, по природе — склоновые, образовавшиеся в результате делювиально-солифлюкционных (водно-мерзлотных) процессов. Впрочем, если ведущая роль склоновых водных потоков в формировании этих отложений ни у кого не вызывала сомнений, то степень участия мерзлотных и тектонических процессов до конца не выяснена.

Склоновые отложения очень трудны для анализа и интерпретации: их накопление в большой мере зависит даже не от региональных, а от сугубо локальных условий, — вплоть до конкретного участка конкретного мыса. Поэтому их строение всегда очень сложно, стратиграфия может так резко меняться даже на близлежащих участках, что бывает трудно связать воедино даже разрезы расположенных рядом шурфов.

Четвертичные отложения Костёнковско-Борщёвского района изучались рядом геологов и почвоведов: М.Н. Грищенко (Воронеж), Г.И. Лазуковым (Москва), А.А. Величко (Москва), Ю.Ф. Дурневым (Воронеж), И.И. Красновым (Санкт-Петербург), Е.П. Зарриной (Санкт-Петербург), Ю.А. Лавруши-

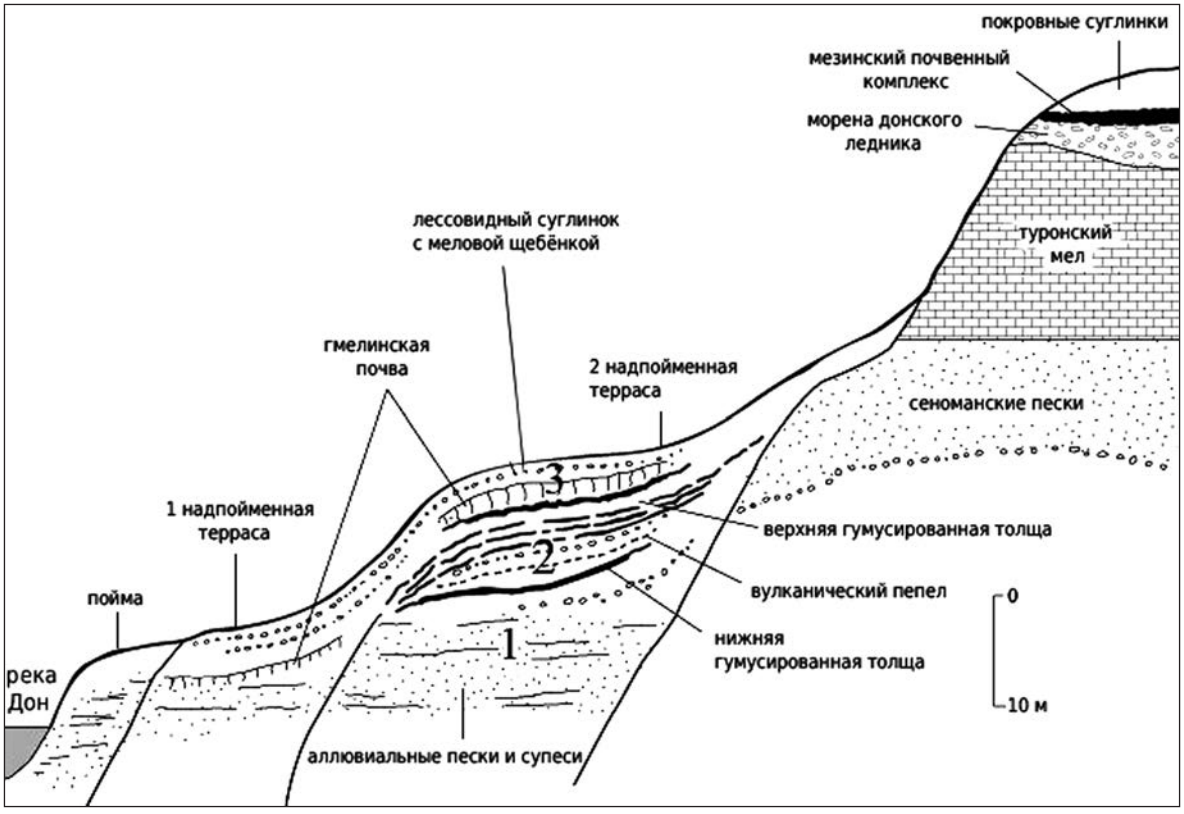

Рис. 26. Схема геолого-геоморфологического строения правобережья долины Дона в Костёнковско-Борщёвском районе. По: *[Лазуков 1982: рис. 4],* с дополнениями и уточнениями В.Т. Холлидэя *[Holliday, Hoffecker, Goldberg et al. 2007: fig. 2].* 1, 2, 3 — *пачки отложений 1, 2, 3:*

Пачка 1 *(>50 тыс. л.н.) — аллювий второй террасы и коллювий, перекрытые мелкозернистыми отложениями;*

Пачка 2 *(50–26 тыс. л.н.[1]) — археологические горизонты, связанные с двумя сериями тонких линз ила, карбонатов, меловой крошки и богатых органикой почв (верхняя и нижняя гумусированные толщи). Гумусированные толщи разделены прослойками с включениями вулканического пепла, происходящего из южной Италии и идентифицируемого, как кампанский игнимбритовый (CI) пепел Y5 (возраст 41–39 тыс. л.н.). Обе толщи сформировались в результате сложного взаимодействия почвообразовательных, склоновых, родниковых и иных процессов.*

Пачка 3 *(<26 тыс. л.н.[2]) — переотложенные лёссы с погребённой почвой (гмелинской), перекрытые ледниковым лёссом в первичном залегании и чернозёмом, слагающими поверхность второй террасы.*

По: [Holliday, Hoffecker, Anikovich et al. 2006: 70].

ным (Москва), Г.В. Холмовым (Воронеж), а в последние годы — В.Т. Холлидэем (Аризона, США), Б.Ф. Апариным (Санкт-Петербург) и М.И. Скрипниковой (Москва). В результате, несмотря на все сложности работы со склоновыми отложениями, удалось выявить общие закономерности в их строении. Аллювий первой и второй надпойменных террас представлен песчано-суглинистыми отложениями с прослойками и линзами песчаного и гравийно-галечного (из писчего мела) материала. Особенностью аллювия второй балочной террасы является преобладание мелового галечника и мергелистого суглинка, переслаивающихся, как между собой, так и с песчаными линзами. Аллювий второй террасы перекрывается довольно мощной (5–6 м) толщей суглинков, которые и содержат палеолитические материалы. Толща эта неоднородна. Ее низы характеризуются чередованием гумусированных и негумусированных суглинков разного цвета и состава. Это так называемые верхняя и нижняя гумусированные толщи, которые разделяются чрезвычайно важным маркирующим горизонтом: линзами вулканического пепла, обычно включённого в более или менее развитую толщу слоистых слабо- или негумусированных суглинков.

[1] В данном случае указаны датировки, принятые В.Т. Холлидэем. По представлениям авторов, возраст верха второй пачки несколько моложе — ~25–24 тыс. л.н. Впрочем, учитывая особенности метода ^{14}C, данное расхождение несущественно.

[2] См. предыдущую сноску.

Длительное время верхняя и нижняя гумусированные толщи воспринимались исключительно как результат переотложения некой погребённой почвы. Однако работами последнего 10-летия было доказано, что в их формировании заметную, если не ведущую роль играли процессы почвообразования *in situ* (см.: 2.2.3).

Выше гумусированных отложений залегает более однородная толща бурых лёссовидных суглинков, также вмещающих палеолитические материалы. Её стратиграфическое расчленение, основанное, в первую очередь, на выделении погребённой почвы («гмелинской»), наметилось впервые на рубеже 1970–80-х гг.

Покровные отложения первой надпойменной террасы Дона (бурые лёссовидные суглинки) однотипны по составу верхам четвертичных отложений второй террасы Дона и балок. Здесь в ряде пунктов также выявлены погребённые почвы.

Приведенные выше характеристики — это предельно обобщенная картина, сложившаяся в результате многолетних геологических исследований в Костёнковско-Борщёвском районе (рис. 26). Она является основой для построения хронологии палеолита этого района и для выяснения природных условий, существовавших в те времена на Среднем Дону. Здесь мы намеренно не затрагиваем ряд спорных моментов, в частности, касающихся так называемых уровней I надпойменной террасы Дона.

2.2. Относительная хронология палеолита Костёнковско-Борщёвского района: история и современное состояние вопроса

За последнее 10-летие в хронологии палеолита Костёнковско-Борщёвского района — как относительной, так и «абсолютной» — произошел настоящий прорыв. Успехи были обеспечены новыми стратиграфическими наблюдениями на многослойных стоянках Костёнки 1, Костёнки 11, Костёнки 12, Костёнки 14, Борщёво 5, комплексной аналитикой протяжённых разрезов Костёнок 12 и 14 и Костёнок 1, и, наконец, новой серией датировок, полученных, как по старым, так и по новым, специально отобранным образцам.

Как обычно бывает в науке, новые данные не только (и не столько) решают старые проблемы, но поворачивают их по-новому, ставят новые вопросы. Кроме того, уже сейчас между специалистами, занимающимися костёнковской проблематикой, наметились весьма существенные расхождения, как в методико-методологических подходах к проблемам хронологии, так и в интерпретации новых данных. Этот комплекс проблем встал особенно остро на Международной конференции «Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное» [Костёнки и ранняя пора... 2004]. Но прежде чем детально говорить о современном состоянии проблемы хроностратиграфии Костёнковско-Борщёвского района, нужно хотя бы вкратце коснуться некоторых методологических вопросов.

2.2.1. Хронология и периодизация

Первым из них является различие между такими категориями исторического познания, как хронология и периодизация. Этот вопрос был детально разработан одним из соавторов в серии статей [Аникович 1994; 2005а; 2005б].

Историческое познание немыслимо без установления *хронологии:* временной последовательности событий, явлений, процессов. Хронология бывает относительной и абсолютной. В первом случае явления распределяются во времени относительно друг друга, по принципу «раньше» — «позже». Во втором случае тем или иным способом определяется величина временных интервалов; в идеале устанавливается связь с календарным временем. Установить хронологию памятников палеолита означает, прежде всего, спроецировать их на геологическую временную шкалу, устанавливающую последовательность природных процессов в истории Земли. Связь с современным летоисчислением осуществляется с помощью различных радиометрических методов. Для эпохи верхнего палеолита наиболее распространённым из них является метод радиоуглеродного анализа (^{14}C).

В *периодизации* на первый план выступают сами археологические (исторические) явления, процессы: наиболее глобальные изменения отражаются в понятиях «век», «стадия», «ступень», «эпоха» и т.п. Примером может служить сама археологическая периодизация, в которой некогда выделялись три больших «века»: каменный, бронзовый и железный. «Каменный век» уже давно подразделяется на целый

ряд эпох, имеющих более или менее всеобщее значение (олдувай (олдован), ашель, мустье, верхний палеолит, мезолит, неолит). Распространены и локальные периодизации. Но во всех случаях в них особенно ярко проявляются представления о закономерностях исторического процесса. В сущности, любая историческая периодизация представляет собой разработку таких представлений. Таким образом, хронология и периодизация — понятия взаимосвязанные, но не тождественные.

Связь и различия между хронологией и периодизацией, может быть, станут нагляднее при чтении этой книги. Археологические материалы Костёнковско-Борщёвского района излагаются не в строгом соответствии с их хронологией, как у Р. Клейна [Klein 1969] а по периодизационному принципу. При этом учитываются уже введённые прежде в науку периодизационные единицы — как для верхнего палеолита Европы в целом, так и для отдельных её регионов. Анализ костёнковских стоянок имеет для этих разработок исключительно важное значение.

Вторым важным моментом являются методико-методологические принципы построения хронологии — как относительной, так и абсолютной. Из сказанного в предыдущем разделе следует, что хронология палеолитических памятников определяется, в первую очередь, приуроченностью культурных слоёв к определенным литологическим горизонтам и соотнесением этих горизонтов с той или иной обобщающей геолого-стратиграфической схемой, скоррелированной, в свою очередь, с радиометрическими датировками. Однако при хронологических построениях нельзя ориентироваться исключительно на геологическую стратиграфию, саму по себе, и радиометрические даты. Необходим учёт данных комплексного анализа, проводимого различными естественнонаучными методами — палинологическим, фаунистическим, палеомагнитным и проч.

2.2.2. Основные этапы формирования относительной хронологии палеолита Костёнковско-Борщёвского района

Первая периодизационная, и одновременно хронологическая систематизация памятников Костёнковско-Борщёвского района, вкупе с основными верхнепалеолитическими памятниками Восточной Европы, была осуществлена П.П. Ефименко (табл. 2–1).

Табл. 2–1. Периодизация верхнего палеолита по П.П.Ефименко [1938, 1953]

Обшеисторические этапы	Восточно-европейские ступени	Основные памятники Восточной Европы
Азильское время	Боршевский тип памятников	Боршево 2/I, Журавка
Мадленское время	Гонцовский тип памятников	Боршево 2/III, Гонцы
	Кирилловский тип памятников	Костёнки 2, Костёнки 3, Кирилловская
	Мезинский тип памятников	Костёнки 4, Мезин, Елисеевичи
Ориньяко-солютрейское время	Костёнковский тип памятников	Костёнки 1/I, Борщёво 1, Авдеево, Гагарино, Пушкари
	Позднетельманский тип памятников	Костёнки 8/I, Костёнки 1/V
	Раннетельманский тип памятников	Костёнки 8/II

С позиций, изложенных выше, здесь допущена типичная ошибка: смешение понятий «хронология» и «периодизация». Однако с позиций стадиализма, на которых базировалась эта схема, никакой ошибки нет: предполагалось, что периодизационные этапы, отражающие априорно понятые общеисторические закономерности развития производительных сил в эпоху верхнего палеолита, являются одновременно и ступенями относительной хронологии. О соотношении этих ступеней с «абсолютным» временем в те годы можно было только гадать.

В 1950-х гг. появилась новая хроностратиграфическая схема, базирующаяся на результатах исследования серии многослойных стоянок и на принципиально ином подходе к определению их возраста. Она была разработана А.Н. Рогачевым совместно с геологами М.Н. Грищенко, Г.И. Лазуковым, и А.А. Величко. Согласно этой схеме, памятники данного региона распределяются по четырём основным хронологическим группам (табл. 2–2).

Этими работами в полном объёме возвращались права геологической стратиграфии, поколебленные в своё время в советском (но отнюдь не в мировом!) палеолитоведении. В своей основе данная схема выдержала проверку временем. Её подтвердило углублённое изучение костёнковской стратиграфии, осуществлявшееся в 1970–1980-х гг. Самые большие изменения первоначальной схемы состояли в ликвидации «IV хронологической группы», включающей памятники, приуроченные к отложениям I надпойменной террасы. Комплексные исследования показали, что покровные отложения верхней части второй и первой надпойменных террас представляют собой единый делювиально-солифлюкционный шлейф, то есть они одновозрастны. Таким образом, костёнковские памятники, связанные с отложениями первой террасы, должны быть включены в хронологическую группу III [Палеолит... 1982]. До конца прошлого столетия это изменение являлось наиболее существенной корректировкой, внесённой в схему А.Н. Рогачёва, М.Н. Грищенко и Г.И. Лазукова.

Табл. 2–2. Относительная хронология верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района по А.Н.Рогачёву [1957]

Стратиграфические горизонты	Хронологич. группы	Памятники
Отложения I надпойменной террасы	IV	Костёнки 3, Костёнки 4/I–II, Стрелецкая 1, Борщёво 2/I–III
Лёссовидный суглинок II надпойменной террасы Дона и балок	III	Костёнки 1/I-III, Костёнки 2, Костёнки 5/I–II, Костёнки 8/I, Костёнки 9, Костёнки 11/А-Б, Костёнки 14/I
Верхняя гумусированная толща	II	Костёнки 1/IV, Костёнки 8/II–III, Костёнки 12/I, Костёнки 14/II–III, Костёнки 15
Нижняя гумусированная толща	I	Костёнки 1/V, Костёнки 5/III, Костёнки 6, Костёнки 8/IV, Костёнки 12/II–III, Костёнки 14/IV

Первые попытки детализации указанной схемы были предприняты М.В. Аниковичем [1977; 1993]. Они опирались на стратиграфические наблюдения, сделанные в 1970–1980-х гг. Еще в середине 1970-х гг. М.В. Аникович пытался обосновать наличие определённых закономерностей в строении верхней гумусированной толщи. По его мнению, эти закономерности можно было бы использовать для детализации относительной хронологии памятников II хронологической группы. Для детализации III хронологической группы отправной точкой послужило открытие так называемой «гмелинской почвы», выделенной Н.Д. Прасловым на Костёнках 21 (I донская терраса) [Палеолит... 1982: 198–200]. Впоследствии с этой почвой стали сопоставлять «горизонты побурения», выделяемые в лёссовидных отложениях второй балочной террасы на целом ряде стоянок и рассматриваемые, как следы почвообразовательных процессов (Костёнки 1; 11; 12; 14; Борщёво 5). В итоге М.В. Аниковичем была предложена следующая схема:

I хронологическая группа — неизменна (для её расчленения в 1970 — нач. 1990-х гг. не было объективных данных);

II хронологическая группа — подразделяется на 3 подгруппы:

IIA — стоянки, залегающие в основании верхней гумусированной толщи;

IIB — стоянки, залегающие в средней части верхней гумусированной толщи;

IIC — стоянки, залегающие в кровле верхней гумусированной толщи.

III хронологическая группа также разделяется на 3 подгруппы:

IIIA, включающая археологические материалы, расположенные между верхом верхней гумусированной толщи и основанием «гмелинской почвы»;

IIIB — стоянки, приуроченные к «гмелинской почве»;

IIIC — стоянки, расположенные выше «гмелинской почвы».

В момент первой публикации указанной схемы [Аникович 1993] она ещё, во многом, оставалась умозрительным построением, не подкреплённым в должной мере аналитикой. Как было сказано выше, самая существенная и фундированная корректировка прежней схемы была сделана только в 2000-х гг. [Аникович 2005а].

Возобновившиеся в Костёнковско-Борщёвском районе раскопки (1998–2008 гг.) велись на Костёнках 1 (М.В. Аникович, В.В. Попов, А.Е. Дудин), Костёнках 8 (В.В. Попов, А.Ю. Пустовалов),

Костёнках 9 (В.В.Попов, А.Ю. Пустовалов), Костёнках 11 (В.В. Попов, М.В. Аникович), Костёнках 12 (М.В. Аникович, В.В. Попов, А.Е. Дудин), Костёнках 14 (А.А. Синицын), Костёнках 16 (А.А. Синицын, Д.Н. Богданов) и Борщёво 5 (С.Н. Лисицын). Исследования производились в тесном сотрудничестве с геоархеологами и археозоологами США, Великобритании, Бельгии, Норвегии, Белоруссии — в первую очередь, Дж. Ф. Хоффекером (университет Колорадо, США) и В.Т. Холлидэем (университет Аризона, США). Параллельно продолжалась углублённая аналитика разрезов палинологическим и палеомагнитным методами (Г.М. Левковская, Г.А. Поспелова, Е.А. Спиридонова, А.А. Величко, В.В. Писарева и др.).

Кроме того, с каждым годом увеличивалась серия «абсолютных» дат, получаемых, как радиоуглеродным методом ($^{14}C^{AMS}$), так и по новейшим методикам IRSL-OSL, разработанным С.Л. Форманом [Forman 2006]. Указанные новые серии дат были получены в университете штата Иллинойс, США (Luminescence Dating Research Laboratory) [Аникович 2005а; Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005; Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006; Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004] и в Оксфордском университете (Oxford Radiocarbon Accelerator Unit, RLAHA) [Housley, Higham, Anikovich 2006][1].

Все эти работы (в первую очередь, на Костёнках 12 и 14) стали одной из основ, на которых базируются весьма существенные коррективы, как абсолютной, так и относительной хронологии региона. В 2000-х гг. прежняя схема уже не просто детализируется, но начинает меняться в своей основе. Здесь мы вынуждены несколько «забежать вперёд» и коснуться проблемы увязки относительной хронологии рассматриваемых нами памятников с геологическим временем.

2.2.3. Проблемы костёнковских гумусов и палеопочв

На геологической шкале Восточной Европы верхнепалеолитическая эпоха соответствует двум крупным подразделениям. Согласно терминологии, принятой в русскоязычной литературе, это «средний валдай» и «поздний валдай». Они, в свою очередь, членятся на более дробные отрезки, соответствующие периодам потеплений (в разрезах, обычно, представлены погребёнными почвами) и похолоданий (как правило, лёссы, лёссовидные негумусированные суглинки). В разных системах эти отрезки называются по-разному, но в принципе они также коррелируются. Большую помощь в этом оказывает радиокарбоновая шкала. Нужно помнить, однако, что при любом совмещении разных региональных схем неизбежна известная доля условности: приходится «закрывать глаза» на отдельные противоречия и несоответствия. Это же относится и к наложению геологических периодов на радиокарбоновую или кислородно-изотопную хронологическую шкалу.

РВП Евразии приходится на кислородно-изотопную стадию (КИС) 3, охватывающую период от ~59 до ~24 тыс. л.н., а на отдельных территориях — и на начало следующей за ней КИС 2 (поздний валдай). В целом КИС 3 — это эпоха сравнительно мягкого климата, выделяемая между двумя холодными максимумами позднего плейстоцена (КИС 4 и 2). В терминах традиционной геологической периодизации, принятой для Европы, это середина последнего, вюрмского (валдайского) оледенения, именуемая также мегаинтерстадиалом или интерпленигляциалом. В пределах среднего валдая (средневалдайского мегаинтерстадиала) выделяется три потепления (снизу вверх: гражданское, кашинское и дунаевское), разделённые двумя похолоданиями. Хронологические границы позднего валдая (КИС 2) определяются в пределах ~24–10 тыс. л.н. с пиком холода 20–18 тыс. л.н. Кратковременные потепления в его пределах выражены слабо; связанные с ними погребённые почвы имеют локальный характер («гмелинская» в Костёнках).

Как же вписывается в геологическое время относительная хронология костёнковского палеолита? История этого вопроса тесно связана с изменениями самой геологической шкалы, с одной стороны, и представлений о характере формирования «гумусированных толщ» — с другой. Переотложенность слоистой пачки склоновых отложений, составляющей в Костёнковско-Борщёвском районе верхнюю и нижнюю гумусированные толщи, долгое время казалась несомненной. Это позволяло думать, что вся пачка возникла в результате переотложения какой-то одной погребённой почвы. Но какой именно?

В 1940 — начале 1950-х гг. в советской четвертичной геологии была популярна точка зрения В.И. Громова, согласно которой верхний палеолит Восточной Европы считался более древним, чем западноевропейский [Громов 1948]. Тогда костёнковские гумусы связывались с микулинской (рисс-

[1] Список радиометрических дат памятников Костёнковско-Борщёвского района см.: Прил. 2.

вюрмской по западноевропейской шкале) почвой, а возраст залегающих в них стоянок определялся или как микулинский (= R/W) [Лазуков 1957а; 1957б], или как калининский (= W_1) [Грищенко 1950]. С опровержением гипотезы В.И. Громова костёнковские гумусированные отложения стали связываться с молого-шекснинским временем, которое, в общем, соотносится со средним валдаем современных стратиграфических схем [Грищенко 1976; Лазуков 1979]. Сейчас такое определение геологического возраста представляется, хотя и верным в принципе (если, конечно, заменить устаревший термин «молого-шекснинское межледниковье» на «средневалдайский мегаинтерстадиал» или КИС 3), но слишком общим. Ведь средний валдай подразделяется на ряд периодов, соответствующих потеплениям-похолоданиям. Вопрос, *с каким именно* периодом среднего валдая соотносятся древнейшие памятники Костёнковско-Борщёвского района, имеет принципиальное значение для хронологии верхнего палеолита всей Европы.

В 1960–1970-х гг. среди советских геологов и палеолитоведов большой популярностью пользовалась концепция геолога А.А. Величко. Согласно ей, на территории Восточной Европы в вюрмское (валдайское) время выделяется только один сравнительно хорошо выраженный брянский интерстадиал, отличавшийся весьма суровыми климатическими условиями. Этому интерстадиалу соответствует единственная хорошо выраженная в средневалдайских отложениях Русской равнины брянская погребённая почва. Хронологические рамки брянского интерстадиала вначале определялись в пределах 29–25 тыс. л.н. [Величко, Иванова, Муратов 1969]. Потом нижняя граница была опущена до 32 тыс. л.н. [Величко, Маркова, Морозова и др. 1985]. Таким образом, брянский интерстадиал в целом коррелируется с последним потеплением интерпленигляциала Центральной Европы (паудорф, денекамп, штилфрид B) и с интерстадиалом арси западноевропейской схемы.

Вплоть до 2004 г. эта точка зрения оставалась неизменной в своей основе. Все следы почвообразования, противоречившие представлениям о брянской почве, объявлялись «эфемерными почвенными покровами», а возможности их использования для межрегиональных корреляций решительно отвергались. Брянский интерстадиал «(30–24 тыс. л.н. /возможен и более ранний возраст его начала/)» считался «главным природным событием» позднего плейстоцена, наряду с последующей холодной эпохой (23–16 тыс.л.н.) и позднеледниковьем (15–13 тыс.л.н.) [Величко, Грибченко, Куренкова 1997: 22–23].

Сторонниками взглядов А.А. Величко костёнковские гумусы рассматривались, как переотложенные остатки брянской почвы с соответствующим заключением о возрасте залегающих в них стоянок [Величко, Иванова, Муратов 1969: 478, Марков, Величко 1967: 189, 192, Григорьев 1970: 58 и др.]. Распространению этой точки зрения способствовали и первые 9 дат по ^{14}C, полученные В.В. Чердынцевым. Для стоянок I и II хронологических групп они указывали возраст в пределах 23–14 тыс. л.н., а для III хронологической группы — 14–9 тыс. л.н. [Чердынцев 1971: 309]. Отсюда следовал вывод об отсутствии в Костёнках стоянок, одновременных древнейшим верхнепалеолитическим памятникам Центральной и Западной Европы. А это, в свою очередь, соответствовало представлениям П.И. Борисковского об особенностях костёнковского палеолита [Борисковский 1963]. Указанная точка зрения долгое время господствовала и в западной литературе [Klein 1969: 49; Hoffecker 1987: 178; Debrosse, Koslowski 1988: 49].

А.Н. Рогачёв и его ближайшие сотрудники по Костёнковской экспедиции никогда не разделяли гипотезу о брянском возрасте древнейших костёнковских стоянок. Однако их аргументы в пользу значительного удревнения стоянок I хронологической группы по отношению к нижней границе брянского интерстадиала воспринимались коллегами более, чем скептически.

Ситуация менялась постепенно. В первую очередь, менялись взгляды на природу и характер костёнковских гумусов. В конце 1970-х гг. в Костёнках были впервые открыты разрезы, содержащие не линзы переотложенного гумуса, а подлинные погребённые почвы. Впервые такой разрез был открыт в так называемом «стратиграфическом шурфе», заложенном в Поповом логу на склоне 35–40-метровой террасовидной поверхности. К сожалению, культурных остатков там не было [Праслов, Малясова 1979; Палеолит... 1982: 19]. Ещё более важным стало открытие настоящих погребённых почв в юго-западной части раскопа на Костёнках 1 [Спиридонова 1991: 42–50].

Таким образом, уже тогда, в 1980–90-х гг., на смену представлениям о переотложенных гумусированных горизонтах, не имеющих в своем строении сколько-нибудь существенных стратиграфических закономерностей, постепенно приходили представления о наличии в Костёнках серии горизонтов почвообразования, которые могут быть «вписаны» в геологическую историю среднего-позднего валдая (вюрма).

Однако решительный прорыв в указанном направлении был сделан только в начале XXI в. Серии погребённых почв (или, выражаясь осторожнее, «горизонтов почвообразования») обнаружились на Ко-

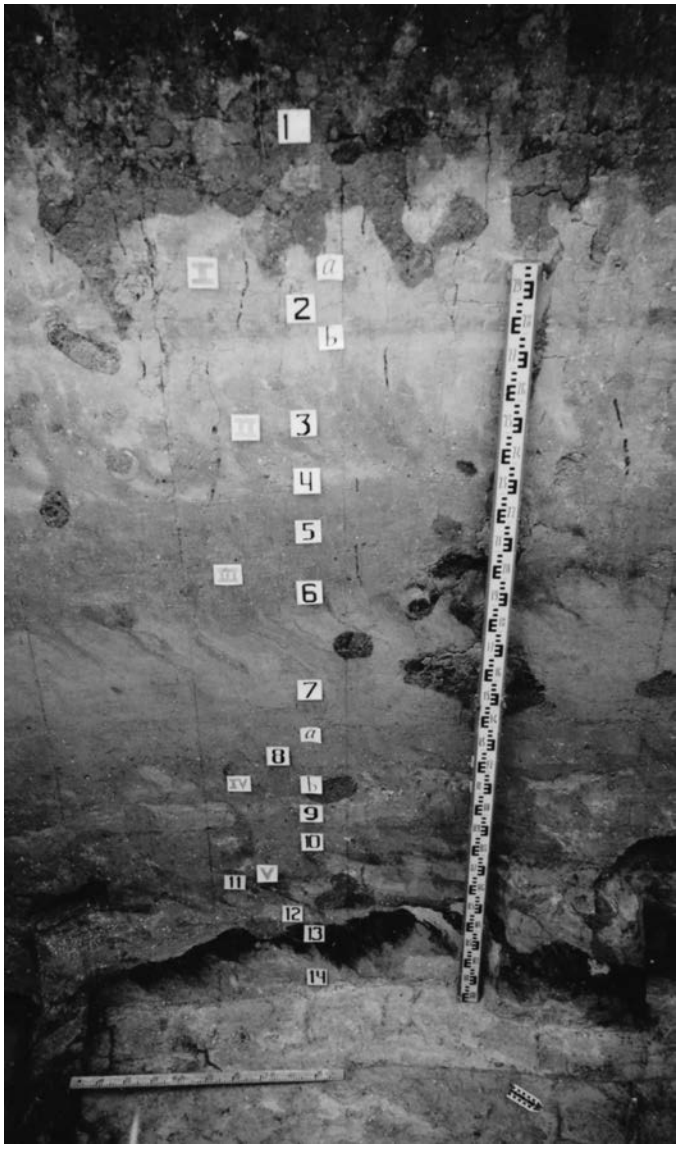

Рис. 27. Костёнки 1 (стоянка Полякова). Раскоп 2004 г. Стратиграфическая колонка по линии пикета 74. Погребённые почвы представлены литологическими горизонтами 5–6 (культ. слой III), 8 (культ. слой IV), 10–11 (культ. слой V), 13 (находок нет)

стёнках 12, 14, 16, Борщёво 5 (рис. 27–28). Подтверждается их наличие на Костёнках 1. Новые разрезы, вскрытые на Костёнках 8 и 11, также говорят о присутствии там не переотложенных гумусов, а горизонтов почвообразования.

Показательно, что геологи и почвоведы, осматривавшие костёнковские разрезы в ходе конференции и полевого семинара к 125-летию открытия палеолита Костёнок в 2004 г. (включая самого А.А. Величко — автора гипотезы о брянском возрасте гумусированных толщ), пожимали плечами: «А почему здесь вообще шла речь о каком-то переотложении? Нет здесь никакого переотложения. Некоторое смещение по склону — да, есть. Но переотложение — это совсем другое...» В результате в своём докладе на этой конференции А.А. Величко публично отказался от своих прежних взглядов на природу и возраст костёнковских гумусов — шаг, на который может пойти только настоящий учёный и очень мужественный человек.

Пересмотр прежних воззрений был особенно важен для хроностратиграфического расчленения стоянок I хронологической группы, расположенных ниже линз вулканического пепла. В настоящее время на Костёнках 12 ниже пепла выделяются 4 горизонта почвообразования (сверху вниз): A, B, C и D

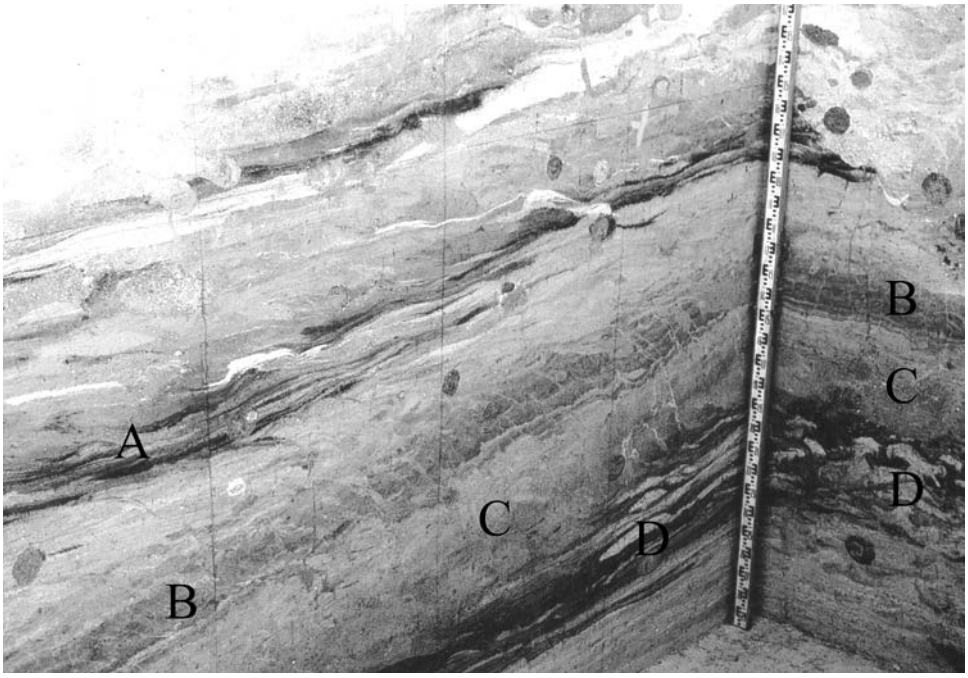

Рис. 28. Костёнки 12 (Волковская стоянка). Юго-восточный угол раскопа 2004 г. Серия погребённых почв, составляющих т.н. «нижнюю гумусированную толщу: горизонты почвообразования A (культурный слой III), B (культурный слой IV), C (культурных остатков не содержит), D (культурный слой V)

(рис. 28). Они различны в морфологическом отношении и в разной степени деформированы склоновыми и мерзлотными процессами. Горизонт A включает культурный слой III; B (почва in situ) — культурный слой IV; D — культурный слой V. Горизонт C культурных остатков не содержит [Аникович 2005а; Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005].

На Костёнках 14 выделено три погребённых почвы, а ниже их — «чёрный интенсивно гумусированный суглинок». Верхняя почва включает культурный слой IVa, нижняя («черный гумусированный суглинок») — «горизонт очагов», рассматриваемый автором раскопок как одно из подразделений культурного слоя IVб (далее: IVб+ГО) [Синицын 2002; Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004: 43, 52].

Важнейшей задачей является взаимная корреляция подразделений, на которые «распалась» нижняя гумусированная толща на Костёнках 12 и 14. В последние годы в результате такой корреляции, основанной на совокупности данных, получена основа для детализации относительной хронологии древнейших памятников Костёнковско-Борщёвского района [Аникович 2005а: 71–75].

Для II хронологической группы подтвердилось особое стратиграфическое значение *основания* верхней гумусированной толщи. Что же касается её средней части и кровли, то на сегодняшний день их выделение в качестве самостоятельных хроностратиграфических единиц, пожалуй, преждевременно.

В отношении III хронологической группы ситуация усложнилась. Сложность состоит в том, что, как на первой донской, так и на вторых балочных террасах представлен не один «горизонт побурения», свидетельствующий о процессах почвообразования. Так, например, на Костёнках 3 и 21 была прослежена ещё одна погребённая почва выше «гмелинской» [Палеолит... 1982: 33–35, 198–199]. На Костёнках 14 в лёссовидных суглинках, перекрывающих верхнюю гумусированную толщу, А.А. Синицын выделяет сейчас 4 горизонта почвообразования. С «гмелинской почвой» сопоставляется самый нижний из них [Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004: 42]. В 2002 г. почвовед М.И. Скрипникова предложила выделять на Костёнках 12 ещё одну погребённую почву, залегающую непосредственно на верхней гумусированной толще, ниже «горизонта побурения», сопоставляемого М.В. Аниковичем с «гмелинской почвой"[1]. Несомненно, поставленная проблема далека от окончательного решения и требует специальной разработки.

[1] IRSL даты, полученные для отложений, подстилающих и перекрывающих указанный «горизонт побурения» на Костёнках 12, подтверждают «гмелинский» возраст данной почвы (см. Прил. 2, №№ 15 и 113).

2.2.4. Вулканический пепел как хроностратиграфический маркер

В хроностратиграфической схеме А.Н. Рогачёва линзы вулканического пепла являются важнейшим хроностратиграфическим репером. В середине 1980-х гг. образцы костёнковских пеплов были впервые проанализированы в Институте вулканологии (г. Петропавловск-Камчатский) и определены, как итальянские, связанные с одним из катастрофических извержений в районе Флегрейских полей [Мелекесцев, Кирьянов, Праслов 1984]. С учетом ^{14}C дат, имеющихся для памятников I и II хронологических групп, и, с другой стороны — наиболее «молодых» датировок, принятых для флегрейских пеплов (~38 тыс. л.н.), мы осторожно писали, что костёнковские пеплы «не моложе» 35–32 тыс. л.н. [Аникович 1991; 1993].

В 2003–2005 гг. происхождение костёнковского пепла было уточнено Д. Пайлом (Кембридж, Великобритания). Выяснилось, что он связывается с флегрейским пеплом Y5 (C1), который в настоящий момент датируется 41–38 тыс. л.н. по шкале ^{40}Ar/^{39}Ar [Pyle, Ricketts, Sinitsyn et al. 2003; Pyle, Ricketts, Margari et al. 2005; Ton-That, Singer, Paterne 2001]. Разумеется, оценивая это «удревнение», следует учитывать несовпадение хронологических шкал, полученных разными радиометрическими методами.

До самого последнего времени обнаружение линз пепла на памятниках отождествлялось с фиксацией краткого, по сути, одномоментного периода в геологической истории региона. Противоположное мнение впервые озвучил В.В. Попов в ходе дискуссии на Международной конференции в Костёнках в 2004 г. С его точки зрения, в подавляющем большинстве случаев на костёнковских памятниках мы имеем дело с *переотложенным* пеплом. Момент его выпадения вовсе не обязательно должен точно совпадать со временем отложения в данном слое. Сейчас на эту тему ведется дискуссия (ср. напр.: [Аникович 2005а; Лисицын 2005; 2006]).

М.В. Аникович полностью согласен с тем, что формирование на костёнковских стоянках литологических горизонтов, содержащих вулканический пепел, не являлось одномоментным процессом. Оно должно было занять более-менее продолжительный отрезок времени. Исходя из этого, М.В. Аникович счёл возможным выделить памятники, как непосредственно связанные с вулканическим пеплом, так и залегающие несколько выше или ниже его уровня, в отдельную хронологическую группу, промежуточную между I и II. Во избежание номенклатурной путаницы, она названа «хронологическая группа I/II» [Аникович 2005а: 77].

На разных стоянках вулканический пепел имеет различный характер залегания. В отдельных случаях его позиция *in situ* не вызывает особых сомнений (Рудкино, возможно, Борщёво 5). Однако гораздо чаще литологические горизонты, в которых присутствует пепел, оказываются уже в той или иной мере переотложенными. Более того, сейчас аналитически установлено, что частицы пепла могут фиксироваться в *нескольких* литологических горизонтах одного и того же разреза.

Такая ситуация, в частности, была выявлена Б. Картером (Гос. университет Оклахома, США) для разреза западной части стоянки Костёнки 1. По его данным, в колонке образцов, взятых в 2004 г., «наиболее значительное присутствие» вулканического пепла («significant amounts of ash») наблюдалось в литологических горизонтах 7 и 8, последний из которых вмещает культурный слой Костёнки 1/IV (зап.)[1] (рис. 27). Однако «незначительное» присутствие пепла было зафиксировано в разрезе и выше, и ниже («Small amounts of ash were noted in the samples above and below these depths») [Аникович, Попов, Хоффекер и др. 2005: 9; Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006: 85–86]. Дать объяснение указанному феномену «рассеяния» частиц пепла по разрезу Б. Картер затруднился.

Так или иначе, в 2005 г. на базе полученных данных был сделан вывод, что в хроностратиграфическом отношении культурный слой Костёнки 1/IV(зап.), содержащий наиболее значительное количество пепла, соответствует культурным слоям Костёнки 12/II, Костёнки 14/ГВП, Борщёво 5/III. В свою очередь, стрелецкий культурный слой Костёнки 1/V(зап.), залегающий ниже литологических горизонтов 7–8, стал определяться как достоверно входящий в состав нижней гумусированной толщи [Аникович 2005а: 77].

Петрофизические исследования пород разреза Костёнок 1 (зап.), произведённые Г.А. Поспеловой в 2007 г., выявили, что переотложенный вулканический пепел содержится *во всех без исключения литологических горизонтах нижней части разреза* (то есть ниже №№ 7–8а, где Б. Картером было зафиксировано «наиболее значительное присутствие» частиц пепла). В основе этого явления (перераспределения и за-

[1] Дополнительная номенклатура «зап.» и «вост.» в настоящее время введена нами для нижних культурных слоёв Костёнок 1–III, IV, V. Корреляция между собой указанных культурных слоев, открытых в восточной и западной частях стоянки Костенки 1, пока является предметом дискуссии (см.: 4.4.2.2). Вероятно, единственным надёжным путём решения этой проблемы станет в дальнейшем анализ стратиграфии стоянки на протяжённом разрезе.

мещения первичных отложений), вероятно, лежат процессы склонового размыва и сноса. «Наблюдается перераспределение материала, как по вектору «сползания», так и в форме инверсий и замещений по мощности отложений. В основном — это криогенный фактор, мерзлотные трещины, криотурбации в нижних частях разрезов, мерзлотные вспучивания и т.д.» [Поспелова, Аникович, Цельмович и др. 2008: 258–259].

2.2.5. Некоторые результаты палеомагнитных исследований

В хроностратиграфических построениях важную роль играют результаты палеомагнитного анализа, по крайней мере, в тех случаях, когда выявляются палеомагнитные экскурсы (изменения положения магнитного полюса) имеющие глобальный характер. Для периода КИС 3 (средневалдайский мегаинтерстадиал) таковыми являются геомагнитный экскурс Лашамп-Каргаполово и более молодой экскурс Моно.

Геомагнитный экскурс Лашамп-Каргаполово зафиксирован на стоянке Костёнки 12 на уровне литологических горизонтов 12 и, возможно, 14 (культурные слои III и IV); на Костёнках 14 — на уровне «горизонта в почве» (далее: ГП), перекрывающего древнейший слой Костёнки 14/IVб+ГО; на Костёнках 17 (Спицынская стоянка) — на уровне культурного слоя II. По последним данным, средний возраст экскурса равен ~42 тыс. л.н. (Guillou, Singer, Laj et al., 2004; Leduc, Touveny, Bourles et al. 2006)[1]. Следов геомагнитного экскурса Моно в костёнковских отложениях пока не обнаружено[2].

Таким образом, сохраняя, в общем и целом, основы хроностратиграфических построений А.Н. Рогачёва и Г.И. Лазукова, мы в значительной мере уточнили, как саму схему, так и принципы, на которых она базируется.

2.3. «Абсолютная» хронология верхнепалеолитических памятников Костёнковско-Борщёвского района

2.3.1. Проблемы методов

2.3.1.1. Корреляция различных радиометрических шкал

Следует особо отметить, что оценки возраста верхнепалеолитических памятников в «абсолютном» исчислении весьма приблизительны и во многом условны. Среди палеолитоведов, изучающих этот период, наиболее популярной является радиоуглеродная хронология. Однако по некоторым оценкам омоложение ^{14}C дат для интервала 50–25 тыс. л.н. может быть порядка 6 тыс. лет, а для образцов возрастом около 50 тыс. л.н. — даже достигает 10 тыс. лет [Pettitt 1999: 224–225; Pettitt, Ramsey, Hedges et al. 2000: 752]. По мнению Я. ван дер Плихта, ^{14}C даты от 30 до 42 тыс. л.н. могут занижать календарный возраст на срок до 7 тыс. лет, тогда как даты древнее 42 тыс. л.н., наоборот, могут быть несколько ближе к реальному возрасту, занижая его лишь на 3–4 или даже 1–2 тыс. лет [van der Plicht 2002]. Недавние исследования по кораллам, где применялась специальная обработка образцов, сводящая к минимуму последствия контаминации, показывают, что для периода примерно от 26 до 48 тыс. л.н. все без исключения ^{14}C даты на 4–6 тыс. лет моложе ТУ дат [Chiu, Fairbanks, Mortlock et al. 2005]. Расхождение между первыми и вторыми, принимаемыми за календарные, постепенно нарастает к 38,5 тыс. л.н. и достигает 6 тыс. лет. Затем разница начинает понемногу сокращаться, и к 50 тыс. л.н. она составляет приблизительно 3700 лет [Fairbanks, Mortlock, Chiu et al. 2005]. Максимальное расхождение приходится, таким образом, на время геомагнитного экскурса Лашамп-Каргаполово, когда интенсивность поля Земли резко уменьшилась, что привело к ослаблению экранирующего эффекта и возрастанию концентрации ^{14}C в атмосфере по сравнению с предшествующим и последующим периодами.

Поскольку до последнего времени «абсолютная» хронология костёнковского палеолита строилась почти исключительно на датировках по ^{14}C, на первый план выступала проблема расхождения дат, полученных в разных лабораториях в разное время. В последние годы ситуация принци-

[1] Продолжительность экскурса Лашамп минимальна, но лишь потому, что он записан на лавовом потоке, который изливался быстро. На самом деле, «кратковременное» изменение направления геомагнитного поля Земли заняло не одну тысячу лет. Это позволяет прослеживать его запись не единичной точкой, а на нескольких стратиграфических уровнях [Pospelova 2007].

[2] Подробнее о результатах палеомагнитных исследований в Костёнках см.: Приложение 3.

пиально изменилась, благодаря серии IRSL-OSL дат, полученных С.Л. Форманом для Костёнок 1, 12 и 14 [Forman 2006: 125–130]. Данное обстоятельство особенно важно потому, что оптико-светостимулирующие методы датирования работают в том диапазоне (>32 тыс. л.н.), где ^{14}C становится менее надежным. Проблема корреляции результатов, полученных этими двумя методами, является особенно важной для исследований в Костёнковско-Борщёвском районе. Уже сейчас можно сказать, что в целом IRSL-OSL даты древнее радиоуглеродных, и что для нижней гумусированной толщи этот разрыв значительнее, чем для верхней. Впрочем, следует отметить и другое: наиболее значительные противоречия в ^{14}C и IRSL-OSL датах (например, для нижних слоёв Костёнок 14) обозначились в самом начале наших совместных работ с лабораторией Иллинойского университета. В последующие годы метод IRSL-OSL-датирования непрерывно отрабатывался. Результаты, полученные для Костёнок 12, уже сейчас позволяют надеяться: дальнейшее расширение базы данных поможет избежать разительных противоречий (или дать им рациональное объяснение, исходя из материалов стратиграфии).

2.3.1.2. Проблема калибровки радиоуглеродных дат

Тем не менее, до сих пор «абсолютная» хронология подавляющего большинства Костёнковских памятников продолжает базироваться на ^{14}C датах. В связи с этим возникает очень важная проблема: степень обоснованности калибровки этих дат, применительно к эпохе верхнего палеолита. Не секрет, что для Западной и Центральной Европы климатостратиграфические схемы разработаны более детально, чем для Восточной, а хронология (увязка с ^{14}C датами) не только более дробна, но и заметно смещена в сторону удревнения. Здесь не последнюю роль сыграла именно калибровка дат, прочно утвердившаяся в западноевропейском палеолитоведении. «...важно, — пишет Г. Бозинский, — что стала возможной калибровка радиоуглеродных дат не только для охватываемого дендрохронологией периода «послеледниковья», а для всего времени верхнего палеолита...» [Бозинский 2002: 8]. В результате верхняя граница интерстадиала мезьер опускается до 28 тыс. л.н., тюрсак, соответственно, приобретает границы 25–24 тыс. л.н. а пик похолодания — до 23–21 тыс. л.н.

Впрочем, среди наших западных коллег нет единства в оценке данного новшества. По мнению Я.К. Козловского, «различия между радиоуглеродными датами (по ^{14}C), полученными на базе древесного угля и костей, и ... калиброванными радиоуглеродными датами [van Andel, Davies (eds.) 2003] и определениями, обеспеченными другими радиометрическими методами, не требующими калибровки [Hedges, Pettitt 1999] *приводят к хаосу во временной корреляции памятников* (курсив наш. — *авт.*). Но самое главное то, что мы сталкиваемся с общей проблемой надежности радиоуглеродных дат для материала между 45 и 30 тыс. л.н.» [Козловский 2005: 104].

Специалисты по радиоуглеродному анализу тоже не столь оптимистичны в отношении возможностей калибровки плейстоценовых дат, как Г. Бозинский и его единомышленники. Так, по мнению Г.И. Зайцевой, метод до сих пор находится в стадии разработки и дает надежные результаты только, начиная с финального плейстоцена-голоцена[1]. В недавней статье Й. Ван дер Плихта тоже подчёркивается, что «калибровка в полном смысле слова возможна только до 13600 г. до н.э., а далее следует говорить о «кривой сравнения» радиоуглеродного и календарного возрастов. Начиная с 20000 лет назад... не существует надёжной калибровочной кривой, и потому, например, проводить калибровку дат позднего и среднего палеолита пока невозможно» [Кузьмин 2006: 162]. Так стоит ли торопиться использовать результаты применения методик, которые, по заключению самих специалистов, еще недостаточно фундированы?

Пока что развитие метода привело к тому, что в научный обиход введено, по меньшей мере, пять или шесть разных способов калибровки, позволяющих получить результаты на любой вкус. Это, впрочем, полезно в одном отношении: в среде археологов сложившаяся ситуация вызвала реакцию отторжения. Сейчас все больше специалистов предпочитают использовать некалиброванные даты. Да, во многих случаях они весьма далеки от календарных. Зато, по крайней мере, они более-менее соотносимы между собой. Поэтому в нашей книге калиброванные даты не используются.

2.3.1.3. Разброс радиоуглеродных дат — проблема метода или проблема памятника?

Хорошо известно, что значительные серии радиоуглеродных дат, полученные для одного и того же палеолитического памятника, подчас дают весьма существенный разброс, — порядка нескольких тысяч

[1] Автор выражает признательность Г.И. Зайцевой за консультацию по данному вопросу.

лет. Чем объясняются такие расхождения, и как в таком случае следует датировать слой? На этот вопрос существует два основных типа ответов.

а) Разброс дат объясняется, в первую очередь, погрешностями самого метода. Наиболее развернуто данная точка зрения выражена в коллективной монографии 1997 г.: «При том, что точность определений увеличивается по мере совершенствования методик датирования, уменьшением их разброса это не сопровождается. На настоящий момент рамки этого разброса определяются интервалом порядка 5 тыс. лет, что характерно не только для восточноевропейских, но и для западноевропейских памятников, и не только для датировок отечественных лабораторий. *Разрешающую способность применения методов абсолютного датирования археологических материалов эпохи верхнего палеолита на конец XX века приходится, поэтому, определять пятитысячелетним интервалом* (курсив наш. — *авт.*)» [Радиоуглеродная хронология... 1997: 46].

Оценивая возможность того, что разброс дат, хотя бы в некоторых случаях, может объясняться продолжительностью существования памятника, соавторы[1] недвусмысленно утверждают: «Современное состояние абсолютного датирования не пригодно для хронологического членения времени существования одного поселения на этапы... Разброс радиоуглеродных датировок всех без исключения стоянок значительно превышает допустимые представления о длительности обитания человека на одном поселении...» [Там же: 31, 33].

Отметим, что сами соавторы на практике *ни разу* не последовали выдвинутому ими тезису о «пятитысячелетнем интервале». Так, например, по их мнению, радиоуглеродный возраст Костёнок 1/I определяется «в пределах 22–24 тыс. лет» [Там же: 31], а не 19–24 тыс. лет, как логически следовало бы из провозглашенной и неоднократно повторенной ими самими посылки. Это неудивительно: последовательное применение «пятитысячелетнего интервала» в принципе обессмысливает использование радиоуглеродных дат в археологии палеолита.

б) Разброс дат объясняется в первую очередь особенностями памятника и методикой отбора образцов.

Само собой разумеется, эта точка зрения развивалась в первую очередь специалистами по радиоуглеродному датированию. Приведем два примера:

«Что касается разброса радиоуглеродных дат, растянутости хронологической шкалы для одного и того же памятника, то здесь возможно влияние множества факторов: расположение датируемого образца в слое, его степень сохранности, стратиграфия, динамика накопления и сноса минерального вещества, правильность отбора, диагенетические процессы и т.д. ... Возникший разброс дат по одному памятнику должен заставить исследователя рассматривать его, не как единое целое, а как сумму динамических объектов, развивавшихся в прошлом...» [Свеженцев 1997: 15].

«Для стоянок с дробно датированными культурными слоями по крайним датам скопления можно условно оценить время формирования всего культурного слоя. Для Мальты это время составляет ~900 лет; для Сунгиря ~2700 лет, для Авдеево это, возможно, три отрезка по 300–600 лет; для Пушкарей 1 ~500 лет; для Афонтовой горы ~1200 лет... Представляется, что даты большей частью верны, и весь их массив может войти в систему геохронологических данных верхнего палеолита Восточной Европы и Сибири, синхронизируя геоэкологические обстановки различных территорий...» [Сулержицкий 2002: 61].

В логическом отношении (а логика — далеко не последний инструмент в арсенале научной формы познания) данная точка зрения весомее предыдущей. Она базируется на доверии к используемому методу (иначе зачем им пользоваться вообще?), тогда как первая покоится, в сущности, на интуитивных ощущениях археолога о «допустимости» сроков функционирования поселения. 5 тыс. лет — срок «недопустимый», поэтому из совокупности дат выбираются (опять-таки по интуиции) наиболее «приемлемые». Именно так поступает большинство археологов. Большинство, но не все. После детальной публикации результатов новаторского подхода к изучению хроностратиграфии Зарайской стоянки [Амирханов 2000] всё большее количество палеолитоведов (в их числе и мы) принимают, с теми или иными оговорками, указанную точку зрения специалистов по радиоуглеродному датированию. По нашему мнению, «метод простого отброса» неугодных датировок явно неуместен в серьезном научном исследовании.

---

[1] У цитируемой главы коллективной монографии 4 соавтора: А.А. Синицын, Н.Д. Праслов, Ю.С. Свеженцев, Л.Д. Сулержицкий. Однако, как будет показано ниже, Ю.С. Свеженцев и Л.Д. Сулержицкий отнюдь не разделяют приведенную точку зрения. Поэтому следует в данном случае считать соавторами А.А. Синицына и Н.Д. Праслова: будучи ответственными редакторами книги, они нигде не отмечают каких-либо разногласий.

2.3.2. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников I хронологической группы

Взаимная корреляция памятников, как древнейших, так и более поздних, основывается на целом комплексе данных: геологическая стратиграфия, радиометрические датировки, данные палеомагнитного анализа, палинология и проч. При этом мы исходим из следующих посылок:

а) представлений о том, что при датировках памятников древнее 32 тыс. л.н. радиоуглеродный метод обычно дает ошибки в сторону омоложения;

б) «доверия» к древним IRSL-OSL датам, основанного на том, что даты, полученные этим методом для более молодых образцов на Костёнках 12, очень близки к датировкам по ^{14}C;

в) современной датировки флегрейских пеплов Y5(C1), с поправкой на то, что переотложенные пеплы могут перекрывать и более молодые отложения;

г) принятой датировки палеомагнитного экскурса Лашамп-Каргаполово.

Если исходить исключительно из геолого-стратиграфических данных и радиоуглеродных дат, можно предложить несколько вариантов корреляции древнейших культурных слоёв костёнковских многослойных стоянок. Палеомагнитные экскурсы несколько облегчают задачу: по имеющимся предварительным данным, культурный слой Костёнки 12/III (лит. гор. 12) синхронен слою Костёнки 14/ГП (лит. гор. 22) и Костёнки 17/II.

Для корреляции нижележащих отложений очень важную роль играет палинологический анализ, в комплексе с другими естественнонаучными методами, включающими морфологические, палинологические и магнитные характеристики разрезов, а также палеозоологические, малакофаунистические и тафономические материалы, данные литолого-фациального анализа и т.д. На этой основе, в частности, в 2004–2005 гг. были осуществлены детальные реконструкции палеоклимата на каждом этапе формирования «подпепловых» отложений Костёнок 12 и предложен вариант корреляции древнейших слоёв Костёнок 12 и 14 [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005; Поспелова, Аникович, Хоффекер 2005: 132–137].

Данные, полученные в 2000-х гг. [Левковская, Хоффекер, Аникович 2005], позволили сделать вывод, что разрезы стоянок Костёнки 12 и 14 взаимно дополняют друг друга. Древнейшие («подпепловые») отложения Костёнок 14, включающие не менее 3 почвенных горизонтов, представляют собой верхнюю часть т.н. нижней гумусированной толщи. На Костёнках 12 соответствующие горизонты сохранились ущербно: их верхняя (и нижняя?) части размыты. Сохранившаяся часть представлена в разрезе одной палеопочвой A, вмещающей культурный слой Костёнки 12/III. Палеопочвы B, C и D относятся к более раннему периоду (подробнее см.: 2.4.2).

На стоянке Костёнки 1 ситуация с определением возраста древнейшего на этом памятнике культурного слоя V затруднена: неясно, являются ли синхронными материалы, определённые как культурный слой V в восточной части стоянки и в западной её части. Их принадлежность к одной — костёнковско-стрелецкой — археологической культуре несомненна, но, например, на Костёнках 12 к этой культуре относятся два бесспорно разновременных культурных слоя (III и Ia), залегающих, соответственно, в верхней части нижней и в основании верхней гумусированной толщи. Поэтому до выяснения вопроса мы ввели дополнительные номенклатурные обозначения: Костёнки 1/V(вост.) — для материалов раскопок 1940–80-х гг. в восточной части стоянки; Костёнки 1/V(зап.) — для материалов раскопок 1980–2000-х гг. в западной части стоянки. На сегодняшний день, можно считать установленным принадлежность этого слоя Костёнки 1/V (зап.) к подпепловым отложениям, однако это не снимает вопроса о стратиграфическом положении слоя Костёнки 1/V (вост.).

Принадлежность нижней гумусированной толще культурного слоя Костёнки 8/IV очень вероятна, но пока не доказана. Ставить вопрос о более точной хроностратиграфической позиции этого памятника пока преждевременно — даже в самом предварительном плане. Последнее утверждение относится и к материалам Костёнок 6, залегающих под линзами вулканического пепла, но в полностью деструктурированных отложениях, заполняющих древний овражек.

Для оценки «абсолютного» возраста I хронологической группы данные по ^{14}C представляются наименее надежными. Они указывают лишь на то, что соответствующие памятники не моложе 36 тыс. л.н. Поэтому исключительную важность имеют здесь даже предварительные результаты палеомагнитного анализа, согласно которым культурные слои Костёнки 12/III (и IV?), Костёнки 14/ГП, Костёнки 17/II существовали в период геомагнитного экскурса Лашамп-Каргаполово, средний возраст которого ~42.000 л.н.

Палинологические данные, полученные для отложений, вмещающих памятники хронологической группы I, фиксируют природные процессы, характерные для первой половины средневалдайского мега-

интерстадиала (КИС 3): более или менее продолжительные потепления, сменяющиеся кратковременными похолоданиями. Исходя из сказанного, мы склонны опираться в своей оценке «абсолютного» возраста I хронологической группы на серию дат, полученных методами IRSL-OSL. Согласно им, нижняя хронологическая граница указанного периода устанавливается в пределах 50–43 тыс. л.н. (см. Прил. 2, №№ 205–208, 212).

Полученные недавно новые $^{14}C^{AMS}$ даты по нижнему (V) слою Костёнок 12, до некоторой степени подтверждают эту хронологию (с учётом расхождения радиометрических шкал) [Housley, Higham, Anikovich 2006]. Древнейшая из них имеет значение 41.300±450 (см. Прил. 2, № 210).

2.3.3. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников хронологической группы I/II

Выше мы уже привели данные, на основе которых была выделена новая хронологическая группа I/II, включающая памятники, непосредственно или опосредованно связанные с вулканическим пеплом.

Впервые культурный слой, непосредственно связанный с линзами вулканического пепла (залегая отчасти в них, а преимущественно и непосредственно — под ними), был открыт на Костёнках 14 А.А. Синицыным. Это т.н. «горизонт в пепле» или ГВП [Синицын 2002].

Ему бесспорно синхронен культурный слой III стоянки Борщёво 5, так же приуроченный к линзам вулканического пепла [Лисицын 2004: 75]. Они синхронизируется со слоем Костёнки 12/II, расположенным ниже линз вулканического пепла, но в том же литологическом горизонте 11. Судя по датам, к ним близок по возрасту и слой Костёнки 14/IVa.

К той же хронологической группе I/II бесспорно относится культурный слой Костёнки I/IV(зап.), залегающий в горизонте, где аналитически выявлен пепел.

Для определения возраста хронологической группы I/II есть два варианта. Если ориентироваться на возраст пепла Y5(CI) по шкале $^{40}Ar/^{39}Ar$, то интервал данной группы определяется в рамках 41–38 тыс. л.н. [Pyle, Ricketts, Margari et al. 2005]. Если же опираться, в первую очередь, на имеющиеся ^{14}C даты, полученные для Костёнок 14/ГВП и IVa, с одной стороны, и Костёнок 1/V(зап.), с другой, то хронология этой группы памятников укладывается в рамки 35–32 тыс. л.н. (см.: Прил. 2). С учётом данных, полученных для более ранней хронологической группы I (см. выше), такой радиоуглеродный возраст хронологической группы I/II представляется наиболее обоснованным и приемлемым. Но при этом, как уже говорилось выше, следует учитывать несовпадение разных радиометрических шкал.

2.3.4. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников II хронологической группы

Для успешного решения этой задачи накоплено достаточно большое количество данных по стратиграфическим наблюдениям, датировкам по ^{14}C (здесь метод уже более надёжен), палинологии (есть спорные моменты, но нет серьёзных противоречий, отмеченных для нижележащих отложений).

Тем не менее, в определении хронологических границ данного периода между исследователями Костёнок имеются принципиальные разногласия. Для того, чтобы прояснить их суть, мы сводим данные в таблицу, где стоянки II хронологической группы, имеющие радиометрические даты, распределены по двум стратиграфическим подгруппам (см.: Приложение 2). К самой древней подгруппе (IIA) относятся стоянки, залегающие в основании верхней гумусированной толщи. Они выделяются достаточно отчетливо; разногласий здесь практически нет. Более молодая подгруппа (IIB) объединяет памятники, приуроченные к средней-верхней частям верхней гумусированной толщи (ВГТ). Вполне возможно, что впоследствии в рамках её также будут выделены две самостоятельные хронологические подгруппы, но сейчас такое разделение преждевременно, слишком искусственно.

Особо анализируется почва, вмещающая культурный слой Костёнки 1/III, поскольку относительно хронологической атрибуции этого памятника имеются две резко различные точки зрения (см. ниже).

Всего в таблице приведено 70 дат для памятников II хронологической группы (см.: Прил. 2, №№ 114–183). При этом отброшены (не включены) ещё 3 даты с Костёнок 14/II–III, как не имеющие точной стратиграфической привязки [Радиоуглеродная хронология... 1997: №№ 117–119]. Из приведённых дат 65 получены по методу радиоуглеродного датирования, 5 — по методу IRSL-OSL. Из этих пяти одна (Костёнки 12/I, значения ~30 и 27 тыс. л.н., № 135), в целом, соответствует радиоуглеродным. Две другие, «зажимающие» между собой почву, вмещающую III культурный слой на Костёнках 1 (обе ~30 тыс. л.н., №№ 127–128), по-видимому, указывают на относительную кратковременность фор-

мирования этой почвы. Учитывая тенденцию IRSL-OSL-дат к некоторому удревнению, по сравнению с радиоуглеродными, можно сказать, что они подтверждают радиоуглеродный возраст этой почвы, устанавливаемый по совокупности дат в пределах 26–25 тыс. л.н. Наконец, две IRSL-даты, полученные для Костёнок 14 (соответственно, для III и IIIа культурных слоёв), первоначально выглядели омоложенными (~24 тыс. л.н.). Однако после уточнения их по методу OSL их стало возможно признать вполне соответствующими радиоуглеродному возрасту основания верхней гумусированной толщи — ~26–25 тыс. л.н. для слоя III и ~32–31 тыс. л.н. для слоя IIIа (см.: Прил. 2, №№ 172, 178).

Из учтённых 65 ^{14}C-дат 15 можно не принимать во внимание, как явно омоложенные, соответствующие датировкам III хронологической группы (~21–13 тыс. л.н.) или даже неолиту (5–3 тыс. л.н.). Дата ~38 тыс. л.н., полученная для Костёнок 1/III, соответствует наиболее древним радиоуглеродным датировкам, полученным для памятников I хронологической группы. Она явно удревнена (о причине будет сказано ниже).

Оставшиеся 50 дат распределяются следующим образом: датировок ~26–23 тыс. л.н. — 25 (включая одну дату >22 тыс. л.н. и второе значение даты № 139 — ~ 25 тыс. л.н.); ~29–27 тыс. л.н. — 15; ~32–30 тыс. — 9. Кроме того, имеются «запредельная» дата >18.800 л.н. (№ 160) и явно удревнённая дата ~38 тыс. л.н. (№ 126, о ней речь пойдёт ниже). При этом даты ~32–30 тыс. исключительно относятся к памятникам, залегающим в основании верхней гумусированной толщи: Костёнки 12/Ia, Костёнки 14/III. Только две из них (№№ 124–125) происходят с Костёнок 1/III, чья стратиграфическая позиция спорна. Таковы факты. А вот вывод, сделанный на их основании А.А. Синицыным:

«В целом позиция стоянок второй хронологической группы *определяется рамками 27–32 тыс. лет* (курсив наш. — *авт.*), а условия формирования верхней гумусированной толщи связываются с интерстадиалом Арси-Денекамп западноевропейской схемы [Labeyrie 1984], паудорфом Центральной Европы и Дунаевским потеплением Восточной Европы [Чеботарёва, Макарычева 1974: 155; Кинд, 1974: 188; Праслов 1984: 30–33]...» [Радиоуглеродная хронология... 1997: 29].

Но позвольте, откуда же взялась верхняя хронологическая граница 27 тыс. л.н.? В работах, на которые ссылаются А.А. Синицын и его соавторы, для конца дунаевского потепления, как и брянского интерстадиала, и того же паудорфа указана совсем иная дата: 25–24 тыс. л.н. Аналогично эта граница рассматривается и в отечественных работах последних лет [Величко, Грибченко, Куренкова и др. 1999: 44, 50; Спиридонова 2002: 246].

Поскольку ни в цитируемой монографии, ни в последующих публикациях А.А. Синицына данный момент никак не оговаривается, то о причинах столь вольных манипуляций с датами можно только догадываться. Выше уже упоминалось о том, что в Западной и Центральной Европе климатостратиграфические схемы разработаны детальнее, а хронология их, благодаря широкому применению калибровки радиоуглеродных дат, заметно смещена в сторону удревнения. Чтобы лучше «соответствовать» современным хронологическим схемам Западной Европы, А.А. Синицын совершает очень простую операцию. «Ненужные» даты он попросту игнорирует без каких-либо объяснений, а хронологические границы расставляет, руководствуясь соображениями «удобства». Мы называем это принципом «мне так кажется, мне так хочется».

Сколь бы ни были хорошо разработаны хроностратиграфические схемы наших западных коллег, их автоматический перенос на восточноевропейскую почву — далеко не лучший способ поправить собственные дела. Если мы и впредь «ради взаимопонимания» будем отбрасывать значительную часть результатов, полученных в лабораториях, то возникает закономерный вопрос: а стоит ли в таком случае вообще трудиться и тратить деньги на аналитику? Достаточно, почитав западную литературу, расквартировать восточноевропейские стоянки, руководствуясь все тем же принципом «мне так кажется, мне так хочется», — и корреляция осуществлена!

Кстати, откуда взялась уверенность, что во всех частях Европы климатические изменения происходили одинаково, да еще строго в одних и тех же хронологических рамках? Чтобы разобраться в этой далеко не простой проблеме, необходимы именно региональные хроностратиграфические схемы.

К сожалению, поспешная передатировка верхней гумусированной толщи Костёнок уже принесла свои плоды. Появились работы, в которых её хронологические рамки 32–27 тыс. л.н. подаются, как доказанные (да еще и со ссылкой на работы М.В. Аниковича, в действительности, противостоящего такой тенденции), а границы III хронологической группы устанавливаются в рамках 27–20 тыс. л.н. [Коен, Степанчук, 2000: рис. 1]. В итоге в проблему хронологии верхнего палеолита Восточной Европы (и без того сложную) вносится дополнительная путаница.

Метод «отбрасывания» неугодных дат последовательно применяется А.А. Синицыным и при датировке отдельных памятников, что особенно ярко проявилось на примере Костёнок 1/III. Восемь дат,

полученных для этого памятника, образуют компактную группу в пределах 26–25 тыс. л.н., две имеют значение ~32 тыс., а одна — ~38 тыс. л.н. Компактная совокупность явно указывает на конец средневалдайского мегаинтерстадиала, что, кстати, хорошо согласуется с мерзлотными деформациями почвы и включенных в неё культурных остатков.

Происхождение древних дат тоже вполне объяснимо. Все эти «древние» образцы (№№ 124–126) происходят из раскопа 1989 г. Руководил им М.В. Аникович. По его собственному признанию: «Нижние языки почвы, вмещающей культурный слой III, вплотную подходили там к гумусированным линзам с находками культурного слоя V. Даже относительно более крупных находок порой возникали сомнения, смешение же древесных углей представляется весьма вероятным. Тем не менее, тогда я стремился собрать *весь* древесный уголь. Сейчас мне ясно: в подобных условиях это было ошибкой...» [Аникович 2005а: 79–80].

Иных взглядов придерживается А.А. Синицын. В определении возраста Костёнок 1/III он ориентируется именно на датировки ~32 тыс. л.н. Они, по его мнению, «находятся в большем соответствии с данными стратиграфии и палинологии...» [Радиоуглеродная хронология... 1997: 29]. Однако непонятно, о каком «соответствии с данными стратиграфии» идет речь? Погребённая почва с мерзлотными деформациями такого рода, как в Костёнках 1/III — явление уникальное для Костёнковско-Борщёвского района. Никто не может сказать однозначно, какому же горизонту верхней гумусированной толщи она должна соответствовать?[1] Поэтому в её интерпретации многое зависит от интерпретации нижележащих гумусированных горизонтов. А они, как уже было отмечено выше, до сих пор не идентифицированы однозначно.

Что касается палинологии, то Е.А. Спиридонова, действительно, сопоставляет данные, полученные по почве, вмещающей культурный слой III, «с первой половиной одного из межстадиалов среднего валдая» [Спиридонова 1991: 49]. Однако, если принимать во внимание мерзлотные процессы, разрушившие эту почву, то возникает вопрос: а почему реконструируемая на этом уровне «настоящая тайга с преобладанием сомкнутых, монодоминантных еловых лесов высоких классов бонитета» [Там же: 49] должна непременно сопоставляться с *первым* появлением ели? Судя по тем же данным, это появление предшествовало отнюдь не резкому похолоданию, а достаточно тёплому межстадиалу [Там же: 68]? Ведь в Костёнках 17 на уровне верха верхней гумусированной толщи и основания перекрывающего лёссовидного суглинка фиксируется *возвращение ели*, и для этого периода тоже можно говорить о «монодоминантных еловых лесах» [Там же: 60].

В этой связи нельзя не заметить, что компактные радиоуглеродные датировки очень хорошо согласуются с предположением о соответствии погребённой почвы, вмещающей культурный слой Костёнки 1/III, именно верхам верхней гумусированной толщи. В этом случае разрушившие его мерзлотные деформации связаны с началом поздневалдайского оледенения. Эти мерзлотные явления предшествовали первому поздневалдайскому короткому потеплению, отмеченному в Костёнках «гмелинской почвой».

Есть, впрочем, ещё один вариант решения, исходящий из предположения, высказанного еще А.Н. Рогачёвым, что культурный слой III не един. По его наблюдениям, очаги находились на разных уровнях, а кремни, залегающие в верхней части слоя и в его основании, различны по породе: вверху чаще встречается жёлто-коричневый кремень с молочной патиной, а внизу — тёмный, непрозрачный, непатинированный [Рогачёв 1982: 62–64]. В этом случае, конечно, один слой мог иметь возраст ~25 а другой — ~32 тыс. л.н. Однако наблюдения М.В. Аниковича во время раскопок 1980-х гг. не подтвердили это предположение.

2.3.5. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников III хронологической группы

К этой группе относится большинство стоянок, залегающих в лёссовидных суглинках второй и первой террас, а также в погребённых почвах, зафиксированных выше верхней гумусированной толщи. В качестве стратиграфического репера нами используется только одна палеопочва — «гмелинская». Соответственно, памятники данной группы разбиваются на 3 хронологических подгруппы: IIIA (между верхом ВГТ и основанием «гмелинской почвы»); IIIB (залегающие в «гмелинской почве») и IIIC (зале-

[1] В одной из своих последних работ А.А. Синицын связывает почву Костёнок 1/III с почвой, вмещающей культурный слой на Костёнках 16 — «по типу и механическому составу» [Синицын, Синицына, Спиридонова и др. 2004а: 61]. Но по радиоуглеродным датам ~25–28 тыс. л.н. эта почва должна сопоставляться, во всяком случае, не с основанием, а со средней-верхней частями верхней гумусированной толщи.

гающие выше «гмелинской почвы»). Впоследствии эта схема, несомненно, будет детализирована — прежде всего, в подгруппе IIIC, где уже сейчас зафиксирована серия погребённых почв (Костёнки 14 и 21).

Данные по стоянкам III хронологической группы, имеющим радиоуглеродные даты, сведены нами в таблицы и распределены по обозначенным выше подгруппам (см.: Приложение 2). Анализ всей совокупности даётся ниже.

В одной из своих последних работ, посвященных Костёнкам, Г.И. Лазуков писал: «К сожалению, приходится констатировать, что лёссовидные отложения, перекрывающие наиболее древние стоянки района, представлены монотонной толщей, в которой до сих пор не выявлены какие-либо корреляционные горизонты...» [Палеолит... 1982: 22]. Наличие таких горизонтов — двух погребённых почв, горизонта белоглазки и прослоя известнякового плитняка — он фиксировал только в отложениях первой надпойменной террасы [Палеолит... 1982: 36–37]. Сходную позицию занимает А.А. Синицын: «...внутренняя дифференциация стоянок III хронологической группы на настоящий момент решается исключительно археологическими средствами» [Радиоуглеродная хронология... 1997: 31]. Однако нетрудно убедиться, что в попытках дифференцировать памятники III хронологической группы М.В. Аникович опирается, в первую очередь, на стратиграфию. Серьёзную помощь здесь оказывают и радиоуглеродные даты, хотя накопленного материала ещё недостаточно — особенно в части, касающейся хронологической подгруппы IIIA. Как будет показано ниже, в хронологическом распределении учитываются и археологические показатели, но отнюдь не в первую очередь.

Для памятников этой группы опубликовано 113 дат. О некоторых из них можно спорить, однако в целом имеющиеся данные никак не позволяют согласиться с теми выводами, к которым приходят наши уважаемые оппоненты:

«Основываясь на всей совокупности имеющихся данных, хронологические рамки группы определяются интервалом 27–20 тыс. лет» [Радиоуглеродная хронология... 1997: 29]. Можно только гадать, какая «совокупность данных» заставила опустить нижнюю хронологическую границу едва ли не до середины брянского интерстадиала, а верхнюю остановить у валдайского климатического минимума, совершенно проигнорировав более молодые датировки? В таком случае в упомянутую «совокупность данных» явно не входят ни стратиграфия (где аналог брянской почвы?), ни палинология, недвусмысленно указывающая на то, что в костёнковских лёссовидных суглинках фиксируется процесс похолодания с господством открытых ландшафтов (степь, опустыненная степь).

Показательно, что из всей совокупности дат только одна TL дата, полученная по образцу обожжённой глины из-под очага на Костёнках 21/III, имеет значение ~26 тыс. л.н. (№ 102). В рассматриваемой хронологической группе нет *ни одной радиоуглеродной даты со значением в пределах 27–25 тыс. л.н.* Имеется, правда, две «древних» даты — ~38 тыс. л.н. (№ 5) для Костёнок 2 и ~28 тыс. л.н. (№ 8) — для Костёнок 10. Но эти датировки, полученные по костям мамонта и соответствующие радиоуглеродному возрасту I и II хронологических групп, указывают, по нашему мнению, лишь на то, что люди, оставившие данные памятники, не только охотились на мамонтов, но, при случае, подбирали древние кости и приносили их на стоянку. Напомним, что и в наше время сбор мамонтовых костей представляет собой весьма доходный бизнес.

OSL-датировки, полученные для Костёнок 12 выше и ниже «горизонта побурения» (лит. гор. № 4), являются весомым аргументом в пользу идентификации указанного горизонта с «гмелинской почвой». Они вполне соответствуют радиоуглеродным датам, а также нашим представлениям о возрасте хронологических подгрупп IIIA и IIIC. Для отложений, подстилающих «гмелинскую почву», тремя различными методиками получено три значения даты (по одному образцу): одно ~25 тыс. л.н. и два ~24 тыс. л.н. (№ 113). Отложения, перекрывающие «гмелинскую почву», датированы ~19 тыс. л.н. (№ 15).

Ниже мы приводим детальные обоснования распределения памятников по трём указанным подгруппам и определения их возраста.

Подгруппа IIIA. В неё, прежде всего, следует включить культурный слой Костёнки 11/III, достоверно залегающий под «гмелинской почвой» с находками культурного слоя II. В ту же подгруппу, вероятно, включается и культурный слой II на Костёнках 1 (абсолютных дат нет). Залегающий выше культурный слой I, по мнению Н.Д. Праслова [1985: 27], подтверждённому и серией радиоуглеродных дат, следует соотносить с «гмелинской почвой». В ту же подгруппу IIIA., несомненно, входит так называемый «верхний горизонт находок» (ВГН) Костёнок 12, расположенный ниже «гмелинской почвы» и датированный по методу IRSL/OSL ~25–24 тыс. л.н. (№ 113).

Кроме того, к подгруппе IIIA М.В. Аникович относит — уже на основе косвенных (археологических) данных — два культурных слоя Костёнок 8 — I и Ia. Слой Костёнки 8/I в культурном отношении

близок Костёнкам 11/III, причём археологические характеристики указывают на связь с костёнковско-стрелецкой культурой, относящейся к предшествующим периодам.

Для памятников, отнесённых к подгруппе IIIA (Костёнки 8/I, 11/III, 12/ВГН) получено 6 дат, одна из которых –~16 тыс. л.н. (№ 110), явно омоложена. Из оставшихся дат четыре радиоуглеродных лежат в интервале 23–20 тыс. л.н., а уже упомянутая выше IRSL/OSL-дата для Костёнок 12/ВГН имеет 3 значения ~25–24 тыс. л.н.

Подгруппа IIIB. В неё входят памятники, непосредственно приуроченные к «гмелинской почве»: Костёнки 11/II, 14/I, 21/III и Борщёво 5/I. Сюда же присоединяется (с оговорками, о которых речь пойдёт ниже) совокупность памятников виллендорфско-костёнковской культуры: Костёнки 1/I и 13. Ряд памятников может быть включён в подгруппу IIIB по археологическим данным. По мнению М.В. Аниковича, тонким хронологическим индикатором выступают здесь мергелевые стилизованные фигурки животных, встреченные в разнокультурных памятниках: Костёнки 1/I, 4/I, 9, 11/II [Аникович 1983]. Особенно примечательно то, что мергелевые мамонты из Костёнок 1/I гораздо больше похожи на соответствующие изображения из Костёнок 11/II, чем на мамонтов из Авдеевской стоянки, которая в культурном отношении является самым близким аналогом верхнему слою Костёнок 1. Таким образом, по данному признаку в подгруппу IIIB включаются Костёнки 4/I (и, вероятно, II) и Костёнки 9. Наконец, сюда же следует присоединить Костёнки 5/III как памятник, однокультурный Костёнкам 21/III и Костёнкам 11/II, а также стоянку Костёнки 5/II — по радиоуглеродным датам.

Для подгруппы IIIB получено 67 радиоуглеродных дат, 46 из которых приходятся на Костёнки 1/I. Детальный анализ серии дат по этому памятнику был сделан А.А. Синицыным. Загадочным для нас остался лишь его заключительный вывод: «С учётом всего комплекса естественнонаучных данных, наиболее предпочтительный возраст поселения I культурного слоя Костёнок 1 определяется на настоящий момент 22–24 тыс. лет...» [Радиоуглеродная хронология... 1997: 31]. Почему при допуске в 2 тыс. лет в границы допустимого попала дата 24 тыс. л.н. (3 значения в колонке), а не 21 тыс. л.н. (6 значений)? Мы уж не говорим о более молодых датах: ~20–16 тыс. л.н. (13 значений)! Учитывая опыт исследований Зарайской стоянки, мы не склонны их отбрасывать. Детальный анализ этого вопроса см.: 6.3.4.

По всей подгруппе IIIB в целом подавляющее большинство датировок лежат в пределах 22–20 тыс. л.н., что и представляется для неё наиболее допустимым. Явно омоложенными являются даты ~8 и 10 тыс. л.н. для Костёнок 1/I (№№ 41–42). Есть основания сомневаться в дате ~15 тыс. л.н. для Костёнок 11/II (ТА-34, № 93) — уже потому, что для перекрывающего культурного слоя Костёнки 11/Ia имеется серия более древних дат (№№ 11–14).

Из серии дат, полученных для Борщёво 5/I, в пределы наиболее допустимого интервала попадают 3 даты: ~22 тыс. л.н. (№ 104) и ~20 тыс. л.н. (№№ 105, 107). Даты ~17 и 14 тыс. л.н. (№№103, 106) не могут не вызывать сомнения уже потому, что указывают на время позднеледникового потепления, пришедшего на смену последнему климатическому минимуму. А это никоим образом не соответствует стратиграфическому положению данного культурного слоя.

Впрочем, и этот вопрос требует уточнения. Как уже отмечалось выше, сейчас мы отнюдь не склонны априорно отвергать т.н. «молодые» даты, полученные для Костёнок 1/I (~19–16 тыс. л.н.)., хотя, вероятно, логичнее было бы рассматривать их в контексте хронологической подгруппы IIIC. Однако эта проблема требует отдельного рассмотрения и не может быть решена однозначно на имеющихся у нас материалах (см.: 6.3.4).

Подгруппа IIIC. К ней относятся культурные слои, расположенные выше «гмелинской почвы»: Костёнки 11/Ia-Iб, Костёнки 21/I-II, Костёнки 2, как памятник, синхронный Костёнкам 11/Ia, и, возможно, являющийся его частью [Палеолит... 1982: 67]. Сюда же, вероятно, следует включать стоянку Костёнки 3, которая интерпретируется, как продолжение Костёнок 21/I [Там же: 200]. По стратиграфическому положению (непосредственно под современной почвой), в ту же подгруппу, возможно, входит Костёнки 10 (Аносовка 1), хотя этому противоречит радиоуглеродная дата ~22 тыс. л.н. (№ 7).

Далее, в подгруппу IIIC включаются Костёнки 19, чья индустрия однокультурна Костёнкам 2 и 3, а также Борщёво 1. По мнению М.В. Аниковича, последний памятник представляет собой один из ближайших культурных аналогов Мезинской стоянке, входящей в Днепро-Донскую совокупность памятников с округлыми костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа. По современным данным, включая стратиграфию и радиоуглеродные даты, эта совокупность представляет собой единый культурно-хронологический пласт, существовавший в центре Русской равнины в позднеледниковье [Величко, Грехова, Грибченко и др. 1997: 15; Аникович 1998].

Следует особо оговорить, что мы существенно изменили первоначальную точку зрения на время существования виллендорфско-костёнковской культуры в центре Русской равнины. Теперь мы считаем, что эта культура просуществовала, по меньшей мере, до 16 тыс. л.н. — и не только в бассейне Оки, но и на Среднем Дону. В соответствии с имеющимися радиоуглеродными датами, мы помещаем в подгруппу IIIC и стоянку Костёнки 18 (подробнее см.: 6.3.4).

Из 40 абсолютных дат, опубликованных для подгруппы IIIC (^{14}C — 39; IRSL/OSL — 1), 2 следует исключить, как явно удревнённые, не соответствующие стратиграфическому положению памятников (№№ 5 и 8, см. выше). Из оставшихся 38 дат следует особо выделить 11 датировок, полученных для Борщёво 2. Их значения варьируют в пределах от 9 до 14 тыс. л.н. (№№ 30–40, см.: Прил. 2). Мы отделяем эти даты от общей серии, т.к. место данного памятника в палеолите Костёнковско-Борщёвского района крайне спорно (подробнее см ниже).

Оставшиеся 27 дат распределяются следующим образом: в диапазоне ~11–12 тыс. л.н. — 3; в диапазоне ~17–14 тыс. л.н. — 11; в диапазоне 20–18 тыс. л.н. — 9, в том числе IRSL-дата ~19 тыс. л.н. для суглинка, перекрывающего «гмелинскую почву» на Костёнках 12 (№ 15) и дата Костёнок 21/II в двух первых значениях, полученных разными методиками (~19 и 20 тыс. л.н., № 24). Даты ~11–12 тыс. л.н. (Костёнки 2, 11/Ia и 19 — №№ 1, 9, 20) обычно считаются омоложенными, и мы склонны с этим согласиться. Однако нельзя с такой же лёгкостью отмахнуться от серии дат ~17–14 тыс. л.н. Недавно Л.Д. Сулержицким была получена новая компактная серия дат ~15 тыс. л.н. для стоянки Борщёво 1 [Сулержицкий 2004: 109] — см. Прил. 2, №№ 25–28. К ним примыкает полученная ранее дата ~17 тыс. л.н. (№ 29). Устанавливая сейчас верхнюю границу существования памятников подгруппы IIIC, не следует опускать ее ниже времени ~15–14 тыс. л.н.

Мы не склонны безоговорочно отбрасывать более древние даты ~23–21 тыс. л.н. Их всего 3 — для Костёнок 2 (~23 тыс. л.н., № 4); для Костёнок10 (~22 тыс. л.н., № 7); для Костёнок 18 (~21 тс. л.н., кость человека, № 19). С.да же примыкает третье значение даты № 24, полученной для Костёнок 21/II по комплексной методике (~23 тыс. л.н.). Две первые даты, возможно, получены по костям мамонта, происходящим из сборов (т.е. кости древнее самого памятника). Однако не исключено, что дата ~22 тыс. л.н. для Костёнок 10 в дальнейшем получит подтверждение и заставит перенести этот памятник в подгруппу IIIB. Менее вероятно, но опять-таки не исключено, что дата ~23 тыс. л.н., полученная для Костёнок 2, фиксирует первое появление в этом регионе людей, сооружавших жилища аносовско-мезинского типа. Дата 21.020±180 л.н., полученная для Костёнок 18, близка прочей серии, имеющейся для этого памятника (~20–18 тыс. л.н., №№ 16–18).

Особую проблему представляет определение возраста трёхслойной (?) стоянки Борщёво 2, расположенной в отложениях первой надпойменной террасы Дона. Долгое время её материалы трактовались как финально-палеолитические, отражающие переход к неолитическим традициям обработки кремня [Ефименко, Борисковский 1953]. Однако вопрос о датировке памятника должен решаться на основании определения возраста гумусированной прослойки, с которой связан верхний культурный слой. По мнению Г.И. Лазукова, «правильнее её считать не погребённой почвой, а озёрно-болотными отложениями, интенсивно насыщенными растительной органикой». Лазуков оценивал возраст культурного слоя, связанного с этими отложениями, как «довольно близкий к нижнему (III) слою Костёнок 21» [Палеолит... 1982: 36]. В таком случае нижележащие слои должны быть включены в подгруппу IIIA. Но этому противоречат радиоуглеродные даты, дающие значение ~14–9 тыс. л.н. (№№ 30–40). Вопрос остаётся открытым. Работы, проведённые на памятнике в 1990-х гг., к сожалению, не внесли в него ясность [Цыганов 1995] (подробнее см.: 8.1–8.3).

На основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод: предлагаемое М.В. Аниковичем подразделение III хронологической группы на 3 подгруппы получает обоснование, как стратиграфией, так и радиоуглеродными датировками.

2.4. Природная среда в бассейне Среднего Дона в верхнепалеолитическую эпоху

Нелишне отметить ещё раз: период истории Земли, на который приходится верхнепалеолитическая эпоха, отличался крайне неустойчивым климатом, колебания которого приводили к неоднократной смене природных условий. Судить о том, каковы были эти условия в районе современных Костёнок, можно по остеологическим материалам, добытым в процессе раскопок, и по данным палинологического анализа.

2.4.1. Палеозоологические материалы

Наиболее полный анализ видового состава фауны костёнковских стоянок был проведен в 1970-х гг. Н.К. Верещагиным и И.Е. Кузьминой [Верещагин, Кузьмина 1977; Палеолит... 1982: 225–232]. В дальнейшем его результаты были уточнены, с одной стороны, И.Е. Кузьминой, в ходе новых исследований 2000-х гг. на Костёнках 12, с другой — М.В. Саблиным, в ходе дальнейшей проработки музейных коллекций (см. Прил. 4).

Согласно этим данным, состав млекопитающих, характерный для древнейших памятников района (I хронологическая группа) свидетельствует о существовании на данной территории лесных биотопов (волк, бурый медведь, росомаха, благородный олень), разреженных значительными открытыми участками (донской заяц, тушканчик, мамонт, шерстистый носорог, широкопалая лошадь, северный олень, бизон, песец).

Фауна II хронологической группы также свидетельствует о лесостепных ландшафтах. В это время холодолюбивые виды (мамонт, заяц, песец, волк, северный олень) представлены в меньшинстве. Преобладают теплолюбивые, характерные, как для открытых степных (степная пищуха, степная пеструшка, сайга), так и для закрытых лесных биотопов. Максимума численности достигают широкопалая лошадь, шерстистый носорог, гигантский и благородный олень, лось, бизон.

Наиболее суровый, континентальный, сухой, малоснежный период соответствовал III хронологической группе. В это время холодолюбивые виды (мамонт, песец, волк, северный олень) достигают максимальной численности, тогда как теплолюбивые резко сокращаются или исчезают совсем. Абсолютно преобладают животные, характерные для открытых пространств.

Отметим, что, при общем ничтожном количестве, такие виды, как благородный и гигантский олень, бурый медведь, бобр, росомаха, всё же несколько лучше представлены в памятниках подгруппы IIIB (Костёнки 1/I, Костёнки 4/I-II, Костёнки 5/III, Костёнки 11/II). В этом нет ничего удивительного, если учесть, что данная подгруппа хронологически связана с кратковременным потеплением и появлением в окрестностях Костёнок островных лесов. Отметим также, что стабильно большое количество костей мамонта, при достаточно большой вскрытой площади, отмечается для стоянок подгрупп IIIB и IIIC.

Фауна Костёнок 10, с преобладанием костей лошади над костями мамонта и с присутствием благородного оленя, ближе к подгруппе IIIA или IIIB, о чём свидетельствует и радиоуглеродная дата 22.600±1000 (ГИН-8573). Состав фауны стоянки Борщёво 2, в среднем слое которой костей лошади много больше, чем мамонта, а в верхнем слое мамонт отсутствует вовсе, резко отличается от всех трёх подгрупп. Показательно присутствие в верхнем слое лося и пещерной гиены, а в нижнем — росомахи. В принципе, такой состав может быть интерпретирован в согласии с позднеледниковыми и даже аллерёдскими радиоуглеродными датами.

2.4.2. Данные палинологического анализа

Более детальные характеристики изменений природной среды и климата дают результаты палинологических анализов, хотя к ним следует относиться достаточно осторожно, не только в силу специфических проблем самого палинологического метода (например, проблема переноса пыльцы отдельных видов ветром на значительные расстояния), но и потому, что склоновые отложения по самой своей природе порождают дополнительные трудности при исследовании. Смещение напластований по склону неизбежно приводит к ситуациям, когда литологические горизонты, воспринимающиеся исследователем как разновременные, в действительности, накапливаются в результате последовательного многократного смещения с верхних участков мыса одного горизонта, образовавшегося в течение какого-то определенного периода. В итоге палинологи могут зафиксировать несколько «фаз смены растительности», тогда как в реальности произошло многократное наложение друг на друга материалов из одного-двух литологических горизонтов. Однако эти обстоятельства, хотя и затрудняют получение окончательных выводов, требующих многократных перепроверок, никоим образом не должны служить предлогом для полного отказа от использования данных палинологического анализа при изучении склоновых отложений.

В 1950-х гг. М.Н. Грищенко впервые выделил небольшое количество зёрен пыльцы из образцов, специально отобранных на Костёнках 1, а М.П. Гричук тогда же построила первую спорово-пыльцевую диаграмму по образцам, взятым на той же стоянке. Более детальная диаграмма, построенная Р.В. Фёдоровой в начале 1960-х гг. для Костёнок 17, на долгое время стала основой для реконструкции условий обитания древнего человека в Костёнковско-Борщёвском районе. В плейстоценовых отложениях ею

было выделено четыре фазы смены растительности: два пика распространения ели, приходящиеся на верхнюю и нижнюю гумусированные толщи, и максимум распространения широколиственных пород, связанный со слоистыми отложениями, включающими линзы вулканического пепла. Выше верхнего гумуса, в лёссовидном суглинке, количество пыльцы травянистой растительности, характерной для тундры, резко увеличивается [Фёдорова 1963]. В общем, эти данные соответствовали представлениям А.И. Москвитина и его сторонников о внутривалдайском молого-шекснинском межледниковье: пик широколиственных указывал на межледниковые условия[1].

Развёрнутые палинологические обследования в Костёнках были проведены в 1970-х гг. (Г.М. Левковская, Е.С. Малясова; основной круг работ выполнен Е.А. Спиридоновой) и позднее, в 2000-х гг. (Г.М. Левковская, В.В. Писарева, Е.А. Спиридонова). Построены спорово-пыльцевые диаграммы для следующих пунктов: «стратиграфический шурф»; стоянки Костёнки 1; 8; 11; 12; 14; 17; 21. Полученные результаты на сегодняшний день являются наиболее представительным источником для изучения смены фаз растительности за время существования костёнковских стоянок [Палеолит... 1982: 234–245; Спиридонова 1991: 30–70]. Однако в процессе этой работы возникли существенные затруднения, суть которых Г.М. Левковская изложила в 2004 г. следующим образом:

«Для отложений, залегающих под пеплом, в Костёнковско-Борщёвском районе опубликованы два различных типа спорово-пыльцевых диаграмм, что пока не нашло объяснения. На диаграммах первого типа на всех уровнях доминирует среди древесных лишь пыльца хвойных пород — ели и сосны. Характерна также слабая выраженность максимумов пыльцы широколиственных древесных пород, отсутствие находок экзота — пыльцы граба. К этому типу относятся диаграммы, опубликованные Е.А. Спиридоновой для разрезов стоянок Костёнки 1, 14, 17, а также для разреза (без вулканического пепла), вскрытого стратиграфическим шурфом.

Спорово-пыльцевые диаграммы второго типа опубликованы М.П. Гричук, В.П. Гричуком, Р.В. Фёдоровой и Г.М. Левковской для ряда разрезов стоянки Костёнки 1, разреза на Костёнках 17, а также для двух разрезов (1975 и 2001 гг.) Костёнок 12. Второй тип диаграмм — это диаграммы, фиксирующие в отложениях ниже слоя с пеплом на разных уровнях доминирование пыльцы различных древесных пород — не только хвойных, но также ольхи, или берёзы древовидной, или вяза, или орешника, или микротермов: ольховника, карликовой и кустарниковой берёз, а также присутствие экзотов: пыльцы граба...» [Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2004: 34].

Чтобы успешно коррелировать соответствующие части диаграмм, вначале необходимо было разобраться в отмеченном противоречии. Продвинуться в данном направлении помогли комплексные исследования стоянок Костёнки 12 и 14, проведённые в 1999–2004 гг. и позволившие, в частности, осуществить детальные реконструкции палеоклимата на каждом этапе формирования «подпепловых» отложений Костёнок 12 [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005; Поспелова, Аникович, Хоффекер 2005: 132–137]. В результате был сделан вывод, что древнейшие палеопочвы Костёнок 12 (B, C и D) и, соответственно, культурные слои IV и V, зафиксированные в нижней части разреза, по-видимому, не имеют аналогов в стратиграфической колонке Костёнок 14.

По опубликованным данным 1970–1980-х гг., господство пыльцы хвойных древесных пород (ели или сосны) прослеживается на Костёнках 14 уже с основания разреза [Малясова, Спиридонова 1982: 240–241; Левковская, Бердовская, Хомутова 1983: 53–57]. В настоящее время на Костёнках 14 появился новый хорошо стратифицированный, палинологически охарактеризованный разрез (колонка образцов, отобранная А.А. Величко и В.В. Писаревой в 2002 г. из северной стены раскопа). По этим последним данным, спорово-пыльцевой комплекс I, включающий культурный слой IVб, отложился в период «существования лесных формаций, в составе которых преобладала ель». Залегающий выше комплекс II, включающий слой IVа, «позволяет предполагать о существовании... перигляциальной лесотундры». Палинологические характеристики других отложений нижней гумусированной толщи Костёнок 14, вплоть до спорово-пыльцевого комплекса VI, приуроченного к уровню с вулканическим пеплом, демонстрируют, в целом, сходную картину достаточно холодного климата — растительности типа северной тайги или тундры [Величко, Писарева, Тимирева 2005: 37–38].

[1] Согласно принятой в 1950-х гг. стратиграфической схеме А.И. Москвитина, последняя, вюрмская эпоха плейстоцена подразделялась на два самостоятельных оледенения — калининское и осташковское, разделенных молого-шекснинским межледниковьем. Такое трёхчленное деление валдайской эпохи (= вюрму западноевропейских схем) сохраняется, но средняя его часть (средний валдай) интерпретируется не как межледниковье, а как «мегаинтерстадиал», отличающийся неустойчивым климатом, который был даже в самые теплые периоды холоднее современного.

Напротив, в разрезе Костёнок 12 первая фаза господства пыльцы ели зафиксирована лишь с середины литологического горизонта 12 (палеопочва А, вмещающая культурный слой III) [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 107–109]. Выше этой палеопочвы в разрезе, вероятно, наблюдается стратиграфическая лакуна. Залегающий над ней горизонт 11, содержащий частицы вулканического пепла, явно переотложен, а местами замещён эрозионным врезом. Некоторые следы размыва зафиксированы и в основании самого горизонта 12. Таким образом, можно предполагать, что отложения, сформировавшиеся в эпоху доминирования в регионе таёжных, лесотундровых и тундровых сообществ, предшествовавшую выпадению вулканического пепла (верхняя часть НГТ), значительно полнее представлены на Костёнках 14, чем на Костёнках 12 (рис. 29).

Формирование более древних почвенных горизонтов B, C и D на Костёнках 12 происходило в периоды тёплых климатических осцилляций — термомеров с лесостепным типом климата, чередовавшихся с недолговременными похолоданиями. В поймах Среднего Дона в указанный период доминировали вязовые, вязово-дубовые и черноольховые леса [Левковская, Хоффекер, Аникович и др., 2005: 110–114]. По совокупности естественнонаучных данных, включая данные абсолютного датирования, указанный этап в целом может быть сопоставлен с интерстадиалом Моерсхофд-Гражданский проспект (~50–40 тыс. л.н.), а нижняя палеопочва D, вмещающая культурный слой Костёнки 12/V — с оптимумом межстадиала Глинде (51–48 тыс. л.н. по: [Behre, van der Plicht 1992: 116]) .

Для вышележащих отложений, включающих т.н. верхнюю гумусированную толщу (II хронологическая группа) и бурые лёссовидные суглинки с горизонтами почвообразования (III хронологическая группа), принципиально новых результатов в 2000-х гг. не получено. Палинологические диаграммы, построенные для верхних частей разрезов Костёнок 12 и 14, лишь подтверждают обобщения, сделанные в 1980-х гг. Согласно этим данным, за период накопления верхней гумусированной толщи произошло два потепления, в течение которых здесь произрастали хвойные леса — вначале сосновые, а затем еловые. Их разделяет период похолодания, характеризующийся пыльцой разнотравья и полыни, то есть открытыми пространствами. Безлесные ландшафты господствовали и по завершении второго потепления, причём, как отмечала Е.А. Спиридонова, «из всех флористических комплексов верхнего плейстоцена Костёнок этот состав спектров характеризует наиболее экстремальные условия» [Палеолит... 1982: 239].

В спектрах, полученных для верхней гумусированной толщи, преобладает лесная растительность: вначале господствовали еловые леса, затем берёзово-сосновые с примесью вяза и дуба, и, наконец, сосново-еловые. В целом, климат оставался неустойчивым: об этом свидетельствуют участки диаграмм, фиксирующие снижение облесённости и распространение степной и луговой растительности. Суммируя данные по всем разрезам, Е.А. Спиридонова выделила здесь 3 межстадиальных ритма, в течение которых происходили «миграции бореального флористического комплекса на территорию бассейна Среднего Дона», и два стадиальных, когда «лесная растительность теряла своё господствующее положение в строении растительного покрова, и основной фон образовали луга различного состава» [Спиридонова 1991: 69].

Последующее время, в течение которого формировалась толща лёссовидных суглинков (III хронологическая группа) характеризуется распространением открытых ландшафтов (опустыненная степь) в условиях похолодания и иссушения климата. Но при этой общей направленности фиксируется два межстадиала, в течение которых «развивались только островные сосновые леса с участием ели, ольхи, берёзы в пределах долин рек». Ранний межстадиал связан с «гмелинской почвой», второй — «по палеомагнитным данным должен быть сопоставлен с аллерёдом» [Там же: 69–70].

При оценке этой генерализованной картины необходимо иметь в виду, что выделяемые палинологами стадиалы и межстадиалы не поддаются однозначной увязке с геологической шкалой. Для устранения имеющихся неувязок и противоречий необходимо дальнейшее продолжение работ.

Теперь рассмотрим отдельно, какими представляются климатические условия во время существования в Костёнках конкретных культурных слоёв.

Костёнки 12/V (хронологическая группа I, подгруппа IC)[1]. Формировался в оптимуме термомера IIA (по Г.М. Левковской): тёплая лесостепь с неморальными лесами. В составе палеофлоры преобладала пыльца вяза и орешника. В качестве экзота фиксировалась пыльца граба [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 98–103]. Среди остеологических находок преобладали кости благородного оленя. Палеопочва D, вмещающая данный культурный слой, может быть сопоставлена с оптимумом межстадиала

[1] Выделение подгрупп в рамках древней хронологической группы обусловлено привязкой отдельных памятников к разным горизонтам почвообразования, выделенным в разрезе Костёнки 12 и возможностью синхронизации их с другими памятниками. В Прил. 2 это разделение не приводится.

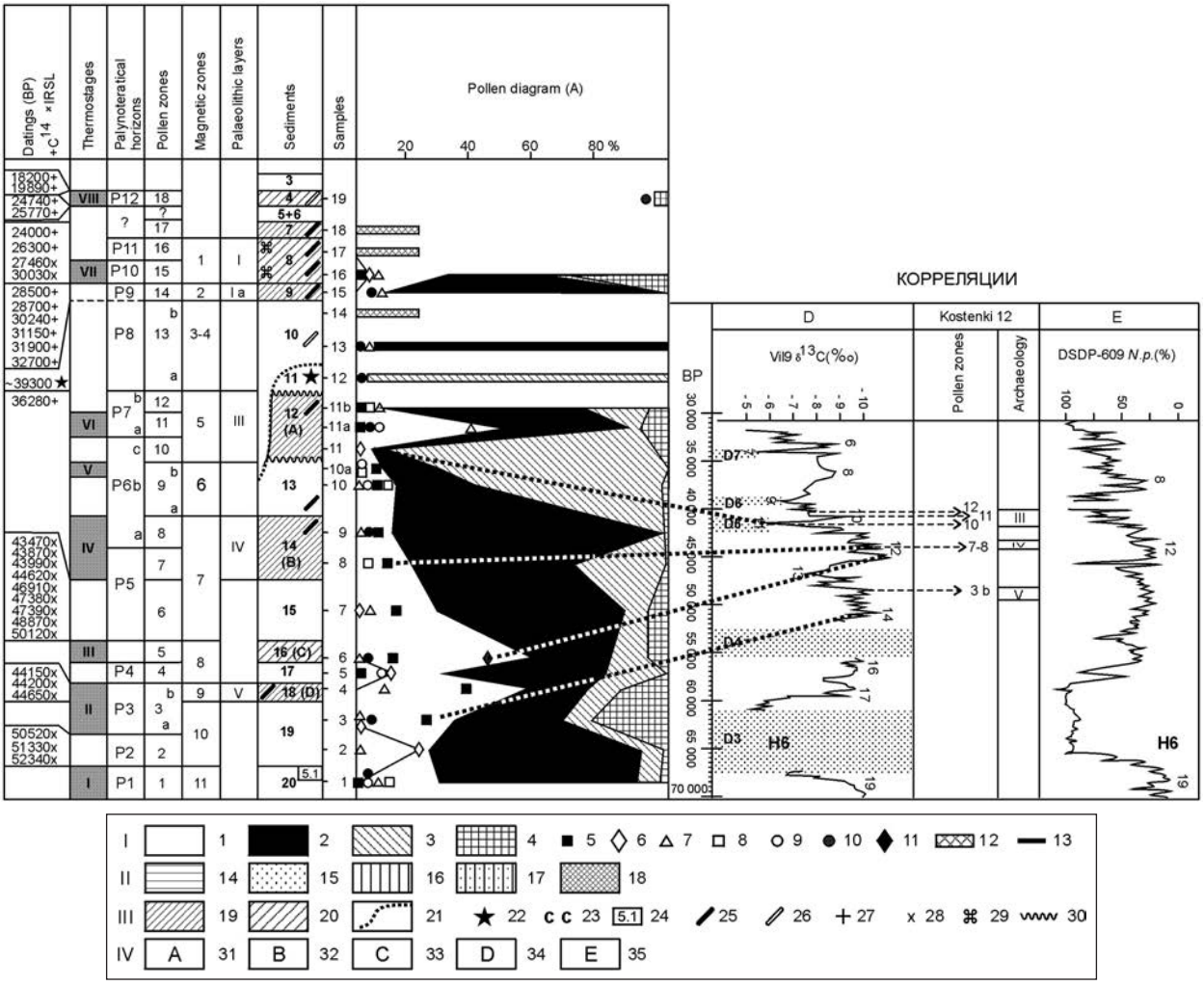

Рис. 29. Межрегиональные корреляции по разрезу стоянки Костёнки 12 (Волковская).
По: [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005]. А — палинологические данные; *D* — $\delta^{13}C$ изотопный профиль сталагмита из пещеры *Villars* на западе Франции. *По: [Genty et al. 2003]*; *E* — процентные содержания *Neoglobigerina pachyderma* в донных отложениях Атлантики. *По: [Bond et al. 1993].*

Условные обозначения:

1. сумма пыльцы древесных пород и кустарников; 2. сумма пыльцы мезофильных травяно-кустарничковых растений; 3. сумма пыльцы ксерофильных травяно-кустарничковых растений; 4. сумма спор; 5. сумма пыльцы широколиственных древесных пород и кустарников — вяза гладкого, ясеня, липы, дуба, орешника обыкновенного или лещины, граба обыкновенного, грабинника и других (*Ulmus laevis Pall.* + *Fraxinus L.* + *Tilia L.* + *Quercus L.* + *Acer L.* + *Corylus avellana L.* + *Carpinus betulus L.* — региональный экзот); 6. сумма пыльцы кустарников-микротермов: ольховника кустарникового, карликовой и приземистой или кустарниковой берез (*Alnaster fruticosus Ledeb.* + *Betula nana L.* + *B. humilis Schrank*); 7. пыльца ели (*Picea Dietr.*); 8. пыльца ольхи (*Alnus Mill.*); 9. пыльца березы древовидной: березы пушистой и березы бородавчатой или повислой (*Betula pubescens Ehrh.* + *B. verrucosa Ehrh.*); 10. пыльца сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris L.*); 11. сумма пыльцы кустарников-ксерофитов, имеющих сейчас в Европе южные ареалы (ксерофит *Carpinus orientalis Mill.* — региональный экзот + *Ephedra sp.* + другие); 12. уровни с находками единичных пыльцевых зерен и спор; 13. границы реконструированных мегаэтапов развития природной среды (М1–М5); 14. сумма нормально развитых пыльцевых зерен и спор разных таксонов (комплекс с доминированием этих форм — индикатор нормального состояния генеративной сферы растений территории); 15. сумма «карликовых» пыльцевых зерен и спор разных таксонов (комплекс с резким доминированием этих форм — индикатор дефицита температур для растений); 16. сумма пыльцевых зерен и спор с недоразвитой скульптурой и другими чертами «абортивного» (по: Ананова 1966) палинотератного комплекса; 17. сумма пыльцевых зерен и спор разных таксонов с признаками одновременного недоразвития («абортивный» палинотератный комплекс) и карликовости палиноморф: комплекс с резким доминированием этих форм — индикатор (по: Levkovskaya 1999, 2004, 2005; Левковская 2001, 2005; Левковская и др. 2005) палеоботанических кризисов: стрессового состояния генеративной сферы большинства растений территории; 18. сумма палиноморф с многообразными отклонениями одновремен-

но многих признаков от нормы у каждого таксона (комплекс с доминированием этих палиноморф — индикатор процессов мутагенеза, палеогибридизаций и т.д.); 19. интенсивно гумусированные горизонты; 20. гумусированные горизонты; 21. эрозионный контакт отложений; 22. уровень находок средиземноморского вулканического пепла стадии V5 извержения *Campanian* (CI), возраст которого в центре извержения и в Костенках *[Fedele et al. 2003: 301; Pyle et al. 2005: 11]* — 39.300 л.н. Пепел найден в литологическом горизонте 11 (находки задокументированы с помощью микрофотографий; 23. уровень господства палиноморф, покрытых минеральным коллоидом; 24. глубина (метры) залегания некоторых отложений; 25. микроостатки углей в поле зрения микроскопа (массовые находки); 26. микроостатки углей в поле зрения микроскопа (единичные находки); 27. некалиброванные радиоуглеродные датировки (см. информацию об их индексе и доверительном интервале датирования в тексте); 28. IRSL-датировки (см. информацию об их индексе и доверительном интервале датирования в тексте); 29. микроостатки различных частей растений в поле зрения микроскопа (массовые находки); уровень мерзлотных пластических деформаций; 30. спорово-пыльцевая диаграмма; 31. палинотератная диаграмма; 32. кривые процентных содержаний пыльцы отдельных таксонов или единичные находки пыльцевых зерен; изотопный $\delta^{13}C$ профиль по: [Genty et al. 2003: 835] сталагмита из пещеры *Villars* на западе Франции (45°30'N, 0°50'E), продатированный 27 датировками по $^{234}U/^{230}Th$. На шкале $\delta^{13}C$ осцилляции отражают быстрые глобальные изменения палеотемператур внутри хроносреза 70.000 — 32.000 л.н.; 33. проценты *Neoglobigerina pachyderma* в океанической колонке DSDP-609 (50°N, 27°W), отражающие изменения палеотемператур Атлантики. *По: [Bond et al. 1993]*

Глинде (51–48 тыс. л.н. по: [Behre, vander Plicht 1992: 116]). В настоящее время это, бесспорно, древнейший памятник региона. К сожалению, малочисленность каменного инвентаря пока не позволяет судить, имеем ли мы дело с древнейшим верхним палеолитом или с первым открытым в Костёнках мустьерским памятником [Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005а: 77].

Костёнки 12/IV (хронологическая группа I, подгруппа IB). Залегает в почвенном горизонте В, формирование которого происходило во время криогигротической стадии термомера IIB (по Г.М. Левковской) с лесостепным типом климата: фитофаза луговых степей с неморальными долинными лесами. В поймах доминировали вязовые, вязово-дубовые и черноольховые леса [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 110–114]. По совокупности естественнонаучных данных, включая данные абсолютного датирования, указанный этап в целом может быть сопоставлен с интерстадиалом Моерсхофд-Гражданский проспект (~ 50–40 тыс. л.н.).

Костёнки 14/IVб (хронологическая группа I, подгруппа IB /?/). Отложился «в условиях существования лесных формаций, в составе которых преобладала ель» [Величко, Писарева, Тимирева 2005: 37–38].

Костёнки 12/III (хронологическая группа I, подгруппа IA). Залегает в почвенном горизонте А (лит. гор. 12). Нижняя часть этого горизонта формировалась в холодном и очень сухом экстремуме, вызвавшем стрессовое состояние генеративной сферы большинства растений территории (палеоботаническая катастрофа). Средняя часть — в оптимуме влажного и умеренно-тёплого межстадиала III (по Г.М. Левковской): лесостепь с бореальными еловыми среднетаёжными лесами. Верхняя часть — в термогигротическую стадию термомера III (по Г.М. Левковской) или уже в начале криогигротической стадии похолодания: фитофаза господства осоково-зеленомощных формаций и слабой облесённости территории (ель, сосна, берёза) [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 110–114]. Точная корреляция культурного слоя III с одной из этих климатических стадий пока невозможна. Не исключено, что находки, определяемые, как культурный слой III, накапливались в течение длительного времени, соответствующего всем трём климатическим стадиям. Разобраться в этом вопросе можно только в ходе дальнейших полевых исследований.

Костёнки 17/II (хронологическая группа I, подгруппа IA). Этот культурный слой, несомненно, залегает в нижней гумусированной толще. Во вмещающем его горизонте гумусированности доминирует пыльца ели, составляя 60–80%. «Это были еловые леса с высокой сомкнутостью крон, на что косвенно указывает присутствие пыльцы древесных пород в общем составе и почти полное отсутствие пыльцы трав...» [Спиридонова 1991: 57].

Костёнки 8/IV (хронологическая группа I/II). Памятник, скорее всего, относится к нижней гумусированной толще, но линзы вулканического пепла визуально не выявлены. Для горизонта гумусированности, в котором он залегает, «можно говорить о лесной бореальной растительности в ландшафте. Преобладали хвойные породы, хотя в пределах долины возрастало участие ольхи и берёзы. Климат был холоднее современного и более влажный...» [Спиридонова 1991: 51].

Костёнки 14/IVa (хронологическая группа I/II). Отложился в условиях холодного климата. Спорово-пыльцевой комплекс (II) «позволяет предполагать о существовании... перигляциальной лесотундры» [Величко, Писарева, Тимирева 2005: 37–38].

Костёнки 12/II (хронологическая группа I/II). Сведений нет.

Костёнки 1/V(зап.) (хронологическая группа I). «Природная среда, с которой связан пятый культурный слой, характеризовалась разреженными еловыми лесами в сочетании с разнотравными лугами...» [Спиридонова 1991: 49]. Возраст вмещающих отложений спорен. По Е.А. Спиридоновой, он соответствует «одному из ранних межстадиалов позднего валдая» [Там же]. В настоящее время Костёнковско-Борщёвской археологической экспедицией ведётся работа по уточнению данного вопроса.

Костёнки 1/V(вост.) (подгруппа IIA/?/). Данные уточняются.

Костёнки 12/Ia (подгруппа IIA). Отложился в условиях холодного климата — в криомере или начале влажного термомера IV (по Г.М. Левковской): фитофаза мезофильных разнотравных лугов и слабой облесённости (ель, сосна) территории [Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005; Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 110–114].

На трёх разрезах: ***Костёнки 11, Костёнки 14 и Костёнки 17*** — в отложениях верхней гумусированной толщи удалось проследить постепенную седиментацию спорово-пыльцевого материала, указывающего на межстадиальный ритм, в оптимуме которого фиксируются наиболее теплолюбивые виды. «Среди древесных сначала была велика роль пыльцы сосны, затем возросло значение пыльцы ели, которая вверх по разрезу сменилась березой и ольхой... также появляется пыльца вяза и единично — дуба...» [Спиридонова 1991: 66]. «...Леса были небольшой сомкнутости, возможно, произрастали избирательно в отношении рельефа местности, так как некоторые площади, особенно в оптимуме ритма, были заняты степными разнотравно-злаковыми сообществами, которые характеризуют наиболее благоприятные климатические условия[1] на весь изученный временной интервал верхнего плейстоцена...» [Палеолит... 1982: 241].

С оптимумом этого межстадиала связаны ***Костёнки 11/IV (подгруппа IIB), Костёнки 14/III (подгруппа IIA)*** (первая половина оптимума), ***Костёнки 14/II (подгруппа IIB)*** (его вторая половина) [Палеолит... 1982: 244–245].

Костёнки 8/II (подгруппа IIB). По своему положению в верхней гумусированной толще и по радиоуглеродным датам слой должен считаться синхронным Костёнкам 14/II. Но палинологическая характеристика горизонта, с которым связаны культурные остатки, несколько иная. «По своим особенностям спорово-пыльцевые спектры этого цикла могут быть сопоставимы с образцами, ... характеризующими завершающий этап одного из межстадиалов среднего валдая. Климат был холоднее современного, и в конце ритма приблизился к субарктическому. Условия были наиболее благоприятны для произрастания сосново-еловых лесов. Помимо леса, некоторые площади были заняты разнотравными лугами, значение которых в ландшафте территории постепенно возрастает» [Спиридонова 1991: 51].

Костёнки 1/III (подгруппа IIB). Залегает в погребённой почве, сильно деформированной мерзлотными (?) процессами. «Палинологическая обстановка III культурного горизонта может быть определена как настоящая тайга с преобладанием сомкнутых, монодоминантных еловых лесов высоких классов бонитета...» [Спиридонова 1991: 49].

Костёнки 12/I (подгруппа IIB). Сформировался в оптимуме влажного и прохладного межстадиала (термомер IV по Г.М. Левковской): фитофаза господства низинных осоковых болот и лиственнично-еловых лесов с единичными неморальными элементами [Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005; Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 110–114].

Костёнки 17/I (подгруппа IIB). Слой связан с верхним горизонтом верхней гумусированной толщи, имеющей на этом памятнике особенно большую мощность. Палинологически он «коррелируется с ландшафтом островных лесов, состоящих из ели, сосны и берёзы, которые сочетались с разнотравными лугами» [Спиридонова 1991: 61].

Среди стоянок III хронологической группы особый интерес представляет палинологическая характеристика ***Костёнок 1/I (подгруппа IIIB),*** так как там, помимо разреза, отбирались специальные образцы мелкозёма из бивневых пазух. «В целом палеоландшафты... можно представить как открытые ландшафты не только с луговой растительностью, но и с более ксерофильными сообществами с преобладанием полыни и маревых. В мелкозёме... определена также пыльца подорожника» [Спиридонова 1991: 49].

Костёнки 21/III (подгруппа IIIB). В неоднократно проанализированной почве, включающей этот культурный слой, выделены спектры, в которых доминирует пыльца сосны. Среди травянистых и кустарничковых велико участие полыни, маревых и разнотравья [Палеолит... 1982: 243]. Выше по разрезу, где залегают культурные слои ***II*** и ***I (подгруппа IIIC)***, преобладает пыльца трав, главным образом, маревых и полыни.

---

[1] Дальнейшие исследования на Костёнках 12 в 2001–2003 гг. показали, что наиболее благоприятные климатические условия в регионе приходятся на время существования древнейших памятников I хронологической группы (подгруппы ICD и отчасти IB).

Табл. 2–3. Геологический возраст стоянок Костёнковско-Борщёвской группы и важнейших верхнепалеолитических памятников сопредельных территорий (по М.В. Аниковичу)[1]

Возраст	Геологич. время[1]	**Стратиграфия**	**Хрон. группы**	**Стоянки Костёнковско-Борщёвского района**
12.000 л.н.	Позднеледниковье *климат.минимум*	Бурый суглинок с горизонтами побурения	IIIC	
13.000 л.н.				Б-2/Ш-I (?)
14.000 л.н.				
15.000 л.н.				Б-1
16.000 л.н.				
17.000 л.н.				
18.000 л.н.				К-2; К-3; К-11а,б; К-18; К-19; К-21/I
19.000 л.н.				
20.000 л.н.				
21.000 л.н.	Интерстадиал	Гмелинская почва	IIIB	К-1/I; К-4/I–II; К-5/III(?); К-9; К-11/II; К-13; К-14/I; Б-5/I
22.000 л.н.				
23.000 л.н.	Начало позднего валдая	Бурый суглинок	IIIA	К-1/II; К-8/I–Ia; К-11/III; К-12/ВГН
24.000 л.н.				
25.000 л.н.	Дунаевский (брянский) интерстадиал	Верхняя-средняя . часть верхней гумус. толщи	IIB	К-1/III; К-12/I; К-17/I К-8/II; К-11/IV; К-14/II; К-15; К-16
26.000 л.н.				
27.000 л.н.				
28.000 л.н.				
29.000 л.н.		Основание верхн. гумус. толщи	IIA	К-1/V(вост.); К-11/V; К-12/Ia; К-14/III–IV
30.000 л.н.				
31.000 л.н.				
32.000 л.н.				
33.000 л.н.	Стадиал	Суглинки с линзами вулканического пепла	I/II	К-12/II; К-14/ГВП+IVa; Б-5/III
34.000 л.н.				
35.000 л.н.	Кашинский интерстадиал (Хенгело, Подградем)	Верх нижней гумус. толщи: погребённая почва (переотлож.)	IA	К-6 (?); К-8/IV (?); К-12/III; К-14/ГП; К-17/II
36.000 л.н.				
37.000 л.н.				
38.000 л.н.				
39.000 л.н.	Стадиал	Средняя-нижняя часть нижней гумус. толщи: погр. почва В	IB	К-14/IVб+ГО; Б-5/IV К-12/IV
40.000 л.н.				
41.000 л.н.	Интерстадиал Гражданский проспект (Моерсхофд)			
42.000 л.н.				
43.000 л.н.		Низ нижней гумус. толщи: погр. почвы C+D	ICD	К-12/V
44.000 л.н.				
45.000 л.н.				
46.000 л.н.				
47.000 л.н.		Серо-палевый суглинок		
48.000 л.н.				
49.000 л.н.				
50.000 л.н.				

[1] В основу положена восточноевропейская геохронологическая схема Е.П. Зарриной — И.И. Краснова — Е.А. Спиридоновой. См.: [Заррина, Краснов, Спиридонова 1980].

На Костёнках 11, к сожалению, верхняя часть разреза (от 1,5 до 3,1 м) сильно засорена переотложенной пыльцой берёзы, сосны, вяза, дуба, лещины [Палеолит... 1982: 243]. Это не позволяет дать палинологическую характеристику таким важным памятникам, как ***Костёнки 11/Ia*** и ***11/II***.

Таковы вкратце на сегодняшний день основные характеристики природной среды верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района.

2.5. Заключение

Итак, радиоуглеродные и *IRSL-OSL* даты, полученные для стоянок Костёнковско-Борщёвского района, в совокупности с данными других естественнонаучных дисциплин, с одной стороны, подтверждают предложенные выше уточнения относительной хронологии этих стоянок, а с другой — помогают вписать эту хронологию в геологическую шкалу для последующих межрегиональных корреляций.

Конечно, как в выделении более дробных хронологических подгрупп, так и в отнесении к ним конкретных памятников, имеются спорные моменты. Всегда можно заметить, например, что погребённые почвы, о которых шла речь, ещё не изучены всесторонне, и, следовательно, их взаимная корреляция проблематична. Однако, на наш взгляд, полученных данных уже достаточно для того, чтобы с необходимыми оговорками приступить к обобщениям.

Честно говоря, у А.Н. Рогачёва в 1950-х гг. было ещё меньше надёжных данных для строго однозначных выводов. Тот, кто в этом сомневается, может сравнить его аргументацию [Рогачёв 1957] и контраргументы оппонентов, которые на тот момент выглядели, пожалуй, более фундированными [Борисковский 1957; 1963]. Вряд ли мы когда-нибудь дождёмся такого момента, когда все могли бы дружно заявить: «Ну, наконец-то мы имеем достаточно данных!» Обобщения, научные гипотезы и теории всегда строятся на неполных данных — это одно из свойств научного способа познания вообще и исторического — в особенности.

Любая научная концепция является отнюдь не адекватным отражением реальности, а лишь вспомогательным средством, моделью, позволяющей упорядочить исходные данные наилучшим на данный момент способом. Спорность выводов — не основание для отказа от них. Дальнейшие изыскания в Костёнках неизбежно приведут к тем или иным изменениям предложенных здесь построений. Но для того, чтобы успешно корректировать их в будущем, необходимо, для начала, сформулировать эти построения и предложить их научному сообществу.

Одним из важнейших выводов является соотнесение древнейших памятников Костёнковско-Борщёвского района с наиболее ранними верхнепалеолитическими стоянками Европы. При этом нужно иметь в виду, что хронологическая группа IA в Костёнках в настоящее время достаточно достоверно синхронизируется с «подградемским» (кашинским) интерстадиалом. Хронологические группы IB и ICD — значительно древнее и должны соотноситься уже с интерстадиалом Гражданский проспект (Моерсхофд). В настоящее время это уже вполне обоснованный факт. Таким образом, древнейшие стоянки Костёнковско-Борщёвского района являются, в то же время, древнейшими верхнепалеолитическими стоянками Европы в целом. Итоги современных хроностратиграфических представлений о палеолите Костёнковско-Борщёвского района представлены в табл. 2–3.

ГЛАВА 3.

ОБОБЩАЮЩИЕ ПОНЯТИЯ

3.1. Конкретно-исторический подход

Процесс исторического познания можно представить в виде трёх иерархически соподчинённых ступеней: источниковедческой, конкретно-исторической и социологической [Аникович 1988; 2005б]. На первой ступени анализируются исторические источники, непосредственно связующие «мёртвое прошлое» с «живым настоящим». На второй ступени, на основе результатов этого анализа, уже происходит процесс *воссоздания прошлого* в его конкретности, «во всех его зигзагах, во всём многообразии и неповторимости прошедших событий» [Гулыга 1969: 19]. На третьей происходит *снятие конкретности*: делаются попытки вскрыть общие законы исторического процесса. Последняя ступень относится скорее, к философскому, чем к научному способу познания, поскольку возникающие на этом уровне логические конструкции являются не поддающимися проверке на эмпирическом уровне логическими спекуляциями. Они в значительно большей степени обусловлены мировоззренческими установками их создателей, нежели позитивным знанием, достигнутым на двух предшествующих ступенях.

Переход от первой, источниковедческой ступени исторического познания ко второй, конкретно-исторической, осуществляется в первобытной археологии с помощью понятий-интеграторов. К их числу относятся используемые в нашей книге понятия: *археологическая культура (АК), технокомплекс (ТК) и историко-культурная область (ИКО)*. Поскольку их детальные характеристики специально рассматривались в ряде публикаций [Аникович 1989; 1991; 1991а; 1992; 1995; 2003; 2005б; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007], здесь мы ограничимся лишь определениями и самыми необходимыми пояснениями. В тех же работах указываются причины, в силу которых определения даются не через археологические, процедурные характеристики, а через явления, открытые другими общественными дисциплинами в «живой» человеческой культуре.

Особое значение имеет понятие «археологическая культура». Основным принципом конкретно-исторического подхода является *рассмотрение исторических явлений и процессов в их конкретных временных, пространственных и социальных границах.* Но что это означает, применительно к археологии палеолита? С пространственными границами всё более или менее ясно: они определяются местоположением памятников. Для определения хронологических границ применяются разные естественнонаучные методы датирования. А как быть с границами социальными? Когда мы имеем дело с социумами, от которых не сохранилось ничего, кроме материальных остатков их деятельности, у нас есть только один-единственный способ хотя бы приблизиться к различению этих границ: попытаться воссоздать по доступным нам остаткам то, посредством чего социальные группы отличали себя от других, то есть *систему культурных традиций*. Для этого и употребляется понятие *археологическая культура*.

3.2. Археологическая культура

Археологическая культура (АК) «является, по мнению большинства исследователей, основополагающим, фундаментальным понятием археологической науки» [Захарук 1980: 256]. Так, во всяком случае, считалось 15–20 лет назад. Однако, ни тогда, ни теперь среди тех, кто использует это понятие в своих

работах, нет единства взглядов относительно его содержания, способов выделения, исторической интерпретации. Один из вариантов подхода к определению указанного понятия изложен в ряде публикаций М.В. Аниковича [Аникович 1989; 2005б]. Вкратце он состоит в следующем.

Археологическая культура (АК) *есть система традиций, выработанных в определённых социальных группах под влиянием определённых исторических условий, нашедшая свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников.*

Такое определение лишь более чётко указывает на то, что и подразумевалось изначально, на интуитивном уровне, при введении этого понятия. При этом из такого определения вытекает ряд принципов выделения археологических культур, в том числе ревизующих некоторые устоявшиеся представления.

Естественно, традиции раскрываются в специфических сторонах и явлениях различных сфер человеческой деятельности, в том числе (но не исключительно!) и в специфических формах — *типах*. АК — динамическая система; чтобы зафиксировать её изменения и одновременно — её стабильность, устойчивость, важно не только отметить её специфические характеристики как дискретные единицы. Надо установить связи между ними, воссоздать структуру. АК невозможно выделить без определения «культурного фона» — иных систем традиций, «оттеняющих» рассматриваемую АК. При этом важно убедиться в том, что выделяемая культура проявляет свою специфику не только на фоне резко отличных традиций (это нетрудно сделать), но и при сравнении с материалами, обладающими определённым сходством с ней, например, относящимися к одному технокомплексу (см. ниже).

Особо отметим моменты, которые могут показаться коллегам, по меньшей мере, необычными:

1. Однокультурность одной стоянки считается чем-то само собой разумеющимся. А между тем это далеко не так. По крайней мере, в некоторых случаях на одном и том же поселении разные культурные традиции могут проявляться в разных материалах (например, в каменном инвентаре, в костяных украшениях и в произведениях искусства), или даже в одном виде источников (том же каменном инвентаре), но сосредоточенных в разных местах поселения (например, в разных жилищах).

Такие примеры были ранее зафиксированы в Костёнках, как минимум, в двух случаях (Костёнки 21/III и Костёнки 8/II). В последние годы подобное явление отмечается на Костёнках 1/III. Здесь обнаружилось, что характерные для данного слоя «ориньякские» традиции, на деле, соседствуют в нём с характеристиками, типичными для стрелецкой АК [Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006]. Вполне вероятно, что примеров подобного рода мы знали бы гораздо больше, если бы их обнаружению не мешала предвзятая установка: материалы одного памятника должны быть однокультурны, и никак иначе!

2. Вопреки распространенному мнению, для АК не обязательно единство территории и для неё нельзя априорно установить определённые хронологические границы. При устойчивости и замкнутости традиций, они вполне могут сохраняться в коллективах, удалившихся друг от друга в процессе расселения на сотни и тысячи лет и на сотни и тысячи километров. Для археологических культур эпохи верхнего палеолита это является не исключением, а правилом. Так, например, костёнковско-стрелецкая культура существовала не менее 15 тысяч лет; её памятники распространены от Северского Донца до Кльзьмы и Камы. Памятники виллендорфско-костёнковской культуры распространены от Среднего Дуная до бассейна Оки, с разницей во времени не менее 10 тысяч лет. В более поздние периоды ареал распространения и, особенно, сроки существования АК заметно сокращаются.

В конце 1960-х – 1970-х гг. в советском палеолитоведении археологические культуры выделялись повсеместно, едва ли не в каждой кандидатской диссертации. Помнится, дело доходило даже до выделения ашельских АК, не говоря уже о мустьерских. Сейчас иная тенденция. Становится «хорошим тоном» не употреблять этот термин, или даже отрицать саму правомочность выделения археологических культур в верхнем палеолите. Правда, это направление столь же мало убедительно, как и былое нагромождение поспешно выделенных «археологических культур». Г.П. Григорьев, ныне отрицающий археологические культуры в верхнем палеолите Восточной Европы с такой же страстью, с какой отстаивал их четверть века назад, бесспорно, прав в том, что *таких* культур, какие он пытался выделять («устойчивое сочетание типов», да ещё строго ограниченное в пространстве двумя-четырьмя сотнями километров), бесспорно, никогда не существовало (разве что, в виде редчайшего исключения) [ср.: Григорьев 1970; 1989; 1992; 1993]. Правда, Г.П. Григорьев делает исключение для Западной Европы, и, кажется, для Ближнего Востока: там, по его мнению, в верхнем палеолите были «правильные» археологические культуры. Но такого рода заключения, сделанные не на основе собственного анализа коллекций, а по чужим публикациям, мало убедительны: в конце концов, научные сочинения для того и пишутся, чтобы излагаемый в них материал предстал в упорядоченном виде, — «логичнее», чем в действительности. При

достаточно долгой работе с французскими коллекциями Г.П. Григорьеву, скорее всего, пришлось бы признать, что и они не соответствуют его «эпистемологическому идеалу».

С.А. Васильев в своей монографии, посвящённой палеолиту Саян, вполне убедительно доказывает отсутствие в верхнем палеолите Северной Азии «локальных культур», отождествляя последние с археологическими культурами вообще [Васильев 1996]. Что ж, мы готовы не только его поддержать, но и распространить его вывод на верхний палеолит Европы! Если там и можно говорить о «локальных культурах», то или в силу недостаточных знаний, или в виде редких исключений, да и то в весьма относительном смысле (например, солютрейская АК). Но мы решительно протестуем против знака равенства между ЛК и АК. Едва ли есть смысл всерьёз обсуждать те случаи, когда автор, описывая некое сходство между памятниками, употребляет вместо термина «археологическая культура» что-нибудь новое, неопределенное: «культурная группа», «культурный вариант» и т.п., воображая, что тем самым он успешно справился с проблемой.

А.П. Черныш писал: «Стремление к субъективному выделению сосуществующих и независимых культур позднего палеолита является, по нашему мнению, в настоящее время модой, которая в известной степени напоминает моду 30-х годов датировать большую часть позднепалеолитических памятников ориньяком» [Черныш 1977: 72]. В некотором отношении он прав: любая мода преходяща. Позавчера было модно распределять памятники по стадиям и ступеням, и даже датировать на этом основании геологические слои. Вчера стало модным выделять археологические культуры, сегодня — их отрицать. Завтра войдет в моду что-нибудь ещё. Но и позавчера, и вчера, и сегодня остаются научные проблемы. В «чисто археологическом» (то есть источниковедческом) контексте — это проблема установления и дифференциации сходств/различий археологических материалов, которая, конечно же, не сводится ни к установлению общезначимых «ступеней», ни к выделению обособленных «культур». В конкретно-историческом плане это прежде всего упоминавшаяся в начале раздела задача, стоящая перед всей преисторией, изучающей дописьменное прошлое: воссоздание древних социальных границ (древних социумов) на основе анализа археологических источников. От этой проблематики не отмахнуться, от неё не укрыться за наспех придуманными «новыми» терминами. Её нужно разрабатывать. И в этом смысле понятие «археологическая культура» действительно, является одним из основополагающих (но, разумеется, не единственным) для всей первобытной археологии, включая и археологию верхнего палеолита. В конце концов, не только решение, но даже сама постановка таких вопросов, как культурно-генетическое родство, межкультурные связи и контакты, миграции и т.п. возможна в первобытной археологии лишь в той мере, в какой она справляется с проблемой определения и выделения археологических культур.

Исходя из поставленных задач, данное понятие является основным и в этой книге. Костёнковские материалы будут излагаться не по отдельным стоянкам, но, прежде всего, *по археологическим культурам*.

3.3. Технокомплекс

Задачи первобытной археологии отнюдь не ограничиваются выделением археологических культур, это лишь отправная ступень. Для рассмотрения культур в более широком контексте, для выявления закономерностей более общего порядка, необходимо выявить и анализировать сходства/различия иного характера, выражающиеся в иных понятиях. Одним из них выступает понятие «технокомплекс» (ТК), введённое в середине 1960-х гг. Д. Кларком. Он определил ТК как «частично независимый результат эволюции культурных систем, развивающихся разными путями, но по единой в целом модели, определяемой сходной экономикой, сходной природной средой, сходной технологией и сходным историческим прошлым» [Clarke 1968: 322]. Применительно к верхнему палеолиту это определение слишком общо и требует некоторой конкретизации с упором на технологический аспект. Примерно, в это же время Г.П. Григорьев впервые вводит понятие «путь развития», понимаемое как сходство между разными археологическими культурами, «обусловленное совпадением задач, стоящих перед человечеством на данном этапе развития» [Григорьев 1966: 27]. Определение не очень удачное, поскольку «совпадение задач, стоящих перед человечеством на данном этапе развития» есть не что иное, как ступень, стадия. Впоследствии Григорьев глубже разработал это понятие, но лишь применительно к мустьерской эпохе. Для этого периода «пути развития», по Григорьеву, «выделяются на основе устойчивого сочетания категорий инвентаря и субкатегорий... Они отражают общие тенденции развития каменных орудий мустьерской эпохи... Многочисленные категории... распределяются довольно правильно, образуя устойчивые

(как скребло и остроконечник) сопряженные группы... Все пути развития примерно одновременны, поскольку по длительности они почти равны всей мустьерской эпохе. Пути развития экстерриториальны...» [Григорьев 1988: 14–15].

И Д. Кларк, и Г.П. Григорьев говорят, примерно, об одном уровне сходства — с учетом того, что Григорьев конкретизирует его, согласно своим представлениям о мустьерской эпохе, а Д. Кларк, вообще далекий от палеолитоведения, формулировал свое предельно обобщённое определение, отталкиваясь от знаний о более поздних периодах человеческой истории.

Археологами давно подмечено, что многие верхнепалеолитические индустрии, явно не связанные культурно-генетическим родством, распространённые на очень широкой территории, тем не менее, обладают сходством, трудно поддающимся описанию в строгих терминах, но явственно улавливаемому на интуитивном уровне. Обычно оно выражается в таких терминах, как «ориньякоидность», «селетоидность», «граветтоидность». Чтобы вывести эти дефиниции на понятийный уровень, не «изобретая велосипеда», можно использовать или тот, или другой из вышеназванных терминов, но при этом скорректировать определение: отталкиваясь от формулировки Д. Кларка, — несколько сузить её, сделать более конкретной, а описательное определение Г.П. Григорьева, напротив, сделать более ёмким и чётким. В принципе же оба эти термина, применительно к верхнему палеолиту, выступают для нас, как синонимы. Первоначально М.В. Аникович предпочитал использовать термин «путь развития» [Аникович 1991; 1992; 1994], но в конце концов стал употреблять «технокомплекс» [Аникович 1998]. Основные причины:

1) Термин «технокомплекс» уже давно используется в мировом палеолитоведении, примерно, в том же смысле, что и в работах М.В. Аниковича, например: [Kozlowski 1986; Otte 1981].

2) Термин «путь развития», применительно к сходству, которое он должен выражать, сам по себе неудачен. Едва ли можно говорить о каком бы то ни было «развитии» в пределах «типичного мустье» или «мустье с ашельской традицией» (подробнее см.: [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 37–45, 152–154]).

Итак, для эпохи верхнего палеолита в понятии «технокомплекс» выражается сходство, обусловленное не культурно-генетическим родством, а известной ограниченностью технологии обработки камня с одной стороны, и связью между применяемым комплексом приемов скола и формами орудий — с другой. Такое сходство возникает самопроизвольно, в индустриях, которые могут быть чрезвычайно удалены друг от друга в пространстве и времени и не связанных между собой каким-либо генетическим родством (например, индустрии костёнковско-стрелецкой культуры, солютрейские и палеоиндейские индустрии).

Технокомплекс (ТК) *— это относительно устойчивая система технологических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и функционируют в широких пространственно-временных границах в разных культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством.*

В верхнем палеолите Европы наиболее отчетливо выделяются три технокомплекса:

Селетоидный ТК: *пластинчатая техника первичного раскалывания не обязательна: даже при ее наличии пластина не является ведущей формой заготовки. Техника резцового скола, вертикальная краевая ретушь либо отсутствуют вовсе, либо играет незначительную роль. В наборе орудий наряду с непременным присутствием хорошо выраженных листовидных двусторонних острий, обязательно наличествует, вместе с хорошо представленной совокупностью верхнепалеолитических орудий, выразительный набор мустьерских форм. Микроинвентарь либо отсутствует, либо крайне скуден.*

Ориньякоидный ТК: *пластинчатая техника первичного раскалывания, направленная на получение крупных массивных пластин. Микропластинки, если имеются, обычно, аморфны, часто приближаются к чешуйкам. Характерна интенсивная краевая ретушь, далеко заходящая на поверхность заготовки. Развита техника резцового скола. Плоская ретушь редка, либо отсутствует вовсе. Набор орудий характеризуется формами, образованными интенсивной краевой ретушью высоких пластин: ориньякские пластины, скребки и острия на них. С ними сочетаются различные формы коротких высоких скребков. Характерны срединные многофасеточные резцы. Микроорудия, когда присутствуют, обычно выполнены мелкой краевой ретушью, часто противолежащей («пластинки дюфур»).*

Граветтоидный ТК: *отличается следующими характеристиками. Высокоразвитая пластинчатая техника, дающая тонкие пластины с параллельной огранкой спинки, узкие, «правильные» микропластинки. Характерно широкое употребление вертикальной краевой ретуши, сильно усекающей края пластин и микропластинок. Развита техника резцового скола. Набор орудий характеризуют формы, определяющиеся при-*

менением вертикальной ретуши: пластины и острия с притупленным краем. Среди резцов много боковых — прямо и косоретушных.

Имеющиеся данные по верхнему палеолиту Восточной Европы и Северной Азии позволяют наметить выделение по меньшей мере ещё одного технокомплекса, названного М.В. Аниковичем «афонтовским» — по наименованию наиболее представительной совокупности памятников, характеризующих его основные черты (афонтовская культура).

Афонтовский ТК: *характерно широкое использование отщепов в качестве заготовок. Техника резцового скола слабо развита. В наборе орудий присутствует хорошо выраженный мустьерский компонент, прежде всего скребла и остроконечники. Однако, в отличие от селетоидного ТК здесь нет или почти нет листовидных двусторонне обработанных острий, зато всегда присутствует хорошо выраженная группа долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской (pièces ecaillées).*

На территории Восточной Европы индустрии, относящиеся к этому ТК, лучше всего представлены именно в Костёнковско-Борщёвском районе.

В конкретных индустриях характеристики ТК далеко не всегда представлены в «чистом» виде. Во-первых, по всей вероятности, для палеолита возможно выделение иных ТК, помимо названных, хотя общее их число едва ли будет велико. Во-вторых, сочетание в конкретных индустриях признаков, присущих разным ТК, может обуславливаться разными причинами: культурным влиянием (взаимодействием разных АК, принадлежащих разным ТК) и культурной трансформацией («естественной» сменой культурных традиций, в результате которой меняются не только отдельные типы, но и основные культурные характеристики).

Такого рода случаи должны всякий раз анализироваться конкретно, на уровне понятия «археологическая культура», которое и направлено на выявление конкретных, исторически сложившихся культурно-генетических связей и отношений. Неправомочно, например, ставить вопрос о происхождении граветтоидного технокомплекса «вообще»; эта проблема должна решаться отдельно не только для каждого региона (Западной, Центральной и Восточной Европы), но и для каждой конкретной археологической культуры.

3.4. Историко-культурная область

Понятие «историко-культурная область» (ИКО) фактически напрямую перенесено в археологию из этнографии. Там оно определяется следующим образом: »...историко-этнографическая или историко-культурная области — часть Ойкумены, у населения которой в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности. Наиболее ясно особенности эти выступают обычно в материальной культуре — жилище, средствах передвижения, пище и утвари, одежде, обуви, головных уборах и т. п. — но охватывают также некоторые явления из области духовной культуры, в той или иной степени связанной с хозяйством и бытом...» [Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 222]. Применительно к археологии, разница состоит лишь в том, что последняя, по характеру своих источников, располагает меньшими возможностями для выделения ИКО, нежели этнография; «археологические» ИКО по конкретному содержанию всегда будут беднее «этнографических». Для фиксации этих, сугубо второстепенных различий, достаточно договориться о том, что для характеристики одних и тех же явлений по археологическим данным предпочтительнее употреблять термин «историко-культурная область» (ИКО), а по этнографическим — «историко-этнографическая область» (ИЭО).

Таким образом, ***историко-культурная область*** *— это совокупность археологических культур и памятников, культурная принадлежность которых не определена или спорна, существовавшая в достаточно строгих территориальных границах в пределах определённого отрезка времени, меньшего протяжённости археологической эпохи, обладающая чертами культурного сходства, которые не совпадают, или совпадают лишь частично с характеристиками АК данной территории, но которые отличают данную ИКО от других, прослеженных на соседних территориях.*

Понятие ИКО призвано отражать такие сходные явления человеческой деятельности, которые лишь частично проявляются в технико-типологических показателях: ясно, что, если близость АК, сосуществующих на одной территории, реальна — то в основе этой близости должны лежать какие-то глубинные причины, едва ли ограничивающиеся одной-единственной сферой изготовления каменных орудий. Поэтому для выделения ИКО можно привлекать сходство в составе охотничьей добычи, в структурной

организации стоянок, в признаках, свидетельствующих о продолжительности существования этих стоянок и т.п. В области анализа каменных изделий «черты культурного сходства» той или иной ИКО выражаются, прежде всего, такими характеристиками, которые, будучи «обязательными» при полном и всестороннем описании АК, не выражают их конкретную специфику: общие особенности техники раскалывания, «предпочтение» одних приёмов вторичной обработки другим, определённое сочетание одних групп орудий, при полном отсутствии других и т. п.

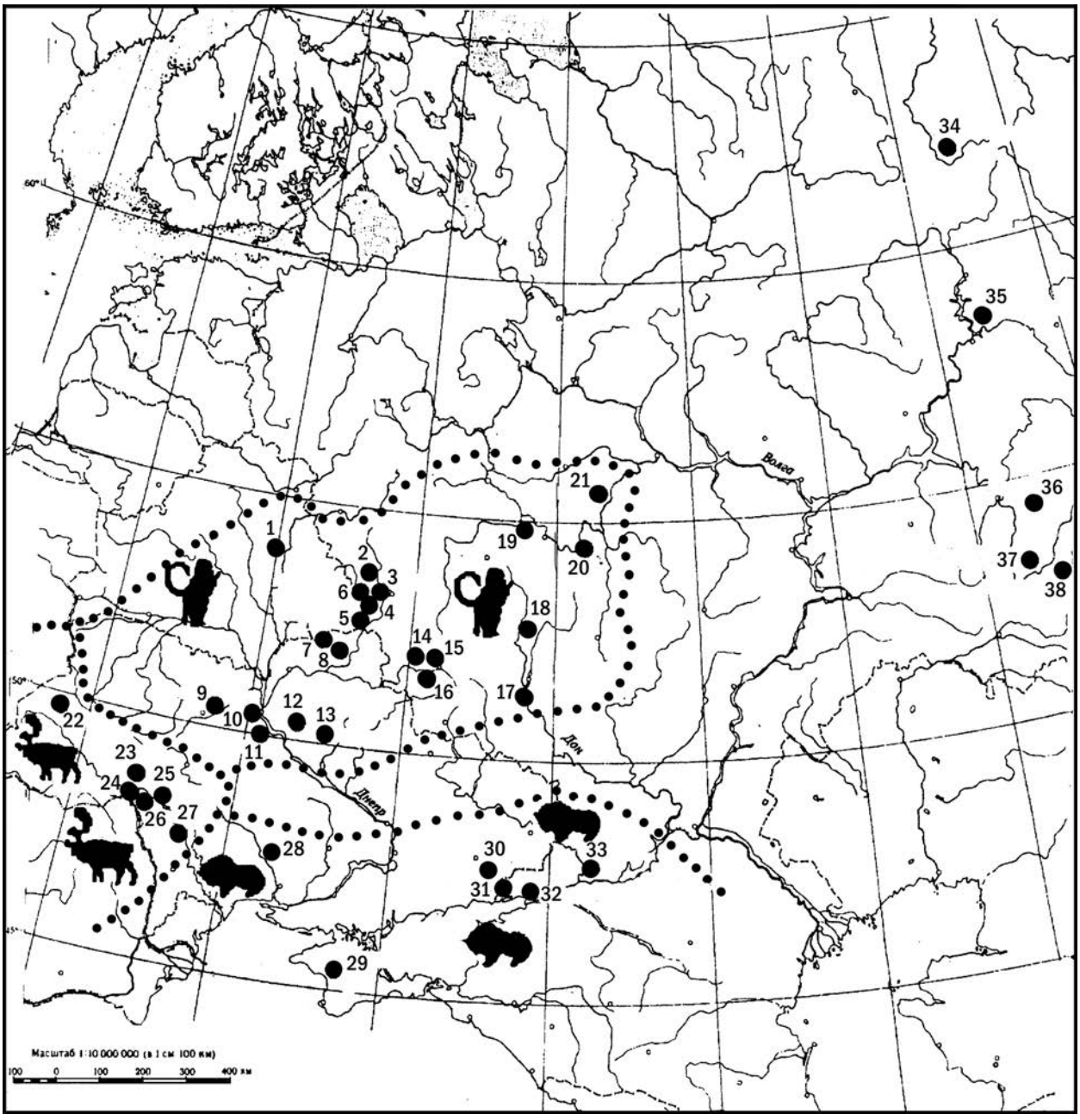

Рис. 30. Историко-культурные области Восточной Европы: примерные границы и основные памятники. Составлено с использованием: [Радиоуглеродная хронология... 1997: рис. 7–8].

1 — Бердыж; 2 — Хотылёво 2; 3 — Супонево; 4 — Юдиново; 5 — Елисеевичи; 6 — Тимоновка; 7 — Пушкари; 8 — Мезин; 9 — Радомышль; 10 — Кирилловская; 11 — Межиричи; 12 — Добраничевка; 13 — Гонцы; 14 — Авдеево; 15 — Курск; 16 — Пены 1-2; 17 — Костёнки, Борщёво; 18 — Гагарино; 19 — Зарайск; 20 — Шатрищи; 21 — Карачарово; 22 — Львов; 23 — Врублевцы; 24 — Молодово; 25 — Рашков; 26 — Косоуцы, Корпач, Брынзены; 27 — Климауцы; 28 — Сагайдак; 29 — буран-Кая; 30 — Амвросиевка; 31 — Мураловка; 32 — Каменная Балка; 33 — Золотовка; 34 — Медвежья пещера; 35 — стоянка Талицкого; 36 — Игнатьевская; 37 — Капова пещера; 38 — Смеловская 2

Историко-культурные области удалось выделить только на территории Восточной Европы в период расцвета верхнепалеолитической эпохи [Аникович 1992; 1998]. В выделении конкретных историко-культурных областей в палеолите Восточной Европы неоспоримый приоритет принадлежит П.И. Борисковскому. Ещё в 1960-х гг. он сформулировал положение о степной зоне — «особой области развития позднепалеолитической культуры, занимающей как бы промежуточное положение между европейской приледниковой областью и африкано-средиземноморской областью» [Борисковский, Праслов 1964: 13; Борисковский 1970].

Первоначальные попытки опровергнуть само это положение [Гвоздовер 1964, 1967; Григорьева 1967] основывались на неправомерном противопоставлении данному подходу понятия «археологическая культура» (по принципу: «если там есть разные культуры — значит, нельзя выделять степную зону»). В дальнейшем это положение, с дополнениями и уточнениями, было принято другими исследователями, в том числе и постоянным оппонентом Борисковского, А.Н. Рогачёвым [Рогачёв, Аникович 1984: 205]. В работе, обобщающей итоги изучения верхнего палеолита Русской равнины, была сделана попытка выделить на этой территории ещё ряд локальных областей своеобразного развития, каждую из которых составляют разные археологические культуры [Рогачёв, Аникович 1984]. Позднее, с учетом критических замечаний [Борисковский 1989], этот первоначальный вариант был существенно скорректирован М.В. Аниковичем [Аникович 1992].

Сейчас общие представления об ИКО верхнего палеолита Восточной Европы выглядят следующим образом. На данной территории можно с достаточной уверенностью выделять три ИКО (рис. 30), но лишь во вторую половину (среднюю пору) верхнепалеолитической эпохи: в поздневалдайское время, приблизительно, от 24–22 до 12–11 тыс. л.н.

1) Юго-Западная область охотников на северных оленей, охватывающая среднее течение Прута и Днестра и распространяющаяся на Волыно-Подолию.

2) Южная область охотников на бизонов («степная зона» Борисковского), занимающая территорию Северного Причерноморья — Приазовья и нижнее течение Дона и Днепра, примерно, до Днепровских порогов.

3) Центральная (Днепро-Донская) область охотников на мамонтов, куда входил и Костёнковско-Борщёвский район [Аникович 1998] (подробнее см.: 6.1.2).

Каждая из трёх ИКО характеризуется:

а) преобладающим объектом охоты, ярко выраженным в списках фауны и, очевидно, определяющим различия в моделях поведения;

б) своеобразными чертами в организации поселений и жилых объектов;

в) специфическими особенностями инвентаря, в том числе рядом общих, и некоторыми частными технико-типологическими характеристиками производства каменных орудий;

г) особенностями культурно-исторического развития.

Перечисленные понятия-интеграторы АК, ТК и ИКО взаимосвязаны, но не простой иерархической связью. Отдельные АК, входящие в ту или иную ИКО, например, могут распространяться и за пределы последней. Индустрии одной АК должны в принципе относиться к одному ТК, но некоторые из них, особенно, «пограничные», относящиеся к началу или финалу той или иной АК, могут обнаруживать признаки иного технокомплекса. Все эти случаи находят своё отражение в материалах Костёнковско-Борщёвского района.

ГЛАВА 4.

РАННЯЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РАЙОНА

4.1. Общие характеристики

В главе 2 нами рассматривались вопросы хронологии и периодизации костёнковского палеолита. Дальнейшее изложение материалов будет построено по периодизационному принципу. Но это не означает, что материалы будут излагаться по какой-то заранее принятой схеме. Опираясь на предложенную выше хронологическую шкалу, мы попытаемся выявить основные закономерности культурно-исторических изменений, происходивших в Костёнковско-Борщёвском районе в верхнепалеолитическую эпоху, в контексте сопредельных территорий.

Напомним ещё раз, что «хронология» и «периодизация» — это тесно взаимосвязанные, но далеко не тождественные понятия. Недопустимо обосновывать выделение археологической ступени геологическими границами[1]. Такое совпадение может иметь место, но его нужно, во-первых, доказать, и, во-вторых, при выделении археологического периода любого уровня следует всё же пользоваться именно археологическими критериями. На костёнковских материалах несовпадение геологических и археологических ступеней особенно заметно.

Ещё А.Н. Рогачёвым было подмечено, что костёнковские стоянки I и II хронологических групп, чётко разделяясь по своему стратиграфическому положению (а, значит, и хронологически), в археологическом отношении обладают рядом сходных черт. Эти последние выделяют их на фоне более поздних памятников III хронологической группы, как некое культурное единство, определяемое, как «ранняя пора верхнего палеолита» (далее: РВП). Каковы же особенности этого единства?

Отметим заранее: сформулировать некое общее определение РВП, пригодное для всех регионов Старого Света, едва ли возможно. К этой проблеме необходимо подходить регионально. На Европейском континенте, где верхний палеолит изучен лучше всего, РВП имеет целый ряд общих «панъевропейских» черт — несмотря на исключительную культурную вариабельность древнейших верхнепалеолитических индустрий континента. В самом общем виде РВП Европы можно определить (в археологическом отношении) как сочетание (сосуществование) трёх основных типов индустрий.

1. собственно верхнепалеолитических («развитых»), в которых отсутствует сколько-нибудь выраженный среднепалеолитический компонент;

2. «симбиотических»[2] («архаичных»), в которых, наряду с ярко выраженными верхнепалеолитическими характеристиками, наличествует столь же хорошо выраженный (по крайней мере, в типологическом отношении) среднепалеолитический компонент;

---

[1] Так, например, нельзя проводить границу между палеолитом и мезолитом по рубежу плейстоцен — голоцен, как это обычно делается.

[2] В литературе такие индустрии часто называют «переходными». Однако возникает закономерный вопрос: от чего и к чему они «переходят»? От мустье к верхнему палеолиту? — Но в технологическом отношении это уже бесспорный верхний палеолит, хотя и с присутствием ряда архаичных (мустьерских) элементов. На наш взгляд, термин

3. собственно среднепалеолитических (пережиточного мустье).

Нам могут возразить: мустье есть мустье, а верхний палеолит есть верхний палеолит. Первое не может являться частью второго. Но в том-то и дело, что пережиточное мустье не просто сосуществует в РВП Европы с двумя первыми типами верхнепалеолитических индустрий. Оно волей-неволей взаимодействует с ними в различных формах. Определить или объяснить эти формы взаимодействия есть, на наш взгляд, одна из важнейших задач исследования РВП.

Именно с таких позиций данный период характеризуется многими современными учёными [Mellars 1989; Bar-Yosef 1998; 2002; Zilhao,d'Errico 1999; Kozlowski 2000; Козловский 2005; Аникович 2003; 2007; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007; 2007a].

На территории Костёнковско-Борщёвского района памятники пережиточного мустье не выявлены. Каменные и костяные индустрии РВП здесь очень разнообразны; они относятся к разным АК, причем с ярко выраженной культурной спецификой. Однако при всём их разнообразии, эти культуры чётко подразделяются на два охарактеризованных выше типа: симбиотические и развитые.

Оригинальная попытка осмыслить РВП Европы в несколько ином ключе принадлежит А.А. Синицыну. По его мнению, РВП характеризуется в структурном отношении «бинарной оппозицией»: ориньяк — «переходные» индустрии. Список последних, в его трактовке, включает «селет, кастельперрон, улуццо, линкомбьен» [Синицын 2000; 2005: 179]. При этом собственно «раннему верхнему палеолиту» предшествует особая периодизационная единица — «начальный верхний палеолит» (далее — НВП). По мнению А.А. Синицына, индустрии НВП «не имеют выраженной связи с памятниками последующей эпохи раннего верхнего палеолита». Упомянутая «бинарность» для них не характерна. Подчеркивается и более сильная вариабельность памятников в культурном отношении, по сравнению с последующим периодом РВП [Синицын 2005: 180].

Развернутая критика этого подхода дана М.В. Аниковичем [Аникович 2000; 2007a; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 14–15]. Вкратце она сводится к тому, что при детальном рассмотрении выясняется следующее: индустрии НВП и РВП имеют те же общие характеристики (в первую очередь — отмеченная выше даже не «бинарная», а «тройная» оппозиция). И для тех, и для других выявляется достаточно высокая культурная вариабельность. Наконец, в ряде случаев между памятниками НВП и РВП обнаруживаются несомненные культурно-генетические связи (например: богунисьен — Куличивка; памятники костёнковско-стрелецкой культуры различных этапов и т.д.). В верхнем палеолите Европы, безусловно, изначально присутствовали высокоразвитые индустрии. Но с ними, опять-таки, изначально сосуществовали индустрии симбиотические. Поэтому те основания, на которых НВП противопоставляется РВП в периодизационном отношении, представляются неверными по существу.

А.А. Синицын прав в одном: на сегодняшний день развитые верхнепалеолитические индустрии Костёнковско-Борщёвского района оказываются, по крайней мере, не моложе (а в некоторых случаях и древнее!) симбиотических. Однако из этого никак не следует, что в Европе повсеместно существовал некий единый пласт развитых индустрий, предшествовавших симбиотическим и принципиально отличавшихся от более поздних индустрий РВП. Таким образом, «начальная пора» может претендовать на хронологическое значение (НВП = верхнепалеолитические памятники древнее 32 тыс. л.н.), но никак не является периодизационной единицей.

Необходимо подчеркнуть ещё один момент. Говоря о симбиотических («архаичных») и собственно верхнепалеолитических («развитых») индустриях РВП, мы отнюдь не имеем в виду большей примитивности культур первого типа, по сравнению со вторым. Напротив, техника двусторонней обработки (тонкого бифаса), достигнутая носителями «архаичной» костёнковско-стрелецкой культуры, сопоставима только с солютрейской или палеоиндейской техникой типа кловис — высочайшими достижениями технологии верхнего палеолита. «Архаичность» симбиотических культур заключается лишь в том, что в них, наряду с верхнепалеолитическими, присутствует выраженный набор среднепалеолитических форм и технических приёмов.

Оба указанных типа культур сосуществовали в Европе на протяжении всей РВП. Исчезновение симбиотических индустрий, собственно, и служит маркером перехода от ранней к средней поре верхнего палеолита (далее: СВП). Необходимо учитывать, что хронология РВП в разных регионах Европы весьма различна [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007]. И начало её, и конец наступали в различных регионах отнюдь не синхронно. Важнейшим отличием СВП является то, что в этот период все непластин-

---

«симбиотическая индустрия», впервые предложенный В.Н. Степанчуком, удачнее отражает ситуацию, чем употребляющийся ныне многими коллегами термин «архаичная индустрия».

чатые индустрии уже полностью исчезают. Существенно меняется и «палеолитическая карта Европы». Наиболее яркие новации этого периода — возникновение на западе континента солютрейской культуры, а на востоке — серии специфических культур охотников на мамонтов, для которых характерны сложно организованные поселки с домами из костей мамонта. Эти жилища по праву считаются вершиной палеолитического домостроительства.

4.2. Охота

Несмотря на культурные различия, основным объектом охоты в РВП на Среднем Дону неизменно являлась широкопалая лошадь (*Equus Latipes V. Gromova*). В памятниках I хронологической группы кости этого вида составляют 35,2% от общего числа костей, а в памятниках II хронологической группы их относительное количество доходит до 66,95% [Палеолит... 1982: 224]. Среди остальных объектов охоты особенно много костей зайца: в стоянках I хронологической группы до 51,19%. Донской заяц (*Lepus tanaiticus Gureev*) был значительно крупнее современного зайца-беляка и при своей высокой численности являлся хорошим подспорьем в мясном рационе древнего человека. Из остальных животных крупных и средних размеров постоянно встречается мамонт, но в небольших количествах: 3,3–4,02%. Несколько больше костей волка: 5,6–4,05%. Доля остальных видов: шерстистый носорог, бизон, северный олень, благородный олень, гигантский олень, росомаха, песец — ещё меньшая.

Неизменное преобладание лошади в разнокультурных памятниках одного региона объясняется, в первую очередь, характером природной среды. В.И. Громова, выделившая костёнковскую широкопалую лошадь в особый вид, отмечала, что большая ширина её копытных фаланг, по сравнению с другими лошадьми Европы и Азии, свидетельствует об обитании этой лошади на сравнительно мягком грунте лесных и лесостепных биотопов — а именно такие биотопы восстанавливаются для стоянок I и II хронологических групп по данным палинологических анализов (см.: 2.4.2).

На основе данных о возрасте костёнковских лошадей, зоологи предполагают, что охотились на них круглогодично [Палеолит... 1982: 228]. Достоверных данных о способах охоты древних обитателей Среднего Дона у нас нет. Но, судя по огромному количеству лошадиных костей на таких памятниках, как Костёнки 12/I, Костёнки 14/II, Костёнки 15 и составу добычи, включающей все возрастные группы, от годовалых жеребят до очень старых особей, можно предполагать, что охота была загонной. Крутые склоны водораздельного плато, резко обрывающиеся на правобережье в долину Дона и балок, способствуют такому предположению. Бесспорных свидетельств загонной охоты, таких, как всемирно известные места массового забоя лошадей в Солютре (Франция) или бизонов в Амвросиевке (Украина), в Костёнковско-Борщёвском районе пока не обнаружено. Тем не менее, два участка трактовались в ходе раскопок именно как места забоя (*kill-site*).

На Костёнках 12/I было обнаружено скопление костей лошади, сосредоточенное в северной и восточной частях раскопа 1961–1962 гг. К югу и западу в этом же раскопе их количество уменьшается (рис. 31). Это особенно заметно на примыкающем участке, исследованном в 1974 г., где в восточной части, на кв. лмн/62–64 количество находок исчисляется десятками на квадрат, а в западной части — единицами. Особенно много материала сосредоточено на кв. нопр/54–55, где количество только целых костей достигает 50 и более экз. на квадрат. Кости здесь залегали двумя-тремя ярусами. Таким образом, в раскопе было частично вскрыто очень крупное скопление костного материала, среди которого преобладали целые или почти целые кости лошади. Много длинных костей, стопных, трубчатых и позвонков. Встречаются тазовые кости и лопатки. Целых черепов нет; имеются лишь обломки нижних челюстей.

Скопление до конца не исследовано. Более или менее обозначилась только его западная граница: по линии «л». Количество находок заметно уменьшается к югу, но северная и восточная границы остаются неясными. О природе скопления можно высказать только негативные предположения. Это не остатки каких-то конструкций (какие бы то ни было конструктивные детали отсутствуют), но и не место массового забоя лошадей, хотя на первый взгляд такая мысль может показаться правдоподобной. Против этого свидетельствуют отсутствие значительных анатомических групп и черепов, наличие костей иных животных, массовый кремневый инвентарь. С учётом того, что скопление образовано на месте древнего овражка, затянутого ко времени существования I культурного слоя, но ещё отмеченного прогибом поверхности, можно предположить, что это была свалка отбросов, образовавшаяся, отчасти, естественным путем, за счет сноса костей с верхних участков мыса.

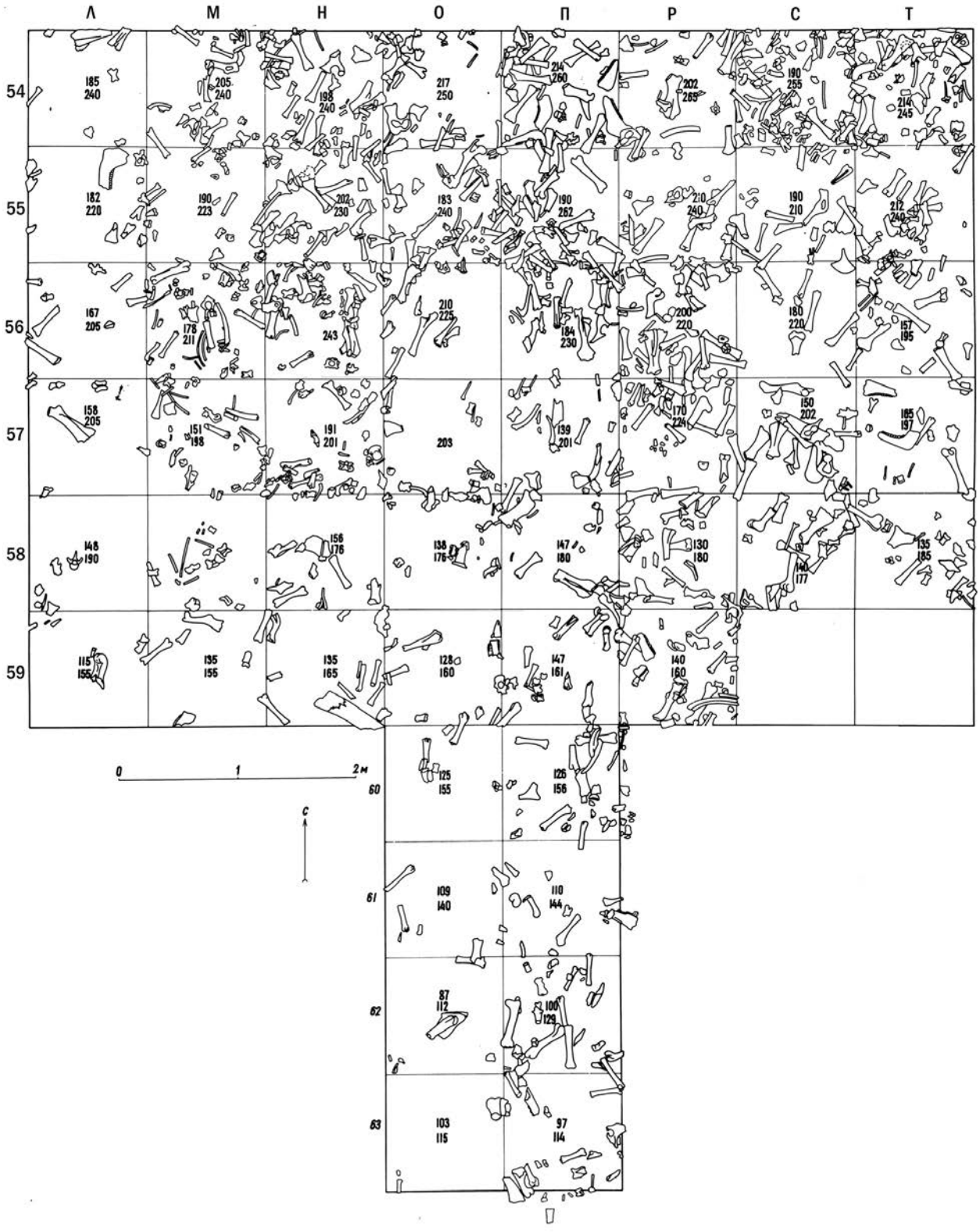

Рис. 31. Костёнки 12/I. Скопление костей лошади в западине древнего овражка.
Раскоп А.Н. Рогачёва 1961–1962 гг.

Более основательное подозрение на открытие в Костёнках kill-site возникло в 1994 г. при исследовании стоянки Костёнки 14/IVa, достоверно залегающей под линзами вулканического пепла. Здесь обращал на себя внимание необычный характер скопления костей лошади. Они залегали в слое сплошной беспорядочной массой, плотно прилегая друг к другу, а в отдельных случаях сохраняя анатомический порядок. Такое расположение костей на поселениях не встречается. Оно характерно или для мест естественной гибели животных, или для мест их массового забоя. Необычным для поселения являлось и практически полное отсутствие в раскопе 1994 г. расщеплённых кремней (8 чешуек на 3 кв. м.). Поэтому автор раскопок А.А. Синицын первоначально интерпретировал данный участок как *kill site*. Результаты работ 1998 г. заставили его изменить свою точку зрения, т.к. на более широкой площади в распределении костей удалось установить ряд закономерностей, а в культурном слое на соседних участках обнаружились находки, характерные для долговременных поселений [Синицын 1999; 2000: 129–130; 2002: 224–226]. Однако в дальнейшем А.А. Синицын вернулся к первоначальному варианту интерпретации [Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004: 52], который и на наш взгляд, выглядит убедительнее других.

В отличие от лошадей, мамонты, ставшие впоследствии основной охотничьей добычей, в РВП истреблялись редко, и, видимо, только поодиночке. Об этом свидетельствует тот факт, что в костёнковских стоянках рассматриваемого периода кости мамонта, дают, в целом, низкий процент, а когда встречаются, залегают на относительно ограниченном участке и в довольно большом количестве. Состав их таков, что позволяет предположить принадлежность всех костей одной-двум особям. Такого рода находки были сделаны на отдельных участках Костёнок 1/III; 1/Vвост.; 1/Vзап.; 8/IV; 12/I.

Неизменно большое количество костей зайца (51,19% в I хронологической группе, 18,21% во II хронологической группе) показывает, что охота на него велась целенаправленно, возможно, с помощью ловушек, хотя достоверных археологических доказательств этому у нас нет.

Представления об охотничьем вооружении РВП дают различные типы кремнёвых и костяных наконечников, которыми оснащались копья и дротики. Впрочем, среди костяных изделий этого периода

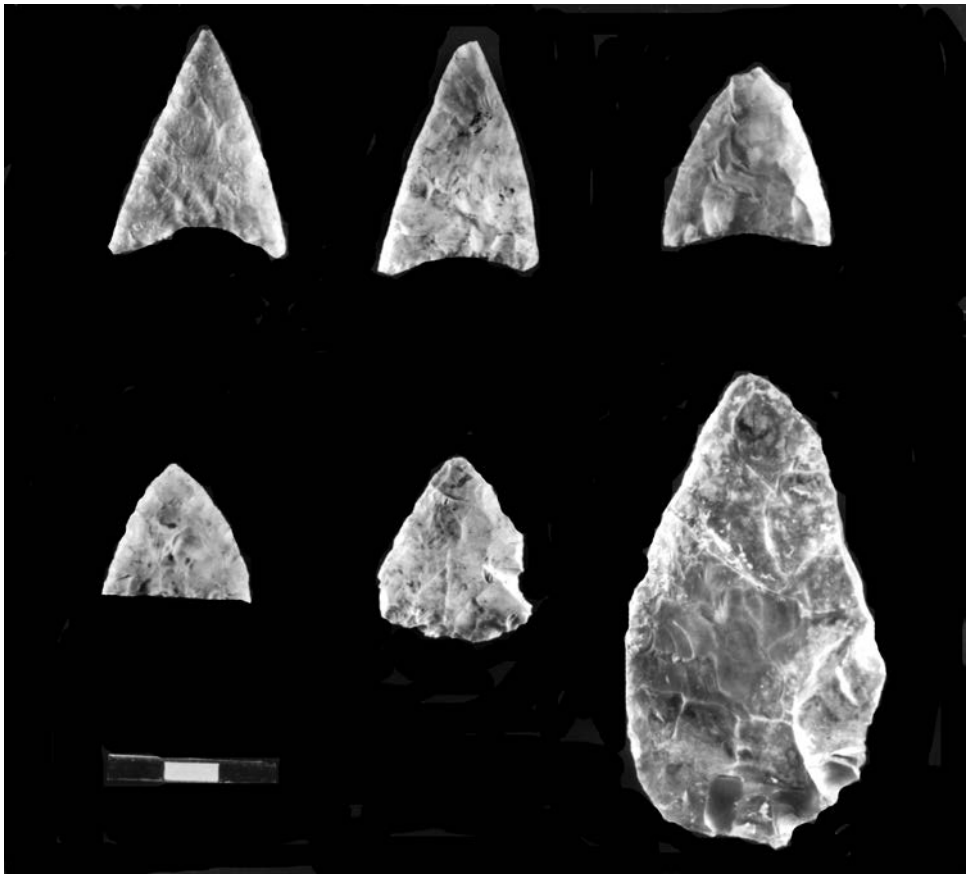

Рис. 32. Образцы кремнёвых наконечников РВП Костёнковско-Борщёвского района

нет таких, которые можно было бы безоговорочно трактовать, как наконечники, да ещё определенной формы (типа младечских или ориньякских с расщеплённым основанием). Можно лишь предполагать, что некоторые фрагменты костяных или бивневых острий могли служить наконечниками.

Среди кремнёвых наконечников особое внимание обращают на себя треугольные с вогнутым основанием, двусторонне обработанные (стрелецкого типа). В памятниках костёнковско-стрелецкой АК (см.: 4.4.2) с ними сосуществуют и другие типы двусторонне обработанных острий (рис. 32).

Признаков употребления вкладышевого оружия нет. Копьеметалок не найдено, но наличие этого метательного оружия вполне допустимо уже в РВП. Миниатюрные размеры ряда кремнёвых наконечников (1,5–2 см в длину) позволяют думать, что, по крайней мере, в некоторых культурах этого периода люди уже владели луком и стрелами.

4.3. Жилища, организация поселений

К сожалению, состояние источников по древнейшему периоду костёнковского палеолита таково, что мы почти не располагаем научно обоснованными данными об организации стоянок, тем более — о специфике хозяйства и быта, социальной организации их обитателей. Ни одна из костёнковских стоянок РВП не раскопана полностью. Большинство их только разведано: вскрытая площадь не превышает 50–70 кв. м, а нередко ограничивается 10–20 кв. м. Лишь в немногих случаях (Костёнки 1/III; 12/I; 12/III) исследовано свыше 100 кв. м культурного слоя, но на разных, не связанных друг с другом участках. И только на Костёнках 8/II вскрытая площадь превышает 500 кв. м.

К тому же планиграфическое изучение памятников РВП затрудняет то обстоятельство, что во многих случаях культурные слои сильно пострадали или даже оказались разрушены природными процессами, прежде всего, склоновыми размывами и солифлюкцией. Поэтому на данный момент нам практически ничего не известно даже о размерах этих стоянок, не говоря уж об их структуре. Данные же об объектах и отдельных деталях сугубо отрывочны.

В некоторых случаях по хорошо выраженной концентрации находок на определённых участках и их положению в пределах этих зон можно предполагать наличие остатков жилищ. Они представляли собой, по-видимому, лёгкие наземные сооружения, округлые или овальные в плане, с очагом в центре. Обычно такие жилища с достаточной долей условности сопоставляются с чумами.

Все находки такого рода были сделаны на памятниках II хронологической группы. Самые выразительные следы подобных конструкций обнаружены на Костёнках 8/II: два скопления находок, имеющие округлые очертания, диаметром 6–7 м каждое, с очагом в центре. Третье скопление культурных остатков имеет очертание большого овала 20×8–10 м, в пределах которого были обнаружены три очага, расположенные не по одной линии (рис. 33). Детальный анализ культурного слоя в пределах этого скопления позволил А.Н. Рогачёву предположить, что оно образовалось в результате последовательного переноса одноочажного жилища («чума») на соседние участки [Рогачёв 1957: 47–51].

При изучении такого рода объектов нужно быть особенно внимательным к деталям, которые позволили бы собрать дополнительные аргументы в пользу того, что данное скопление, действительно, является остатками жилища. Ведь, в конце концов, концентрация находок вокруг очага или кострища — явление обычное, даже если это кострище горело на открытом воздухе. Так А.Н. Рогачёв интерпретировал обнаруженную на Костёнках 1/V(вост.) концентрацию находок, преимущественно кремней, в пределах овала 6×4,5 м, вытянутого по склону мыса, как несколько переотложенные склоновыми процессами остатки подобного жилища. О склоновых процессах свидетельствуют и овальные очертания углисто-золистой массы, расчищенной в центре скопления [Рогачёв 1957: 36]. Технологический анализ кремнёвой коллекции, собранной в пределах данного скопления, произведённый в 1990-х гг. Б. Брэдли и Е.Ю. Гирей, показал, что практически все находящиеся на этом участке продукты расщепления связаны с производством тонких бифасов: люди, сидевшие у костра, занимались изготовлением треугольных наконечников с вогнутым основанием [Аникович, Бредли, Гиря 1997]. Думается всё же, что деятельность внутри жилища являлась более разнообразной, и такой характер культурных остатков, скорее, соответствует представлениям о работе на открытом воздухе. Впрочем, всё это — область догадок, не больше.

На Костёнках 15 зафиксированы вполне достоверные остатки наземного жилища, в виде овальной линзы культурного слоя, мощностью 0,3–0,4 м, несомненно, залегавшие in situ. К сожалению, слой здесь был повреждён современными земляными работами (рис. 63: *А*).

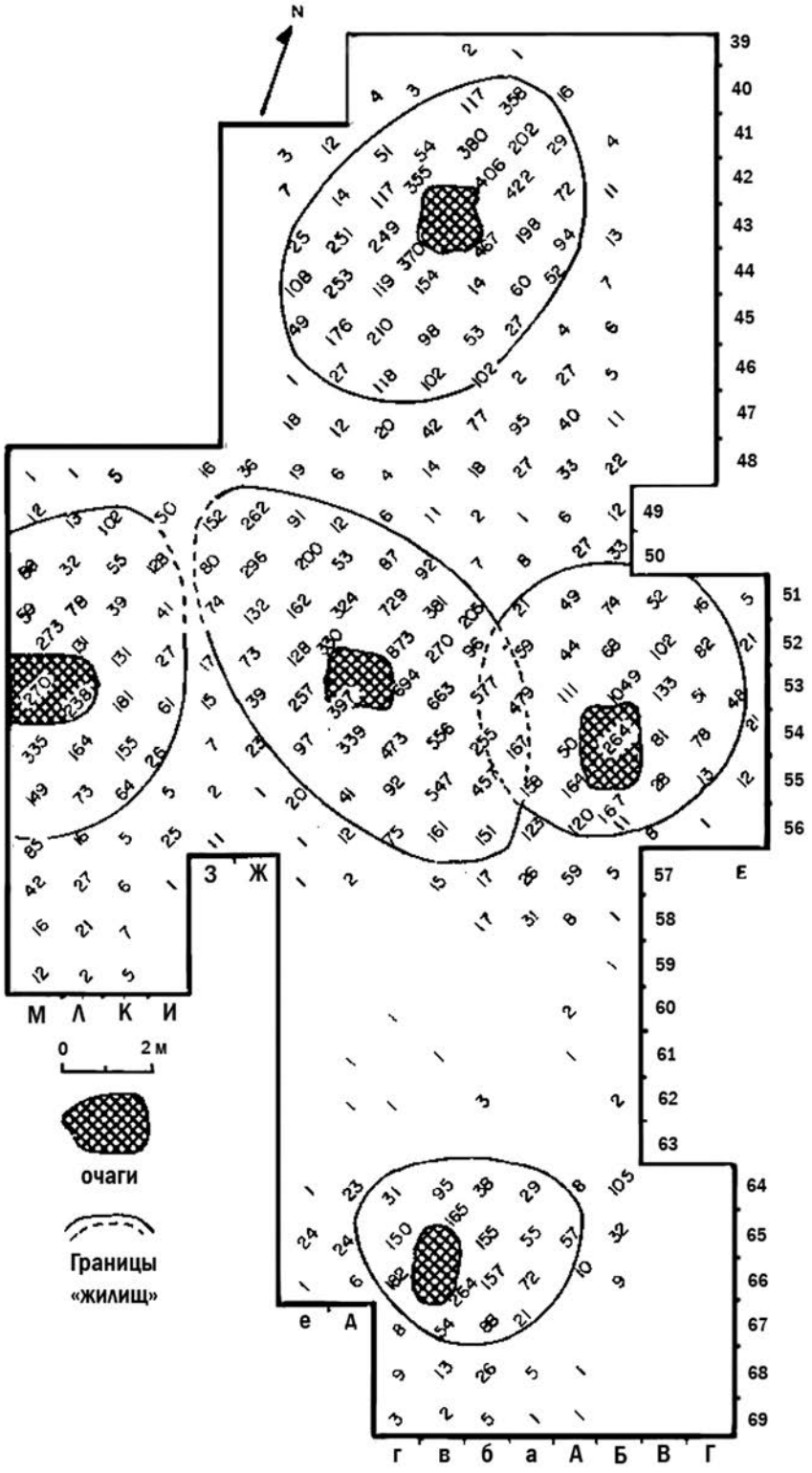

Рис. 33. Костёнки 8/II (Тельманская стоянка). Схематический план предполагаемых наземных жилищ с очагами в центре и количество находок на каждом квадрате. *По: [Klein 1969]*

Судя по сохранившемуся расчищенному участку, остатки этого жилища, как и в Костёнках 8/II, представляли собой локализованное скопление находок, имевшее округлые очертания, диаметром ~6 м. Но здесь, помимо чёткой локализации культурных остатков, обычных по своему составу для пола жилищ, их положение *in situ* (в отличие от положения культурного слоя за пределами скопления) аргументировано тем, что у краёв скопления был обнаружен ряд вертикально торчащих длинных костей, вероятно, вбитых для закрепления опорных жердей. В этом жилище было найдено погребение ребёнка, речь о котором пойдёт особо (см.: 4.7.4).

Отметим, что все три упомянутых памятника принадлежат разным археологическим культурам: Костёнки 15 — городцовской АК, Костёнки 8/II — тельманской, а Костёнки 1/V(вост.) — стрелецкой. Тем не менее, во всех случаях реконструируется один тип жилищ: лёгкие наземные сооружения с каркасом из жердей, покрытом шкурами. Из этнографических источников известно, что, в действительности, подобные жилища различаются по своим деталям. Однако такие различия едва ли можно проследить по археологическим источникам: локализованные пятна культурного слоя, с зольником в центре, везде выглядят одинаково.

На памятниках РВП довольно регулярно встречаются остатки очагов или кострищ: блюдцеобразные углубления, заполненные углисто-золистой массой, глубиной не более 15 см (обычно меньше) в центральной части. Суглинок по краям обожжён. Иногда рядом с ними заметна локализация красной охры (Костёнки 17/II; 12/III). Но ни на одном костёнковском памятнике этого периода до сих пор не обнаружено ни одного очага более сложной конструкции.

Несомненные искусственные ямки зафиксированы на двух памятниках II хронологической группы: Костёнки 15 и 16. Точнее, зафиксированы только их нижние части, а верх срезан склоновыми процессами. Чаще всего они заполнены обычным культурным слоем, в двух случаях — забиты костями лошади. Остатки такой ямы на Костёнках 15 имеют округлую форму диаметром 70 см; сохранившаяся глубина не более 20 см. Яма с костями на Костёнках 16 имеет овальные очертания 86×50 см и сохранилась на глубину до 43 см.

Особо отметим специфику культурного слоя IVa на Костёнках 14 (хронологическая группа I/II), выделенного А.А. Синицыным в 1994 г. Выше мы уже писали, что этот слой, возможно, представляет собой остатки kill-site (см.: 4.2). Сейчас остановимся детальнее на характеристике данного комплекса.

По описанию автора раскопок, этот слой «на всей вскрытой на восточном участке мыса площади представлен сплошным нагромождением костей лошади...» [Синицын, Хоффекер, Синицына и др.

Рис. 34. Один из типов округлых наземных жилищ народов Севера (Якутия). Фото 1920-х гг.

Рис. 35. Реконструкция округлого наземного жилища, сооружённого в Костёнках в экспериментальных целях. Фото 1980-х гг.

2004: 52]. Наряду с ними, «в слое были представлены все основные компоненты, характерные для долговременных поселений: расщеплённые кремни, костяные изделия, пятна зольности, участки повышенной концентрации древесного угля» [Там же]. Тем не менее, «интерпретация слоя как места единоразового забоя лошадей» в настоящее время выдвигается исследователем как наиболее вероятная [Там же].

В более ранней публикации А.А. Синицына [2002] слой IVa описан детальнее. Вся его площадь, исследованная на тот момент (~30 кв. м), разделялась на четыре относительно автономных участка. Отличительной особенностью первого из них являлось наличие линз белесой мергелистой, тонко отмученной массы, визуально напоминающей известковую обмазку современных глинобитных построек. Относительная чистота позволяла предполагать её искусственное приготовление. Линзы «обмазки», мощностью 5–10 см местами залегали ступенчато и разделяли кости на два уровня залегания. Кроме того, внутри линз, как бы во вмазанном в белесую массу состоянии, были включены зубы лошади и мелкие обломки костей, образуя своего рода «арматуру», обеспечивающую прочность «конструкции». Хотя никаких конструктивных сооружений из костей лошади в археологии палеолита не известно, именно такой характер этого участка кажется, в настоящий момент, наиболее вероятным.

Для второго участка характерна чрезвычайно высокая насыщенность зольно-углистой, по облику типично очажной массой. Угли встречались по всей площади раскопа, но только здесь их концентрированное скопление имело чёткие в плане границы.

Третий участок как бы разделял остальные и представлял собой полосы, шириной 0,5–0,8 м, образованные рядами трубчатых костей, расположенных попарно и на одинаковом расстоянии друг от друга. Кости располагались крест-накрест или V-образно. Повторяемость сочетаний и ритмичность чередования позволяют предположить, что эта система образовалась не естественным путем, а при участии человека.

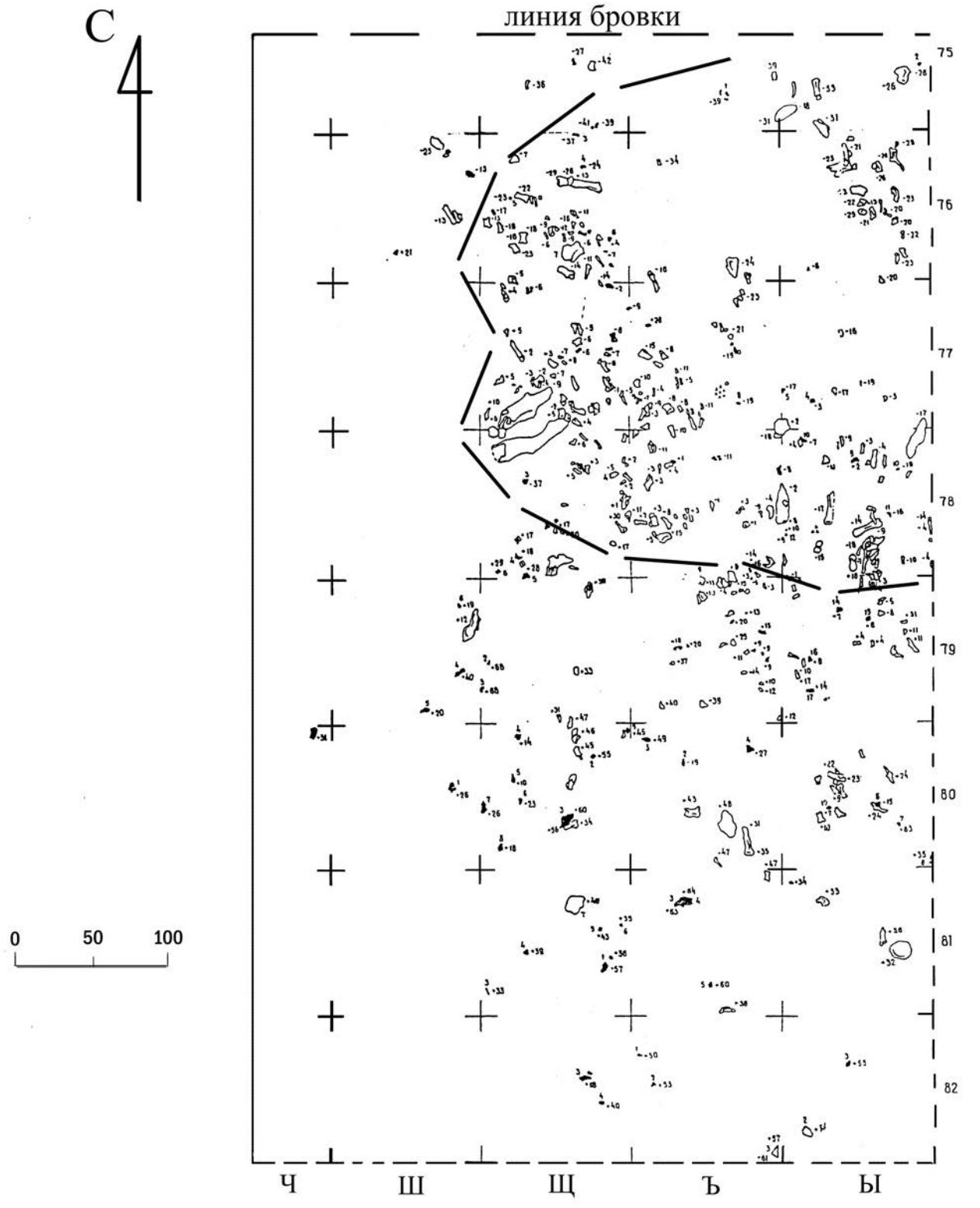

Рис. 36. Костёнки 12/III. План скопления костей северного оленя и лошади в западине, уходящей в восточную стену раскопа (2002 г.)

Четвёртый участок, занимавший большую часть вскрытой площади, действительно, имел признаки kill-site [Синицын 2002: 224–226].

На Костёнках 12, в ходе раскопок 1999–2004 гг. изучались верхние участки мыса. В отличие от более низких участков склона, где культурные остатки залегали в явно деформированном состоянии, здесь можно, с некоторыми оговорками, говорить о положении находок in situ. Это особенно важно для древнейшего памятника костёнковско-стрелецкой АК — Костёнки 12/III. В нём особо выделяются три объекта. Первые два представляют собой охристо-углистые пятна на кв. шщ-87 и шщ-90–91. С каждым из этих пятен связаны находки листовидных двусторонне обработанных острий крупных размеров.

Третий объект — расположенная на кв. ъы/76–79 западина овальных очертаний, уходящая в восточную стену раскопа и ориентированная в направлении юго-запад — северо-восток. С этой западиной связано довольно значительное скопление костей (свыше сотни обломков), принадлежащих, по большей части, северному оленю и в меньшем количестве — лошади. Находки кремней единичны (рис. 36–37).

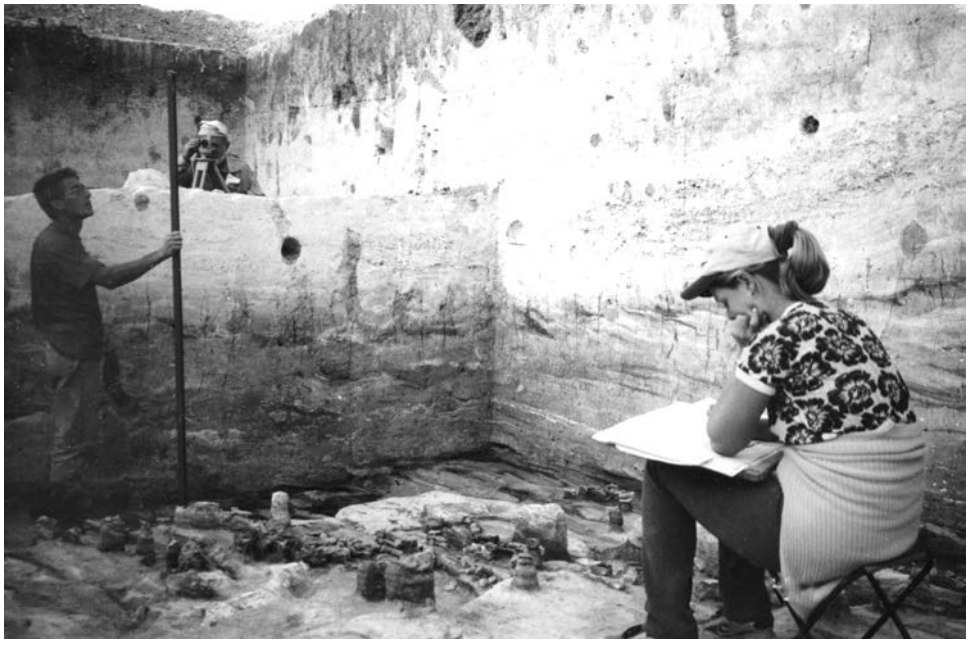

Рис. 37. Костёнки 12/III. Фиксация скопления костей северного оленя и лошади в западине, на кв. щъы/75–78. Рабочий момент

Тафономический анализ материала был проведен Дж.Ф. Хоффекером. Ориентация костей свидетельствует о воздействии водных потоков на склоне с уклоном 5°, а распределение частей скелета указывает на определённую сортировку. Большинство костей фрагментировано, представлено отбитыми эпифизами и расколотыми диафизами. Примерно, половина их была расколота в свежем состоянии. Многие кости (особенно, принадлежащие северному оленю), обнаружили на поверхности следы корней растительности. Следы погрызов немногочисленны, но на костях выражены следы ударов, нанесённых каменными орудиями.

Большинство костей северного оленя и лошади, вероятно, принадлежало животным, убитым и разделанным людьми, оставившими III культурный слой. Можно предположить, что либо на данном участке люди ели мясо (преимущественно, оленину), либо сбрасывали сюда остатки трапез (хотя существенной позитивной или негативной корреляции между распределением частей скелета и индексом пищевой утилизации не обнаружено). При этом небольшие различия в происхождении и тафономических характеристиках костей северного оленя и лошади позволяют предположить, что они отложились в разное время и, возможно, являются результатом двух или более отдельных событий [Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2004: 32; Hoffecker, Kuz'mina, Anikovich et al. 2005].

На сегодняшний день это самые интересные планиграфические наблюдения по всему раннему палеолиту Восточной Европы. Разобраться с тем, что представляли собой столь необычные объекты, будет возможно только в ходе дальнейших раскопок.

Наиболее информативным источником по РВП Костёнковско-Борщевского района остаются коллекции кремнёвых и отчасти костяных изделий. Даже собранные на ограниченной площади, они во многих случаях дают ценную информацию по технике и типологии каменных индустрий того периода. Это позволяет выявить культурную специфику памятников и провести их сравнительный анализ.

4.4. Симбиотические («архаичные») культуры ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района

4.4.1. Древнейшие симбиотические индустрии РВП в Костёнках

4.4.1.1. Костёнки 12/V — древнейший палеолитический памятник Костёнковско-Борщёвского района

Обзор уместнее всего начать с материалов Костёнок 12/V — памятника, который по совокупности естественнонаучных данных является на сегодняшний день древнейшим в Костёнковско-Борщёвском районе (см.: 2.3.2). Его описание не займет много места — слишком скудны имеющиеся в нашем распоряжении материалы. V культурный слой Костёнок 12 (Волковской стоянки) связан с самой нижней погребённой почвой D, которая в настоящее время может быть сопоставлена с оптимумом межстадиала Глинде (51–48 тыс. л.н.) (см.: 2.4.2). Имеющиеся результаты оптико-светостимулирующего анализа дают для этого горизонта «абсолютные» даты ~45–44 тыс. л.н., а для подстилающих отложений — ~52–50 тыс. л.н. (см.: Прил. 2, №№ 205–212) (рис. 38). На раскопанном участке находки представлены почти исключительно остеологическим материалом, в котором на данном этапе исследований доминируют кости благородного оленя. Встречены также кости мамонта, северного оленя, шерстистого носорога и волка. Помимо них, в слое обнаружено 10 каменных изделий и 1 железистая конкреция. Сырьё — исключительно цветной кремень достаточно плохого качества. Кроме необработанных отщепов и осколков, в коллекции имеется скребковидное орудие на массивном осколке (рис. 39, *2*), зубчатое орудие на отщепе (рис. 39, *1*) и обломок песчаника со следами обработки. О какой бы то ни было атрибуции этой индустрии говорить пока преждевременно. Не исключено даже, что впоследствии выяснится: Костёнки 12/V — это первый мустьерский памятник, открытый в данном регионе.

4.4.1.2. Костёнки 12/IV — симбиотическая или развитая индустрия?

Несколько более молодым является культурный слой Костёнки 12/IV, залегающий в разрезе выше и связанный с палеопочвой B. По данным палинологического анализа, эта палеопочва сформировалась на заключительном этапе преобладания в регионе широколиственных пород (вяза) [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005]. Этому не противоречат и IRSL/OSL-даты ~50–43 тыс. л.н., полученные С. Форманом для подстилающего её палевого суглинка (см.: Прил. 2, №№ 205–207).

Коллекция Костёнок 12/IV невелика. Она насчитывает 72 экз. каменных изделий, из которых 10 имеют вторичную обработку. Преобладающее сырьё — цветной кремень очень низкого качества, но, помимо него, в коллекции имеются пластина, микропластинка и чешуйки мелового кремня. Несмотря на ограниченный объём коллекции, уже сейчас можно сделать некоторые выводы о характере данной индустрии.

Два нуклеуса имеют вполне мустьерский облик. Один из них может быть описан, как мелкий одноплощадочный (рис. 40: *7*), второй — как атипичный с радиальной системой расщепления (рис. 41: *1*). Однако прекрасная ребёрчатая пластина (рис. 40: *3*) характерна именно для верхнепалеолитической техники призматического раскалывания, причём достаточно развитой (получение призматического ядрища через стадию пренуклеуса-гигантолита, ребро которого имеет двустороннюю обработку). Эта форма, вкупе с упомянутыми выше пластиной и микропластинкой мелового кремня, доказывает, что техника первичного раскалывания Костёнок 12/IV была значительно более развитой, чем это может показаться на первый взгляд.

Среди заготовок господствуют отщепы и осколки. Стандартизованных форм не обнаружено. В большом количестве представлены мелкие отщепы — очень тонкие и плоские. Их можно рассматривать, как отходы производства бифасов.

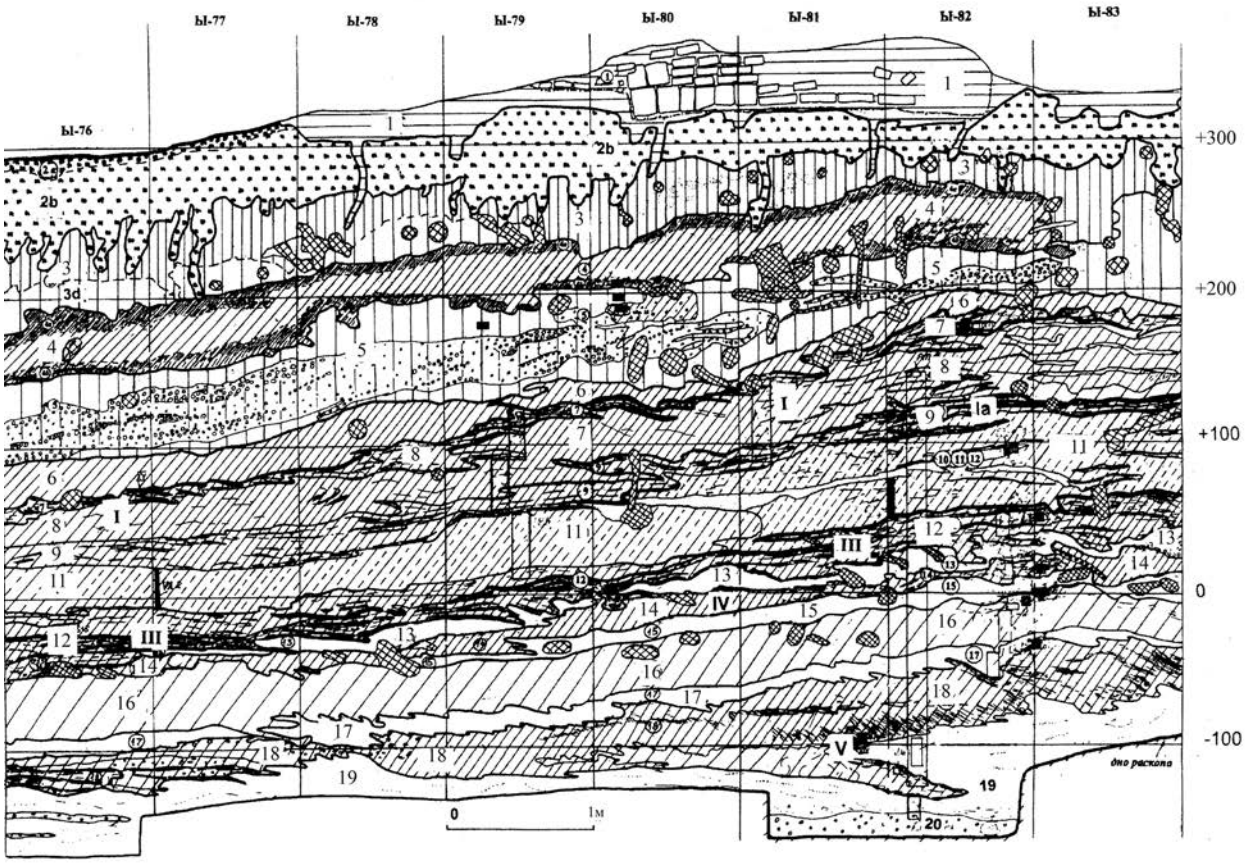

Рис. 38. Костёнки 12 (Волковская стоянка). Центральная часть разреза протяжённой восточной стены раскопа 1999–2004 гг.
1 — строительный горизонт; 2 — современная почва, субгоризонт a; 3 — современная почва, субгоризонт b; 4 — бурые негумусированные суглинки (уменьшение частоты штриховки на рисунках отражает возрастающую степень осветлённости горизонта); 5 — меловая и мергелевая крошка; 6 — суглинок с примесью меловой и мергелевой крошки, стянутой в линзы; 7 — гумусированные суглинки (увеличение частоты штриховки на рисунках отражает возрастающую степень гумусированности слоя); 8 — прослойки интенсивно гумусированного суглинка; 9 — заполнение нор и кротовин; 10 — слабо гумусированный серо-коричневый суглинок; 11 — сильно перемытый, перемешанный слой серо-коричневого и мергелистого суглинка; 12 мергелистые суглинки с белесыми прослойками (следами размыва); 13 — палевые и белесые суглинки; 14 — места взятия колонок и отдельных образцов на разные виды анализов; 15 — номера литологических горизонтов; 16 — номера культурных слоёв.

Все изделия с вторичной обработкой выполнены из цветного кремня. Среди них имеется два массивных двусторонне обработанных орудия овальной формы (рис. 41: *3*), рубилообразный бифас окремнённой породы (пренуклеус?) (рис. 40: *6*), а также фрагмент плитки с тонкой, очень плоской двусторонней ретушью края (нож с обушком? фрагмент орудия?) (рис. 40: *1*).

Кроме того, в коллекции представлено три скребла — прямолезвийное, угловатое и овальное скребло-скребок. Весьма выразительно прямолезвийное скребло на первичном тонком отщепе (рис. 40: *4*). Его режущий рабочий край имеет зубчатый контур, хотя и выделен однорядной ретушью. Мелкая ретушь представлена и на противолежащем крае. Угловатое скребло изготовлено на плоском обломке кремня; по форме оно напоминает «дежете» (рис. 40: *2*). Овальное скребло-скребок выполнено на пластинчатом отщепе (рис. 40: *8*).

В коллекции имеется также плоский резец на обломке тонкого отщепа, где дополнительно на углу выделено небольшое острие (рис. 40: *5*). Достаточно интересным можно считать комбинированное орудие на хорошем отщепе: здесь сочетаются массивное острие и типичное выемчатое орудие (рис. 41: *2*).

Формально данную индустрию следует отнести к симбиотическим. Однако нельзя не заметить, что архаичные черты обусловлены здесь не техникой скола, а, в первую очередь, плохим качеством исхо-

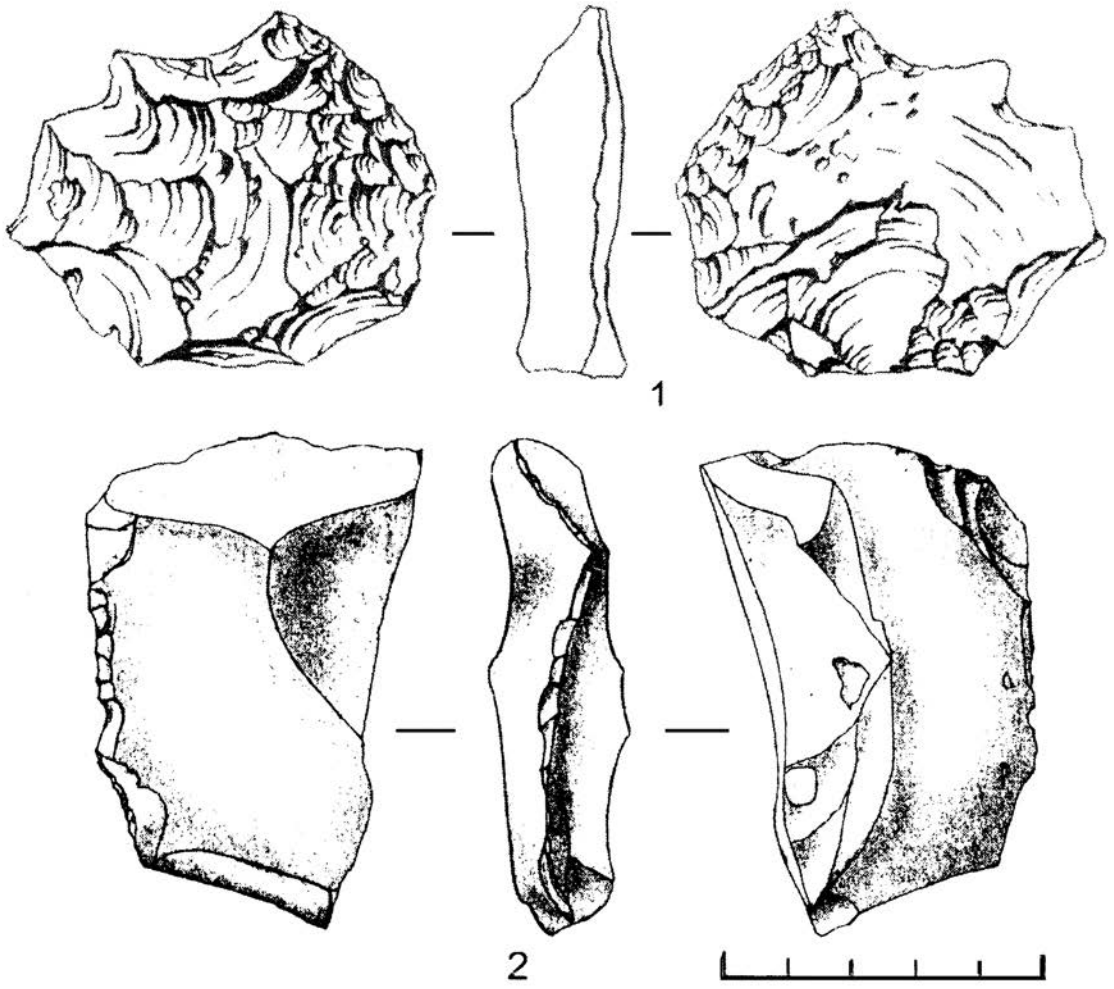

Рис. 39. Костёнки 12/V. Каменные изделия из культурного слоя

дного сырья. Вместе с тем, черты именно высокоразвитой верхнепалеолитической техники скола здесь налицо. Поэтому не исключено, что, впоследствии, с увеличением коллекции, появится возможность классифицировать данную индустрию, как вполне «развитую"[1]. Во всяком случае, самые близкие аналоги овальным двусторонне обработанным орудиям Костёнок 12/IV обнаруживаются в хронологически близкой индустрии Костёнки 14/IVб, относимой к числу развитых. Сходство между ними прослеживается и по другим параметрам (наличие концевых скребков и микропластинок мелового кремня).

4.4.2. Костёнковско-стрелецкая АК

Эта культура, впервые выделенная А.Н. Рогачёвым именно на костёнковских материалах [Рогачёв 1957], представляет собой, пожалуй, самое яркое явление в РВП Восточной Европы. В настоящее время относящиеся к ней стоянки известны далеко за пределами Среднего Дона: на Клязьме (Сунгирь), на Северском Донце (Бирючья Балка), на Каме (Гарчи 1). Ее хронологические рамки охватывают, по меньшей мере, период от 40–36 тыс. л.н. (Костенки 12/III, Костенки 6/?/) до 28–23 тыс. л.н. (Сунгирь). Типологические характеристики индустрий позволяют наметить четыре этапа развития стрелецких культурных традиций. Из них два ранних представлены памятниками Костёнковско-Борщёвского района.

[1] Первоначально мы классифицировали её именно так [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007], однако впоследствии, после пересмотра коллекции, было принято решение пойти по более «формальному» пути.

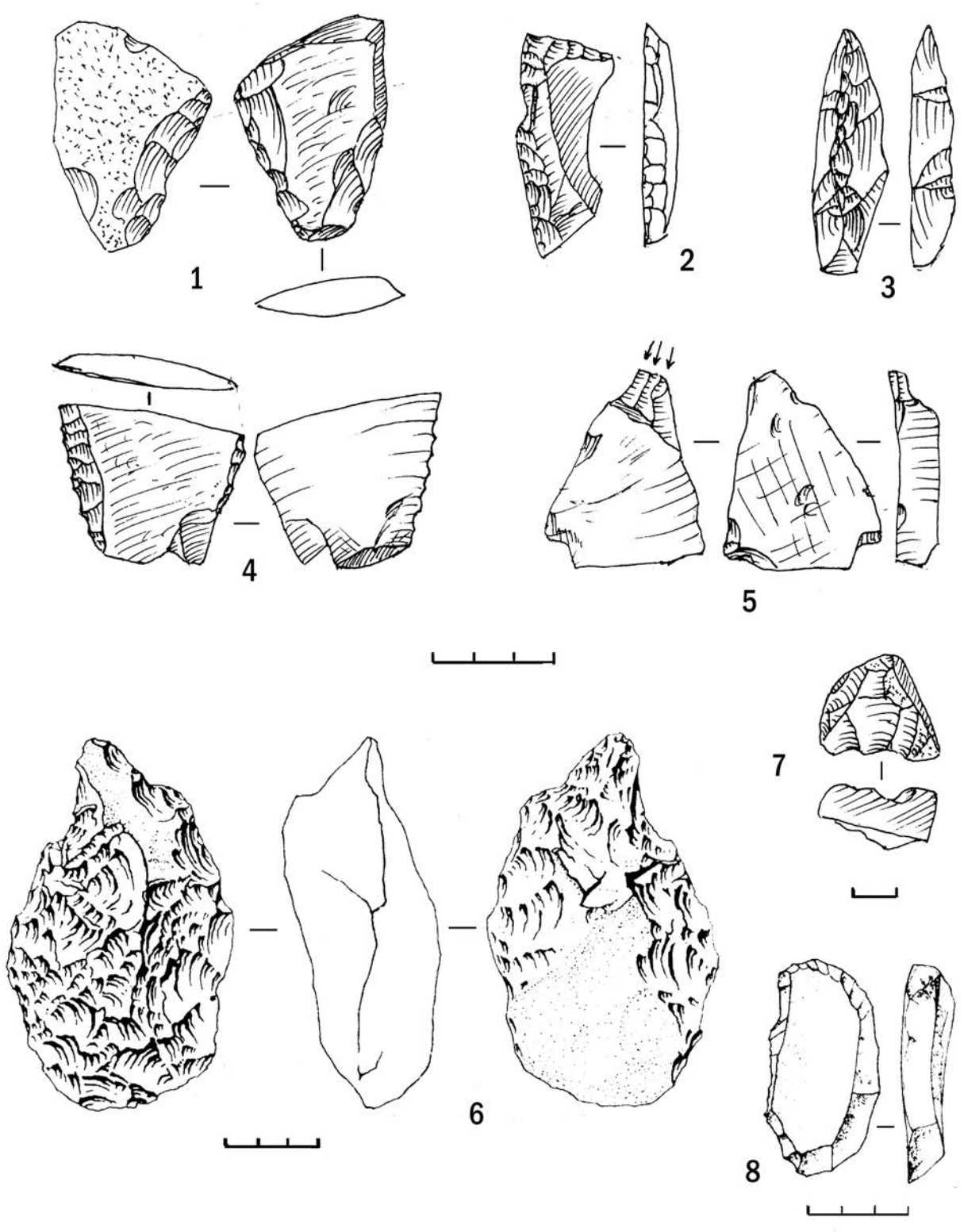

Рис. 40. Костенки 12/IV. Каменная индустрия

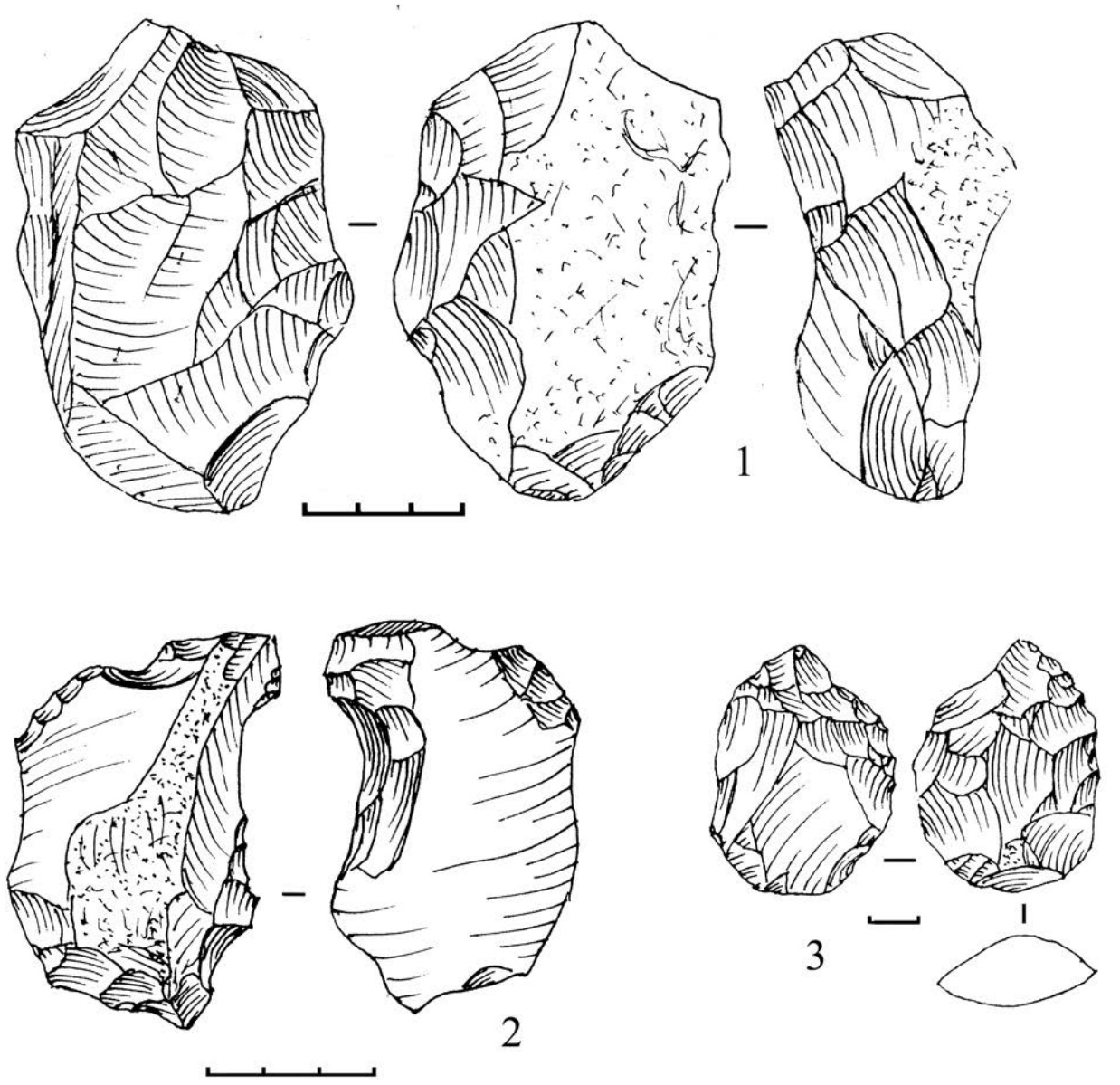

Рис. 41. Костенки 12/IV. Каменная индустрия

4.4.2.1. Первый этап развития стрелецких традиций в Костёнках

Первый этап развития костёнковско-стрелецкой АК представлен материалами культурного слоя III Волковской стоянки (Костёнки 12/III). Сырьё здесь — почти исключительно местный кремень, валунный и плитчатый. В типологическом отношении индустрия выглядит очень архаичной. Однако в технологическом аспекте это типичный верхний палеолит. По мнению Е.Ю. Гири, «...и спицынская, и стрелецкая индустрии должны рассматриваться как проявление весьма развитого верхнего палеолита. Это лишь два технологически различных варианта производства орудий: путем производства пластин (спицынская индустрия) и бифасиальной обработкой (стрелецкая). Никаких «архаичных» черт эти технологии не содержат...» [Гиря 1999: 121].

Техника первичного раскалывания непластинчатая: нуклеусы плоские параллельного снятия. Изделия с вторичной обработкой (свыше 250 экз.) выполнялись преимущественно на отщепах, осколках и фрагментах плиток местного жёлтого кремня. Значительную часть орудий составляют типично мустьерские формы: остроконечники, скрёбла различных типов (простые продольные, «дежете», овальные, конвергентные) (рис. 42: *6, 11, 14*). Есть специфические острия типа «кэнсон» (рис. 42: *3*). Серийно

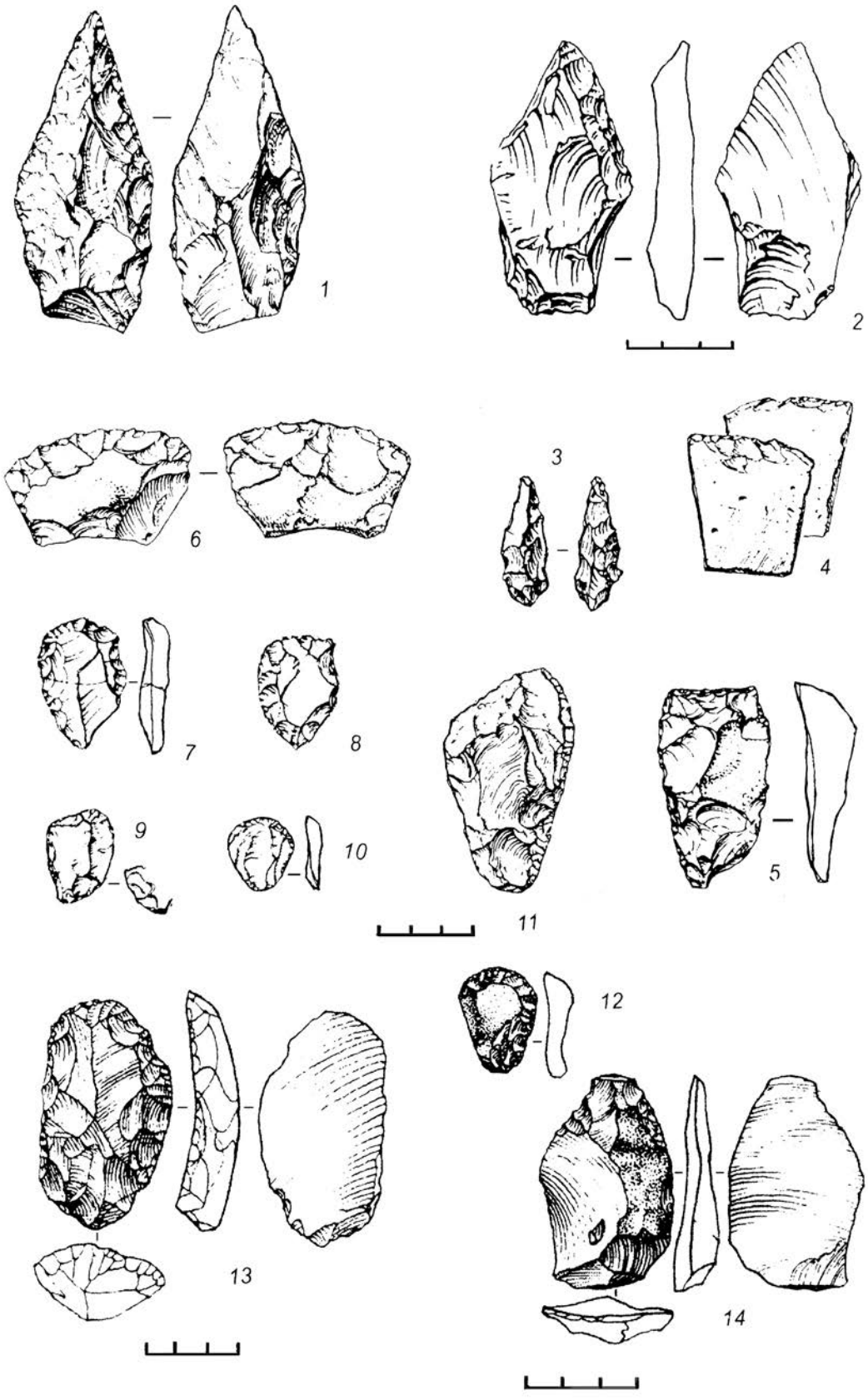

Рис. 42. Костёнки 12/III. Каменная индустрия (костёнковско-стрелецкая АК, I этап). Селетоидный технокомплекс

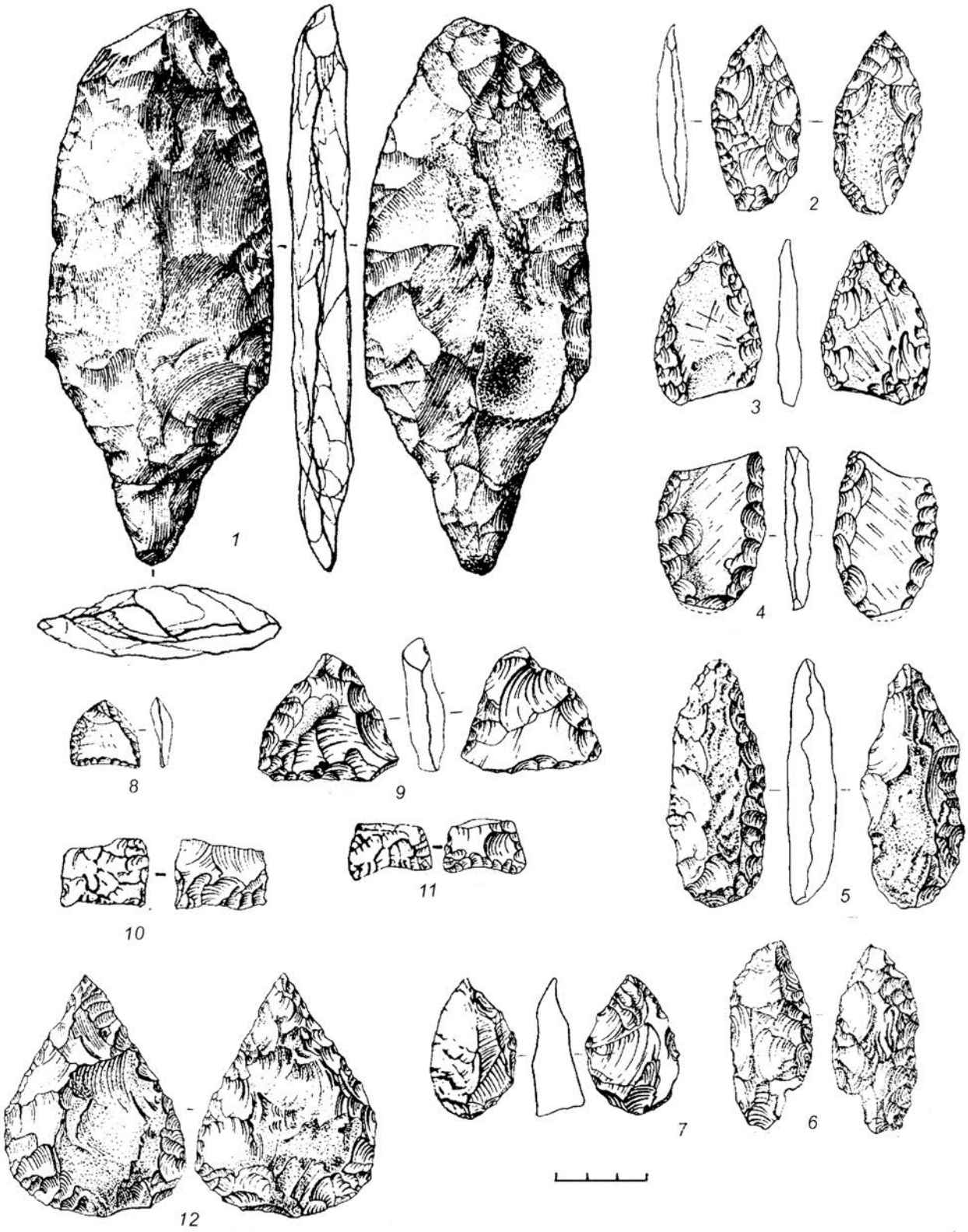

Рис. 43. Костёнки 12/III. Каменная индустрия: двусторонне обработанные острия (костёнковско-стрелецкая АК, I этап). Селетоидный технокомплекс

представлены ножи на осколках плитчатого кремня. Их прямые или слабо выпуклые лезвия получены краевой двусторонней ретушью (рис. 42: *4*). Из типично верхнепалеолитических орудий наиболее характерны скребки. Большинство их короткие, подтреугольных очертаний, иногда с вентральной подтёской основания. Наряду с ними, встречаются овальные, ретушированные по всему периметру (рис. 42: *7–10, 12*). Немногочисленны, но типологически выразительны высокие стамески с тщательно оформленными прямыми поперечными лезвиями (рис. 42: *5*). Резцы отсутствуют, хотя на некоторых предметах отмечаются резцовые сколы. Изделия с чешуйчатой подтёской аморфны.

Типологически наиболее выразительны листовидные двусторонне обработанные орудия. Это прежде всего треугольные наконечники с вогнутым основанием (наконечники стрелецкого типа), — основная «руководящая форма» костёнковско-стрелецкой культуры (рис. 43: *8–11*). Наряду с ними, прослеживаются иные типы листовидных двусторонних острий: «лист тополя» (рис. 43: *12*); удлинённые с округлым основанием (рис. 43: *2–4*); удлинённые, с основанием, обработанным «скребковой» ретушью (рис. 117: *5*), удлинённые, сужающиеся к основанию (рис. 43: *6*). Уникальным является крупное двусторонне обработанное кварцитовое орудие с черешком (рис. 43: *1*). Ближайший и пока единственный ему аналог — хорошо известный двусторонне обработанный наконечник из Молодова-5/X.

Особо подчеркнём: наконечники типа «лист тополя» и удлинённые с округлым основанием ещё можно трактовать (хотя чисто умозрительно) как одну из стадий изготовления треугольных наконечников с вогнутым основанием. Однако все прочие выделяемые здесь типы явно не годятся для этой роли. Не исключено, что некоторые из узких листовидных форм представляют собой заготовки «миндалевидных» наконечников, законченная форма которых известна на стоянке Сунгирь. Кроме острий, плоской двусторонней ретушью здесь оформлены специфические дисковидные изделия, подобные тем, что известны в Сунгире.

Костяные орудия практически отсутствуют. Однако трасологический анализ, проведённый Е.Ю. Гирей по серии костей из Костёнок 12/III, показал наличие сколов с достаточно яркими признаками искусственного расщепления. В 2003 г. в этом культурном слое был обнаружен фрагмент бивня, также со следами искусственного расщепления. Украшений, произведений искусства не найдено. Впрочем, с известной долей сомнения здесь можно предполагать наличие следов изобразительной деятельности. На покрытой коркой поверхности плитчатого кремня часто прослеживается разнонаправленная косая штриховка. В подавляющем большинстве случаев это технологические следы, возникшие в ходе каких-то операций по обработке кремня. Но на отдельных осколках можно предполагать и намеренно процарапанные линии, впрочем, не похожие ни на чьё-то изображение, ни на орнамент. Тем не менее, нельзя исключить, что это следы древнейшей изобразительной деятельности, ещё не способной передать определённый образ, но уже являющейся преднамеренной, а не побочным результатом какого-то производственного процесса.

Для Костёнок 12/III получены конвенциональная ^{14}C дата ~36 тыс. л.н. и $^{14}C^{AMS}$ даты: ~35 и 31 тыс. л.н. (см.: Прил. 2, №№ 201–203). С учётом предварительных данных палеомагнитного анализа, свидетельствующих о том, что этот слой существовал в период геомагнитного экскурса Лашамп-Каргаполово, а также с учётом имеющихся проблем радиоуглеродного датирования памятников древнее 32 тыс. л.н., мы считаем возможным определять возраст памятника в пределах 40–36 тыс. л.н.

Памятником, стратиграфически одновременным Костёнкам 12/III, считается до сих пор стоянка Костёнки 6 (Стрелецкая 2) [Праслов, Сулержицкий 1999: 239]. Основанием для этого является перекрывание археологических материалов, содержащих типы, характерные для стрелецкой культуры, прослойками вулканического пепла. Однако учитывая, что археологические материалы, как и пепел, зафиксированы тут в отложениях древнего овражка, доказать их гомогенность едва ли возможно. Не стоит априорно исключать возможность стратиграфической инверсии: вначале в овражек переотложились более молодые материалы, а потом более древние. Во всяком случае, имеющиеся радиоуглеродные даты из Костёнок 6 — ~21 и 31 тыс. л.н. (см.: Прил. 2, № 198–199) — явно не соответствуют друг другу.

Настораживает и археологический облик каменных изделий Костёнок 6. Орудий здесь мало: всего 55 экз. Типы листовидных двусторонних острий полностью тождественны известным в Костёнках 12/III: треугольные наконечники с вогнутым основанием, наконечник вытянутых пропорций с неровным слабо выпуклым основанием, удлинённое кварцитовое острие с основанием, обработанным «скребковой» ретушью. Скрёбла, наряду с формами, известными в Костёнках 12/III, представляют своеобразный тип двойного скребла со сходящимися лезвиями, одно из которых выпуклое, а второе вогнутое. Остроконечник отличается более вытянутыми пропорциями. Типичных *pièces ecaillées* 3 экз. Один фрагмент, судя по характеру ретуши, мог принадлежать острию «кэнсон».

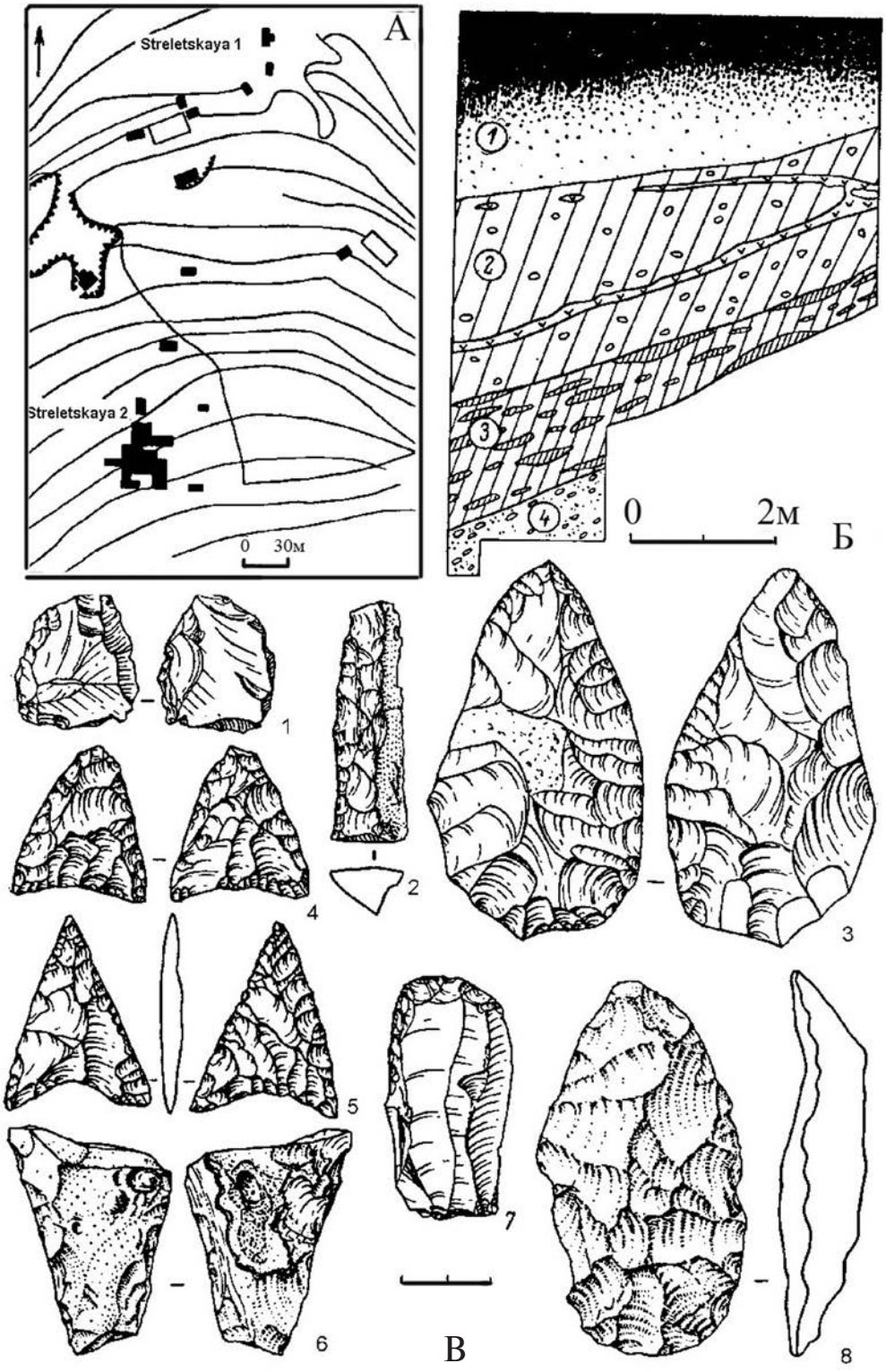

Рис. 44. Костёнки 6 (Стрелецкая). *По: [Рогачёв, Аникович 1982б].*
А — план раскопов и шурфов; *Б* — схематичный профиль культурного слоя (*1 — современная почва; 2 — лёссовидный суглинок с прослойками вулканического пепла; 3 — суглинок с линзами гумусированности; 4 — песок*); *В* – кремнёвые орудия

Из типично верхнепалеолитических групп, помимо долотовидных, присутствуют скребки и резцы, и те и другие — на пластинчатых заготовках мелового кремня. Эти орудия не находят себе аналогов не только в индустрии Костёнок 12/III, но и в индустриях последующего этапа этой культуры. Отметим также, что 45% орудий в Костёнках 6 изготовлено из приносного сырья — мелового кремня высокого качества. Для симбиотических индустрий региона, основанных, как правило, на местном сырье, это необычно высокий процент. Учитывая условия залегания, можно было бы предположить, что скребки и резцы на пластинах здесь являются посторонней примесью, однако вопрос не так прост, поскольку из того же мелового кремня изготавливались и типично стрелецкие формы: треугольный наконечник с вогнутым основанием, удлинённое листовидное острие с округлым основанием (рис. 44: В).

Костяные орудия, украшения, следы изобразительной деятельности здесь полностью отсутствуют.

Подойти к решению вопроса о возрасте «стрелецких» материалов Костёнок 6 можно было бы, в случае обнаружения соответствующих культурных остатков и линз вулканического пепла за пределами древнего овражка. Такая попытка была предпринята М.В. Аниковичем в 1976 г., но успехом не увенчалась.

4.4.2.2. Второй этап развития стрелецких традиций в Костёнках

Второй этап рассматриваемой культуры в Костёнковско-Борщёвском районе представлен тремя памятниками: Костёнки 1/V(вост.+зап.)[1], Костёнки 11/V, Костёнки 12/Ia. Два последних бесспорно залегают в основании ВГТ. Для Костёнок 12/Ia получена достаточно компактная серия из 6 ^{14}C дат, укладывающаяся в пределы 32–28 тыс. л.н. (Прил. 2, №№ 163–168). Археологические материалы обоих памятников немногочисленны, но типологически выразительны: треугольные наконечники с вогнутым основанием свидетельствуют об их принадлежности костёнковско-стрелецкой АК (рис. 47: *1–2;* 48: *6*). Другим свидетельством являются короткие подтреугольные скребки (рис. 47: *4*). Отметим также наличие в Костёнках 12/Ia основания наконечника типа «лист тополя» и подтреугольной сланцевой подвески с просверленным отверстием (рис. 49: *2*). Кроме того, в 2002–2003 гг. здесь были сделаны неожиданные находки — песты-тёрочники, изготовленные из шокшинского кварцита и песчаника (3 экз.). По меньшей мере, одному из них была придана преднамеренно заданная овальная форма (рис. 50). Судя по наличию соответствующих осколков, процесс обработки производился на месте, где было обнаружено изделие.

Общие характеристики данного этапа лучше всего представлены материалами Костёнок 1/V (вост.+зап.) (рис. 51–53). Из >2500 изделий, собранных в этом культурном слое (слоях?), ~150 экз. имеют вторичную обработку. Из мелового кремня высокого качества изготовлено не более 10% орудий. Главное отличие от предыдущего этапа — большая развитость типично верхнепалеолитических изделий. Увеличивается их относительное количество, формы стандартизируются, что особенно заметно в Костёнках 1/V(вост.) (рис. 51). Так скребки, сохраняя в целом те же признаки, что и на раннем этапе (короткие пропорции, подтреугольные очертания, вентральная подтёска оснований), более чётко подразделяются на типы и подтипы. Главные из них: вееровидные с прямыми краями и слабо выпуклыми лезвиями (рис. 51: *1–3*) и сердцевидные с выпуклыми краями и дугообразными лезвиями (рис. 51: *4–5, 8*). Появляются резцы, преимущественно поперечные, причём их форма стандартна до уровня типа, а также проколки, в том числе специфического типа (с широкими короткими остриями, выполненными на краях небольших отщепов). Долотовидные орудия немногочисленны, но выразительны по форме. Среди листовидных двусторонних острий абсолютно преобладают треугольные наконечники с вогнутым основанием, подразделяющиеся на несколько подтипов, различающихся размерами, пропорциями и характером основания. Особо обращают

[1] Сложности с определением возраста древнейших культурных слоев, открытых в восточной и западной частях стоянки Костенки 1 (рис. 45), уже рассматривались выше (см.: 2.2.4). Однако ввиду особой важности этой проблемы, нелишне напомнить о ней ещё раз. В 1950-х гг. А.Н. Рогачёв предположил, что слой Костёнки 1/V, раскопанный им в восточной части стоянки, связан с нижней гумусированной толщей [Рогачёв 1957]. Начиная с сер. 1970-х гг., М.В. Аникович пытается обосновать принадлежность этого культурного слоя основанию верхней гумусированной толщи. В ходе раскопок 2004–2007 гг., производимых в западной части стоянки, возникло предположение, что стрелецкие культурные слои западной и восточной частей, при несомненно единой культурной атрибуции, различаются хронологически. В результате была введена дополнительная номенклатура: Костенки 1/V(зап.) и 1/V(вост.). В настоящее время основные усилия Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции направлены на решение этого вопроса. До такого решения мы описываем археологические материалы Костенок 1/V(зап.) и 1/V(вост.) суммарно, исходя из единства их культурной принадлежности. Тем не менее, мы не исключаем, что в дальнейшем материалы Костёнок 1/V(зап.) будут отнесены к более раннему, первому этапу костёнковско-стрелецкой АК. В иллюстрациях материалы 1/V(зап.) и 1/V(вост.) разделены.

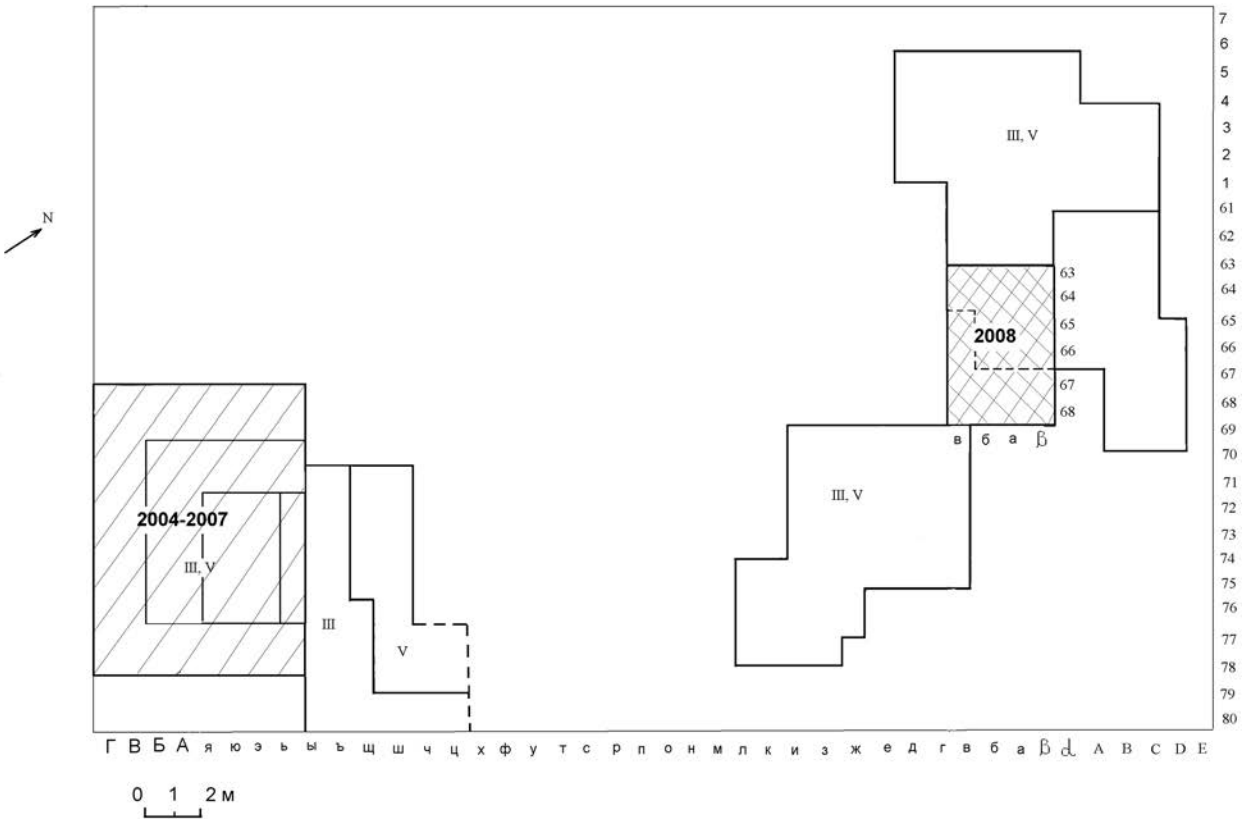

Рис. 45. Костёнки 1 (стоянка Полякова). Расположение исследованных участков нижних культурных слоёв в западной и восточной частях стоянки

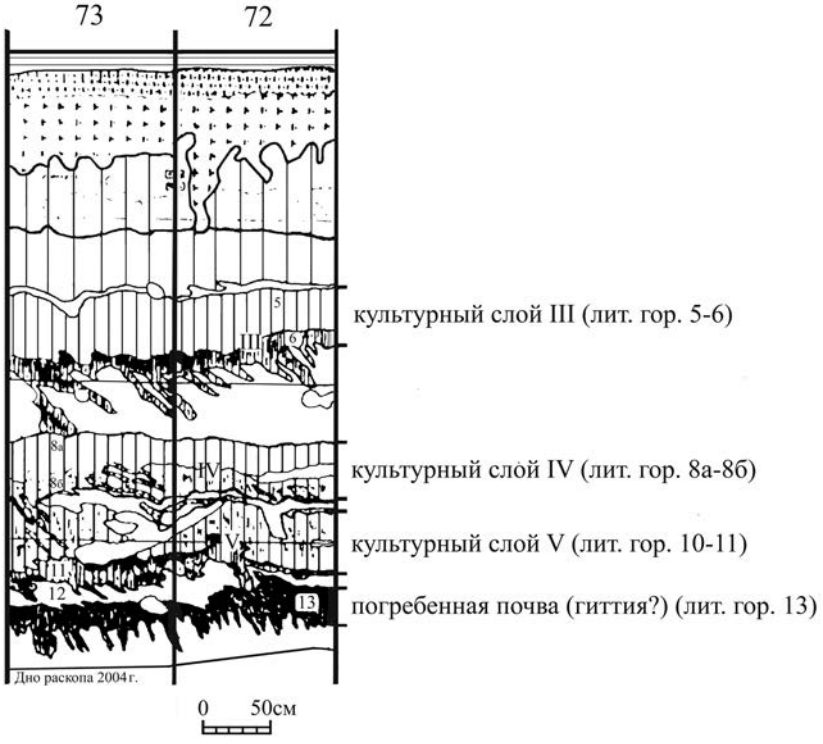

Рис. 46. Костёнки 1 (стоянка Полякова). Разрез западной части стоянки по линии Ь

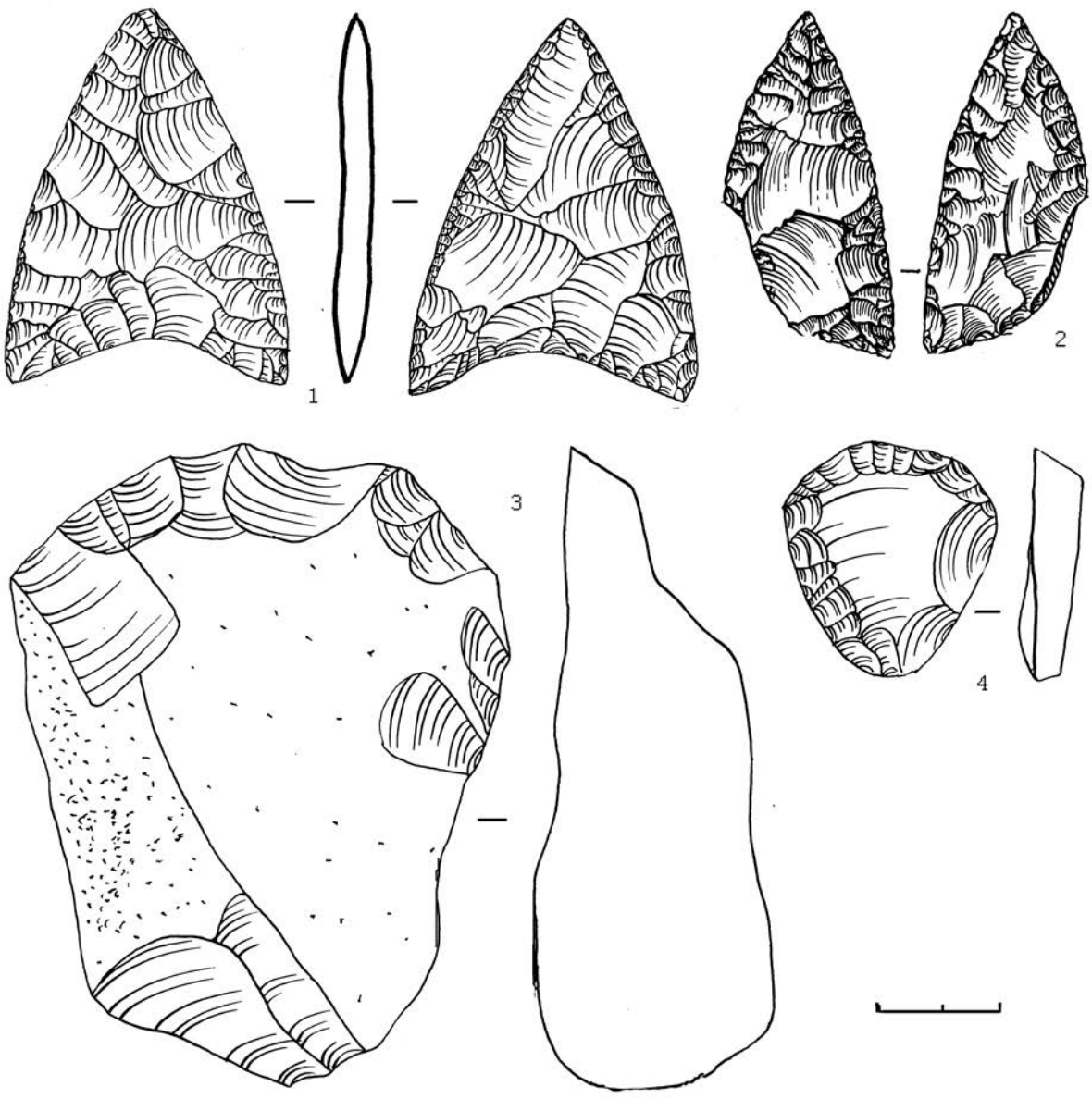

Рис. 47. Костёнки 11/V. Кремнёвая индустрия. (костёнковско-стрелецкая АК, II этап). Селетоидный технокомплекс

на себя внимание миниатюрные наконечники, позволяющие предполагать, что их изготовители уже знали лук и стрелы (рис. 51: *6–7, 10*).. Подавляющее большинство треугольных наконечников, включая незаконченные, происходит из линзы культурного слоя, окружающей очажную массу и интерпретированную А.Н. Рогачёвым [1957], как остатки лёгкого наземного жилища.

Иные типы листовидных двусторонних острий редки. В законченном виде в коллекции они не представлены, — кроме, быть может, острий с выпуклым основанием, обработанным скребковой ретушью, отличающихся от подобных орудий предшествующего этапа меньшими размерами и более короткими пропорциями. Среди имеющихся форм (предположительно, незаконченных), присутствуют острия типа «лист тополя», удлинённое с выпуклым основанием, удлинённое с суженным основанием. Появляются неизвестные ранее двусторонне обработанные асимметричные ножи и ножи с обушком.

Среди орудий архаичных форм в Костёнках 1/V (вост.) имеются и остроконечники, и скрёбла (рис. 51: *15, 17, 24*), и одно острие «кэнсон». В процентном отношении их меньше, чем в Костёнках 12/III, и типологически они не столь разнообразны. Однако типологическая «обеднённость» в данном случае свидетельствует лишь о специфике участка, давшего максимальное количество кремня

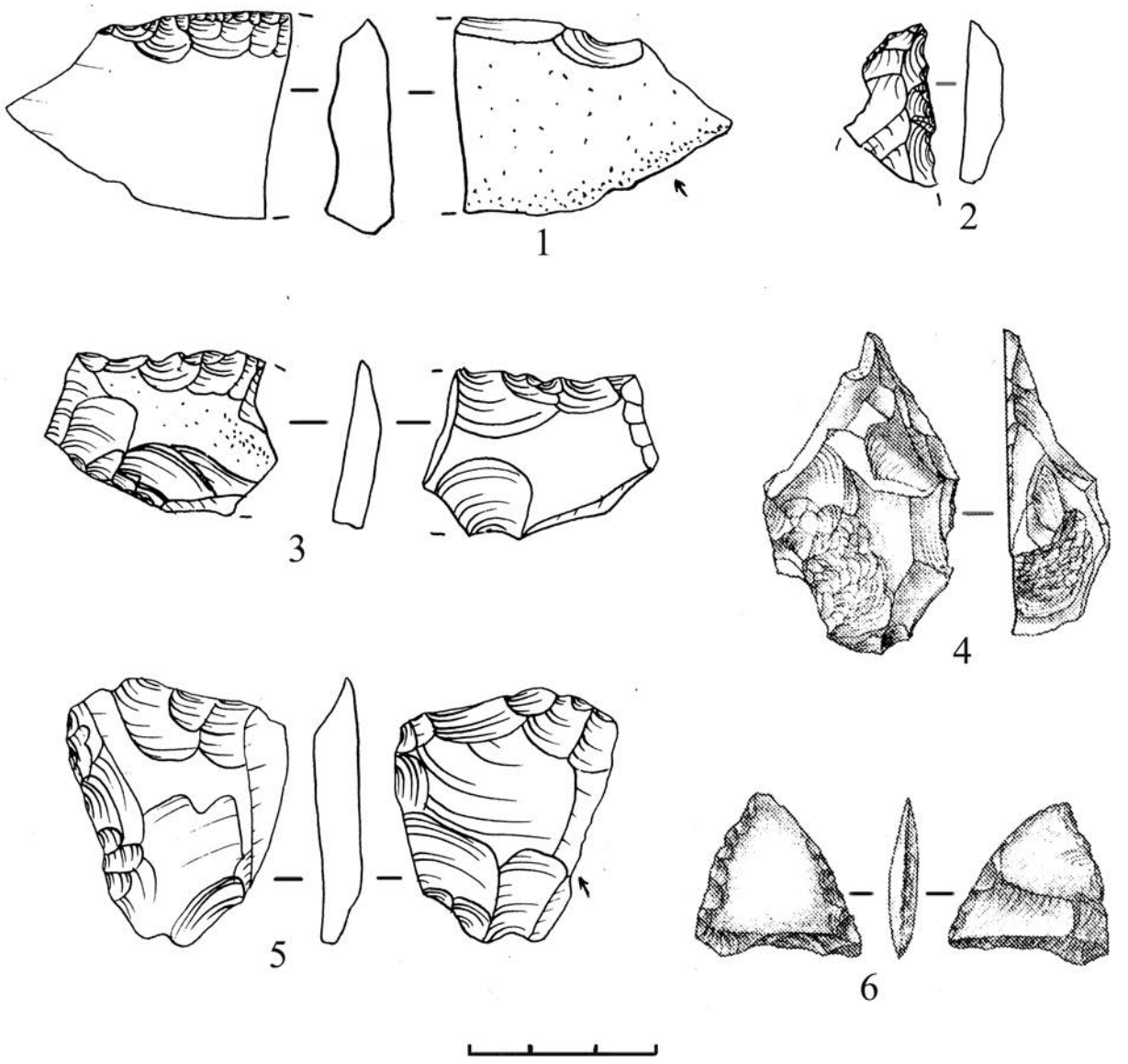

Рис. 48. Костенки 12/Ia. Каменная индустрия (костёнковско-стрелецкая АК, II этап). Селетоидный технокомплекс.

(предполагаемое «жилище», а, скорее всего, костёр, горевший под открытым небом, вокруг которого шло изготовление треугольных наконечников с вогнутым основанием). Более поздние памятники костёнковско-стрелецкой АК, известные уже за пределами Костёнок — Бирючья Балка и Сунгирь — содержат весь типологический набор мустьероидных орудий, имеющийся в Костёнках 12/III, хотя их процент значительно сокращается.

Уникальной находкой в Костёнках 1/V(зап.) является заготовка грубой мергелевой подвески (рис. 49: *1*). В плане, поперечном и продольном сечениях её очертания овальные, ушко намечено встречным сверлением, но не закончено. На поверхности — разнонаправленная штриховка, не образующая ни рисунка, ни узора и отчасти напоминающая штриховку на поверхности кремнёвых плиток из Костёнок 12/III.

Не менее оригинальным является другой предмет, найденный в 2007 г. в слое Костёнки 1/V (зап.). Его мы тоже склонны трактовать, как подвеску. Это кусочек цветного кремня с естественным отверстием, которому довольно грубой ретушью придана подтреугольная форма. Представляется, что изготовителей этого украшения, в первую очередь, заинтересовало именно отверстие.

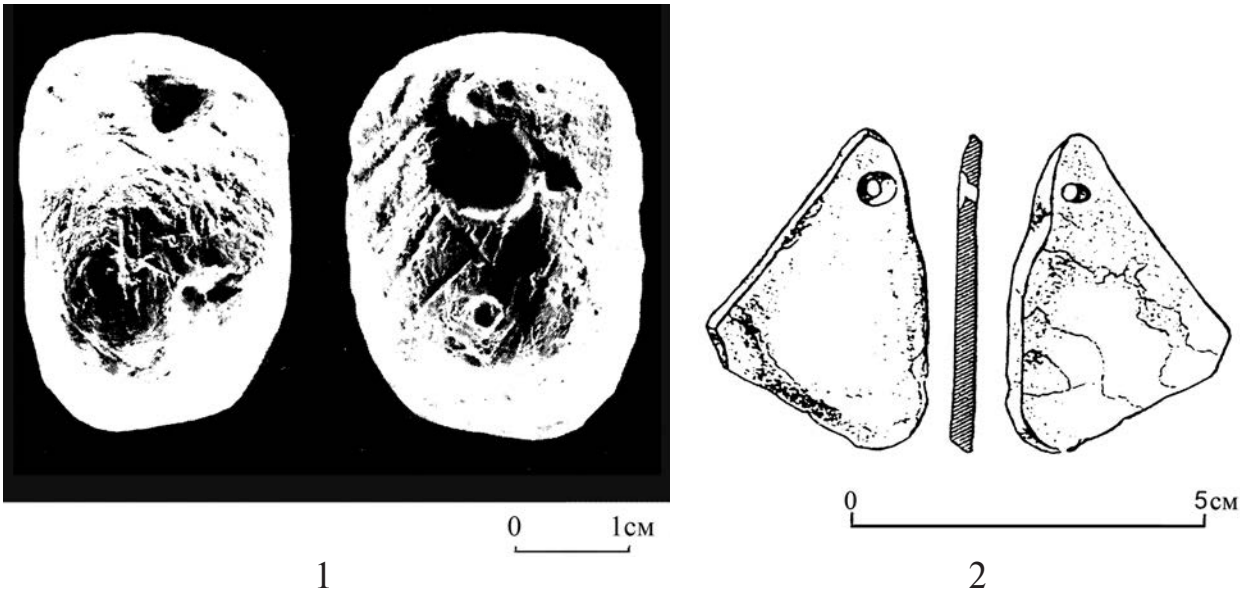

Рис. 49. Подвески из камня из комплексов костёнковско-стрелецкой АК
1 — Костёнки 1/V (зап.); *2* — Костёнки 12/Ia *(1 — мергель; 2 — сланец)*

Рис. 50. Костёнки 12/Ia (костёнковско-стрелецкая АК, II этап). Пест-тёрочник

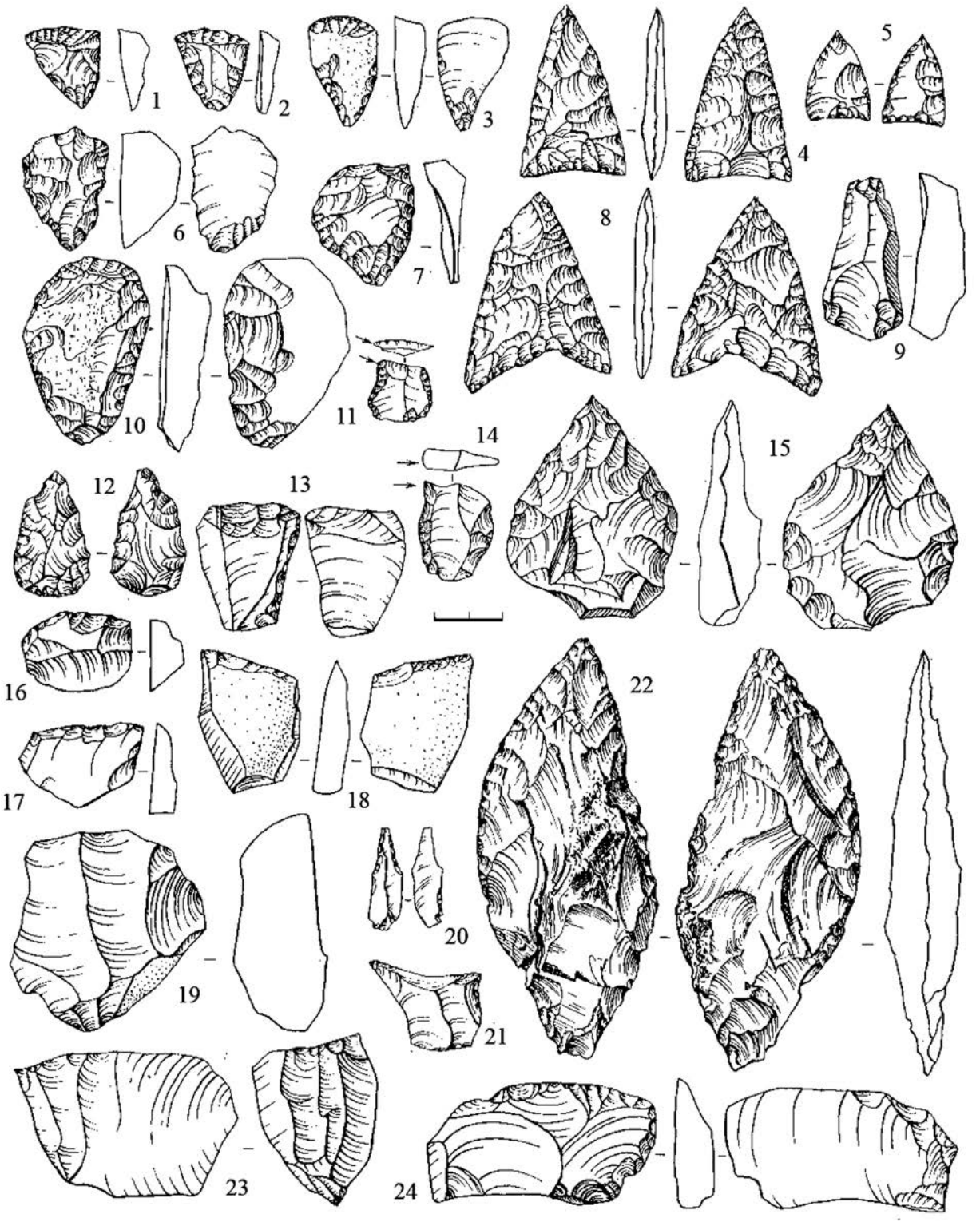

Рис. 51. Костёнки 1/V (вост.). Каменная индустрия (костёнковско-стрелецкая АК, II этап). Селетоидный технокомплекс

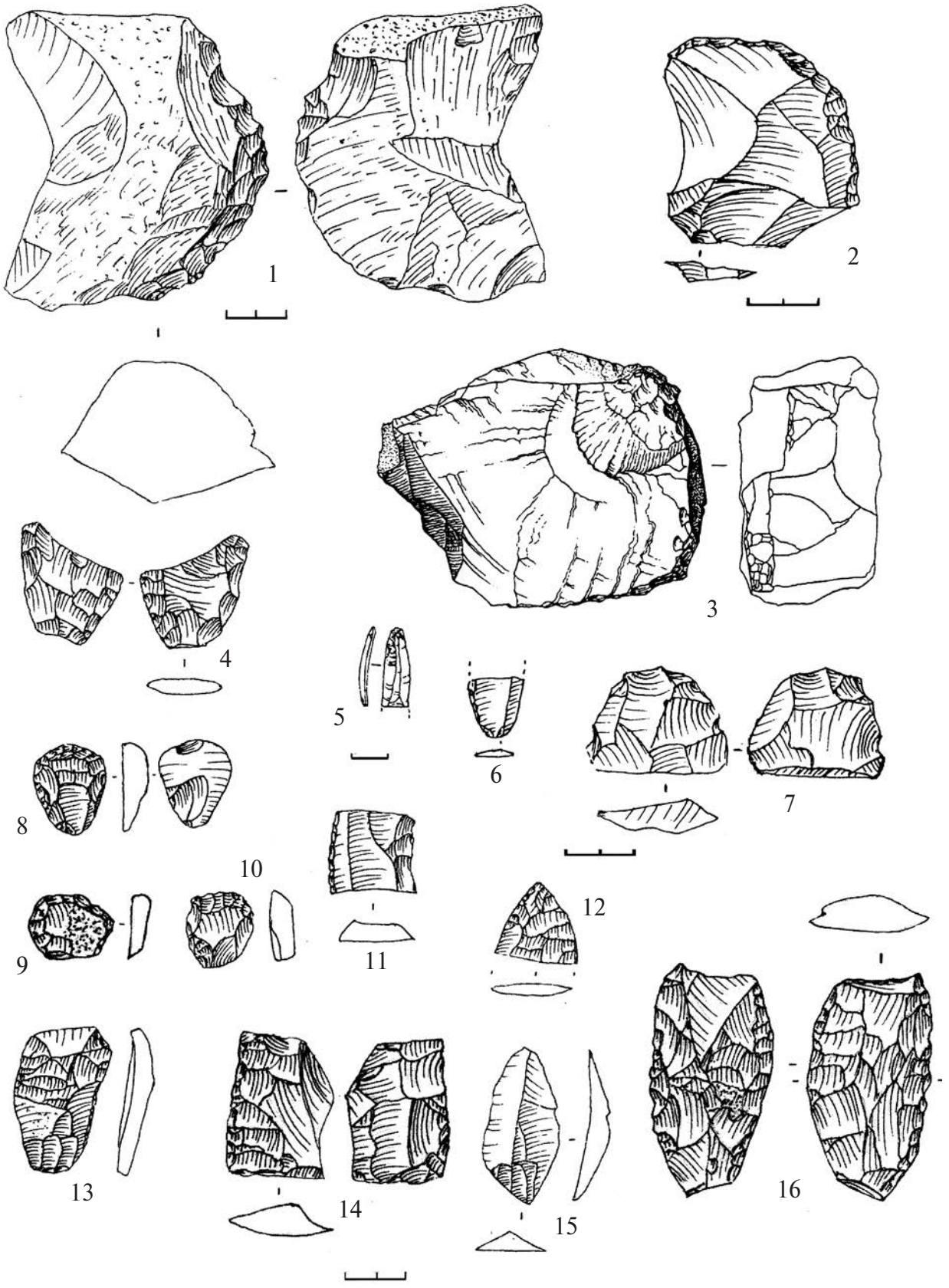

Рис. 52. Костёнки 1/V (зап.). Каменная индустрия (костёнковско-стрелецкая АК, II этап /?/). Селетоидный технокомплекс

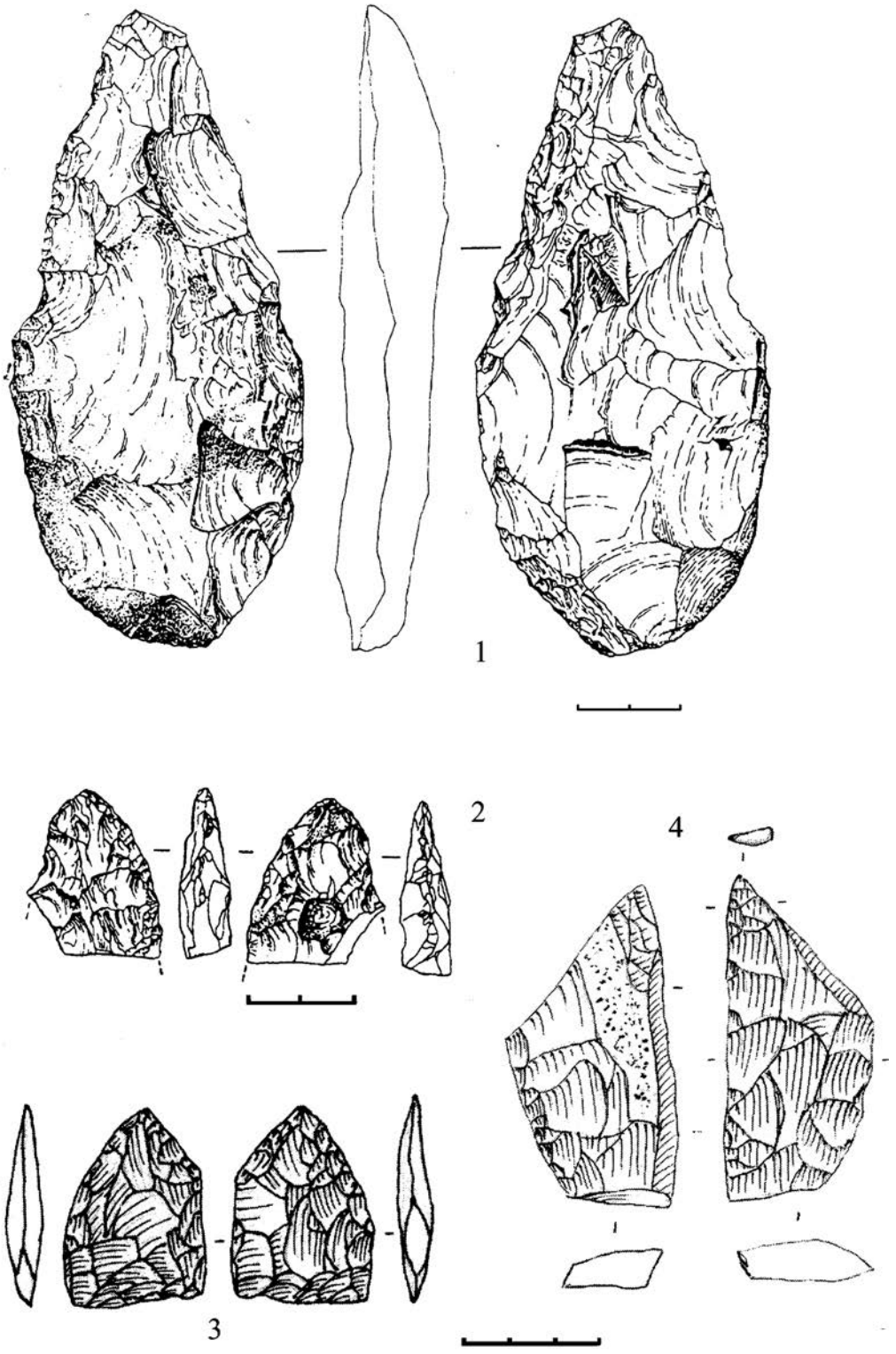

Рис. 53. Костёнки 1/V (зап.). Каменная индустрия (костёнковско-стрелецкая АК, II этап /?/). Селетоидный технокомплекс

начиная с 2004 г., данный культурный слой приобретает совершенно иной облик. При меньшей плотности находок, здесь резко увеличивается процент предметов, отражающих принципиально иные традиции в обработке камня. Отличия проявляются как в сырьевой базе (преобладание желвачного и плитчатого цветного кремня над меловым), так и в наличии среди орудий выраженных стрелецких форм, вдобавок, обнаруженных в контексте преобладания отщепов и осколков цветного кремня. К числу их относятся 2 фрагмента двусторонне обработанных наконечников стрелецкого типа, выполненных на отщепах цветного кремня (рис. 54: *3–4*), одно миниатюрное двусторонне обработанное острие подтреугольной формы (незаконченное?) (рис. 54: *11*) и плитка с двусторонней обработкой края (рис. 54: *9*).

Стрелецкие формы встречались в данном культурном слое и раньше, но без сопровождения соответствующих отщепов и чешуек. Поэтому в 1980-х — нач. 1990-х гг. они воспринимались, как случайная примесь. Пример тому выразительная заготовка треугольного наконечника, найденная в 1989 г. на кв. Ч/75 (рис. 55). На участке кв. ь-Г/67–78, исследовавшемся в 2004–2007 гг. (см. рис. 45), ситуация принципиально иная. Здесь мы имеем дело не только с отдельными стрелецкими формами, но и с отходами производства, свидетельствующими о том, что данные формы изготавливались на месте, в непосредственном соседстве с типичными для III культурного слоя «ориньякскими» формами орудий на пластинах и пластинках мелового кремня (рис. 54: *6–7*).

Таким образом, на участке, раскопанном в 2004–2007 гг., мы столкнулись с непривычной ситуацией, для которой возможны два объяснения. Либо мы имеем дело со «сближенными» стратиграфически, но разными культурными слоями, либо — с двумя принципиально различными традициями в обработке кремня на одном и том же поселении. По мнению М.В. Аниковича, более склонного ко второму варианту объяснения, это свидетельствует о совместном проживании (и, соответственно, теснейших социокультурных контактах) носителей различных культурных традиций. Иными словами — о сосуществовании на одной стоянке разных АК [Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006]. Разобраться в этом предстоит в ходе будущих раскопок.

Напомним, что культурный слой Костёнки 1/III датируется по ^{14}C ~26–25 тыс. л.н. (Прил. 2, №№ 116–123) и, таким образом, хронологически синхронен финальному этапу костёнковско-стрелецкой АК (см. ниже). За пределами Костёнок заключительные этапы развития данной АК (III и IV по М.В. Аниковичу) представлены материалами комплекса стоянок в Бирючьей Балке (Северский Донец) и стоянки Сунгирь (бассейн р. Клязьмы).

Третий этап развития стрелецких традиций наиболее выразительно и полно отражён в материалах слоя III стоянки Бирючья Балка 2, исследуемой А.Е. Матюхиным [Матюхин 2004; 2005; 2006]. Материалы этого слоя (только изделий с вторичной обработкой известно уже около 1500 экз.) интересны тем, что совмещают в себе признаки, свойственные второму этапу костёнковско-стрелецкой АК (подтреугольные и сердцевидные скребки [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 207–208, рис. 101: *10, 15*]; ряд подтипов треугольных наконечников с вогнутым основанием, включая миниатюрные [Там же: рис. 101: *1–4, 8*]; высокие стамески) с признаками, характерными для её финального этапа, представленного стоянкой Сунгирь (скребки округлые и на пластинчатых заготовках, удлинённые треугольные наконечники с почти прямым основанием, острия на пластинах). Такое сочетание признаков и позволяет рассматривать эту индустрию как особый, третий этап развития костёнковско-стрелецкой культуры (рис. 56).

Для слоя Бирючья Балка 2/III получены абсолютные даты по $^{14}C^{AMS}$: 26.300±200 л.н. (Beta-177776) и 31.480±200 л.н. (Beta-183589) [Otte, Matyukhin, Flas 2006: 185]. Вполне вероятно, что этот слой реально «зажат» в указанные хронологические рамки, тем более, что радиоуглеродный возраст вышележащего слоя 3а определяется датой 26.650±230 л.н. (Beta-183588) (Там же).

Четвертый, заключительный этап представлен материалами всемирно известной стоянки Сунгирь, расположенной на окраине г. Владимира [Бадер 1978; Сунгирь... 1984; Бадер, Лаврушин 1998; Homo sungirensis 2000; Гаврилов 2004; Аникович 2005г]. Здесь были найдены уникальные погребения, большое количество костяных орудий, украшений, предметов искусства, совершенно не известных на предшествующих этапах развития костёнковско-стрелецкой АК [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 242–248, рис. 121–123].

Подавляющее большинство находок Сунгирской стоянки приурочено к погребённой почве («брянской»), что отразилось в термине «почвенно-культурный слой» (или «культурно-почвенный») [Homo sungirensis 2000: 22 и др.]. Более тонких стратиграфических градаций культурного слоя в ходе раскопок провести не удалось.

Серия ^{14}C дат по Сунгирю дает разброс приблизительно от 28.000 до 20.000 л.н. [Там же: 30–32], что указывает на относительно молодой возраст памятника в пределах РВП. Этот разброс вновь поднимает

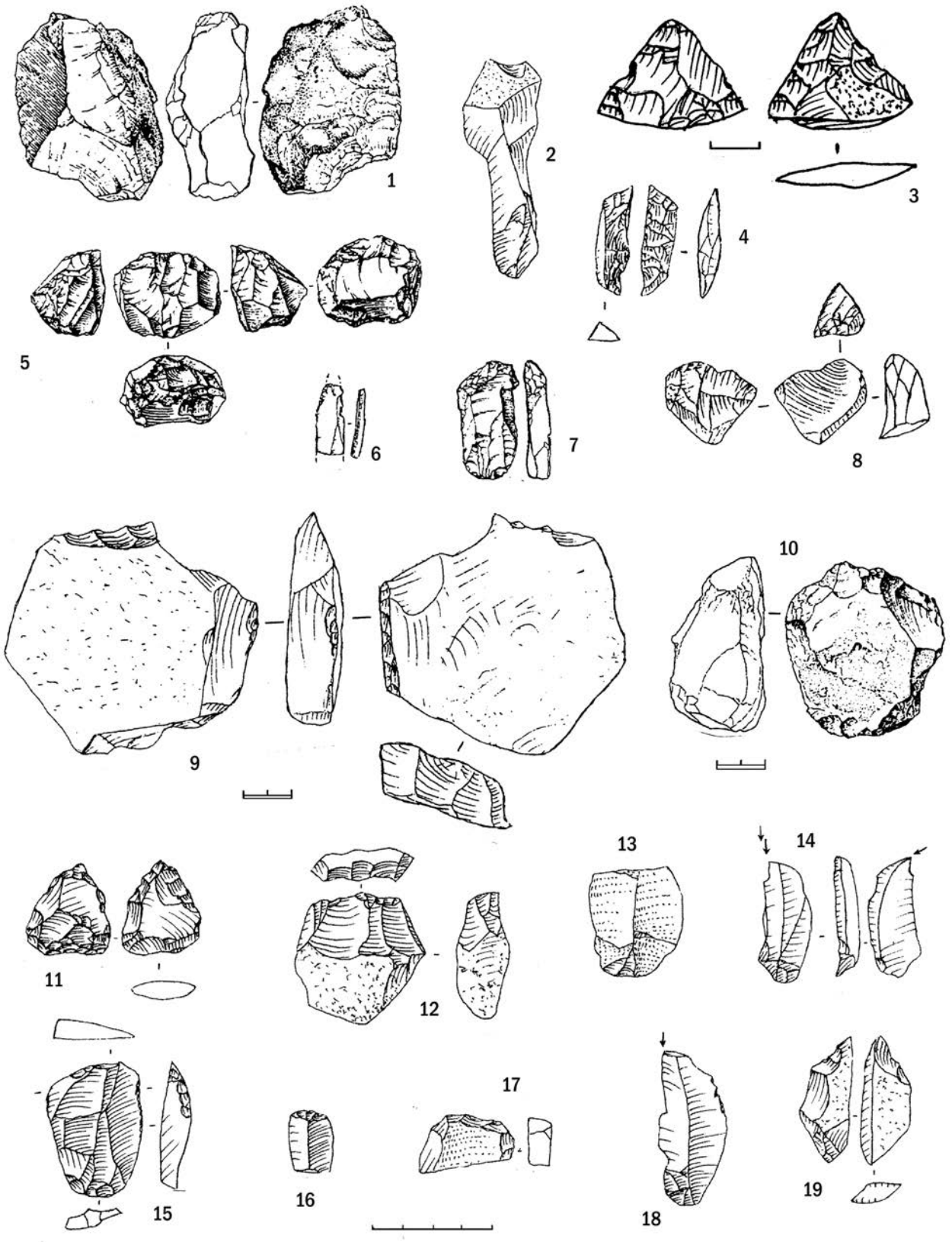

Рис. 54. Костёнки 1/III (зап.). Каменная индустрия стрелецкого облика (раскопки 2004–2007 гг.)

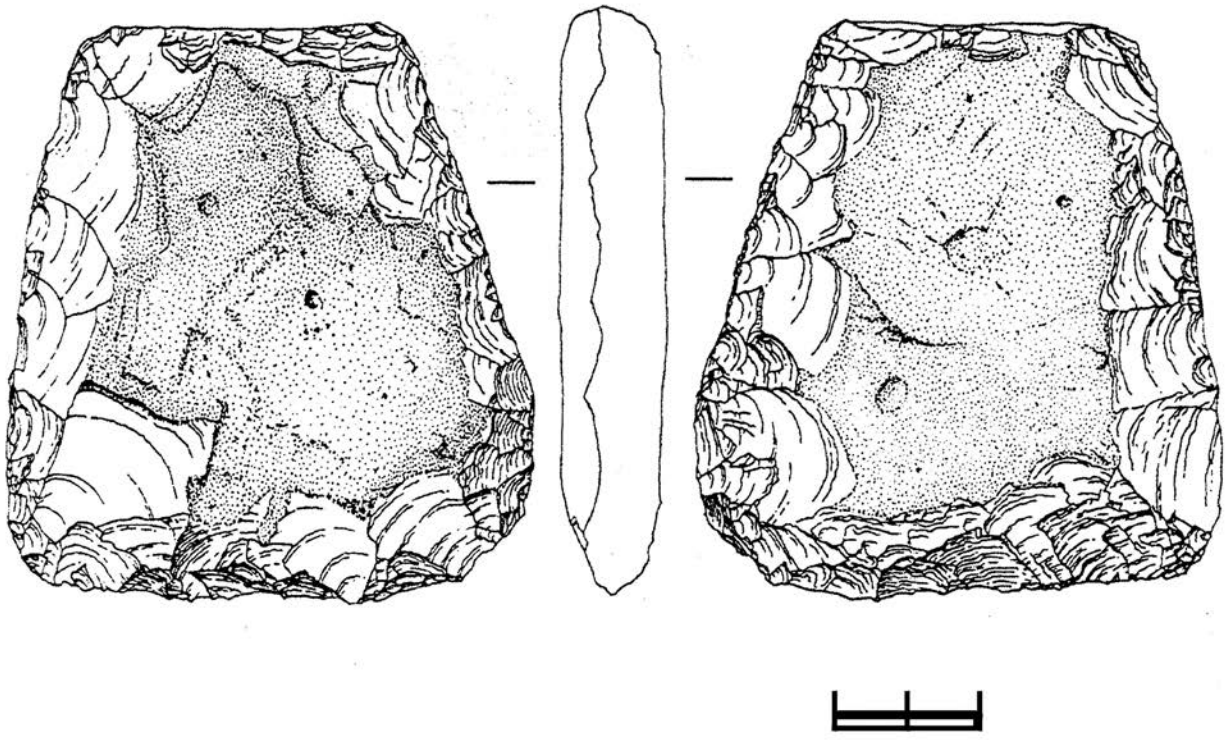

Рис. 55. Типичная стрелецкая форма в ориньякоидном комплексе Костёнок 1/III (раскопки 1989 г.)

Более развитую форму имеет подтреугольная сланцевая подвеска из Костёнок 12/Ia (рис. 49: *2*). Типологически она аналогична подвескам со стоянки Сунгирь [Аникович 2005г].

К тому же, второму этапу костёнковско-стрелецкой культуры относится стоянка Гарчи 1 (Предуралье), открытая в 1989 г. П.Ю. Павловым [Павлов, Макаров 1998: 4–17]. Несмотря на столь большое расстояние, в типологическом отношении она является самым близким аналогом Костёнкам 1/V(вост.+зап.), не исключая даже однокультурные памятники Костёнковско-Борщёвского района. Формы треугольных наконечников и подтреугольных скребков совпадают до деталей, а формы гарчинских скрёбел разнообразнее и соответствуют набору из Костёнок 12/III. Найдены здесь и высокие стамески. Радиоуглеродный возраст стоянки Гарчи 1 (~29 тыс. л.н.) синхронен возрасту костёнковских стоянок, залегающих в основании верхней гумусированной толщи. С этим временем — началом дунаевского интерстадиала, — связываются и костёнковские памятники второго этапа костёнковско-стрелецкой АК.

4.4.2.3. Финальные этапы костёнковско-стрелецкой АК

Два заключительных этапа костёнковско-стрелецкой АК известны, в первую очередь, за пределами Среднего Дона. В Костёнковско-Борщёвском районе поздние памятники этой культуры долгое время не были известны. К числу их, правда, иногда относили Костёнки 11/III, где был найден треугольный наконечник с почти прямым основанием [Debrosse, Koslowski 1988: 48]. Но, как будет показано ниже, эта индустрия выражает иные культурные традиции, хотя и связанные со стрелецкими («сунгирскими»).

Более сложное и интересное явление представляют собой материалы, добытые в последние годы из культурного слоя Костёнки 1/III. До 2004 г. индустрия этого слоя однозначно трактовалась как ориньякоидная («ориньякская»). Однако материалы раскопок 2004–2007 гг. неожиданно усложнили картину, показав изменение технико-типологических характеристик в зависимости от планиграфической привязки.

Участок данного культурного слоя, исследованный в западной части стоянки в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (кв. в-л/70–78) по своим характеристикам не отличался от культурного слоя Костёнки 1/III, исследовавшегося в восточной части стоянки в 1950–80-х гг. (рис. 45). Там наблюдалось явное преобладание пластинчатых форм с хорошо выраженным ориньякоидным характером инвентаря (подробнее см.: 4.5.3, 5.2.1). Однако на соседнем участке, расположенном к западу от линии квадратов «Ы» и исследуемом,

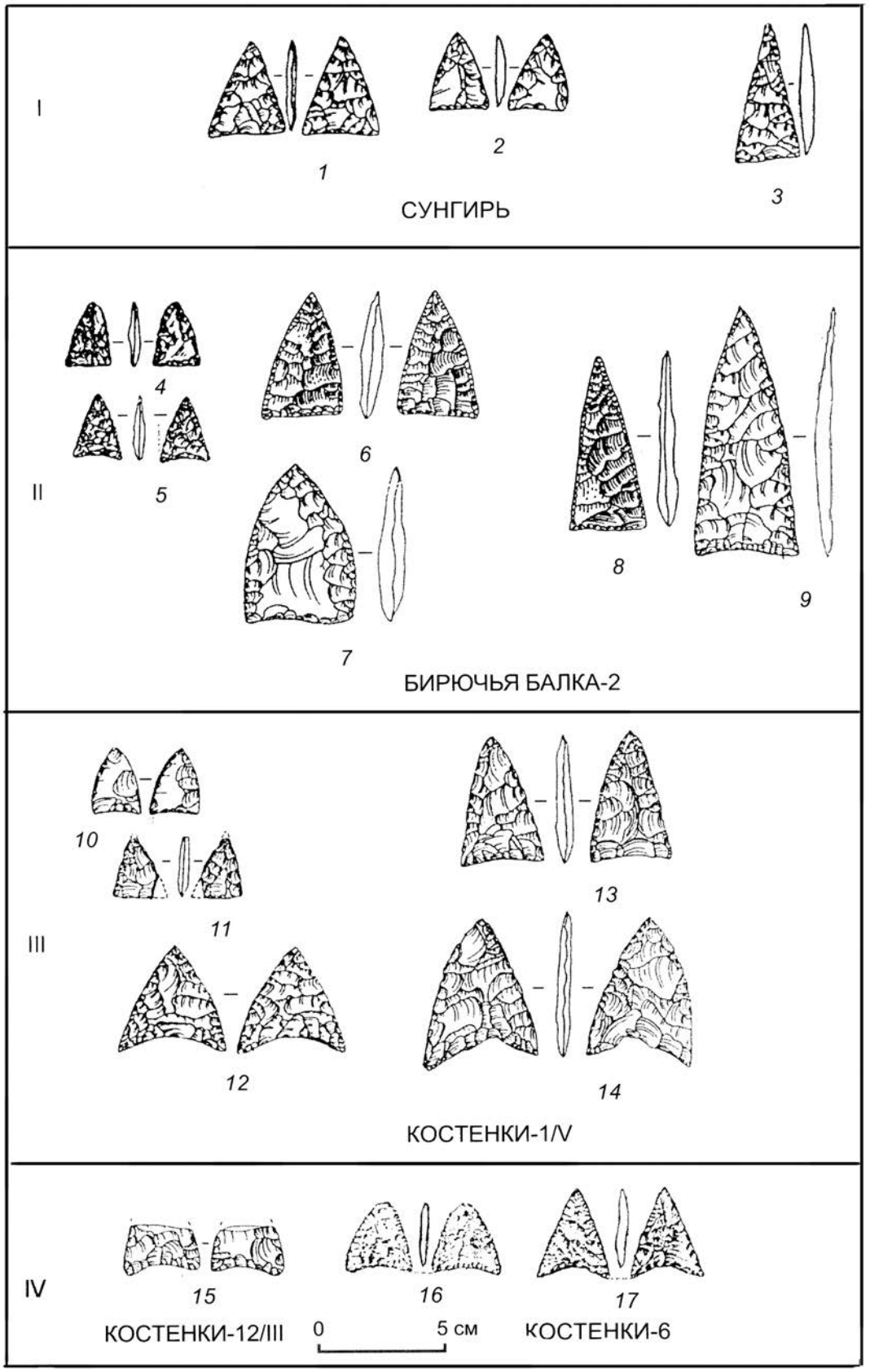

Рис. 56. Изменение типа треугольного наконечника с вогнутым основанием в контексте развития традиций формообразования в костенковско-стрелецкой АК. *По М.В. Аниковичу*

старую проблему: является ли он погрешностью метода или объясняется характером накопления культурных остатков? Опыт изучения Зарайской стоянки [Амирханов 2000; 2005] свидетельствует в пользу второго варианта интерпретации разброса дат. Вероятно, и в Сунгире культурный слой (слои?) накапливался тысячелетиями [Гаврилов 2004]. Однако следует особо отметить компактные серии дат, полученные в последнее время Л.Д. Сулержицким по костям мегафауны: 5 из них имеют значения ~26 тыс. л.н., 10 — ~27 тыс. л.н.; 9 — ~28 тыс. л.н. [Сулержицкий 2004: 111]. Высказано предположение, что в процессе обитания на этом поселении можно выделить два основных этапа: относительно постоянное проживание (28.800–25.800 л.н.) и более или менее спорадические посещения (25.500–20.300 л.н.). Погребения обычно относят ко второму этапу.

Планиграфия памятника неясна. Надёжно установленными объектами являются очаги, скопления костей и знаменитые погребения. «Жилища», реконструированные *post factum*, не могут считаться достоверными объектами [Гаврилов 2004].

В каменном инвентаре Сунгиря явно ощущается изживание собственно стрелецких культурных традиций. Так, например, из ~2000 каменных орудий известно не более десятка листовидных острий — треугольные наконечники [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: рис. 123, *26–27, 29*] и удлинённые наконечники с округлым основанием, названные «миндалевидными» [Там же: рис. 123, *28*]; единичны и «стрелецкие» формы скребков (короткие подтреугольные) [Там же: рис. 123, *1–2*]. Но при этом показательно, что, как и на всех предшествующих этапах, «архаический комплекс» в Сунгире сохраняет все свои основные типологические характеристики. Сокращается лишь общий процент орудий мустьероидных форм. Эту «типологическую стабильность» мустьероидного компонента следует считать одной из основных общих характеристик костёнковско-стрелецкой АК.

Если же оценивать индустрии финального и предшествующих этапов в отношении их принадлежности определённому ТК, то на финальном этапе наблюдается ещё одно любопытное изменение. Если принадлежность всех предшествующих индустрий селетоидному ТК не вызывает никаких сомнений, то сунгирская индустрия как целое, является скорее ориньякоидной, чем селетоидной. Первым на эту важную черту, свидетельствующую о том, что перед нами, действительно, финальный этап развития стрелецких культурных традиций, за которым может следовать только коренная их перестройка, обратил внимание Г.П. Григорьев [Grigoriev 1990]. Объяснением этому феномену может служить уже описанное выше «сосуществование» на одном поселении «ориньякских» и стрелецких культурных традиций (Костёнки 1/III /зап./).

Ни на одном из стрелецких памятников Костёнковско-Борщёвского района не найдены человеческие остатки. В какой-то мере это восполняется находкой знаменитых погребений в Сунгире. Их детальная публикация на современном уровне [Homo sungirensis... 2000] избавляет нас от необходимости давать им сколько-нибудь подробное описание.

Судя по ^{14}C датам, включая данные прямого датирования, погребения относятся к финальному этапу существования сунгирского поселения. Их ^{14}C возраст ~23 тыс. л.н. Захоронение мужчины было совершено позже (возможно, значительно позже) парного погребения детей [Homo sungirensis... 2000: 41] Однако их хронологическое соотношение всё же остается под вопросом. К тому же, судя по публикациям [Бадер 1978: 18–19; Homo sungirensis... 2000: 22–25], погребений в районе стоянки было больше. Карьерные работы, по-видимому, уничтожили уникальное явление — палеолитический могильник.

Изучение сунгирских скелетов привело антропологов (Е.Н. Хрисанфова, Т.А. Трофимова, А.А. Зубов, Б.А. Никитюк, В.М. Харитонов, А.Г. Козинцев) к выводу, что эти кости, хотя и принадлежат несомненным *Homo sapiens*, вместе с тем обнаруживают бесспорные неандерталоидные признаки [Сунгирь... 1984]. В настоящее время по проблеме наличия/отсутствия этих признаков в ряде антропологических остатков человека современного типа ведется ожесточённая дискуссия [Козинцев 2003; 2004; Медникова 2003; 2004].

4.4.2.4. Проблема происхождения костёнковско-стрелецкой АК

Вопрос о происхождении костёнковско-стрелецкой АК (равно, как и других симбиотических культур) есть частный вариант проблемы установления генетических связей между археологическими эпохами. Если рассматривать смену археологических эпох как, в первую очередь, глобальную смену технологий, то следует признать заранее: генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам, не могут не различаться в технологическом отношении. Поэтому *в поисках культурно-генетических связей между ними в принципе нельзя ориентироваться на технологическое сходство*.

Культурно-генетическое родство есть, в сущности, не что иное, как передача культурных традиций в более-менее полном или редуцированном виде. Естественно, при такой глобальной трансформации,

как смена археологических эпох, речь может идти только о редуцированной (причём сильно редуцированной) передаче традиций. В каменных индустриях эти традиции наиболее ярко проявляются в *формообразовании*. Следовательно, при попытках установить связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими комплексами нужно ориентироваться именно на сходство *специфических форм орудий*. Понятно, что сходство не одной, а ряда таких форм делает заключение о генетическом родстве более весомым.

По типологическим характеристикам наиболее подходящим «кандидатом» на роль среднепалеолитических предшественников костёнковско-стрелецкой АК является т.н. крымский микок, поскольку только там прослеживается сходство не одной, а целого ряда орудийных форм, характерных и для костёнковско-стрелецкой АК, а именно:

1. Треугольные наконечники с вогнутым основанием представлены на памятниках «крымского микока» двумя разновидностями (рис. 57: *6*, *7*), зафиксированными и в костенковско-стрелецких индустриях, причем на всех хронологических этапах развития культуры (рис. 57: *16*, *17*). Само собой разумеется, техника «тонкого бифаса», посредством которой изготавливались стрелецкие наконечники, и двусторонняя ретушь «крымского микока» технологически различны. В противном случае вопрос о сходстве типов стоял бы в иной плоскости: если бы аккайские наконечники были выполнены в технике «тонкого бифаса», эти индустрии пришлось бы оценить как верхнепалеолитические и сделать соответствующие выводы об их культурной принадлежности. Соответственно, при мустьерской технике обработки коренным образом изменилась бы интерпретация стрелецких индустрий.

2. Хорошо известный тип «крымского микока» — «чокурчинский треугольник» (рис. 57: *3–5*) — встречен также в Костенках 12/III и тоже не в одном варианте (рис. 57: *14*, *15*).

3. Наконечники с округлым основанием типа «лист тополя» и вытянутые известны как в Крыму (рис. 57: *9*, *10*), так и в Костёнках (рис. 57: *19*, *20*).

4. И там, и там имеются специфические формы двусторонне обработанных острий с суженным основанием (рис. 57: *8*, *18*), возможно, трансформировавшиеся в конечном итоге в сунгирские миндалевидные.

5. Типично стрелецкая форма — подтреугольные скребки (рис. 57: *11–13*) — характерна и для аккайских индустрий, причем совпадают даже детали оформления, в частности вентральная подтеска основания (рис. 57: *1*, *2*).

На сходство более «банальных» форм (простые продольные и угловатые скрёбла, мустьерские остроконечники и т.п.) можно не обращать особого внимания: на фоне отмеченных типологических соответствий это излишне.

Гипотеза была впервые сформулирована в начале 1990-х [Аникович 1991]. Более детальное её обоснование, а также подробный разбор критических замечаний даны в специальных работах [Аникович [2004]; 2005г; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 248–249].

На костёнковских материалах прослеживается и трансформация стрелецких культурных традиций в иную АК (аносовско-тельманскую), уже бесспорно относящуюся к ориньякоидному ТК (подробнее см.: 5.2.2).

4.4.3. Городцовская археологическая культура

4.4.3.1. Технико-типологические характеристики

Эта культура была впервые выделена П.П. Ефименко в середине 1950-х гг. [1958] и сразу же получила признание среди отечественных ученых, занимающихся проблемами палеолита Костёнок [Рогачёв 1957, Григорьев 1970, Синицын 1982, Рогачёв, Аникович 1984]. Ядром этой культуры неизменно признаются три костёнковских памятника: Костёнки 12/I, Костёнки 14/II и Костёнки 15 (рис. 58–67). В разное время разные исследователи присоединяли к ним и другие стоянки: Костёнки 4/II [Ефименко 1958], Костёнки 2, 3, 16, Карачаровскую и стоянку Талицкого [Рогачёв 1957], Костёнки 16 [Григорьев 1970]. Впоследствии эти добавления были частично отвергнуты, частично признаны недостаточно обоснованными. Тем не менее, вопрос о связи стоянки Талицкого с городцовской культурой отнюдь не «закрыт» (см: 4.4.3.2).

Стратиграфическое положение всех трёх типично «городцовских» культурных слоёв, а также имеющиеся ^{14}C даты ~28–26 тыс. л.н. (см.: Приложение 2) указывают на то, что в Костёнковско-Борщёвском районе «ядро» городцовской АК непосредственно сменяет по времени индустрии второго этапа стрелецкой АК. Говорить об этапах развития городцовских культурных традиций по указанным трём памят-

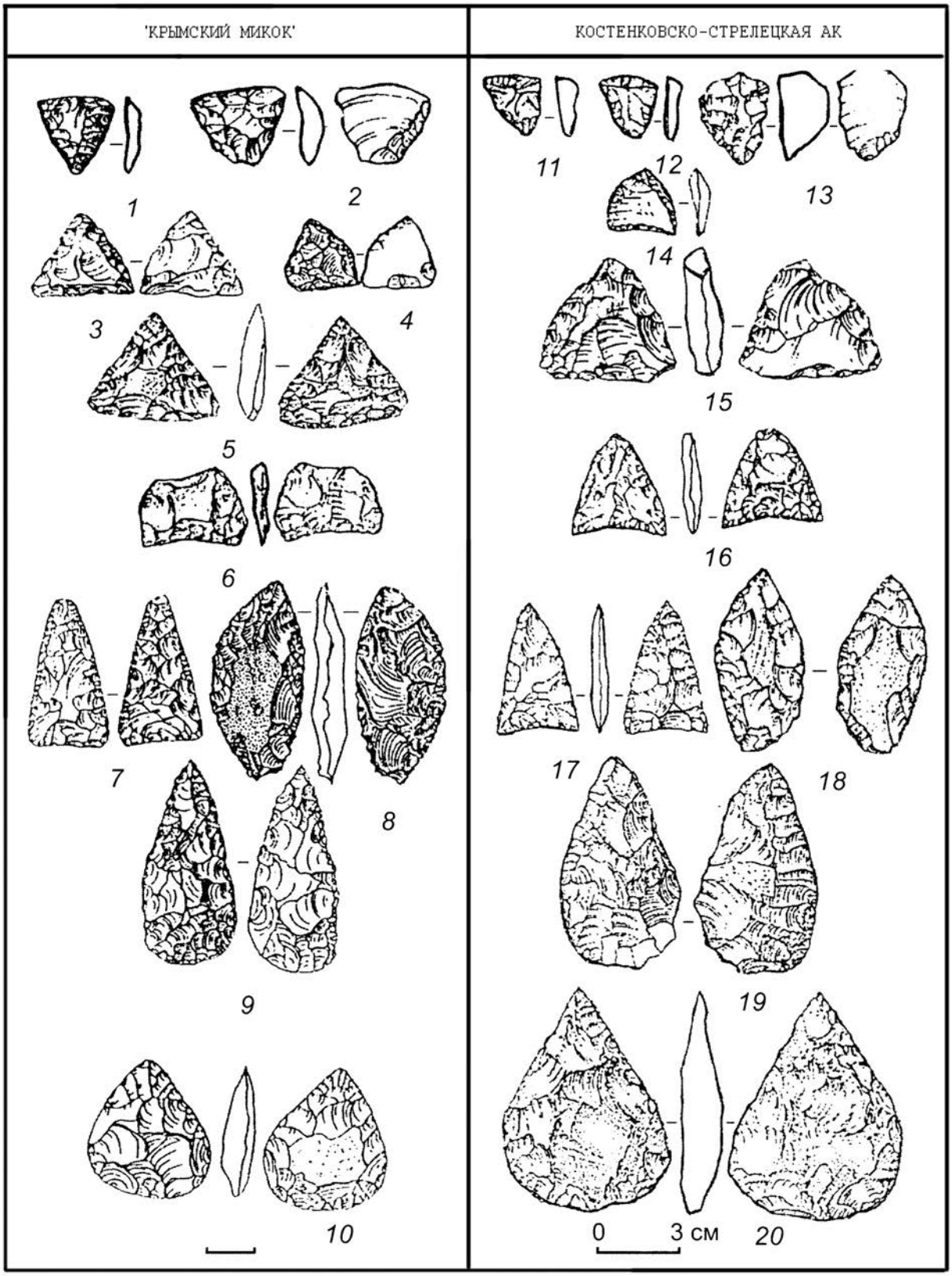

Рис. 57. Типологические параллели между «крымским микоком» (1–10) и костенковско-стрелецкой АК (11–20). *По М.В. Аниковичу.*
1–2, 5–6, 8, 10 — Заскальная 5/III-V; *3–4, 9* — Чокурча; *7* — Пролом; *11–13, 17* — Костёнки 1/V(вост.); *14–15, 18, 20* – Костёнки 12/III; *16, 19* — Костёнки 6

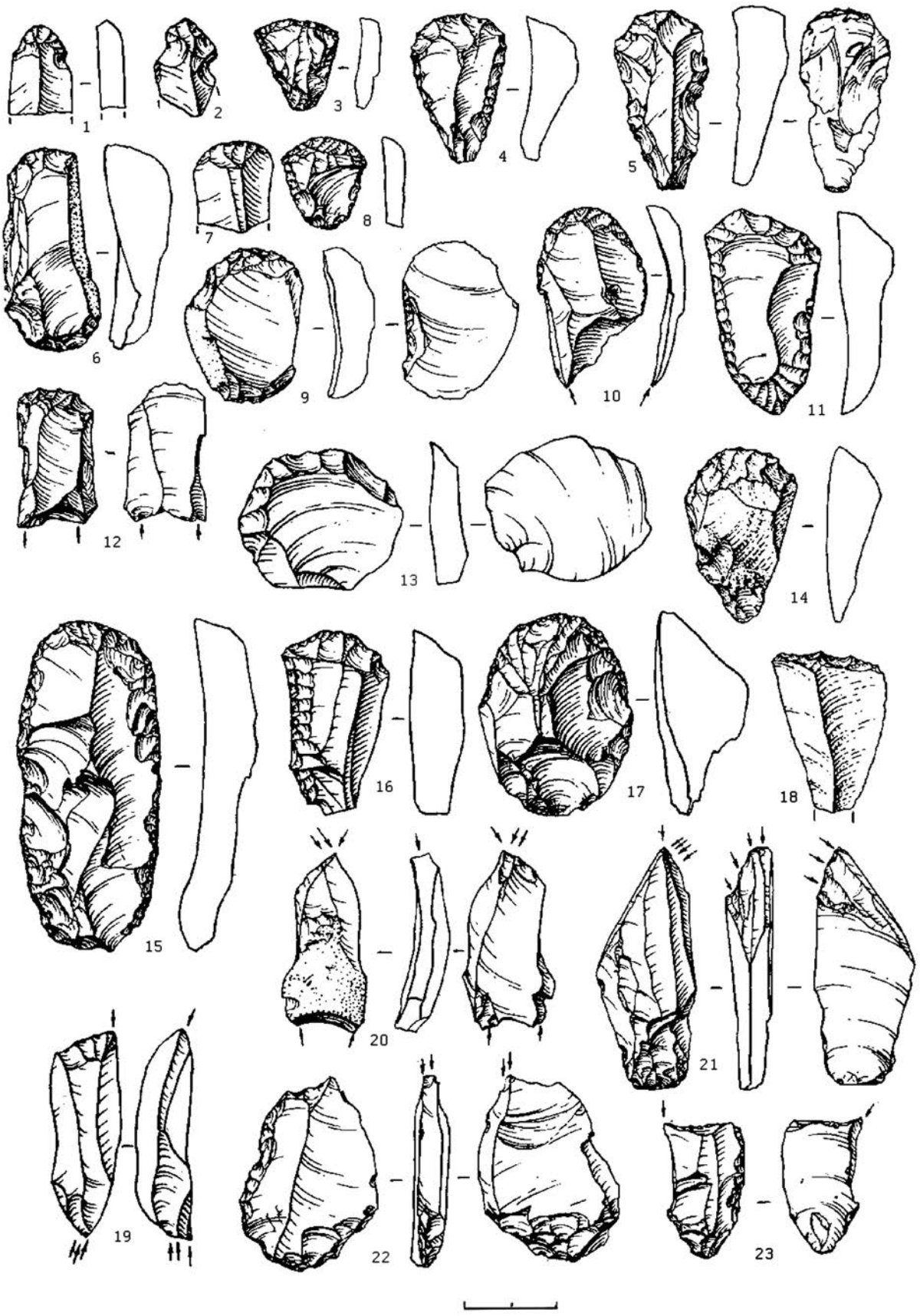

Рис. 58. Костёнки 12/I. Каменная индустрия (городцовская АК, афонтовский технокомплекс)

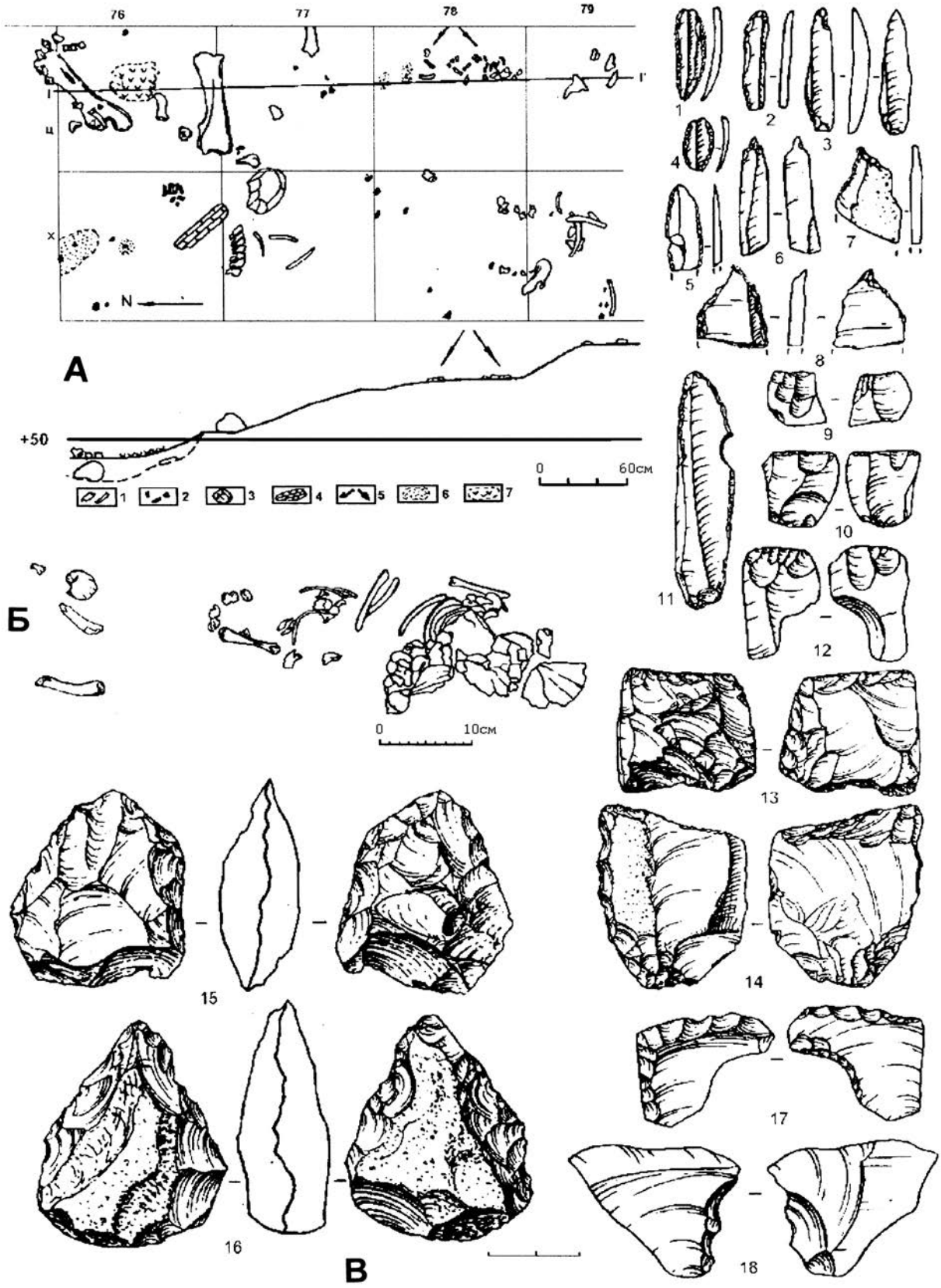

Рис. 59. Костёнки 12/I. *А* – план и профиль участка кв. х-ц/76–79 с погребением младенца (*1 — осколки костей; 2 — кремни; 3 — камни; 4 — осколки бивня; 5 — кости грудного младенца; 6 — охристые пятна; 7 — обожжённый суглинок*); *Б* — план погребения младенца; *В* – каменная индустрия (городцовская АК, афонтовский технокомплекс)

никам не приходится, поскольку они синхронны. Конечно, различия между ними есть, но различны бывают, как известно, и отдельные участки одного и того же поселения. Поэтому здесь мы ограничимся суммарной характеристикой наиболее ярких черт городцовской АК.

Для каменных индустрий городцовской АК характерно разнообразие сырья: наряду с меловым кремнем, широко использовался серый и желтый плитчатый кремень, валунный кремень, кварцит. Однако соотношение этих видов в трёх памятниках различно, что, может быть, связано с особенностями раскопанных участков. В Костёнках 14/II преобладает серый кремень плохого качества, тогда как в двух других индустриях большинство орудий (в Костёнках 15 около 75%) изготовлено из приносного мелового кремня. Как и в индустриях стрелецкой культуры, орудия здесь изготавливались, преимущественно, на отщепах и осколках, но пластины использовались чаще, особенно в индустрии Костёнок 12/I. Редко применялась и техника резцового скола. В индустрии Костёнок 14/II резцов нет вовсе, в двух других памятниках они редки и типологически маловыразительны. Скребки во всех трёх индустриях многочисленны и типологически разнообразны. Но, при большом разнообразии конкретных форм, прослеживаются три основные линии формообразования:

а) Короткие небольшие скребки; наиболее законченная форма (тип) — округлый скребок. В Костёнках 12/I округлые скребки грубы и приближаются к миниатюрным нуклеусам. В этой индустрии данная линия формообразования дополняется серией скребков на отщепах, выстраивающихся в один типологический ряд с небольшими поперечными скреблами (рис. 58: *13*).

б) Скребки с субпараллельными, часто ретушированными краями. Сильно варьируют по размерам и степени массивности (рис. 58: *3–4, 11)*; рис. 62: *2,5*). Выделяются по меньшей мере три типа: с обушком (рис. 60: *4*); близкие к овальным (рис. 58: *17*; 127: *12*; 62: *10*); с выемчатым краем (рис. 58: *5*). У последних зачастую на контакте скребкового лезвия и ретушированной боковой грани образован шип — один из характерных морфологических элементов данной культуры. Довольно стандартные двойные скребки имеются в Костёнках 15 и Костёнках 12/I (рис. 58: *9;* рис. 62: *10–11*).

в) Скребки с приострённым основанием (вееровидные) (рис. 58: *4*; 60: *1,2,6*; 62: *1,2*). Их размеры и пропорции колеблются в тех же пределах, что и у скребков с субпараллельными краями и также допускают выделение ряда типов. Во всех трех индустриях выделяются одинаковые небольшие подтреугольные скребки, отличающиеся от стрелецких более удлиненными пропорциями (рис. 58: *3–4*).

Во всех трех индустриях вторая и третья «линии формообразования» связаны между собой через скребки со слабо расширяющимися к лезвию краями и через подтреугольные скребки с естественным обушком.

Ярким диагностичным признаком городцовской АК является хорошо выраженная группа долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской, включающая специфические миниатюрные подчетырёхугольные *pièces ecaillées* «городцовского типа» (рис. 58: 22; рис. 59: *9–10, 12, 14;* рис. 60: *19–20*). Проколки немногочисленны, но также диагностичны: все они отличаются короткими клювовидными жальцами (рис. 59: *6–8;* рис. 62: *16*). Листовидных двусторонних острий нет вовсе, но зато во всех трех индустриях неизменно присутствуют, хотя и в небольшом количестве, небольшие подтреугольные «рубильца» (рис. 59: *15–16;* 60: *22;* 62: *20*).

Помимо этих последних, архаичный комплекс орудий в городцовских индустриях представлен скрёблами (рис. 61: *2–3;* 62: *9, 17, 19*), остроконечниками (60: *13–14, 16*; 62: *14, 18*) и лимасами (рис. 62: *15*; 61: *1, 4*; 60: *17*), а также зубчато-выемчатыми орудиями (рис. 59: *17–18*; 60: *23*). Типологические характеристики этого комплекса иные, чем в индустриях костёнковско-стрелецкой АК. Для городцовских скрёбел характерны многолезвийные формы: конвергентные подтреугольные, конвергентные с прямым и выпуклым лезвиями, а также специфические трехлезвийные скребла (рис. 61: *3*). Среди однолезвийных выделяются обушковые, близкие по форме к соответствующему типу скребков (рис. 60: *18*). Распространены поперечные скрёбла (рис. 62: *9*), тогда как для стрелецкой АК характерны продольные. С конвергентными скрёблами морфологически связаны подтреугольные остроконечники. Характерны лимасы, вовсе отсутствующие в стрелецких индустриях. Зубчато-выемчатых орудий больше, чем в стрелецкой АК, и в отличие от последней, здесь они не выглядят случайными, поскольку характерные для них элементы: выемки, шипы и «клювы» — часто встречаются и на орудиях иных групп (скребки, проколки, скрёбла).

Как уже отмечалось, городцовские резцы маловыразительны. Единичные микроорудия известны только в Костёнках 12/I.

Памятники городцовской АК отличаются богатым костяным инвентарём. Особенно много поделок из кости и бивня обнаружено на 45 м² вскрытой площади Костёнок 14/II, что является одной из спец-

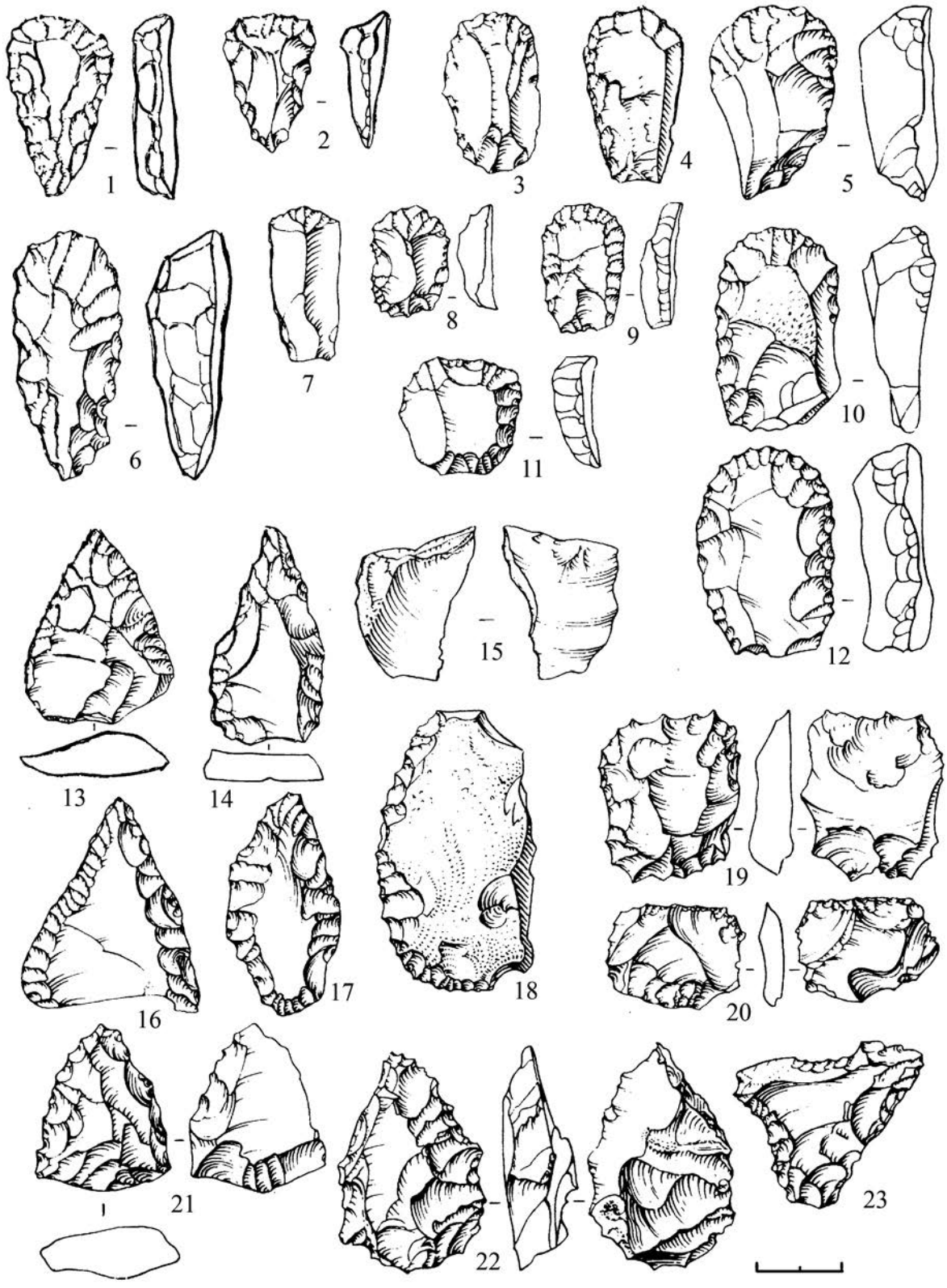

Рис. 60. Костёнки 14/II. Каменная индустрия (городцовская АК, афонтовский технокомплекс)

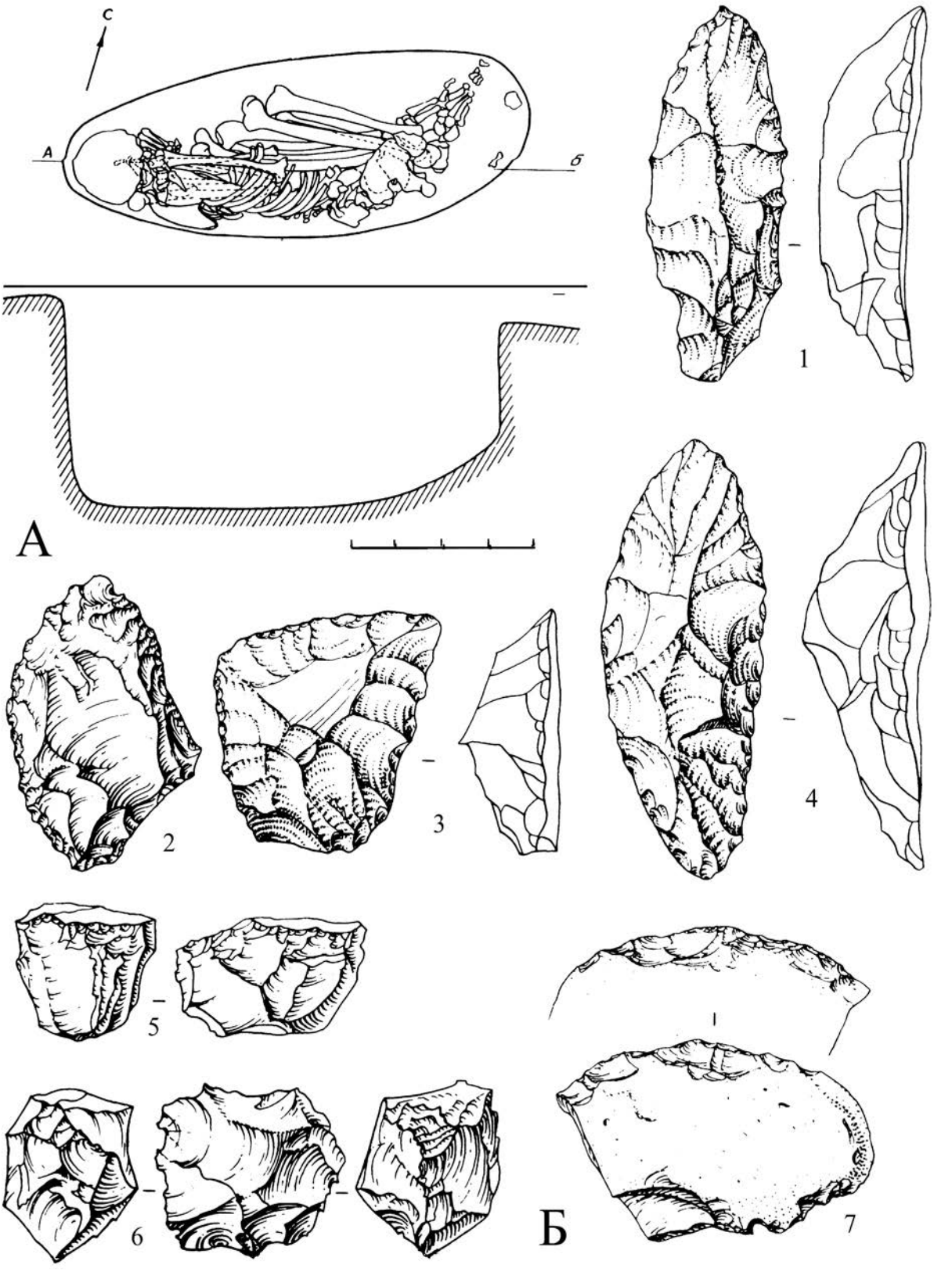

Рис. 61. Стоянка Костёнки 14 (Маркина гора). План и профиль погребения под слоем III (А) и каменная индустрия слоя II (городцовская культура). *По: [Рогачёв, Синицын 1982а]*

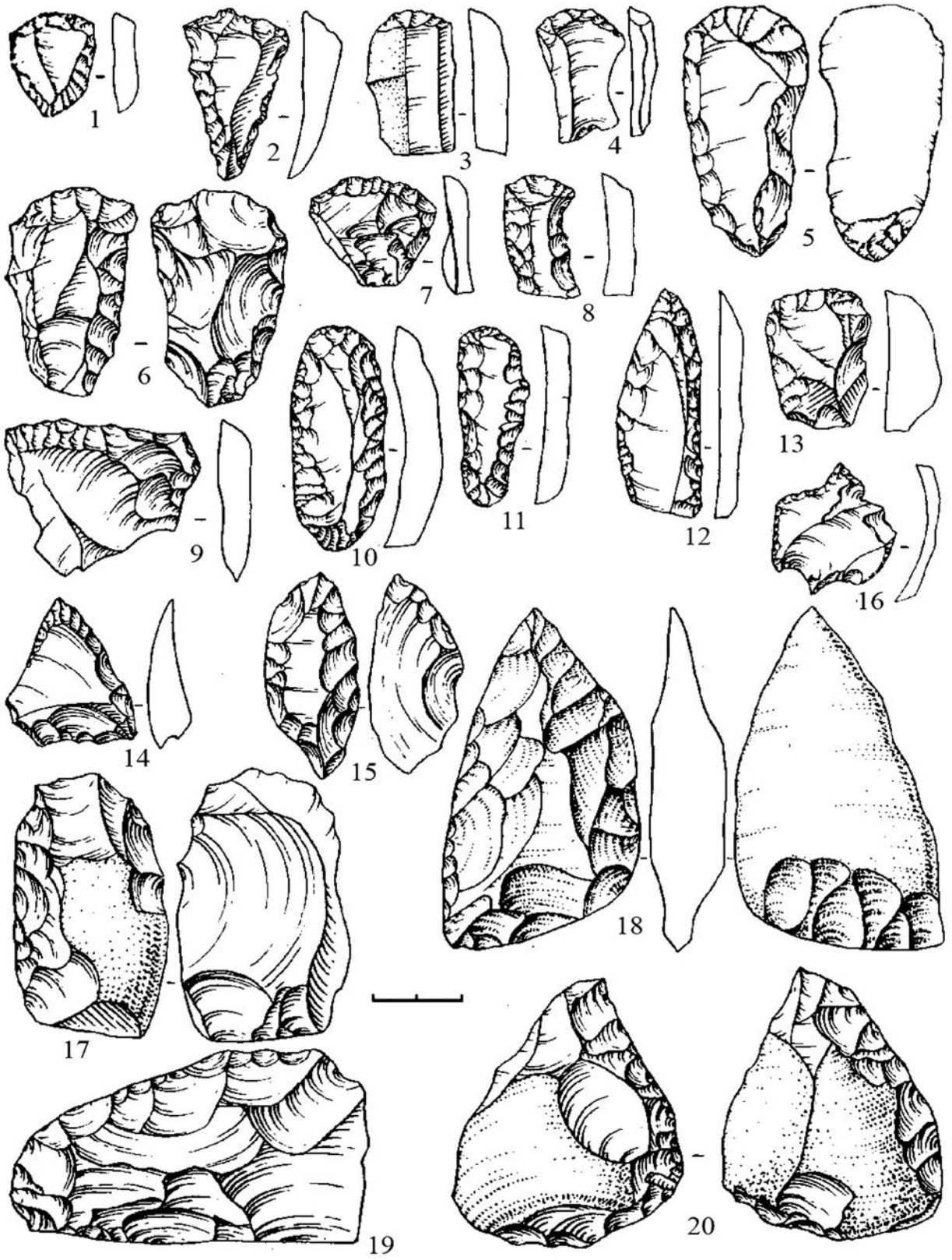
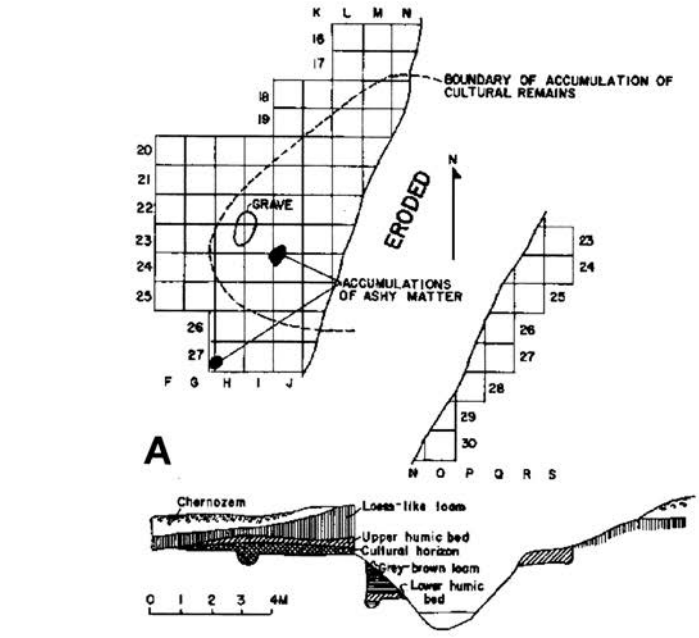

Рис. 62. Стоянка Костенки 15 (Городцовская).
Каменная индустрия (городцовская АК, афонтовский технокомплекс)

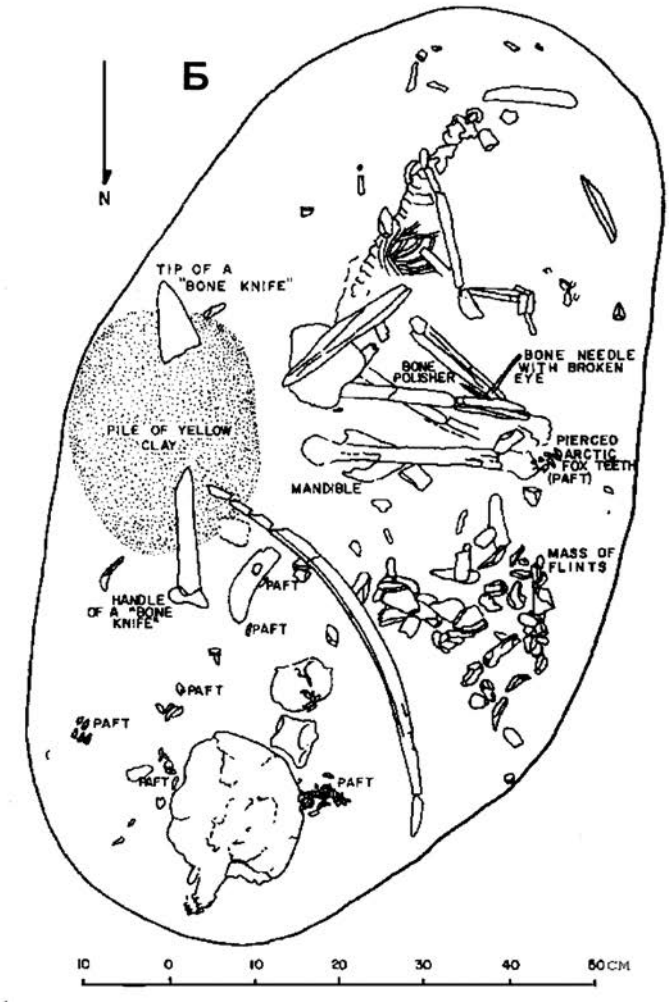

Рис. 63. Костёнки 15 (Городцовская стоянка).
План и схематичный профиль раскопа (А) и план могилы (Б). *По [Klein 1969]*

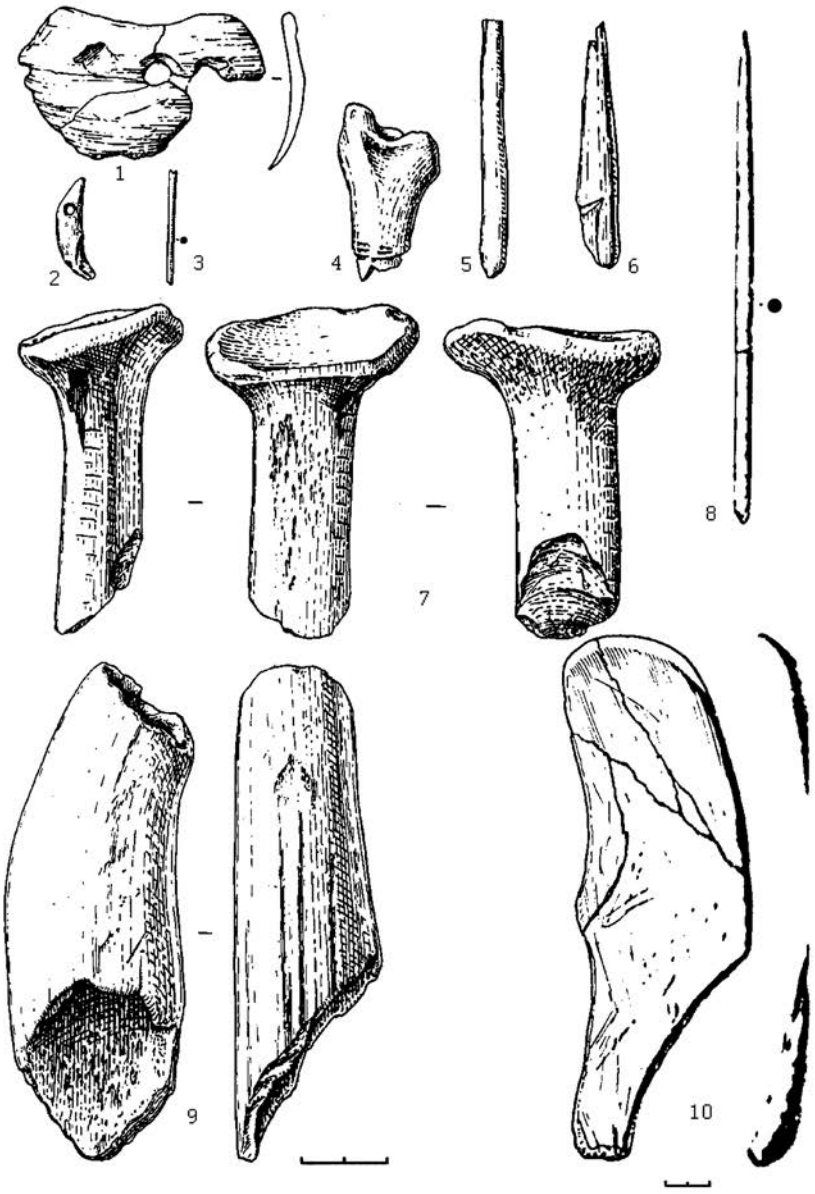

Рис. 64. Костёнки 12/I (городцовская культура). Костяная индустрия

ифических особенностей данного участка, оценить которую можно будет только после значительного расширения раскопа.

Самым характерным типом костяных орудий городцовской культуры являются довольно крупные веслообразные лопаточки с рукоятями, оканчивающимися шляпковидными навершиями (рис. 64: *7;* 65: *19*; 66: *13,15*). Подобным навершием была оснащена и рукоять костяного кинжала из погребения на Костёнках 15 (рис. 66: *14*). Лопаточка с обломанной рукоятью, найденная на Костёнках 12/I, сплошь окрашена красной охрой.

Довольно многочисленны костяные иглы (рис. 64: *3*; 65: *6*; 66: *1,4,6*). Ушки у них просверлены. Разнообразны стержни и острия. Шилья изготавливались как, из трубчатых костей мелких животных (рис. 65: *11,13*), так и из осколков крупных костей. В обломках известны лощилообразые орудия, в том числе с выделенными рукоятями (рис. 64: *10*).

Разнообразные украшения имеются на всех трёх памятниках, но особенно их много в Костёнках 14/II. Это бусы и подвески различных форм (рис. 65: *4,5,7–9,12*); отверстия во всех случаях по-

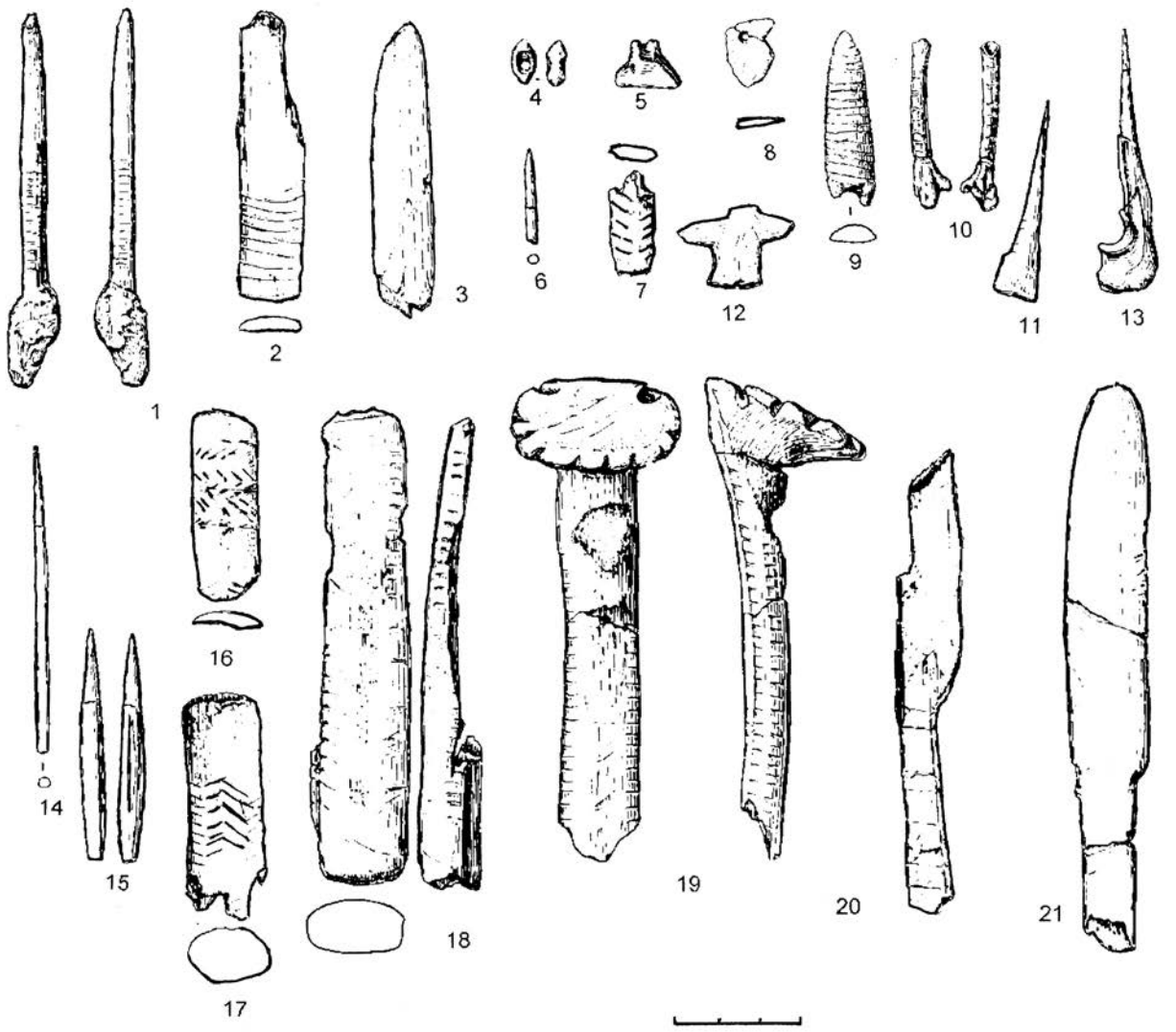

Рис. 65. Костенки 14/II. Костяная индустрия (городцовская культура).
По:[Рогачёв, Синицын 1982а]

лучены двусторонним сверлением. Просверлены и зубы песца из Костёнок 15 и Костёнок 12/I. На последней стоянке была найдена широкая подвеска из бивневой пластины, на которой односторонним сверлением намечено три отверстия. Изделие не закончено (рис. 64: *1*).

В Костенках 14/II отмечено проявление фигуративного искусства: найдено изображение головы какого-то зверя, возможно, волка, в виде навершия костяной заколки (фибулы), украшенной, вдобавок, рядами коротких насечек (рис. 65: *1*). Здесь же найдено довольно много орнаментированных поделок: орудий труда и украшений. Геометрический орнамент включает ряды коротких насечек, прямые и косые параллельные нарезки, «елочку» (рис. 65: *2,7,9,16–18,20*; 66: *9*). Композиционно орнамент хорошо сочетается с формой вещёй, будь то фибула, рукоять лопаточки или фрагмент лощила. Имеются преднамеренно выделенные орнаментальные зоны, сочетающиеся друг с другом или разделенные неорнаментированными участками.

Каменная индустрия Костёнок 14/II выглядит самой архаичной из всех трёх индустрий городцовской АК. Её сочетание с высокоразвитой техникой обработки кости, с достаточно богатым и сложным орнаментом, давно привлекает внимание исследователей.

Планиграфия раскопанных участков всех трёх памятников по-своему интересна. Как уже отмечалось (см.: 4.3), на Костёнках 15 зафиксированы вполне достоверные остатки наземного жилища, в виде

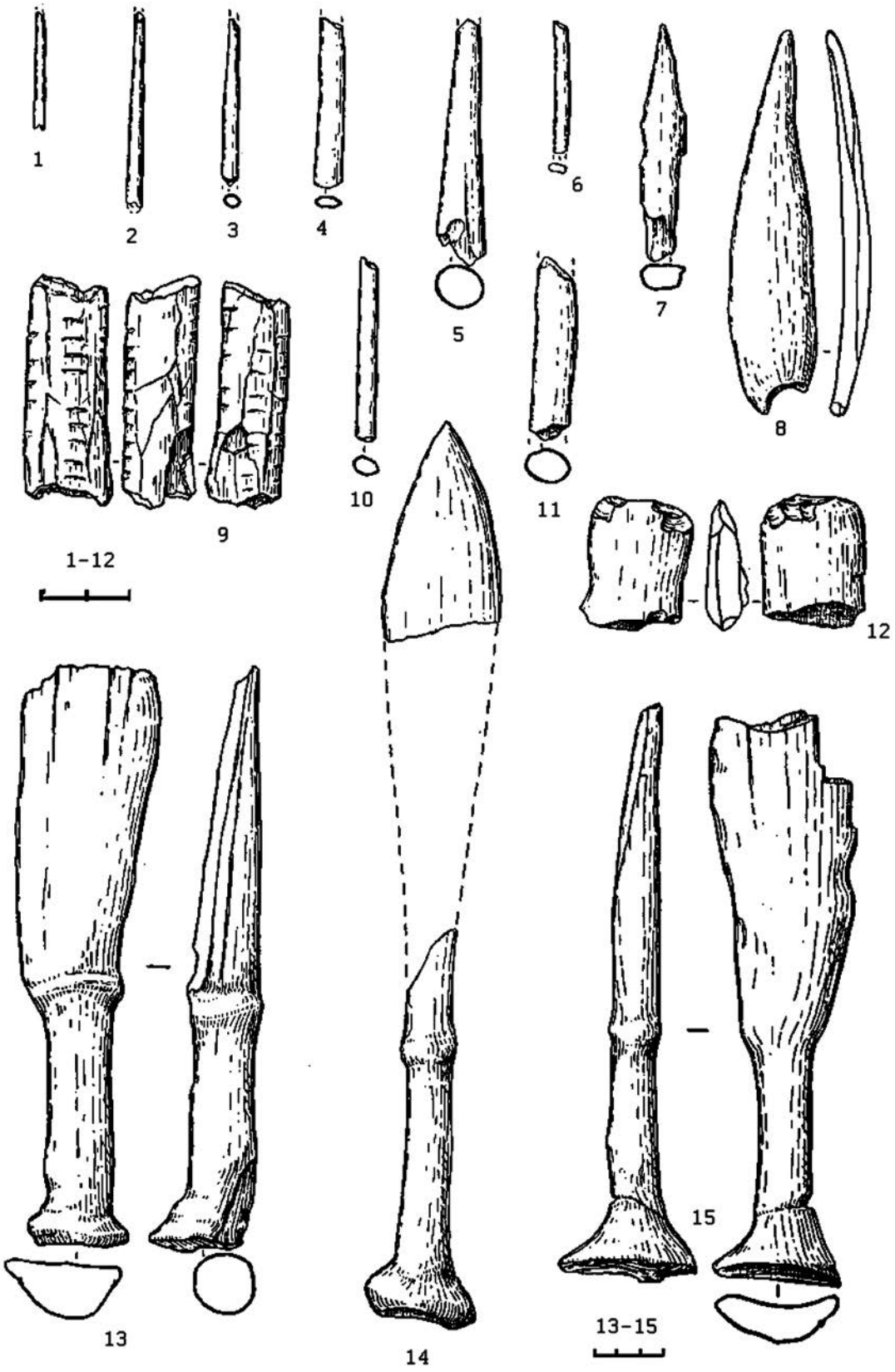

Рис. 66. Костенки 15 (Городцовская стоянка). Костяная индустрия (городцовская культура).
По: [Рогачёв, Синицын 1982б]

овальной линзы культурного слоя, мощностью 0,3–0,4 м, несомненно, залегавшего *in situ*. Как конструктивная деталь, могут рассматриваться длинные кости, преднамеренно вбитые в пол и торчавшие вертикально, в непосредственной близости от краев линзы [Палеолит... 1982: 163]. Но бесспорно, самые интересные объекты городцовской культуры — это погребения, обнаруженные на всех трёх стоянках (см. ниже).

4.4.3.2. Проблема сходств/различий памятников за пределами «ядра» городцовской АК.

Как уже упоминалось выше, в разное время к городцовской культуре причислялся ещё целый ряд памятников — как в Костёнковско-Борщёвском районе, так и за его пределами. Рассмотрим этот вопрос более детально. Среди намечавшихся ранее «кандидатов» сразу следует отклонить такие памятники, как Костёнки 2, 3 и 4/II — и не потому, что они более молодые, а ввиду того, что единственным связующим звеном между ними и городцовскими индустриями выступают серии долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской, но и то без специфических *pièces ecaillées* городцовского типа. В остальном же типологически обеднённые индустрии Костёнок 2 и 3, принадлежащие замятнинской АК, не имеют ничего общего с городцовскими культурными традициями. Тем более, далека от них типично граветтоидная индустрия Костёнок 4/II с богатым набором пластинок и острий с притупленным краем.

Индустрия Костёнок 16, синхронная памятникам городцовской АК по стратиграфическим условиям залегания и по серии ^{14}C дат, обладает несколько большим сходством с ними. Так, помимо выразительной группы долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской (рис. 67: *18–21*), здесь имеются и скрёбла. Но, по мнению М.В. Аниковича [1991] сходство это не может интерпретироваться как однокультурность, поскольку все самые специфические характеристики городцовской АК отсутствуют в индустрии Костёнок 16 и, наоборот, то, что специфично для последней, отсутствует в городцовских индустриях. Так среди скребков Костёнок 16 выделяется особый тип короткого скребка с косо усечённым основанием (рис. 67: *3*), имеется несколько орудий с узкими лезвиями, образованными серией мелких резцовых сколов («бюскоидные») (рис. 67: *15–16*); у нескольких орудий скребковые лезвия сочетаются с резцовыми сколами, снятыми с этого лезвия (рис. 67: *13*). Ничего подобного в городцовских индустриях нет.

В Костёнках 16 полностью отсутствуют вееровидные скребки, нет ни одного специфически городцовского типа среди скребков с субпараллельными краями. «Аналогичны» только банальные формы: простые концевые на пластинках (рис. 67: *1–2*). Группа резцов в Костёнках 16 выразительнее, чем в городцовских индустриях. Многофасеточные резцы здесь тесно связаны с клиновидными нуклеусами, чего не наблюдалось в городцовской АК — как, впрочем, и самих клиновидных нуклеусов. Группа долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской в Костёнках 16 велика и типологически выразительна, но, опять-таки, здесь нет миниатюрных орудий городцовского типа, зато имеются крупные подчетырёхугольные, тщательно отделанные орудия (рис. 67: *21*), не имеющие аналогов в городцовских индустриях. Скрёбел в Костёнках 16 немного, и представлены они только простейшими однолезвийными формами.

Таким образом, Костёнки 16 по своим характеристикам никак не могут быть включены в городцовскую АК. Их сходство объясняется тем, что все эти индустрии принадлежат одному ТК, названному М.В. Аниковичем «афонтовским» (см.: 3.3).

М.В. Аникович не исключает возможности отнесения к городцовской АК более древнего памятника Костёнки 14/III. Однако данное предположение требует детального типологического анализа, с учётом новейших материалов, добытых в последние годы раскопками А.А. Синицына.

За пределами Костёнковско-Борщёвского района В.Н. Степанчук и М.В. Аникович склонны относить к городцовской АК верхний культурный слой стоянки Мира в низовьях Днепра [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 203–206]. Этот памятник синхронен городцовским памятникам в Костёнках. Имеющиеся различия, в частности, присутствие в Мире листовидных двусторонних наконечников, могут трактоваться по-разному: влиянием иных (не городцовских) традиций (М.В. Аникович) или генезисом от крымского микока [Степанчук 2005; 2006].

Имеется ещё один памятник, который можно отнести к городцовской АК, несмотря на значительную территориальную удалённость и разрыв во времени с костёнковскими памятниками. Это стоянка Талицкого, расположенная на Урале и датирующаяся по совокупности данных поздневалдайским климатическим минимумом (20–18 тыс. л.н.). Индустрия этой стоянки является ближайшим аналогом индустриям городцовской АК не только в общих чертах (малое количество резцов, хорошо выраженная серия долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской, наличие архаичных форм), но и в целом ряде

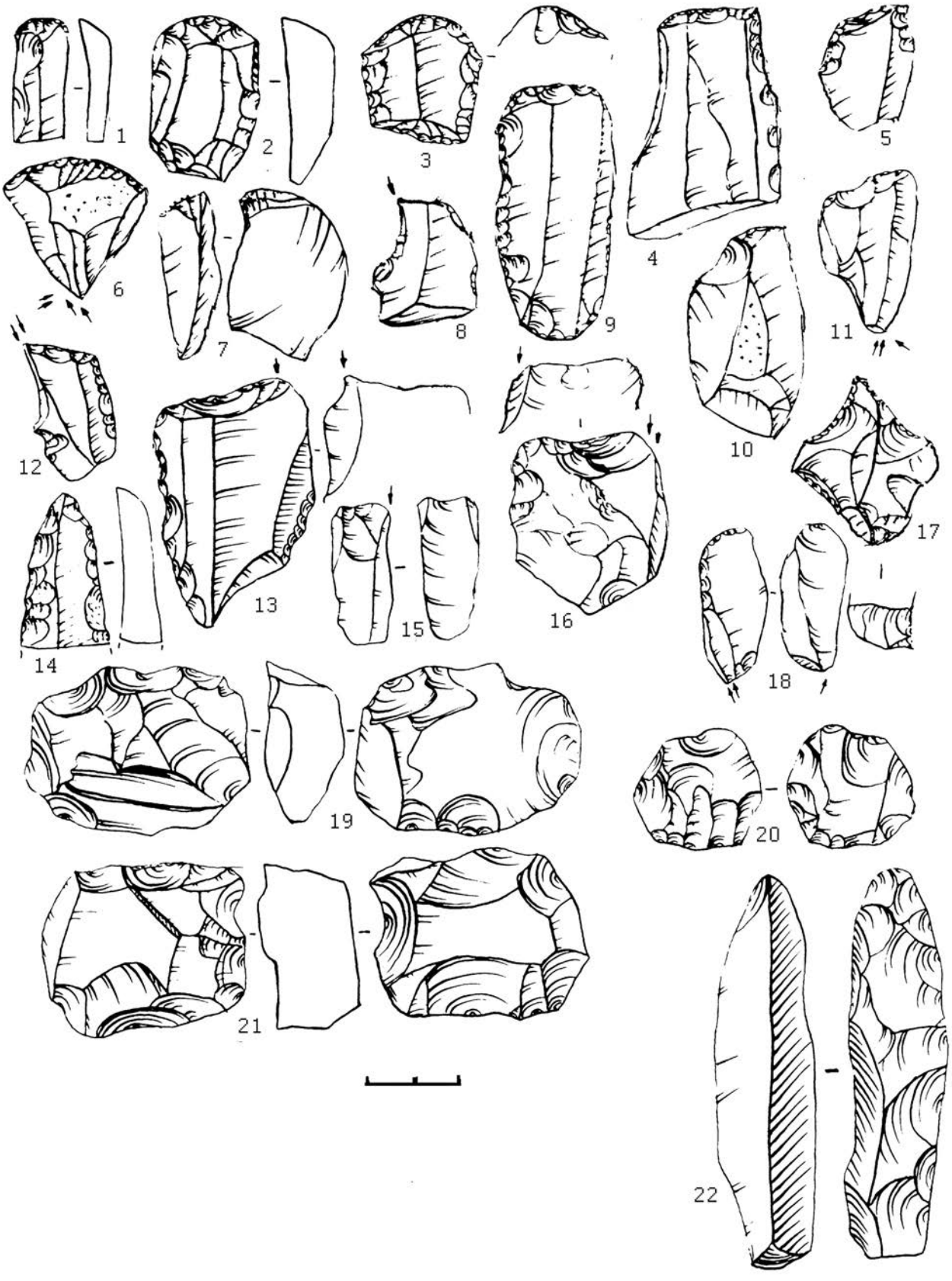

Рис. 67. Костёнки 16 (Углянка). Каменная индустрия

специфических типологических характеристик — таких, как округлые скребки [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: рис. 135, *5–9*], скребки с обушком; с выделенным шипом [Там же: рис. 135, *16*]; со стрельчатыми лезвиями [Там же: рис. 135, *10*]; проколки с короткими жальцами [Там же: рис. 135, *19,27*]; миниатюрные долотовидные орудия городцовского типа [Там же: рис. 135, *22,23,28*]. Налицо и различия: на стоянке Талицкого отсутствуют вееровидные скребки, а мустьероидный компонент представлен только простыми однолезвийными скрёблами [Там же: рис. 135, *33,38*]. Но, учитывая разрыв во времени, такие различия можно трактовать как результат эволюции культурных традиций.

4.4.3.3. Проблемы генезиса городцовской культуры

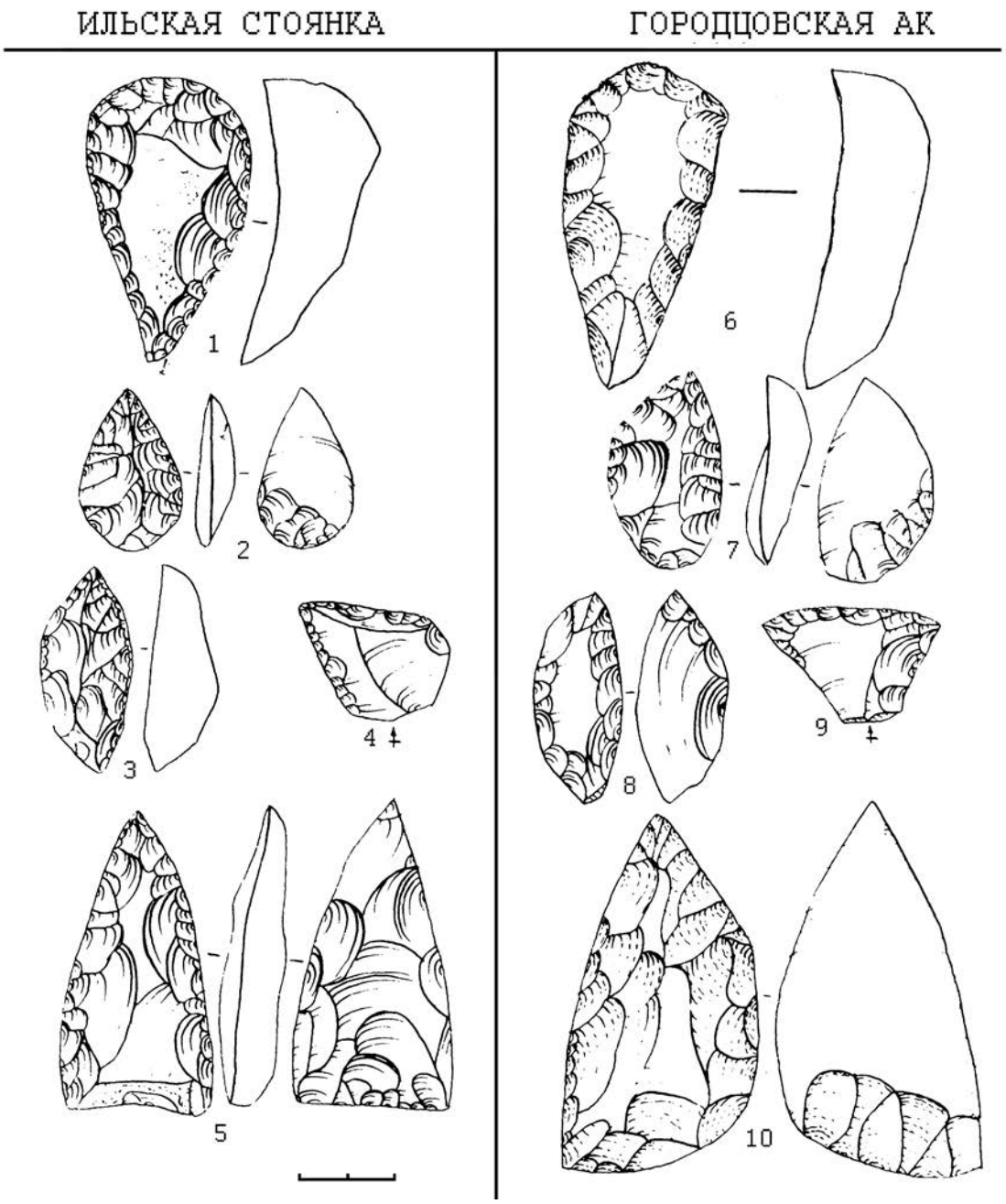

Рис. 68. Сходные формы орудий в индустриях Ильской стоянки и городцовской АК. *По М.В. Аниковичу.* *1–5* — Ильская стоянка; *6* — Костёнки 14/II; *7–10* — Костёнки 15

Присутствие хорошо выраженного набора мустьероидных орудий в индустриях городцовской АК так же ставит вопрос об её возможных генетических корнях в индустриях мустьерской эпохи. По М.В. Аниковичу, наиболее близкие аналогии ряду типов, характерных для городцовской культуры, обнаруживаются в Ильской стоянке (Северный Кавказ): конвергентное скребло с вентральной подтёской основания, обушковые скрёбла, лимасы, крупные высокие скребки с приострённым основанием (рис. 68). К сожалению, в данном случае мы лишены возможности распределить ильские орудия послойно, что, в значительной степени, обесценивает указанное сходство.

По В.Н. Степанчуку, истоки городцовской культуры более оправданно искать в пара-микокских индустриях Крыма. Основания для такой постановки вопроса даёт верхний слой стоянки Мира, который однако не может рассматриваться, как предшественник городцовской культуры, ибо его радиоуглеродный возраст ~28–27 тыс. л.н. «Однако Мира доставляет больше данных, которые могут быть использованы для поиска истоков городцовской индустрии. Наличие в Мире/I выразительного микокского компонента позволяет вести поиск истоков городцовской культуры, так же, как и стрелецкой, в среднем палеолите с микокскими чертами. ...Хронология городцовских памятников очень компактна. Близка ей хронологическая позиция принципиально сходного инвентаря Миры. Это заставляет предполагать, что формирование городцовской архаичной индустрии переходного периода произошло на отрезке времени не намного древнее 30 тыс. л.н. Вероятность такого позднего возникновения симбиотической индустрии согласуется с новыми данными по хронологии поздних неандертальских стоянок Крыма. Поздняя дата пара-микокских индустрий Крыма, в свою очередь, является косвенным указанием на наиболее вероятных среднепалеолитических предшественников городцовской индустрии...» [Степанчук 2005: 214–215].

4.5. Развитые культуры РВП в Костёнковско-Борщёвском районе

4.5.1. Костёнки 14/IVб — древнейшая высокоразвитая индустрия Восточной Европы

Древнейшие симбиотические («архаичные») индустрии практически изначально сосуществовали в Костёнках с памятниками, которые могут быть определены, как типично верхнепалеолитические, без сколько-нибудь выраженных мустьерских черт. Именно такой тип индустрии представлен на Среднем Дону в материалах стоянки Костёнки 14/IVб (рис. 69–70).

Если опираться на данные палеомагнитного анализа, указанный памятник должен быть приблизительно синхронен уже описанному выше культурному слою Костёнки 12/IV (наличие экскурса Каргаполово-Лашамп). Однако не следует забывать: изменение направленности магнитного поля Земли не было одномоментным явлением, оно продолжалось в течение ряда тысячелетий (~44–39 тыс. л.н.). По данным палинологического анализа, культурный слой Костёнки 12/IV сформировался на заключительном этапе преобладания в регионе широколиственных пород (вяза) [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005], а слой Костёнки 14/IVб — уже в условиях последовавшего за ним господства сосново-еловых лесов [Величко, Писарева, Тимирева 2005: 37–38]. Поэтому на данный момент логичнее считать его несколько более молодым. Однако, по совокупности данных, можно относить этот памятник к периоду древнее 40 тыс. л.н.

Кремнёвая индустрия слоя Костёнок 14/IVб достаточно выразительна и многочисленна (рис. 69). Она «характеризуется пластинчатой техникой первичного расщепления, с использованием нуклеусов объемного, плоского, торцового и радиального снятия. Типологический состав определяется сочетанием скребков, двугранных резцов, преимущественно, с угловым положением лезвия, долотовидных орудий и двусторонне обработанных изделий овальной и подтреугольной формы... Выразителен костяной инвентарь... в частности, роговые «мотыги», ребро с заполированным до зеркального блеска концом, острия, по крайней мере, двух разновидностей, ребро с искусственно прорезанным продольным пазом, бивни с признаками искусственного расщепления и обработки, орнаментированный стержень из бивня мамонта...» [Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004: 52–53].

Для культурной атрибуции (даже на уровне ТК) имеющихся материалов пока недостаточно. Можно говорить лишь об их своеобразии. Это, безусловно, одна из наиболее ранних верхнепалеолитических индустрий с развитым костяным инвентарем. По мнению А.А. Синицына, кремнёвая и костяная индустрии слоя Костёнки 14/IVб не имеют прямых аналогий ни в Костёнковско-Борщёвском районе, ни

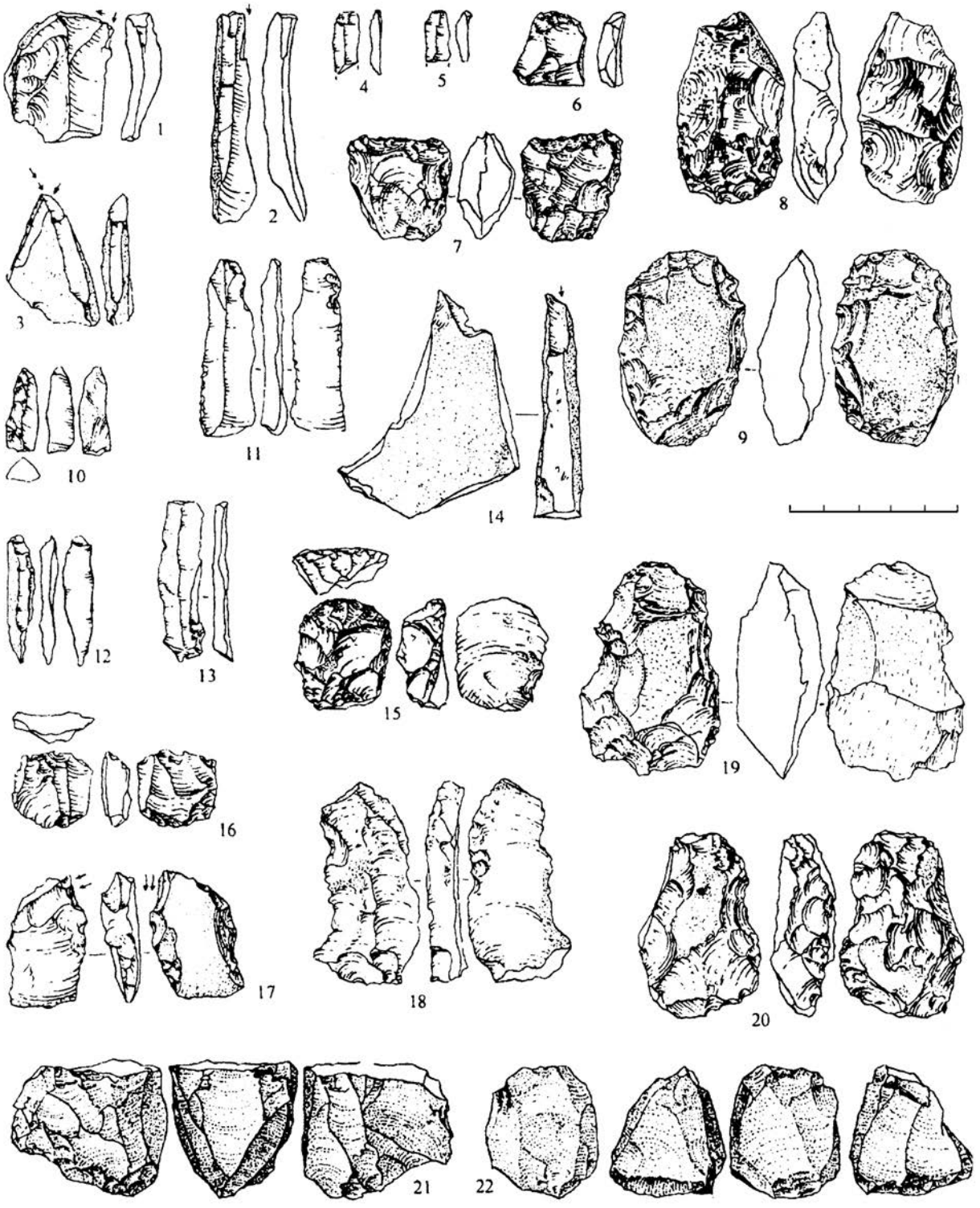

Рис. 69. Костёнки 14 (Маркина гора). Каменная индустрия слоя IVб. *По: [Синицын 2002]*

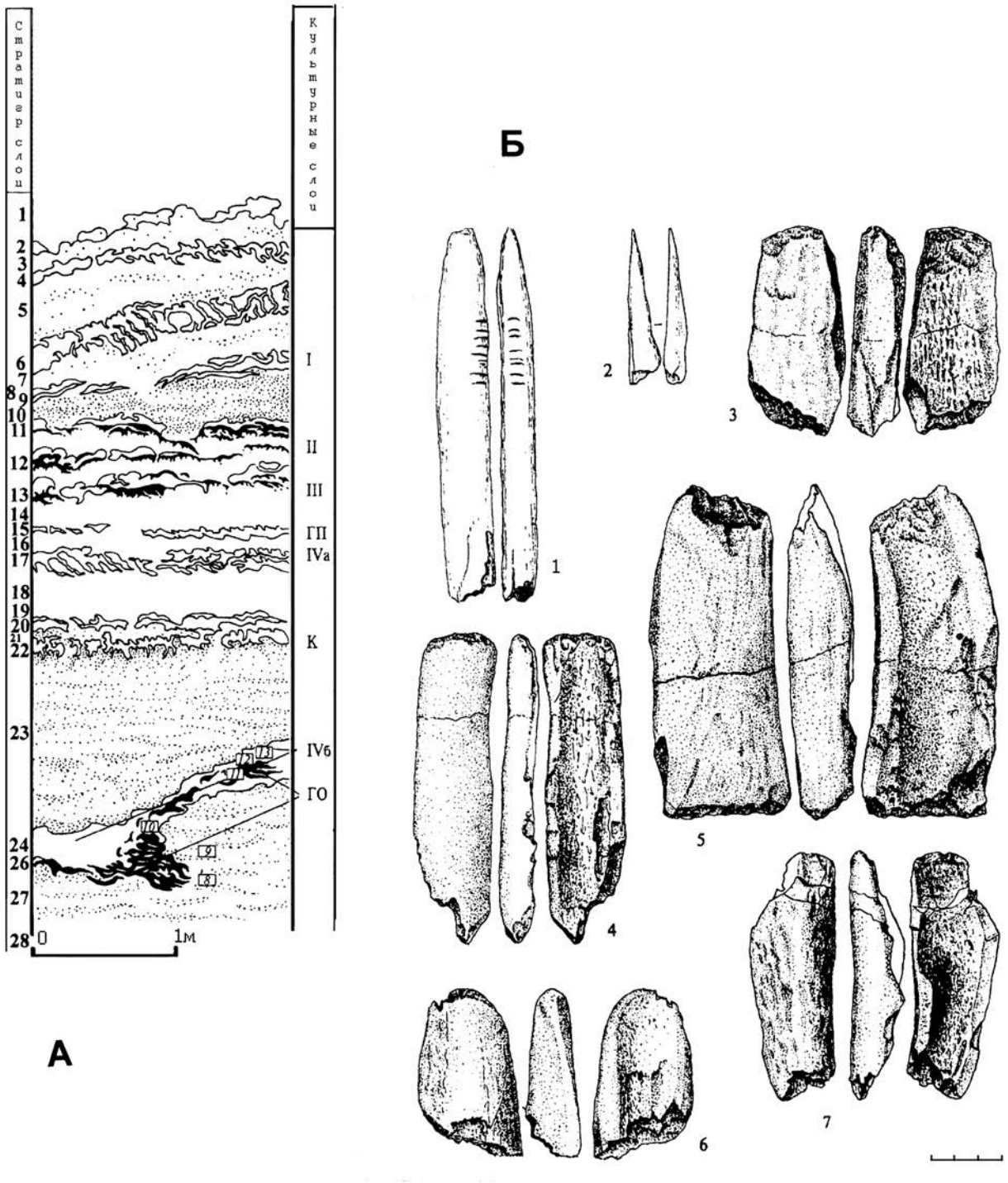

Рис. 70. Схематический разрез многослойной стоянки Костёнки 14 (Маркина гора) (*А*) и костяная индустрия слоя IVб (*Б*). *По: [Синицын 2002]*

в Восточной Европе в целом. Мы вполне разделяем его точку зрения, но вновь указываем на типологическое сходство овальных двусторонних орудий из Костёнок 14/IVб и 12/IV (рис. 41: *3*).

Обращает на себя внимание наличие в Костёнках 14/IVб предметов искусства (?) и украшений. Здесь найдены подвеска с двумя искусственными отверстиями из раковины Columbellidae и предмет, интерпретированный автором раскопок А.А. Синицыным, как голова статуэтки из бивня мамонта [Там же: 52].

4.5.2. Спицынская культура

Несколько более молодые памятники спицынской АК (Костёнки 17/II и 12/II) были отнесены М.В. Аниковичем к ориньякоидному ТК [Аникович, 1991; 2003: *24*]. Основанием для этого служит наличие там фрагментов пластин с «ориньякской» ретушью (в Костёнках 12/II), кареноидных скребков, преобладание срединных многофасеточных резцов, присутствие микропластинок с тонкой ретушью [Аникович, 2003: *24*] .

Обе индустрии — эпонимная (Костёнки 17/II) (рис. 71) и менее представительная, но рассматриваемая как однокультурная (Костёнки 12/II) (рис. 72) — демонстрируют достаточно развитые технические приёмы, свойственные верхнепалеолитической эпохе: не только пластинчатую технику, основанную на призматическом нуклеусе, и широкое употребление резцового скола, но также сверление по кости и камню и шлифовку.

Наборы орудий этих двух индустрий не тождественны: в инвентаре Костёнок 17/II есть черты, которые не обнаруживаются в материалах Костёнок 12/II, и наоборот. Но основные особенности, технико-типологическое «ядро» этих двух комплексов аналогичны друг другу. Они резко выделяются на фоне: а) хронологически предшествующих им индустрий Костёнки 14/IVб+ГО и 12/IV; б) синхронных по времени индустрий раннего этапа костёнковско-стрелецкой АК (Костёнки 12/III; Костёнки 6); в) более поздних, но принадлежащих тому же ориньякоидному ТК индустрий Костёнки 1/III, 4/I, 8/I. Всё это позволяет рассматривать характеристики индустрий Костёнок 17/II и 12/II как взаимодополняющие в освещении культурного единства спицынской АК.

Коллекция с эпонимного памятника насчитывает ~10.000 единиц каменного инвентаря, в том числе ~300 изделий с вторичной обработкой. Материалы из Костёнок 12/II невелики: всего ~80 орудий, но в них проявляются некоторые важные типологические характеристики, не представленные в индустрии Костёнок 17/II.

И там, и там техника первичного раскалывания типично призматическая, ведущая форма заготовки — массивная пластина. В Костёнках 12/II найдены два вторичных клиновидных нуклеуса для снятия микропластинок (рис. 72: *24*), а сами микропластинки с мелкой краевой ретушью известны в Костёнках 17/II (рис. 71: *10–12*). Концевые скребки на пластинах сочетаются с высокими скребками, в том числе типичными «карене» (рис. 71: *13, 15, 21–22*; 72: *3–4*). Много резцов; в Костёнках 17/II это самая представительная группа орудий (свыше 50%). Преобладают различные формы многофасеточных резцов (рис. 71: *24*; 72: *17–18*). В Костёнках 12/II имеются фрагменты типично ориньякских пластин, в том числе от крупных экземпляров (рис. 72: *16*). В той же индустрии обнаружен своеобразный тип проколок: жало, смещённое к правому углу заготовки, образовано прямым и выпуклым краями, обработанными крутой ретушью (рис. 72: *5*). В коллекции из Костёнок 17/II подобных проколок нет, но имеются резцы, у которых сколы снимались со сходным образом выделенного «носика» (рис. 71: *24–25*). Долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской есть в обеих индустриях, но в Костенках-12/II они более выразительны (рис. 72: *13*).[1]

Костяной инвентарь известен только в Костёнках 17/II. Он включает 2 экз. шильев из локтевых костей зайца или песца (рис. 71: *1–2*), 2 обломка костяных острий, 2 фрагмента поделок из бивня и обломок лощила. Коллекция украшений достаточно велика. Подвесок насчитывается ~50 экз., в том числе: 37 просверленных клыков песца, 4 просверленные подвески из белемнитов (рис. 71: *3–4*), а также под-

[1] В литературе с середины 1980-х гг. наблюдается тенденция связывать индустрию Костёнок 17/II с граветтоидным ТК [Debrosse, Koslovski 1988]. Однако перечисленные выше характеристики этой индустрии свидетельствуют, на наш взгляд, об ее ориньякоидности. Достаточно массивные пластины с «нерегулярной» ретушью, характерные для Костенок 17/II, уже сами по себе отличаются от тонких «правильных» пластин и пластинок, свойственных граветтоидному ТК. Пластины и острия с притупленным краем здесь полностью отсутствуют, а единичные микропластинки с тонкой краевой ретушью характерны именно для ориньякоидного ТК. Преобладание многофасеточных резцов, наличие кареноидных скребков говорит о том же.

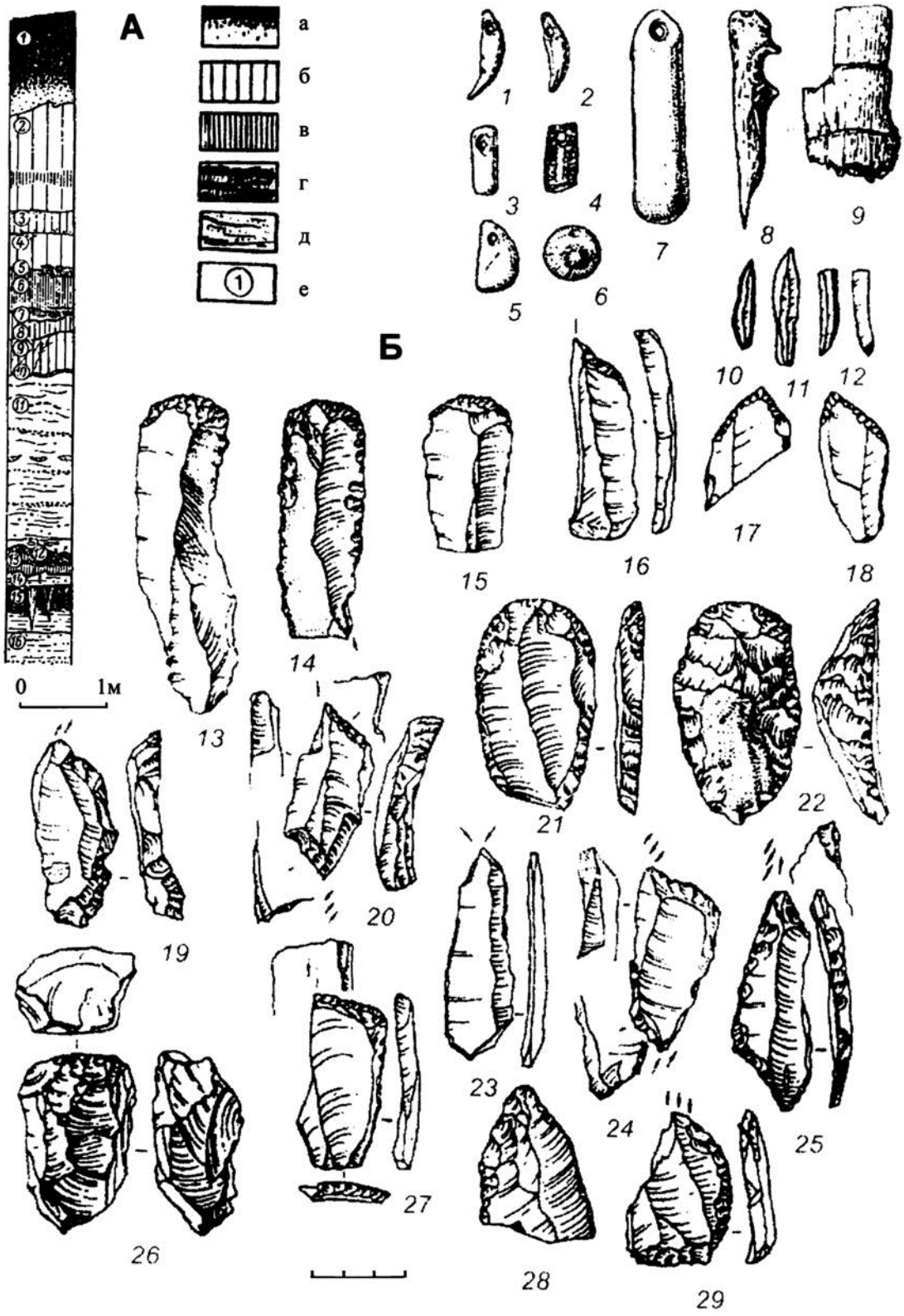

Рис. 71. Костёнки 17 (Спицынская стоянка). Схематичный разрез (А) и индустрия культурного слоя II (спицынская АК). Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт

а — современная почва; б — суглинок серо-коричневый; в — суглинок белесый, мергелистый, с прослоечками гумусированности; г — суглинок темно-бурый, гумусированный, со следами почвообразования; е — номера литологических горизонтов по: [Борисковский, Праслов, Аникович 1982].

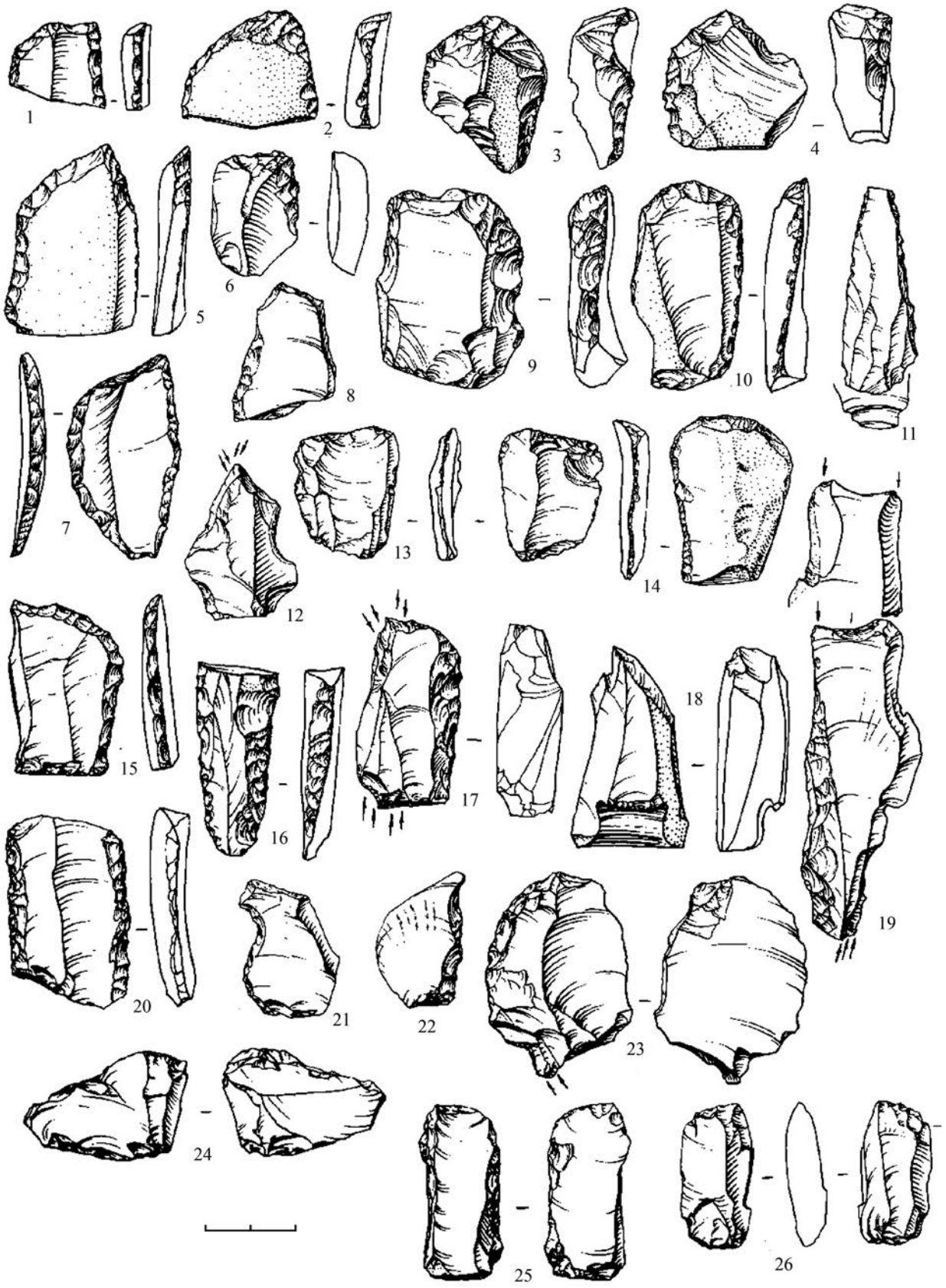

Рис. 72. Костёнки 12 (Волковская стоянка). Каменная индустрия культурного слоя II (спицынская АК). Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт

вески из камня, ископаемых раковин и кораллов (рис. 71: *6–7*). По заключению С.А. Семенова, сверление производилось вручную, без использования лучкового сверла [Борисковский 1963: 104].

По совокупности данных, указанные памятники спицынской АК датируются в пределах от 40–38 до 35–32 тыс. л.н. Несмотря на столь ранний возраст, индустрия Костёнки 17/II лишена каких бы то ни было архаичных черт.

Не исключено, что к спицынской АК в дальнейшем будет причислен культурный слой Костёнки 8/IV, относящийся, как принято считать, к нижней гумусированной толще [Палеолит... 1982: 109]. К сожалению, эти материалы ничтожно малы: в Костёнках 8/IV собрано всего 29 изделий, изготовленных из черного мелового кремня. Техника явно пластинчатая. Имеется три концевых скребка на пластинах. У двух края обработаны крутой ретушью. Четвёртый предмет — фрагмент ретушированной микропластинки. Несмотря на бедность коллекции, можно сказать с уверенностью, что данная индустрия относится к числу развитых, и вероятнее всего, также принадлежит ориньякоидному ТК.

4.5.3. О начале «ориньякского эпизода»

Несколько более молодой возраст имеют «типично ориньякские» (как их часто называют в литературе) памятники Костёнковско-Борщёвского района — Костёнки 14/ГВП («горизонт в пепле», хронологическая группа I/II) и Костёнки 1/III (хронологическая подгруппа IIB), которые, вероятно, следует считать однокультурными. Для «горизонта в пепле» получена ^{14}C дата 32.420±440–420 (GrA-18063). Возраст слоя Костёнки 1/III, на основании компактной серии ^{14}C дат определяется в пределах 26–25 тыс. л.н. (см.: 2.3.4). Для обоих памятников характерны пластины с «ориньякской» ретушью, а также орудия на этих пластинах, скребки, в т.ч. карене, многофасеточные резцы, острия, пластинки дюфур [Аникович 1991; 2003 и др.; Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004: 50–51]. Вместе с тем, такие характерные для «классического ориньяка» формы, как резцы бюске и костяные наконечники с расщеплённым основанием, здесь отсутствуют.

Эти памятники, как нельзя лучше, демонстрируют собой различие между понятиями «хронология» и «периодизация». Первый из них, стоянка Костёнки 14/ГВП, относящийся к хронологической группе I/II, представляет собой один из генетических истоков культурно-исторического явления, названного нами «ориньякским эпизодом» . Второй, Костёнки 1/III, функционировавший уже в период IIB, обозначает собой начало указанного явления. Поэтому его детальный анализ отнесён нами к следующей главе, всецело посвящённой «ориньякскому эпизоду» (см.: 5.2.1).

4.5.4. Первое проявление граветтоидного ТК: аносовско-тельманская археологическая культура

Древнейший типично граветтоидный комплекс представлен в Костёнках материалами стоянки Костёнки 8/II (Тельманская). И по своему стратиграфическому положению, и по ^{14}C датам памятник относится к хронологической подгруппе IIB.

Радиоуглеродный возраст Костёнок 8/II, как правило, оценивается ~28–27 тыс. л.н., на основании даты, полученной в лаборатории Гронингена (см.: Прил. 2, № 131). Однако две другие даты, полученные в лабораториях Оксфорда и ГИН, указывают на возраст ~24–23 тыс. л.н. Одна из них представляет собой результат прямого датирования обожжённых костей черепа человека (Прил. 2, № 129). Поэтому делать окончательные выводы о возрасте данного комплекса мы считаем преждевременным.

По характеру инвентаря он резко отличается от всех синхронных индустрий Костёнковско-Борщёвского региона, относящихся к ориньякоидному и селетоидному ТК. Впрочем, заметим: в ходе накопления данных возможно установление связей с индустриями Костёнок 11/IV и Костёнок 11/Северный пункт.

Как уже отмечалось, среди памятников РВП Костёнковско-Борщёвского района стоянка Костёнки 8/II раскопана наиболее полно. В слое обнаружены остатки нескольких округлых наземных жилищ с очагом в центре.

Коллекция каменных изделий насчитывает свыше 23.000 единиц[1]. Как сырьё, использовался преимущественно чёрный меловой кремень высокого качества. Техника первичного раскалывания типич-

[1] В эти подсчёты не включены материалы, полученные в ходе исследования Костёнок 8/II в 2007–2008 гг. Исследование памятника продолжается.

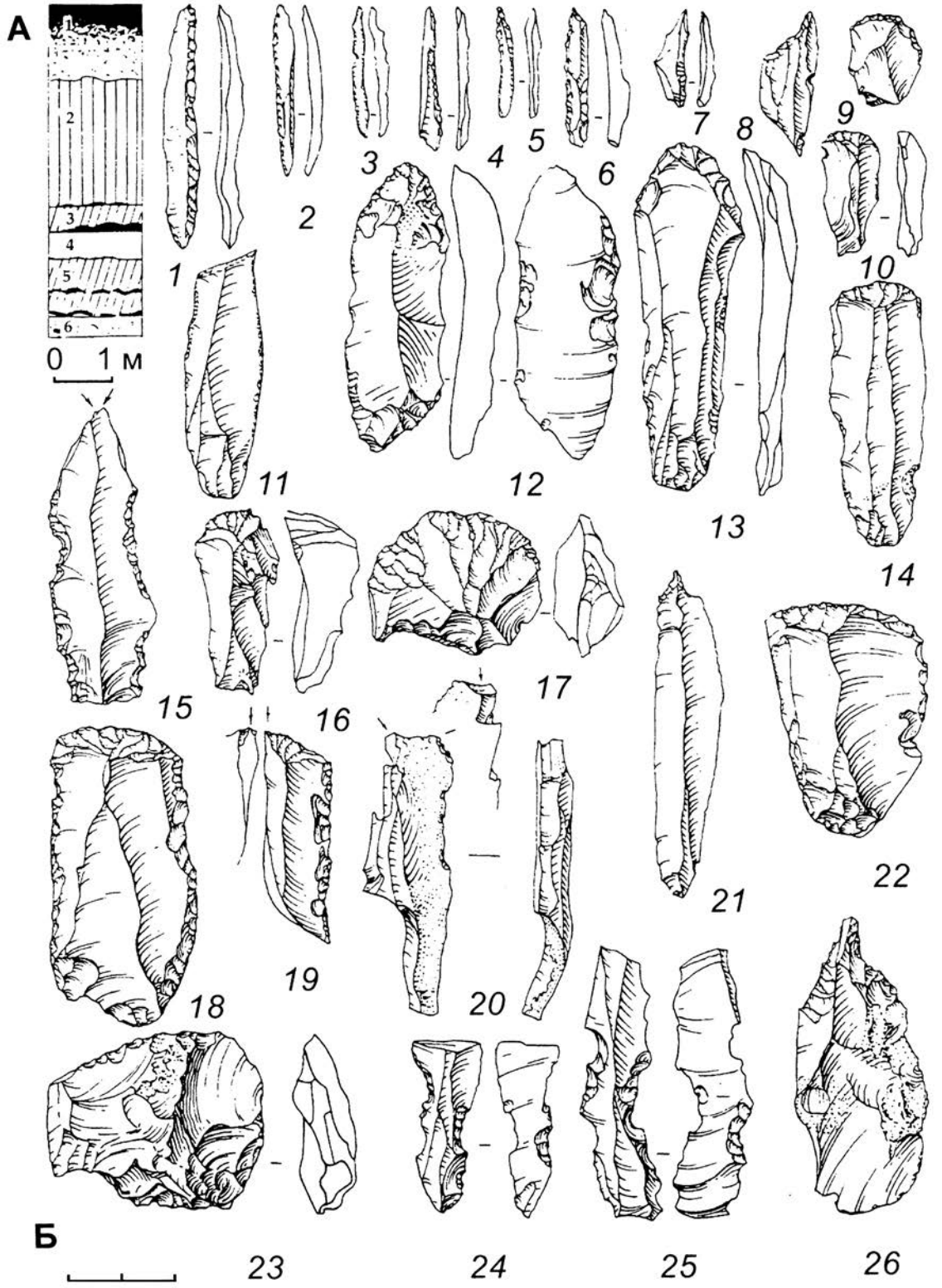

Рис. 73. Костёнки 8 (Тельманская стоянка). *По: [Рогачёв, Аникович, Дмитриева 1982].*
А — схематичный разрез (*1 — современная почва; 2 — суглинок серо-коричневый, в верхней части — остатки культурного слоя I; 3 — суглинок темно-бурый с линзами интенсивной гумусированности, включает остатки культурного слоя II; 4 — суглинок палевый, мергелистый; 5 — суглинок темно-бурый, с двумя уровнями интенсивной гумусированности, содержит остатки культурного слоя IV; 6 — сеноманский песок*);
Б — каменная индустрия слоя II (тельманская АК). Граветтоидный технокомплекс

но призматическая; пластины узкие, тонкие, с «правильной» огранкой спинки. Характерна предельная утилизация сырья: в такой большой коллекции всего ~20 сработанных нуклеусов.

Каменных орудий ~2.100 экз. Немногим менее половины (~900 экз.) составляют острия и пластинки с притупленным краем. У большинства вертикальная ретушь усекала один край, второй оставался необработанным или подправлялся мелкой ретушью (рис. 73: *1–2*). Имеются также острия, сформированные одинаковой ретушью по обоим краям (рис. 73: *5–6*). Самые маленькие орудия (1–1,5 см в длину и 1–1,5 мм в ширину) получили в отечественной археологической литературе название «игловидных острий». В коллекции имеется также небольшое количество микроорудий геометрической формы: трапеций и сегментов (рис. 73: *8–9*). Однако они заметно отличаются от типичных геометрических микролитов финала верхнепалеолитической эпохи. Вторая по численности группа орудий — резцы (свыше 500 экз.). Преобладают боковые (рис. 73: *19*) и на углу сломанных пластин (рис. 73: *20*). Скребков на такую представительную коллекцию всего лишь ~50 экз.; их формы очень разнообразны: от крупных концевых на пластинах (рис. 73: *14*) до миниатюрных скребочков (рис. 73: *9–10*). Выразительной серией (180 экз.) представлены пластины с выемками (рис. 73: *24–25*); выемчатые края встречаются и на орудиях иных групп (скребки, резцы). Небольшой (30 экз.), но типологически выразительной серией представлены проколки, обычно имеющие короткие тонкие жальца (рис. 73: *21*). Остальные орудия, — острия, скребловидные, долотовидные — единичны.

Костяной инвентарь богат и разнообразен. Помимо шильев (рис. 75: *15*), лощил (рис. 75: *16*), бивневых острий и стержней, здесь очень интересен набор украшений: пронизки из тонких трубчатых костей, орнаментированные рядами насечек (рис. 75: *1–6*), каплевидная подвеска плоско-выпуклого сечения, сплошь покрытая рядами параллельных нарезок, маленькие округлые подвески или нашивки с одним или двумя отверстиями, фрагмент бивневой поделки, украшенный елочным орнаментом (рис. 75: *23*) и др. Загадочным изделием является бомбовидный предмет из бивня мамонта, завершающийся маленькой головкой на широком конце (рис. 75: *22*). Поверхность заполирована, и на ней имеются следы красной краски. Подобного рода изделия в археологической литературе обычно именуют «антропоморфными», но такая интерпретация недоказуема.

Самая удивительная черта набора костяных изделий из Костёнок 8/II — это его явное сходство с соответствующим комплексом из Костёнок 14/II (городцовская АК), при полном различии каменных индустрий (см. 4.4.3.1). Сходство проявляется не только в достаточно банальных формах (лощила, острия, стержни и т.п.), но и в специфических, культуроопределяющих деталях — формах украшений (подвески, нашивки, пронизки из тонких костей) и орнаментике (ряды насечек, параллельные нарезки, «ёлочка»). При соответствующем сходстве каменных индустрий этого было бы более, чем достаточно для отнесения указанных памятников к одной АК. Но в том-то и дело, что каменные индустрии не просто различаются, — они противоположны по всем основным показателям.

Во времена острых дискуссий по проблеме определения понятия «археологическая культура» и принципов её выделения часто задавался вопрос: «может ли археологическая культура быть выделена по одному памятнику?» Очевидно, положительный ответ на этот вопрос может быть дан только с оговорками: да, но из этого не следует, что каждый памятник, чем-то отличающийся от других, мы должны трактовать как самостоятельную культуру. Все зависит от конкретной ситуации.

В случае с Костёнками 8/II не вызывает сомнений принадлежность этой индустрии граветтоидному ТК. При этом специфика её типологических характеристик так ярко проявляется на фоне иных граветтоидных индустрий Восточной Европы (не говоря уже об индустриях, принадлежащих иным ТК), что ряд археологов счёл возможным даже по одному этому памятнику выделять особую, тельманскую АК [Литовченко 1969; Рогачёв, Аникович 1984]. За полвека, прошедших со времени открытия Костёнок 8/II, ни одного аналога этому памятнику в пределах Восточной Европы так и не появилось. Но, в действительности, аналоги ему известны давно — в Западной Европе, в Средиземноморье.

Первым, кто указал на сходство Костёнок 8/II со средиземноморским палеолитом, в частности, с гротами Ментоны, был П.П. Ефименко [Ефименко 1953: 325]. Впоследствии к этой проблеме вернулся А.А. Синицын [1997], отметивший, что наиболее близкие аналогии Костёнкам 8/II «дают комплексы раннего и среднего этапов эпиграветта Северной Италии типа грота Пагличчи, Романелли, Арен Кандид времени интерстадиала Ляско. С учётом контекста, в первую очередь специфических форм резцов (*a chanfrein*, типа Корбиак, трёхгранных и др.) вполне реальной представляется аналогия индустрии II культурного слоя Тельманской I-Iа слоям Корбиак. Дополнительным аргументом является однотипность и сходство во взаиморасположении жилищ этих стоянок...» [Синицын 1997: 61–62]. А.А. Синицын отказывается интерпретировать столь далёкие аналогии, — не только в про-

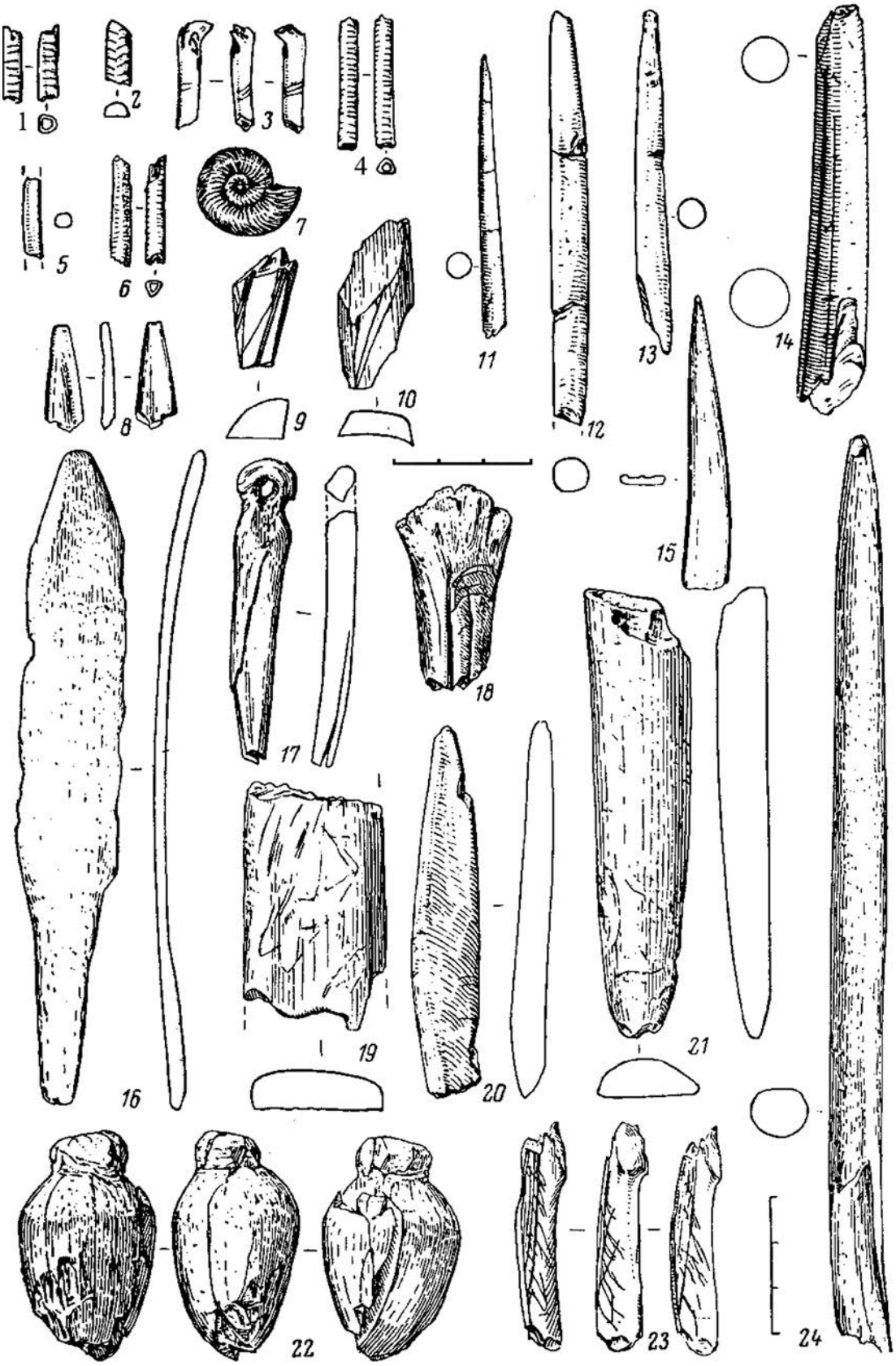

Рис. 74. Костёнки 8/II. Костяная индустрия и украшения

странстве, но и во времени, — отмечая лишь, что «ни миграционная, ни диффузионная, ни генетическая (возникновение от общего предка) объяснительные модели для их интерпретации не подходят [Синицын 1997: 63].

Поднимая ту же проблему «дальних аналогий» на примере Мальты и Бурети, с одной стороны, и памятников «восточного граветта», с другой, М.В. Аникович не столь скептичен в отношении миграционной модели [Аникович 1997]. Бесспорно однако, что общего решения проблемы дальних аналогий быть не может; в каждом конкретном случае необходимо применять конкретную объяснительную модель, сообразуясь со всей совокупностью данных. И очень важно, что в отношении Костёнок 8/II эта проблема теперь базируется на сопоставлении её не со Средиземноморьем вообще, но с конкретными средиземноморскими индустриями.

4.6. Проблема взаимодействия архаичных и развитых культур РВП в Костёнках

В европейском палеолитоведении эта проблема поднята уже давно, поскольку в РВП в разных частях континента неизменно прослеживается сосуществование симбиотических («архаичных») и развитых верхнепалеолитических АК. Первые, как правило, выводятся из местных, европейских вариантов мустье. К ним относятся: шательперрон и улуццо Западной Европы; селет, линкомбьен, богунисьен Центральной Европы; костёнковско-стрелецкая и городцовская АК Восточной Европы. Вторые чаще всего трактуются как пришлое явление. Это различные варианты ориньякоидного ТК, а также индустрии типа Костёнки 14/IVб, пока не получившие своего определения даже в рамках ТК.

4.6.1. Аккультурация как вариант социокультурной адаптации

Когда археологи говорят о процессах адаптации, они обычно подразумевают те или иные варианты приспособления человеческой культуры к изменяющимся природным условиям. Но, в действительности, это лишь один из аспектов явления, называемого «адаптацией». С нашей точки зрения, не менее, а, может быть, и более значимым является другой аспект — социокультурная адаптация, приспособление носителей разных культурных традиций друг к другу и создание на этой основе принципиально новых моделей поведения (культурных традиций). То, что происходило на Европейском континенте в процессе становления там верхнего палеолита, связано именно с таким вариантом адаптации.

В самом деле, можем ли мы утверждать, что указанный процесс на территории Европы явился результатом воздействия некоего географического, природного фактора на человеческую культуру? — С учётом того, что нам уже известно о времени и обстоятельствах становления европейского верхнего палеолита, ответ будет однозначным: нет, не можем. Против этого свидетельствует сам факт, что данный процесс «растянулся» на срок не менее 20.000 лет и протекал в разных регионах в заведомо различных природных условиях. Его невозможно однозначно связать ни с колебаниями климата в сторону похолодания/потепления, ни с тем или иным видом ландшафтов. Точно так же не следует переоценивать демографический фактор. Ведь сам факт предполагаемого «демографического взрыва», приведшего к изменениям планетарного масштаба, требует и более существенных доказательств, и объяснений (детальнее см.: [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 278–294]).

В этой связи представляется, что ключевую роль в процессе становления верхнего палеолита на Европейском континенте играли не адаптации культуры к изменяющимся природным условиям, а взаимные адаптации друг к другу принципиально различных культурных традиций — средне- и верхнепалеолитической. До сих пор явления такого рода определялись как *аккультурация*.[1]

[1] Термин «культурная традиция» обычно используется нами при характеристике АК. Но в данном случае термин «традиция» (средне- и верхнепалеолитическая) понимается гораздо шире. Здесь подразумеваются и технико-типологические характеристики каждой из этих двух эпох, и образ жизни («поведенческие стереотипы» или «стратегии», т.е. способы освоения окружающей среды — добыча сырья, охотничье-собирательская деятельность), и социальная организация коллективов — постольку, поскольку обо всем этом мы можем судить на основе археологических данных. К сожалению, здесь наши возможности очень и очень ограничены. Так, например, у нас есть чисто умозрительные основания предполагать различия между социальными организациями неандертальцев, с их типично мустьерской культурой, и тех, кто принёс на территорию Европы древнейший развитый палеолит. Однако дать научно обоснованный ответ, *в чём именно* состояли эти различия, мы не можем.

Архаичный облик симбиотических культур РВП Европы, а также несомненная в одних случаях и вероятная в других связь их с неандертальцами уже неоднократно заставляли исследователей искать объяснение их возникновения в воздействии пришлой, более развитой верхнепалеолитической культуры. Согласно традиционной точке зрения, обогащение селета верхнепалеолитическими элементами явилось следствием контактов с ориньяком [Prošek 1953; Валох 1969; Allsworth-Jones 1990]. В качестве причины или, по крайней мере, катализатора возникновения шательперрона тоже издавна рассматривается появление на западе Европы ориньяка [Bordes 1968: 62; Mellars 1996: 416–417].

В отечественной археологической науке разработка идеи аккультурации как одного из важнейших факторов возникновения принципиально новых культурных явлений началась уже в конце XIX в. Однако на первых порах она велась в областях, далёких от палеолитоведения — преимущественно, в античной и восточной археологии. Мысль о «культурном общении» или взаимопроникновении культур как факторе и стимуле формирования новых культурных общностей встречается в этот период в публикациях и набросках Н.П. Кондакова, В.Р. Розена, Н.Я. Марра [Толстой, Кондаков 1889: I-II; Марр 1909]. В начале 1920-х гг. видный этнограф А.Н. Генко определяет «идею скрещения» как одну из универсальных идей, которая «заключает в себе ключ к пониманию всякого подлинного естественно-исторического и культурно-исторического становления...» [Генко 1923: 121]. Вряд ли мы ошибёмся, сказав, что в 1 трети XX в. идея буквально носилась в воздухе. Почти столетие спустя, на рубеже XX-XXI вв., Л.С. Клейн отметит плодотворность указанного направления научного поиска в отечественной археологии, назвав его post factum «комбинационизмом» [Клейн 2005; 2007].

Первая серьёзная разработка идеи аккультурации в теоретическом плане была предпринята выдающимся русским этнологом П.Ф. Преображенским. Этот учёный принадлежал к числу тех, кто всерьёз пытался в 1920-х гг. вырабатывать *марксистские* методы исследования культурных явлений. Разумеется, с наступлением «Великого перелома», его, действительно, интересные разработки были признаны уже *антимарксистскими* и не смогли получить дальнейшего развития в советской науке.

Взаимодействие и взаимопроникновение культур представлялось П.Ф. Преображенскому одной из основ процесса исторического развития человечества. Он подчёркивал важность проблемы культурных заимствований, указывая, что, если эволюционисты уделяли ей неоправданно мало внимания, то культурно-историческая школа трактовала их слишком прямолинейно [Преображенский 1929: 27]. Между тем, «механизм аккультурации» функционировал совершенно по-разному, когда дело касалось технических изобретений, форм хозяйства или форм духовной культуры. В то же время, «живая жизнь» во все времена состояла «не только в исполнении уже определённо и точно фиксированных норм, но и в их постоянном нарушении...» [Там же: 28–29].

Очерчивая ситуацию в области изучения верхнего палеолита, П.Ф. Преображенский подчёркивал, что все имевшиеся на тот момент научные классификации основаны на разработке исключительно западноевропейского материала, в то время, как «доисторическая археология других стран находится в зачаточном состоянии». Но трудно себе представить, что даже в Западной Европе имеющиеся схемы отражают собой, действительно, полную картину эволюции каменных орудий. Можно ли утверждать, что ориньяк генетически связан с солютре, а солютре с мадленом? — По мнению исследователя, здесь мы, скорее, «имеем дело с *различными культурными напластованиями, не всегда возникшими на европейской почве* (курсив наш, — *авт.*)» [Там же: 37–38].

После ареста и расстрела П.Ф. Преображенского в 1937 г. труды его надолго оказались забыты [Иванова 1999]. В палеолитоведении идею аккультурации как определяющего фактора формирования европейского верхнего палеолита начал разрабатывать в 1970–1980-х гг. Ф. Олсворт-Джонс [Allsworth-Jones 1986: 224; 1990]. Она встретила поддержку целого ряда исследователей [Аникович 1991; 1997; 1999; [2004]; 2007a; Степанчук 2005; 2006; Demars 1990; Kozlowski 1992; Mellars 1996; 1996a; 2000a; 2000b; 2005; Bar-Yosef 2000: 24; 2000a: 12; 2001: 282]. Новые материалы, полученные на Среднем Дону в 1998–2007 гг., не только подтверждают эту концепцию, но и наполняют её новым содержанием.

Прежде всего, надо задать вопрос: случайны ли те парадоксы, с которыми мы сталкиваемся при анализе перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе?

Во-первых, в районах массового распространения и «процветания» мустьерской культуры (Крым, Кавказ, Днестровско-Прутское междуречье) отсутствуют памятники древнейшего верхнего палеолита (45–38 тыс. л.н.). Начало РВП датируется там сравнительно поздно — около 32 тыс. л.н. или даже позднее.

Во-вторых, древнейшие памятники РВП Восточной Европы тяготеют к её центральным и северным регионам, где мустьерское население либо не проживало компактными скоплениями, либо отсутствовало вообще (Средний Дон, бассейны Клязьмы, Камы и Печоры).

В-третьих, материалы Восточной Европы не дают оснований говорить о предшествовании древнейших симбиотических индустрий «развитым». Скорее, наоборот: «развитая» индустрии типа Костёнки 14/IVб оказывается явно древнее наиболее архаичной симбиотической индустрии типа Костёнки 12/III.

В-четвёртых, связь симбиотических культур севера и центра Восточной Европы с культурами мустье южных регионов достаточно очевидна, но проявляется она вовсе не там, где тысячелетиями существовали среднепалеолитические культуры-«прародительницы». Так мустьерские «корни» симбиотических индустрий Костёнковско-Борщёвского района тесно связаны с крымским микоком, однако в самом Крыму нет и следа эволюции микокских традиций в верхний палеолит, хотя бы и «архаичный»[1].

Случайно ли это? — Думается, нет. В качестве рабочей гипотезы выскажем предположение: процесс аккультурации «стартовал», в первую очередь, там, где обе его составляющие — носители верхне- и среднепалеолитической традиций — оказывались пришельцами. Мигранты, не успевшие укорениться и не имевшие сильной поддержки, были равно заинтересованы в устойчивых, мирных отношениях с соседями. В социокультурной адаптации всегда больше нуждались иммигранты, а не автохтоны. Именно встреча на «чужой» территории могла повлечь, вместо реакции отторжения, более-менее плодотворные контакты носителей очень разных культур. Не потому ли наиболее ранние верхнепалеолитические индустрии Восточной Европы — и высокоразвитые, и симбиотические — появляются отнюдь не в районах концентрации мустьерских памятников, а, напротив, там, где их не было?

В Костёнковско-Борщёвском районе до сих пор не выявлено никаких следов мустьерского населения[2]. Но факт остаётся фактом. Именно здесь обнаружены древнейшие местонахождения верхнего палеолита не только Восточной Европы, но и всего Европейского континента. Напомним, что I хронологическая группа включает памятники, как «развитого» ВП (индустрии типа Костёнки 14/IVб, Костёнки 17/II), так и симбиотического (Костёнки 12/III). Причём те и другие появляются тут в период ~45–40 тыс. л.н. — *одновременно или с очень небольшим хронологическим разрывом*.

В настоящий момент можно предложить следующий вариант объяснения данного феномена. В период 45–40 тыс. л.н. в центре Русской равнины происходит «встреча» двух или более потоков переселенцев — носителей верхнепалеолитических культурных традиций, с одной стороны, и мустьерских, с другой. Последние, скорее всего, мигрировали с юга — из Крыма или с Северного Кавказа. По какой причине часть среднепалеолитического населения Северного Причерноморья была вынуждена уйти с земли своих предков? — По этнографическим и историческим аналогиям мы можем предложить целую серию гипотез на этот счёт. Но не они суть важны. Важно другое: древнейшая симбиотическая культура РВП Восточной Европы — костёнковско-стрелецкая — возникает как бы на пустом месте, вдали от «исторической родины», с которой её связывают многочисленные и типологически выраженные «пережитки мустьерского прошлого». Она возникает в центре Русской равнины, куда, по-видимому, пришли носители микокских традиций и где они сразу же столкнулись с другими пришельцами — населением, принесшим в Европу типичный («развитый») верхний палеолит. Взаимная адаптация двух волн мигрантов и послужила основой, на которой сложилась совершенно оригинальная верхнепалеолитическая традиция с множеством «архаичных» элементов — симбиотическая костёнковско-стрелецкая культура.

Если древнейшие симбиотические памятники РВП Среднего Дона обнаруживают преемственную связь со средним палеолитом юга Восточной Европы, то о месте «исхода» мигрантов, принесших на Средний Дон культуру развитого верхнего палеолита, пока можно только догадываться. Любые, даже самые смелые предположения на этот счёт заслуживают внимательного рассмотрения. Так М.В. Аникович не исключает возможности, что ими могли быть переселенцы из Южной Сибири, где ныне зафиксирована одна из древнейших ориньякоидных верхнепалеолитических традиций Евразии (усть-каракольская) [Аникович 2007а: 13].

Попытка объяснить процессы, происходившие в Европе в период 45–40 тыс. л.н., с помощью аккультурационной модели требует ответа на вопрос: какие конкретные археологические материалы сви-

---

[1] На примере Крыма мы можем наблюдать, что «прогрессивные» носители верхнепалеолитических традиций длительное время, раз за разом вытеснялись за пределы территории, прочно обжитой местными неандертальцами. Автохтонное население региона тысячелетиями успешно отстаивало свой прежний образ жизни и культуру [Степанчук 2006; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007].

[2] Первым намёком на то, что в Костёнках может быть найдено и мустье, послужило открытие стоянки Костенки 12/V. Однако имеющиеся материалы — 2 изделия с вторичной обработкой, хотя бы и архаичные на вид — никак не могут явиться решающим аргументом в этом вопросе (см.: 4.4.1.1).

детельствуют об этом процессе? Если таковых не окажется, то неизбежен вывод: сама модель — не более, чем спекулятивное построение. Указанный вопрос уже неоднократно ставился в ряде современных работ, но обычно сама постановка проблемы грешила некоторым упрощением.

«Аккультурация по определению предполагает заимствование каких-то культурных черт. В случае с Италией трудно определить, что же именно местные мустьерские группы заимствовали у пришлых верхнепалеолитических популяций. Трудно объяснить в этом случае и временной разрыв между появлением ориньяка и ранним улуццо...» [Kuhn, Bietti 2000: 70]. Приведённая цитата не оставляет сомнений: указанный процесс понимается коллегами, как однозначно прямое и одностороннее заимствование неандертальцами некоторых элементов развитых культур. Против столь упрощенной трактовки идей заимствования и аккультурации ещё в 1920-х гг. выступал П.Ф. Преображенский.

По его мнению, проблему заимствований в культуре нельзя понимать «чересчур механически, не обращая внимания на сложный механизм культурного взаимодействия, который при этом функционирует...» [Преображенский 1929: 27]. «Проблемы корреляции и аккультурации» ученый считал «наиболее важными теоретическими проблемами современной этнологии», для разработки которых необходимо «более точное изучение фактов» [Там же: 28]. Это означало, что в каждом конкретном случае требуется изучать условия, в которых происходит аккультурация, и заострять внимание на том, не появились ли в результате её какие-то элементы, которых не было раньше ни в одной из взаимодействующих культурных традиций? Вводя понятия «типа культурного взаимодействия» и «ёмкости культуры для восприятия», П.Ф. Преображенский подчёркивал «различие в функционировании механизма аккультурации», в случае восприятия инноваций различного рода — технических изобретений, хозяйственных форм и форм духовной культуры [Там же].

На наш взгляд, процесс влияния развитых верхнепалеолитических сообществ на мустьерские (точнее, на их часть), действительно, не стоит понимать «слишком механически». Конечно, прямые заимствования тоже имели место, и проследить их нетрудно — по крайней мере, для некоторых регионов [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007]. Примером такого прямого или почти прямого заимствования могут служить материалы костяных индустрий стоянок Костёнки 8/II (тельманская культура) и 14/II (городцовская культура). Подобное сходство, действительно, может объясняться влиянием развитой тельманской АК на архаичную городцовскую, поскольку степень этого сходства такова, что если бы не разительные отличия каменных индустрий, оно могло бы служить очень серьёзным аргументом в пользу однокультурности этих памятников.

Тем не менее, если бы дело ограничивалось одними прямыми заимствованиями, едва ли эти последние смогли бы решительным образом повлиять на мустьерский культурный мир и способствовать его трансформации (пусть частичной!) в верхнепалеолитический. Суть аккультурационной модели, рассматриваемой нами как отражение социокультурной адаптации, как раз и заключается в том, что часть среднепалеолитического населения, реально включившаяся в РВП в процесс аккультурации, не ограничилась прямыми заимствованиями из чужой культуры. Под влиянием своих верхнепалеолитических соседей, она стала менять привычную технику скола и создавать на этой базе нечто принципиально новое. Результатом явилось формирование совершенно оригинальных симбиотических культур РВП, которые в процессе своего развития становились все более и более «типично верхнепалеолитическими».

Этот процесс особенно ярко отразился в ходе становления костёнковско-стрелецкой АК. Уже на ранних её этапах, несмотря на обилие типично мустьерских форм орудий, в рамках её возникает принципиально новая технология: т.н. техника тонкого бифаса. Эта техника неизвестна в среднем палеолите, зато в дальнейшем она получает продолжение в таких высокоразвитых верхнепалеолитических культурах, как западноевропейское солютре и североамериканская кловис.

Таким образом, речь идет о *творческом* восприятии чужих социокультурных характеристик, о *творческой переработке*, на основе этого восприятия, прежних мустьерских культурных традиций и, наконец, о возникновении на этой основе принципиально нового явления — симбиотических АК, в сущности своей уже верхнепалеолитических, но сохранивших ряд характеристик, свидетельствующих о мустьерской генетической подоснове.

Можно предположить, что, столкнувшись с рядом принципиально новых индустриальных явлений, создатели симбиотических культур вовсе не старались попросту *скопировать* чужие технологии. Они изначально пошли по иному пути: попытались *заменить* их чем-то своим, оригинальным, что позволяло на практике достигать сходных результатов. Так изобретённая ими техника тонкого бифаса являлась принципиально новой, хотя и основывалась на принципе двусторонней обработки изделия, хорошо известном в среднем палеолите. Будучи много сложнее пластинчатой техники, она, тем не менее, с успе-

хом заменила своим создателям эту последнюю, которую они долгое время упорно не желали «заимствовать». И та, и другая техники приводили к одному результату — оформлению очень ровного, тонкого, острого края (лезвия).

4.7. Антропологические находки в памятниках РВП Костёнковско-Борщёвского района

В Костёнках почти все человеческие остатки, включая настоящие погребения, связаны с памятниками РВП. Материалы эти настолько значимы, что требуют выделения в специальный раздел. Описание ведётся по культурно-хронологическому принципу.

4.7.1. Костёнки 14/IVб

Древнейшей антропологической находкой в Костёнках является коронка зуба 10-летнего ребенка, обнаруженная в культурном слое Костёнки 14/IVб. По мнению автора раскопок, она, «несомненно, принадлежит человеку современного физического типа» [Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004: 53]. Последнее вполне вероятно, хотя, на наш взгляд, детский возраст делает данную находку мало диагностичной.

4.7.2. Спицынская АК

Ненамного моложе предыдущей является вторая одонтологическая находка в Костёнках — третий левый моляр, принадлежавший типичному *Homo sapiens sapiens* (определение В.П. Якимова). Этот зуб найден в Костёнках 17/II. Значение находки определяется тем, что этот памятник относится к числу наиболее ранних ориньякоидных стоянок Европы, а в древнейшем ориньяке других регионов континента антропологические остатки не обнаружены до сих пор, и связь «ориньяка 0» Западной Европы с человеком современного типа обосновывается косвенными данными [Harrold 1989: 704].

4.7.3. Костёнковско-стрелецкая АК

Ни в одном из костёнковских памятников этой культуры антропологических остатков не найдено. Но изучение скелетов из погребений на Сунгире (финальный этап стрелецкой АК) привело антропологов (Е.Н.Хрисанфова, Т.А.Трофимова, А.А.Зубов, Б.А.Никитюк, В.М.Харитонов, А.Г. Козинцев) к выводу, что эти кости, хотя и принадлежат несомненным *Homo sapiens*, вместе с тем, обнаруживают бесспорные неандерталоидные признаки [Сунгирь... 1984].

Судя по ^{14}C датам, включая данные прямого датирования, погребения относятся к финальному этапу существования сунгирского поселения. Их ^{14}C возраст ~23 тыс. л.н. Захоронение мужчины было совершено позже (возможно, значительно позже) парного погребения детей [Homo sungirensis 2000: 41].

В настоящее время по проблеме наличия/отсутствия неандерталоидных признаков у «сунгирцев» ведется ожесточенная дискуссия [Козинцев 2003; 2004; Медникова 2003; 2004]. А.Г. Козинцев обстоятельно и, на наш взгляд, очень убедительно отвечает по всем пунктам критических замечаний в адрес этой гипотезы, включая и данные генетики (точнее — мтДНК), которым М.Б. Медникова придает едва ли не решающее значение в вопросе о возможности гибридизации кроманьонцев и неандертальцев [Homo sungirensis, 2000: 387]. При этом выясняется неадекватность избранного М.Б. Медниковой метода поставленным задачам [Козинцев 2003: 62–63; 2004: 22–23], а также «довольно неточное» изложение взглядов оппонентов относительно генезиса сунгирцев [Козинцев 2004: 19, 25].

Конечный вывод, сформулированный А.Г. Козинцевым, звучит так: «Значительная ценность проведенных М.Б. Медниковой и её коллегами палеоэкологических исследований сунгирской популяции не подлежит никакому сомнению, как и важность палеогенетики для антропологии. Вопрос состоит лишь в том, можно ли считать результаты всех этих исследований альтернативой хорошо обоснованной гипотезе о неандертальском субстрате у сунгирцев. На мой взгляд, нельзя. Обмен мнениями должен продолжаться, и только новые факты позволят подвести окончательный итог» [Козинцев 2004: 26].

Таким образом, радикальный пересмотр прежних воззрений на наличие у сунгирцев неандерталоидных признаков никак нельзя считать установленным фактом; это лишь мнение части антропологов,

вполне убедительно критикуемое их коллегами. Мы, как археологи, естественно, придерживаемся той точки зрения, которая лучше согласуется с археологическими данными — а именно, взглядов А.Г. Козинцева[1] [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 281–294].

Особое значение сунгирских антропологических находок заключается именно в том, что, несмотря на «молодой» возраст, они сохранили целый ряд морфологических признаков, указывающих на неандертальскую праоснову. Возможно, в ходе дальнейших раскопок древнейших стоянок костенковско-стрелецкой АК (Костёнки 12/III, Костёнки 1/V) будут найдены, как в Сен-Сезере, останки настоящих неандертальцев. Это тем более вероятно, что в архаичных шательперронских слоях Западной Европы обнаружены остатки именно *Homo neanderthalensis* [Harrold 1989].

4.7.4. Городцовская АК

4.7.4.1. Описание погребений

В 1954 г. на **Костёнках 14** в основании верхней гумусированной толщи было найдено погребение молодого мужчины (около 25 лет), лежащего на левом боку в сильно скорченном положении, головой на запад (рис. 61: А). Грудь и лицо несколько развернуты книзу, колени подтянуты к груди, руки зажаты между грудью и коленями. Кости кистей рук сжаты в кулаки, при этом первая фаланга среднего пальца правой руки зажата между зубами, левый же кулак находился под правой ключицей, шейным позвонком и под ветвями нижней челюсти, касаясь подбородка. Сильно скорченное положение скелета и некоторые анатомические нарушения свидетельствуют о том, что погребенный был связан (рис. 75). Он лежал на дне могильной ямы, обильно посыпанном красной охрой. Форма ямы овальная (99×39 см), глубина 31–48 см от основания культурного слоя III. Могильный инвентарь отсутствовал.

По представительности костных остатков и степени сохранности скелет с Костёнок 14 — лучшая антропологическая находка в верхнем палеолите Восточной Европы. По заключению антропологов [Дебец 1955] скелет, бесспорно, принадлежит человеку современного физического типа, причем в лицевых костях усматриваются «негроидные» или «папуасообразные» признаки — что отражает скульптурный портрет погребённого, выполненный М.М. Герасимовым (рис. 76).

В настоящее время этот памятник может быть отнесен к городцовской культуре только предположительно. Сама связь погребения именно с III слоем Костёнок 14 далеко не бесспорна: на уровне основания этого культурного слоя какие-либо следы могильной ямы отсутствовали [Палеолит... 1982: 160].

Прямое датирование костных остатков дало неожиданные результаты: 4.705±40 (OxA-7126); 3.730±40 (GrA-9303). По кости из заполнения могильной ямы была получена дата 20.640±170/160 (GrA-18232) [Радиоуглеродная хронология... 1997: 255 см. также: Прил. 2, №№179–181]. Тем не менее, стратиграфическое положение могильной ямы и скелета *под* культурным слоем III не вызывает никаких сомнений, а это исключает возможность его неолитического возраста. Стратиграфически оно, бесспорно, относится к хронологической группе IIA, что согласуется и с радиоуглеродными датами ~31–30 тыс. л.н., полученными для Костёнок 14/III [Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004: 49–50].

В отличие от описанного погребения «негроида», два других погребения, раскопанные на стоянках Костёнки 15 (рис. 63: Б) и Костёнки 12/I (рис. 59: Б), несомненно, относятся к городцовской АК. Однако детский возраст погребённых не позволяет дать им сколько-нибудь точную антропологическую диагностику.

В 1952 г. на **Костёнках 15** было обнаружено оригинальное погребение-склеп (рис. 77–78). В могильной яме (124×80 см., глубина 40 см.), ориентированной в направлении юг-север, на специальном

[1] Складывается впечатление, что в «ликвидации» неандерталоидных признаков у сунгирцев немаловажную, если не решающую роль сыграли заключения палеогенетиков, решительно отрицающих возможность скрещивания неандертальцев и кроманьонцев. В науке нередко возникает ситуация, когда первые результаты, достигнутые новой дисциплиной, быстро «входят в моду» и активно используются в других дисциплинах без должной критической оценки. Так в первой половине семидесятых годов «молодые» радиоуглеродные даты, полученные по Костенкам 1/I, привели кое-кого из наших коллег к весьма далеко идущим выводам, касающимся генезиса виллендорфско-костёнковской культуры. Прошло время, усовершенствовался метод, появилась новая серия дат, вполне согласующихся и со стратиграфическим положением, и с археологическим обликом памятника. Сейчас о былом конфузе не вспоминают. Вероятно, всё же не следует «бежать впереди прогресса», и торопиться отвергать выводы, достигнутые в «своей» дисциплине, ради новых и не всегда хорошо проверенных данных, достигнутых в тех областях, где мы, так или иначе, останемся дилетантами.

Рис. 75. Погребение человека в могильной яме под культурным слоем III на стоянке Костёнки 14 (раскопки А.Н. Рогачёва 1954 г.)

Рис. 76. Костёнки 14/III. Скульптурная реконструкция М.М. Герасимова по черепу погребённого

Рис. 77. Костёнки 15 (Городцовская). Раскоп А.Н. Рогачёва 1952 г. (вид с севера).
Шест стоит у могильной ямы с погребением ребёнка

сиденье из цветной ергенинской глины, устроенном в южном конце могилы, был погребен в сидячем положении ребенок 5–7 лет. Могила была сверху перекрыта кровлей из костей, в состав которых входила лопатка мамонта. Провал перекрытия вызвал смещёние уже полусгнившего тела покойного: голова откатилась в противоположный конец склепа. После этого яма постепенно заполнилась культурным слоем, намытым с соседних участков.

Погребённого сопровождал довольно богатый инвентарь: свыше 70 кремней, в том числе 10 скребков, резец, проколка, крупный костяной кинжал из стенки трубчатой кости мамонта, игла с обломанным ушком. На голове ребенка была шапочка, расшитая более чем 150 просверленными зубами песца. Дно могилы посыпано красной и жёлтой охрой.

Несмотря на плохую сохранность скелета, принадлежность его человеку современного вида не вызывает у антропологов никаких сомнений [Палеолит... 1982: 248]. Из двух радиоуглеродных дат, полученных для этого памятника, более приемлемой является 25.700±250 (ГИН-8020), но и она, вероятно, несколько омоложена.

На **Костёнках 12/I** в 1983 г. был обнаружен скелет новорождённого младенца, приблизительно, 10 дней от роду (определение М.М. Герасимовой). Этот младенец был положен не в яму, а прямо на древнюю дневную поверхность, но при этом засыпан землей. В противном случае его кости неминуемо были бы растащены происходившими здесь интенсивными склоновыми процессами. Между тем, хотя кости и были несколько смещены, устанавливалось даже положение скелета: на спине, несколько завалившись на правый бок (рис. 59: Б). При расчистке этого участка над скелетом в довольно чистом суглинке были отмечены охристые пятна, содержащие около десятка кремневых чешуек. Погребальный инвентарь отсутствовал [Аникович 1987]. Памятник датируется по ^{14}C в пределах 27–25 тыс. л.н.

4.7.4.2. Проблемы культурно-исторической интерпретации погребений на памятниках городцовской АК

Описанные выше погребения на Костёнках 12/I, 14 и 15 настолько различны между собой, что ни о каком едином «погребальном обряде» не может идти и речи. Попытаемся интерпретировать эти различия, вполне осознавая, что интерпретация такого рода всегда субъективна.

На Костёнках 14 молодой человек 24–25 лет был связан и впихнут в очень узкую яму. Перед смертью он сжал кулаки и закусил средний палец правой руки — быть может, от боли и смертельного ужаса перед происходящим. Сама собой напрашивается мысль о том, что похоронили его заживо (казнь? жертва?

Рис. 78. Костёнки 15 (Городцовская стоянка). Погребение ребёнка (вид с севера)

что-то неведомое современному исследователю?). Погребённый был отправлен на тот свет без всякого погребального инвентаря — то есть. без связей с общиной или родом — но, тем не менее, в соединении с охрой — т.е. с надеждой на перевоплощение, на новую жизнь.

На Костёнках 15 5–7-летнего ребенка сопроводили в загробный мир с вполне «взрослым» инвентарем — в явной надежде на то, что в «иномирье» ему предстоит вырасти и стать взрослым мужчиной-охотником[1]. Погребение было совершено с почётом: умершему подготовили загробное «жилище» (склеп под полом реального жилища) и усадили его там на специально подготовленное сиденье.

На Костёнках 12/I был похоронен недавно родившийся младенец, который, по-видимому, ещё не успел приобрести статус «человека», хотя бы и ребёнка. Его попросту вынесли на окраину поселения и положили на землю, даже не посыпав её охрой. Но всё же не выбросили на съедение зверям, а хоть немного позаботились о мёртвом тельце — присыпали его сверху, «укрыли» землей.

Всё это достаточно красноречиво (хотя и очень отрывочно) говорит нам о духовной жизни людей РВП Восточной Европы.

[1] Аналогичным образом , вероятно, следует трактовать и парное погребение подростков на Сунгире. Впрочем, не исключено, что они успели пройти посвящение во взрослые.

4.7.5. Аносовско-тельманская АК

Любопытная антропологическая находка была сделана при раскопках культурного слоя Костёнки 8/II, залегающего в средней части ВГТ. Здесь, у западного края южного жилища (округлое в плане скопление культурных остатков с очагом в центре), в 3 м от очага было найдено скопление мелких обломков черепных и некоторых других человеческих костей, причем многие черепные кости оказались обожжены с внутренней стороны. В антропологическом отношении эти фрагменты не диагностичны, но очень интересны в археологическом плане: трудно объяснять их иначе, чем как следы ритуального каннибализма. Прямое радиоуглеродное датирование этих останков дало результат ~23 тыс. л.н. (Прил. 2, № 129).

4.7.6. Костёнки 1/III (ориньякоидный ТК)

На вскрытом в 1989 г. участке этого культурного слоя, практически разрушенного природными (мерзлотными?) процессами, были обнаружены остатки, по-видимому, могильной ямы, в которой по обычаям того времени находилось большое количество охры (расчищены пятна интенсивно красно-

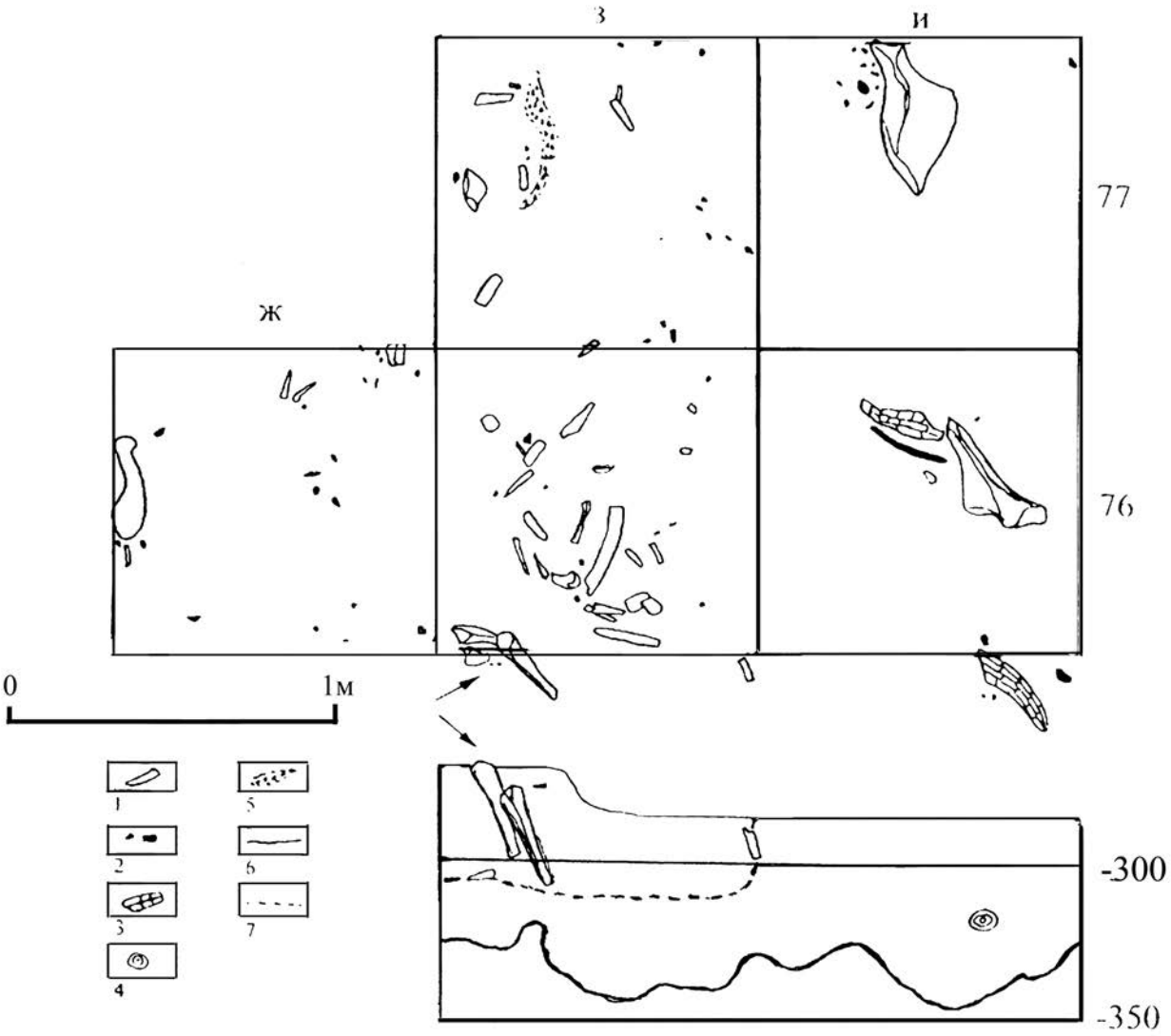

Рис. 79. Костёнки 1 (стоянка Полякова). План и профиль находок в западной части стоянки, на кв. з-и/66–67 (стрелками обозначены человеческие кости). *1 — осколки костей; 2 — кремни; 3 — бивень на плане; 4 — бивень в профиле; 5 — углистое пятно; 6 — нижняя граница деформированной погребенной почвы, вмещающей остатки культурного слоя III; 7 — нижняя граница интенсивно окрашенного слоя*)

го цвета). От скелета остались только две берцовые кости плохой сохранности, обломок тазовой и зуб (рис. 79). Кости определены И.И. Гохманом как *Homo sapiens sapiens*. Найденные на соседних участках крупная ориньякская пластина с перехватом и обломки костяных поделок, возможно, относились к погребальному инвентарю. К сожалению, раскопки памятника были прерваны, и соседние участки остались неисследованными.

По результатам прямого датирования человеческих костей получена дата: 32.600±1.100 (OxA-7073), расходящаяся с компактной серией дат ~26–25 тыс. л.н., полученной для данного слоя (см.: Прил. 2, №125). Впрочем, результаты прямого датирования ряда антропологических остатков РВП, в частности из Костёнок 14, Фогельхерда и др., по меньшей мере, настораживают. Быть может, за счет химической обработки образцов (закрепления костей) мы имеем здесь фактор, влияющий на результаты?

ГЛАВА 5.

«ОРИНЬЯКСКИЙ ЭПИЗОД» В ПАЛЕОЛИТЕ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РАЙОНА

5.1. Определение, хронологические границы

В отечественную археологическую литературу довольно прочно вошло понятие «граветтийский эпизод», под которым понимаются события, связанные с распространением виллендорфско-павловских культурных традиций: миграция населения из Центральной в Восточную Европу и диффузия некоторых центрально-европейских культурных элементов на запад (распространение женских статуэток).

С «граветтийским эпизодом» обычно связывается завершение ранней и начало средней поры верхнего палеолита Восточной Европы. В целом это верно. Однако «тонкая хронология» Костёнок позволяет выявить здесь довольно любопытное культурное явление, непосредственно предшествующее появлению на Среднем Дону носителей виллендорфских культурных традиций, а именно — кратковременное распространение здесь пласта ориньякоидных индустрий. По аналогии с «граветтийским», мы называем это явление «ориньякским эпизодом».

К нему относятся, главным образом, памятники хронологической группы IIIA (см.: 2.3.5). Но, в целом, хронологические рамки «ориньякского эпизода» несколько шире: они включают ориньякоидную индустрию Костёнки 1/III, относящуюся к финалу второй хронологической группы.

Возникает закономерный вопрос: как же быть в таком случае с культурным слоем Костёнки 14/ГВП, который по своим технико-типологическим характеристикам является ближайшим аналогом Костёнкам 1/III? Не логичнее ли связывать начало «ориньякского эпизода» с этим памятником, опуская, таким образом, нижнюю хронологическую границу «ориньякского эпизода» до начала дунаевского потепления (32.000 л.н.)? Или поступить ещё радикальнее и включить в «ориньякский эпизод» ориньякоидные индустрии I хронологической группы — например, спицынскую АК?

Мы считаем такую постановку вопроса неверной по существу. Как будет показано ниже, «ориньякский эпизод» представляет собой достаточно сложное явление, имеющее различные генетические корни и специфические культурные характеристики, отличные от тех, что прослеживаются в более древних памятниках региона, независимо от того, имеют ли они «ориньякоидный» облик или нет. Костёнки 14/ГВП — лишь один из таких генетических источников, приведших к формированию «ориньякского эпизода». Таким образом, начало последнего мы связываем с индустриями типа Костёнки 1/III и близкой ему в культурном отношении индустрии Костёнки 1/II, а завершение — с ориньякоидной индустрией Костёнки 4/I.

Таким образом, данное культурное явление распространяется на Среднем Дону, преимущественно, в период существования памятников хронологической группы IIIA. Начало его уходит в период IIB, а финал — а период IIIB. В «абсолютном» исчислении данный отрезок определяется в пределах 26–23 тыс. л.н. На геологической шкале это самый конец средневалдайского мегаинтерстадиала — начало поздневалдайского похолодания (финал КИС 3 — начало КИС 2).

5.2. Поздний валдай: изменения природной среды и культурные инновации

Влияние изменений природной среды на человеческую культуру является одной из старейших проблем первобытной археологии. Подходы к решению этой проблемы возникают самые противоположные: от утверждения прямой и непосредственной зависимости (т.е.: меняется климат — меняется и культура), до отрицания всякой связи между ними (культурные изменения проистекают безотносительно к изменениям природной среды). Вероятно, подлинное решение будет не столь простым и однозначным.

Культурные инновации, связанные с переходом от среднего палеолита к верхнему, не были обусловлены изменениями природной среды. Как уже было показано выше (см.: 4.6), эта крупнейшая по масштабам и значению социокультурная трансформация определялась, в первую очередь, не внешними (природными), а внутренними причинами[1]. Зато следующий периодизационный «скачок» — пусть и значительно меньший по масштабам (переход от РВП к СВП), по крайней мере, в центре Восточной Европы, оказался напрямую связан с ландшафтно-климатическими изменениями, происходившими здесь в позднем валдае. Культурные трансформации, имевшие место на рубеже КИС 3/КИС 2, привели, в частности, к сложению на Русской равнине совершенно уникального явления: историко-культурной области охотников на мамонтов.

Как уже отмечалось ранее, в Костёнках палинологические характеристики лёссовидных суглинков, перекрывающих верхнюю гумусированную толщу, свидетельствуют о значительном похолодании, приведшем к смене растительного покрова. Преобладающим ландшафтом становится перигляциальная степь, причём в палинологических спектрах лёссовидных суглинков наблюдается (снизу вверх) постоянное возрастание количества пыльцы маревых и полыни за счёт сокращения пыльцы разнотравья. Предполагается, что в стадиальные интервалы климат был сухой, с малоснежными зимами и высокой контрастностью летних температур. Только в оптимуме, выраженном «гмелинской» погребённой почвой, в регионе произрастали островные сосновые, берёзовые и еловые леса.

Однако говорить о «неблагоприятных климатических условиях» первой половины позднего валдая можно лишь в относительном смысле. Для холодолюбивой мегафауны, в первую очередь, мамонтов, эти условия были очень благоприятными. «...Мамонт был адаптирован к весьма узкому диапазону ландшафтно-климатических параметров (резко континентальный, преимущественно аридный, с малоснежной зимой климат, прочная поверхность, доминирование открытой травянисто-кустарниковой растительности...)» [Величко, Зеликсон 2006: 21]. Напротив, потепление климата негативно сказывалось на существовании мамонтов, ибо приводило к деградации многолетней мерзлоты, росту заболоченности и термокарста, а также к увеличению снежного покрова, затруднявшего им добывание корма [Там же].

В свою очередь, людей не могло не привлекать обилие дичи; им не было нужды откочёвывать от богатых природных ресурсов куда-то на юг или запад, в поисках более тёплых мест. Видимо, при наличии богатой добычи, условия перигляциальных опустыненных степей не казались им столь уж суровыми. Но, чтобы выжить в этих условиях, было необходимо создать соответствующую культурную базу, отличную от той, которую имели охотники на лошадей, обитавшие на Среднем Дону ранее — в период РВП. Этого удалось достичь, хотя и не сразу.

«Промежуточным пластом» между культурами РВП и, действительно, глобальными культурными изменениями, связанными с переходом к СВП, и явился так называемый «ориньякский эпизод».

5.2.1. Начало «ориньякского эпизода»: Костёнки 1/III

Это начало, в первую очередь, ассоциируется с памятником Костёнки 1/III (см.: 4.5.3). Он принадлежит верхней гумусированной толще (хронологическая подгруппа IIB). На геологической шкале это конец среднего валдая. Судя по данным палинологии, люди, оставившие указанный памятник, жили в таёжных условиях, обычных для РВП.

Культурный слой Костёнки 1/III, несомненно, связан в культурно-генетическом отношении со слоем Костёнки 14/ГВП, относящимся к хронологической группе I/II.

---

[1] Обусловленность указанного явления именно социокультурными причинами, по крайней мере, на территории Европы и значительной части Азии, является предметом детального рассмотрения в монографии: [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007].

Находки из Костёнок 14/ГВП включают, помимо кремнёвых изделий, несколько подвесок (бусин) из раковин и целый набор костяных пронизок, орнаментированных широкими и глубокими концентрическими круговыми надрезами (рис. 80: 28–32). Автор раскопок А.А. Синицын указывает прямую (и пока единственную) аналогию этим последним в материалах слоя 11 Денисовой пещеры (Горный Алтай). Кроме того, «нечто похожее отмечено в ориньякском слое грота Сукет в юго-западной Франции» [Синицын, 2005в: 172–173].

Культурный слой Костёнки 1/III, вскрытый двумя основными раскопами общей площадью ~150 кв. м[1], залегает в погребённой почве, подвергшейся очень сильным деформациям. Вероятно, они имели мерзлотный характер и происходили в самом начале позднего валдая (до гмелинского оптимума). Несомненно, на раскопанной площади были интересные объекты — остатки жилища и погребение. Но они оказались полностью разрушены эпигенетическими деформациями (рис. 79). О размерах и характере последних даёт представление следующее наблюдение. В слое много древесного угля, в том числе залегающего скоплениями. При расчистке таких скоплений оказывалось, что обожжённый суглинок налегал на углистую массу сверху, то есть очаги были не просто смещены, но перевёрнуты. Сама же углистая масса обычно разорвана на линзы.

В силу указанных причин, говорить о характере планировки поселения, жилищах и т.п. здесь не приходится. Однако наблюдения над фаунистическим составом довольно интересны. Костей мамонта в слое мало — это обычно для II хронологической группы. Но сравнительно невелико и число костей таких промысловых животных, как лошадь, северный олень, сайга. Первое место в подсчётах занимают кости песца. Всё это выглядит необычным для памятников II хронологической группы: суммарный процент костей северного оленя по указанной группе — 1,11%, песца 1,38% [Палеолит... 1982: 224]. В то же время в слое Костёнки 1/III найдены остатки, как минимум, от 18 особей песца (всего 450 костей). Для сравнения: костных остатков зайца обнаружено 3/25, лошади — 2/71, северного оленя — 2/69, мамонта — 1/5, сайги — 1/3, росомахи — 1/17 и т.д. [Верещагин, Кузьмина 1977: 100].

Всего в слое собрано свыше 5.000 каменных предметов, из них ~400 изделий с вторичной обработкой. Преобладает чёрный меловой кремень высокого качества. Техника первичного раскалывания типично призматическая, основная форма заготовки — пластина довольно высоких пропорций. Для нуклеусов (свыше 50 экз.) характерны небольшие размеры, сильная сработанность. Около половины нуклеусов составляют вторичные ядрища для снятия микропластин. Ориньякоидный облик индустрии придают типично «ориньякские» пластины, в том числе очень крупные, с перехватом. Трасологический анализ такой пластины (рис. 81: 2), проведённый Е.Ю. Гирей, показал, что она использовалась для скобления по дереву. Имеются концевые скребки на «ориньякских» пластинах (рис. 81: 9–10), скребки карене. Среди резцов хорошо выражены многофасеточные, близкие к клиновидным ядрищам. Среди боковых резцов имеются такие, у которых резцовый скол снимался с дугообразно ретушированного конца, причём ретушь, переходящая на край, образует форму, близкую к ножам «шательперрон» (рис. 81: 7). Хорошо выражена и количественно, и типологически серия долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской (рис. 81: 6). Микроинвентарь представлен почти исключительно типичными пластинками «дюфур»; микроострия единичны. Количественно невелика, но типологически хорошо выражена группа стамесок.

Костяной инвентарь Костёнок 1/III представлен шильями из грифельных костей лошади (рис. 82: 14–15), лощилами (рис. 82: 16–17), обломками бивневых стержней (рис. 82: 13). Есть украшения: клык лисицы с прорезанным отверстием (рис. 82: 7), раковины моллюсков (рис. 82: 1–6). На некоторых предметах намечен орнамент: параллельные нарезки и насечки, ямочки (рис. 82: 8–10, 12–13).

Для культурного слоя Костёнки 1/III получено 11 радиоуглеродных дат (см.: Приложение 2). Как уже оговаривалось выше (см.: 2.3.4), в определении возраста памятника мы ориентируемся на компактную группу датировок в пределах 26–25 тыс. л.н., тем более, что почва, вмещающая данные культурные остатки, «зажата» сверху и снизу *OSL*-датами ~30 тыс. л.н. [Аникович 2005а: 78; Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006: 85].

По нашему мнению, однокультурность Костёнок 14/ГВП и 1/III более, чем вероятна. Если так, то развитие этой культурной традиции, действительно, похожей на классический ориньяк (хотя и не тождественной ему!), прослеживается на Среднем Дону в промежутке от 32 до 25 тыс. л.н. Было бы очень заманчиво говорить об эволюции данной АК из спицынских культурных традиций, а в дальнейшем свя-

[1] Данные приводятся на 1991 г. Материалы более поздних раскопок Костёнок 1/III (2004–2008 гг.) в данном случае не привлекаются, в связи с ярко выраженной спецификой исследованных участков (см.: 4.4.2.2, рис. 54).

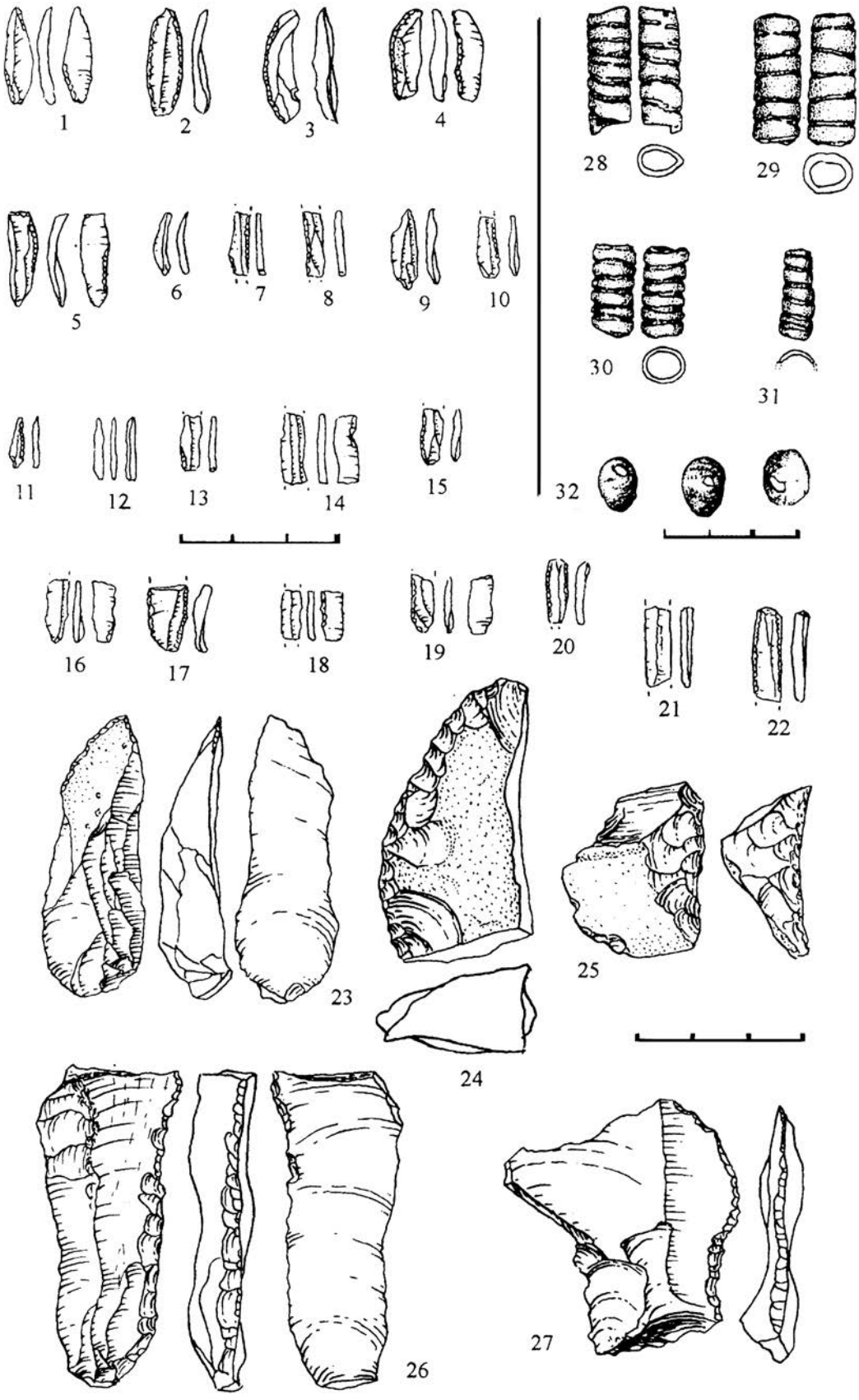

Рис. 80. «Горизонт в пепле» стоянки Костёнки 14 (Маркина гора). Каменная индустрия и украшения. Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт. *По: [Синицын 2002; Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004]*

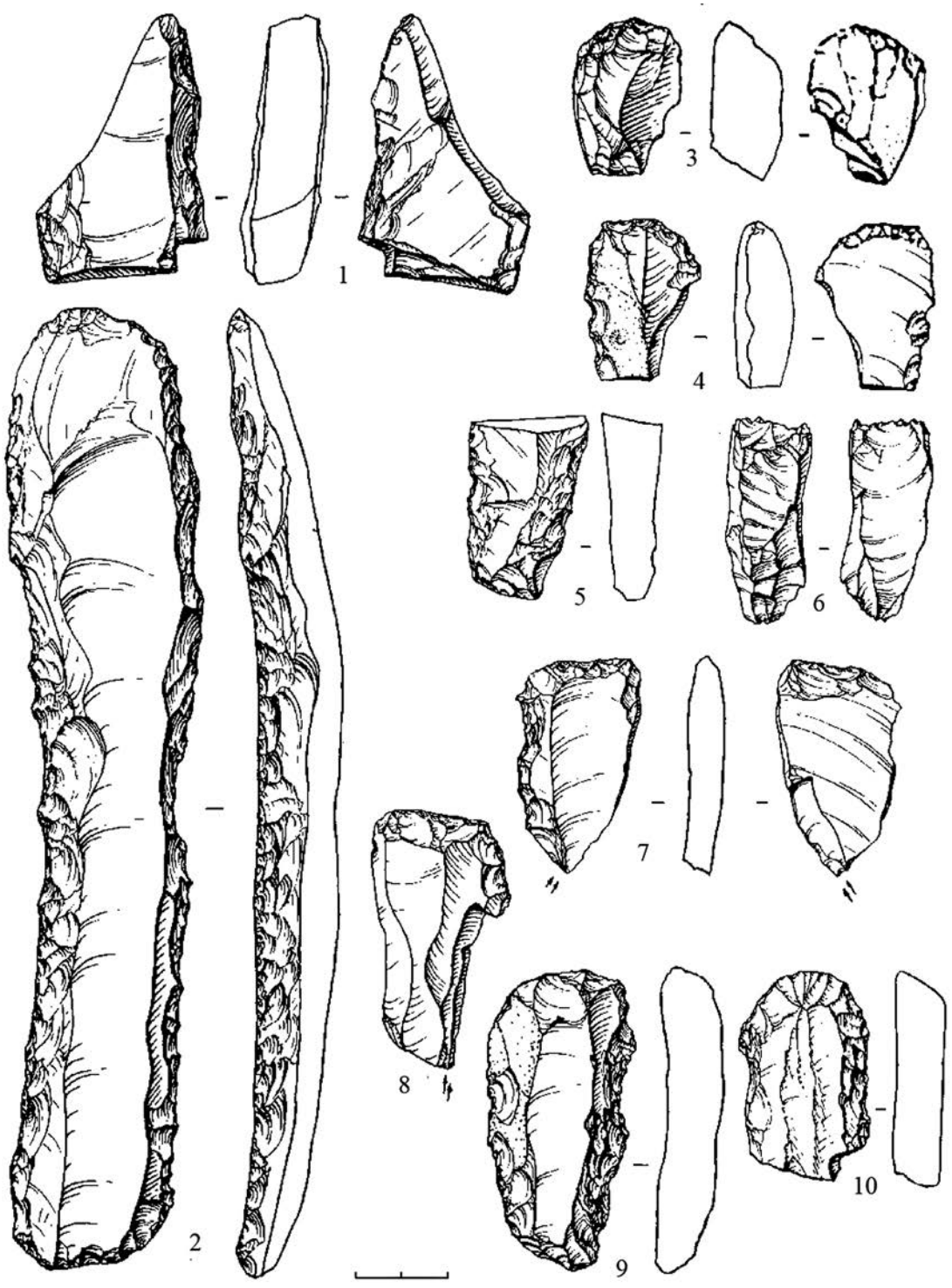

Рис. 81. Костёнки 1/III. Каменная индустрия. Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт

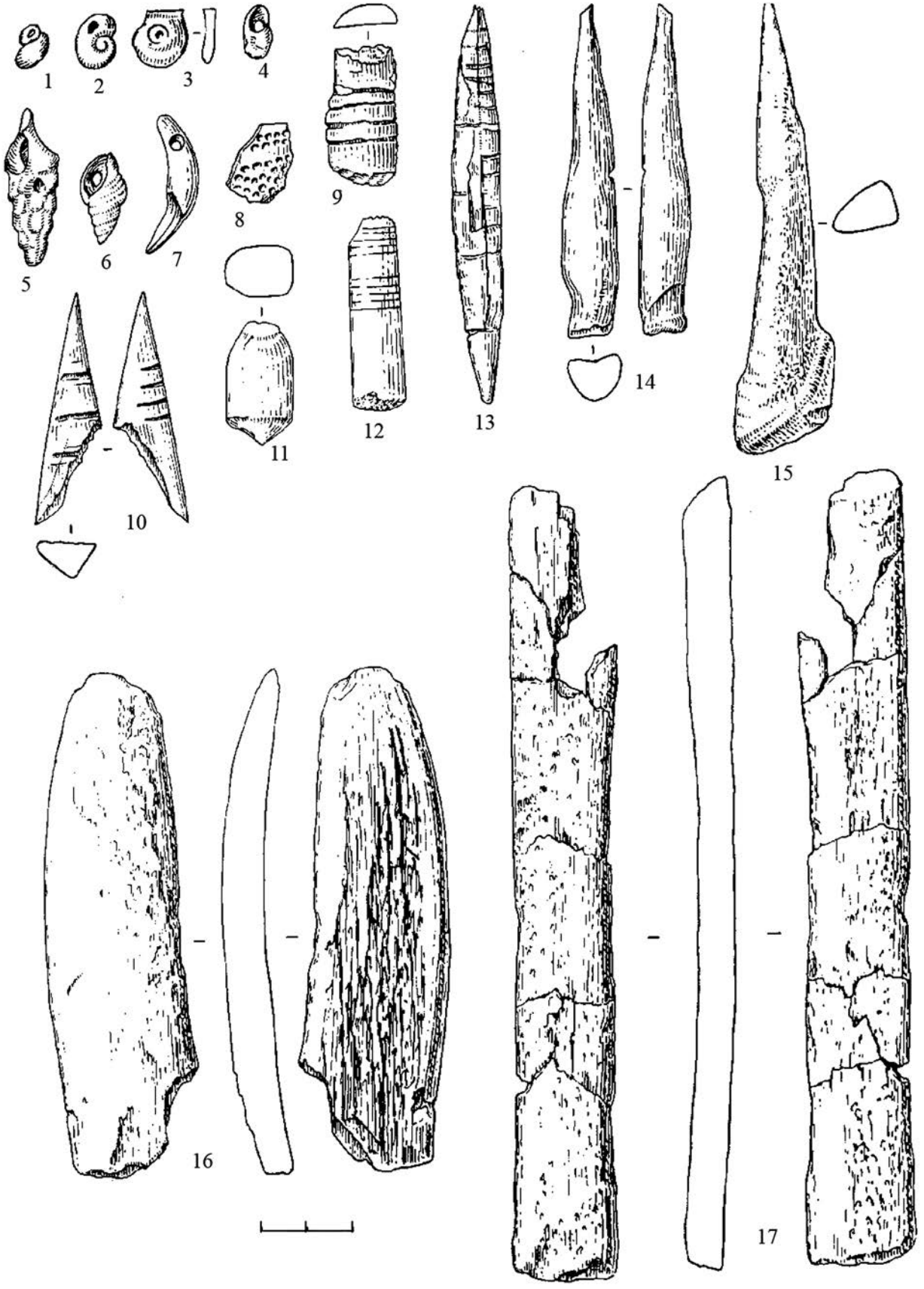

Рис. 82. Костёнки 1/III. Костяная индустрия и украшения

зать эту культуру с ориньякоидными комплексами типа Костёнки 4/верхний слой, залегающими выше верхней гумусированной толщи. Однако на сегодняшний день оба этих предположения не имеют достаточно обоснованной типологической базы и, следовательно, едва ли могут претендовать даже на статус научной гипотезы.

Индустрия Костёнки 1/III обладает известным сходством с вышележащим культурным слоем Костёнки 1/II (рис. 87) — особенно в скребках «карене» и пластинках «дюфур» [Рогачёв 1957: рис. 8, *5,9,10,11*]. Однако этих материалов недостаточно для окончательного заключения (см.: 5.2.3).

В широком плане индустрия Костёнки 1/III принадлежит к числу тех, что позволяют поднять интересную проблему «далёких контактов». Как справедливо отметил А.А. Синицын, «ориньяк III культурного слоя Костёнок 1 по технико-морфологическим показателям ближе ориньяку Корреза, чем ориньякским комплексам Центральной Европы» [Синицын 1997: 61]. В пределах Восточной Европы некоторым сходством с индустрией Костёнки 1/III обладает нижний слой грота Сюрень 1 (Крым), где также имеются скребки «карене», большая серия пластинок «дюфур» в сочетании с микроостриями, многофасеточные резцы, тесно связанные с торцовыми ядрищами, а также выразительная серия долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской. Однако в Сюрени нет ни пластин с ориньякской ретушью, ни орудий, выполненных на таких пластинах. С другой стороны, крупная пластина с перехватом из Костёнок 1/III находит аналогии в ориньякоидном инвентаре Куличивки, но Куличивка, к сожалению, до сих пор во многом остаётся для палеолитоведов «вещью в себе».

Подчеркнём ещё раз: на сегодняшний день в древнейших ориньякоидных индустриях региона (спицынская АК) не отмечены «типологические зацепки», которые позволяли бы предполагать генетическую связь между ними и Костёнками 14/ГВП + 1/III. Такие типологические зацепки можно искать за пределами Костёнок (Крым, Волынь) или в некоторых индустриях III хронологической группы Костёнковско-Борщёвского района. Речь о последних пойдет ниже.

5.2.2. Хронологическая подгруппа IIIA: аносовско-тельманская культура

С наступлением суровых зим и исчезновением (во всяком случае — резким сокращением) лесов прежние лёгкие жилища уже перестали удовлетворять население Среднего Дона. Возможно, переход к новым типам жилищ больших размеров и усложнённой конструкции был связан и с какими-то социальными изменениями, происходившими в новых условиях, но об этом можно только догадываться.[1] Во всяком случае, в Костёнках 8/I мы впервые встречаемся с новым типом жилища. Оно было вскрыто раскопами 1937 и 1950 гг. общей площадью около 170 кв. м. На этом участке были обнаружены остатки округлой полуземлянки диаметром 5,2–5,7 м и глубиной 0,5–0,7 м от древней поверхности, с наклонным входом в западной части и углублённым очагом в центре (рис. 83: Б). Пол обозначался золистой прослойкой, с которой, помимо мелких находок, были связаны крупные кости мамонта, анатомические группы костей волка, а у входа — череп пещерного льва. В полу было расчищено 6 ям-хранилищ. Именно здесь — на полу жилища и вблизи его — была собрана основная коллекция кремнёвого инвентаря (свыше 5.000 экз.).

Набор орудий Костёнок 8/I характеризуется, в частности, большим количеством удлинённых листовидных острий, в том числе двусторонне обработанных (рис. 83–84). Именно по этим формам тельманскую индустрию связывают с центральноевропейской традицией линкомб — ранис — ежмановице, точнее — с ежмановицкой культурой [Chmielevski 1961; Debrosse, Koslowski 1988]. Против этой гипотезы, однако, свидетельствует большой хронологический разрыв между «ежмановицкими» слоями грота Нетопежова (слои 6, 4; из них нижний имеет радиоуглеродную дату ~38 тыс. л.н., а верхний датируется не моложе интерстадиала штилфрид B) и Костёнками 8/I, чей геологический возраст заведомо моложе дунаевского (брянского) интерстадиала. Кроме того, имеются существенные типологические различия в группах орудий, сопровождающих там и там листовидные острия (Палеолит... 1982: 99; Рогачёв, Аникович 1984: 213). Как будет показано ниже, ближайшим аналогом тельманской индустрии является индустрия третьего слоя Костёнок 11, которую из-за найденного там треугольного наконечника, зачастую причисляют к костёнковско-стрелецкой АК [Debrosse, Koslowski 1988: 48] — без достаточных на то оснований.

---

[1] В отличие от предшествующего периода, уже в «ориньякском эпизоде» и, тем более, в СВП, отмечается большая культурная вариабельность типов жилищ. Поэтому жилища, как и другие структурные элементы поселений, описываются далее не суммарно, как в главе 4, а по отдельным культурам.

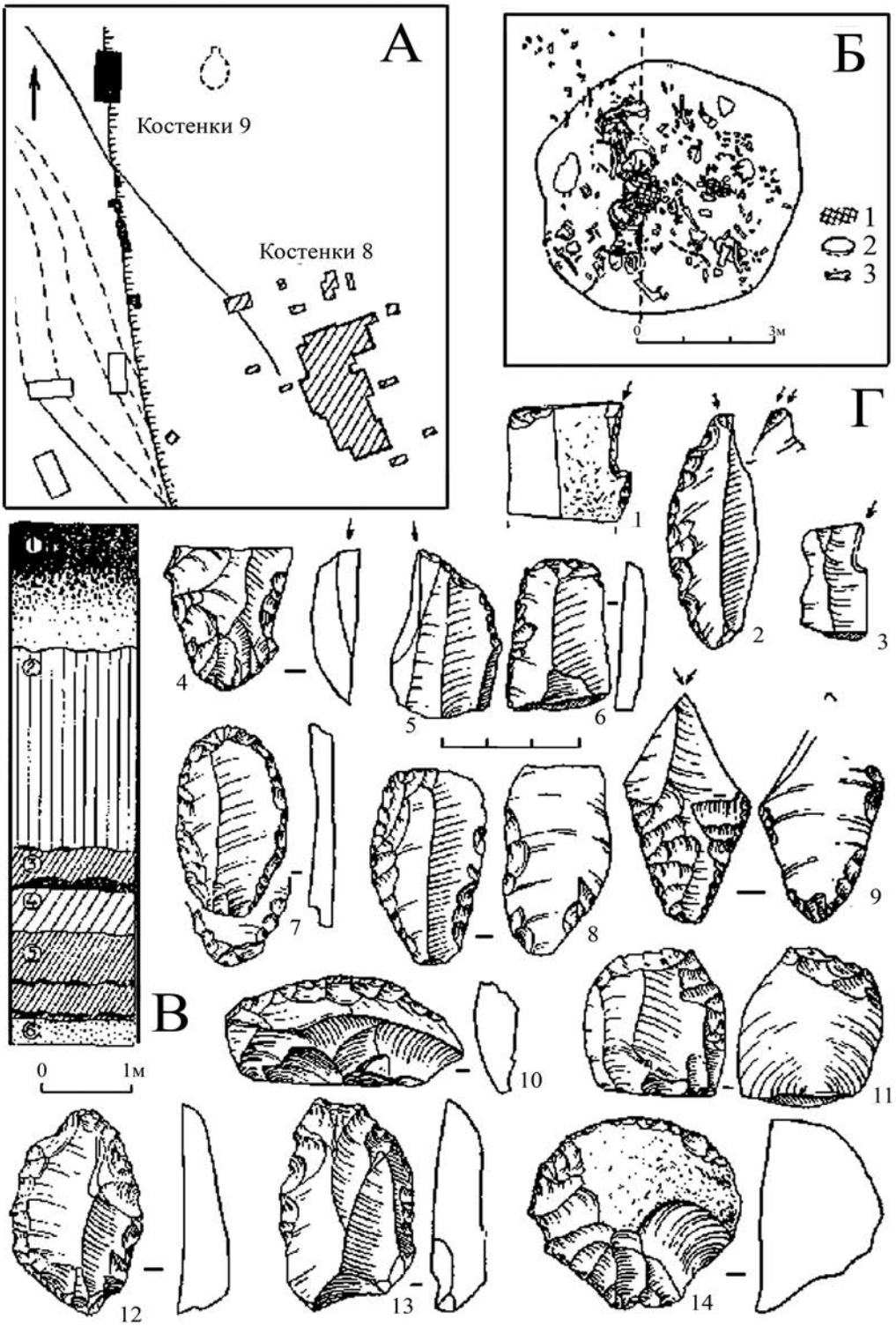

Рис. 83. Костёнки 8 (Тельманская стоянка). *По: [Рогачёв, Аникович, Дмитриева 1982].*
А — схематичный разрез (*1 — современная почва, 2 — лёссовидный суглинок, 3 — ВГТ, 4 — белесый известковистый суглинок, 5 — НГТ, 6 — сеноманский песок*);
Б — план жилища I культурного слоя (*1 — очаг, 2 — ямы-западины, 3 — крупные кости*);
В – кремнёвые изделия из культурного слоя I (аносовско-тельманская АК, ориньякоидный технокомплекс)

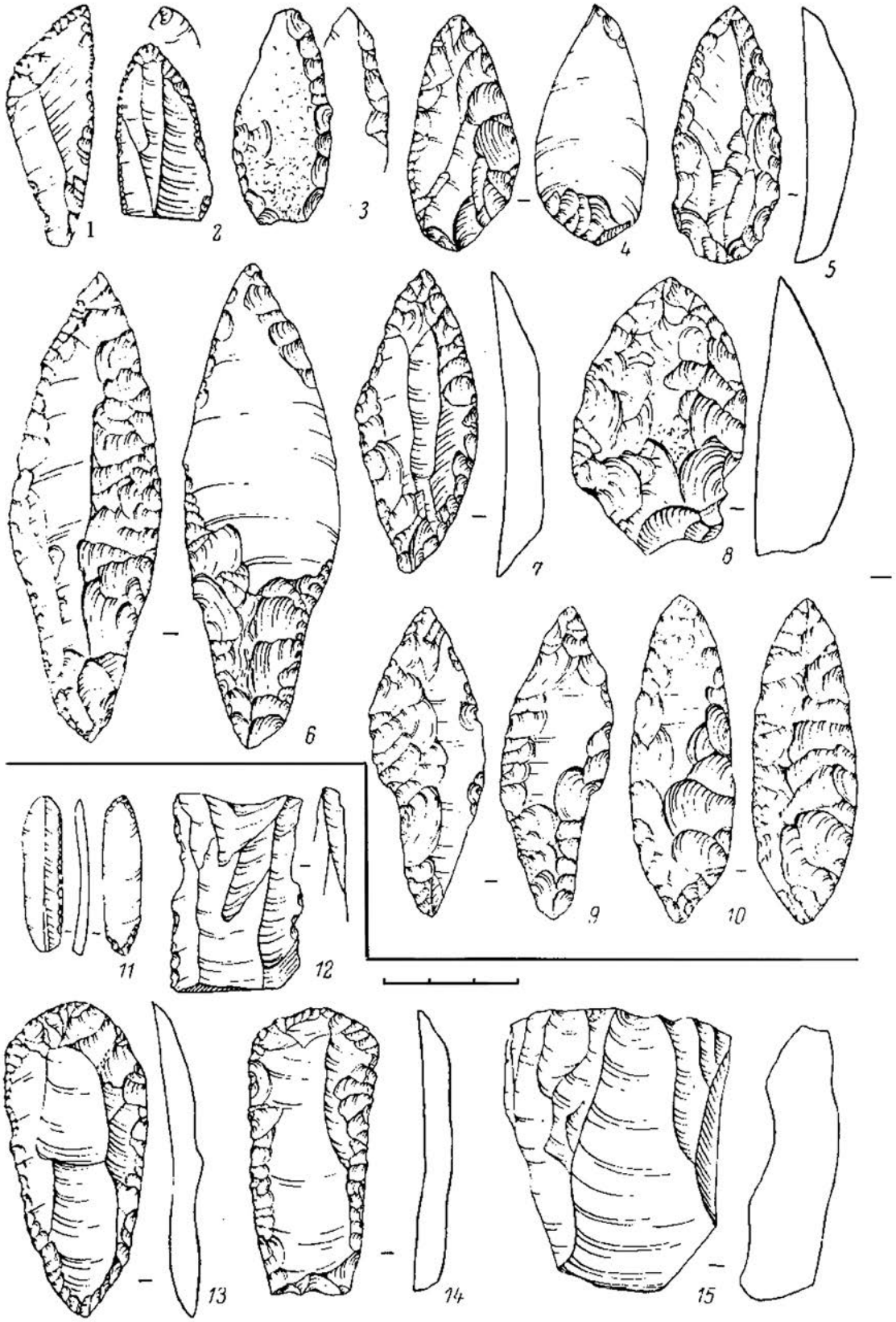

Рис. 84. Костёнки 8 (Тельманская стоянка). *1–10* — кремнёвые изделия из I культурного слоя (аносовско-тельманская АК, ориньякоидный технокомплекс); *11–15* — кремнёвые изделия из культурного слоя Ia (ориньякоидный технокомплекс)

При сравнении коллекций необходимо учитывать разные условия сбора: специфика набора кремнёвых орудий из Костёнок 8/I определяется, очевидно, их нахождением в жилище. Материалы же, собранные в III слое Костёнок 11, происходят с разных участков стоянки: там небольшим раскопом и рядом шурфов была вскрыта площадь менее 40 кв. м.

Жилых конструкций в этом слое не выявлено, но найден слегка углублённый очаг с зольной массой и камнями на дне, а рядом — небольшая плоскодонная яма, в которой были расчищены скелеты двух взрослых волков и двух щенят. Коллекция кремнёвых изделий, собранная с разных участков, насчитывает всего 850 экз. (рис. 85).

Нужно особо подчеркнуть, что, если положение I слоя Костёнок 8 относительно «гмелинской» погребённой почвы в настоящее время не выяснено, то положение III слоя Костёнок 11 в этом отношении не вызывает особых сомнений: он залегает *выше* верха верхней гумусированной толщи, но *ниже* датированной по ^{14}C предполагаемой «гмелинской» погребённой почвы, с которой здесь связан II культурный слой.

Несмотря на такие различия, несомненно, сказавшиеся и на характере коллекций, сопоставление последних выявляет целый ряд сходных специфических черт, позволяющих относить эти памятники к одной АК.

Сырьё обеих индустрий — меловой кремень высокого качества. Обе индустрии основаны на пластинчатой технике. И там, и там хорошо представлена техника резцового скола, часто применявшаяся для переоформления острий. Широко употреблялась чешуйчатая подтёска, причем не только на типич-

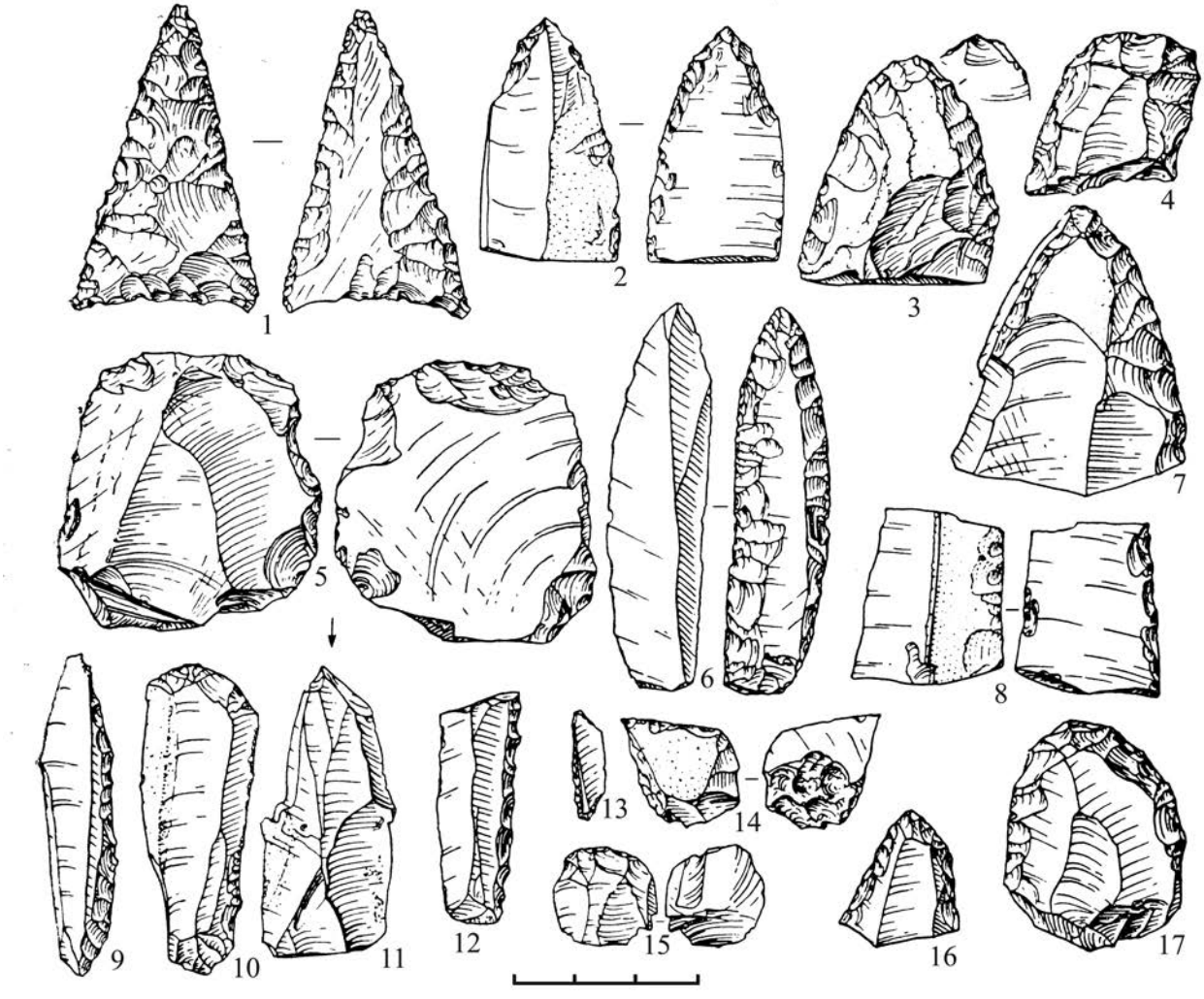

Рис. 85. Костенки 11/III. Каменная индустрия (аносовско-тельманская АК, ориньякоидный технокомплекс). *По: [Рогачёв, Попов 1982]*

ных долотовидных орудиях. Наиболее распространена интенсивная полукрутая краевая ретушь, часто охватывающая весь периметр заготовки. Нередко употребление плоской ретуши, сплошь или частично покрывающей поверхность орудия.

В обеих индустриях присутствуют двусторонне обработанные острия. Однако американский археолог Б. Брэдли, анализировавший эти коллекции с технологической точки зрения, пришел к выводу, что в обоих случаях применялась не техника тонкого бифаса, характерная для стрелецкой культуры, солютре и палеоиндейских культур Америки, а, в сущности, уплощающая односторонняя ретушь, которая могла наноситься вначале на одну, а затем на другую сторону предмета.

Большое сходство прослеживается в типологии основных групп орудий. Сопоставляя их, нужно иметь в виду, что коллекции весьма различны количественно: в Костёнках 8/I собрано свыше 800 кремнёвых орудий, тогда как в Костёнках 11/III их не более 150 экз. Учитывая упоминавшиеся выше различия в условиях нахождения артефактов, мы не вправе ожидать полного совпадения типологических характеристик.

Скребки. Для обеих индустрий обычные концевые скребки на пластинах мало характерны (присутствуют в виде единичных экз.). Наиболее типичны специфические овальные скребки со стрельчатыми лезвиями. В Тельманской стоянке имеются также скребки «с носиком», и округлые высокой формы. В обеих индустриях хорошо выражены резцы (около 15% от общего количества орудий). И там, и там угловые и срединные преобладают над боковыми; и там, и там характерно переоформление в резцы обломков острий.

Острия — в том числе листовидные двусторонне обработанные наконечники — бесспорно, типологически самая выразительная серия орудий в I слое Костёнок 8 (рис. 84: *1–10*). Односторонние острия подразделяются на широкие и узкие, дающие ряд типов (лимасы, одноконечные с выпуклым основанием, скошенные, широкие двухконечные с сильно выпуклыми краями). Листовидные «двусторонне обработанные» наконечники также дают ряд типов, причем для них характерны черешковые формы, отсутствующие, кстати, в ежмановицких индустриях. В подавляющем большинстве случаев (хотя и не всегда) двусторонняя ретушь не сплошная. Как отмечалось, технологически она иная, нежели на так называемых «тонких бифасах».

В Костёнках 8/I острия составляют свыше 25% от общего количества орудий, что, вероятно, связано с фациальной особенностью раскопанного участка стоянки (специфика производственных операций, осуществлявшихся в раскопанном жилище). В Костёнках 11/III острий — целых и обломков, — немногим больше 10 экз. Естественно, они не могут дать того типологического разнообразия и богатства, которое представлено в тельманской индустрии. Но при этом: а) односторонние острия так же подразделяются на широкие и узкие; те и другие находят прямые аналоги в тельманской индустрии; б) целых листовидных двусторонних острий в III слое Костёнок 11 не найдено, но имеются обломки таких орудий, несомненно, связанные с типами, известными в тельманской индустрии (рис. 85: *2*); в) в III слое Костёнок 11 три орудия относятся к особому типу «острий-ножей», у которых вентральная крутая ретушь по одному краю формирует обушок, а плоская вентральная ретушь по другому краю — режущее лезвие (рис. 85: *6*). В I слое Костёнок 8 известно одно незаконченное орудие, аналогичное этим остриям по характеру обработки краёв. Треугольный наконечник «сунгирского типа» в тельманской индустрии аналогов не имеет. Ещё раз подчеркнем: даже несмотря на его присутствие, индустрия Костёнок 11/III технологически отчленяется от костёнковско-стрелецкой культуры и сближается с индустрией Костёнок 8/I [Аникович, Бредли, Гиря 1997: 160–161].

В обоих памятниках распространена чешуйчатая подтёска, применявшаяся не только для изготовления типичных долотовидных орудий, но и для обработки краев и концов иных орудийных форм. В Костёнках 11/III подтёской оформлены лезвия двух своеобразных стамесок (рис. 85: *5*).

Отметим, что в Костёнках 8/I имеется около 15 экз. более или менее типичных скрёбел, отсутствующих в Костёнках 11/III. Подвески и бусы из бивня мамонта, а также из обрезанных тонких трубчатых косточек, клыков песца (всего 10 экз.) известны только в I слое Костёнок 8. Здесь же обнаружен ряд костяных орудий: острия, лощила из рёбер, стержни, обломки орудий с продольными пазами и проч.

В III слое Костёнок 11 было найдено свыше 500 экз. осколков железистых конкреций, использовавшихся для приготовления красной краски, а также 8 обломков сильно стёртых и шлифованных кварцитовых плит и пестов-тёрочников. Эти находки, по-видимому, связаны с особенностями хозяйственной деятельности на раскопанном участке стоянки.

Отмеченное сходство, несомненно, гораздо более значимо для культурного определения, чем близость очертаний отдельных листовидных острий Тельманской стоянки и пещеры Нетопежова. По ком-

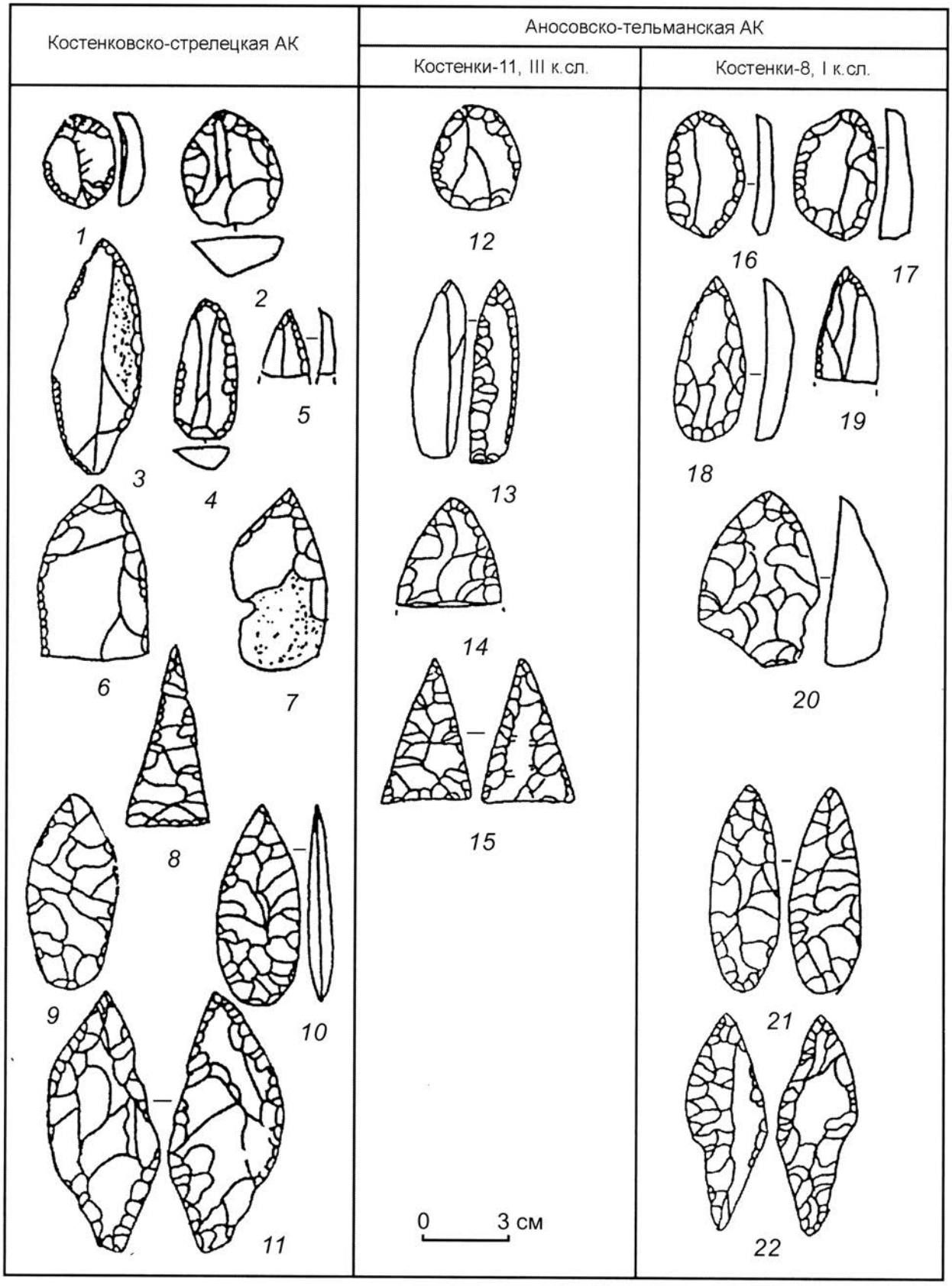

Рис. 86. Типологические параллели между костёнковско-стрелецкой и аносовско-тельманской АК.
По М.В. Аниковичу

плексу специфических характеристик I слой Костёнок 8 и III слой Костёнок 11 — самые близкие друг другу аналоги, что и позволяет определять их принадлежность одной, аносовско-тельманской АК.

Интенсивная полукрутая ретушь краёв пластинчатых заготовок, использовавшаяся как наиболее характерный формообразующий приём, высокие скребки и скребки «с носиком», специфическое применение плоской двусторонней ретуши, технологически отличающееся от её употребления в типично селетоидных индустриях, — всё это свидетельствует о том, что данные индустрии более всего соответствуют ориньякоидному ТК.

Отрицая принадлежность III слоя Костёнок 11 костёнковско-стрелецкой АК, мы, тем не менее, не склонны игнорировать черты сходства между этой индустрией и Сунгирём: помимо треугольного наконечника, они проявляются и в формах подовальных скребков, сужающихся к лезвию, а также острий (рис. 86). Наиболее вероятное объяснение этого сходства — культурная трансформация: вырастание «аносовско-тельманских» культурных традиций из традиций финального этапа костёнковско-стрелецкой АК. Отметим попутно, что в самих Костёнках этот финальный этап обозначается стрелецкими материалами, полученными в самые последние годы (2004–2007) в западной части стоянки Костёнки 1/III [Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006] (см.: 4.4.2.3).

Фаунистический состав обоих памятников также свидетельствует о начале серьёзных перемен в образе жизни их обитателей, по сравнению с РВП. В Костёнках 8/I доминирующим видом среди крупных млекопитающих впервые становится мамонт (117 костей от трёх особей). Остатков лошади намного меньше (15 костей от 2 особей). В Костёнках 11/III кости мамонта и лошади единичны; для сколько-нибудь обоснованных выводов необходимо вскрыть значительно большую площадь. Любопытно, что и там, и там доминирующим видом является волк: 256 костей от 5 особей в Костёнках 8/I и 332 кости от 6 особей в Костёнках 11/III. Возможно, это связано с потребностью в волчьих шкурах, однако, наряду с утилитарными причинами интенсификации охоты на волков, в аносовско-тельманской культуре нельзя исключить и какие-то культовые моменты, о чём свидетельствует упоминавшееся захоронение волков с детенышами в Костёнках 11/III. А, может быть, мы имеем дело с древнейшей из известных попыток приручения животных?

5.2.3. Слабо изученные ориньякоидные индустрии подгруппы IIIA

Костёнки 1/II. Второй культурный слой Костёнок 1 по своему стратиграфическому положению предположительно включается в хронологическую подгруппу IIIA — поскольку вышележащий культурный слой I по совокупности данных (в том числе, большой серии ^{14}C дат относится к подгруппе IIIB (см. Прил. 2). Находки не образуют каких-либо характерных скоплений; очаги или иные объекты отсутствуют; суглинок не окрашен; костей мало. Предметы, относящиеся ко II слою, залегают в лёссовидном суглинке, как бы во взвешенном состоянии. Собрано несколько сотен кремнёвых изделий, в том числе ~100 орудий.

Техника первичного раскалывания типично призматическая, о чём свидетельствует, как характер заготовок, так и 27 нуклеусов. Большинство изделий выполнено из мелового кремня высокого качества, но имеется и цветной кремень. Среди орудий преобладают скребки (свыше 40 экз.). В числе их скребки высокой формы, включая типичные карене (рис. 87: *1*), скребки со скошенным лезвием и краями, обычно расширяющимися к нему, реже — с субпараллельными краями (рис. 87: *6–9*) . Резцов 10 экз., в том числе многофасеточных. Имеется 7 типичных долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской и 5 микропластинок с мелкой краевой ретушью. Костяные орудия, украшения, произведения искусства отсутствуют.

По-видимому, в настоящее время вскрыта окраинная часть поселения Костёнок 1/II; насыщенные участки находятся где-то выше по склону. Ориньякоидный облик индустрии вырисовывается достаточно четко, что же касается культурной принадлежности — имеющихся материалов слишком мало. Всё же отметим, что этой индустрии по типологическому облику наиболее близки материалы нижележащего, III культурного слоя Костёнок 1 (кареноидные скребки из этих слоев являются самыми настоящими двойниками). Не исключено, что с накоплением материалов эти памятники можно будет с достаточной уверенностью определить как однокультурные, пока же можно считать такое предположение рабочей гипотезой.

Фауна крупных млекопитающих исчерпывается лошадью (41 кость от 1 особи) и носорогом (2/1). Если с расширением раскопок лошадь будет по-прежнему доминировать, это может послужить дополнительным аргументом в пользу уже упомянутых культурных связей данного памятника с финалом РВП, и в частности, — с Костёнками 1/III.

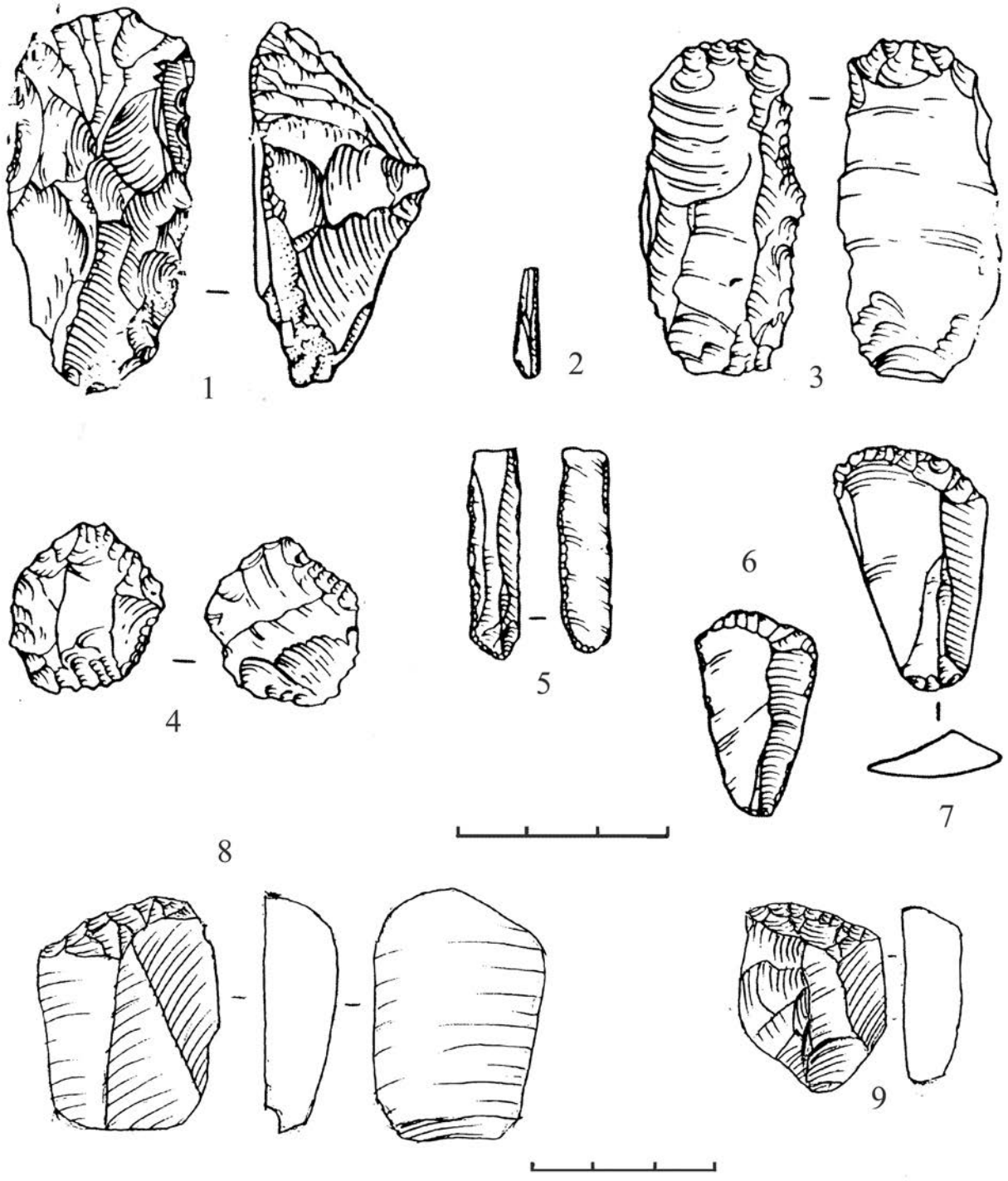

Рис. 87. Костёнки 1/II (стоянка Полякова). Каменная индустрия (ориньякоидный технокомплекс)

Костёнки 8/Ia. Данный культурный слой, открытый А.Н. Рогачёвым в 1951 г., залегал в лёссовидном суглинке ниже основания культурного слоя I и на 0,4–0,7 м выше культурного слоя II. Слой Ia вскрыт на ограниченной площади; основные материалы добыты в 1959 г.

Кремнёвых изделий собрано всего 108 экз., в том числе 1 нуклеус плоского параллельного снятия и 9 орудий (рис. 84: *11–15*). Среди последних выделяются 3 концевых скребка, из которых два с ретушью по краям (один с приострённым основанием и второй с субпараллельными краями и усечённым

основанием) довольно типичны для ориньякоидного ТК. Имеются также два резца на углу сломанной пластины, пластинка с притупленным краем и концами, приострёнными с брюшка плоской ретушью, пластинка с прямоусечённым концом и две пластинки с краевой ретушью.

Материал слишком мал для окончательных выводов. Налицо однако сочетание ориньякоидных и граветтоидных элементов. Наиболее выразительные в типологическом отношении орудия (скребки и пластинка с притупленным краем) находят прямые аналогии в материалах расположенного рядом памятника Костёнки 9 (см. ниже). Логично предположить, что Костёнки 8/Iа и Костёнки 9 — единый памятник. Однако участники раскопок 1959 г., давших наиболее представительные материалы по обоим этим слоям, утверждают, что культурный слой Костёнок 9 по своему стратиграфическому положению залегает *выше* Костёнок 8/I и является на данном участке самым молодым [Літоучанка 1966]. Раскопки Костёнок 9 в ограниченных масштабах были возобновлены в 2006–2007 гг. Но точное положение культурного слоя этого памятника по отношению к верхним слоям Костёнок 8 пока ещё не установлено.

5.2.4. Завершение «ориньякского эпизода»: Костёнки 4/I

Костёнки 4 (Александровская стоянка) находится в устье сливающихся при впадении в долину Дона двух глубоких оврагов — Александровского и Бирючьего логов, в отложениях первой надпойменной террасы. Памятник открыт в 1927 г. С.Н. Замятниным, раскопки были продолжены в 1928 г. П.П. Ефименко. Основные исследования проводились в 1937–1938 гг. А.Н. Рогачёвым. Впоследствии ограниченные раскопки на памятнике предпринимались в 1953 и 1959 гг.

В 1937–1938 гг. памятник воспринимался и раскапывался как однослойный (рис. 88). Однако уже тогда исследователя, по-видимому, терзали серьёзные сомнения. Тем не менее, в первой, предварительной публикации материалов А.Н. Рогачёв приводил аргументы в пользу единства комплексов с «длинными домами» и округлыми полуземлянками [Рогачёв 1940]. Но впоследствии, в 1950-х гг., не без влияния результатов раскопок других многослойных памятников, А.Н. Рогачёв решительно рассматривает Александровскую стоянку как двуслойную, в которой разные культурные слои сближены до слияния, что изначально затрудняло их правильную интерпретацию [Рогачёв 1955].

В последние годы были попытки пересмотреть это положение и вернуться к первоначальной интерпретации. Однако, справедливость разделения материалов Костёнок 4 на два культурных слоя подтверждают раскопки так называемого «Северного пункта» этой стоянки, проводившиеся ещё в 1959 г. Собранная там коллекция кремнёвых изделий по всем основным показателям идентична материалам

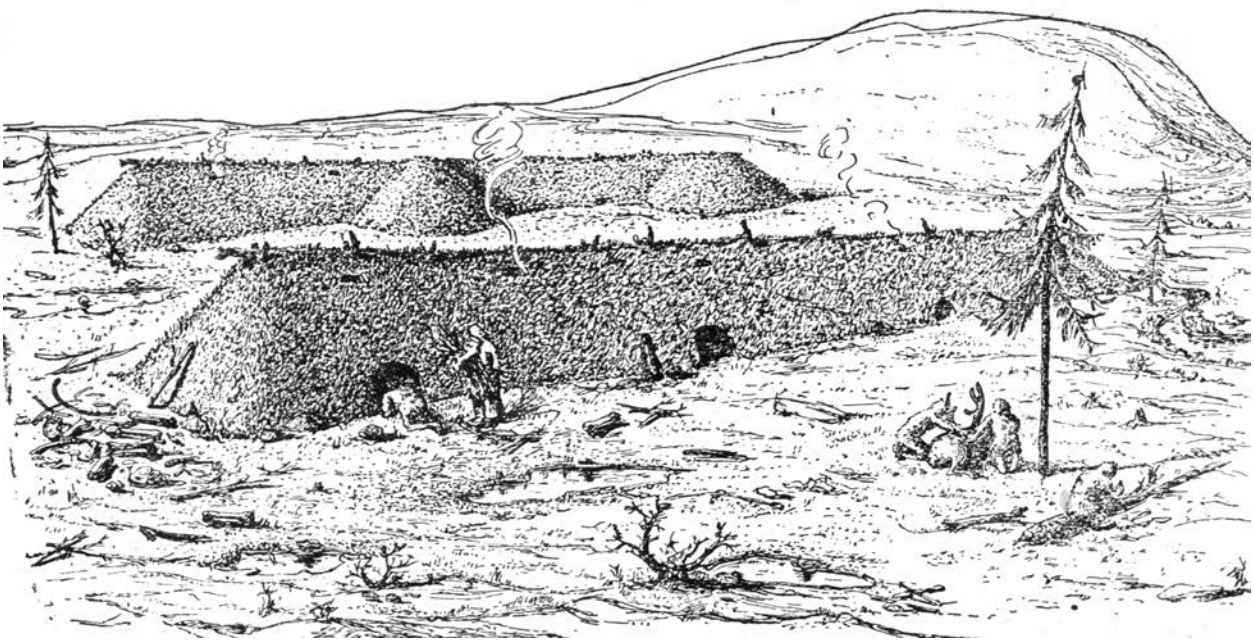

Рис. 88. Первый опыт реконструкции верхнепалеолитической застройки Александровской стоянки (рис. В.Д. Запорожской). *По: [Рогачёв 1940]*

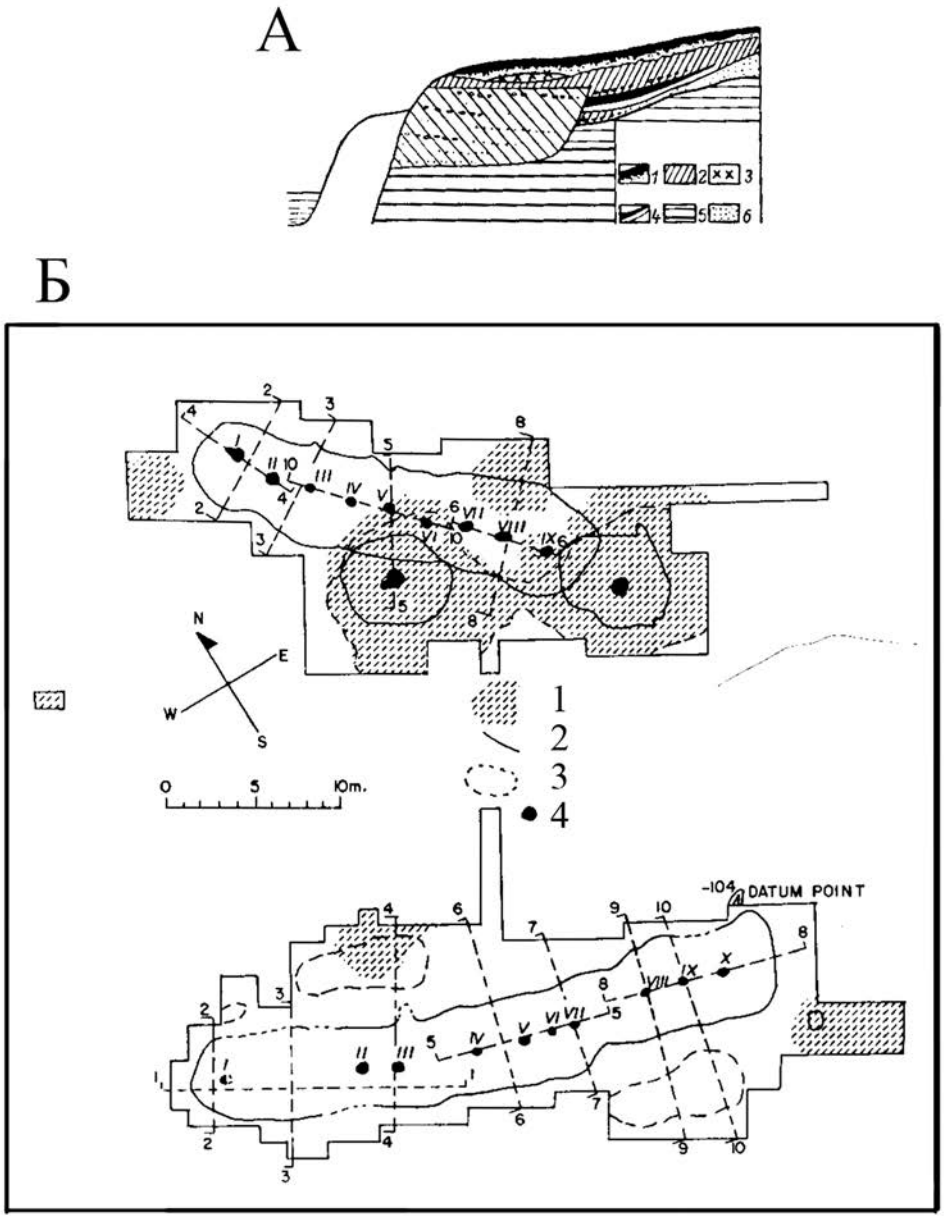

Рис. 89. Костёнки 4 (Александровская стоянка).

А — схема геологического строения *(1 — современная почва; 2 — серо-коричневые суглинки; 3 — культурный слой; 4 — ископаемая почва; 5 — девонские и нижнемеловые глины; 6 — песок). По: [Рогачёв, Аникович 1982];*

Б — план раскопов А.Н. Рогачёва 1937–1938 гг. *(1 — распространение культурных остатков верхнего культурного слоя; 2 — границы жилищ; 3 — распространение культурных остатков нижнего культурного слоя). По: [Klein 1969]*

нижнего культурного слоя и не содержит форм, характерных для верхнего слоя [Палеолит... 1982: 84; Анисюткин 2006: 105–106].

Здесь мы, вопреки обычаю, будем характеризовать вначале верхний культурный слой, индустрия которого явно относится к ориньякоидному ТК и хронологически завершает «ориньякский эпизод» в Костёнковско-Борщёвском районе.

Всего на Александровской стоянке было вскрыто 922 м² площади. Оба культурных слоя залегают в светло-буром лёссовидном суглинке на глубине 0,8–1,0 м от современной дневной поверхности. Слои находятся очень близко друг к другу, местами сливаясь, но, тем не менее, на отдельных участках их разделяет стерильная суглинистая прослойка. Материалы каждого из слоёв достаточно специфичны, в силу чего разделение коллекций особых затруднений не вызывает (рис. 89).

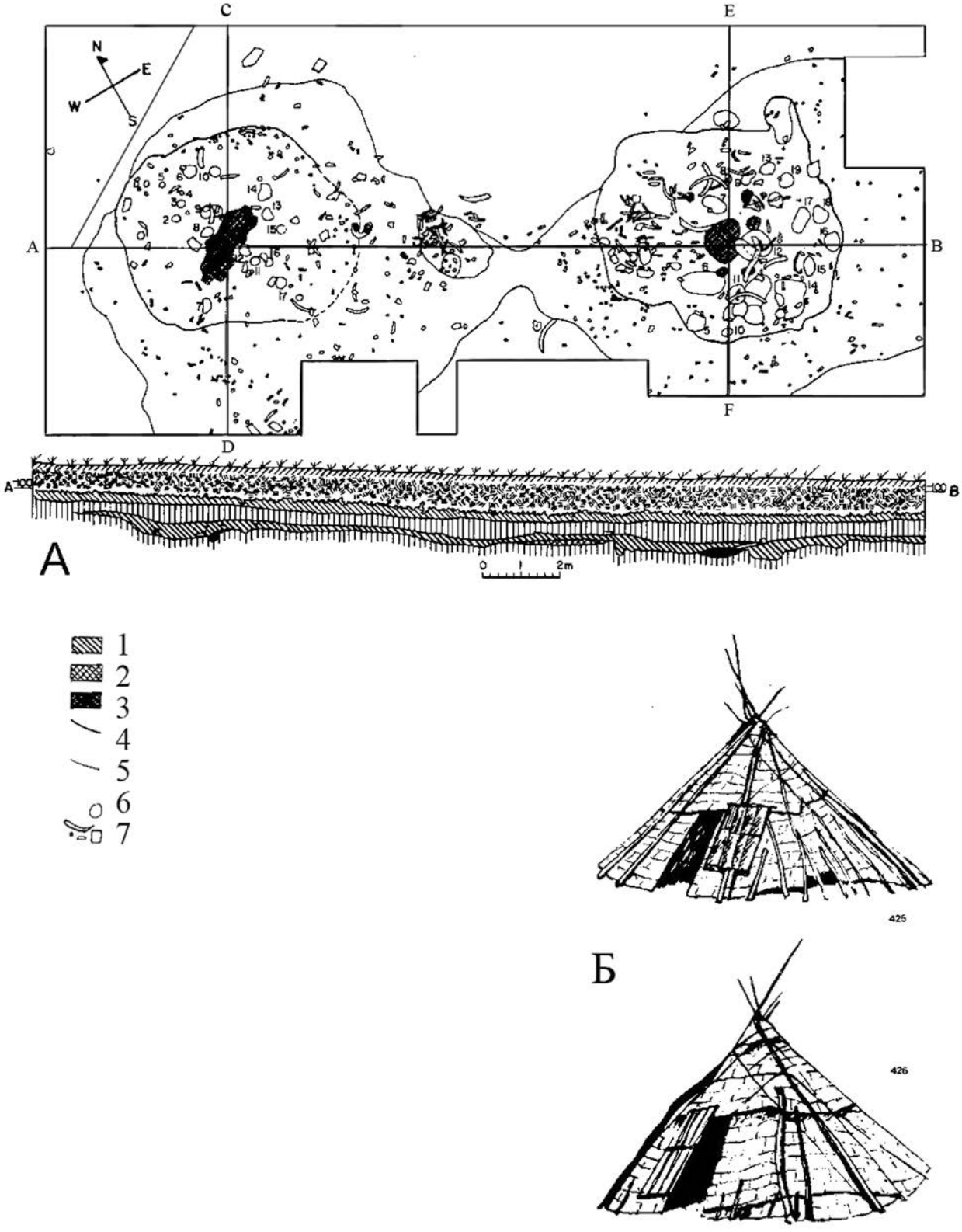

Рис. 90. Костенки 4 (Александровская стоянка).
А — план и разрез участка культурного слоя с округлыми жилищами. *По: [Klein 1969]*
(1 — верхний культурный слой; 2 — нижний культырный слой; 3 — очаги, золные массы; 4 — границы углубленных жилищ; 5 — границы интенсивно окрашенного культурногослоя (верхнего); 6 — ямы; 7 — камни, кости);
В — графическая реконструкция сибирских чумов. *По: [Jelinek 1982: fig. 425–426]*

I (верхний) культурный слой представлен остатками двух округлых в плане полуземлянок с очагами в центре (рис. 90: А). Диаметр каждого из них 6 м, пол углублен неравномерно: у западного края западного жилища на 50 см, а у восточного только на 10 см. Очаги имели довольно сложное устройство: около каждого из них прослеживалось по несколько пекарных ямок. Кроме того, как в полу жилищ, так и за их пределами было вырыто много ямок-хранилищ, причем некоторые из них разрушались новыми или преднамеренно засыпались — факт, свидетельствующий в пользу относительной долговременности поселения с округлыми жилищами. По краям жилых углублений в верхней части заполнения концентрировались камни, возможно, использовавшиеся для укрепления завалинки. Иных конструктивных деталей не прослежено.

Интересна находка двух черепов пещерного льва в средней части заполнения западного жилища. По предположению А.Н. Рогачёва, они могли увенчивать крышу. В этой связи следует вспомнить о находке черепа пещерного льва в жилище Костёнок 8/I.

Между жилищами находилась большая плоскодонная яма, в заполнении которой были кости мамонта — возможно, остатки перекрытия.

Ближайшим аналогом александровским полуземлянкам, несомненно, является жилище Костёнок 8/I (рис. 83: Б). Их сближают размеры, глубина, наличие центрального очага и вырытых в полу ям, а также обнаруженные в заполнении черепа пещерного льва. Эти жилища можно выделять в особый александровско-тельманский тип [Рогачёв, Аникович 1984: 189], знаменовавший собой начало сложной строительной деятельности, которую вели обитатели Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонтов.

Несмотря на сходство жилищ, кремнёвые индустрии Костёнок 8/I и 4/I различаются весьма существенно. Хотя они, бесспорно, принадлежат одному, ориньякоидному ТК, их вряд ли можно объединять в одну АК (разве что для этого появятся новые данные).

Каменный инвентарь Костёнок 4/I богат и разнообразен (рис. 91). Только в жилищах собрано около 16.000 изделий, в том числе около 270 нуклеусов и 1700 орудий. Наряду с меловым кремнем, в качестве сырья использовался кварцит. Основным видом заготовки служили пластины и микропластинки, скалывавшиеся с вторичных торцовых ядрищ. Микропластин с притупленным краем около 400 экз. — самая представительная часть коллекции (рис. 91: *1–3*). У них обычно притупленному краю противопоставлялся выпуклый край, частично обработанный вентральной ретушью. А.Н. Рогачёв сопоставлял эти орудия с «игловидными остриями» Костёнок 8/II [Рогачёв 1957: 91].

Следует отметить, что в Северном пункте Александровской стоянки, идентичном по составу инвентаря нижнему культурному слою, были собраны и микропластинки с притупленным краем, аналогичные вышеописанным. Это дало возможность Н.К. Анисюткину вполне резонно поставить вопрос о возможной принадлежности данного типа орудий к нижнему слою и в основном раскопе [Анисюткин 2006: 105–106, рис. 5].

Резцов (рис. 91: *11–12*) найдено ~250 экз., преобладают срединные, в том числе многофасеточные. Резцов на углу сломанной пластины ~50 экз., боковых менее 20 экз. Среди скребков (76 экз.) преобладают концевые на пластинах с расширяющимися к лезвию краями и приострённым основанием (рис. 91: *7–8*). Такая форма достигалась, как полукрутой краевой ретушью, так и резцовыми сколами. Характерны длинные острия на пластинах, оформленные ориньякской ретушью (~150 экз.) (рис. 91: *6*). Острые концы часто подправлялись плоской вентральной ретушью, а основания — резцовыми сколами — возможно, для насада на рукоять. В коллекции также имеется ~20 скрёбел и десяток мустьерских остроконечников.

Интересна немногочисленная (8 экз.) группа двусторонне обработанных орудий, каждое из которых отличается особой формой. Типологически наиболее выразительны крупное иволистное острие (рис. 91: *13*) и миниатюрный наконечник с боковой выемкой (рис. 91: *9*). Как и в индустрии Костёнок 8/I, технологический анализ этих орудий показал, что техника их изготовления не имеет отношения к технике «тонкого бифаса»; это опять-таки, скорее, «техника односторонней ретуши», применённая вначале на одной, а затем на другой стороне предмета [Аникович, Бредли, Гиря 1997: 158; Bradley, Anikovich, Giria 1995: 993].

В жилищах верхнего слоя Костёнок 4 было найдено свыше 200 шлифованных предметов из сланца: двояковыпуклые диски (рис. 92: *1*) (один с просверленным биконическим отверстием), диски оббитые и слегка пришлифованные по краям, топоровидные орудия. Здесь же было найдено свыше 40 так называемых пестов-тёрочников, ~37 кварцитовых и песчаниковых осколков зернотёрочных плит, ничем не отличающихся, насколько можно судить по реконструируемой форме, от зернотёрочных плит послепалеолитического времени.

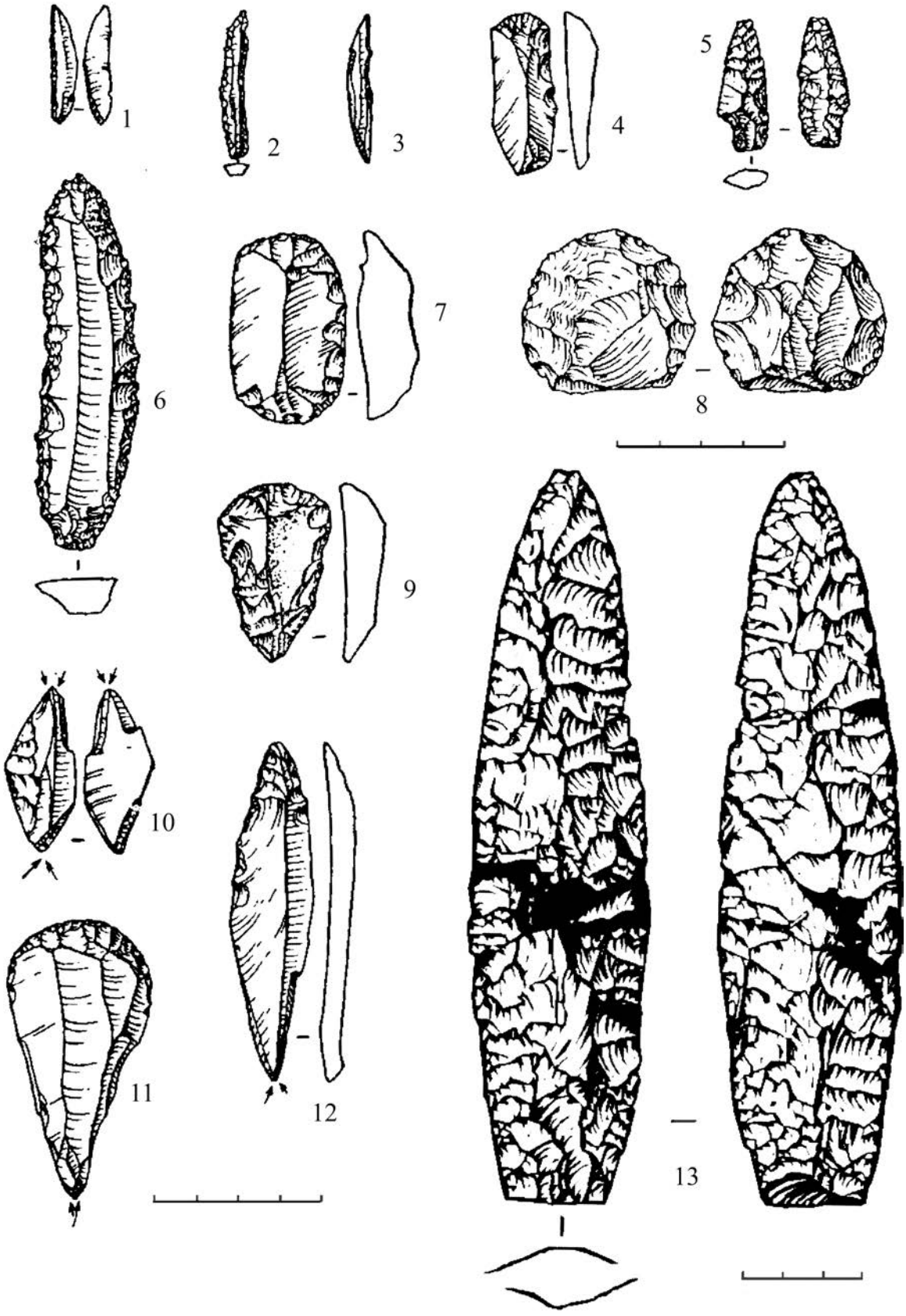

Рис. 91. Костёнки 4 (Александровская стоянка). Верхний (I) культурный слой. Каменная индустрия (ориньякоидный технокомплекс). *По: [Рогачёв, Аникович 1982]*

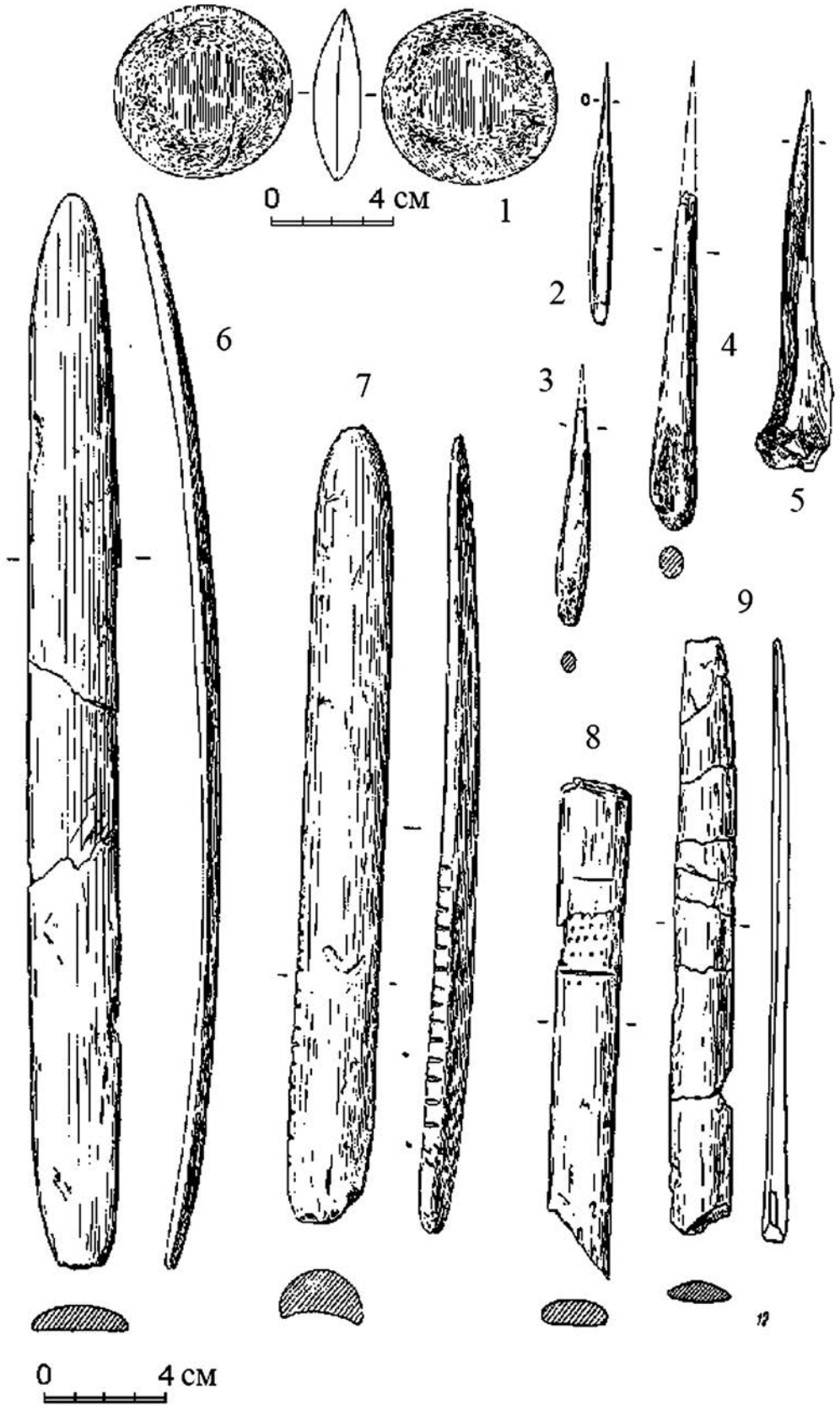

Рис. 92. Костёнки 4 (Александровская стоянка). Верхний (I) культурный слой. Сланцевый полированный диск и костяная индустрия. *По: [Рогачёв 1955]*

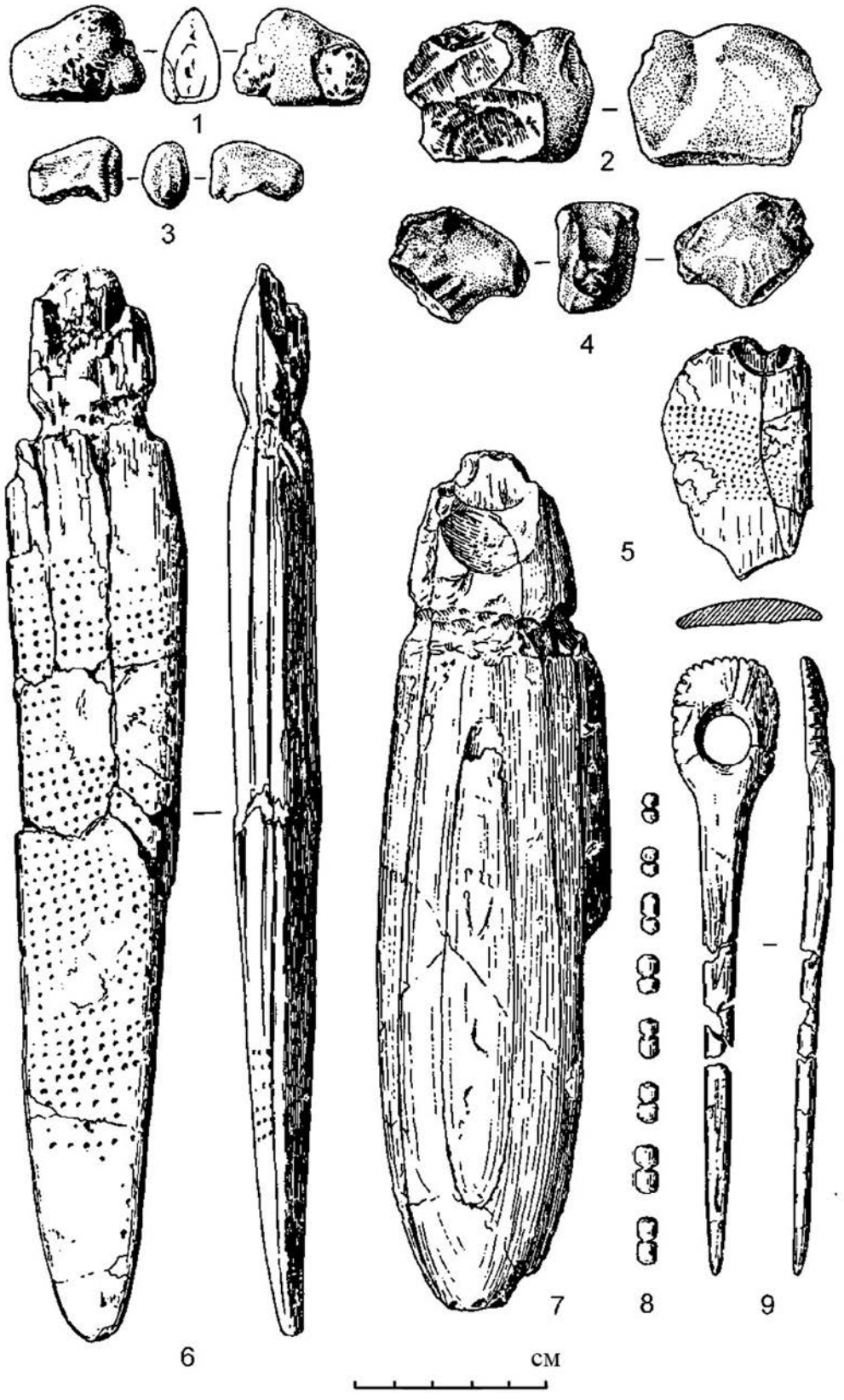

Рис. 93. Костёнки 4 (Александровская стоянка). Верхний (I) культурный слой.
Предметы искусства и украшения. По: *[Klein 1969]*

Богат и разнообразен костяной инвентарь. Из бивня изготовлялись стержни с приостренными концами, некоторые лощила (рис. 92: *2–3, 8–9*), диск. Шилья и острия выполнялись из стенок трубчатых костей (рис. 92: *4–7*). Имеются обломки игл.

В этом слое найдено также много украшений: своеобразные «застёжки с перехватом» (рис. 93: *8*), бивневая фибула (рис. 93: *9*), различные подвески из кости и мергеля. Имеются и произведения искусства: семь мергелевых фигурок животных (мамонт, возможно, носорог) (рис. 93: *1–3*), мергелевая головка пещерного льва (рис. 93: *4*), а также выполненные из бивня стилизованные антропоморфные фигурки, украшенные ямочным орнаментом (рис. 93: *5–7*).

В целом, ориньякоидный характер индустрии Костёнок 4/I сомнений не вызывает, даже несмотря на «граветтоидную примесь» в виде серии специфических пластинок с притупленным краем (тем более, что последние, скорее всего, относятся к нижележащему культурному слою). Но определить культурную принадлежность этого памятника в настоящее время едва ли возможно. Пожалуй, наиболее близкие аналогии можно усмотреть в Костёнках 8/I: одинаковый тип жилищ, аналогичная техника двусторонней обработки, широкое применение техники резцового скола, наличие небольшой серии скребел и остроконечников. Результаты кластерного анализа, проведенного Х.А. Амирхановым для ряда верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы, также свидетельствуют об их близости [Амирханов 1998: 27]. Однако для вывода об однокультурности этих индустрий, — хотя бы и с оговорками, — перечисленных черт сходства недостаточно, ибо наиболее специфические формы орудий (в первую очередь, скребков, односторонних и двусторонних острий) сильно различаются.

Мергелевые стилизованные фигурки животных известны в целом ряде разнокультурных стоянок Костёнковско-Борщёвского района (Костёнки 1/I, 9, 11/II.) На наш взгляд, эти фигурки, свидетельствуя о межкультурных контактах, являются, вместе с тем, и хорошим хронологическим показателем, говорящим об относительной одновременности тех памятников Костёнковско-Борщёвского района, где они обнаружены. Вот почему мы помещаем Костёнки 4/I в хронологическую подгруппу IIIB. Однако ни к виллендорфско-костёнковской АК (Костёнки 1/I), ни к гмелинской АК (Костёнки 11/II) индустрия верхнего слоя Александровской стоянки, опять-таки, не имеет отношения.

Обычно считается, что культурные традиции хорошо проявляются в украшениях и произведениях искусства. Впрочем, и здесь мы сталкиваемся с большими трудностями. Самые близкие аналогии застёжкам с перехватом и фибуле с навершием известны в Мезинской стоянке. Этот памятник, расположенный на правом берегу Десны, примерно, в 450 км к западу от Костёнок, относится к совершенно иному культурному кругу стоянок с округлыми наземными костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа. Датируются они не ранее 20–19 тыс. л.н. [Шовкопляс 1965]. Каменная индустрия Мезинской стоянки по всем специфическим характеристикам не имеет ничего общего с индустрией Костёнок 4/I.

5.2.5. Синхронные индустрии граветтоидного ТК в Костёнковско-Борщёвском районе и их связь с ориньякоидными индустриями

Всё было бы слишком просто, если бы на протяжении всего «ориньякского эпизода» в Костёнках были представлены *только* ориньякоидные индустрии. Они, бесспорно, преобладают, — насколько об этом позволяют судить имеющиеся материалы. Но в то же время им синхронны и типично граветтоидные индустрии, о чём, в частности, свидетельствуют материалы нижнего культурного слоя Костёнок 4 и уже описанные выше материалы Костёнок 8/II.

Костёнки 4/II вскрыты на той же площади, что и верхний культурный слой. Памятник представлен остатками двух «длинных домов», расположенных друг от друга на расстоянии 15–17 м (рис. 89: *Б*). Длина южного жилища 34 м, северного 23 м. Ширина их одинакова: 5,5 м. Оба жилища были углублены в землю не более, чем на 20–30 см. Очаги внутри жилищ расположены, в общем, по центральной оси, но не по единой прямой, а тремя группами, что позволяет считать эти жилища трёхкамерными (рис. 94). Основное количество находок, собранных в Костёнках 4/II, сосредоточено в их пределах. Ослабление окрашенности культурного слоя к краям и соответствующее уменьшение количества находок позволили А.Н. Рогачёву предположить, что александровские «длинные дома» имели двускатную кровлю, опирающуюся непосредственно на землю и на коньковую жердь.

Кроме очажных лунок, в полу жилищ было вырыто довольно много ямок разного назначения. Часть их служила для установки опорных столбов, другие же представляли собой пекарные ямки и ямки-хранилища для охры, сырья, орудий труда.

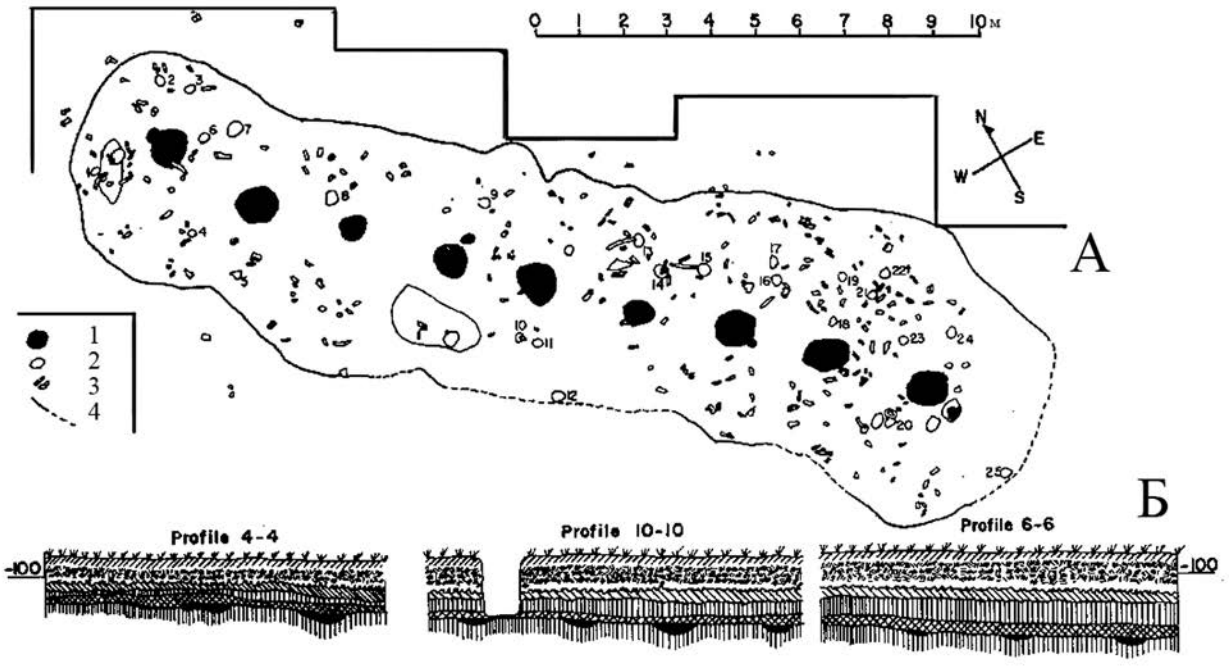

Рис. 94. Костёнки 4 (Александровская стоянка). Нижний (II) культурный слой.
А — остатки длинного жилища (северного). По: *[Klein 1969]*
1 – очаги; 2 – ямы; 3 – кости, камни; 4 – границы жилища, в т.ч. нарушенные;
Б — профили культурного слоя на южном участке (см. рис. 88Б).

Каменный инвентарь насчитывает свыше 60.000 изделий, в том числе около 250 нуклеусов и нуклевидных осколков и свыше 7.000 орудий. Материалом служил почти исключительно меловой кремень высокого качества. Техника первичного раскалывания направлена на получение пластин, но типично призматических нуклеусов, одноплощадочных, со снятием заготовок по всему периметру, найдено лишь около 20. Большинство (около 45) ядрищ относится к уплощённым, дву- и реже одноплощадочным, с которых заготовки снимались лишь по части периметра. Однако поверхность скалывания у них выпуклая, а не плоская. Ещё около 200 экз. представляют собой фрагменты нуклеусов и нуклевидные осколки.

Основную группу орудий (свыше 2.500 экз.) составляют пластины и острия с притупленным краем (рис. 95: *1–5*). Наряду с типично граветтскими остриями, имеются и такие, у которых ретушь, как правило, более мелкая, охватывает и второй край пластины. Пластинки с притупленным краем имеют подпрямоугольные очертания, их концы часто усечены. Притуплялся только один край, на втором в некоторых случаях формировались зубцы.

Выразительную серию в данной индустрии представляют долотовидные орудия с чешуйчатой подтёской (свыше 120 экз.) (рис. 95: *10–11, 14–16*). Их размеры и пропорции различны, но, как правило, долотовидное лезвие оформлялось только на одном конце, а второй конец, более массивный, являлся обушком.

Скребки (220 экз.) — концевые на пластинах и отщепах с неретушированными краями (рис. 95: *8–9*). На некоторых экземплярах отмечаются плоские вентральные сколы, обычно идущие от скребкового лезвия. Резцов не более 150 экз. (рис. 95: *6–7*), причем свыше, чем у половины из них резцовые сколы выглядят случайными. Подавляющее большинство относится к резцам на сломе (угловым); боковых (ретушных) не более 30, срединных (двугранных) всего лишь около десятка. Остальные изделия с вторичной обработкой представлены ретушированными пластинами и отщепами.

Костяных орудий немного. Это шилья, острия, лощила, обломки иголок. Имеется один веретенообразный наконечник (рис. 95: *17*). Много костей со следами обработки: нарезками, насечками и т.п. Украшения представлены раковинами пресноводных моллюсков с пробитыми отверстиями, несколь-

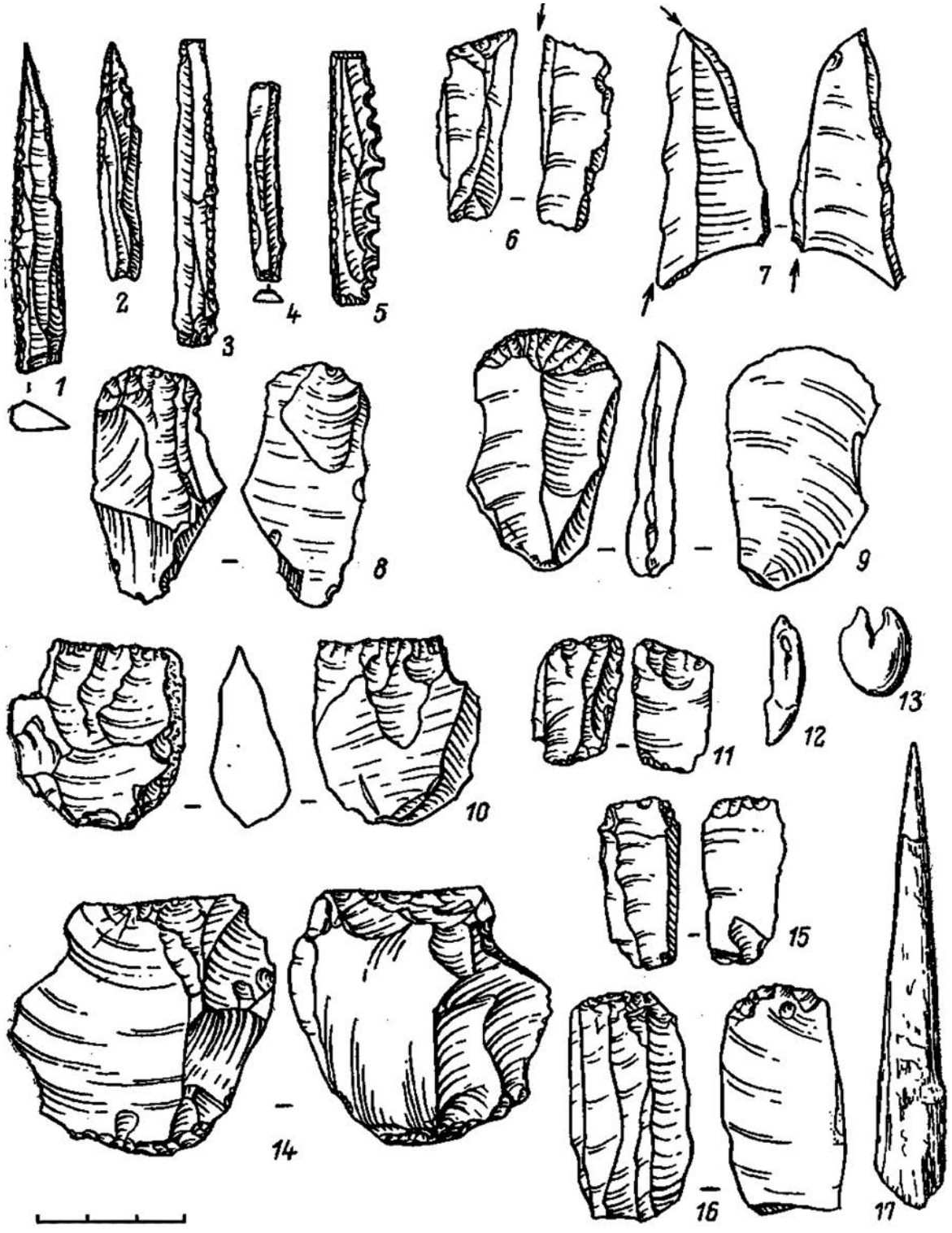

Рис. 95. Костёнки 4 (Александровская стоянка). Нижний (II) культурный слой (*1–11 — каменные орудия, 12–13 — украшения, 17 — костяное острие*). *По: [Рогачёв, Аникович, 1982]*

кими зубами песца с просверленными отверстиями (рис. 95: *12–13*). Интересна поделка из кости, имитирующая зуб северного оленя.

Несмотря на обилие пластин и острий с притупленным краем, рассмотренную индустрию едва ли можно признать «чисто» граветтоидной. Она сочетает признаки, свойственные граветтоидному (изделия с притупленным краем) и афонтовскому ТК (долотовидные орудия, относительно слабое развитие техники резцового скола). В связи с последним обстоятельством обратим внимание на некоторые аналогии, прослеживаемые не в индустриях городцовской культуры, а в Костёнках 16:

– и там и там доминируют обушковые формы долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской;

– и там и там наличествуют скребки с вентральными плоскими сколами, идущими от рабочего лезвия.

Конечно, этих черт сходства совершенно недостаточно для того, чтобы говорить о принадлежности этих памятников одной культурной традиции (одной АК), или хотя бы о «культурной трансформации» — подобно тому, что уже говорилось о связях между Сунгирём и аносовско-тельманской культурой. Пока это лишь намёк на возможность установления связей между Костёнками 4/II и местными индустриями предшествующего периода. При этом нужно иметь в виду и то, что типологическая специфика орудий с притупленным краем рассматриваемого памятника и соответствующих орудий единственной типично граветтоидной индустрии РВП в Костёнках (Костёнки 8/II) — совершенно различны.

Фауна Александровской стоянки определена суммарно для обоих слоёв. При обилии костей зайца (3356/99), здесь наблюдается значительное количество костей лошади (421/6), — больше, чем мамонта (272/2), — что характерно для памятников предшествующего этапа. Однако радиоуглеродная дата, полученная по фаланге лошади: 23.000±300 (ГИН-7994) аналогична той, что получна по ребру мамонта: 22.800±120 (ГИН-7995) (см.: Прил. II, №№87–88). Учитывая, что мергелевые зооморфные фигурки из Костёнок 4/I достаточно определённо указывают на принадлежность этого культурного слоя хронологической подгруппе IIIB, мы полагаем, что совокупность косвенных данных — археологических (параллели с индустрией Костёнок 16) и фаунистических (довольно большое количество костей лошади) — могли бы указать на принадлежность II культурного слоя Костёнок 4 к хронологической подгруппе IIIA. Однако пока для такого отнесения явно недостаточно данных.

Костёнки 9. Памятник расположен в 50 м к западу от Тельманской стоянки (Костёнки 8). В 1937 г. разведывался отдельными шурфами, а в 1959 г. здесь был заложен раскоп площадью 50 кв. м, откуда и происходит основная коллекция археологических находок. Культурный слой залегает в верхней части бурого лёссовидного суглинка, но, к сожалению, его стратиграфическое положение относительно слоёв I-Ia Костёнок 8 остается неясным.

В раскопе 1959 г. находки концентрировались в скоплении округлых очертаний, диаметром 5–6 м, уходившем в западную стену раскопа. Оно не могло быть доследовано из-за застроек. В центре скопления находился очаг, частично разрушенный глинокопной ямой. Пол культурного слоя заметно, хотя и плавно понижался к центру скопления. Скорее всего, здесь были частично вскрыты остатки округлого жилища, слабо углублённого или сооружённого в естественной западине [Палеолит... 1982: 111].

Коллекция кремнёвых изделий из Костёнок 9 насчитывает свыше 2.300 экз., в том числе около 300 орудий. Сырьём служил исключительно меловой кремень; техника первичного раскалывания типично призматическая, о чем свидетельствуют и 7 найденных здесь призматических ядрищ (рис. 96: *23*). Наряду с ними, имеется один клиновидный нуклеус для получения микропластин, встреченных здесь в большом количестве.

Наиболее представительна группа пластин и острий с притупленным краем (около 90 экз.) (рис. 96: *1–5, 8–10*). Ретушь чаще всего идет по обоим краям, но, примерно, у трети орудий она вертикально усекает только один край, и более или менее приостряет другой. Прямые или выпуклые концы обычно обработаны ретушью, часто вентральной. У трех пластин нет притупленного края, но концы обработаны в такой же манере. Острий с притупленным краем всего 5 экз. У двух притупливающая ретушь идёт по одному краю, у трех — по двум. За одним исключением, острые концы приходятся на центральную ось заготовки. Фиксируется вентральная обработка противоположных острию концов, — в той же манере, что и у пластин с притупленным краем. Два орудия напоминают ножи типа «ргани».

По характеру заготовок к пластинам и остриям с притупленным краем близки 5 из 9 проколок с миниатюрными жальцами, оформленными очень мелкой ретушью. Однако 4 проколки оформлены на выступающих углах аморфных отщепов и осколков.

Среди скребков (24 экз.) выделяются орудия на пластинах с ориньякской ретушью — с параллельными (рис. 96: *12,17*) или сходящимися к основанию (рис. 96: *18*) краями. Такой же ретушью оформлено свыше 20 острий, представленных в коллекции только сломанными экземплярами. По крайней

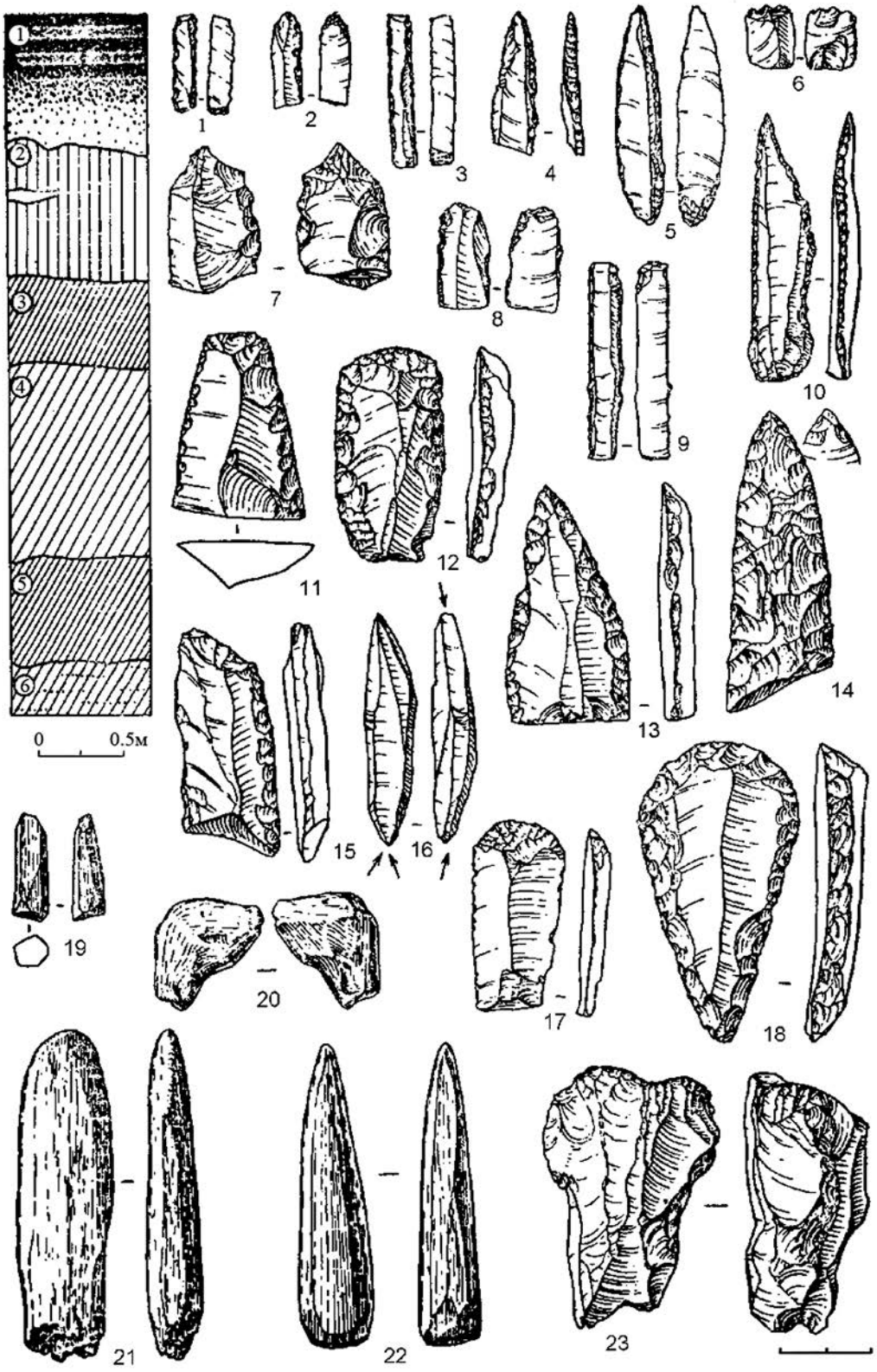

Рис. 96. Костёнки 9 (Бирючий лог). *По: [Рогачёв, Аникович 1982а].*
А — схематический разрез *(1 — современная почва; 2 — бурый лёссовидный суглинок (в верхней части культурные остатки); 3 — гумусированный суглинок (ВГТ?), содержащий культурные остатки (единый слой с Костёнки 8/II?); 4 — бурый лёссовидный суглинок; 5 — слабо гумусированный суглинок (НГТ?); 6 — опесчаненный суглинок)*;
Б — каменные и костяные изделия *(1–18, 23 — кремень; 19, 21 — кость; 20 — мергель; 22 — сланец)*

мере, часть их является основаниями сломанных орудий, — может быть, тех же скребков. То же самое можно сказать и о десятке обломков пластин с прямыми, усеченными ретушью концами, к которым сходятся ретушированные края: все они — основания орудий, общая форма которых пока неизвестна (рис. 96: *11*).

Выразительны долотовидные орудия с чешуйчатой подтёской (20 экз.), среди которых, наряду с довольно крупными экземплярами, встречаются и миниатюрные, аналогичные долотовидным орудиям городцовского типа (рис. 96: *6*). Резцы (около 30 экз.) разнородны; преобладают угловые и боковые, срединные единичны (рис. 96: *15–16*).

Интересными изделиями являются сланцевые стержни, пришлифованные, подчетырёхугольные в поперечном сечении (рис. 96: *22*). Изделия из кости и бивня единичны (рис. 96: *19–21*), в их числе — обломки лощила (рис. 96: *21*). Имеется клык песца с просверленным отверстием и мергелевая поделка, изображающая голову зверя или птицы (рис. 96: *20*). При неясности стратиграфического положения культурного слоя по отношению к слоям близлежащей стоянки Костёнки 8, отсутствии радиоуглеродных дат и ничтожном количестве фаунистических остатков, эта головка — единственное основание для включения Костёнок 9 в хронологическую подгруппу IIIВ. Разумеется, после новых раскопок этот вывод может быть пересмотрен.

Индустрия Костёнок 9 сочетает в себе признаки, как ориньякоидного, так и граветтоидного ТК. До сих пор ближайшим аналогом этой индустрии выступали Костёнки 8/Iа: хотя коллекция этого слоя крайне скудна, имеющиеся там типы скребков и пластина с притупленным краем полностью соответствуют типам Костёнок 9. Вторым аналогом выступает индустрия недавно открытой стоянки Борщёво 5/I, являющейся самым южным памятником в пределах Костёнковско-Борщёвского района [Лисицын 2004].

Стоянка **Борщёво 5** расположена на правом борту приустьевой части Борщёвского лога и приурочена к высокому террасовидному мысу. Находки I культурного слоя залегали на глубине 1,1–1,88 м от современной поверхности и связаны с горизонтом почвообразования, который понижался по склону с юга на север. Значительный разброс находок по вертикали объясняется склоновыми процессами. «Находки были распределены неравномерно на площади раскопа. Восточный угол оказался практически пуст, тогда как в западном углу... располагалось плотное скопление артефактов... Артефакты были представлены кремнёвыми и единичными кварцитовыми изделиями, а также костями, плитками песчаника и шлифованными предметами из сланца и гематита (охры). Никаких планиграфических структур в виде ям, западин, отличавшихся по своему заполнению от окружающего суглинка, обнаружено не было. Фауна верхнего культурного слоя определена Н.Д. Буровой и представлена мамонтом, песцом, лошадью и волком. Кости лошади концентрировались в СЗ углу раскопа и, судя по более темной, чем у остальных, окраске, могут принадлежать второму культурному слою. На этом участке оба культурных слоя сильно сближены и фактически неразделимы. Неожиданными находками в верхнем культурном слое были шлифованные изделия из мягкого камня: брусок и топоровидное подшлифованное изделие, а также песчаниковые плитки, которые не имели явных следов обработки, но, несомненно, принесены на место и расколоты человеком. Наиболее крупная из них имела в длину 65см, в ширину 35 см и толщину 5 см и весила около 10 кг. Кремнёвая индустрия стоянки, безусловно, граветтийская. Наиболее близкие типологические аналогии прослеживаются в орудийном наборе Костёнок 9 [Лисицын 2004: 71].

Коллекция кремнёвых изделий из Борщёво 5/I, включая сборы А.В. Кариха и материалы 1998 г., насчитывает 356 экз., в том числе 103 обломка и осколка, 81 отщеп, 94 пластины и микропластинки, 13 сколов подправки нуклеусов и 65 орудий. Среди орудий имеются: скребки (14 экз.) (рис. 98: *25–31*), резцы (8 экз.) (рис. 98: *15–21*), долотовидные орудия (7 экз.) (рис. 97: *3*), острия (3 экз.) (рис. 98: *8–12*), пластинки с притупленным краем (8 экз.) (рис. 97: *8,14,16*), острия с притупленным краем (3 экз.), пластина с усеченным концом (1 экз.) (рис. 97: *45*), пластины с краевой ретушью (14 экз.) (рис. 97: *37–41*), ретушированные отщепы (4 экз.) (рис. 97: *42–43*), ретушёры на отщепах (2 экз.)[1]. Одно орудие и по породе кремня, и по форме явно выпадает из комплекса и, вероятно, является посторонней примесью.

Орудия из Борщёво 5/I типологически настолько выразительны, что можно уже сейчас назвать ближайшие аналогии. В целом это круг граветтоидных индустрий, залегающих в Костёнковско-Борщёвском районе выше верхней гумусированной толщи и датирующихся по ^{14}C в пределах 23–21 тыс. лет назад. К ним относятся памятники гмелинской АК (Костёнки 21/III, Костёнки 11/II, Костёнки 5/III), нижний слой Костёнок 4 и Костёнки 9. Орудия одновозрастных памятников виллендорфско-костёнковской культуры (Костёнки 1/I, Костёнки 13, Костёнки 14/I, Костёнки 18) имеют явно иной облик.

[1] Подсчёты С.Н. Лисицына 2004 г. [Лисицын 2004: 71].

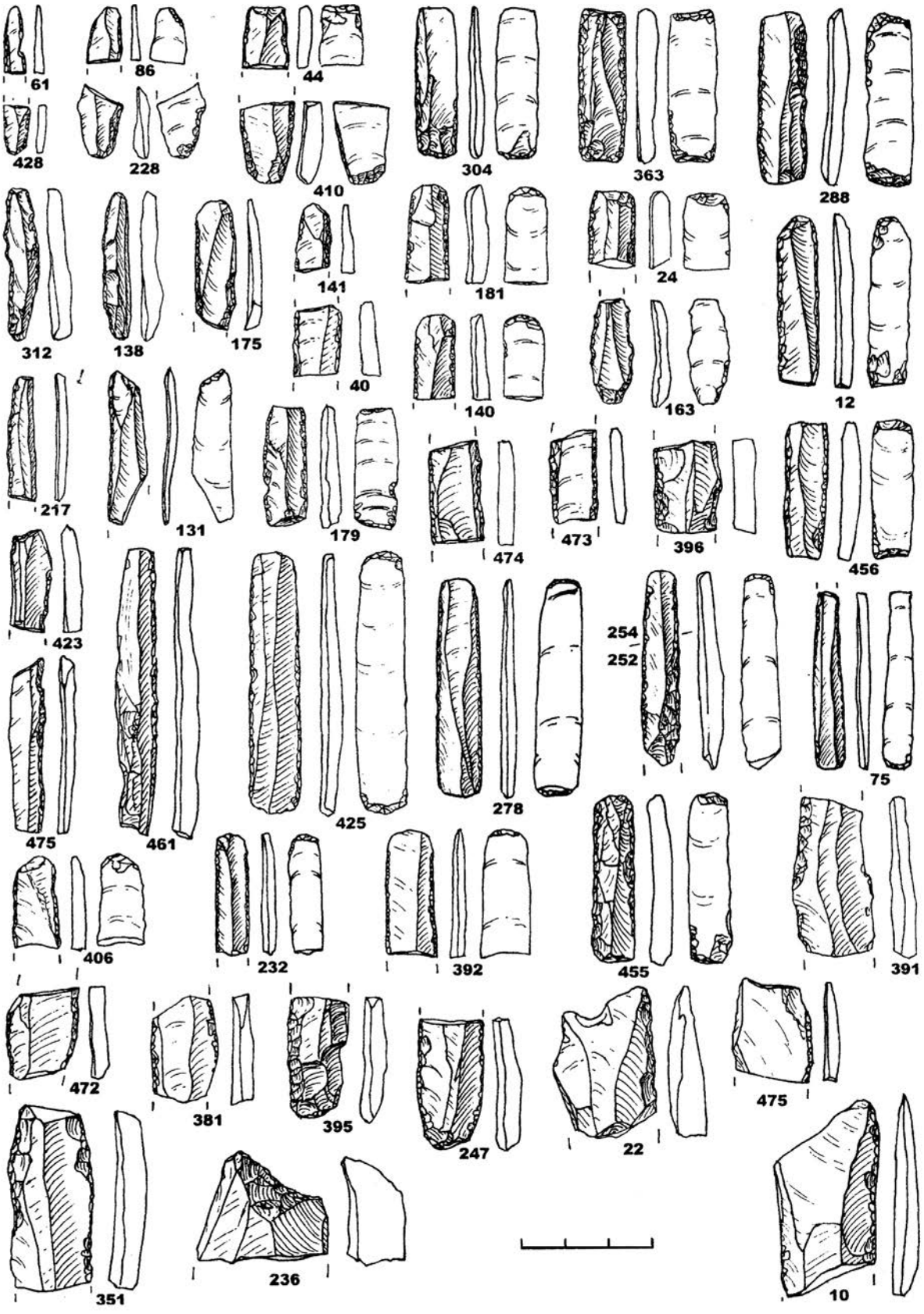

Рис. 97. Борщёво 5. Микроинвентарь из культурного слоя I.
Номера на рисунке соответствуют номерам полевой описи. *По: [Лисицын 2004]*

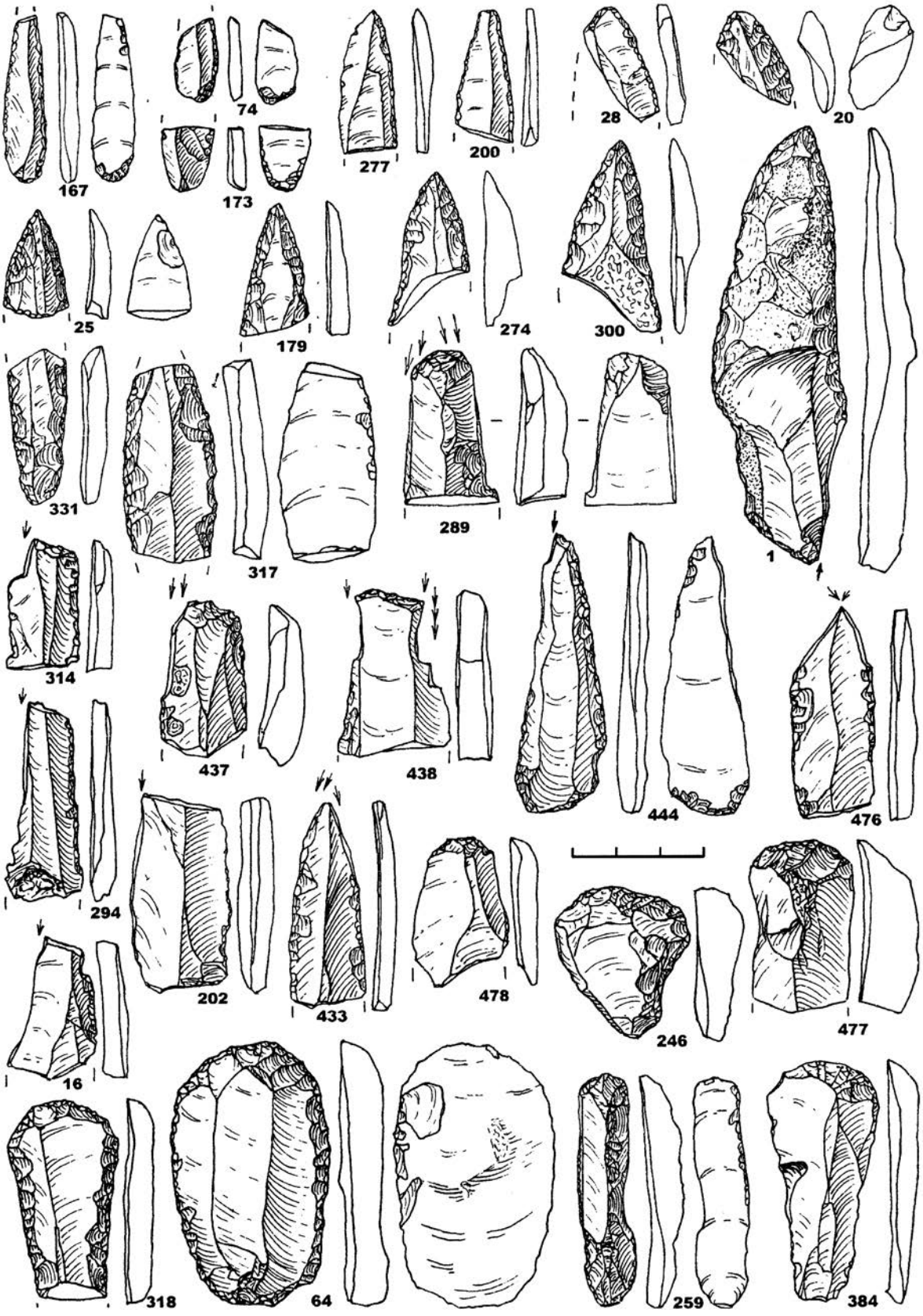

Рис. 98. Борщёво 5. Орудийный набор из культурного слоя I.
Номера на рисунке соответствуют номерам полевой описи. *По: [Лисицын 2004]*

Типология Костёнок 9 и Борщёво 5/I настолько близки [Лисицын 2004: 71], что их можно с достаточной уверенностью рассматривать, как однокультурные памятники. Здесь совпадают все основные типы: пластинки с одним или двумя притупленными краями и концами, подработанными вентральной ретушью (рис. 97: *7–9,16*), острие с одним притупленным краем, острия с двумя притупленными краями и основанием, подработанным вентральной ретушью, широкие острия на пластинах, долотовидные орудия. Орудиям из Костёнок 9 соответствуют также резцы из Борщёво 5/I и скребки (рис. 98).

5.3. «Ориньякский эпизод» Костёнковско-Борщёвского района в восточно-европейском контексте

Завершая рассмотрение индустрий «ориньякского эпизода», отметим три обстоятельства:

1) На рубеже среднего — верхнего валдая в Костёнковско-Борщёвском районе налицо смена культурных традиций. Новые культуры, — ориньякоидные и отчасти граветтоидные, — фиксируют не только изменения в характере кремнёвых индустрий, но, что особенно важно, — в составе фауны и в домостроительстве. Они, таким образом, кладут начало формированию в центральной части Русской равнины историко-культурной области охотников на мамонтов.

2) Типологические связи между древнейшей в Костёнках ориньякоидной культурой (спицынская АК) и более «молодым» ориньяком проследить не удаётся. Однако культурные традиции, появляющиеся в «ориньякском эпизоде», с большей или меньшей вероятностью обнаруживают связи с местными культурами РВП, а именно:

а) Костёнки 1/III — с Костёнками 14/ГВП (на уровне АК, как единая археологическая культура);

б) аносовско-тельманская АК (Костёнки 8/I Костёнки 11/III) — с финалом стрелецкой АК, представленным за пределами Костёнок стоянкой Сунгирь, а в самих Костёнках — стоянкой Костёнки 1/III(зап.);

в) наименее фундированная связь прослеживается между индустриями Костёнок 16 и Костёнок 4/I. Тем не менее, существование такой связи не исключено.

Возникает ещё один интересный вопрос — о связях названных культурных традиций с индустриями за пределами Костёнок. Можно высказать некоторые соображения относительно самых «ориньякских» памятников Костёнковско-Борщёвского района — Костёнки 14/ГВП и Костёнки 1/III. Здесь, пожалуй, остаётся в силе вывод, сделанный А.Н. Рогачёвым: «В целом описываемый инвентарь имеет сходство с инвентарём Сюрени 1. Более близкого сходства третий слой Костёнок 1 не имеет ни с каким другим памятником Восточной Европы» [Рогачёв 1957: 35]. В этой связи следует помнить и о находках в Костёнках 1/III ископаемых морских раковин, встречаемых только на побережье Чёрного моря [Рогачёв 1957: 34]. Однако нельзя не учитывать два обстоятельства. Во-первых, типологическое сходство этих двух индустрий далеко не полное: в Сюрени, в частности, отсутствует такой важнейший компонент, как орудия на пластинах с ориньякской ретушью, в полной мере представленные в Костёнках 1/III. Во-вторых, рассматривая вопрос о крымском ориньяке и селете, В.П. Чабай, на наш взгляд, вполне справедливо отмечает, что люди, оставившие эти культурные варианты, «являлись эпизодическими «визитёрами» (возможно, и не встречавшими друг друга), а не постоянным населением Внутренней гряды» [Чабай 1999: 74]. Крымские параллели, таким образом, не снимают, а, скорее, заостряют проблему поиска общих источников ориньякоидных индустрий.

М.В. Аникович считает, что в этой связи следует обратить особое внимание на Волыно-Подольскую возвышенность. Именно там открыты древние ориньякоидные индустрии (Куличивка), содержащие типично ориньякские формы пластин, в том числе «с перехватом», которые являются самым близким аналогом изделиям из Костёнок 1/III. По-видимому, эти индустрии правобережья Днепра послужили источником более молодой радомышльской АК, также относящейся к ориньякоидному ТК. Показательно, что в РВП Восточной Европы Куличивка является единственным исключением, где в составе фауны преобладает не лошадь, а мамонт (58,6%) [Савич 1975: 28–29]. Можно допустить, что с началом поздневалдайского похолодания население Волыно-Подолии переместилось вслед за мамонтами к северо-востоку, приняв активное участие в формировании Днепро-Донской ИКО охотников на мамонтов.

Дальнейшая история сложения этой ИКО связана с так называемым «граветтийским эпизодом» — перемещением из Центральной в Восточную Европу значительной части населения (виллендорфско-павловское культурное единство).

Описание антропологических находок в Костёнках 1/III приведено в разделе 4.7.6.

ГЛАВА 6.

КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКИЙ РАЙОН КАК ЧАСТЬ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ

6.1. Средняя пора верхнего палеолита Восточной Европы и Днепро-Донская ИКО

6.1.1. Общие характеристики СВП

В предыдущей главе мы рассмотрели культурное явление, ознаменовавшее собой самое начало глобальных культурно-исторических перемен, происшедших в центре Восточной Европы и связанных с наступлением нового периода — СВП. Общие характеристики этого периода могут быть сформулированы следующим образом:

1) В СВП Восточной Европы полностью исчезают не только индустрии «пережиточного мустье», но и симбиотические культуры. Дифференциация АК налицо, но все АК в СВП основаны исключительно на пластинчатой технике скола и представляют собой типичный развитый верхний палеолит.

2) На территории Восточной Европы в СВП отчётливо выделяются три историко-культурные области — Юго-Западная область охотников на северных оленей; Южная область охотников на бизонов; Центральная (Днепро-Донская) область охотников на мамонтов. Более подробные их характеристики и дискуссию на эту тему см.: [Аникович, Анисюткин 2009, в печати] (см.: 3.4).

В связи с проблематикой палеолита Костёнковско-Борщёвского района, нас, в первую очередь, интересует Днепро-Донская ИКО охотников на мамонтов.

6.1.2. Пространственно-территориальные границы и характеристики Днепро-Донской ИКО

Южная граница Днепро-Донской ИКО проходит по Южному Бугу — порожистой части Днепра. Расположенные там памятники: Анетовская группа, Осокоровка, Дубовая Балка, Кайстрова Балка и проч. — по всем своим характеристикам явно входят в Южную ИКО охотников на бизонов (рис. 30).

Северной границей является бассейн р. Оки. На это указывает расположенная там Зарайская стоянка, бесспорно, входящая в данную ИКО. Судя по наличию мегафауны (мамонт, носорог), а отчасти и по типологическому облику инвентаря, к той же ИКО относится и Карачаровская стоянка.

Восточная граница Днепро-Донской ИКО проходит по Среднему Дону (Костёнковско-Борщёвский район). Далее к востоку (Поволжье) нет ни одного верхнепалеолитического памятника с преобладанием костей мамонта.

Западная граница проходит по территории Среднего Поднепровья южнее р. Припяти. Памятники соответствующего периода, расположенные на Волыно-Подольской возвышенности, относятся к Юго-Западной ИКО охотников на северных оленей, тогда как стоянки Радомышль и Жорнов, расположенные в верховьях правых притоков Припяти, по основным показателям принадлежат ИКО охотников на мамонтов.

Перед тем, как перейти к рассмотрению конкретных памятников Костёнковско-Борщёвского района, входящих в данную историко-культурную область, приведём её самые общие характеристики:

а) На стоянках Днепро-Донской ИКО мамонт, как правило, занимает первое место в списке фауны (от 65 до 90%). Хотя данные эти по разным причинам не полны и не точны, бесспорно, что на подобных стоянках только минимально определимое число особей мамонта составляет многие десятки, и даже сотни животных [Соффер 1993: рис. 1].

б) Мамонт обеспечивал здесь все основные стороны жизнедеятельности местного населения: пищу, сырьё, строительный материал, топливо. Особенно показательны долговременные сложно организованные поселения с различными типами жилых и хозяйственных конструкций, при строительстве которых активно использовались крупные кости этого животного.

в) Инвентарь памятников, входящих в данную ИКО, в особенности костяные и бивневые орудия, украшения, произведения искусства, отличается богатством и разнообразием по сравнению с двумя соседними ИКО. Подавляющее большинство индустрий относятся к граветтоидному ТК, хотя граветтский компонент выражен в них по-разному. По специфическим технико-типологическим характеристикам достаточно отчётливо выделяются разные культурные традиции (разные АК). Однако на позднем этапе эти характеристики заметно упрощаются и нивелируются.

г) История формирования и существования Днепро-Донской ИКО весьма специфична. В общих чертах она во многом обусловлена изменениями климата и природной среды, происходившими в центре Восточной Европы в начале позднего Валдая, и характеризуется, с одной стороны, коренными изменениями всего жизненного уклада «аборигенов», а с другой — активным участием пришлого населения. По-видимому, имело место, как минимум, две крупных волны миграции; во всяком случае, здесь отчётливо выделяются два основных этапа: первый 24.000–21.000 л.н., и второй 20.000–14.000 л.н.

6.2. Источники и предпосылки появления виллендорфско-костёнковской культуры на Русской равнине

Прежде чем заговорить о памятниках, собственно, Костёнковско-Борщёвского района, необходимо в общих чертах обрисовать ситуацию, которая привела к миграции значительной части населения Центральной Европы на северо-восток и обусловила специфику культурных традиций СВП в этом регионе.

6.2.1. Охотники на мамонтов в Центральной Европе

На Среднем Дунае — Моравской возвышенности, примерно 28–27 тыс. л.н. формируются два варианта (виллендорфский и павловский) специфической и очень яркой культуры, которая по всем своим показателям отвечает указанным выше основным характеристикам ИКО охотников на мамонтов Восточной Европы: абсолютное преобладание мамонта в списках фауны; использование его крупных костей не только как сырья для разного рода поделок, но, видимо, и в качестве строительного материала; долговременные поселения с различного рода структурами; богатство костяного инвентаря; развитое специфическое искусство малых форм. Позднее, 26–24 тыс. л.н., носители этих культурных традиций двинулись на восток; 24–22 тыс. л.н. они достигли Русской равнины, где и сыграли исключительно важную роль в формировании Днепро-Донской ИКО.

Не рассматривая детально проблематику центрально-европейских культур охотников на мамонтов, отметим два важных момента:

1) Появление в Центральной Европе этой специфической культуры, относящейся к граветтоидному ТК, отделяет здесь РВП, характеризующуюся сочетанием «развитых» ориньякоидных и «архаичных» селетоидных культур, от последующего периода, для которого характерно преобладание индустрий граветтоидного ТК. Таким образом, в Центральной Европе РВП оканчивается на несколько тысячелетий раньше, чем в Восточной Европе.

2) В свете новых данных по Виллендорфу 2 и моравским памятникам, решительно невозможно выводить «павловьен» из IX слоя Виллендорфа, как это предлагал Г.П. Григорьев [Григорьев 1968; 1989]. Этот культурный слой, действительно, содержащий «все элементы... виллендорфско-костёнковского единства вместе» [Григорьев 1989: 47], залегает в лёссе, перекрывающем средневюрмские отложения, что подтверждается радиоуглеродной датой для нижележащего, VIII-го культурного слоя: 25.800±800 (GrN-11191) [Haesaerts 1990].

В свете старых представлений об однолинейном эволюционном развитии орудийных форм и однонаправленной передачи культурных традиций, подобная последовательность трудно допустима. Куда проще предположить, что миграция части населения из района Среднего Дуная на территорию Моравии и привела к возникновению здесь новой, павловской культуры. Но это предположение находится в резком противоречии с ^{14}C датами. Вероятно, следует принять иную, более сложную модель, допускающую достаточно мобильное (сезонное?) перемещение населения Центральной Европы из района в район и обратно, а, следовательно — «одновременное существование ряда стоянок, которые использовались одной группой охотников-собирателей в разные сезоны» [Соффер 1993: 114]. В этом случае ничто не мешает истолковывать те же типологические наблюдения иначе, увязывая их и с ^{14}C датами.

Указанный подход делает оправданным использование термина «виллендорфско-павловское культурное единство», введённого Г.П. Григорьевым [1968]. Можно допустить, что данная культурная общность изначально формировалась из двух генетически разных корней, обусловивших изначальное её подразделение на два основных варианта (две АК): виллендорфский (генетические корни — местный ориньяк), и павловский, генетически связанный с моравским селетом [Kozlowski 1986: 151; Debrosse, Koslowski 1988: 60–61]. Их сходство сформировалось в результате значительного изменения хозяйственного уклада и всего образа жизни, под воздействием постоянных культурных контактов. Оно так и не переросло в «культурное тождество»; оба варианта развивались параллельно. В Восточной Европе они появились одновременно и существовали параллельно. Здесь их можно называть «виллендорфско-костёнковско-зарайским» и «павловско-хотылёвско-гагаринским». Судя по серии ^{14}C дат, оба варианта существовали на Русской равнине в интервале 24–16 тыс. л.н.

Обратим внимание на различия виллендорфского и павловского вариантов. В технико-типологическом отношении индустрии павловского варианта выглядят более «граветтоидными»: богатый набор пластин и острий с притупленным краем, включающий достаточно типичные острия граветт и микрограветт, «пилки», сегменты и трапеции. Наконечники с боковой выемкой единичны и атипичны. Они представляют собой вариант тех же орудий с притупленным краем.

В виллендорфском варианте заметен ряд элементов ориньякоидного ТК — прежде всего, в виде достаточно характерной крутой и полукрутой краевой ретуши, далеко заходящей на спинку пластин. Такой ретушью здесь оформлялись не только ряд скребков на пластинах с ретушированными краями, ряд острий и ретушированных пластин, но и крупные наконечники с боковой выемкой. Орудия с притупленным краем не столь разнообразны и выразительны в типологическом отношении. Наиболее характерны микропластинки с притупленным краем и прямо или косо усечёнными концами, зачастую с плоской подтёской с брюшка; микроострия (микрограветт) также имеют вентральную подправку концов.

Для павловских стоянок характерны остатки лёгких наземных конструкций, овальных или округлых в плане, с одним или несколькими очагами. Сколько-нибудь глубоких ям там не зафиксировано, тогда как уже в IX слое Виллендорфа 2 отмечается наличие больших ям [Григорьев 1968: 64].

6.2.2. Появление «виллендорфцев» в Восточной Европе

Сложение в Центральной Европе этого культурного единства происходило в условиях достаточно холодного интерстадиала (последняя фаза среднего вюрма или интерплениглициала). Палеонтологические исследования популяции моравских мамонтов «подчёркивают маленький размер зверей, более раннюю смерть и значительное присутствие патологии — все признаки популяции, находящейся под стрессом» [Соффер 1993: 113]. Вероятно, центрально-европейское население, чей образ жизни был теснейшим образом связан с мамонтом, во время своих сезонных подвижек постепенно перемещалось вслед за этим видом всё дальше и дальше на северо-восток, в районы, где условия для существования мамонтов были благоприятнее. Как совершенно справедливо заметила О. Соффер, это передвижение происходило крайне медленно, в течение тысячелетий, и явно не было осознанным процессом [Соффер 1993: 114].

Примерно 24–23 тыс. л.н. носители виллендорфско-павловских культурных традиций достигают Восточной Европы. В районе Среднего Приднестровья они оставляют лишь слабый «типологический след»: ножи костёнковского типа и наконечники с боковой выемкой, внезапно появившиеся на позднем этапе молодовской АК (Молодова 5, VII слой). Затем они прочно обосновываются на территории, очерченной нами как пространство Днепро-Донской ИКО. В сферу их распространения вошел и Костёнковско-Борщёвский район.

6.3. Виллендорфско-костёнковская культура в Костёнках

6.3.1. Общие характеристики

Напомним, что в Костёнках данная АК представлена следующими памятниками: Костёнки 1/I; 13; 14/I; 18. Из них Костёнки 1/I, 13, 18 расположены на левом борту Покровского лога, ближе к его устью, в непосредственной близости друг от друга. Они как бы составляют единое целое. Вопрос состоит в том, как образовалось это единство?

А.Н. Рогачёв был склонен рассматривать все три памятника как остатки «палеолитической деревни», существовавшей более или менее единовременно (устные беседы А.Н. Рогачёва, в печати не отражено). Х.А. Амирханов, опираясь на раскопки Зарайской стоянки, считает, что такая ситуация в Костёнках сложилась вследствие постепенного переноса места обитания с одного участка на соседний. Иными словами, он убежд`н не в одновременности, хотя бы и относительной, но в сугубой разновременности объектов, вскрываемых на указанных пунктах [Амирханов, Лев, Селезнёв 2001] Эта проблема требует дальнейшей разработки в ходе новых полевых работ; её окончательное решение на имеющемся материале невозможно.

Стоянка Костёнки 14/I расположена в глубине Покровского лога на правом его борту. Её принадлежность к виллендорфско-костёнковской АК, судя по типологии кремнёвого инвентаря, сомнений не

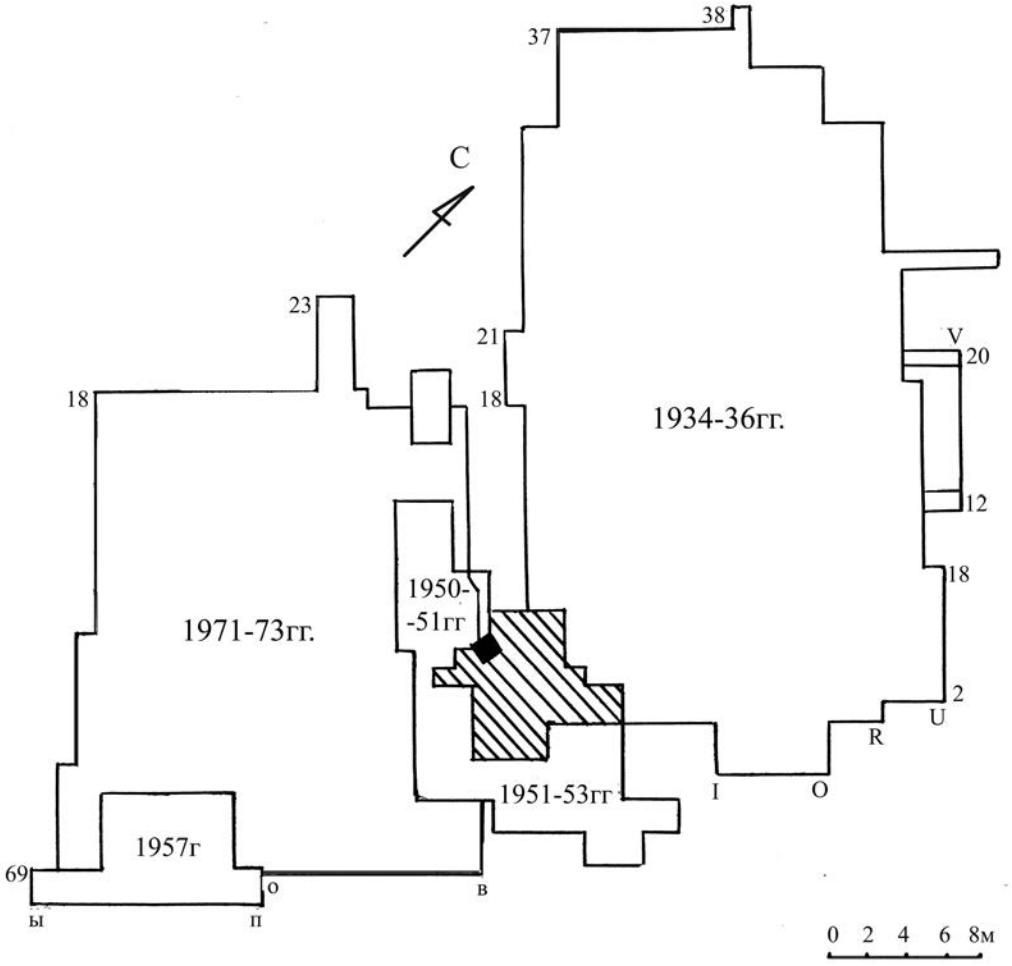

Рис. 99. Костёнки 1 (стоянка Полякова). Схематический план раскопов 1930–1970-х гг., заложенных на I жилом комплексе (1934–1936 гг.) и II жилом комплексе (1950–1951, 1957, 1971–1973 гг.). Косой штриховкой показан раскоп А.Н. Рогачёва, где были исследованы нижние слои стоянки и зафиксировано «округлое жилище» с очагом в центре в V культурном слое. Заливкой показан более раннийшурф А.Н. Рогачева

вызывает [Палеолит... 1982: 147–148]. Начиная с 1999 г., этот культурный слой, вкупе с нижележащими, исследуется А.А. Синицыным. Предварительные результаты пока не дают оснований для точных суждений о планиграфической характеристике и структурных объектах памятника [Синицын 2004].

Бесспорно, наиболее выразительные материалы по виллендорфско-костёнковской АК на Русской равнине даёт стоянка Костёнки 1/I.

Здесь открыты жилые комплексы, представляющие овальные в плане скопления культурных остатков, площадью свыше 500 кв.м. каждый. Вдоль овала располагаются восьмёркообразные полуземлянки, для перекрытия которых использовались крупные кости мамонта, а также ямы-кладовые, заполненные такими костями (рис. 99–101, 101а). Их глубина ~1 м. По центральной линии овала располагался ряд крупных очагов до 1 м в диаметре. Очаги заполнены только костным углём. Примечательная деталь: в полуземлянках нет следов очагов, однако на полу всегда фиксируется россыпь костного угля. Н.Д. Праслов предположил, что горячий уголь из очагов целенаправленно рассыпался по полу, и, видимо, прикрывался сверху шкурами для обогрева помещения. С такой интерпретацией согласились А.Н. Рогачёв и М.В. Аникович. По мнению В.В. Попова, уголь приносился для создания в жилище гидроизоляционного слоя.

Следует особо отметить: костёнковские полуземлянки отнюдь не являлись отгороженными от внешнего мира тёмными спальными камерами. В них велась активная трудовая деятельность, о чём свидетельствуют находки, сделанные на полу этих землянок: орудия труда, фрагменты обрабатываемой кости и бивня и т.п. Разумеется, в кромешной тьме вести подобную деятельность было невозможно. Помещения освещались жировыми лампами, изготовленными из головок бедренных костей мамонта. В 1971 г. в одной из краевых ям был обнаружен целый склад таких «ламп» (рис. 102).

Центральная часть жилых комплексов была изрыта многочисленными ямками-хранилищами различной величины, глубины и конфигурации (рис. 100). Не исключено, что здесь находился «длинный дом». На Костёнках 1/I известны четыре таких комплекса. Третий и четвёртый комплексы пока только разведаны шурфами. Первый был полностью раскопан ещё в тридцатые годы. Результаты этих раскопок опубликованы монографически [Ефименко 1958].

Второму жилому комплексу повезло значительно меньше. Его исследования, начатые А.Н. Рогачёвым ещё в 1953 г., особенно активизировались в 1970–80-х гг. До 1983 гг. ими руководил А.Н. Рогачёв, позднее — Н.Д. Праслов. Первоначально, в 1971 г. была предпринята попытка вскрыть этот жилой комплекс целиком в сжатые сроки. Для этого задействовались силы лучших ленинградских палеолитоведов. Но довольно быстро стало ясно: задача невыполнима. Методические требования к изучению объектов такого рода значительно возросли, по сравнению с 1930-ми годами. К тому же второй жилой комплекс оказался во многих отношениях сложнее первого. Достаточно сказать, что на изучение каждой полуземлянки уходило от трёх до семи полевых сезонов.

Все старались, как могли. Авторы этой книги М.В. Аникович и В.В. Попов, принимавшие участие в раскопках памятника с 1971 г., могут засвидетельствовать: они проводились на достаточно высоком научном уровне. Полученные в ходе раскопок находки — бесценны. Однако с 1983 г. начальник Костёнковской палеолитической экспедиции Н.Д. Праслов перестал подавать отчёты в ОПИ, а с 1986 г. все материалы уже не проходили надлежащей камеральной обработки. С тех пор и по настоящее время никто, кроме него, не знает достоверно, что найдено на памятнике: сколько, к примеру, там было женских статуэток и т.д. Вся полевая документация и наиболее выразительные артефакты до сих пор хранятся у Н.Д. Праслова. Массовый материал, вплоть до 2006 г., полностью оставался в Костёнках — в сарае с дырявой крышей, без какой-либо охраны.

В 2006–2007 гг. часть коллекции кремнёвых орудий (увы, только часть!) оказалась вывезена в ИИМК РАН Е.Ю. Гирей — для дальнейшего изучения. Костный материал по-прежнему остаётся в Костёнках. Всё это нельзя назвать иначе, как полумерой. Полевая документация по-прежнему недоступна, а без неё ценнейшая коллекция второго жилого комплекса становится просто грудой депаспортизованных вещей. Спасение её требует более широких и активных действий.

Составить полноценный отчёт по Костёнкам 1 за 1983–1994 гг. стало уже практически невыполнимой задачей. Трудно сказать, в какой степени сохранилась возможность обработки, научного описания и сведения воедино собранных там многотысячных находок каменного и костяного инвентаря. Удручает, что такое состояние дел стало, как будто, привычным, само собой разумеющимся: второй жилой комплекс ярчайшего памятника верхнего палеолита Восточной Европы гибнет на глазах, если уже не погиб. Пущены на ветер труды и усилия целого поколения петербургских палеолитоведов. Уникальные материалы депаспортизуются... Ну и что?

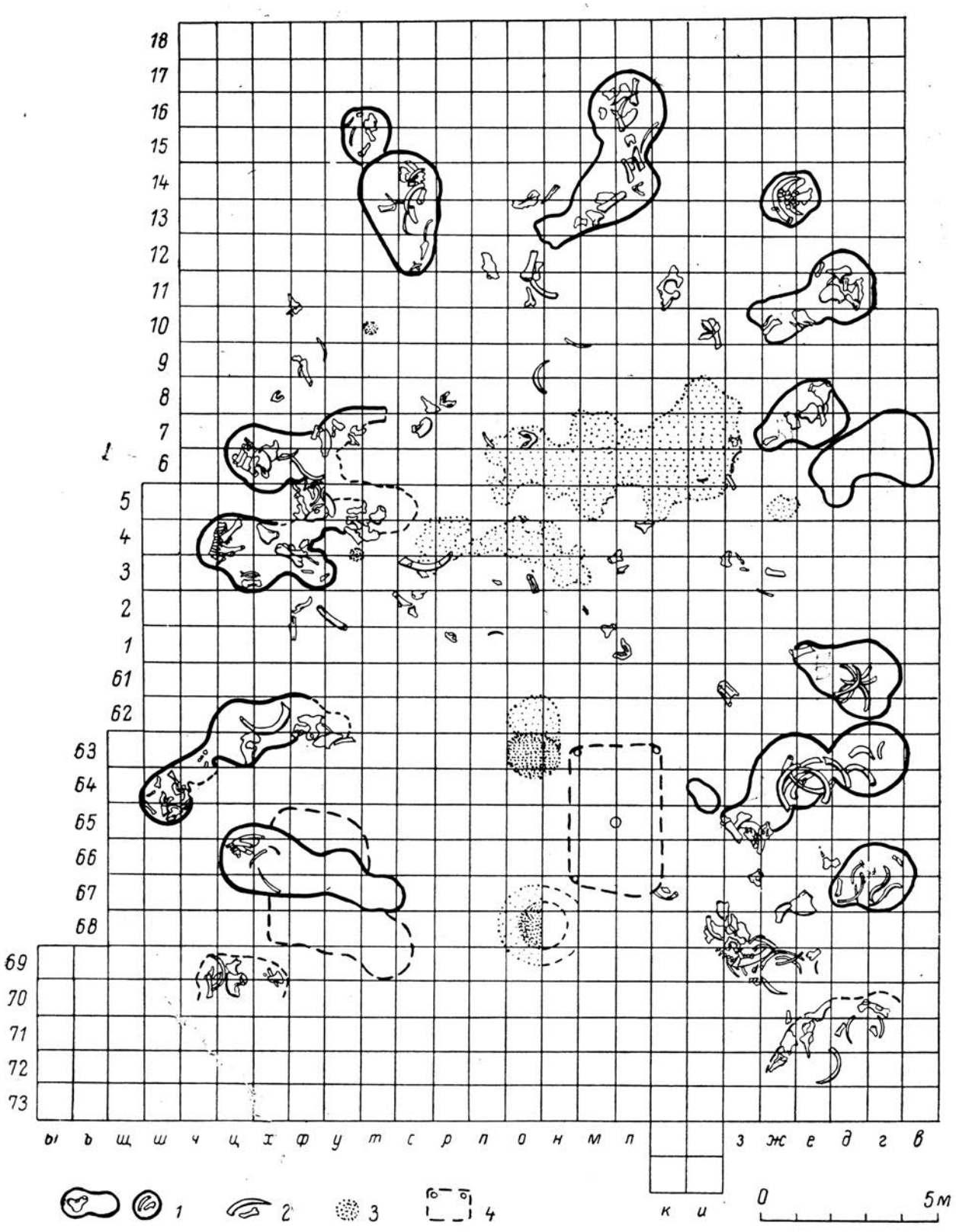

Рис. 100. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. Схематический план раскопанной части II жилого комплекса. Ситуация середины 1970-х гг. *По: [Рогачёв, Праслов, Аникович и др. 1982]*

Рис. 101. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. Северная оконечность II жилого комплекса. Вид с юга. Фото 1973 г.

Рис. 101а. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. II жилой комплекс. Землянки Б (правая) и А (левая). Вид с севера

Рис. 102. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. II жилой комплекс.
Скопление эпифизов головок бедренных костей мамонта в верхней части ямы на кв. еж-13,14

Единственным выходом из создавшегося положения может быть, на наш взгляд, создание отдельной программы — с целью обработки, систематизации и публикации второго жилого комплекса Костёнок 1. Первый этап работ должен включать: а) полную передачу в научный архив ИИМК РАН всех материалов Костёнковской палеолитической экспедиции и составление их описи; б) первичный разбор и транспортировку из Костёнок оставшейся части коллекции второго жилого комплекса. Только после этого можно всерьёз приступать к учёту и осмыслению той информации о раскопках на Костёнках 1, которая ещё не пропала до конца. В любом из российских фондов деньги на такую работу, бесспорно, найдутся.

6.3.2. Костёнки 1, верхний культурный слой

Исходя из сложившейся ситуации, при характеристике Костёнок 1/I мы будем опираться, в первую очередь, на монографически опубликованные материалы первого жилого комплекса, учитывая при этом и то, что реально опубликовано по второму жилому комплексу.

6.3.2.1.Структура поселения

Обобщённая характеристика жилых комплексов Костёнок 1/I была дана выше. В этом подразделе мы постараемся более конкретно осветить одну из таких структур, а именно — первый жилой комплекс, представляющий собой овальное в плане скопление культурных остатков размером 36 х 14–15 м. При этом неизбежны некоторые повторы (рис. 103).

По краям скопления, ограничивая его, расположены 4 землянки и 12 ям-кладовых, Это сложные конструкции с перекрытиями, сооруженными с применением крупных костей мамонта (рис. 101, 103). Землянки одно- и двухкамерные, глубиной около 1 м, с пологим спуском, обращённым к центру жилого комплекса (рис. 104). Далеко не всё ясно в устройстве перекрытия над землянками и ямами-кладовыми (при раскопках мы, естественно, имеем дело с развалинами кровли, рухнувшей в яму). Фиксируется сортировка костей: черепа мамонта и плоские кости (лопатки, тазовые) обычно располагались у входа, а бивни сосредоточены в центральной части землянки. Вероятно, они образовывали куполообразное перекрытие. Некоторые детали показывают, что, наряду с костями, в конструкциях использовалось и дерево (конечно, не сохранившееся). На полу землянок обычно встречается большое количество костного угля: несомненно, люди специально приносили его из очагов — для обогрева, или для создания гидроизоляционного слоя, или для того и другого.

Культурный слой в пределах овала, образованного землянками и ямами-кладовыми, представляет собой суглинок разной степени окрашенности и насыщенности культурными остатками. По централь-

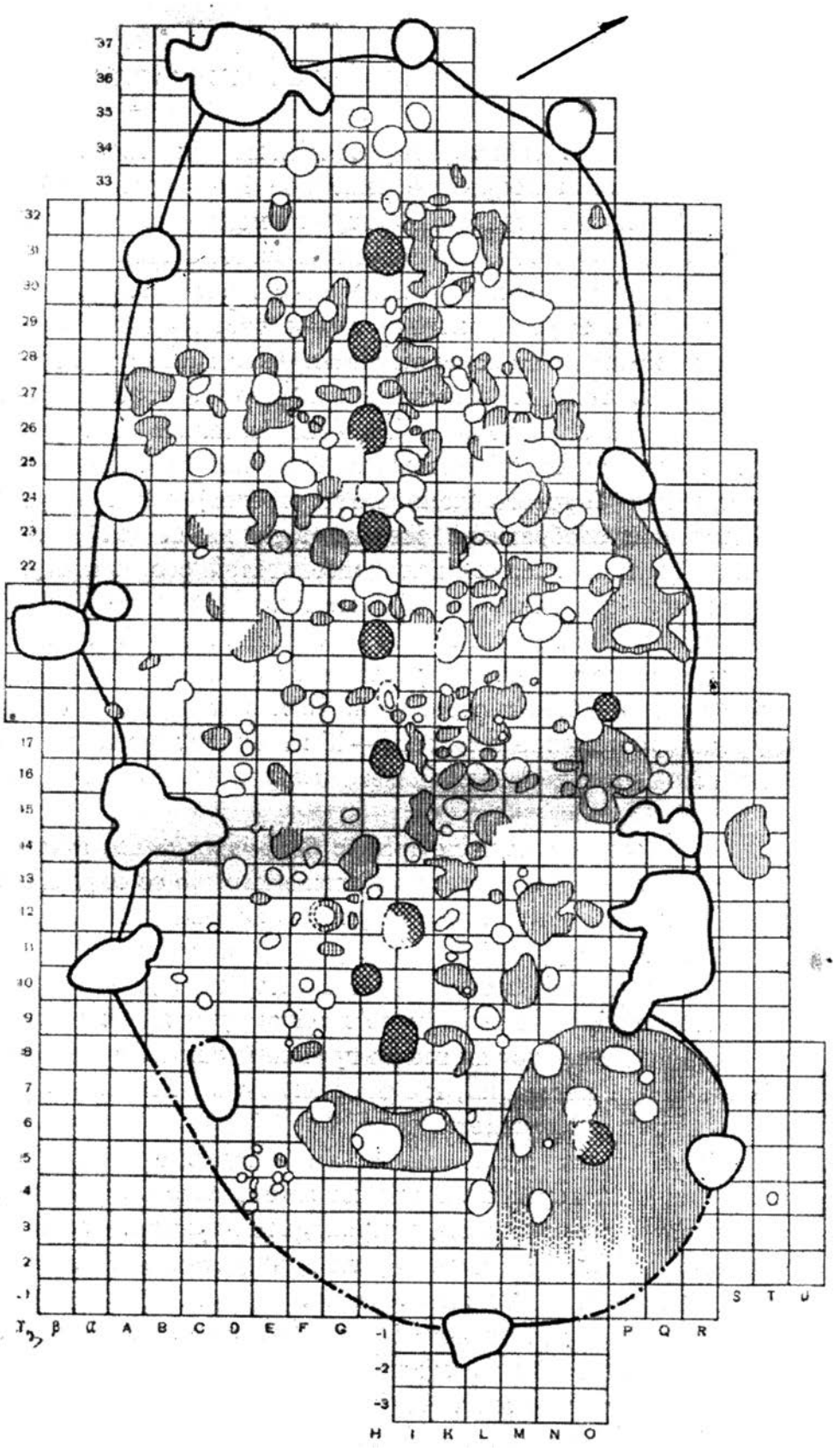

Рис. 103. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК.
Схематический план I жилого комплекса. *По: [Ефименко 1958]*

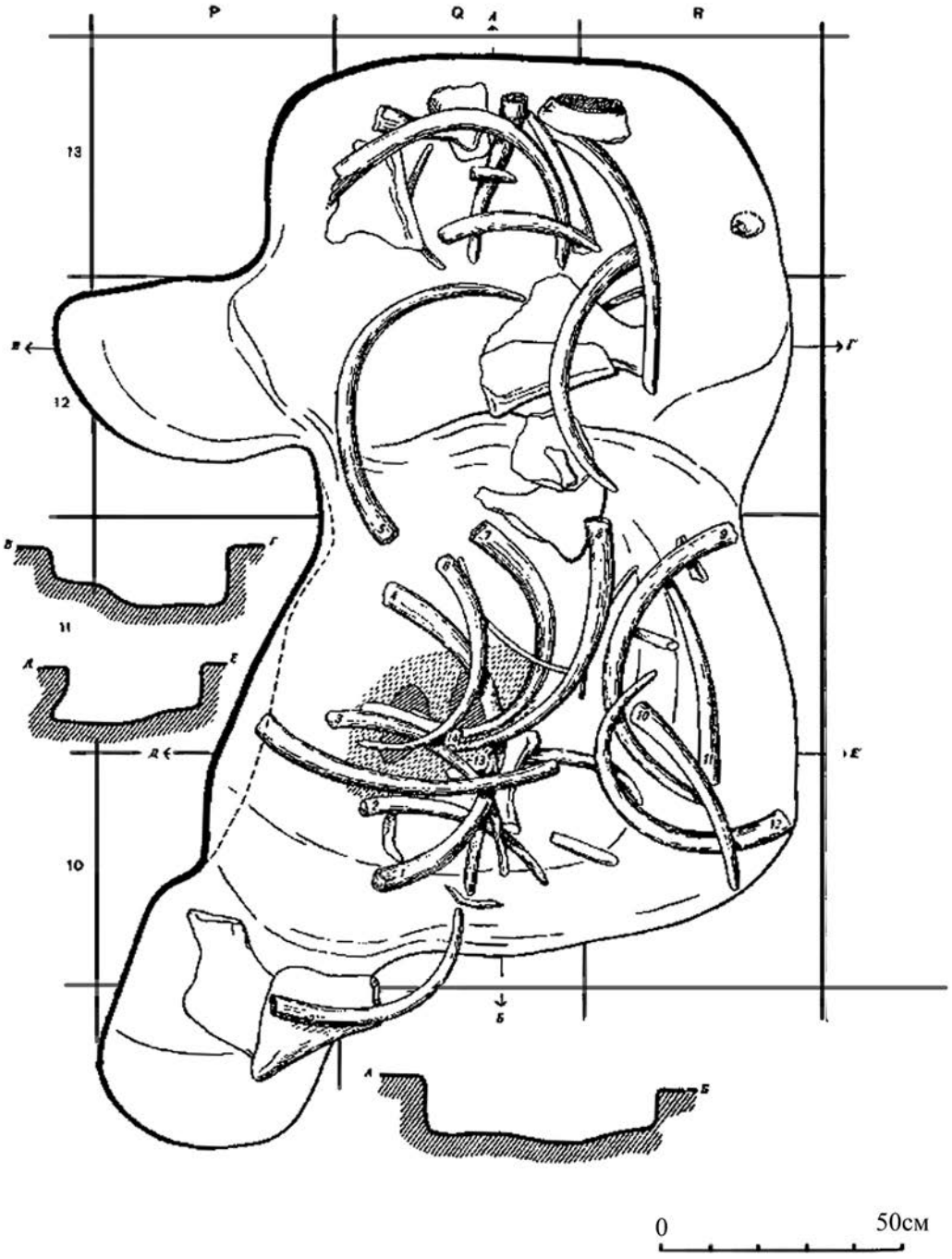

Рис. 104. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. I жилой комплекс. Землянка А. Скопление бивней на дне землянки. *По: [Ефименко 1958]*

ной линии расположен ряд из девяти мощных очагов. Кроме того, во внутреннем пространстве жилого комплекса зафиксировано большое количество ямок-хранилищ самой разной величины, глубины и конфигурации. Некоторые из них заполнены обычным культурным слоем: они явно перестали функционировать ещё в период обитания стоянки. Другие содержат преднамеренно положенные «кладики» кремнёвых пластин, костяные орудия, мергелевые поделки и т.п. Есть ямки, сплошь заполненные чистой охрой.

В юго-восточном конце первого жилого комплекса были обнаружены остатки небольшого (~6 м диаметром), слегка углублённого округлого жилища с очагом в центре. К этому жилищу обращен вто-

рой вход (случай исключительный!) в расположенную рядом землянку «А». По мнению А.Н. Рогачёва, это жилище и землянка «А» образовывали особый, более древний строительный комплекс [Палеолит... 1982: 47].

Разные исследователи по-разному интерпретируют первый жилой комплекс в целом. П.П. Ефименко рассматривал его как остатки одного длинного жилища с наружным ограждением и невысокой кровлей. В состав его входили перекрытия краевых ям и землянок [Ефименко 1958: 204–208]. А.Н. Рогачёв [1970] и Г.П. Григорьев [1967], не отрицая наличия длинного жилища, значительно сужали его размеры, ограничивая их лишь частью внутреннего пространства жилого комплекса. Следует признать, что убедительными доказательствами существования общей кровли и стен над центральной линией очагов мы не располагаем; поэтому до сих пор мы предпочитали трактовать внутреннее пространство жилого комплекса не как «длинное жилище», но как «жилую площадку», место дневного обитания группы людей, использовавших землянки в качестве «спальных камер». Так подсказывал здравый смысл. Однако наука XX в., в первую очередь, физика, неоднократно доказывала: здравый смысл — отнюдь не лучший помощник при построении научных обобщений. Так получилось и тут.

В 2007 г. в Санкт-Петербурге была защищена кандидатская диссертация археологом из Уральского государственного университета О.В. Кардашем [Кардаш 2007]. В ней, в частности, описывалась планировочная структура и архитектура Надымского городка («острога») — места поселения аборигенного остяцко-самодийского населения низовьев р. Оби — предков современных ненцев и хантов. Городок существовал в период с XI до первой трети XVIII вв. «Остатки построек и общественных сооружений конца XVI — первой трети XVIII вв. имеют оптимальную сохранность для достоверной реконструкции» [Кардаш 2007: 8].

Территория поселения, раскапывавшегося О.В. Кардашем в 1998–2005 гг., имела форму овала, вытянутого по оси северо-запад — юго-восток. Анализ планировки и архитектуры Надымского городка привёл автора к целому ряду неожиданных выводов:

«Реконструируемые общие размеры площадки городка составляют 80×40 м. Планировочная структура включала несколько функциональных зон оборонительно-жилого, хозяйственно-бытового, торгово-гостевого и ритуального назначения. В центре площадки находилась жилая зона — комплекс построек внутри оборонительного сооружения общими размерами 35×20 м.

...Сооружение имело единую кровлю. Жилой комплекс опоясывала искусственно сформированная из строительного мусора и различных отходов терраса. Различные участки террасы имели отличное друг от друга функциональное назначение.

...В условиях дефицита дерева конструкция ограждающей стены набиралась из удалённых друг от друга столбов. Пространство между ними заполнялось жердями или ветками. Дополнительно на всю высоту палисада была сделана насыпь из культурного слоя, который мог удерживаться путём замораживания...

Кровля оборонительно-жилого комплекса реконструируется на основе остатков дощатого настила, фрагментов закопчённых балок, индивидуальных берестяных крыш построек. Очень плотная застройка жилой зоны и чрезвычайно узкие проходы не могли эксплуатироваться в зимнее время без единого перекрытия всего комплекса. Логику единого перекрытия диктует не только защита построек от больших масс снега зимой, но и от штормовых ветров и дождей летом, когда основное население покидало городок. Для создания каркаса единой кровли, по-видимому, была применена система перераспределения нагрузки перекрытия через достаточно мощные балки (ригеля) и прогоны. В качестве гнёта кровли использовали дёрн.

...Хорошую защиту городка в зимнее время... обеспечивало использование льда, а в летнее, когда его покидали жители, защищала маскировка под сопку — естественный элемент ландшафта...» [Там же: 8–10].

Не углубляясь в детали, добавим, что, по мнению автора раскопок, население городка было полиэтничным. Для заключительного этапа его существования в нём реконструируется шесть отдельных жилых зон («кварталов») — две «остяцких» и четыре «самоедских» [Там же: 11]. Памятник, в целом, интерпретирован О.В. Кардашем, как зимняя резиденция вождя нескольких территориальных общин [Там же: 19].

Из вышеизложенного следует, что люди, жившие в суровых условиях приполярной тундры, даже в условиях дефицита дерева могли перекрывать (и перекрывали!) единой кровлей площади, в два раза превышающие площадь первого жилого комплекса Костёнок 1/I. При этом использовались лишь весьма несовершенный (с нашей точки зрения) инструментарий и могучий эффект *замораживания*.

Так значит, реконструкция, предложенная П.П. Ефименко, может оказаться верной? — Вполне вероятно. Однако для окончательного принятия того или иного варианта решения необходима строгая и убедительная археологическая аргументация. До получения такой аргументации можно сказать лишь одно: ни один из предложенных выше трёх вариантов реконструкции не может быть отброшен априорно.

По соседству с первым жилым комплексом в разные годы было разведано, по меньшей мере, ещё три. Один из них (второй), систематически изучавшийся в 1971–1994 гг., по общей системе планировки подобен первому, но не тождествен ему (рис. 99–100, 103). Второй жилой комплекс крупнее (к 1994 г. в длину было вскрыто около 40 м, а второй конец овала так и не был обнаружен). Количество землянок намного больше, чем в первом комплексе: сейчас их известно свыше десятка, и среди них имеются более сложные конструкции, чем те, что были прослежены П.П. Ефименко [Палеолит... 1982: 45–48]. Большее количество и сложность крупных краевых объектов второго комплекса позволяют предполагать, что он существовал дольше, чем первый. Есть основания полагать, что, по крайней мере, часть землянок функционировала не синхронно, а последовательно сменяя друг друга.

6.3.2.2. Каменный инвентарь

В основу характеристики каменного инвентаря положены материалы первого жилого комплекса. Всего здесь было собрано около 45.000 расщеплённых кремней, в том числе свыше 3300 орудий и лишь ~150 нуклеусов. Основное сырьё — меловой кремень высокого качества. Наряду с ним, в очень небольших количествах используется местный плитчатый кремень и кварцит.

Характеристику набора орудий уместно начинать с форм, традиционно определяющихся в литературе, как наиболее типичные для рассматриваемой АК. Это наконечники с боковой выемкой и так называемые «ножи костёнковского типа».

Наконечники с боковой выемкой (свыше 460 экз.) представлены здесь двумя основными разновидностями, обычно описываемыми в литературе как «типичные» и «атипичные». «Типичный» костёнковский наконечник — это орудие, сделанное на массивной пластине. Край, противоположный выемке, дугообразно изогнут, второй, образованный выемкой черешка, прямой. Плоская ретушь, часто двусторонняя, оформляет оба конца орудия, обычно со стороны дугообразного края (105: *6–7, 10–11*). «Атипичные» орудия отличаются меньшими размерами, более упрощённой формой и обработкой. У них общая форма обычно достигалась вертикальной ретушью одного из краев (рис. 105: *4–5*). Вместе с тем, в индустрии имеются различного рода «переходные формы», связующие обе эти разновидности.

Наличие памятников, относящихся к виллендорфско-костёнковской культуре, в которых известны только «атипичные» наконечники с боковой выемкой (Гагарино) позволяет рассматривать эти два варианта, как самостоятельные типы.

«Ножи костёнковского типа» (свыше 650 экз.) представляют собой пластины, на концах которых фиксируются два основных элемента — усечение и серия плоских длинных снятий, направленная от усечения и утончающая дорсальную поверхность пластины (рис. 105: *12, 20*). Можно выделить довольно много разновидностей этих орудий, в том числе такие, где один из элементов отсутствует или положение элементов на заготовке меняется местами (плоские сколы нанесены с брюшка). В сущности, здесь мы имеем дело с «технической формой», возникшей не в результате целенаправленного ретуширования, но как результат специфического использования конца пластины в процессе работы и специфического способа его подправки в процессе изнашивания. Эта специфика и определяет культурную значимость данных орудий.

Культуроопределяющие характеристики прослеживаются и в других группах орудий. Количественно самая большая из них — резцы (~1000 экз.). Выполнялись они почти исключительно на пластинах (рис. 105: *22*). Преобладают резцы на углу сломанной пластины и срединные. Боковых — ~250 экз., прямо- и косоретушных, тесно связанных с типологически выразительной группой пластин с усечёнными концами (~100 экз.). Скребков имеется ~250 экз., преобладают концевые на пластинах (рис. 105: *14–15,17*). Наряду с ними, в сравнительно небольшом количестве имеются высокие нуклевидные и округлые скребки на отщепах (всего ~60 экз.).

Микропластинок с притупленным краем ~400 экз., причём абсолютное большинство составляют пластинки с одним притупленным краем и подработкой одного или двух концов — со спинки или с брюшка (рис. 105: *1–2*). Довольно выразительны проколки (40 экз.), часто имеющие клювовидную форму (рис. 105: *9*). Острий на пластинах 60 экз.; вполне вероятно, что значительная часть этих орудий является начальной стадией оформления наконечников с боковой выемкой (рис. 105: *16*).

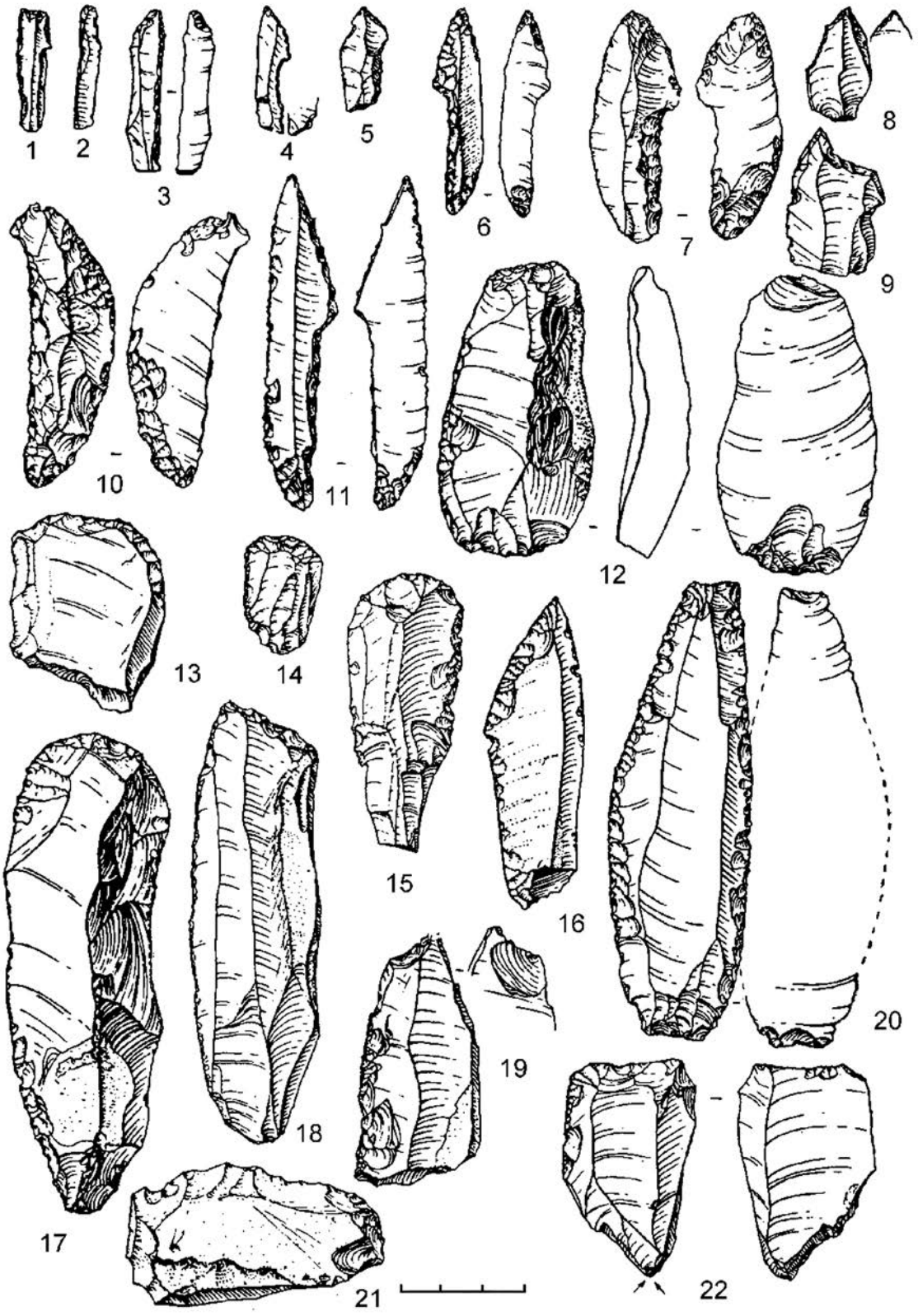

Рис. 105. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. II жилой комплекс. Кремнёвая индустрия. *По: [Рогачёв, Праслов, Аникович и др. 1982]*

Следует особо отметить несколько листовидных орудий овальной формы: орудия этого типа хорошо известны в Авдеевской стоянке. Среди остальных изделий с вторичной обработкой имеется небольшое количество скреблообразных орудий (рис. 105: *21*)и ~20 экз. зубчато-выемчатых.

6.3.2.3. Костяной инвентарь

Костяной инвентарь верхнего слоя Костёнок 1 богат и разнообразен. Наиболее специфическими орудиями являются мотыги из бивня мамонта с уплощёнными лезвиями и богато орнаментированными рукоятями (рис. 106: *4,6*), лопаточки с фигурными рукоятями, украшенными орнаментом (рис. 106: *3,5*). В плоской головке с прорезанными «глазками», венчающей рукоять такой лопаточки, можно предположить стилизованное зооморфное изображение. Много различного рода стержней, острий, проколок, выполнявшихся, как из осколков трубчатых костей, так и из бивня (рис. 106: *1–2*). Известны обломки бивневых наконечников и один целый дротик (?) из бивня длиной 75 см.

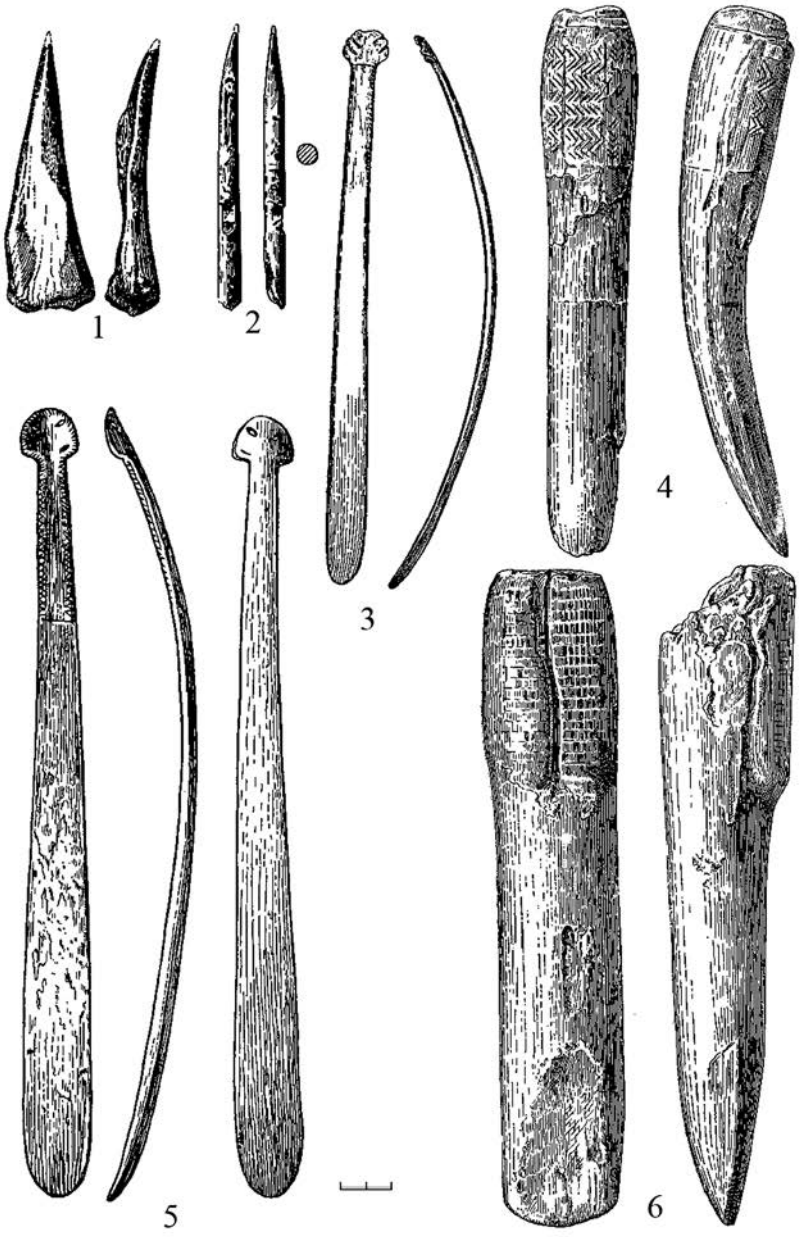

Рис. 106. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. I жилой комплекс. Костяная индустрия. *По: [Ефименко 1958]*

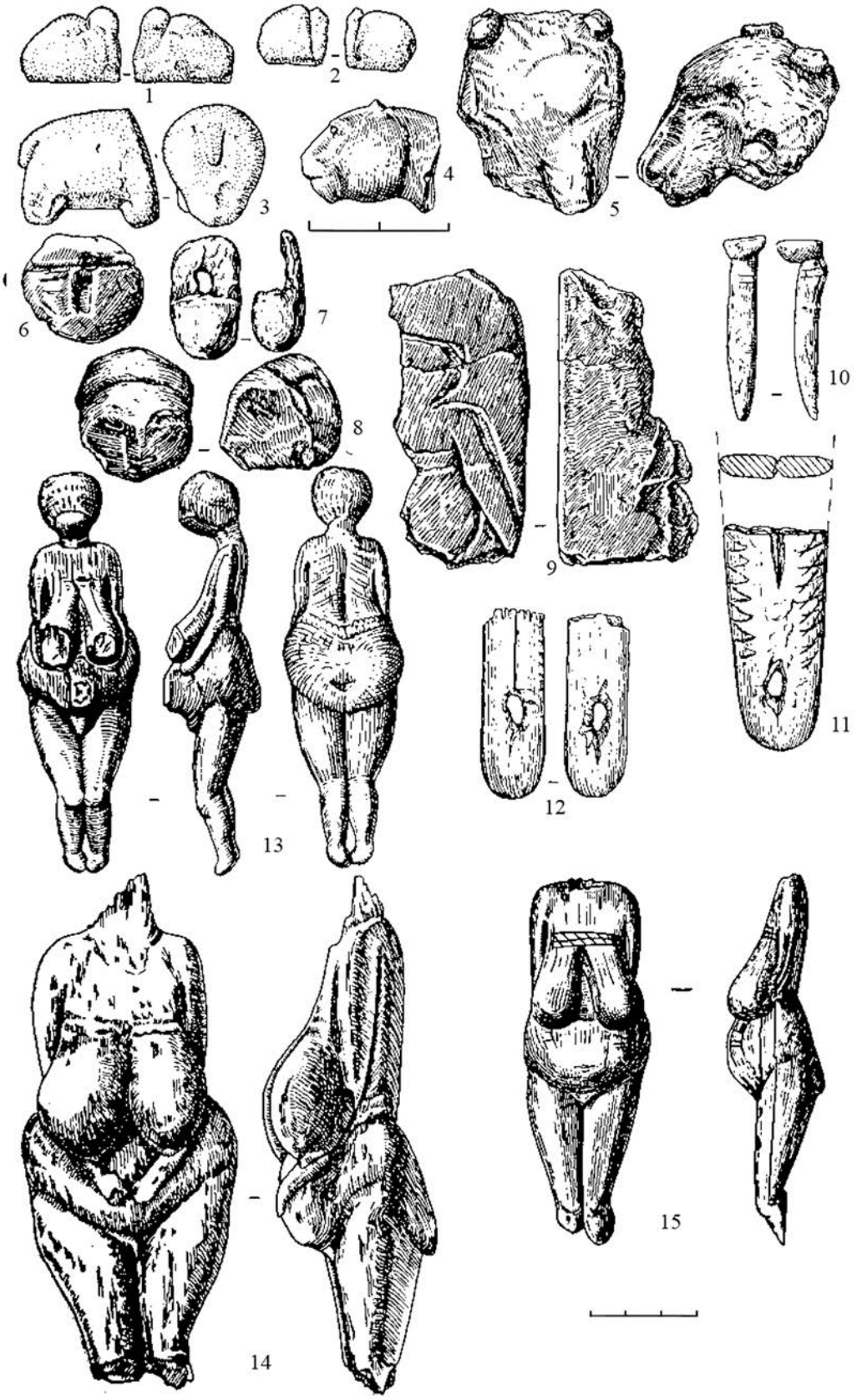

Рис. 107. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. I жилой комплекс.
Предметы искусства. *По: [Ефименко 1958]*

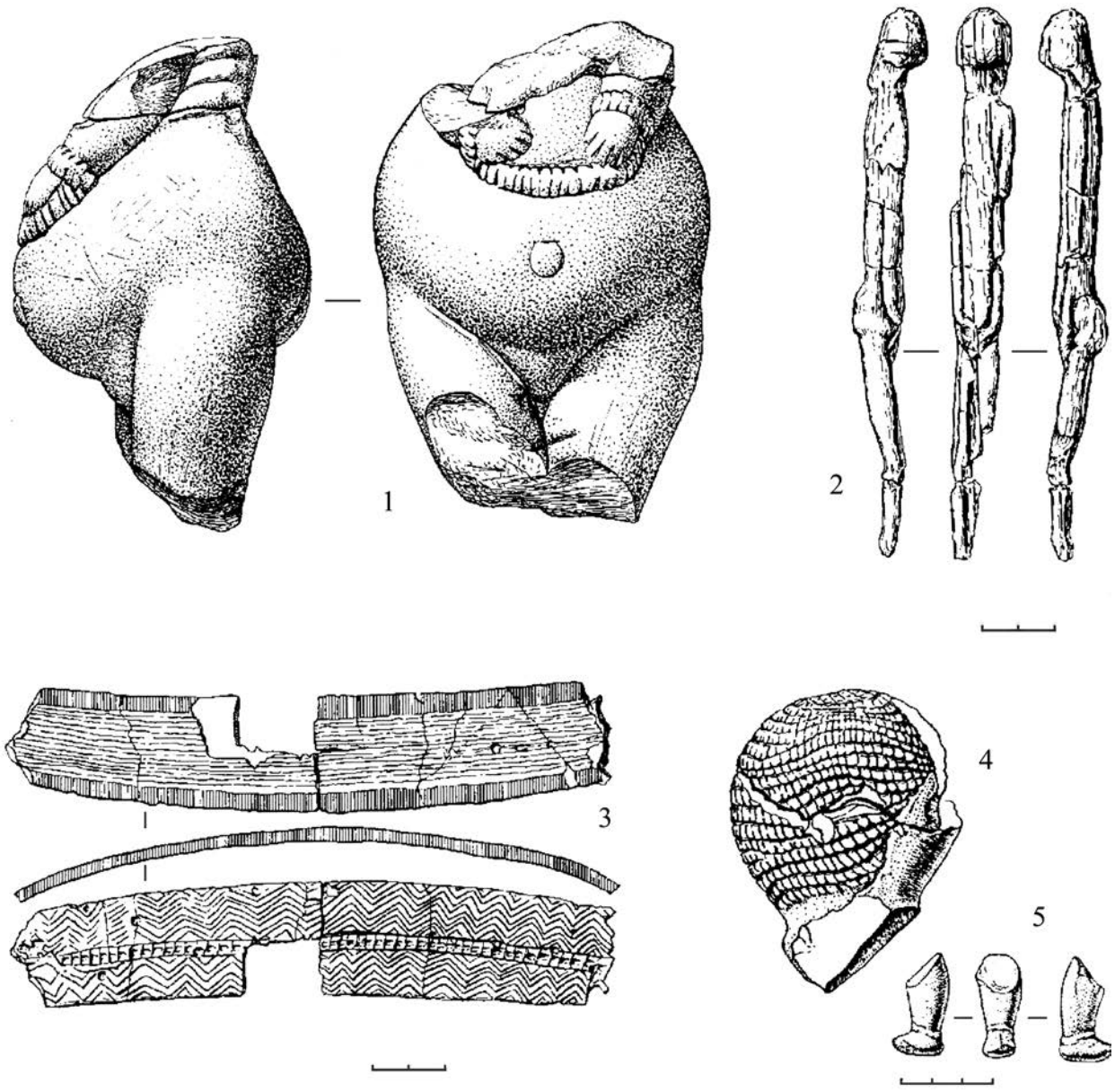

Рис. 108. Костёнки 1/I. Виллендорфско-костёнковская АК. II жилой комплекс.
Предметы искусства и украшения. *По: [Рогачёв, Праслов, Аникович и др. 1982; Праслов 1993]*

Украшения представлены многочисленными клыками песца с прорезанными отверстиями. Кроме них, имеются специфические подвески из бивня мамонта, часто орнаментированные (рис. 107: *11–12*). Культурооопределяющими являются здесь своеобразные фибулы — так называемая «верблюжья ножка» (рис. 107: *102*). Наконец, во втором жилом комплексе были впервые найдены диадемы, выполненные из бивня, богато орнаментированные по всей поверхности (рис. 107: *5*).

6.3.2.4. Керамика

В однокультурных, хотя и не тождественных Костёнкам 1/I, стоянках Моравии — Дольни Вестоницы и Павлов — давно известны находки антропоморфных и зооморфных изображений из обожжённой глины. В сущности, это и есть древнейшая в мире керамика! При раскопках первого жилого комплекса Костёнок 1 ничего подобного обнаружено не было. Но в 1970-х гг. при исследованиях второго жилого комплекса Н.Д. Праслов впервые обратил внимание на два куска глины жёлто-палевого цвета, почти

неотличимых от суглинка, но более плотных. Благодаря его наблюдательности, удалось выделить эти предметы, найти новые подобные экземпляры и – вначале предположительно, а затем и с уверенностью — определить их как фрагменты обожжённой глины (керамики).

Впоследствии, после расширения источниковой базы, Н.Д. Праслов организовал анализ этой верхнепалеолитической керамики различными естественнонаучными методами. Анализы производились в Институте географии РАН (Москва) проф. А.Г. Черняховским и в Смитсоновском институте (Вашингтон) доктором П. Вэндивер. Результаты показали, что собранные фрагменты глины не только, несомненно, обожжены, но и сам материал их резко отличен по своему составу от суглинка., из которого они были извлечены. Предположительно, он содержит искусственные добавки — золу древесных и травянистых растений. Таким образом, эти кусочки, действительно, являются фрагментами керамики.

Но какова была её функция в жизни обитателей поселения верхнего слоя Костёнок 1? К сожалению, только один из найденных фрагментов можно предположительно трактовать, как «обломок плечевого пояса фигурки какого-то животного» [Праслов 1992: 29]. Подавляющее большинство фрагментов костёнковской керамики (всего их собрано свыше 400 экз.) Н.Д. Праслов интерпретировал, как «обломки глиняной обмазки наземной части конструкции очагов». Сохранившиеся на ряде фрагментов отпечатки древесных прутиков позволяют думать, что это остатки «каркаса каких-то сооружений, обмазывавшихся глиной. В этом случае обжиг имел непреднамеренный характер» [Там же].

Верхнепалеолитическая керамика представляет собой явление, хотя и не исключительное, но всё же крайне редкое. Обнаружение её в верхнем слое Костёнок 1 стало дополнительным свидетельством весьма высокого уровня данной культуры. Оно не только лишний раз подтвердило тесные связи этого памятника с близкими в культурном отношении стоянками Центральной Европы, но и значительно расширило наши представления об использовании данного искусственного материала, изобретённого носителями виллендорфско-костёнковских культурных традиций.

В своей статье Н.Д. Праслов перечисляет все известные в настоящее время находки керамики в палеолите. Кроме памятников виллендорфско-костёнковского круга, сюда входят стоянки Цейков и Кашов в Восточной Словакии (найдены фрагменты обожжённой глины); стоянка Солютре (по старым сведениям, опубликованным в 1868 г. А. де Ферри, керамика найдена в очаге); Каповая пещера на Урале (глиняный светильник); Майнинская стоянка на Енисее (антропоморфная фигурка) [Праслов 1992: 32–33].

Что касается древнейшей глиняной посуды, обнаруженной в ряде дальневосточных культур, имеющих позднеплейстоценовый возраст (Япония, Северный Китай, дальневосточные регионы России) — то там по всему комплексу археологических характеристик речь идет не о верхнепалеолитической керамике, а о древнейшем в мире проявлении новой археологической эпохи — неолита.

6.3.2.5. Изобразительное искусство

Среди восточноевропейских верхнепалеолитических стоянок, давших науке яркие образцы «мобильного» искусства, Костёнки 1/I по праву занимает первое место. Только в первом жилом комплексе собрано свыше 150 предметов, относящихся к этому разряду источников. Они детально описаны и пронумерованы [Ефименко 1958; Абрамова 1962]. «Сюжетные» изображения здесь отражают две темы: женщина и зверь. Большой интерес представляют изображения фантастических существ, совмещающих антропоморфные и зооморфные черты, знаменующие собой третью тему, как бы вырастающую на стыке двух первых.

Антропоморфные изображения — это, прежде всего, женские фигурки, знаменитые «венеры», выполненные из бивня или мергеля (рис. 107: *13–25;* 108: *1–4*). Обращает внимание сочетание достаточно определенного канона, свойственного только статуэткам виллендорфско-костёнковской культуры (опущенная голова, руки, сложенные на животе под грудью, ноги, сжатые в бедрах, с разведёнными икрами и прижатыми друг к другу носками), с намеренным подчёркиванием индивидуальных черт — особенностей телосложения, причёски, украшений. Лицо изображалось крайне редко — лишь на одной статуэтке из второго жилого комплекса.

Зооморфные изображения выполнялись исключительно из мергеля. Это миниатюрные стилизованные фигурки мамонтов (рис. 107: *1–3*), аналогичные подобным же фигуркам (мамонт, носорог) из одновременных, но разнокультурных стоянок: Костёнки 4/I; Костёнки 11/II. В этой связи ещё раз подчеркнём, что ближайший культурный аналог первому слою Костёнок 1 — Авдеевская стоянка — таких изображений не даёт. Авдеевские фигурки мамонтов крупнее, и стиль их исполнения иной. Близкой аналогией им является известный мамонт из Пшедмости [Елинек 1982: рис. 538–539].

Из мергеля же выполнялись отдельные головки, изображающие не только зверей, но, возможно, и птиц. Особенно выразительны голова медведя и голова пещерной львицы (рис. 107: *4–5*). Подобные изображения головок животных имеются в Костёнках 4/I и Костёнках 9.

Известно большое количество знаковых изображений. Только некоторые из них поддаются какой-то, пускай предположительной, расшифровке (знак женского пола). Очень интересен и специфичен орнамент из Костёнок 1/I. Обитатели этой стоянки щедро орнаментировали не только отдельные предметы искусства и украшения, но и орудия труда: мотыги, лопаточки и пр. На материалах первого жилого комплекса З.А. Абрамова выделила 16 элементов орнамента, встречающихся в разных сочетаниях на 14 разновидностях предметов [Абрамова 1962: 22–23]. Чаще всего встречается мотив в виде чередования коротких прямых и косых насечек, крестиков, углов, наносившихся по краям изделий (рис. 106: *5*; 107: *11*). Иногда узор (параллельные зигзаги, «елочки», сетка) заполняет собой всё орнаментируемое пространство: поверхность диадемы, рукоять мотыги и т.д. (рис. 106: *4,6;* 108: *5*)

6.3.2.6. Краски

Окрашенность культурного слоя, окрашенность отдельных костей, скопления «чистой» краски (в ямках), комочки красящего вещества, красные «карандаши» из гематита — всё это встречается в первом культурном слое Костёнок 1 в значительном количестве. В 1970-х гг., Н.Д. Праслов организовал систематическое изучение палеолитических красок в Костёнках, ориентируясь, в первую очередь, на материалы данной стоянки. Предварительные результаты [Палеолит... 1982: 257–259] показали, что люди, оставившие этот культурный слой, использовали четыре основных цвета: чёрный, красный, оранжево-жёлтый (охристый) и белый. Преобладал красный цвет (основные варианты — вишнёвый и алый). Красители вишнёвых тонов получали из пережжённых железистых конкреций. Краска алых тонов, вероятно, добывалась в окрестностях Костёнок из неогеновых глин, сохранившихся кое-где в карстовых полостях. Для чёрной краски могли использоваться в некоторых случаях древесные угли и пережжённая кость, смешанная с жиром, а также окислы марганца, добывавшиеся в береговых обрывах. Охристые (жёлтые) тона получались из пережжённого лимонита. Эти экспериментальные данные были получены на основе различного вида анализов, проведённых в лабораториях ЛОИА (ныне ИИМК РАН) и Государственного Эрмитажа [Палеолит... 1982: 258].

Для чего же использовались эти краски? В первом слое Костёнок 1 встречается большое количество в разной степени окрашенных костей (в том числе крупных — бивни, тазовые кости, лопатки мамонта) и поделок. К сожалению, далеко не всегда можно с уверенностью утверждать, было это окрашивание преднамеренным, или оно произошло естественным путем, в результате длительного пребывания предмета в окрашенном культурном слое. Нанесённые краской орнаменты — подобные тем, что зафиксированы на крупных костях мамонта в Мезине и Межиричах — здесь не наблюдаются, и выводы приходится делать по косвенным данным (интенсивность краски, наличие или отсутствие её в трещинах и на поверхности сломов; наличие разных красителей на одном предмете, наличие или отсутствие краски в породе, окружавшей предмет и т.д.). По предварительным данным, люди, жившие на этом поселении, действительно, преднамеренно окрашивали не только отдельные костяные и мергелевые поделки (в том числе — некоторые женские статуэтки), но в ряде случаев — и крупные кости мамонта.

6.3.3. Иные памятники виллендорфско-костёнковской культуры на территории Костёнок

В непосредственной близости от Костёнок 1 расположены ещё две стоянки виллендорфско-костёнковской культуры — Костёнки 13 и Костёнки 18. Не исключено, что все эти три пункта есть, в сущности, не что иное, как остатки одного обширного поселения. Однако нет никаких гарантий, что все вскрывавшиеся здесь объекты существовали одновременно. Вполне возможен другой вариант: в течение сотен и тысяч лет люди, селившиеся здесь, последовательно смещались на соседние участки, забрасывая старые места обитания. Впрочем, строгими научными доказательствами в пользу той или иной версии мы пока не располагаем.

Как Костёнки 13, так и Костёнки 18 только разведаны небольшими раскопами и шурфами; общая вскрытая площадь на каждом их этих местонахождений составляет ~50 кв.м. Культурный слой сильно разрушен: на Костёнках 13 — склоновыми процессами, а на Костёнках 18 — ямами обитавшего здесь населения эпохи бронзы, а отчасти — современными землекопными работами. Тем не менее, здесь удалось выявить ряд важных объектов эпохи верхнего палеолита.

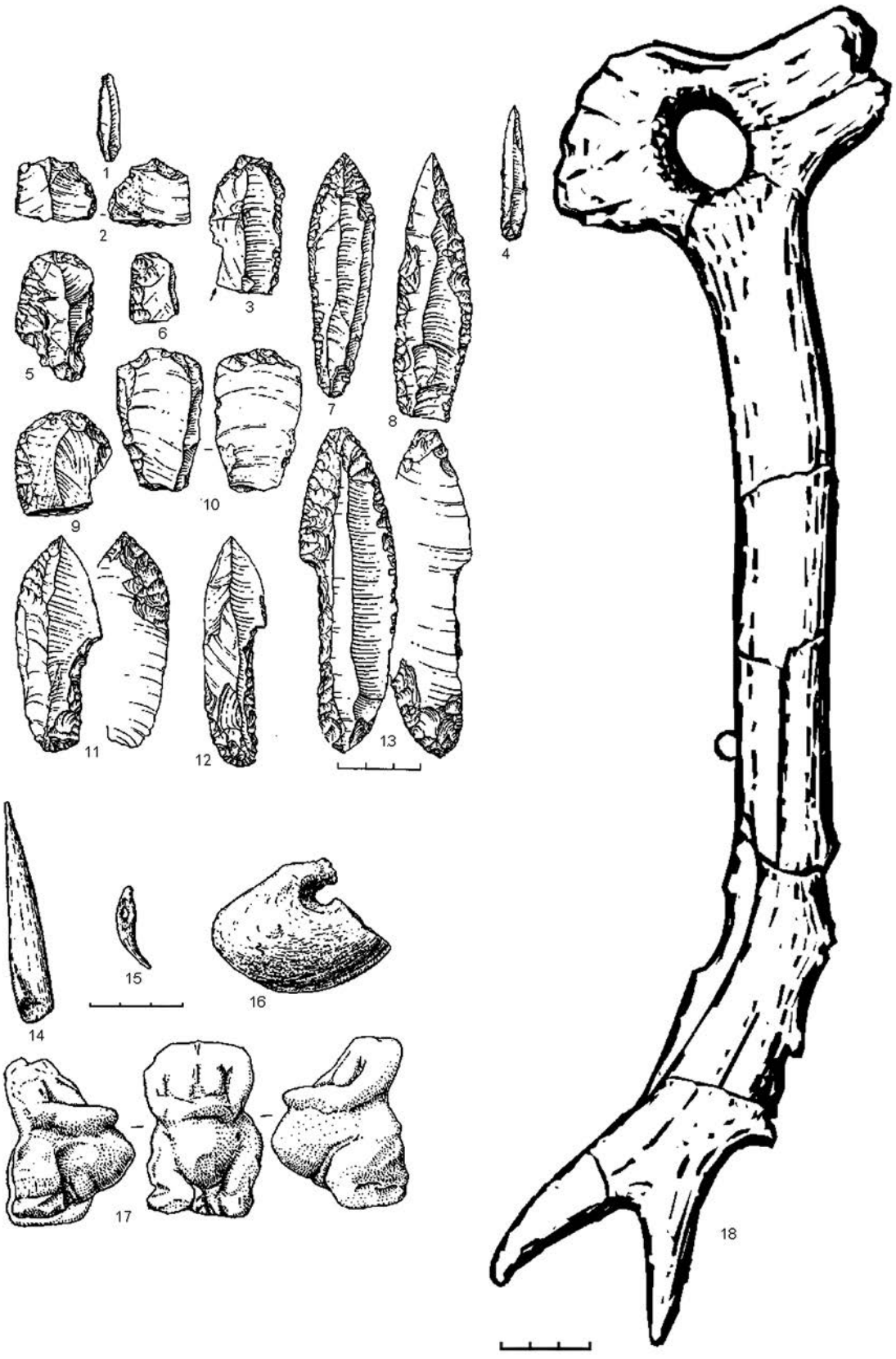

Рис. 109. Костёнки 13 (Кельсиевская стоянка). Виллендорфско-костёнковская АК. 1–13 — кремнёвая индустрия; 14, 18 — костяная индустрия; 15–16 — украшения из кости; 17 — статуэтка из мергеля. *По: [Рогачёв, Беляева 1982]*

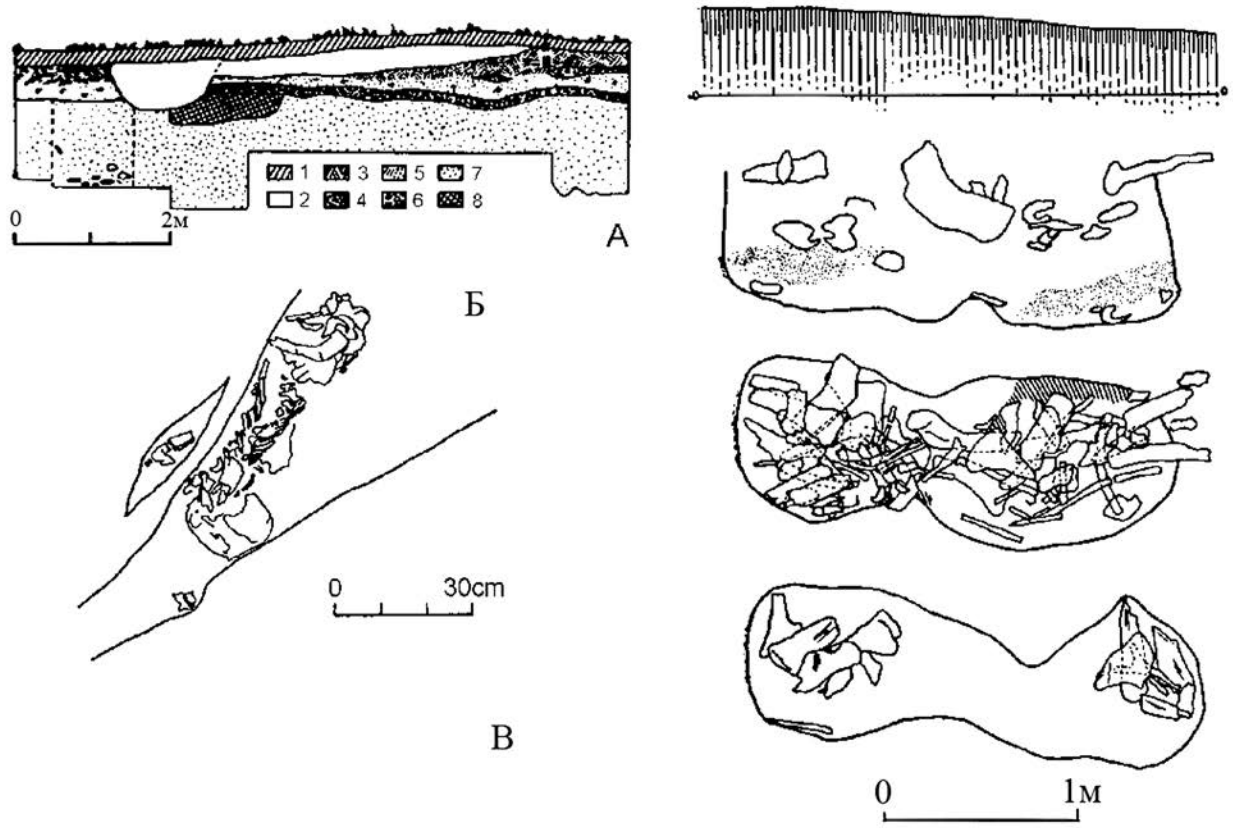

Рис. 110. Костёнки 18 (Хвойковская стоянка). Виллендорфско-костёнковская АК. *По: [Рогачёв, Беляева 1982а].* *А* — условия залегания палеолитического погребения (1 — пахотный слой; 2 — насыпная земля; 3 — современная почва; 4 — верхняя прослойка фосфоритов; 5 –гумусированный песок; 6 — нижняя прослойка фосфоритов; 7 — сеноманский песок; 8 — могильная яма); *Б* — остатки скелета ребёнка на дне могильной ямы; *В* – профиль ямы, заполненной костями мамонта; *Г* — скопление костей мамонта в верхнем ярусе могильной ямы; *Д* — нижний горизонт заполнения ямы

На Костёнках 13 была раскопана обычная полуземлянка костёнковско-авдеевского типа и неглубокая овальная (1,2×1 м) плоскодонная западина, заполненная костями песца, как минимум, от 16 особей. Кости перекрыты интенсивной золистой массой.

На Костёнках 18 в 1959 г. была полностью расчищена типичная костёнковско-авдеевская ямакладовая и обнаружены, но не доследованы ещё две ямы — возможно, две камеры одной полуземлянки. Своеобразны четыре объекта, исследованные здесь в 1953 г. — погребение ребенка, сильно пострадавшее от современных землекопных работ, и три ямы, имевшие, по мнению А.Н. Рогачёва, культовый характер [Палеолит... 1982: 188–189].

От погребения сохранился только участок подтреугольных очертаний 1,2×0,52 м. (рис. 110: *Б*). Было установлено, что могила представляла собой яму, вырытую в сеноманском песке, глубиной не менее 0,4 м. На дне ее лежал скелет ребенка 9–10 лет, на левом боку, головой на юго-запад, лицом на запад. Судя по сохранившимся фрагментам конечностей, руки его были подогнуты и лежали перед лицом; ноги, вероятно, согнуты в коленях (скорченное положение). Не обнаружено ни могильного инвентаря, ни окрашенности дна могилы охрой. Сверху скелет был перекрыт тремя ярусами крупных костей мамонта: непосредственно на нём — две лопатки и две большие берцовые; выше — лежащие вдоль могилы длинные кости (плечевая, большая берцовая, две локтевые); ещё выше (верхний ярус) — две большие берцовые, малая берцовая, бедренная и плечевая, уложенные поперёк могильной ямы, а также бивень.

А.Н. Рогачёв был склонен интерпретировать это погребение по аналогии с погребением из Костёнок 15: как склеп с обвалившимся перекрытием [Палеолит... 1982: 189]. На наш взгляд, здесь более уместны сопоставления с известными погребениями из близких в культурном отношении стоянок Центральной

Европы (Дольни Вестоницы, Павлов), где погребённые в скорченном положении также были прикрыты сверху лопатками мамонта, но ни о каком «склепе», судя по общей ситуации, не было и речи.

Погребение на Костёнках 18 — одна из уникальных антропологических находок в восточноевропейских памятниках виллендорфско-костёнковской АК. Кроме него, мы располагаем лишь находками кости и молочного зуба человека в культурном слое Зарайской стоянки [Трусов 1994: 105; Амирханов, Бужилова, Лев 2009 (в печати)].

К сожалению, сохранность черепа из Костёнок 18 не позволяет проводить детальные сравнения с черепами из Дольних Вестониц, Пжедмости, Павлова: антропологи лишь с уверенностью устанавливают его видовую принадлежность (морфологически современный человек) и с не меньшей уверенностью говорят о том, что «по строению мозговой коробки череп образует вариант, отличный от того, что мы наблюдаем в Костёнках 15» [Палеолит... 1982: 249].

Из ям, определявшихся А.Н. Рогачёвым, как «культовые», две находились в непосредственной близости от погребения. Они были вырыты в сеноманском песке [Там же: 162] и, по-видимому, сразу засыпаны тем же песком. Никаких признаков обычного заполнения ям культурным слоем не прослежено, они фиксировались только по дну, на котором залегали крупные кости мамонта, сопровождавшиеся в одном случае тремя позвонками плезиозавра. Третья яма расположена в 150 м к востоку от погребения. Она имела, подобно костёнковским землянкам, восьмёркообразную форму (размеры: 2,26×0,8, 0,5×1,0 м), но пологий спуск отсутствовал (рис. 110: *В-Д*). В заполнении найдено большое количество переломанных пополам бёдер мамонта, обычно торчавших вертикально около стен ямы; в центре — целая лопатка мамонта; дно лишено культурных остатков, зато обильно окрашено охрой. Все эти обстоятельства позволили А.Н. Рогачёву «предположить, что данная яма является условным погребением (кенотафом)», подчёркивая гипотетичность такого предположения [Палеолит... 1982: 190].

Кремнёвый инвентарь Костёнок 13 и 18 по своим основным характеристикам тождествен инвентарю I слоя Костёнок 1 (рис. 109: *1–13;* 111: *1–13*). То же самое можно сказать и о немногочисленных костяных орудиях и предметах украшения, найденных в Костёнках 13 (шилья, стержни, подвески из клыков песца и т.п.). Здесь следует особо отметить прекрасный «жезл начальника» из рога северного оленя (рис. 109: *18*) и уникальную мергелевую статуэтку, изображавшую рожающую женщину (рис. 109: *17*).

Ещё один пункт, относящийся к той же АК — Костёнки 14/I — находится на противоположном, правом борту Покровского лога. До 1998 г. этот слой был вскрыт на площади около 110 м², представлен отдельными находками костей мамонта, пятнами окрашенности и углистости, немногочисленными кремнями: всего 170 экз., из них только 22 орудия. К виллендорфско-костёнковской культуре его отнесли главным образом, на основании находки наконечника с боковой выемкой (рис. 111: *14*). Другие орудия — концевые скребки, срединные резцы (рис. 111: *4, 7*) — этому не противоречат. Следует отметить также наличие в слое довольно типичного острия граветт (рис. 111: *16*).

В настоящее время Костёнки 14/I активно изучаются Костёнковской палеолитической экспедицией под руководством А.А. Синицына. Предварительные результаты опубликованы [Синицын, Хоффекер, Синицына... 2004]. Они подтвердили принадлежность этого культурного слоя виллендорфско-костёнковской АК и показали, что слой этот намного интереснее, чем предполагалось ранее. Однако воздержимся от более детальной его характеристики до появления капитальной публикации итогов работ А.А. Синицына.

6.3.4. Радиоуглеродный возраст стоянок виллендорфско-костёнковской АК в Костёнках

Мы не располагаем какими бы то ни было данными о времени существования первого жилого комплекса Костёнок 1/I. В 1930-х гг. методика абсолютного датирования ещё не была разработана. В нашем распоряжении имеется, на первый взгляд, весьма представительная совокупность ^{14}C дат, полученных для второго жилого комплекса. По мнению А.А. Синицына, «42 датировки для одного поселения представляют собой уникальное для археологии палеолита явление... Количественно представительные серии дат открывают новую возможность оценки их вариабельности, недоступную в условиях единичных датировок... Важность использования статистических методов оценки распределения определяется их самоценностью, действием без привлечения дополнительных источников информации...» [Радиоуглеродная хронология... 1997: 29]. Однако при детальном анализе выясняется, что значительная часть дат ущербна, а в ряде случаев они просто не могут быть приняты к рассмотрению по методическим соображениям.

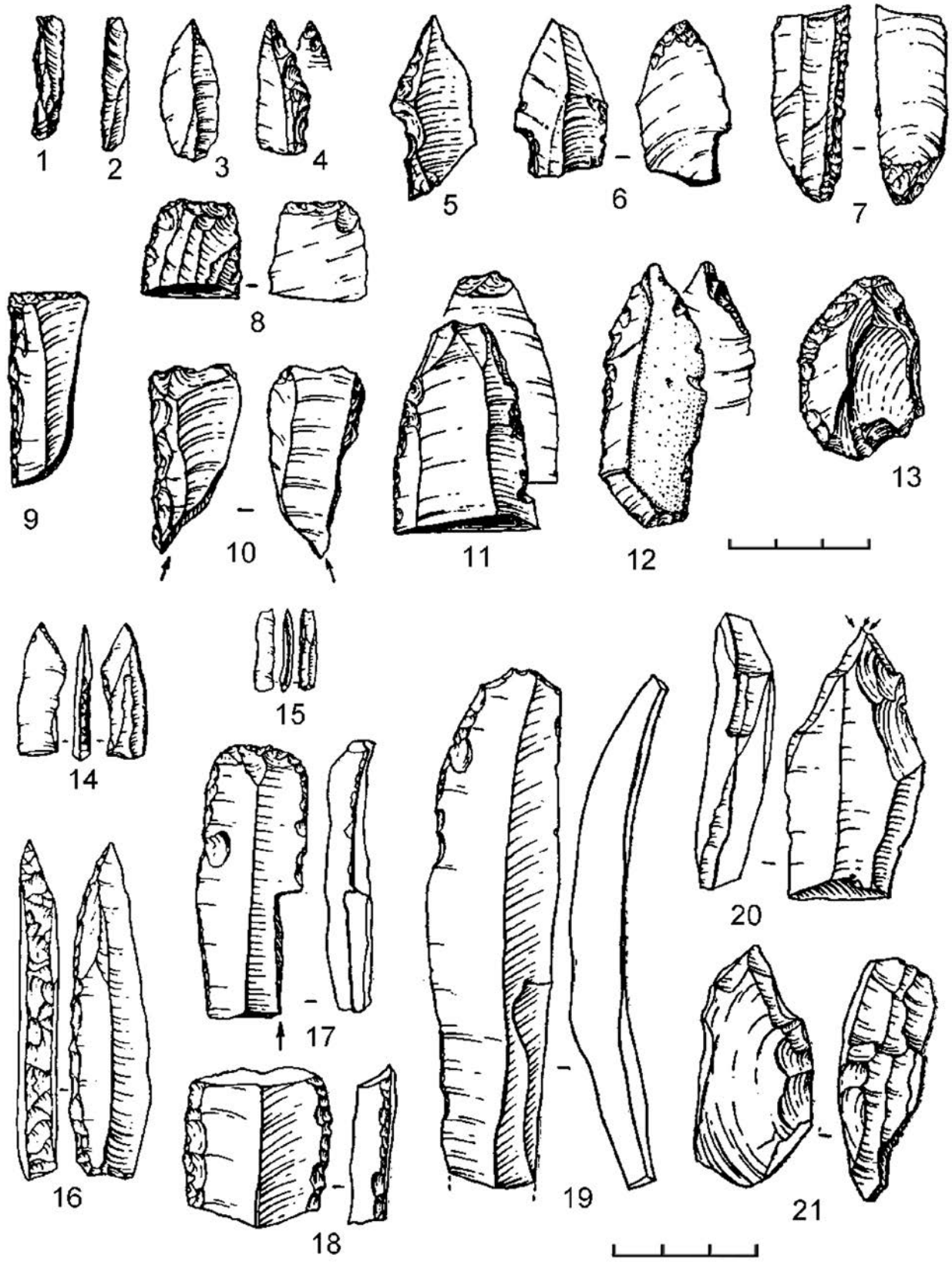

Рис. 111. Виллендорфско-костёнковская АК. Каменные орудия. *1–13* — Костёнки 18. *По: [Рогачёв, Беляева 1982а]*; *14–21* — Костёнки 14/I. *По: [Рогачёв, Синицын 1982а]*

Неполноценность датировок, полученных по образцам, взятым без планиграфической привязки, ясна теперь уже всем. Действительно, образцы типа «костный уголь из культурного слоя» (№№ 1/45/, 7/51/, 8/52/, 9/53/)[1] следует сразу исключать из рассмотрения. Подобная характеристика допустима только в том случае, если в слое имеются лишь отдельные, растворённые в породе угольки. Однако, по словам А.А. Синицына, в нашем распоряжении остаётся всё же 35 образцов из раскопок 1980-х – нач. 1990-х гг., чьё положение «строго документировано» [Там же: 31]. Так ли это?

Отбор образцов на памятниках типа Костёнки 1/I должен вестись строго по объектам, с обязательным учётом их микростратиграфии. На Костёнках 1/I этим условиям отвечает всего 9 образцов из упомянутых А.А. Синицыным тридцати пяти «документированных» — а именно, те, что были взяты из очагов, из ямок-хранилищ, с пола землянок: №№ 3/47/, 4/48/, 13/57/, 14/58/, 17/61/, 19/63/, 25/69/, 27/71/, 37/84/. Остальные, даже при наличии общей планиграфической привязки, неизбежно вызывают вопросы. Что, например, означает: «Костный уголь. Кв. Р/78» (№ 11/55/)? — Из какой части культурного слоя взят этот уголь? — Неясно. Или что означает такой контекст: «Костный уголь. Землянка Т,У,Ф,Х/72–75» (№ 22/66/)? Откуда именно взят образец? С какой глубины? Из какой части заполнения?– Ответа нет. И т. д.

Достаточно очевидно, что, имея дело с информацией такого рода, ни о каком её статистическом анализе, корректном с математической точки зрения, не может быть и речи. Более того, будь даже все 42 образца полноценны с точки зрения методики их отбора, применять здесь приёмы статистического анализа было бы всё равно некорректно. В математике принято, что использование таких приёмов (включая даже простейший подсчёт процентов!) допустимо при выборке *не менее 100 объектов, однородных по тому или иному признаку*. По этим причинам мы не можем принимать всерьёз статистические выкладки А.А. Синицына и все его выводы об «унимодальности» или «бимодальности» графического распределения дат [Радиоуглеродная хронология... 1997: 30–31]. Любая попытка подобного распределения в данном случае является неправомерной.

Тем не менее, археологический анализ результатов радиоуглеродного датирования памятника необходим. При этом мы вынуждены учитывать образцы, не вполне удовлетворяющие современным методическим требованиям отбора.

Планиграфическое распределение имеющихся на сегодняшний день дат показывает следующее:

— наиболее древние даты (~24–23 тыс. л.н.) связаны исключительно с краевыми землянками (№№ 32/76/, 34/78/, 35/79/, 36/80/, 37/81/, 39/83/, 41/85/, 42/86/), в том числе с образцами, отобранными с пола землянок (№ 37/81/). Два кажущихся исключения из правила (№№ 38/82/, 40/84/) происходят из ям, по-видимому, связанных с теми же краевыми землянками;

— все без исключения «молодые» даты (~20–19 тыс. л.н.) получены из объектов, расположенных по центральной линии второго жилого комплекса (костный уголь и кости мегафауны из слоя и ямок-хранилищ — №№ 2/46/, 3/47/, 4/48/, 5/49/, 10/54/, 11/55/);

— «средние» даты (~22–21 тыс. л.н.) распределены более-менее равномерно по всей площади второго жилого комплекса[2], включая центральную линию и краевые землянки. Образцы №№ 13/57/, 17/61/, 23/67/, 27/71/ получены из очагов; №№ 12/56/, 15/59/, 19/63/, 20/64/, 24/68/, 26/70/, 29/73/ — по костному углю и костям мегафауны из слоя и из ямок-хранилищ; №№ 14/58/, 21/65/, 22/66/, 30/74/, 31/75/ — из землянок.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема верхней хронологической границы культурного слоя Костёнок 1/I. А.А. Синицын совершенно справедливо отбросил т.н. «чердынцевские» даты[3]. Однако, наряду с ними, из рассмотрения были априорно исключены все «сверхпоздние» датировки, полученных в лаборатории ЛОИА АН СССР (ЛЕ), по причине их значительного отрыва от основной серии (?). Такое рассуждение зиждется на принципе интуитивной избирательности в подходе к радиоуглеродным датам. Но, как уже было отмечено выше, этот принцип не соответствует современным представлениям

[1] Для удобства читателя, в данном разделе мы приводим номера образцов по Костёнкам 1/I в двойном формате: вначале указывается номер по списку дат в книге: [Радиоуглеродная хронология... 1997: 47–48], а затем (в косых скобках) — номер по списку в Приложении 2.

[2] Следует оговорить, что все имеющиеся даты, за двумя исключениями (№№ 24/68/, 30/74/) происходят из центральной и южной частей раскопанной площади второго жилого комплекса. Из северной части, исследовавшейся в 1970-х гг., образцы взяты не были.

[3] Первые датировки Костёнок 1/I в лаборатории ГИН [Чердынцев 1965; 1966] были получены с нарушением методики обработки образцов и исключаются из рассмотрения без обсуждения.

о методике анализа дат и должен быть исключён из научного оборота. Результаты лабораторных анализов, в том числе «неудобные», могут быть исключены из рассмотрения только после специальной аргументации.

Так, из «сверхмолодых» датировок Костёнок 1/I, не включённых в список А.А. Синицыным[1] (см.: Прил. 2: №№ 41–44) мы, в свою очередь, заведомо исключаем из рассмотрения голоценовые (~8–10 тыс. л.н.), поскольку они находятся в явном противоречии со стратиграфическим положением первого культурного слоя. Сложнее обстоит дело с двумя датами ~16 тыс. л.н, полученными для землянки А (Прил. 2, №№ 43–44). Эти даты также находятся в противоречии с серией из 4 дат, полученных для той же землянки в лаборатории ГИН — ~21 тыс. л.н. для пола «северной камеры» (№ 14/58/) и ~23–22 тыс. л.н. для «центральной камеры» (№№ 31/75/, 32/76/, 36/80/).

Ошибка лаборатории ЛЕ в данном случае вполне вероятна, однако мы не знаем, из какой части заполнения землянки А взяты указанные 2 образца? Если из верха т.н. «воронковидного заплыва», то не исключено, что они, на самом деле, верны и указывают на верхнюю хронологическую границу культурного слоя за пределами землянок.

Предварительные выводы:

Нельзя априорно утверждать «предпочтительность» тех или иных датировок. Все датировки в пределах 24–16 тыс. л.н. следует принимать, как данность. Это — предполагаемое время существования второго жилого комплекса Костёнок 1/I, косвенно подтверждаемое современными данными по хронологии однокультурной Зарайской стоянки [Амирханов 2000; 2005].

Распределение дат косвенно подтверждает гипотезу Г.П. Григорьева о существовании т.н. «ямного периода» для комплексов типа Костёнки 1/I — Авдеево. Однако мы ни в коей мере не поддерживаем его предположение о том, что крупные кости мамонта были сброшены в эти ямы *post factum*. Для нас, четверть века проработавших на этих объектах, совершенно очевидной представляется трактовка их в качестве деталей перекрытия. Но, к сожалению, не имея доступа к полевой документации, мы лишены возможности доказать справедливость наших утверждений. Надеемся на грядущее поколение.

Обращаясь к материалам радиоуглеродного датирования других стоянок виллендорфско-костёнковской культуры в Костёнках, можно отметить следующее: для Костёнок 13 данных пока не получено, но даты, имеющиеся для Костёнок 14/I и 18, приходятся на среднее и позднее значения датировок, полученных для Костёнок 1/I (~22–17 тыс. л.н., см.: Прил. 2, №№ 16–19, 94–98). Оценивая всю совокупность имеющихся сейчас данных, можно сделать следующие заключения:

Виллендорфско-костёнковская культура впервые появилась на Среднем Дону ~24–23 тыс. л.н.

Её расцвет и максимальное распространение приходится в данном районе на период 22–21 тыс. л.н.

Эта культура просуществовала в Костёнках, по меньшей мере, до 20–18, а, возможно, и до 17–16 тыс. л.н.

6.3.5. Судьбы виллендорфско-костёнковской культуры в Восточной Европе

Приведённый очерк показывает, что виллендорфско-костёнковская АК, пришедшая на территорию Восточной Европы извне, бесспорно, является здесь одной из самый развитых, богатых и интересных верхнепалеолитических культур. Тем более любопытна её дальнейшая судьба, насколько об этом можно судить по имеющимся в нашем распоряжении археологическим данным.

Выходцы из Центральной Европы оставили свои памятники в бассейне р. Сож (Бердыж), в бассейне Десны (Хотылёво 2, Авдеево), на Среднем и Верхнем Дону (Костенки 1/I, Костенки 13, Костенки 18, Костенки 14/I; Гагарино) и достигли бассейна р. Оки (Зарайская стоянка). Из перечисленных памятников к собственно виллендорфско-костёнковской АК можно с уверенностью относить все перечисленные стоянки Среднего Дона, а также Авдеево, Зарайскую и, скорее всего, Бердыж. Общепризнанно, что в археологическом отношении ближайшим аналогом верхнему слою Костёнок 1 (равно, как и Костёнкам 13) является Авдеевская стоянка, расположенная на р. Сейм, примерно в 400 км к северо-западу от Костёнок. Памятник раскапывался в 1946–48 гг. М.В. Воеводским, в 1949 г. — А.Н. Рогачёвым [Рогачёв 1953]. В дальнейшем многолетние раскопки Авдеево производились совместно М.Д. Гвоздовер (Москва) и Г.П. Григорьевым (Санкт-Петербург). Большое сходство с костёнковскими стоянками прояв-

[1] Даты публикуются впервые.

ляется во всех отношениях: от планировки поселения и кремнёвого инвентаря до украшений и произведений искусства [Gvozdover 1995]. Что же касается стоянок Хотылёво 2 и Гагарино, то здесь налицо, как сходство, так и существенные отличия от вышеназванных памятников.

До сравнительно недавнего времени считалось, что все эти памятники существовали на Русской равнине в течение достаточно краткого периода (~23–21 тыс. л.н.), а затем бесследно исчезли, не оставив ощутимого следа. Явственные отличия стоянки Гагарино от памятников типа Костёнки 1/I — Авдеево объяснялись тем, что она знаменует собой следующий, финальный этап развития виллендорфско-костёнковских культурных традиций на территории Восточной Европы [Григорьев 1989; 1994].

Сейчас подобные взгляды можно считать опровергнутыми. Анализ радиоуглеродных дат Зарайской стоянки [Амирханов 2000; 2005], равно, как и произведённое нами выше планиграфическое распределение ^{14}C дат Костёнок 1/I, показали со всей очевидностью, что к этим датам нельзя относиться избирательно. За редкими исключениями, обусловленными нарушением методических требований подготовки образцов, все они верны.

Это означает, что стоянки существовали, с перерывами, в течение 22–16, а то и 24–16 тыс. л.н. Отсутствие или слабая выраженность стерильных прослоек между разными горизонтами обитания, скорее всего, объясняются климатическими условиями существования виллендорфско-костёнковской АК на Русской равнине. За незначительным потеплением, пришедшимся на период около 22–21 тыс. л.н. (отложение «гмелинской почвы» в Костёнках), наступил «пик холода» 20–18 тыс. л.н. Условия опустыненной степи и тундры не способствовали накоплению новых отложений на поселениях, временно оставленных людьми. Поэтому разновременные однокультурные слои оказались предельно «спрессованы». Требуется поистине ювелирный анализ, как археологических остатков, так и геоморфологических условий их залегания, чтобы разделить эти горизонты. До сих пор такая работа осуществлена только на Зарайской стоянке.

Итак, в данной ситуации у нас нет никаких оснований отбрасывать так называемые «молодые» даты, полученные для Костёнок 1/I (20–16 тыс. л.н.), Авдеево (20–16 тыс. л.н.)[1] и Гагарино (20–17 тыс. л.н.) [Радиоуглеродная хронология... 1997: 29, 47, 52]. Для Бердыжа имеются две даты: 23.430±189 (ЛУ-104) и 15.100±250 (ОхА-716). В свете сказанного выше, не исключено, что обе они верны.

Таким образом, мы приходим к выводу, что памятники виллендорфско-костёнковской культуры на Русской равнине существовали, как минимум, с 24–23 тыс. л.н. до 17–16 тыс. л.н. Максимальное распространение этих культурных традиций приходится на период 22–21 тыс. л.н.

В описанной ситуации прежние варианты объяснения отличий стоянок Хотылёво 2 и Гагарино от «костёнковско-авдеевского ядра» нельзя считать удовлетворительными. На характеристике этих памятников следует остановиться подробнее.

Для обеих стоянок не характерны большие углубления, аналогичные костёнковско-авдеевским полуземлянкам и ямам-кладовым. Округлое гагаринское жилище диаметром 5 м, углублённое на 0,5 м, с очагом в центре [Тарасов 1979: 53–55], больше всего похоже на описанные выше жилища из Костёнок 8/I и Костёнок 4/I; в памятниках виллендорфско-костёнковской АК ближайшие ему аналоги — жилища «павловского типа». Впрочем, с севера к этому жилищу примыкали две двухкамерные ямы, глубиной до 0,75 см, отчасти напоминающие восьмёркообразные полуземлянки костёнковско-авдеевского типа [Тарасов 1979: 56–57]. С другой стороны, в юго-восточном конце первого жилого комплекса Костёнок 1/I были обнаружены остатки округлого (6 м в диаметре), слабо углублённого жилища с очагом в центре. А.Н. Рогачёв рассматривал его в сочетании с расположенной рядом землянкой «А», как особый, более древний строительный комплекс [Палеолит... 1982: 47].

Исследователь Хотылёво 2 Ф.М. Заверняев отмечал наличие неглубоких ям и ямок округлых и овальных очертаний. И по описаниям, и по фотографиям они не имели ничего общего с краевыми ямами костёнковско-авдеевского типа. Не исключено, что некоторые из них являлись неглубокими ямками-хранилищами, но во многих случаях это ямы для опор каких-то конструкций, заклиненных осколками трубчатых костей [Заверняев 1974: 146]. Обращает внимание окружённая такими ямками округлая (5 м в диаметре) блюдцеобразная западина глубиной 15 см, с очагом в центре [Заверняев 1974: 147] — аналог конструкциям павловского типа. К.Н. Гаврилов, продолжающий в настоящее время исследование Хоты-

[1] Имеются две еще более «молодые» даты Авдеева — 11.950±310 (ИГАН-151) и 13.900±200 (ИГАН-78), полученные по зубу мамонта, без планиграфической привязки [Радиоуглеродная хронология... 1997: 52]. Конечно, они могут быть и омоложенными, но не лишне вспомнить предположение А.Н. Рогачёва о существовании на этом памятнике более позднего, верхнего культурного слоя.

лёво 2, выделяет там два типа жилых объектов: округлый, около 4 м в диаметре, с очагом в центре, и овальный, размерами 5,5×3,5 м., с неуглублённым очагом в южной части. Оба объекта окружены ямками с вбитыми осколками трубчатых костей [Гаврилов 1997: 28]. Нет сомнений: эти структуры ближе к гагаринским и павловским, нежели к костёнковско-авдеевским (учитывая сделанные выше оговорки).

Полноценный сравнительный анализ хотылёвской и гагаринской коллекций на основании имеющихся публикаций невозможен. Ограничимся некоторыми предварительными замечаниями:

Индустрии обеих стоянок выглядят «более граветтоидными», по сравнению с костёнковско-авдеевскими. И там, и там орудия с притупленным краем представлены выразительными сериями, включающими достаточно типичные микрограветты, аналогичные павловским [Тарасов 1979: рис. 53, 7–11, 13–15; Заверняев 1974: рис. 8, 17–20, 22] и наконечники с боковой выемкой [Заверняев 1974: рис. 8, 16, 21, 23; Тарасов: рис. 35]. Гагаринские удлинённые прямоугольники [Тарасов 1979: рис. 53, 18–29, 33] отличаются от орудий, характерных для Костёнок 1/I и Авдеево. К.Н. Гаврилов отмечает в Хотылёво 2 наличие устойчивых серий граветтских острий, очень мелких и узких микропластинок с притупленным краем и «пилок» [Гаврилов 1997: 27]. В более поздней работе он указывет, что «типологическое лицо» Хотылёвской стоянки определяется, в первую очередь, наличием целого комплекса изделий с притупленным краем (острия микрограветт и вашон; пластины и микропластинки с притупленным краем, в т.ч. «пилки», широкие пластины с симметрично ретушированными концами, микропластинки с заострёнными концами и вентральной ретушью на них) [Гаврилов 2004а: 282–283]. Все эти аналоги явно уводят в «павловьен».

Оба комплекса содержат как наконечники с боковой выемкой (но только «атипичные», как в павловьене) и ножи костёнковского типа, но их количество не известно.

Скребки и острия на пластинах, особенно, в Хотылёво 2, по-видимому, заметно отличаются от костёнковско-авдеевских: имеют более узкие и удлинённые пропорции.

В Гагарино, если не считать костяных и бивневых стержней, острий, шильев, лощил, специфические аналогии костёнковско-авдеевскому набору костяных орудий, украшений и произведений искусства ограничиваются женскими статуэтками, клыками песца с прорезанными отверстиями и некоторыми другими формами подвесок. В Хотылёво 2 круг аналогий богаче; помимо перечисленных, он включает тонкие лопаточки с головчатыми навершиями и фибулы типа «верблюжья ножка». Показательно, что на этих изделиях орнамент (насечки) организован так же, как и в Костёнках и Авдеево: по краю предмета. В Хотылёво 2 найдены два округлых в сечении бивневых острия, богато украшенных довольно сложным рельефным зональным орнаментом [Заверняев 1981: рис. 9, *2–3*]. Прямых аналогий этим вещам в других памятниках виллендорфско-костёнковской АК мы не знаем, однако элементы этого орнамента — те же самые крестики и удлинённые треугольники.

Даже простой взгляд на женские статуэтки приводит к выводу, что все хотылёвские заметно отличаются от костёнковских, а среди гагаринских есть и аналогичные костёнковским, и весьма сходные с хотылёвскими. Детальный типологический анализ «венер», проведенный М.Д. Гвоздовер, полностью подтверждает это интуитивное заключение: к костёнковскому типу (I) она относит 4 костёнковские, 4 авдеевские и 1 гагаринскую статуэтки, а к особо выделенному гагаринско-хотылёвскому типу (IV) — 2 гагаринские и 2 хотылёвские [Гвоздовер 1985: 31]. По мнению исследователя, статуэтки этих двух типов «принципиально однородны и различаются лишь приданной им позой»: у костёнковского типа — стоячая, у гагаринско-хотылёвского — полусидячая. Отмечается также, что хотылёвские статуэтки, хотя и изображены в той же позе, что и гагаринские, «но имеют несколько другой стиль и манеру — более условные» [Там же: 49].

Таким образом, здесь налицо развитие двух вариантов тесно связанных между собой культурных традиций, аналогичное тому, что мы имеем в Центральной Европе. Ранее М.В. Аникович определял его, как единую АК [1998]. Сейчас он считает, что для данной ситуации более подходит введённое Г.П. Григорьевым понятие «виллендорфско-павловское культурное единство». Это единство представлено двумя АК — виллендорфско-костёнковской и павловско-хотылёвской. Данные культуры возникли из разных генетических корней, но на протяжении всей средней поры верхнего палеолита существовали в тесном симбиозе друг с другом — как в Центральной, так и в Восточной Европе.

Не менее важным является следующее: до последнего времени М.В. Аникович считал, что около 20 тыс. л.н. на большей части Русской равнины (за исключением бассейна Оки) виллендорфско-павловские культурные традиции сменяются иными. Эти последние представлены стоянками с округлыми костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа (см. главу 7). Сейчас, в свете сказанного выше следует признать: не только в бассейне Оки, но и на Среднем — Верхнем Дону, и в бассейнах

Сейма — Десны носители виллендорфско-павловских (костёнковско-хотылёвских) традиций отнюдь не исчезли бесследно после наступления пика холода, но продолжали мирно сосуществовать с новым населением, сооружавшим округлые костно-земляные жилища. Об их сосуществовании и связях свидетельствуют отдельные костёнковско-хотылёвские элементы, зафиксированные уже в ином — аносовско-мезинском — культурном контексте. Самый яркий след такого рода — хорошо известная бивневая фигурка женщины из стоянки Елисеевичи и найденная там же стилизованная фигурка мамонта, во всех отношениях аналогичная костёнковско-авдеевским [Грехова 1980].

6.3.6. Памятники аносовско-гмелинской АК в Костёнках

Мигранты из Центральной Европы, принесшие на Средний Дон традиции виллендорфско-костёнковской АК, пришли не на пустое пространство, а на хорошо обжитое место. И в начальный период их появления, и позднее в Костёнковско-Борщёвском районе продолжали жить носители иных культурных традиций. В числе их были своеобразные кремнёвые индустрии, завершавшие собой «ориньякский эпизод» (Костёнки 4/I) или сочетавшие в себе ориньякоидные и граветтоидные черты (Костёнки 9; Борщёво 5/I). Не менее яркое явление представляли собой памятники аносовско-гмелинской АК, сосуществовавшие на территории Костёнок с комплексами виллендорфско-костёнковской АК в период её расцвета (~22–21 тыс. л.н.).

Необходимо отметить, что само понятие «аносовско-гмелинская АК» в должной мере не разработано. Известное типологическое сходство индустрий трёх памятников (Костёнки 11/II; 21/III; 5/III) отмечалось неоднократно (см., напр.: [Рогачев, Попов, 1979: 85; Палеолит... 1982: 88, 209, 266; Попов, 1983: 12; 1989; Иванова 1985]. Но одновременно подчеркивалось, что «пока преждевременно делать вывод об их однокультурности, хотя это и не исключено» [Палеолит... 1982: 209]. Мы считаем правомочным употребить этот термин, хотя бы гипотетически, по следующим причинам:

Одновременность, по крайней мере, двух памятников — Костёнки 11/II и Костёнки 21/III — не вызывает сомнений, как по их стратиграфическому положению (слабо выраженная погребённая почва), так и по имеющимся радиоуглеродным датам ~22–21 тыс. л.н.

Не вызывает никаких сомнений их культурная специфика по отношению к памятникам виллендорфско-костёнковской АК.

Археологические материалы всех трёх памятников, хотя и не тождественны друг другу, но их типологическое сходство не меньше того, что наблюдается в индустриях виллендорфско-костёнковской, городцовской или костёнковско-стрелецкой АК.

Все три индустрии по общим характеристикам относятся к граветтоидному ТК. Рассмотрим их подробнее.

6.3.6.1. Костёнки 1/ II (Аносовка 2)

Эта многослойная стоянка расположена на центральном приустьевом мысу Аносова лога (рис. 22). Культурный слой II залегает в слабо выраженной погребённой почве, на глубине около 2 м от современной дневной поверхности. В слое были обнаружены остатки двух жилищ «аносовско-гмелинского типа», выраженных локальными, чётко очерченными линзами гумусированности. Жилища располагались на разных склонах мыса, в 16 м друг от друга. Одно из них (южное) исследовано, второе (северное) расчищено частично и в настоящее время экспонировано в павильоне-музее.

Остатки жилищ представляли собой локализованные линзы культурного слоя мощностью 0,2–0,4 м. Непременной их принадлежностью являлись выраженные скопления золистой и углистой массы в центральной части. Южная линза имела форму овала ~6,5×11 м, северная — округлую, ~6×7 м. В центральной части южного жилища обнаружено 2 очага, расположенных в 2 м друг от друга. У одного из них в землю были врыты обломок плечевой кости мамонта (эпифизом вверх) и две лопатки (суставами вниз). Основные находки концентрировались вокруг очагов. Всего в линзе собрано более 13,5 тыс. расщеплённых кремней, около 5,5 тыс. мелких обломков костей, 1.730 мелких обломков железистых конкреций, 596 кусочков мергеля и 19 кг костного угля. За пределами гумусированности находок относительно мало.

Северное жилище исследовано примерно на 2/3. Оставшаяся треть (юго-западная) находится в пределах раскопа в здании музея; его окраину перекрывают кости кольцевого нагромождения первого жилища Ia слоя, залегающие на 0,4 м выше. Линза гумусированности имела здесь более расплывчатые очертания и относительно невысокую концентрацию культурных остатков — около 3 тыс. кремней.

Вероятно, оба жилища были построены на поверхности почвы. В процессе их функционирования почвенный слой уплотнялся, насыщался органикой и другими остатками жизнедеятельности. Благодаря этому, гумусированность сохранилась внутри периметра жилищ, за их пределами она деградировала.

Всего в жилищах было собрано около 20.000 расщеплённых кремней, в том числе — свыше 1.000 изделий с вторичной обработкой и около 600 кусков мергеля (из них свыше 170 — обработанных). Кремнёвый инвентарь, собранный в обоих жилищах, в целом, ничем существенно друг от друга не отличался. Все типы орудий южного жилища есть и в северном. Процентное соотношение изделий с вторичной обработкой также очень близко.

Сырьём для производства орудий служил меловой кремень высокого качества. Находки цветного кремня и кварцита составляют 3,5%. В южном жилище найдено 11 нуклеусов, в северном 25 — все предельно утилизированные. Техника первичного расщепления типично пластинчатая, призматическая. Основными приёмами вторичной обработки являлись крутая и вертикальная ретушь, срезающая край и конец пластины; резцовый скол и плоская ретушь.

В наборе орудий весьма многочисленны и типологически выразительны изделия с притупленным краем: всего около 40% от общего количества. Они изготавливались на пластинках 2,5–5,5 см длиной.

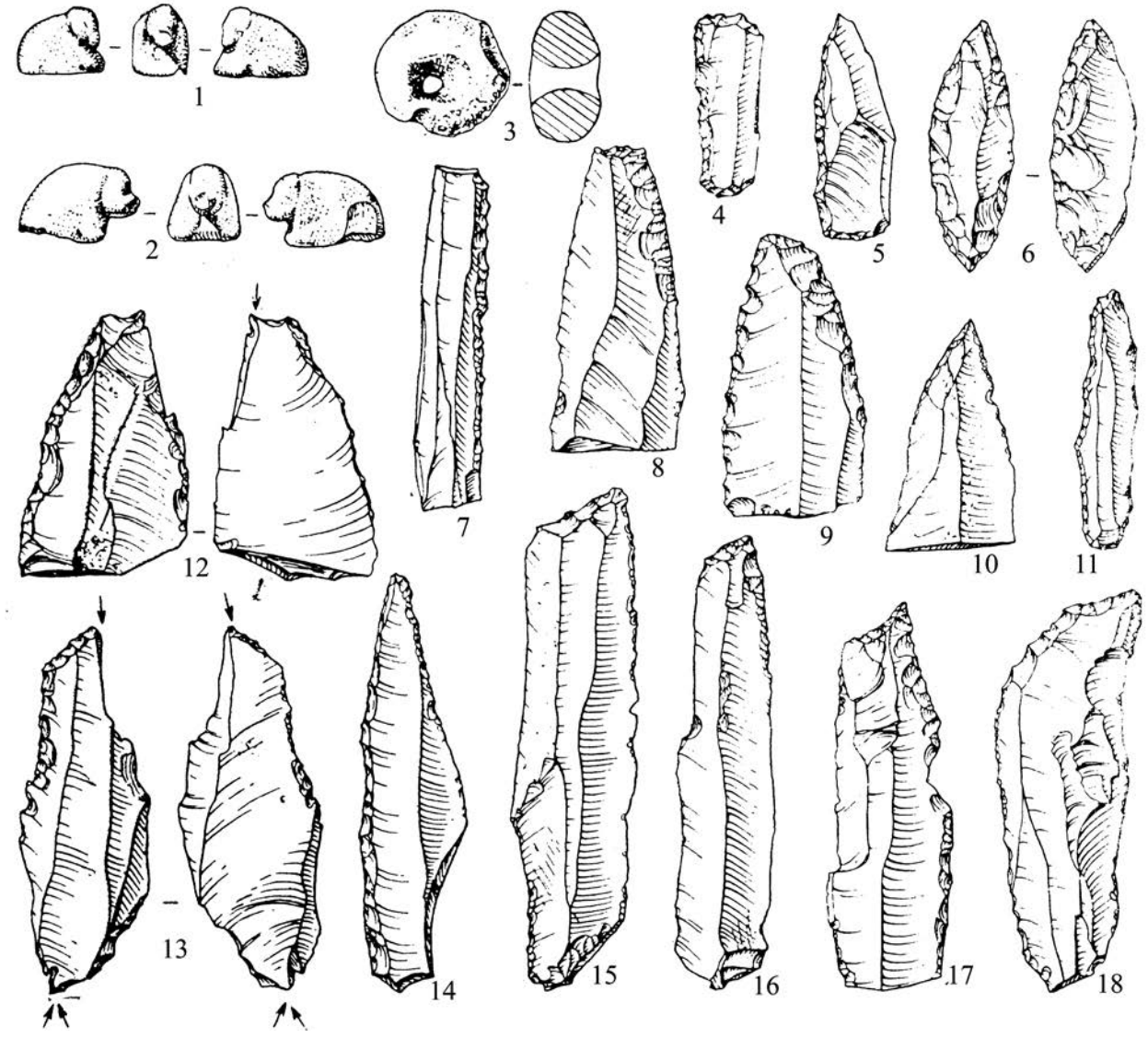

Рис. 112. Костёнки 11/II. *1–3* — предметы искусства и украшения (мергель);
4–18 — кремнёвая индустрия (аносовско-гмелинская АК, граветтоидный технокомплекс)

Среди острий с притупленным краем хорошо выражена серия достаточно типичных азильских острий с прямым или слабо выпуклым краем и прямо усечённым основанием (рис. 112: *5*). Остальные можно рассматривать, как модификации этого основного типа. Пластинки с притупленным краем имеют подпрямоугольные очертания. Наиболее типичны прямоугольники с усечёнными концами (концом) — прямым или слабо выпуклым (рис. 112: *4,7,11*). Близость форм, размеров и техники изготовления позволяет предположить, что острия и пластинки с притупленным ретушью краем употреблялись в сочетании друг с другом в качестве вкладышей.

Вторую группу инвентаря составляют орудия, изготавливавшиеся на пластинах 7–12 см длиной. Одной из характерных категорий являются пластины с усечёнными крутой ретушью концами и плоской ретушью по одному или обоим краям (~170 экз.). Выделяются пластины с дугообразно выпуклым, косо усечённым, косо усечённым вогнутым, прямо усечённым и прямо усечённым вогнутым концами (рис. 112: *8–10,14–18*). Резцов найдено ~140 экз. (рис. 112: *12–13*). Преобладают косоретушные (более 90 экз.). Двугранные и угловые резцы, в основном изготавливались на обломках орудий с плоской ретушью. Техника резцового скола применялась на поселении и для оформления оснований орудий иных типов. Пластины и их обломки с плоской ретушью по краю — 130 экз. К этой же группе следует отнести пластины с ретушью, верх или низ которых усечён косыми резцовыми сколами — 30 экз. На аналогичных заготовках и такой же техникой вторичной обработки изготавливались асимметричные острия (~40 экз.), пластины с черенком и др. Листовидные формы единичны; среди них имеется одно листовидное двухконечное двусторонне обработанное острие (рис. 112: *6*). Единичны также скребки (концевые на пластинах) и орудия с чешуйчатой подтёской, в то время, как на ряде одновременных стоянок региона именно эти группы орудий численно преобладают.

Следует особо отметить, что пластины с дугообразной, очень крутой ретушью края, формирующей обушок, фигурируют в литературе под названием: «нож аносовского типа» (рис. 112: *18*). К ним морфологически близка серия пластин с косо усечёнными концами, проколки и отдельные симметричные острия. Характерно, что такие орудия, как пластины с усечёнными концами, косоретушные резцы, пластины с плоской ретушью, связаны между собой, как по формам и размерам заготовок, так и по технике обработки.

Костяные изделия в жилищах немногочисленны: найдены две фибулы с фигурными навершиями, в одном случае — в виде головы хищника, во втором — изображение более схематично.

Яркой особенностью культурного слоя Костёнки 11/II является большое количество миниатюрных поделок из мергеля. Из них двадцать представляют собой схематичные, но очень выразительны изображения мамонта и шерстистого носорога (рис. 112: *1–2*), а около шестидесяти — полушаровидные поделки с уплощенным основанием, в которых А.Н. Рогачёв видел ещё более схематичные изображения тех же мамонтов [Палеолит... 1982: 126–128]. Характерными деталями изображений мамонта является относительно широкое и плоское основание изделия и полуовальное туловище. В фигурке носорога передается лишь одна характерная деталь — большой рог. Аналогии этим мергелевым фигуркам мы уже отмечали неоднократно (Костёнки 1/I; 4/I; 9).

В коллекции остеологических остатков из Костёнок 11/II преобладают кости животных средних размеров: заяц — 5/251, волк — 5/228, песец — 5/134. Среди остатков крупных зверей (мамонт, лошадь, носорог, пещерный лев) преобладают кости мамонта (1|21) [Попов 2005].

^{14}C даты слоя Костёнки 11/II: 15.200±300 (ТА-34) — кость; 21.800±200 (ГИН-2531) — костный уголь (Прил. 2, №№ 92–93). Однако дата ~15 тыс. л.н. не принимается нами в расчёт, т.к. её значение входит в основную серию дат, полученных для вышележащего культурного слоя Костёнки 11/Ia.

6.3.6.2. Костёнки 21/III (Гмелинская)

Этот памятник, расположенный на первой надпойменной террасе Дона, был открыт в 1956 г. Н.Д. Прасловым. Раскопки отдельных участков стоянки, постоянно размываемой рекой, осуществлялось А.Н. Рогачёвым, Н.Д. Прасловым и М.И. Ивановой с перерывами с 1957 по 1979 г. В 1977 г., на предполагаемой границе стоянок Костёнки 21 и Костёнки 3 (Глинище), в разрезе террасы было выявлено залегание трёх культурных слоев. Верхний, залегавший 6,9–6,7 м над уровнем Дона, видимо, представлял собой окраину поселения Костёнки 3; средний (II) слой залегал на высоте 5,4–4,8 м; нижний (III) — 4,3–3,9 м [Праслов, Иванова 1979: 64]. Основным объектом исследований стал наиболее выразительный и богатый материалами III культурный слой.

Этот слой залегает в хорошо выраженной погребённой почве, подвергшейся мерзлотным деформациям [Палеолит... 1982: 198–200]. Радиоуглеродные даты устанавливают возраст в пределах 22–

21 тыс. л.н.[1] Комплексная аналитика позволяет «достаточно надёжно реконструировать природную среду времени поселения нижнего культурного слоя Костёнок 21. Это было короткое слабое потепление внутри набирающего силу максимального похолодания в Европе...» [Палеолит... 1982: 209].

Культурные остатки этого слоя, протянувшегося более, чем на 160 м вдоль берега Дона, концентрировались в нескольких скоплениях, разделённых участками с редкими находками. Слой, как и почва, деформирован. Мощность его 5–7 см. Культурные остатки, вскрытые на площади 510 м², распространены неравномерно. По их локализации и концентрации выделено шесть комплексов. Очень важно, что кремнёвый и иной археологический материал, происходящий из разных скоплений, также различается по своему характеру и не может описываться суммарно.

Четыре скопления, скорее всего, являются остатками жилищ. Комплекс, исследованный в 1956–1957 и 1964 гг. (В-З/86–95), площадью 40 м², а также «южный» (А-Л/10–18), площадью 70 м², могут трактоваться, как производственные центры. Здесь производилось расщепление кремня и изготовление орудий.

Комплексы первого типа представляют собой локализованные на небольшой площади (10–16 м²) скопления культурных остатков — зольной массы, расщеплённых кремней, мелких обломков костей и охры, мощностью до 10 см. В трёх случаях из четырёх обнаружены очаги диаметром 0,7 — 1,0 м, врезанные в суглинок примерно на 20 см. По-видимому, эти скопления представляют собой остатки лёгких наземных жилищ округло-овальной формы.

Любопытные данные о конструкции такого жилища получены при исследовании одного из скоплений. На квадратах рядом с ним была расчищена вымостка из плиток девонского известняка, выложенных полукольцом с восточной и южной стороны жилища, повторяя его контур. Очаг, смещённый к востоку, как бы прижат к задней стенке сооружения. Удалось даже проследить две небольшие ямки, забутованные камнями — вероятно, для крепления деревянных опор [Палеолит... 1982: 201–202].

Коллекция кремнёвых изделий, происходящих из этих комплексов, насчитывает свыше 2.700 экз., в том числе 270 орудий. В качестве сырья, как и во II слое Костёнок 11, использовался меловой кремень чёрного цвета. Цветной кремень, кварцит и другие породы камня встречались редко. Они составляли около 5% от общего числа. Расщепление и вторичная обработка производились в жилищах, о чём свидетельствует множество отходов. Техника первичного раскалывания типично пластинчатая, призматическая, но нуклеусов мало, и все они представлены сильно сработанными экземплярами. Основные характеристики орудийного набора опять-таки соответствуют характеристикам индустрии Костёнки 11/II. То же следует сказать о формах нуклеусов, за исключением нуклеусов для снятия микропластинок, имеющих форму многофасеточных резцов (рис. 113: *50, 54*).

Заготовками для орудий в жилищах служили пластинки длиной 3–6 см, значительно реже — пластины длиной 7–12 см и микропластинки. Количество последних в разных комплексах колеблется от 3,3 до 15,7%. Основными приёмами техники вторичной обработки являлись крутая, вертикальная и плоская ретушь, резцовый скол. Приём чешуйчатой подтёски использовался редко. Мелкая ретушь, укрепляющая, но не изменяющая край заготовки, применялась только при обработке микропластинок.

Скребков найдено сравнительно мало (17 экз.); они представлены различными вариантами концевых на пластинах (рис. 113: *48–49, 51–52*). Довольно много резцов (54 экз.); преобладают боковые (рис. 113: *44–47, 56*). Имеются, хотя и в небольшом количестве, ножи аносовского типа (113: *53*), морфологически смыкающиеся с косо усечёнными пластинками и остриями. Наконец, орудия с притупленным краем представляют собой, с одной стороны, модификации азильских острий, а с другой — удлинённые прямоугольники с одним притупленным краем, часто сочетающимся с усечением концов (рис. 113: *35–46*). Впрочем, типологически эти орудия выражены хуже, чем во II слое Костёнок 11. Долотовидные орудия с чешуйчатой подтёской также представлены единичными экземплярами. Но, в отличие от Костёнок 11/II, здесь имеется довольно значительная серия подлинных микропластинок с притупленным краем (рис. 113: *30–33*).

Иной тип скоплений культурных остатков представлен комплексом, исследованным в 1957–64 гг., и так называемым «южным комплексом», раскопанным в 1971 г. (рис. 113: *1–28*). Они отличаются значительно большей площадью (соответственно, 40 м² и 70 м²), гораздо большей концентрацией находок и, что особенно интересно, иными типологическими характеристиками каменной индустрии.

Инвентарь обоих комплексов насчитывает свыше 30.000 каменных изделий. Основным видом сырья здесь также служил чёрный меловой кремень; другие породы встречаются реже. Высоко развита

[1] Дата ~16 тыс.л.н., полученная для этого слоя, нами не учитывается, т.к. для вышележащего второго слоя были получены даты ~22–19 тыс. л.н. [Радиоуглеродная хронология... 1997: 49].

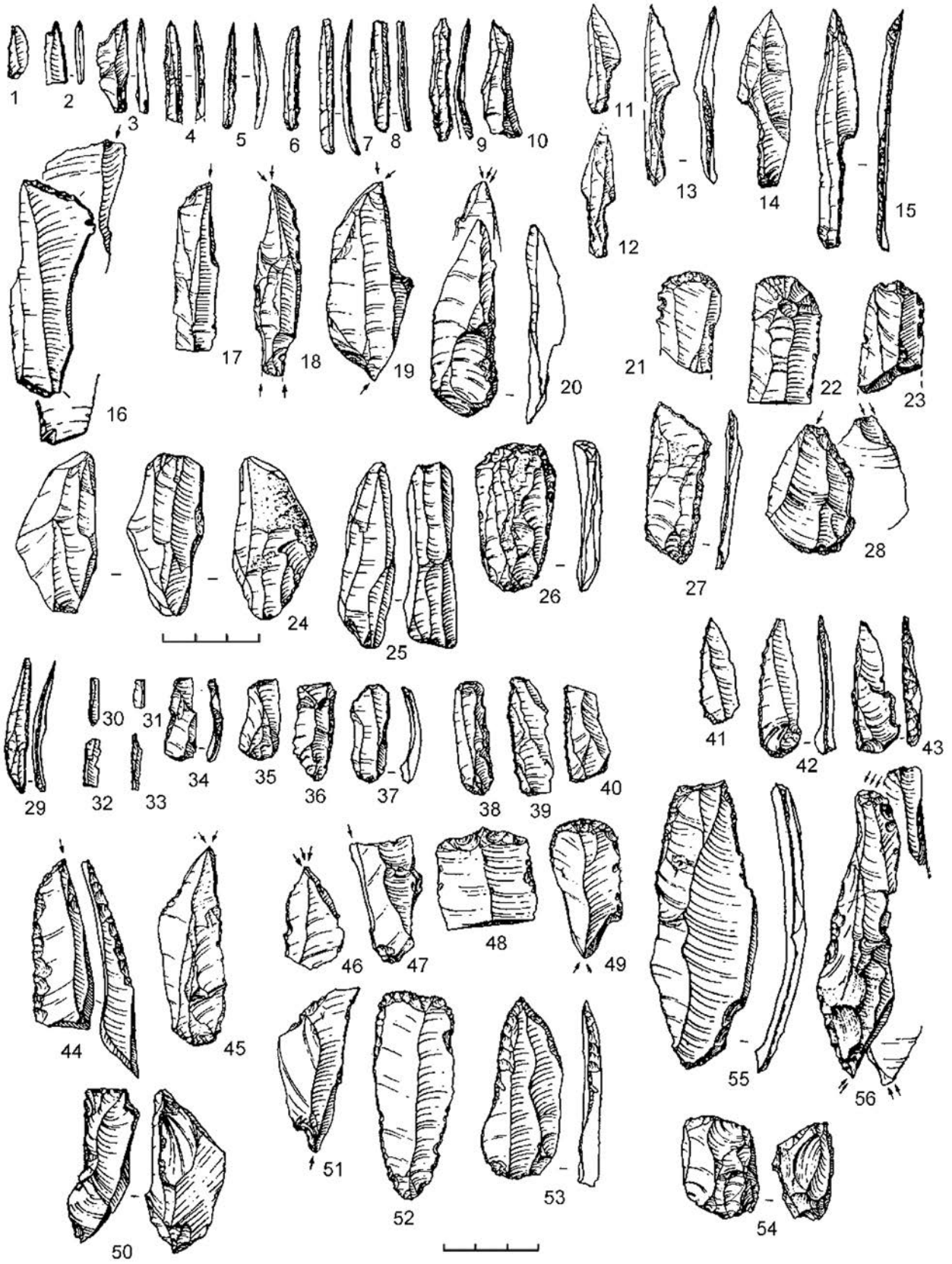

Рис. 113. Костёнки 21/III. Аносовско-гмелинская АК (граветтоидный технокомплекс). Каменные орудия. *1–28* — южный комплекс; *29–54* — округлые жилища. *По: [Праслов, Иванова 1982]*

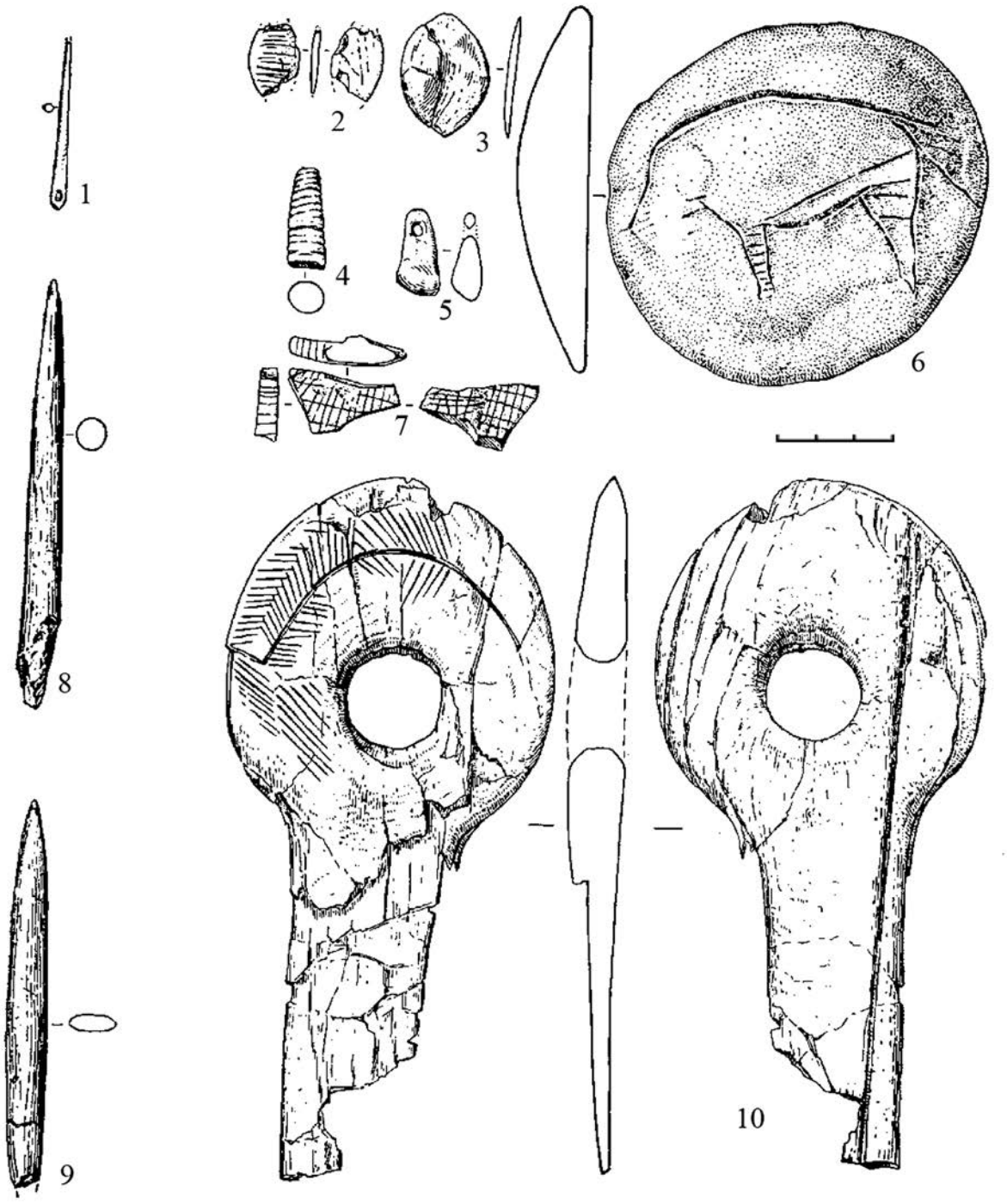

Рис. 114. Костёнки 21/III. Аносовско-гмелинская АК. Костяная индустрия (*1,8,9*); предметы искусства и украшения из кости (*2–3,10*), гематита (*4–5*) и песчаника (*6*)

техника получения пластин и микропластинок; они снимались, как с призматических, так и с торцовых ядрищ, типа многофасеточных резцов (рис. 113: *20*).

В производственных комплексах, в отличие от жилых, основными заготовками для орудий служили микропластинки. При этом резцы и скребки изготавливались на пластинах, «асимметричные» острия и пластинки с притупленным ретушью краем — на пластинках.

Только в южном комплексе собрано свыше 1000 орудий. Заметную долю (свыше 150 экз.) составляет микроинвентарь: микроострия — асимметричные (рис. 113: *3*) и симметричные, образованные схождением двух притупленных краёв (рис. 113: *4–5*), микропластинки с притупленным краем или тонкой ретушью края, но без обработки концов, микропроколки. Вертикальная краевая ретушь имеется и на пластинках несколько более крупных размеров (между ними, впрочем, нет чёткой грани). Только одна из этих пластинок имеет косо усечённые ретушью концы.

К орудиям с притупленным краем относится и самый характерный для данного комплекса тип наконечника с боковой выемкой (рис. 113: *11–15*). Таких наконечников здесь 208 экз., у трёх из них выемки, расположенные по обоим краям, образуют черешок (рис. 113: *12*).

«Азильские» острия и типичные «прямоугольники» здесь полностью отсутствуют. Нет и ножей «аносовского» типа. Количество скребков (около 60 экз.) лишь немногим уступает количеству резцов (около 70 экз.), причем типология скребков богаче (скребки с «носиком» или «плечиком», с зубчатым краем) (рис. 113: *21*). Вместе с тем, со скребками из округлых жилых комплексов здесь сходны не только простые концевые на пластинах, но и более специфические формы с «шипом» на лезвии (рис. 113: *23,26*). Большинство резцов — боковые (рис. 113: *28*). Долотовидные орудия, скрёбла, зубчато-выемчатые — единичны.

Костяной инвентарь производственных комплексов более богат и разнообразен. Наряду с формами, известными в округлых жилищах, здесь присутствуют наконечники (рис. 114: *8–9*), плоские бивневые подвески «камбаловидной» формы (рис. 114: *2–3*), костяная игла с ушком (рис. 114: *1*) и некоторые специфические предметы: костяная рукоять [Палеолит... 1982: рис. 71, *10*]; «выпрямитель», изготовленный из бивневой пластины, украшенный резным орнаментом (рис. 114: *10*). Сложный геометрический орнамент обнаружен на небольшом кусочке гематита (рис. 114: *7*). Уникальными являются гравированные изображения зверя на песчаниковом диске (носорог?) (рис. 114: *6*) и на сланцевой плитке (мамонт) [Праслов 1993: 114–118, рис. 1–2; Абрамова 2005: 228, рис. 130]. Интересны также находки окрашенных костей, особенно обломок ребра мамонта со следами красной и черной краски [Палеолит... 1982: 204].

Итак, мы вновь, как и в Костёнках 1/III, сталкиваемся с, казалось бы, парадоксальной ситуацией. Комплексы, относящиеся, по-видимому, к одной стоянке, различаются между собой в большей степени, чем происходящие из разных стоянок. Так, сопоставив между собой жилища Костёнок 11/II и 21/III, следует признать: если бы сходство их кремнёвых индустрий дополнялось таким же сходством костяного инвентаря, украшений, произведений искусства — однокультурность двух памятников была бы самоочевидна. Но здесь ситуация иная. III слой Костёнок 21 не даёт ни одной мергелевой фигурки, подобной найденным во II слое Костёнок 11. Нет здесь и характерных фибул с зооморфными навершиями. Зато имеются «камбаловидные» подвески и наконечники, в свою очередь, неизвестные в Костёнках 11/II, и т.д.

Можно предложить следующий вариант объяснения описанных различий. Как нам представляется, в основе их лежат не только функциональные отличия отдельных раскопанных участков, но и разные типы поселений. Костёнки 11/II, вероятно, являлись зимним поселением. Исследованные остатки двух жилищ сооружены на центральном мысу, под прикрытием высоких бортов балки. На основании мощности культурного слоя (до 40 см), его плотности и насыщенности культурными остатками, включая громадное количество костного угля, можно предположить, что эти жилища являлись фундаментальными сооружениями. Наличие костного угля в очагах свидетельствует, что их топили крупными костями, которые долго горели, точнее, тлели, подобно каменному углю. При этом, как и на Костёнках 1/I, костный уголь использовался и в качестве теплоизоляционного материала, покрывавшего пол жилища (он же являлся абсорбентом, впитывавшим влагу).

Остатки жилищ Костёнок 21/III, представленные локализованными линзами зольной массы, древесных угольков, охры и кремней, мощностью до 10 см, по своему характеру являются иными. Близка только внешняя форма: круг, овал. Однако насыщенность их культурными остатками несравненно беднее. Самым значимым фактом является отсутствие костных углей, как в очагах, так и в культурном слое. Очаги топились здесь не костным углём, а хворостом. Видимо, не было необходимости утеплять помещения.

Можно предположить, что Гмелинская стоянка являлась летним поселением и мастерской по обработке кремня, расположенным на берегу Дона, периодически затапливаемого весенним половодьем.

Данное положение подтверждается характером культурного слоя и фауной моллюсков. Вероятно, после окончания паводка, в летнее время, люди здесь поселялись, строили лёгкие жилища, либо устанавливали переносные. Сооружать капитальные постройки не было смысла: весной их снесло бы половодьем.

Объединяет эти два типа жилищ Аносовки 2 и Гмелинской стоянки характер каменного инвентаря. Одноприродность характерных категорий орудий, техники расщепления и вторичной обработки особенно отчетливо проявляется на фоне хронологически близких памятников граветтского ТК (Костёнки 1/I; Костёнки 4/I; Костёнки 9; Борщёво 5/I). Этого сходства между ними, на наш взгляд, вполне достаточно для заключения о принадлежности данных памятников к одной АК — аносовско-гмелинской [Попов 1983: 12; 1989: 21,22; Иванова 1985].

Но как же в таком случае объяснять резкие различия в материалах комплексов, относящихся к одной стоянке? М.В. Аникович в своих разработках проблемы археологической культуры утверждает, что разнокультурность материалов в пределах одного поселения — явление допустимое. Это свидетельство сложной социальной структуры коллектива, который, в частности, мог включать в себя представителей разных родов, со своими специфическими традициями[1]. Кроме того, культура любого общества, как современного, так и архаического, всегда слагается из нескольких более или менее обособленных субкультур — мужской, женской, детской, юношеской, профессиональных и т.д. Различные типы поселений, принадлежащих одной АК, как и различный характер комплексов в рамках одного поселения, вполне могут отражать преобладание в них какой-то определённой субкультуры. В частности, в этнографических материалах современных архаических обществ хорошо известен такой культурный феномен, как «мужские дома».

Есть и другие варианты объяснения. Дифференциация площади единого поселения на комплексы, серьёзно различающиеся по составу инвентаря, может быть обусловлена различными отраслями охотничьей деятельности. В частности, наконечники с черешком и с боковой выемкой свидетельствуют об орудиях сезонной охоты на мелких животных, возможно, водоплавающую дичь. Не исключено, что этими изделиями оснащали стрелы или орудия типа острог и гарпунов для добывания рыбы. Правда, следует признать: ни костей птиц, ни остатков рыб на поселении не обнаружено. В составе фауны преобладает мамонт (3/298) и заяц (6/214). Остатков других зверей (лошадь, бизон, северный олень, волк, песец, сурок) значительно меньше [Верещагин, Кузьмина 1977: 110].

6.3.6.3. Костёнки 5/III

Эта многослойная стоянка, открытая ещё в 1928 г. П.П. Ефименко и разведанная двумя небольшими раскопами и шурфами (1928 г. — П.П. Ефименко, 1949 г. — А.Н. Рогачёв) изучена крайне слабо. Стратиграфия памятника, расположенного на правом борту Покровского лога (рис. 1), трудна для сопоставления даже с близлежащими стоянками: здесь нет типично костёнковских гумусированных отложений; чередуются суглинистые, опесчаненные горизонты и горизонты мелового галечника [Палеолит... 1982: 85]. А.Н. Рогачев, установивший своими раскопками многослойность Костёнок 5, первоначально считал, что нижний (III) слой синхронизируется с древнейшими памятниками Костёнковско-Борщёвского района [Рогачев 1957: 96, 121]. Позднее этот вывод был пересмотрен в пользу значительного омоложения данного слоя [Палеолит... 1982: 88; Аникович 1993: 6].

III культурный слой представляет собой нагромождение костей, принадлежащих почти исключительно мамонту и залегающих в мощном горизонте мелового галечника. Он явно переотложен. Мощность скопления костей достигает 0,7 м.

Кремнёвый инвентарь насчитывает немногим более 160 предметов, включая 4 нуклеуса и 30 орудий. Здесь сырьё разнообразнее: наряду с меловым кремнем двух видов распространён, хотя и в меньшем количестве, цветной кремень. Техника первичного раскалывания типично пластинчатая. Набор орудий, если и не позволяет безапелляционно утверждать однокультурность этой индустрии слою Костёнки 11/II, то, по крайней мере, указывает на него, как на самый близкий аналог.

Об этом свидетельствуют подтреугольные орудия с притупленным краем, близкие азильским остриям, «прямоугольники» (здесь они более длинные) [Палеолит... 1982: рис. 28, *12–16*]. Не противоречат этому и единичные концевые скребки [Там же: рис. 28: *18*], резцы, орудия с чешуйчатой подтёской. Впрочем, для того, чтобы твёрдо установить место этого памятника в систематике костёнковского палеолита, необходимы новые раскопки.

---

[1] Материалы поздних памятников, которые, в отличие от верхнепалеолитических, можно напрямую связывать с известными этнографическими группами населения, дают нам примеры такого сосуществования различных культурных традиций на одном поселении (см.: 6.3.2.1).

ГЛАВА 7.

ПОЗДНИЙ ЭТАП ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В КОСТЁНКАХ (ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА IIIC)

7.1. Второй этап существования Днепро-Донской ИКО: новые традиции

Максимальное похолодание, сменившее краткое и слабое потепление, представленное в Костёнках гмелинской погребённой почвой, характеризуется появлением новых культурных традиций на Восточно-Европейской равнине (Среднее — Верхнее Поднепровье, бассейн Десны, Средний Дон). Приблизительно с начала валдайского климатического минимума (~20 тыс. л.н.) здесь широко распространяются культуры охотников на мамонтов, сооружавших с помощью костей этого животного сложные конструкции — округлые наземные жилища. Развалины таких жилищ зафиксированы на ряде восточноевропейских стоянках: Мезин, Межиричи, Добраничивка, Юдиново, Гонцы и др. В Костёнковско-Борщёвском районе жилые комплексы этого типа обнаружены на стоянках Костёнки 11 (Аносовка 2), слой Ia, Костёнки 2 и, возможно, Борщёво 1. Исследованные объекты датируются по ^{14}C в пределах 20–15 тыс. л.н. (см. Прил. 2)

Указанные памятники не обнаруживают прямых связей ни с виллендорфско-костёнковской, ни с аносовско-гмелинской культурами, равно, как и с более ранними индустриями ориньякоидного и граветтоидного облика в Костёнковско-Борщёвском районе. И здесь, и на соседних территориях культуры с округлыми костно-земляными жилищами возникают внезапно, как бы из ничего. Характерно, что появление новых культурных традиций не означало исчезновения виллендорфско-костёнковской культуры на Русской равнине. Существование этой культуры в бассейне Оки в период 20–16 тыс. л.н. (Зарайская стоянка) в настоящее время можно считать твёрдо установленным фактом. Правда, стоянок с жилищами аносовско-мезинского типа в Поочье не обнаружено, поэтому здесь пока нельзя говорить о *сосуществовании* различных культурных традиций на одной территории. Однако в бассейне Среднего Дона виллендорфско-костёнковские и аносовско-мезинские традиции, по-видимому, именно *сосуществовали в течение нескольких тысячелетий*. Как мы уже отмечали (см.: 6.3.4–6.3.5), нет объективных оснований отбрасывать т.н. «молодые» даты ~20–16 тыс. л.н., полученные для виллендорфско-костёнковских стоянок данного региона. Все стоянки указанного типа в Костёнках сосредоточены исключительно в Покровском логу. В соседнем же Аносовом логу в этот период проживало инокультурное население, сооружавшее жилища аносовско-мезинского типа. Рассмотрение этих последних мы начнём с наиболее полно исследованной стоянки Костёнки 11/Ia.

7.2. Стоянка Костёнки 11/Ia: жилые комплексы аносовско-мезинского типа

7.2.1. Общие сведения о памятнике

Этот памятник открыт А.Н. Рогачёвым в 1949 г. Полевые исследования начались в 1951 г. [Попов 1994: 6–21; 2005]. Тогда на крестьянской усадьбе расчистили современную хозяйственную яму, частично разрушившую культурный слой. Рядом с ней заложили шурф (4×2 м), где было обнаружено большое скопление костей. В основании его плотно в ряд залегали десять нижних челюстей мамонта. «Нет

сомнения в том, что здесь имеются остатки какого-то искусственного сооружения...» — писал тогда А.Н. Рогачёв [1953а: 150].

В результате исследований Костенок 11 (Аносовки 2) в 1951 — нач.1960-х гг. выявилось следующее. На оконечности центрального мыса Аносова лога в толще лёссовидного суглинка и в верхней гумусированной толще было открыто шесть культурных слоёв. Интересующий нас слой Iа находился под современной почвой, на северном склоне мыса, с уклоном к северо-востоку до 6 см на 1 м. Культурные остатки залегали в верхней части лёссовидного суглинка (на глубине 0,5–0,7 м от его верха). В 1960–1965 гг. здесь были расчищены остатки первого округлого жилища аносовско-мезинского типа из костей мамонта (первый жилой комплекс). В 1970 г. обнаружились остатки второго аналогичного жилища в 17 м к востоку от первого (второй жилой комплекс). Их детальные характеристики даны в специальной, богато иллюстрированной статье [Попов 2005: 156–186].

Три радиоуглеродных даты, полученные для этого слоя, дают интервал от 20 до 16 тыс. л.н. (см.: Приложение 1). Дата ~12 тыс. л.н. явно омоложена, т.к. для вышележащего слоя Iб получена более древняя дата ~14 тыс. л.н. [1]

7.2.2. Первый жилой комплекс

Ныне остатки первого жилища экспонируются в здании Государственного археологического музея-заповедника «Костёнки» — в расчищенном виде, *in situ*, в раскопе 11×13,5 м. Они представляют собой округлое в плане скопление костей мамонта, диаметром 9 м, окруженное пятью ямами, заполненными костями (рис. 116).

7.2.2.1. Кольцевое нагромождение костей мамонта: конструктивные особенности

В музеефицированном скоплении отчетливо выделяется внешнее кольцевое нагромождение костей, шириной до 1 м (рис. 20, 115). Положение этих костей и взаимосвязи между ними позволяют предположить, что здесь сохранилась определённая система выкладки, близкая к первозданной. При всей плотности укладки костей и общем единстве всей конструкции, она подразделяется на 8 своеобразных секций, каждая из которых имеет свои структурные особенности в подборе и выкладке костей мамонта. Ниже мы приводим подробное описание данной конструкции, начиная с юго-восточной секции и далее по часовой стрелке.

Юго-восточная секция. Два черепа мамонта являются её центром. Их как бы соединяет лопатка, опирающаяся на суставную поверхность и правое крыло. С востока их обрамляют три крыла тазовых костей. Далее стоит нижняя челюсть зубами вниз (на ветвях). С внешней стороны к ней примыкает лопатка, гребнем вверх. На левую ветвь челюсти наложена вторая лопатка, также гребнем вверх. Над ней лежит третья лопатка. Крылья обеих лопаток опираются на стоящие с наклоном две плечевых кости. Здесь же находится обломок нижней челюсти. Завершает секцию лопатка крупных размеров, лежащая гребнем вверх. Она как бы соединяет данную секцию со следующей — южной. С внешней стороны юго-восточную секцию окаймляют кости, уложенные вдоль скопления — два обломка бивня, две лучевых, крупный обломок ребра и нижняя челюсть зубами вверх.

Южная секция. Центром её также являются два черепа. Они лежат лобной частью вниз, перпендикулярно кольцевому нагромождению. К каждому прислонена стоящая на ребре лопатка. С внешней стороны к восточному черепу примыкают, четыре лопатки и крыло тазовой, лежащие горизонтально друг на друге. К западному черепу аналогичным образом примыкают три лопатки. Как бы объединяя эти две группы плоских костей, на ерхних лопатках лежат два крыла тазовых. С внешней стороны их окаймляют десять трубчатых, лежащие вдоль скопления. Поперек кольцевого нагромождения стоят с наклоном внутрь ещё пять трубчатых.

Юго-западная секция. Центром являются два черепа с внутренней стороны кольцевого нагромождения. Между черепами в почти вертикальном положении находится крыло тазовой кости. Под ней, в свою очередь, залегают плечевая и тазовая. К южному черепу с наружной стороны примыкают нижняя челюсть и крыло тазовой; к северному –лопатка, лежащая гребнем вверх. С внешней стороны оба черепа окаймляет выкладка из восьми нижних челюстей. Между челюстями и между их ветвями, поперек

[1] Слабо выраженный слой Iб залегает на южном склоне мыса. Он является более молодым. В нём собрано всего около 750 экз. кремнёвых изделий, включая 9 нуклеусов и 51 орудие, отличающиеся по своим характеристикам от материалов нижележащего слоя [Палеолит... 1982: 119–120].

Рис. 115. Костёнки 11 (Аносовка 2). Остатки округлого костно-земляного жилища аносовско-мезинского типа (I жилой комплекс) и перекрытого им жилища аносовско-гмелинского типа. Музейная экспозиция. Фото 2005 г.

скопления стоят с наклоном внутрь три трубчатых кости со сгнившими верхними концами, и лежат ещё шесть трубчатых. Вдоль скопления залегают две трубчатых кости. С внешней стороны кольцевого нагромождения находятся: крыло тазовой, два дистальных эпифиза бедренных, позвонки и мелкие обломки костей.

Западная секция. Состоит из четырёх нижних челюстей, уложенных вплотную друг к другу, зубами вниз, ветвями внутрь скопления. Они опоясывают лежащие одна над другой четыре лопатки. На лопатках, вдоль кольцевого нагромождения лежат две плечевых и обломок лучевой кости. Над лопатками же, на прослойке суглинка, размещена нижняя челюсть. Между её ветвями уложена ещё одна челюсть, меньших размеров. Под лопатками, в положении поперёк скопления, расположены три трубчатых кости с отрубленными концами и обломок нижней челюсти.

Конструкция данной секции повреждена при рытье современной хозяйственной ямы. В процессе расчистки её заполнения найдено большое количество обломков костей, в том числе черепных. Анализ костей позволил А.Н. Рогачёву убедительно доказать факт размещения на кв. Я/42 двух черепов, уничтоженных при выкапывании ямы [1960: 17– 19].

Северо-западная секция повреждена той же хозяйственной ямой. Секция начинается двумя плечевыми костями, лежащими по окружности скопления. Между ним, почти вертикально стоит третья плечевая кость. Её нижний (дистальный) конец упирается в ветвь нижней челюсти, ориентированной вдоль скопления. Под челюстью, перпендикулярно кольцевому нагромождению, находятся локтевая кость и несколько обрубков трубчатых. Вышеупомянутые плечевые кости примыкают к остаткам ещё двух черепов. На них, в положении вдоль скопления, уложены малая берцовая, эпифиз бедренной, обрубок трубчатой и стоящее на крыле тазовая. С внешней стороны к черепам примыкают две нижних челюсти и ещё одна стоящая на крыле тазовая. Рядом находится переплетение костей: позвонок, локтевая, трубчатая, дистальный и проксимальный эпифизы плечевых, крестец, три мелких кости конечностей.

Северная секция начинается лопаткой, лежащей горизонтально, гребнем вверх. На ней залегает обломок бивня, в положении вдоль кольцевого нагромождения. Бивень, в свою очередь, соприкасается с обрубками двух трубчатых костей, залегающих перпендикулярно окружности скопления. Далее находятся два черепа. Западный череп с внутренней стороны окаймляют обломок трубчатой кости, остистый отросток и стоящее под углом крыло тазовой. С внешней стороны уложен крупный обломок

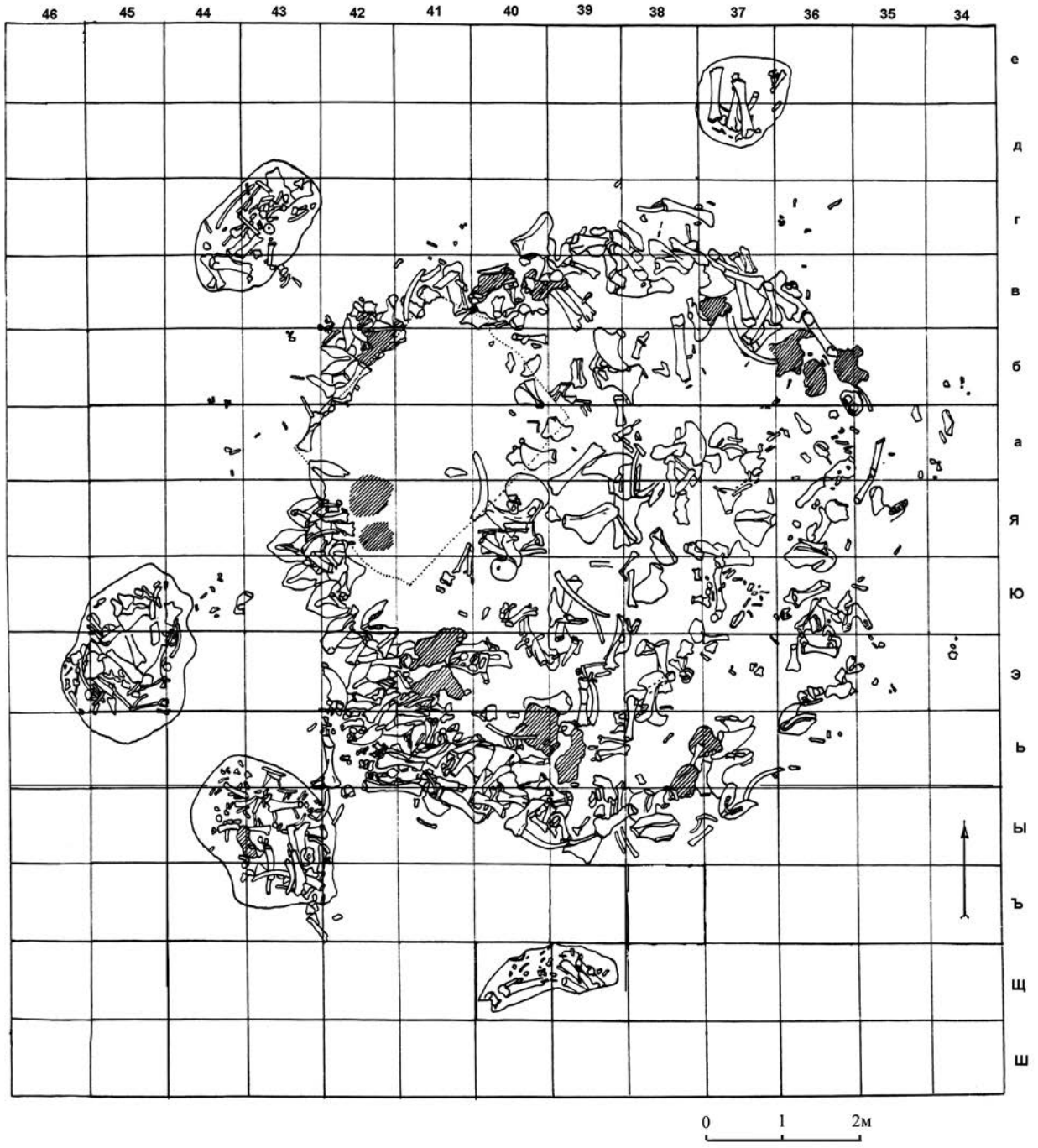

Рис. 116. Костёнки 11/Iа. План округлого костно-земляного жилища аносовско-мезинского типа (I жилой комплекс). Штриховкой обозначены черепа мамонтов

трубчатой. Восточный череп находится в окружении трёх стоящих под углом крыльев тазовых костей. Череп при этом перекрывает проксимальные концы двух локтевых, ориентированных поперёк скопления. С внешней стороны к этому же черепу и крылу одной тазовой примыкает нижняя челюсть. На её левую ветвь налегает стоящая под углом лопатка. Далее расположены две лопатки, частично перекрывающие друг друга — верхняя гребнем вниз, нижняя гребнем вверх. Под нижней лопаткой лежит бедренная кость, а на ней локтевая. Обе трубчатые кости ориентированы поперёк кольцевого нагромождения. Вдоль скопления лежат парой две плечевые, а далее к северу бедренная, как бы откатившаяся от плечевых.

Северо-восточная секция характеризуется расположением трёх черепов и одного крупного обломка черепа. Первый из них находится между стоящим под углом крылом тазовой (с внутренней стороны) и лежащей тазовой (с внешней стороны). Со вторым черепом его как бы соединяет бивень, на концы которого и налегают оба черепа. Между ними парой залегают в наклонном положении плечевая и бедренная, ориентированные поперёк окружности скопления. Здесь же, под углом к ним уложена ещё одна бедренная кость. На этом же квадрате находятся третий череп и обломок черепа. Все названные кости с внешней стороны обрамляются залегающими вдоль скопления «связками» — четырьмя плечевыми, четырьмя бедренными и обломком бивня.

Восточная секция. Это последняя секция в системе кольцевого нагромождения, промежуточная между уже описанными юго-восточной и северо-восточной секциями. Своеобразной её особенностью является наличие большого количества культурных остатков, характерных для внутренней части скопления. В отличие от других секций, кости сохранились здесь довольно плохо; поэтому расчищены только залегающие сверху. Предполагается, что именно здесь находился углубленный вход в жилище. Помимо значительного количества обломков костей, в том числе черепных, тут расположены пять нижних челюстей, четыре трубчатых, лопатка и тазовая.

В заключение следует отметить следующие характерные свойства выкладки костей мамонта в кольцевом нагромождении.

1) Юго-восточная и южная секции отличаются оригинальным размещением плоских костей — 14 лопаток и 7 тазовых. С внешней стороны их обрамляют 22 трубчатые кости, уложенные вдоль и поперёк скопления.

2) Юго-западная и западная секции сложены из 17 нижних челюстей. В конце выкладки две челюсти, вложенные одна в другую, лежат на четырёх лопатках, залегающих горизонтально, частично перекрывая друг друга.

3) Северо-западная секция повреждена при выкапывании хозяйственной ямы; поэтому судить о ней затруднительно.

4) Северную и северо-восточную секции характеризует расположение трубчатых костей, залегающих парами поперёк кольцевого нагромождения, в сочетании с группами из двух — четырёх трубчатых костей, также уложенных поперёк. Трубчатые, залегающие парами, имеют одинаковые размеры.

5) В восточной секции отмечается большое количество культурных остатков, характерных для внутренней части жилища.

6) Ядром каждой секции, за исключением восточной, не полностью расчищенной, являются черепа мамонтов, помещённые попарно с внутренней стороны кольцевого нагромождения, в окружении торчащих плоских костей (в северо-восточной секции — три черепа небольших размеров).

7) В каждой секции преобладают анатомически одноименные кости, в качестве набора стандартных элементов.

8) В каждой секции находятся группы трубчатых костей, залегающих вдоль и поперёк окружности кольцевого нагромождения. В южной, юго-западной и западной секциях (верхних по склону мыса) есть трубчатые кости, стоящие почти вертикально, со сгнившими верхними концами. Высота сохранившихся частей 50–70 см.

7.2.2.2. Внутренняя часть жилища

Во внутренней части остатков жилища трудно выделить какие-либо группы костей, сохранившие положение, близкое к первозданному, подобно костям внешнего кольцевого нагромождения. Здесь можно отметить следующее:

1) Внутри кольцевого нагромождения преобладают плоские кости: лопатки и тазовые. Все они залегают горизонтально в верхней части культурного слоя, точнее: лежат на культурных остатках, отложившихся на полу жилища в ходе его функционирования.

2) Все кости во внутренней части скопления залегают глубже костей кольцевого нагромождения (в среднем, на 0,3 м).

3) Внутренняя часть скопления насыщена культурными остатками. Ближе к краям находок становится меньше; в самом кольцевом нагромождении и за его пределами их относительно мало. Всего же в пределах жилища, на площади 64 м^2 найдено свыше 12.200 каменных изделий, включая орудия и отходы производства расщепления. На остальной площади раскопа в здании музея (83 м^2) обнаружено всего около 900 экз. таких предметов; в ямах — свыше 1600 экз.

Следует оговорить, что культурный слой внутри жилища расчищен далеко не полностью. Это вызвано условиями его экспонирования в здании музея. Общее представление о его насыщенности можно составить по материалам более-менее полно разобранных квадратов, а также по результатам археологического зондирования.

Общая мощность культурного слоя составляет ~0,6 м. Для характеристики его приведем перечень артефактов, собранных на одном из сравнительно полно исследованных квадратов (Ю/39): 1 обломок ребра мамонта, 11 обломков трубчатых костей, 1 позвонок, 2 таранных, 680 мельчайших осколков костей, 48 мелких обломков пластин зубов мамонта, 24 обломка пластин бивня, 17 костей мелких животных, 3 фрагмента сферосидеритов, 16 мелких кусочков красной краски, 5 кусочков гематита со следами стёртости краёв, 3 куска мергеля, 5 скребков, 1 боковой резец, 13 микропластинок с ретушью и 97 без ретуши, 35 пластинок и 25 отщепов с ретушью, 49 орудий с чешуйчатой подтёской концов, 88 пластинок и их обломков, 262 отщепа, 1624 чешуйки, 12 резцовых сколов, 27 нуклеусов и нуклевидных форм, 7 сколов оживления с нуклеусов, 77 осколков кварцита, сланцев и других пород камня, 1 острие в виде иглы без ушка и 1 подвеска из кости. Здесь же собрано 65 обожжённых кремней и 6 кг костного угля.

Основание культурного слоя внутри жилища залегает глубже основания костей в кольцевом нагромождении и культурного слоя за его границами. Глубина пола жилища от уровня древней дневной поверхности составляла от 56 см в западной части (верхней по склону), до 30 см в восточной (нижней) части. Таким образом, пол в жилище был горизонтальным. Культурный слой внутри дома можно условно разделить на два горизонта. Нижний, мощностью 26–30 см — остатки жизнедеятельности обитателей жилища, отложившиеся на полу постройки: расщеплённые кремни, кухонные отбросы, в виде мельчайших осколков костей, углистые и зольные скопления. Здесь же отмечается окрашенность суглинка в серо-зеленоватый цвет. Верхний горизонт, мощностью ~30 см, вероятно, представляет собой остатки обвалившейся кровли и стен жилища из костей мамонта [Попов 2002: 4].

Характерной особенностью поселения является концентрация культурных остатков в жилище и почти полное их отсутствие за пределами жилого комплекса. То же можно сказать и о втором комплексе, исследованном пока лишь частично, включая одну яму-кладовую[1].

7.2.2.3. Ямы-кладовые

Остатки жилища окружают пять ям, выкопанных на расстоянии около 1 метра от его краев, глубиной до 0,7 м от древней дневной поверхности. Три из них расположены у западного (верхнего по склону) края, одна — вблизи южной секции и одна — возле северо-восточной секции. Рядом с восточным краем жилища ям не обнаружено.

О количестве крупных костей, находящихся в заполнении краевых ям, лучше всего судить по числу их в той яме-кладовой второго жилого комплекса, которая была разобрана полностью: 7 бивней, 6 бедренных, 16 плечевых, 5 локтевых, 4 больших берцовых, 3 лучевых, 7 лопаток, 8 тазовых, фрагмент черепа и крестец.

Значительный интерес вызывает состав костей мамонта, использованных при сооружении первого жилого комплекса. Всего было расчищено более 570 костей, как минимум, от 40 особей, в том числе 33 взрослых, 5 полувзрослых и 2 сосунков. К этому следует добавить, что в процессе исследования остатков жилища снято более 2800 мелких осколков костей. Во время расчистки ям также снято более 2000 мелких осколков костей. Вероятно, эти мелкие обломки являются, с одной стороны, кухонными отбросами, с другой — фрагментами плохо сохранившихся костей, использованных при строительстве.

[1] Раскоп на втором жилом комплексе составлял 60 м^2, при этом была вскрыта ~1/3 часть кольцевого нагромождения костей и полностью исследована одна краевая яма. Всего здесь собрано свыше 1200 экз. расщеплённых кремней. Стратиграфические условия залегания обоих жилых комплексов тождественны, однако говорить об их одновременности пока преждевременно.

В исследованной части второго жилого комплекса обнаружено ~250 костей мамонта, в том числе 27 нижних челюстей.

Подсчитанное количество костей и особей мамонта является минимальным, потому что многие кости в жилище и, особенно в ямах остаются нерасчищенными. Следует также иметь в виду огромное количество костного угля, обнаруженного на памятнике.

Состав прочих фаунистических находок на стоянке следующий: волк — 1/5, северный олень — 1/2, заяц — 1/2, птица — ?/2 [Верещагин, Кузьмина 1977: 105].

7.2.3. Проблемы реконструкции и интерпретации жилищ аносовско-мезинского типа

Понятно и оправданно стремление археологов реконструировать, как внешний вид, так и детальные особенности конструкции таких специфических, сложных сооружений, как костно-земляные жилища. Несмотря на обилие информации, эта задача совсем не проста: выясняется, что для наблюдаемых явлений можно предложить различные варианты интерпретации.

Очень впечатляющим выглядит вариант реконструкции межиричского жилища, выполненный в виде «натурального макета» в экспозиции Палеонтологического музея НАН Украины (Киев) [Пидопличко 1976: рис. 33]. Но это лишь один из возможных вариантов, сочетающий в себе, как бесспорные, так и дискуссионные моменты. Основываясь на материалах развалин первого жилого комплекса Костёнок 11/Ia, В.В. Попов предложил собственную реконструкцию жилища аносовско-мезинского типа [Попов 2005: 180–185].

Как уже было показано выше, остатки этого жилища представляют собой внешнее кольцевое нагромождение костей, залегающих по окружности, подразделённой на 8 секций. Ширина кольцевой конструкции составляет около 1 м. Каждая из секций состоит, преимущественно, из набора однотипных костей, уложенных в качестве «стандартных элементов». Особенно показательно здесь положение трубчатых костей, стоящих с наклоном внутрь и лежащих поперек скопления. Такие кости имеются в каждой секции. Поставленные вертикально (стойки) и уложенные горизонтально (прогоны, ригеля), в теле земляной насыпи, они являлись её стоечно-балочной (каркасной) системой. Высота насыпи могла быть около 70 см — исходя из размеров торчащих трубчатых костей со сгнившим верхним концом. Подобные элементы конструкции фиксировались и в жилищах, раскопанных на стоянках Костёнки 2 и Межиричи [Борисковский 1963: 27; Пидопличко 1976: 93].

Поскольку в аносовском жилище основание культурного слоя внутри скопления костей залегает, в среднем, на 50–30 см глубже древней дневной поверхности, общая высота земляного ограждения составляла около 1 м от пола жилища. Данную часть сооружения можно назвать «цоколь». В архитектуре под этим термином понимается более массивная нижняя часть или подножие (основание) здания, обычно несколько выступающее вперёд по отношению к верху, с особым характером обработки или строительного материала [Кильпе 1984: 92, 102]. Потребное количество грунта на отсыпку насыпи, возможно, было извлечено при углублении пола строящегося жилища (всего при рытье котлована должно быть извлечено около 11,5 куб. м; на отсыпку насыпи, без учёта объёма костей, необходимо 9,2 куб. м).

Исходя из вышеизложенного, конструкция первого жилища Костёнок 11/Ia представляется следующей. Округлое основание, диаметром около 7 м, было углублено, примерно, на 50 см в верхней и на 30 см в нижней по склону частях. По длине окружности котлована возвышался вал, шириной по основанию около 1 м, высотой до 70 см, состоящий из грунта, извлечённого при углублении основания. В процессе отсыпки вала, для его укрепления, дабы он не расползался, последовательно, секциями укладывали кости мамонта и добавляли золу и костный уголь. Пара черепов, с внутренней стороны, являлась ядром каждой секции. Вокруг них группировались, в основном, однотипные кости (подробнее см.: 7.2.2.1). Вертикально стоящие трубчатые кости являлись стойками; трубчатые, уложенные горизонтально, служили связями между ними.

На то, что секции сооружались последовательно, одна за другой; указывает то, что скопление костей в плане, строго говоря, имеет вид многоугольника со сторонами разной длины. В качестве экрана насыпи, с внутренней стороны, для предотвращения сползания грунта вниз, использовались плоские кости. Отметим, что такие валы вокруг построек могли сооружаться только в регионах с сухим климатом, ибо в случае затяжных дождей вся влага с кровли и вала проникала бы внутрь жилища. Однако климат периода максимума оледенения, когда сооружались жилища аносовско-мезинского типа, вполне отвечал данным условиям.

Несомненно, архитектура жилища не ограничивалась одним цоколем. Необходимо было перекрытие, основу которого, вероятно, составлял каркас из жердей. Жерди каркаса могли устанавливаться в следующих положениях.

1) Основания деревянных стоек размещались по периферии углублённого пола. В этом случае костно-земляной вал был подобен земляному или снежному валам вокруг чумов энцев и нганасан [Долгих 1971: 102]. Другой аналогией могут служить жилые постройки приилийских казахов. Здесь основание зимнего жилища вкапывали в землю и окружали валом из дёрна [Баскаков 1971: 105].

2) Основания деревянных стоек крепились среди костей в основании земляного вала. В этом случае подножие жилища, естественно, было более устойчивым. Углублённый относительно дневной поверхности пол и костно-земляная насыпь составляли стену общей высотой до 1 метра. Практически получалась полуземлянка. Конусовидной формы каркас выше насыпи, по сути, уже являлся крышей постройки. Аналогией может быть тип жилого сооружения эскимосов Америки. «Каменные и костяные юрты не уходят в землю, как настоящие землянки: здешним эскимосам, за недостатком строительных орудий, было бы трудно углубить свои юрты в почти всегда мерзлую почву, которая у них, если когда и оттаивает, то разве только на самой поверхности. Нижняя часть юрты, тем не менее, состоит из кругообразной каменной или земляной стены, на которой покоится остов крыши из китовых и моржовых костей, соединяющихся вверху в одну определённую точку. Щели этого остова и вообще все сооружение покрывается снаружи землей, торфом, дёрном и т.д.» [Шренк 1899: 36].

Пол жилища, видимо, был покрыт слоем костного угля в качестве изоляционного материала. Не исключено, что некоторые плоские кости тоже употреблялись в этом качестве. В описании чукотских жилищ, в конструкции которых использовались кости кита, сообщается: «Пол, по крайней мере, передняя часть его, выстилается гладкими кусками кости...» [Богораз 1991: 115]. Н.Н. Диков, исследовавший памятники пережиточного неолита на морском побережье Чукотки, обнаружил в жилище «...ложе из двух слоев китовых лопаток малого размера...» [Диков 1977: 174–175].

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующий вывод. Только существованием земляной насыпи, остов которой составляли кости мамонта, можно объяснить хорошую сохранность этих самых костей и их положение, близкое к первоначальной выкладке. Этим же объясняется локализация культурных остатков в пределах данного скопления. После того, как жилище было заброшено, со временем основания жердей сгнили, и перекрытие обрушилось внутрь. Костно-земляной вал, как очень устойчивое сооружение, довольно долго сохранялся, препятствуя переотложению культурных остатков. Большинство костей в насыпи оставались на месте, проседали, уплотнялись. Концы вертикально стоящих трубчатых в ряде случаев обнажались и сгнивали.

Естественно, постепенно вал всё-таки размывался, оплывал. Поскольку в центре жилища было понижение, то земля с содержащейся в ней золой и костным углём именно туда и смывались. Туда же, во внутреннюю часть скопления сносились некоторые кости мамонта, залегавшие в верхней части цоколя. Именно таким плоскостным смывом объясняется то, что плоские кости во внутренней части жилища — на и над полом — лежат в слое горизонтально. Если бы они изначально были положены сверху, прижимая шкуры к каркасу постройки, как полагают многие авторы[1], то после падения вниз они залегали бы в самых причудливых положениях.

Если говорить о поселениях с костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа как о едином целом, то некоторые представления об их характере дают исследования украинских стоянок (Мезин, Добраничивка, Межиричи), проведённые широкой площадью. Результаты их раскопок показали, что посёлки такого рода представляли собой сложное явление, включавшее, как сами округлые жилища (определённым образом расположенные), так и связанные с ними ямы-кладовые, и целый ряд объектов иного рода: внешние очаги, места интенсивной обработки кремня и пр. Слой Костёнки 11/Ia как единое целое ещё только разведан. Однако результаты разведочных работ показывают, что планиграфически он также весьма сложен.

Из этого можно, в частности, сделать вывод о продолжительности существования жилых комплексов аносовско-мезинского типа. Они явно не могут рассматриваться, как временные жилища бродячих охотников и собирателей. Люди, сооружавшие жилища указанного типа, явно вели оседлый образ жизни. Активное же использование в них крупных костей мамонта свидетельствует о недостатке строительных материалов (дерева), пригодных для возведения долговременного жилища иной конструкции.

[1] В частности, именно такая интерпретация предложена на материалах межиричского жилища [Пидопличко 1976: рис. 33].

Что же обусловило, в первую очередь, возникновение костно-земляных жилищ на Русской равнине? По мнению этнографов, многие детали конструкции традиционного жилища и хозяйственных построек связаны с экологическими условиями. «...При отсутствии или недостатке дерева в безлесных районах ойкумены развивается каркасно-столбовая конструкция, в которой крыша поддерживается горизонтальными, вертикальными, нередко и наклонными тонкими бревнами, балками или жердями; стены при этом могут заполняться самыми разнообразными материалами» [Чебоксаров, Чебоксарова 1984: 38]. Подобной точки зрения придерживался и А.А. Попов: «Жилые постройки народов Сибири, как по архитектурным формам, так и по конструкциям различны и тесно связаны с климатическими условиями и окружающей географической средой, доставляющей строительные материалы. Географическая среда в условиях примитивной техники оказывала большое влияние на конструкцию и архитектурные формы жилищ, придавая им большое разнообразие. Меньшее влияние, чем это можно представить, оказывала на архитектурные формы жилищ хозяйственная деятельность человека...» [Попов 1961: 131].

Можно согласиться с тем, что природная среда влияла на характер жилого сооружения значительно больше, чем хозяйственная деятельность людей. Однако, судя по данным, уже приведённым нами в главах 6–7, не меньшее, а, возможно, и большее значение играли здесь культурные традиции. Виллендорфско-костёнковские жилые комплексы, в которых также активно использовались крупные кости мамонта, разительно отличаются от комплексов аносовско-мезинского типа, хотя предназначались они для обитания в тех же самых экологических условиях, в тот же самый период. Можно лишь допустить, что именно аносовско-мезинский тип жилых конструкций явился оптимальным.

Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что данный тип жилищ зафиксирован на памятниках с явно разнокультурной каменной и костяной индустрией (замятнинская АК, мезинская АК, возможно, межиричско-добраничивская АК) [Аникович 1998: 58–63]. Возникновение сходных типов жилищ в разных АК может трактоваться, как явление конвергенции, но не менее вероятно культурное заимствование.

Как люди могли жить в таком жилище в зимнее время периода максимума оледенения? В какой-то степени это можно представить на основании записей А.А. Романова — участника экспедиции 1930-х гг. по Центральной Сибири, между Таймыром и Леной: «...Температура — -45–50. При встречном ветре мороз удваивается. Все прячутся в дом. В чумах, переходя из одного в другой, пьют нескончаемый чай (заваренные травы). Дрова экономят, в чумах холодно. Вяло ведут разговоры. Темы: олени, волки, песец... Обитатели чума дремлют, сидя на своих постелях (оленьи шкуры), дожидаясь конца дня, ознаменовывающегося ужином из 3-х ведерного медного котла, полного мяса. После ужина погружаются в сон. Утро 5–6 часов. В чуме температура такая же, как вне чума. Встает женщина, растапливает печь, ставит чайник...Через ½-1 час поднимается хозяин и все взрослое население... В чуме уже тепло...Чай готов. Садятся группами за маленькими столиками. Разливается чай, к чаю подается холодное мясо, оставшееся от ужина, без соли и хлеба, чай без сахара. Через 4–5 часов снова подается чай. В 7–8 часов вечера приготовлен ужин — большой котел полусырого мяса. ... Мясо в больших тарелках кг по 2 на каждого человека...» [ПФА РАН, ф. 735, оп. 1, № 12, л. 79].

Было бы опрометчиво напрямую переносить эту картину на эпоху верхнего палеолита. Прямые этнографические параллели здесь неуместны уже потому, что верхнепалеолитическая эпоха принципиально отлична от всех архаических сообществ современности. Мы в лучшем случае делаем самые первые шаги в понимании специфических особенностей духовной, культурно-бытовой, хозяйственной и, в наименьшей степени, социальной специфики сообществ эпохи верхнего палеолита. Приведённый выше пример указывает, главным образом, на то, что люди вполне способны выживать и даже создавать специфические культурные традиции в экстремальных условиях «пика холода».

7.2.4. Каменный и костяной инвентарь стоянки Костёнки 11/Ia

Коллекция каменного инвентаря остатков поселения Костёнки 11/Ia насчитывает 17,3 тыс. расщеплённых кремней, в том числе около 1500 изделий с вторичной обработкой и 1200 микропластинок. В качестве сырья использовался меловой кремень (57%) и цветной (38%).

Техника первичного расщепления ориентирована на получение микропластинок и пластинок призматической формы. В первом жилом комплексе выделено 50 нуклеусов, во втором 12. Нуклеусы подразделяются на две группы: для скалывания микропластинок; для скалывания пластинок. Обращает на себя внимание наличие большого количества желваков нуклевидной формы, массивных осколков и плиток цветного кремня, с которых, судя по негативам сколов, предпринимались попытки скалывания (рис. 117:

29–30). В первом жилом комплексе их найдено 213, во втором 48, в третьем 11 экз. После нескольких неудачных сколов заготовка больше не использовалась, видимо из-за плохого качества сырья. В ряде случаев, по морфологическим признакам, их можно классифицировать, как нуклевидные и макролитические орудия, многофасеточные и нуклевидные резцы, однако характерные следы работы на них отсутствуют.

Заготовками для орудий являлись пластинки и пластинчатые отщепы (3–6 см длиной), микропластинки и отщепы. Техника вторичной обработки характеризуется широким употреблением приёма чешуйчатой подтёски, применялась крутая ретушь и резцовый скол.

Количественно преобладают мелкие долотовидные орудия на отщепах и пластинках с чешуйчатой подтёской концов — 239 в первом, 24 во втором и 1 в третьем комплексах (рис. 117: *6, 12–13, 15, 21*). Другой многочисленной группой изделий являются микропластинки с ретушью — 183 в первом, 17 во втором и 2 в третьем комплексах (рис. 117: *1–5, 7*). Резцы — 57 в первом, 10 во втором и 4 в третьем, преимущественно переделанные из других сломанных или изношенных орудий (рис. 117: *13, 19*). Среди них есть комбинированные со скребками и резцы на заготовке с подтёской. Остальные орудия представлены скребками (рис. 117: *14, 16–18, 20, 22–25*) — 26 в первом, 5 во втором и 1 в третьем; пластинками с прямо усечёнными ретушью концами; остриями со скошенными концами и др. (рис. 117: *9–10*). Пластинок с ретушью 548, отщепов с ретушью 237 в первом; соответственно 52 и 57 во втором; 16 и 9 в третьем.

Своеобразием является дифференциация на две группы: обыкновенные верхнепалеолитические орудия — скребки, резцы, долотовидные и т.д., изготовленные на пластинках и отщепах; узкие и тонкие микропластинки с ретушью и без неё. Обеим группам соответствуют соразмерные нуклеусы. Другая особенность: численное преобладание орудий с чешуйчатой подтёской концов и микропластинок с ретушью относительно других категорий орудий.

Изделия из кости единичны: игла без ушка, подвески с орнаментом в виде круговых прорезей, обломок лощила с плоским навершием округлой формы [Палеолит... 1982: 125]. На последнее орудие стоит обратить особое внимание. Данное изделие может трактоваться, как грубое подражание рукоятям лощил с головчатыми навершиями из первого слоя Костёнок 1 и служить косвенным свидетельством в пользу сосуществования этих памятников (рис. 116).

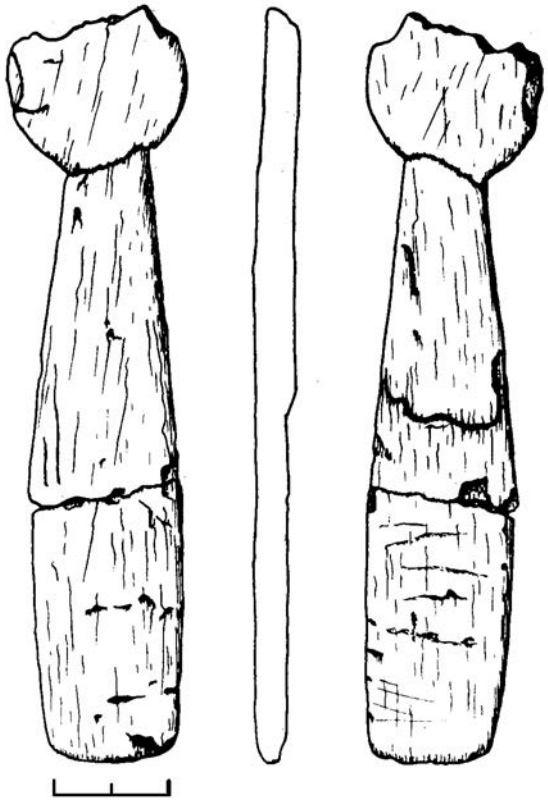

Рис. 116 а. Лощило

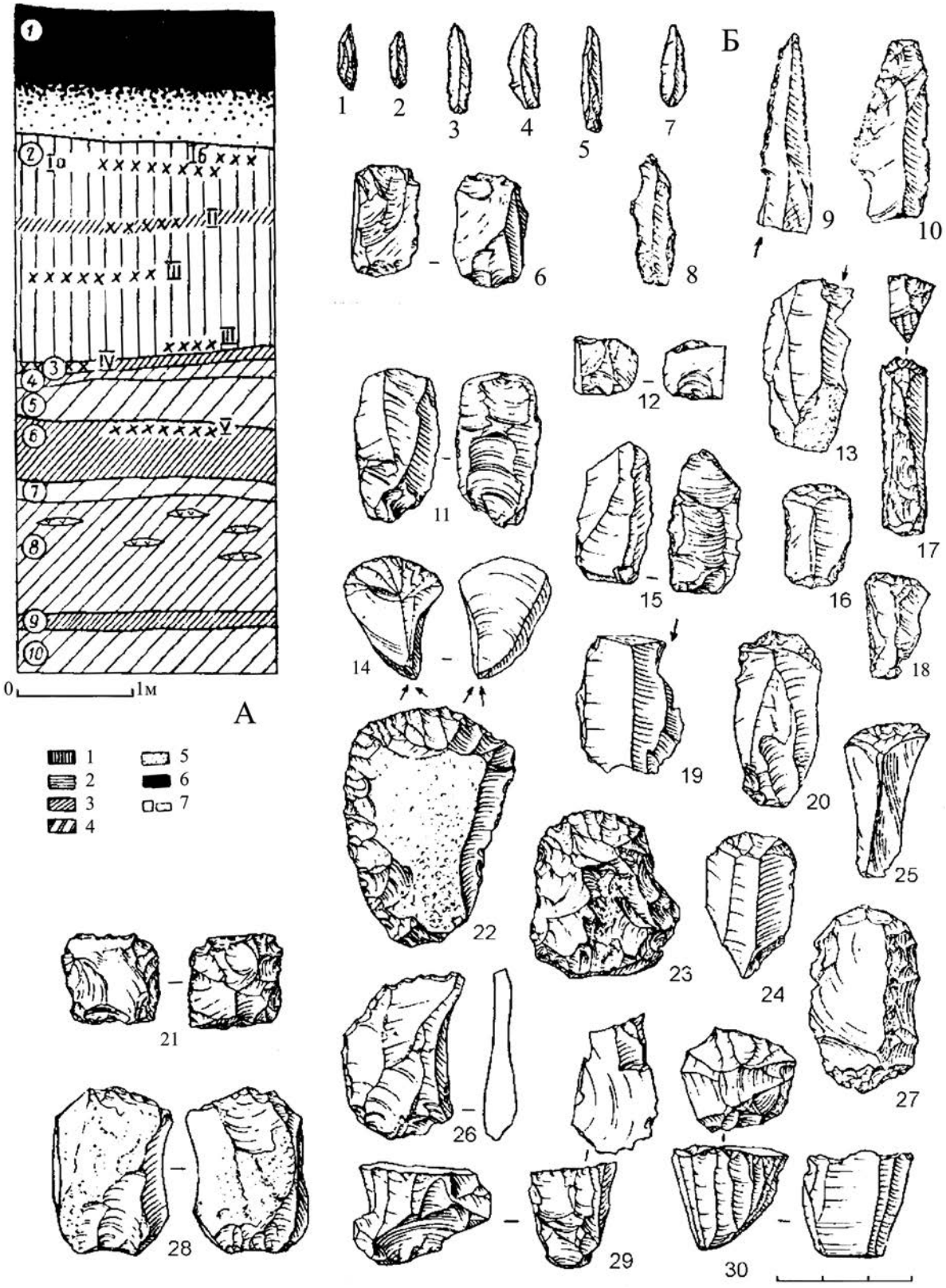

Рис. 117. Костёнки 11. Схематичный разрез культурного слоя (*1 — современная почва; 2 — серо-коричневый лёссовидный суглинок; 3,6,9 — гумусированный суглинок; 4 — мергелистый суглинок; 5 — белесый суглинок; 7 — бурый суглинок; 8 — слоистый суглинок с линзами вулканического пепла; 10 — слоистый суглинок*) и кремнёвая индустрия культурного слоя Ia (замятнинская культура). *По: [Рогачёв, Попов 1982]*

7.3. Стоянка Костёнки 2 (Замятнинская)

Стоянка Костёнки 2 расположена на соседнем мысу Аносова лога, всего в 160 м от жилищ Костёнок 11 (рис. 118). Открыл её житель Костёнок, крестьянин П.И. Богданов — большой любитель старины, участник раскопок С.А. Круковского. Обнаружив на своём приусадебном участке кремни и кости мамонта, он сообщил о своей находке С.Н. Замятнину, и в 1923 г. экспедицией под руководством П.П. Ефименко, при участии С.Н. Замятнина, здесь были проведены первые раскопки, продолженные С.Н. Замятниным в 1927 г. [Борисковский 1963: 8–9]. Долгое время памятник считался маловыразительным и бесперспективным. Только после раскопок П.И. Борисковского 1953, 1955 и 1956 гг. выяснилось его высокое научное значение.

Культурный слой залегает на глубине 0,9–1,7 м. от современной поверхности в нижней части лёссовидного суглинка, частично заходя в подстилающие суглинок линзы песка. Тремя раскопами общей площадью 244 кв.м здесь были открыты три различных по характеру скопления культурных остатков.

***I комплекс*,** вскрытый раскопом 1953 г., площадью 147 кв.м, представляет собой остатки округлого жилища из костей мамонта, аналогичного жилищам Костёнок 11/Iа. Размеры нагромождения костей мамонта представляют собой неправильный овал 8,0×6,5×0,6 м (рис. 119). Скопление частично повреждено современными хозяйственными ямами, но сохранившаяся его часть достаточно выразительна [Борисковский 1963: 14–24; Палеолит... 1982: 67–68]. По подсчетам И.Г. Пидопличко, здесь было обнаружено ~2000 костей, как минимум, от 28 особей мамонта. Здесь также прослеживаются отбор и сортировка материала, целенаправленная его укладка. В скоплении преобладают бивни, кости конечностей, лопатки и тазовые, черепа — обычный «строительный материал», использовавшийся для сооружения костно-земляных жилищ. Судя по описаниям и чертежам, также выделяются характерные «звенья» кольцевой обкладки, причем их характер близок к тому, что наблюдалось в южном жилище Костё-

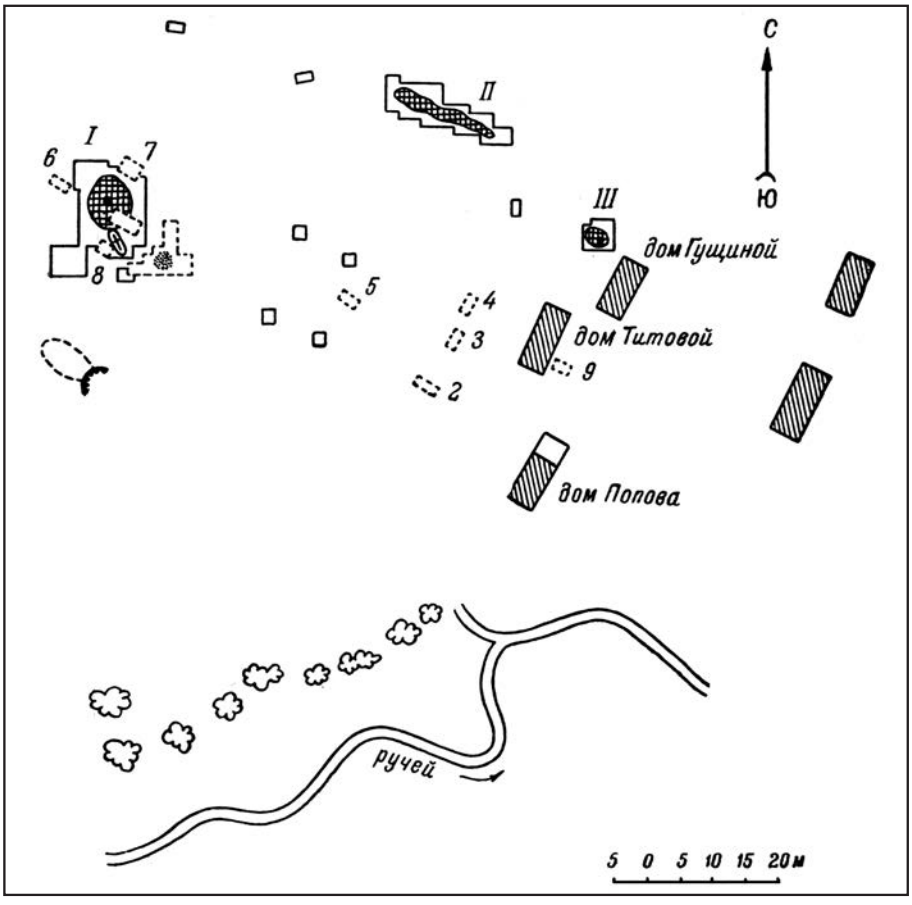

Рис. 118. Костёнки 2 (стоянка Замятнина). Схематичный план раскопов и шурфов. Перекрёстной штриховкой показаны скопления культурных остатков в комплексах 1, 2 и 3. *По: [Борисковский 1963]*

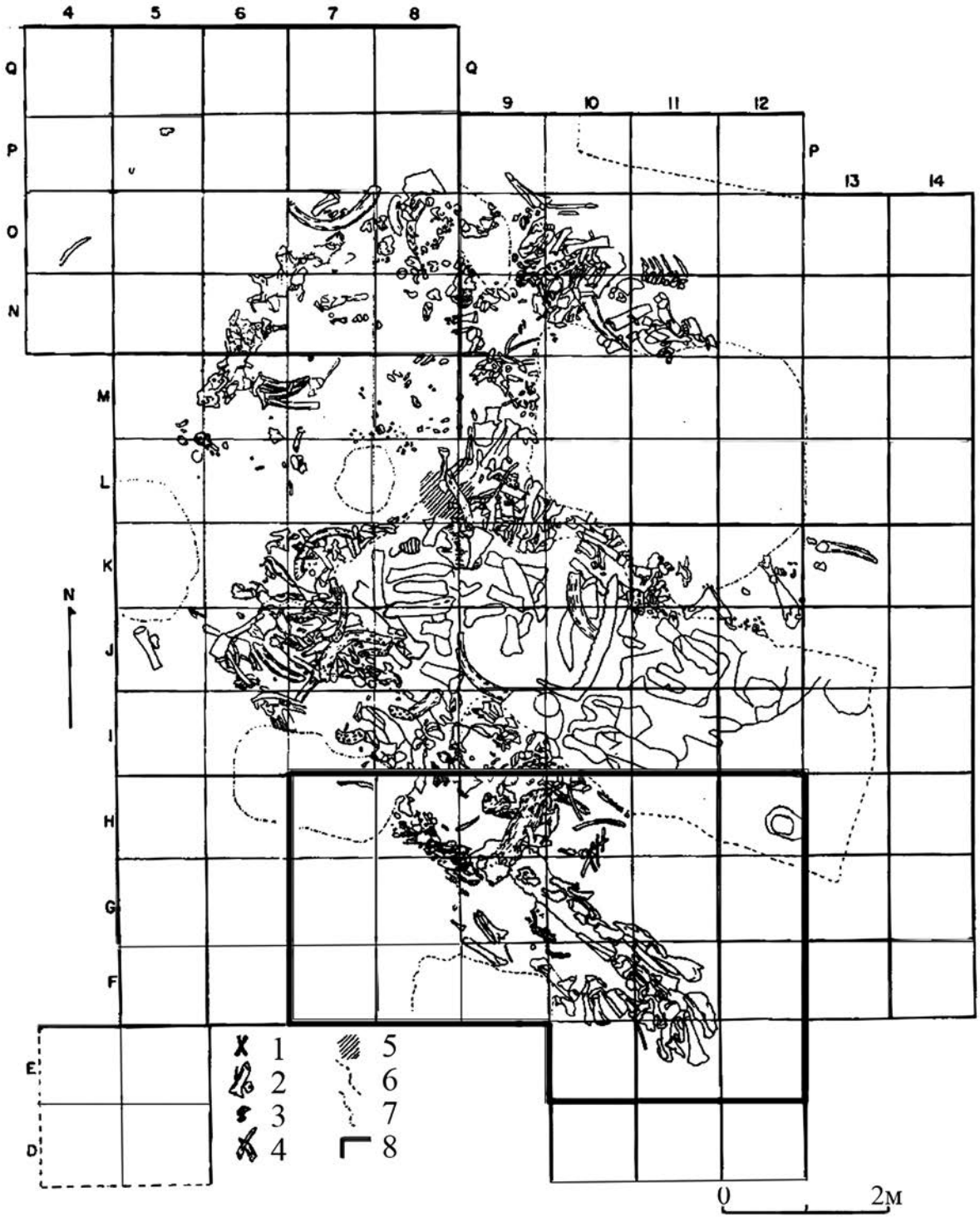

Рис. 119. Костёнки 2 (стоянка Замятнина). Комплекс 1 (раскопки П.И. Борисковского 1953 г.). План жилища (*1 — кости человека; 2 — кости животных; 3 — зубы мамонта; 4 — бивни; 5 — очаг; 6 — раскопы П.П. Ефименко 1923 г.; 7 — позднейшие ямы; 8 — врезка (см. рис. 120)*). *По: [Борисковский 1963]*

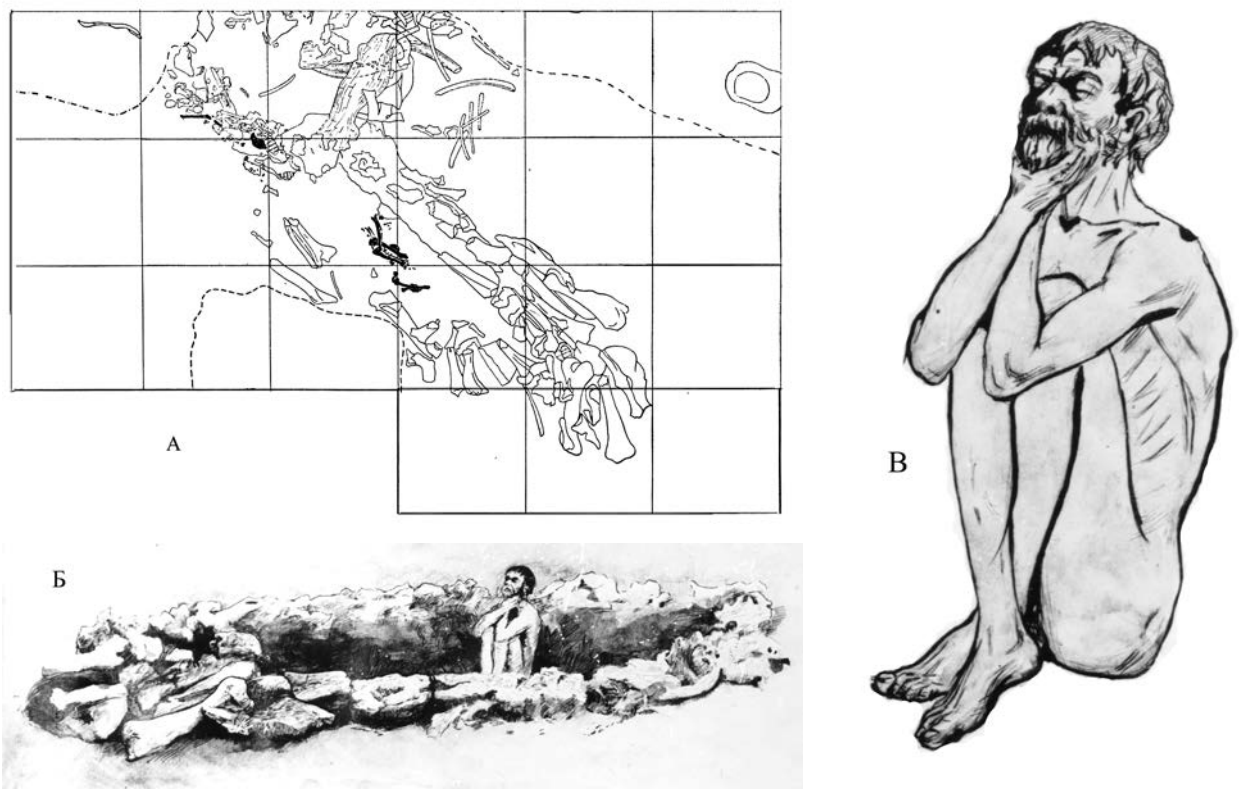

Рис. 120. Костёнки 2 (стоянка Замятнина). Южная часть комплекса 1.
А — Погребальная камера из костей мамонта, содержавшая захоронение человека. *По: [Борисковский 1963];*
Б-В — Вариант реконструкции погребения

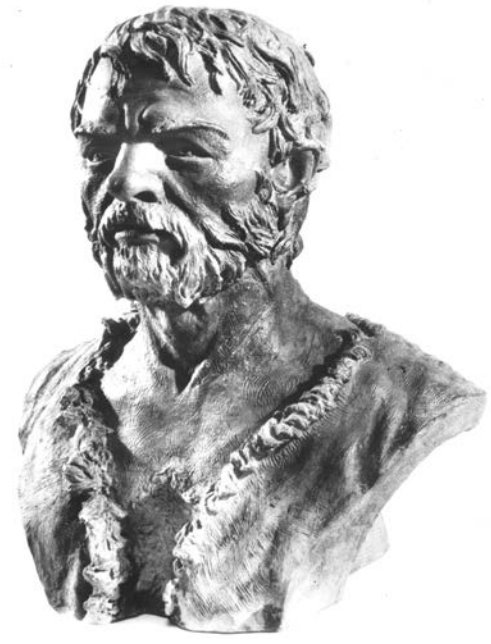

Рис. 121. Скульптурный портрет погребённого на стоянке Костёнки 2/комплекс 1. Реконструкция по черепу М.М. Герасимова

нок 11/Iа. Так, например, в северной и северо-западной части скопления фиксируются вкопанные в песок 3 черепа мамонта и ряд костей конечностей, расположенные по самому краю скопления. В северо-восточной его части — группы костей конечностей мамонта, вкопанных в суглинок и подстилающий песок, а верхними концами наклонённых внутрь скопления — нечто вроде «полуповаленного забора» [Борисковский 1963: 18]. Пол жилища, как и в большинстве других жилищ этого типа, несколько углублён и представляет собой линзу темно-серого цвета, насыщен углистой крошкой, расщеплённым кремнем, осколками костей не только мамонта, но и лошади, северного оленя, песца, лисицы. Его границы лежат в пределах перекрывающего скопления крупных костей мамонта, мощностью около 10 см. В центре располагался очаг, представляющий собой небольшое (10–15 см) углубление в песке около 65 см диаметром, заполненное чёрной зольной массой с большим количеством костного угля.

Уникальным сооружением является примыкающая к жилищу с юго-восточной стороны выкладка из костей мамонта, представляющая собой вытянутый с юго-востока на северо-запад овал размерами 2,2×0,55 м по внутреннему краю и 4,0×1,5 м — по внешнему (рис. 120). Её образовывали 4 черепа мамонта, бивни, тазовые, ло-

патки, кости конечностей. Её северо-западный конец непосредственно соприкасался со стеной жилища. Внутри выкладки были расчищены человеческие кости, составляющие нижнюю часть скелета. Кости верхней его части были обнаружены в 1,5 м к северо-западу, непосредственно на полу жилища, в смешении с осколками костей животных, кремнями и прочими культурными остатками.

Детальный анализ этой уникальной находки привёл П.И. Борисковского к следующей её интерпретации. Выкладка представляла собой специально сооружённую погребальную камеру, в которую был помещён труп человека — в сидячем положении, со связанными ногами. Труп был засыпан до плеч. Голова и руки остались снаружи (рис. 120: *Б*). После разложения трупа они упали и были растащены хищниками и землероями. Погребальный инвентарь отсутствует.

Черепные кости сохранились плохо. Тем не менее, череп был реконструирован М.М. Герасимовым. Ему же принадлежит реконструкция внешнего облика погребённого (рис. 121). Это пожилой мужчина, вероятно, старше 50-ти лет, типичный представитель морфологически современных людей без каких-либо неандерталоидных признаков. Фрагментарность затрудняет его детальное сравнение с другими ископаемыми черепами. Сочетание длинного, крупного черепа с крайне низким и широким лицом — характерная черта «кроманьонцев» в понимании французских антропологов [Борисковский 1963: 57; Палеолит... 1982: 253].

II комплекс, находящийся в 50 м к северо-востоку от первого, исследован на площади 78 кв.м. Он представляет собой четко локализованное скопление лежащих горизонтально костей, преимущественно рёбер мамонта, вытянутое полосой 1,5–1,7×14 м, тянущееся с юго-востока на северо-запад (рис. 122). В северо-западной части расчищены крупные зольные пятна и одно охристое пятно [Борисковский 1963: 64–70; Палеолит... 1982: 69]. Обратим внимание на то, что данное небольшое скопление трактуется А.А. Чубуром, как *остатки естественного кладбища мамонтов* (см.: 7.6).

III комплекс расположен к востоку от жилища и представляет собой округлое в плане тонкое скопление костей мамонта (преимущественно — рёбра и зубы), костного угля, охры и расщеплённого кремня. Диаметр его ~1,4 м, но границы нечёткие [Борисковский 1963: 70–78, Палеолит... 1982: 69–70].

Коллекция каменного инвентаря поселения насчитывает ~5300 экз. В том числе в жилище обнаружено — 2800 и в очаге более 1000 экз. Основным сырьём являлся меловой кремень тёмно-серого цвета — 62,5%. Использовался также цветной кремень — 32,1%, кварцит — 3,6% и сланец — 1,7%.

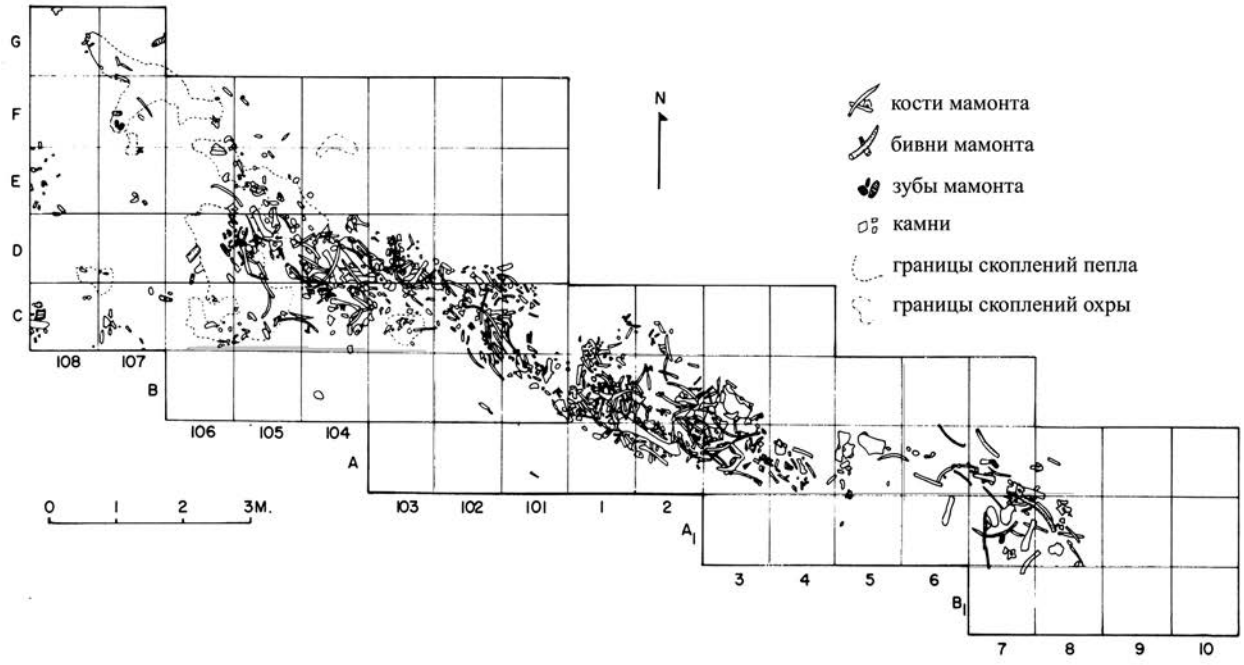

Рис. 122. Костёнки 2 (стоянка Замятнина). Комплекс 2 (раскопки П.И. Борисковского 1953 и 1956 гг.). Скопление костей мамонта. *По: [Борисковский 1963]*

Второй комплекс — более 400 экз., из них 100 мелового (25%), 300 цветного (75%) кремня и 10 кварцита. Третий комплекс — 1100 экз., из них около 900 (81,8%) мелового, 180 (16,3%) цветного, 33 (3%) кварцита [Замятнин 1929; Борисковский 1956; 1963; Палеолит... 1982: 67–72; Алпысбаев, 1958; 1959]. Таким образом, несмотря на различное соотношение пород камня во всех трех комплексах, состав сырья в них одинаковый. По мнению П.И. Борисковского, кремнёвый инвентарь во всех трёх комплексах не имеет различий, что и свидетельствует об их одновременности [1963: 76].

Нуклеусы — 98 экз. (1,8%), небольших размеров, 2–3 см высотой из мелового кремня и 2–5 см из цветного. Изделия из мелового кремня, как правило, предельно утилизированы — призматические, конусовидные и торцового скалывания. Нуклеусы цветного кремня грубопризматические одно, реже двуплощадочные, не имеют сколько-нибудь устойчивых форм [Борисковский 1963: рис. 22]. Так же как и в Ia культурном слое Костёнок 11, здесь есть нуклеусы цветного кремня, со следами отделения от них небольшого количества сколов. Нуклеусам соответствуют и размеры заготовок. В основном, это пластинки 4–5 см длиной, среди которых отсутствуют серии стандартных, с параллельной огранкой спинки, пластин, а также пластинчатые отщепы.

Техника вторичной обработки характеризуется широким применением приёма чешуйчатой подтёски, техники резцового скола. Крутая и притупливающая ретушь применялась относительно редко.

Орудий найдено всего 623 экз. (11,75%), в том числе в жилище — 365 экз.

Наиболее многочисленной категорий орудий (37,07%) являются пластинки и отщепы с чешуйчатой подтёской концов, *pièces ecaillées* — 231 экз. (рис. 123: *1–5*). Почти все они небольших размеров (1,5–4×1–4×0,5 см) с вытянутыми лезвиями. Много двойных орудий. По своим основным характеристикам они аналогичны орудиям с чешуйчатой подтёской из Костёнок 11/Ia.

Резцы — 175 экз. (28,08%). Все они аморфны, не имеют устойчивых форм (рис. 123: *6–9, 12*). По способу снятия резцового скола выделяются боковые резцы — 38 экз., в том числе 6 плоских. Ретушированные концы орудий прямые, вогнутые или же ретушь плавно переходит на противоположный резцовому сколу край, образуя выпуклый конец. Есть также орудия на заготовке с подтёской. В целом они идентичны боковым резцам Костёнок 11/Ia. Резцов на углу сломанной пластинки — 46 экз., в том числе 2 двойных и 3 с подтёской заготовки. Резцов «супоневского» типа — 6 экз., в том числе 1 с подтёской. Срединных резцов — 59 экз., в том числе 5 комбинированных, 4 срединно-угловых и 1 резец-скребок. К последнему типу по форме близки многофасеточные резцы — 26 экз. Заготовками для срединных, угловых и многофасеточных резцов, как правило, служили массивные отщепы, осколки и плитки цветного кремня. Возможно, некоторые из них, как и на Костёнках 11/Ia, являлись нуклеусами для скалывания микропластинок, однако в инвентаре Костёнок 2 П.И. Борисковский микропластинок не выделял.

Скребки — 54 экз. (8,66%). Как правило, это концевые скребки на пластинках или пластинчатых отщепах, длиной до 5,5 см, с неретушированными или слаборетушированными краями (рис. 123: *10–11, 14*). Есть двойные скребки и скребки-резцы. Имеется серия пластинок с прямоусечёнными концами, аналогичных соответствующим изделиям из Костёнок 11/Ia (у П.И. Борисковского — «орудия с прямым скребковым лезвием»). Кроме того, обращает на себя внимание серия острий со скошенным концом (5 экз.), также идентичных аносовским.

Примечательны 2 типично азильских острия (рис. 123: *15*) (у П.И. Борисковского — «типичные острия с затупленным краем и ретушью конца»). Эти орудия особенно характерны для Костёнок 11/II. Имеются также пластинки с притупленным ретушью краем (6 экз.) (рис. 123: *16*).

Важно отметить, что в данной индустрии ретушь, притупливающая край, встречная: она наносилась как с брюшка на спинку, так и наоборот. Имеется также несколько приострённых пластин и проколок (рис. 123: *18*). Остальную часть орудийного набора составляют пластины с более или менее регулярной ретушью.

Остальные изделия с вторичной обработкой представлены пластинками с ретушью — 130 экз. (20,86%) «Длиной они от 1 до 9.5 см, шириной от 0.7 до 2.5 см; подавляющее большинство их тонкие, 0,2–0,3 см толщиной» [Борисковский 1963: 40].

Костяной инвентарь, как и в Костёнках 11/Ia, немногочисленный: 5 обломков круглых в сечении стержней, обломок лощила и 7 шильев (рис. 123: *19–20, 22*).

В жилище найдена схематическая статуэтка из кости и костяные пластинки с гравировкой (рис. 123: *21*).

По мнению П.И. Борисковского, «однородность кремнёвого инвентаря и условий залегания культурных остатков, сочетающихся с территориальным соседством всех трёх комплексов, позволяет считать их одновременными, принадлежащими одному и тому же палеолитическому поселению» [1963: 78].

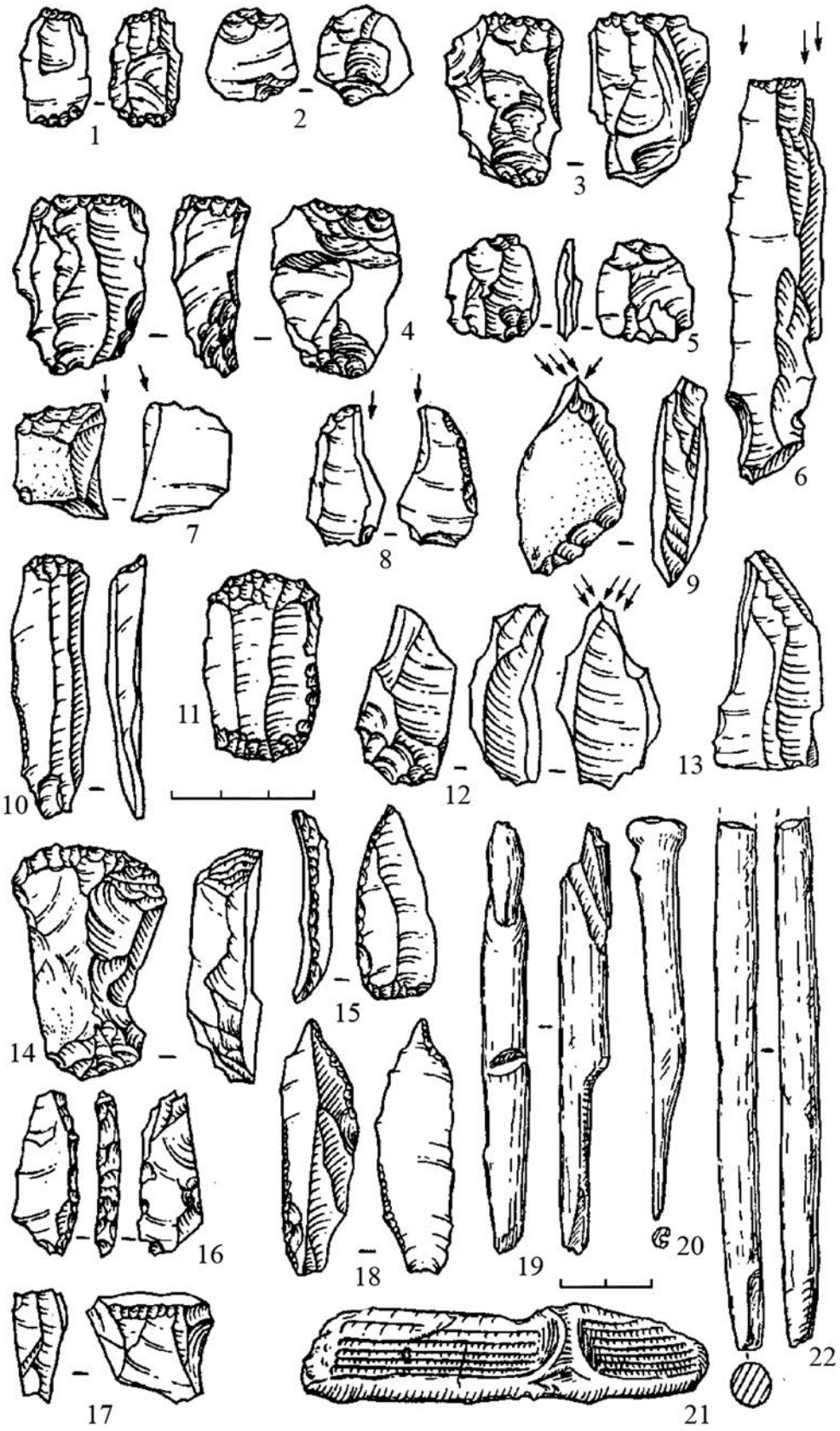

Рис. 123. Костёнки 2. Каменные орудия (*1–18*) и предметы из кости (*19–22*). Замятнинская культура. *По: [Борисковский, Дмитриева 1982]*

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на некоторые различия, ближайшим аналогом Костёнкам 2 является индустрия Костёнок 11/Ia. В однокультурности этих индустрий едва ли можно усомниться. Высказывалось предположение о том, что, в сущности Костёнки 2 и Костёнки 11/Ia представляют собой части единого обширного поселения с костно-земляными жилищами [Рогачёв, Попов 1979: 85; Рогачёв, Аникович 1984: 192]. Данную гипотезу можно подтвердить или опровергнуть только путём продолжения полевых работ. Здесь лишь отметим, что две из пяти ^{14}C дат (~17 и 16 тыс. л.н.) соответствуют этому предположению (Прил. 2, №№ 2–3). Из оставшихся дат одна (~11 тыс. л.н.) явно омоложена (Прил. 2, № 1), а другая (~37 тыс. л.н.) — столь же явно удревнена (Прил. 2, № 5). Дата ~23 тыс. л.н. требует специального анализа. Она может оказаться удревнённой, но может и указывать на время первоначального прихода в Аносов лог людей, чьи потомки строили тут в дальнейшем округлые жилища аносовско-мезинского типа.

Лишний раз подчеркнём: вопрос о культурной принадлежности памятников с костно-земляными жилищами весьма сложен. Давно подмечено, что, несмотря на сходство жилых конструкций и планировки поселений этого типа, их каменные и костяные индустрии могут различаться очень существенно. Выделяя археологические культуры по характерным специфическим характеристикам каменного инвентаря, мы не имеем оснований объединять все эти памятники в одну АК и вынуждены говорить об их разной культурной принадлежности. И напротив, некоторые индустрии стоянок с костно-земляными жилищами обнаруживают очень сильное сходство с индустриями стоянок, где подобных жилищ не зафиксировано. Трудно интерпретировать его иначе, чем как свидетельство их принадлежности к одной АК. В Костёнках мы познакомимся с таким случаем ниже, при рассмотрении проблемы замятнинской археологической культуры.

7.4. Замятнинская археологическая культура

Данная культура первоначально была выделена на материалах трёх памятников: Костёнки 2, Костёнки 3 Костёнки 19 [Рогачёв, Аникович 1984: 213–216]. В настоящее время мы без колебания присоединяем к ней материалы стоянки Костёнки 11/Ia. Эпонимным памятником является стоянка Костёнки 2, характеристика которой уже дана выше. Как и все костёнковские памятники, она имеет второе наименование: «стоянка Замятнина». Отсюда — название самой «молодой» из выделенных в Костёнках археологических культур. Познакомимся с другими стоянками, расположенными на берегу Дона, в отложениях первой надпойменной террасы.

7.4.1. Костёнки 3 (Глинище)

Памятник был открыт в 1923 г., в ходе работ экспедиции П.П. Ефименко. Тогда же были произведены его первые раскопки, продолженные в 1927 г. С.Н. Замятниным. Судя по названию урочища, где расположена стоянка (Глинище), первые разведочные работы производились на ней ещё в 1879 г. И.С. Поляковым, обнаружившим здесь кости мамонта. Но остатков человеческой деятельности тогда найти не удалось, и учёный посчитал Глинище чисто палеонтологическим местонахождением [Поляков 1880: 40].

Общая вскрытая площадь стоянки — 107 кв.м. Шурфовка 1953 г. не выявила выраженного культурного слоя. Однако в 1977 г., при исследовании Костёнок 21 был обнаружен I (верхний) культурный слой, давший материалы, пусть незначительные по объёму, но аналогичные материалам из Костёнок 3. Это позволило предположить, что верхний слой Костёнок 21 является окраиной стоянки, исследованной П.П. Ефименко и С.Н. Замятниным [Палеолит... 1982: 200].

Культурный слой залегал в желтовато-сером суглинке на глубине 1,8–1,9 м от поверхности. Каких-либо объектов, кроме размытых остатков очага, не обнаружено. Кремнёвый инвентарь насчитывает около 2200 экз., в том числе 22 нуклеуса и около 190 орудий. Характерная черта этой коллекции — довольно значительный процент (31%) цветного валунного кремня местного происхождения (напомним, что на одном из пунктов Костёнок 2 это сырьё даже преобладало). Техника первичного раскалывания типично призматическая: формы нуклеусов, размеры орудий аналогичны индустрии Костёнок 2. В наборе орудий преобладают резцы (140 экз.), а среди них — срединные, часто — микрофасеточные. Разнородность, отсутствие стандартных форм также присуще резцам Костёнок 3, как и аналогичным орудиям из Костёнок 2 (рис. 124: *10–14*). Долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской 26 экз.; они полностью аналогичны долотовидным

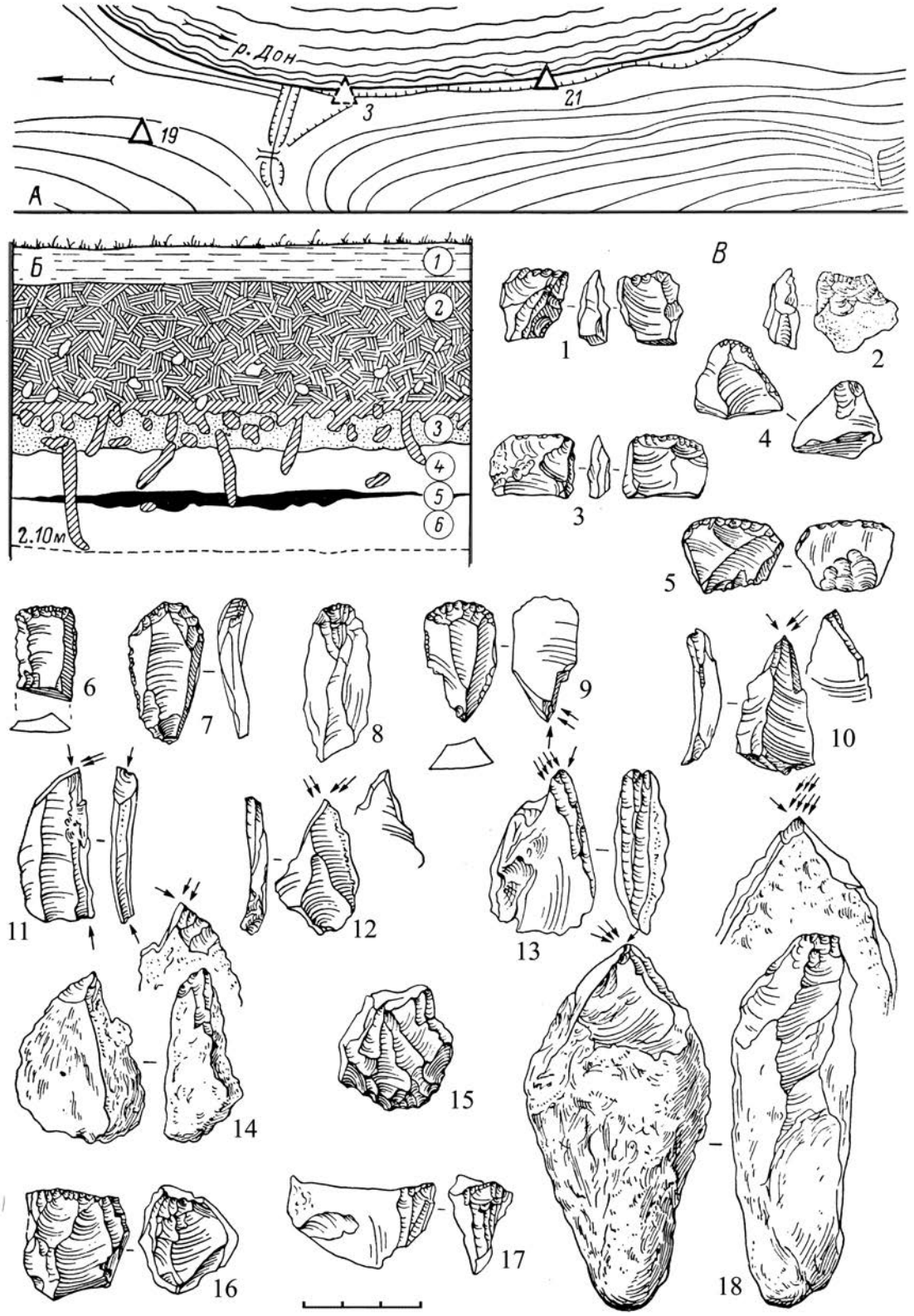

Рис. 124. Костёнки 3 (Глинище). *По: [Праслов 1982а].*
А — схема расположения палеолитических памятников в устье Попова лога (Костёнки 3, 19 и 21);
Б — разрез на месте раскопа П.П. Ефименко (*1 — современный нанос; 2 — гумусовый горизонт современной почвы; 3 — горизонт В современной почвы; 4 — светло-бурый суглинок; 5 — культурный слой; 6 — бурый суглинок*); *В* — каменные орудия

орудиям из Костёнок 2 (рис. 123: *1–3, 5*). То же самое можно сказать и о скребках (в Костёнках 3 их всего 10 экз. — рис. 124: *6–9*). Проколки, пластинки с притупленным краем или с усечёнными концами здесь полностью отсутствуют, но и в Костёнках 2 эти орудия немногочисленны. Специфична группа так называемых «нуклевидных макролитических орудий» (рис. 124: *14–18*), выполненных на плитках цветного кремня, которые «трудно отделить, с одной стороны, от резцов, с другой — от нуклеусов» [Борисковский 1963: 164]. В Костёнках 2 подобные изделия не отмечены, зато они присутствуют в Костёнках 11/Iа.

Костяных изделий только 5 экз., в их числе — 2 шила из трубчатых костей и бивневые острия со скошенным концом.

7.4.2. Костёнки 19 (стоянка Валукинского)

Памятник расположен неподалеку от Костёнок 3 (рис. 124: *А*). Он был открыт и раскапывался П.И. Борисковским в 1956–1957 гг. Всего было вскрыто свыше 200 кв.м. Стратиграфическое положение культурного слоя аналогично Костёнкам 3 (рис. 125: *А*). В хорошо сохранившемся культурном слое выделяются три различных комплекса находок. Первый из них представляет собой группу культурных остатков, сосредоточенных вокруг очага своеобразной конструкции: со специально организованным «поддувалом» в виде удлиненной изогнутой канавки, одним своим концом постепенно выходившей на древнюю дневную поверхность, а вторым соединяющейся с сетью желобков, прорезавших дно очага [Борисковский 1963: 146–148] (рис. 125; 126: *Б*). Основная масса находок (кости мамонта, лошади, волка) располагалась на расстоянии 1,5–2 м от очага; в непосредственной близости к нему находок мало; там найдены лишь мелкие остатки костей.

Второй комплекс представлен чётко локализованными, овальными в плане скоплениями культурных остатков (5,0×3,5 м), сосредоточенных вокруг очага. Обычно подобные скопления трактуются, как остатки лёгких наземных жилищ. Здесь этому есть дополнительные аргументы: вертикально врытые осколки костей мамонта, вероятно, служившие для закрепления опорных столбов [Борисковский 1963: 150–151; Палеолит... 1982: 193] (рис. 125: *В*).

Третий комплекс, расположенный в нескольких метрах восточнее жилища, представляет собой мастерскую по раскалыванию местного валунного и плитчатого кремня. Скопление расщеплённых кремней мощностью 10–15 см и протяжённостью 6×3 м и было сосредоточено вокруг ещё одного очага. Здесь количество кремней колеблется от нескольких сот до 3.500 экз. на 1 кв.м, тогда как на остальных

Рис. 125. Костёнки 19 (стоянка Валукинского).
П.И. Борисковский у раскопанного очага с поддувной канавкой. Фото 1957 г.

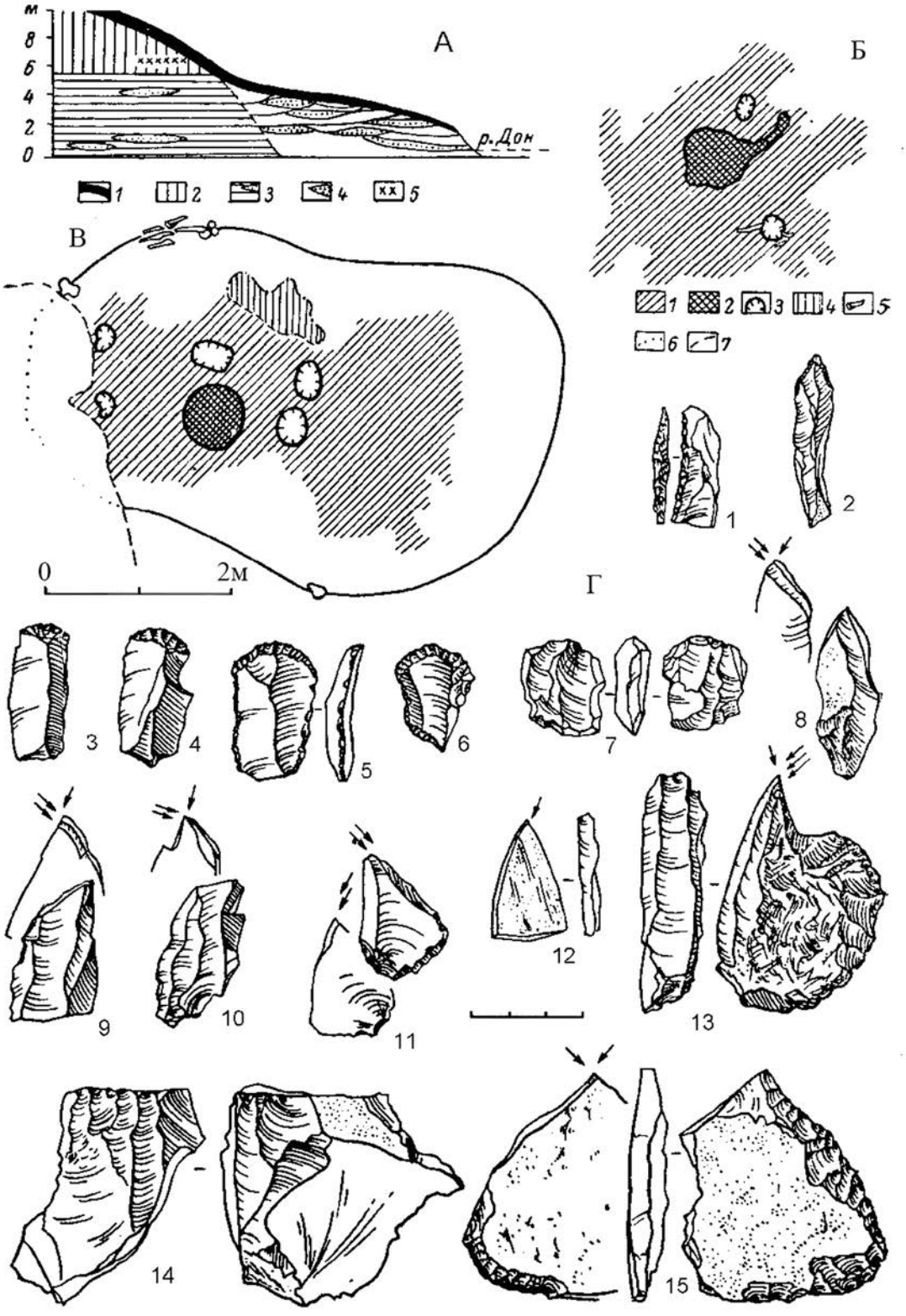

Рис. 126. Костёнки 19 (стоянка Валукинского). *По: [Борисковский, Праслов 1982].*
А — схема геологического строения (*1 — современная почва; лёссовидный суглинок; 3 — аллювиальный суглинок; 4 — пойма; 5 — культурный слой*); *Б* — план очага с поддувной канавкой;
В — схематический план жилища комплекса 2 (*1 — зольность; 2 — очаг; 3 — пекарная ямка; 4 — охра; 5 — кости; 6 — разрушенный край жилища; 7 — край современной ямы*); *Г* — каменные орудия

участках стоянки их количество не превышает 10 экз. на 1 кв.м. Из 19.000 кремней, собранных на всей площади стоянки, 17.000 происходят из мастерской. Отсюда — необычайно высокий процент цветного кремня: 94 % [Палеолит... 1982: 195]. Однако среди материалов, собранных вне мастерской, соотношение цветного и мелового кремня резко меняется в пользу последнего, приближаясь к тому, что отмечено для Костёнок 2 и Костёнок 3 [в жилище, например, доля мелового кремня составляет 65 %].

Большая часть нуклеусов Костёнок 19 (45 из 50 экз.) выполнена из цветного кремня. По способу снятия заготовок они преимущественно призматические. Орудий всего 120 экз. из них 80 составляют резцы (рис. 125: *8–13, 15*). Крупные массивные многофасеточные резцы из плиток цветного кремня (52 экз.) похожи на «макролитические» орудия из Костёнок 3 и Костенок 11/Ia. Резцы из мелового кремня аналогичны соответствующим орудиям из Костёнок 2 и Костёнок 3. Скребков только 6 экз. (рис. 125: *3–6*), долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской 4 экз. (рис. 125: *7*), но они, опять-таки, во всём подобны соответствующим орудиям из этих трёх стоянок. Важным аналогом являются две пластинки с притупленным краем, у которых, как в Костёнках 2, притупленный край обработан встречной ретушью (рис. 125: *1–2*).

Костяной инвентарь представлен одним бивневым наконечником, двумя шильями из стенок трубчатых костей и заготовкой какого-то орудия из бивня мамонта.

7.4.3. Функциональные характеристики стоянок замятнинской АК

Все вышеизложенное позволяет констатировать следующее.

Костёнки 2 и 11/Ia являлись стационарными поселениями с долговременными жилищами, а, возможно, частями одного поселения.

Костёнки 19 — мастерская по обработке кремня, располагавшаяся в укрытии и, вероятно, временное жилое сооружение, в котором также производилась обработка кремня; Костёнки 3 — окраина поселения и часть жилища.

Как мы полагаем их можно интерпретировать, как зимние (Костенки 2 и Костенки 11/Ia) и летние поселения оставленными одним и тем же социальным коллективом людей (социумом) и (или) их генераций, проживавших достаточно длительное время в Костёнках.

7.4.4. Основные характеристики замятнинской АК и проблемы её происхождения

7.4.4.1. Общая характеристика каменных индустрий

Каменные индустрии всех четырёх памятников объединяет:

1. *Каменное сырьё*. До 40% составляет цветной кремень, желвачный и плитчатый. В процентном отношении на Костёнках 19 цветной кремень использовался намного больше, чем на Костёнках 2, 3 и 11. Даже если не учитывать кремни найденные в мастерской по обработке кремня, то процент меловых кремней составит около 34%. На стоянке Костёнки 2 плитчатый кремень использовался значительно реже чем на Костёнках 3, 11 и 19. Здесь уместно вспомнить о предположении П.И. Борисковского о том, что IV комплекс (остатки мастерской) Костёнок 19 являлся частью того же поселения, но «...существующую несколько позднее, как бы наслоившуюся на более древнею часть поселения» [1963: 154]. Если исходить из состава каменного сырья, то следует, что поселение Костёнки 2 является более ранним, соответствующим по времени комплексам I, II, III Костёнок 19. Четвёртый же комплекс может быть синхронен Костёнкам 3 и 11.

Вместе с тем особенность использованного каменного сырья не только объединяет данные стоянки, но и выделяет их среди других памятников III хронологической группы Костёнковско-Борщёвского района.

2. *Нуклеусы*. Морфологическая близость между нуклеусами, нуклевидными и макролитическими орудиями, резцами срединными многофасеточными, нуклевидными и на углу плиток. Общими являются как характер заготовки — желваки и плитки цветного кремня, массивные отщепы и осколки, так и способы снятия заготовок. Бывает затруднительно определить где скалывались пластинки, пластинчатые отщепы или микропластинки, где резцовые сколы для оформления резцов, а где оформлялись орудия техникой резцового скола.

3. *Формы заготовок*. Пластинки неправильных очертаний 3–5 см длиной, скорее даже пластинчатые отщепы и отщепы 4–1,5×3–1 см. Большое количество отщепов и пластинок с нерегулярной ретушью утилизации или вовсе без ретуши. Для индустрии Костёнок 11/Ia характерно наличие

большого количества микропластинок, которые различаются между собой как по длине (от 0,8 до 3,6 см), так и по форме — около 20% изготовлено техникой резцового скола. Они имеют, как правило, естественное заострение конца. Остальные обладают всеми признаками «правильных» пластинок с параллельной огранкой спинки, прямые или слегка изогнутые в профиле, в основном, также с естественным заострением дистального конца. Всего таких микропластинок более 1200, из них более 200 с ретушью.

4. *Техника вторичной обработки*. Характерно использование техники резцового скола и приема чешуйчатой подтёски. Ретушь, как правило, мелкая, приостряющая, нерегулярная, чаще всего по краям пластинок. Крутая ретушь применялась только при изготовлении немногочисленных скребков и боковых резцов. Особое значение имеет наличие встречной ретуши на немногочисленных, но выразительных пластинках с притупленным краем

5. *Орудия с чешуйчатой подтёской концов*. Наибольшее их количество найдено на стоянках Костёнки 11/Ia — 264 экз., Костёнки 2 — 231 экз. В целом это абсолютно тождественные изделия, как по форме заготовок — обломки пластин, пластинчатых отщепов и отщепов, так и по размерам — 3,5–1,2×2–1×0,1–0,8 см. Около половины из них с подтеской одного конца и, примерно, по четверти с подтёской обоих концов или обушком. Изделия с подтёской найденных на памятниках Костёнки 3 и 19 полностью идентичны вышеуказанным.

6. *Резцы*. В целом для данной категории характерна аморфность, отсутствие устойчивых форм; много изделий переоформлены из других орудий. Выше уже говорилось о морфологической близости между нуклеусами, нуклевидными и макролитическими орудиями, резцами срединными многофасеточными и угловыми. По сути можно сравнивать только боковые резцы. В коллекциях всех памятников они прямо или косоретушные; ретушь плавно переходит на край, противоположный резцовому сколу.

7. *Скребки*. Аналогичное разнообразие форм и размеров. В основном концевые скребки на пластинках или пластинчатых отщепах. Наряду с орудиями на тонких, есть изделия на утолщённых пластинках. Лезвия скребков дугообразные, иногда слегка скошенные. В коллекциях есть отдельные двойные орудия и скребки с основанием в виде срединного резца. П.И. Борисковский в Костёнках 2 выделил орудия с прямым скребковым лезвием, обработанного мелкой ретушью. В Костёнках 11 подобные изделия выделены как пластинки с прямо усечёнными концами.

В итоге, можно констатировать для каменного инвентаря всех памятников следующее: аморфность заготовок, их небольшие размеры; малочисленность категорий орудий, но значительное количество изделий с вторичной обработкой или следами использования.

Таким образом, общность каменного инвентаря всех четырёх памятников позволяет признать возможным их принадлежность к одной археологической культуре — «замятнинская АК».

7.4.4.2. Проблема происхождения замятнинской АК

Выше мы уже упоминали, что разнокультурные памятники с костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа появляются на Русской равнине внезапно, как бы ниоткуда; источник их происхождения ни в одном случае не установлен. Всё же укажем на некоторые моменты, может быть, имеющие отношение к данной проблеме:

Наличие в инвентаре Костенок 2 орудий, типичных для гмелинской АК, в частности для Костёнок 11/II (азильские острия, пластинки с притупленным краем). Их мало; возможно, это чистая случайность. Но аналогичные пластинки с притупленным краем характерны для Костёнок 19.

Анализ радиоуглеродных дат показывает, что подавляющее большинство ложится в интервал ~20–16 тыс. л.н. Однако, для Костёнок 2 имеется дата 23.800±150 (ГИН-7992), а для Костёнок 21/II — 22.900±150 (ЛЕ-1437в)[1] (см. Прил. 2, №№4, 24 в).

Не является ли это косвенным намёком на возможную культурно-генетическую подоснову замятнинской АК?

---

[1] Связь этого культурного слоя с замятнинской АК ввиду полного отсутствия изделий с вторичной обработкой нельзя считать твердо установленной. Однако «по своему стратиграфическому положению над погребённой почвой и аллювиальными отложениями, а также по гипсометрическим отметкам этот культурный слой лежит на уровне слоя стоянки Костёнки 19, находящейся на левом приустьевом мысу Попова лога...» [Палеолит... 1982: 200–201]. Состав сырья: цветной валунный и чёрный меловой кремень — в общем, аналогичен сырью индустрий замятнинской АК.

7.5. Иные культурные традиции: стоянка Борщёво 1

В Костёнковско-Борщёвском районе имеется ещё один памятник, который, вероятнее всего, входит в круг стоянок с жилищами аносовско-мезинского типа. Это стоянка Борщёво 1, расположенная в селе Борщёво на левом приустьевом мысу циркообразного Кузнецова лога (рис. 127: *А*). Она была открыта ещё в 1905 г. А.А. Спицыным, и с тех пор раскапывалась неоднократно (1923, 1925, 1955, 1981 гг.), но, к сожалению, главным образом — немногочисленными обособленными шурфами и небольшими раскопами [Векилова 1953]. Это сильно затрудняет анализ закономерностей в распределении крупных костей мамонта, встреченных здесь в большом количестве, и их интерпретацию.

Более серьёзные затруднения обусловлены характером залегания культурного слоя (рис. 127: *Б*). На этом памятнике палеолитический слой приурочен даже не к суглинку, а к основанию горизонта В современной почвы! Конечно, это вовсе не означает, что данный слой должны датироваться ранним голоценом: такое его положение обусловлено интенсивными склоновыми процессами, сносившими суглинистые отложения или препятствующими их накоплению. В результате — кости мамонта, вероятно, не только сместились со своих первоначальных положений. Будучи долгое время на открытом воздухе, а впоследствии — затронутые процессами образования современной почвы, они подверглись здесь очень сильному разрушению: сохранность крупных костей мамонта на Борщёво 1 исключительно плохая.

Таким образом, у нас нет бесспорных доказательств существования здесь остатков долговременных округлых жилищ аносовско-мезинского типа. Ориентируясь на некоторые детали скоплений костей мамонта, можно лишь с большей или меньшей долей вероятности предполагать здесь наличие развалин каких-то сооружений. Выделяется три основных пункта находок; их взаимосвязь остается неясной. Интересные результаты даёт анализ кремнёвой индустрии. Если сырьё (чёрный меловой кремень) и высокоразвитая техника пластинчатого раскалывания здесь, в целом, аналогичны тому, что мы наблюдали в рассмотренных выше индустриях Костёнок 2 и 11/Ia, то структура и типологические характеристики набора орудий сильно отличаются от них. Количественно самая большая группа орудий — резцы (свыше 110 экз.) (рис. 127: *13, 18–20, 25–26*), причём преобладают боковые (около 70 экз.), среди которых выделяются косоретушные, часто двойные, приобретающие форму трапеции или параллелограмма (рис. 127: *13*) и с дугообразно отретушированным краем, противоположным резцовому сколу (напоминают ножи шательперрон) (рис. 127: *18*). Скребков свыше 50 экз. Они также более выразительны в типологическом отношении по сравнению со скребками из Костёнок 2 и Костёнок 11/Ia. Наряду с простыми концевыми скребками на неретушированных пластинах (рис. 127: *16*), хорошей серией (около 20 экз.) представлены скребки на пластинах с ретушированными, расширяющимися к лезвию краями (рис. 127: *15, 21–22*). Стандартны комбинированные орудия: скребки в сочетании с косо ретушированным резцом (рис. 127: *14*).

Орудий с притупленным краем 60 экз. Из них 9 — наконечники с боковой выемкой (рис. 127: *9–11*), остальные — пластинки, в большинстве случаев — с одним прямым притупленным краем (рис. 127: *7*). Бо́льшими размерами, но сходным характером ретуши отличаются 5 довольно типичных ножей шательперрон (рис. 127: *17*). Долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской только 2 экз., оба на пластинах (рис. 127: *24*).

Обработанная кость ограничивается обломком острия из кости мамонта (рис. 127: *1*) и резцом лошади с просверленным отверстием (рис. 127: *2*). Имеются также 3 кружочка из перламутра с отверстиями в центре (рис. 127: *3–4*).

Самый близкий культурный аналог каменной индустрии Борщёво 1 находится за пределами Костёнковско-Борщёвского района, но среди стоянок с округлыми костно-земляными жилищами. Это знаменитая Мезинская стоянка, расположенная на правом берегу Десны [Шовкопляс 1965; Рогачёв, Аникович 1984: 199–201]. Сходство не ограничивается общими характеристиками и даже близкими соотношениями разных групп орудий. Оно проявляется также в конкретных и весьма специфических технико-типологических особенностях каждой из этих групп. Так, например, среди мезинских резцов также преобладают боковые, наиболее характерные формы которых тождественны борщёвским («параллелограммы», «трапеции», с дугообразной спинкой). То же самое можно сказать и о скребках, особенно, о комбинированных скребках — косоретушных резцах. В мезинской индустрии имеются совершенно аналогичные формы пластинок с притупленным краем; есть здесь и наконечники с боковой выемкой, и ножи шательперрон. Показательно и то, что среди днепро-деснинских памятников с костно-земляными жилищами только в Мезинской стоянке имеется, хотя и небольшая, но типологически выразительная серия долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской.

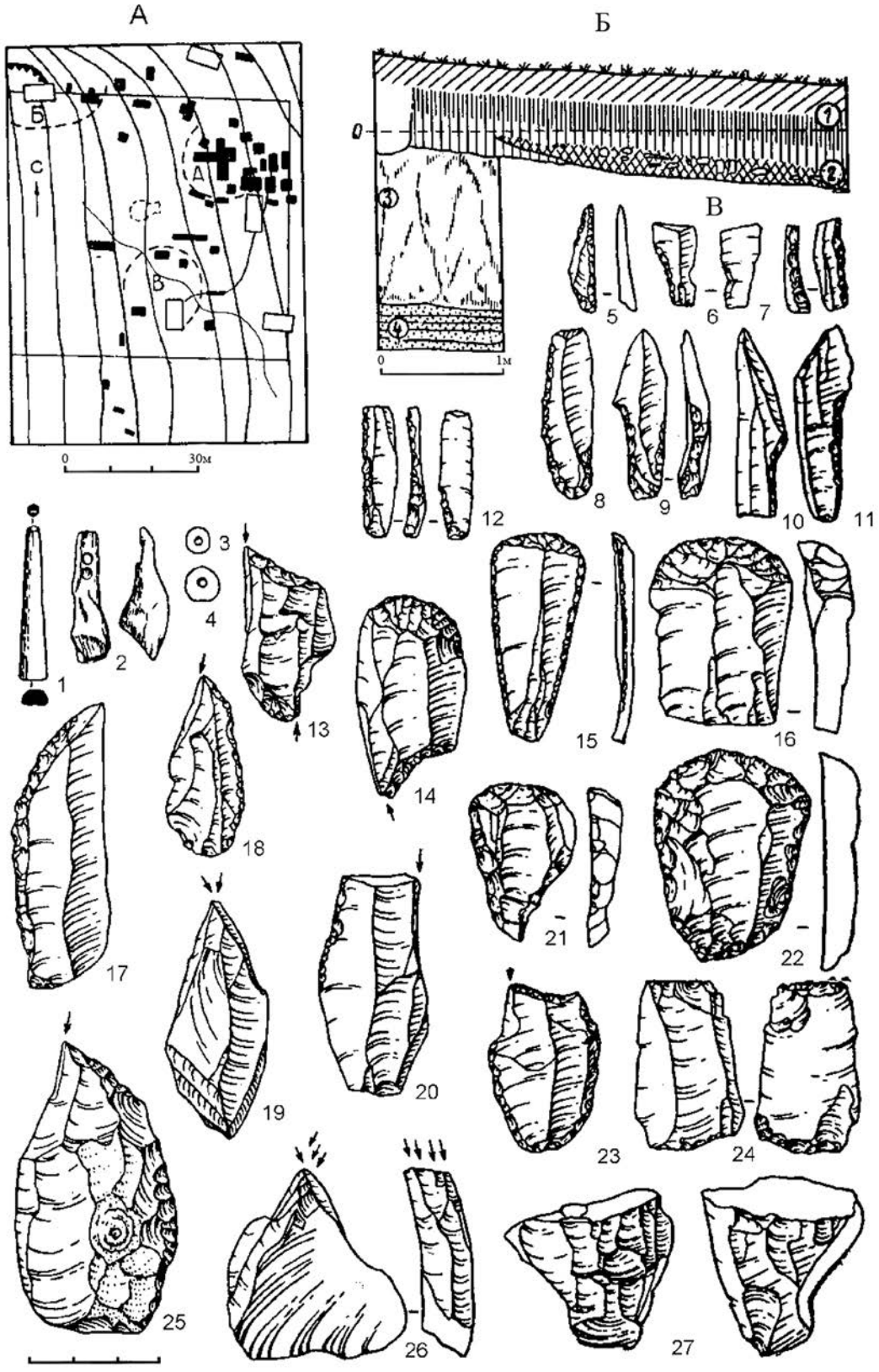

Рис. 127. Борщёво 1 (мезинская АК?). *По: [Рогачёв, Кудряшов 1982].*
А — схема расположения раскопов и шурфов (чёрная заливка); *Б* — разрез (*1 — современная почва; 2 — культурный слой; 3 — бурый суглинок; 4 — слоистая толща*); *В* — изделия из кремня (*5–27*), кости (*1–2*), перламутра (*3–4*)

В литературе неоднократно отмечалась обособленность мезинских материалов на фоне совокупности днепро-деснинских памятников с округлыми жилищами из костей мамонта [Гладких 1973; Рогачёв, Аникович 1984: 199–202]. Отмечалось также и определенное сходство мезинской и борщёвской каменных индустрий [Палеолит... 1982: 216]. Углублённому анализу этого сходства, отнесению этих двух индустрий к одной АК мешает, по-видимому, то обстоятельство, что для археолога слово «Мезин» ассоциируется, в первую очередь, с соответствующими жилищами (в Борщёво 1 можно в лучшем случае осторожно, с оговорками, допускать возможность существования каких-то конструкций из костей мамонта), а также — с уникальными произведениями искусства (мезинские «птички», браслеты, кости мамонта, орнаментированные красной краской и т.п.) [Рогачёв, Аникович 1984: рис. 103]. Всё это полностью отсутствует в Борщёво 1.

Вероятно, будь в Борщёво 1 обнаружен хотя бы обломок хвоста мезинской «птички», хотя бы кусочек бивня с меандровым орнаментом, однокультурность этих стоянок давно рассматривалась бы, как нечто само собой разумеющееся. Однако следует заметить, что, во-первых, отсутствие подобных поделок в коллекции ещё не означает их отсутствия на памятнике, пока ещё явно недостаточно изученном, характеризующимся плохой сохранностью костей и переотложенностью слоя. Во-вторых, как показывает опыт, далеко не всегда сходство каменных индустрий, достаточное для отнесения их к одной АК, сопровождается таким же сходством костяных орудий, произведений искусства и т.п. Поскольку археологические культуры верхнего палеолита выделяются, в первую очередь, на основе сравнения самого массового материала — каменного инвентаря — мы полагаем, что сходство индустрий Борщёво 1 и Мезинской стоянки вполне достаточно для отнесения их к одной АК.[1]

Для Борщёво 1 в настоящее время опубликовано 5 дат (Прил. 2, №№ 25–29). Из них четыре ~15 тыс. л.н. и одна ~17 тыс. л.н. [Аникович 2005: 80].

Радиоуглеродные даты, полученные для Мезинской стоянки, дают сильный разброс: от 29.700±800 (Ки-1053) до 15.100±200 (ОхА-719). При оценке такого разброса следует принимать во внимание, что три наиболее древние даты ~29.000–27.000 л.н.) были получены в одной лаборатории — киевской. В указанный период нигде более не зафиксировано следов сложного домостроительства с применением крупных костей мамонта (см.: 5.2.2, 5.2.4–5.2.5). Поэтому указанные три даты можно считать удревнёнными. Даты 21.600±2.200 л.н. (ГИН-4) и 15.100±200 л.н. (ОхА-719) вполне соответствуют периоду существования на Русской равнине стоянок с жилищами, сооружёнными с использованием большого количества крупных костей мамонта. Вполне вероятно, именно эти даты отражают реальный срок функционирования Мезинского поселения. Подчеркнём, что самая молодая из них вполне согласуется с радиоуглеродным возрастом Борщёво 1.

7.6. Охота или собирательство?

Вопрос о том, что явилось причиной появления огромного количества костей мамонта на целом ряде верхнепалеолитических стоянок, далеко не нов. Как уже упоминалось выше (см.: 1.2.2), ещё в начале 1880-х гг. среди археологов возникла острая полемика по этому вопросу. Непосредственные исследователи Карачаровской стоянки и Костёнок 1/I А.С. Уваров и И.С. Поляков не сомневались в том, что останки мегафауны на них есть результат охотничьей деятельности палеолитического человека.

«...Человек того времени обладал, очевидно, аппетитом в большей степени, чем современный; чем же он мог питаться, кроме мамонта? — писал И.С. Поляков. — Кости других животных около пепелищ составляют ничтожную величину; сам Гмелин находил кости исключительно мамонтовые... Принимая в соображение массы костей, найденных мною в Костёнках, также прекрасные орудия, следует заклю-

[1] Против этого выступает С.Н. Лисицын. По его мнению «это сходство [между индустриями Мезина и Борщёво 1 — *авт.*] присутствует, но носит более общий характер, отражающий тенденции культурного развития» [Лисицын 1999: 104]. Далее следует совершенно справедливое указание на типологические признаки, присутствующие в Мезине и отсутствующие в Борщёво 1, и наоборот. Суть расхождений сводится к несколько различным трактовкам понятия «культурная принадлежность». Для М.В. Аниковича оно ни в коем случае не сводится к типологическому тождеству разных индустрий, а, напротив, должно отражать и «тенденции культурного развития». Следует учитывать также разную степень изученности и, различный характер раскопок этих двух памятников. Интересны типологические наблюдения С.Н. Лисицына, указывающие на сходство отдельных элементов индустрий Мезина и Костёнок 21/III. Однако этот последний памятник нельзя рассматривать, как единое целое. Материалы южного комплекса, содержащие черешковые наконечники, настолько отличаются от остальных, что отличия эти вполне могут трактоваться как проявление разных культурных традиций (см.: гл. 6).

чить, что человек палеолитического периода достиг на равнинах Европейской России значительного культурного развития. Очевидно, что он был сплочён в это время в порядочные общества; такого именно сообщества требовала охота на гигантских животных...» [Поляков 1880: 32, 34; см. также: Прил. 1].

Однако данная гипотеза вступала в разительное противоречие с представлениями об исключительной «примитивности» палеолитического человека и его культуры, характерными для «Золотого века» эволюционизма. В.В. Докучаев называл её «мало понятным увлечением археологов» и задавался вопросами, «...чем же он [человек каменного века. — *авт.*] ранил и убивал зверей? При помощи каких орудий он выкапывал ямы, достаточные для того, чтобы в них могли погибнуть мамонты и носороги?» [Докучаев 1882: 7]. «...В распоряжении палеолитического человека, — утверждал В.В. Докучаев, — находились только сук от дерева, простые гальки и осколки от кремня, причём величина этих последних обыкновенно не превышала 4–5 дюймов. Ко всем этим орудиям присоединялись свои собственные пальцы и кулак... Сознаюсь, при помощи таких орудий едва ли и современный охотник сумел бы одолеть даже обыкновенного волка или кабана...» [Там же]. Закономерным выводом из этих рассуждений было то, что палеолитический человек, если и ел мясо мамонта, то исключительно падаль.

К мнению В.В. Докучаева присоединился А.И. Кельсиев [1883]. С тех пор прошло больше 100 лет. Взгляды учёных на орудия и охотничье оружие эпохи верхнего палеолита серьёзно изменились. Представления о «ямах-ловушках» для мамонтов отошли в область курьёзов. Впрочем, уже И.С. Поляков высказывал предположение, что первобытные охотники использовали для своей загонной охоты не искусственные ловушки, а крутые склоны оврагов [Поляков 1882: 118].

Тем не менее, споры не утихли и по сей день.[1] Правда, сейчас сторонники концепции собирательства оговариваются, что, при случае, люди, конечно, могли забить одиночного, по каким-то причинам ослабевшего мамонта, но такие случаи не определяли основной состав костей указанного животного на стоянках. В свою очередь, и сторонники концепции охоты считают, что охотники на мамонтов, скорее всего, не пренебрегали костями животных, павших естественной смертью.[2] Однако основную массу костей мамонта, обнаруженных на стоянках, они считают остатками охотничьей добычи.

Даже среди авторов настоящей книги нет полного единодушия по этому вопросу. М.В. Аникович является убеждённым сторонником концепции охоты, что и отразилось во введённом им в науку понятии: «ИКО охотников на мамонтов». В.В. Попов более склонен поддерживать концепцию собирательства. В этой ситуации обратим внимание на слабые стороны, как той, так и другой концепции.

1) В палеолите известны случаи, когда большое количество костей мамонта на стоянках может быть интерпретировано именно как результат собирательства. Так Н.К. Анисюткин, анализируя мустьерские памятники левобережья Днестра (90–60 тыс. л.н.), обратил внимание на три момента, ускользавших ранее от его коллег:

а) цельные кости мамонта залегают на таких стоянках отдельными скоплениями. И преобладают в них далеко не самые мясистые части туш. Особенно многочисленны бивни, нижние челюсти, лопатки, тазовые кости. Вместе с ними часто встречаются крупные камни.

б) во всех случаях наблюдается ярко выраженный некомплект костей. Более-менее полных скелетов из них составить невозможно. Все останки принадлежат разным особям — молодым и взрослым. Зато костей детенышей и зародышей не фиксируется совсем.

в) сохранность костей мамонта, собранных на одной стоянке, может порой очень сильно различаться. В целом, она значительно хуже, чем сохранность найденных рядом костей иных промысловых видов — лошади, северного оленя, бизона и проч.

Проанализировав все эти детали, ученый пришел к выводу: кости мамонта, обнаруженные на стоянках того периода, вовсе не являлись результатом удачных охот! Они специально собирались людьми на обширных отмелях, где и по сей день регулярно застревают трупы погибших крупных животных. Кости мамонта использовались мустьерским населением для сооружения примитивных жилых конструкций типа ветровых заслонов [Анисюткин 2002: 24].

Как уже отмечалось в главе 4, в РВП Костёнковско-Борщёвского района кости мамонта составляют ничтожную часть от общего числа находок древней фауны — в среднем 1–3%. А вот орудий из бивня

---

[1] Подробное изложение и анализ этой многолетней дискуссии лежит за рамками настоящей работы. Он будет дан в подготавливаемой ныне монографии М.В. Аниковича, Н.К. Анисюткина и Н.И. Платоновой «Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов».

[2] Даты ~37 тыс. л.н. (Прил. 2, № 5), полученная по кости мамонта из Костёнок 2, явно свидетельствует о том, что эта кость была принесена на стоянку с какого-то более древнего местонахождения.

и кости этого животного встречается довольно много. Очевидно, и в этот период люди предпочитали добывать мамонтовую кость сборами. Однако на стоянках СВП с большим количеством костей мамонта, входящих в Днепро-Донскую ИКО, картина принципиально иная.

Во-первых, здесь не наблюдается никакого специализированного отбора костей: присутствуют практически все кости скелета, включая позвонки и стопные, нередко в анатомической связи. Правда, таких костей, бесполезных при сооружении жилищ, обнаружено заметно меньше, по сравнению с трубчатыми, плоскими, рёбрами, а также черепами и нижними челюстями. Однако следует учитывать и огромное количество костного угля в жилищах. Кости, бесполезные как строительный или поделочный материал, скорее всего, активно сжигались.

Во-вторых, на памятниках Днепро-Донской ИКО, в том числе на Костёнках 1/I и 11/Ia, присутствуют все возрастные группы мамонтов — от старых особей до детенышей и даже эмбрионов. Налицо картина стада, в котором присутствуют все возрастные группы [Верещагин, Кузьмина 1982; Soffer 1985]. Сходная картина наблюдается и для виллендорфско-павловских стоянок Центральной Европы с большим содержанием костей мамонта [Соффер 1993: 105–106].

В-третьих, наш тридцатилетний опыт работы на таких стоянках, как Костёнки 1/I (второй жилой комплекс) и 11/Ia, убеждает в том, что степень выветрелости мамонтовых костей зависит, в первую очередь, от их положения в культурном слое. Кости, находившиеся в ямах или прикрытые искусственной земляной насыпью, сохранились значительно лучше тех, что длительное время оставались на поверхности. Нет здесь и того заметного контраста между степенью сохранности костей мамонта и иных видов животных, который отмечался для мустьерских стоянок Днестровско-Прутского региона.

Всё это, на наш взгляд, противоречит концепции собирательства, как основного способа добычи костей мамонта на описанных выше стоянках. Однако и концепция охоты небезупречна. Судя по зафиксированному половозрастному составу, речь идёт не об охоте на отдельных особей, а именно о загонной охоте, в результате которой гибнет всё стадо или значительная его часть. Крутые склоны овражно-балочной системы Костёнковско-Борщёвского района предоставляли реальную возможность для ведения такой охоты, на что указывал ещё И.С. Поляков. Однако сами стоянки находятся на довольно значительном расстоянии от таких склонов.

В связи с этим уточним: убойный вес мяса мамонта составлял около 1/3 живой массы, а суммарный вес костей (до 40% от общей массы) у крупных особей мог достигать 1800 кг [Пидопличко 1969: 152; Семёнов 1968: 286]. Людям, убившим одиночного зверя, требовалось принести на стоянку от 1000 до 2000 кг мяса убитого мамонта, без учёта его костей, находивших на стоянках самое широкое применение. Вес бедренной или плечевой кости взрослой особи составлял до 20 кг, бивня — до 100 кг и более [Верещагин, 1979: 28–31]. Разумеется, в случае удачной загонной охоты и убийства целого стада вес добычи возрастал многократно.

Логично предположить, что разделка добычи должна была вестись на месте охоты, и на стоянку приносилась только самая ценная её часть. Даже в этом случае доставка с места охоты около 600 костей, использованных при строительстве костно-земляного жилища Костёнок 11/Ia, общим весом более 5 тонн, являлась весьма трудоёмкой операцией. Однако, судя по составу и набору костей на соответствующих стоянках (остатки эмбрионов, позвонки в анатомической связи и пр.) создаётся впечатление, что на поселение транспортировались едва ли не целые туши! Спрашивается: каким образом и для чего? Впрочем, этот вопрос является «ахиллесовой пятой» и для концепции собирательства.

Другой её «ахиллесовой пятой» служит отсутствие в Костёнковско-Борщёвском районе достоверных мамонтовых кладбищ, о чём нам уже неоднократно приходилось говорить [Аникович, Анисюткин 2001: 325; Аникович, Анисюткин 2004: 492–499]. Правда, такой ярый сторонник концепции собирательства и трупоядения, как А.А. Чубур, в одной из своих работ пишет, что «в районе Костёнок имеется множество находок остатков мамонтов, напрямую не связанных с культурными слоями...» [1998: 322]. Однако более или менее внятный ответ на вопрос: «где же они, мамонтовые кладбища Костёнковско-Борщёвского района?!» — дается им только для Аносова лога. Там за остатки такого «кладбища» принимается не что иное, как «комплекс II» Костёнок 2 (см.: 7.3).

Напомним, что «комплекс II» представляет собой скопление костей (преимущественно, рёбер) мамонта, размерами ~14×1,5×0,2 м, находившееся на стоянке, в небольшой естественной ложбинке. Исследователь Костёнок 2 П.И. Борисковский считал несомненным, что «в углубление в древней поверхности суглинка кости были сложены или сброшены людьми... Скорее всего, в этом месте складывались или сваливались кости или части туш мамонтов, а затем обитатели поселения брали отсюда кости и бивни мамонтов для сооружения жилища, для изготовления орудий и т. п.» [Борисковский 1963: 66]. Одна-

ко, по мнению А.А. Чубура, «к тому же результату... привело бы и простое изъятие костей для строения из естественного скопления...» [Чубур 1998: 322]. Подобный подход открывает, поистине, безграничные возможности для выделения «мамонтовых кладбищ» на Русской равнине! Если мы примем во внимание размеры данного «скопления», становится понятным: любую находку костей этого животного можно объявить «естественным кладбищем». А.А. Чубур и обнаруживает таковые повсеместно, в том числе в Мезине, Межиричах, Юдинове, Пушкарях, Тимоновке, Супоневе, Елисеевичах и пр. Всё это делает честь его фантазии, но едва ли подобный метод может быть признан научным.

Впрочем, заметим, что места загонной охоты на мамонтов (kill-sites) также не обнаружены пока ни в Костёнках, ни в других районах сосредоточения стоянок Днепро-Донской ИКО.

ГЛАВА 8.

ЗАГАДКА БОРЩЁВО 2

8.1. Общая характеристика памятника

Этот трёхслойный памятник, считавшийся до открытия стоянки Борщёво 5 самым южным памятником Костёнковско-Борщёвского района, был обнаружен ещё в 1922 г. и раскапывался в течение ряда полевых сезонов (1923, 1925, 1929, 1936 гг.). Ныне он достаточно хорошо и полно описан в археологической литературе [Ефименко 1938, 1953; Ефименко, Борисковский 1953]. В этих публикациях он отнюдь не предстает особенно «загадочным»; скорее, напротив, одним из самых «ясных» — по крайней мере, в отношении возраста.

Долгое время стоянка Борщёво 2 считалась самой молодой в Костёнковско-Борщёвском районе. П.П. Ефименко и П.И. Борисковский полагали, что в трёх её культурных слоях прослеживается тенденция развития верхнепалеолитической техники, подготовившая переход к неолиту. Нижний и средний культурные слои ещё тесно примыкают к верхнепалеолитическим памятникам, в первую очередь — к Борщёво 1. Однако верхний культурный слой уже находится на рубеже неолитической эпохи [Ефименко, Борисковский 1953: 109–110]. Этот вывод долгое время никем не оспаривался, а исследователи неолита охотно привлекали материалы Борщёво 2 для своих целей, в связи с собственно неолитической проблематикой (например, Н.Н. Гурина).

В 1970–1980-х гг. ситуация изменилась. Археологические аргументы, приводившиеся ранее в пользу «молодого» возраста Борщёво 2, для нового поколения исследователей потеряли былую убедительность. Комплексное изучение отложений первой надпойменной террасы Дона, проведённое в эти годы в Костёнковско-Борщёвском районе, заставило многих усомниться в том, что стратиграфическое положение культурных слоёв этого памятника соответствует их прежним датировкам.

В общих чертах стратиграфия памятника следующая. Под современными пойменными отложениями залегает толща желтоватого суглинка мощностью до 1,5 м, перекрывающая чёрную ископаемую почву озёрно-болотистого типа, мощностью 10 см. К ней приурочены остатки культурного слоя I. Ниже залегает серый опесчаненный суглинок. В нём, сразу под гумусированной прослойкой залегают остатки культурного слоя II, а на 0,4–0,6 м ниже — культурный слой III. Не все культурные слои одинаково представлены по простиранию: в северо-западной части стоянки прослеживаются только II и III, а в юго-восточной — I и III.

Среди геологов, изучавших разрезы I надпойменной террасы в Костёнковско-Борщёвском районе и его окрестностях, нет единого мнения относительно их интерпретации. Одни считают, что здесь следует выделять фактически две самостоятельные террасы: собственно первую и более молодую «промежуточную», к каковой и относится разрез Борщёво 2 [Грищенко 1976: 200–201]. Такой подход согласуется с первоначальным определением возраста этого памятника и подтверждается радиоуглеродными датами, полученными по остаткам древесной растительности из погребённой почвы (~12.000 л.н.) (Прил. 2, №№ 30–31).

Однако другие геологи отрицают возможность разделения первой надпойменной террасы на две самостоятельные террасы и считают, что их стратиграфия весьма сходна. Горизонт, в котором залегает культурный слой Борщёво 2/I, они сопоставляют с погребённой почвой Костёнок 21, вмещающей III культурный слой [Палеолит...1982: 36, 266]. При такой интерпретации, радиоуглеродные даты, полученные для Борщёво 2, естественно, считаются омоложенными (Прил. 2, №№ 30–40), а вся колонка резко

удревняется: культурный слой III попадает в хронологическую подгруппу IIIA и должен датироваться самым началом позднего валдая. Впрочем, иногда высказывается и такое мнение, что все три слоя могут являться остатками одного, но сильно переотложенного памятника [Палеолит... 1982: 221].

Новые раскопки на Борщёво 2, предпринятые в 1978 г., не привели к разрешению возникших противоречий. В 1993–1994 гг. были вновь проведены ограниченные работы на памятнике, с привлечением специалистов естественнонаучных дисциплин. Основные результаты этих исследований опубликованы [Gei, Zaytceva, Praslov, Csyganov, 1994; Зайцева, Гей, Цыганов 1994] и явились фундаментом кандидатской диссертации Ю.Ю. Цыганова [1995].

Однако и полученные новые данные, включая наиболее древнюю для памятника радиоуглеродную дату ~14 тыс. л.н. (Ле-4867) не поставили окончательной точки не по одному из спорных вопросов. В том, что касается возраста Борщёво 2, мы склонны поддержать точку зрения Ю.Ю. Цыганова, относящего этот памятник, по совокупности данных, «к середине позднеледниковья, вероятно, к началу интервала бёллинг» [Цыганов 1995: 18]. Однако на сегодняшний день это не более, чем рабочая гипотеза.

Рассмотрим археологические материалы памятника, начиная с нижнего культурного слоя.

8.2. Культурные слои Борщёво 2

8.2.1. Борщёво 2/III

Этот слой был вскрыт на площади около 270 м². Слой переотложен, представлен тремя основными скоплениями культурных остатков. Верхнее скопление, занимающее площадь около 160 м², представляет собой цепь тонких переслаивающихся углистых прослоек, насыщенность которых культурными остатками невелика — по большей части, не более 10 экз. кремней на 1 м², и только на двух квадратах — до 50 экз. Два других скопления, расположенных в нижней части стоянки, меньше по площади и ещё беднее находками (Палеолит... 1982: 220–221).

Всего в слое III собрано свыше 3600 экз. кремня, в том числе 21 нуклеус и около 350 орудий. Кремень чёрный меловой, высшего качества. Техника первичного раскалывания типично пластинчатая. Размеры большинства орудий сравнительно невелики: до 4–5 см в длину.

Преобладают резцы (свыше 200 экз.), а среди них — боковые, прямо и косоретушные (135 экз.) (рис. 128: *30, 38–43*). Скребков только 54 экз. (рис. 128: *34–36*). Преобладают короткие скребки на сечениях пластин; скребков на целых пластинках значительно меньше. Краевая ретушь отсутствует. Специфичны двойные скребки, близкие к округлым.

Имеются пластины и острия с притупленным краем (вместе — около 50 экз.). Из последних некоторые (с дугообразным ретушированным краем) напоминают ножи шательперрон (рис. 128: *33*).

Костяные орудия представлены семью шильями из трубчатых костей зайца, тонкой иглой без ушка, пластинками из бивня мамонта и орнаментированными мотыгообразными орудиями из рога оленя. Орнамент — сеточка из небольших вытянутых ромбов [Ефименко, Борисковский 1953: рис. 6–7].

Фауна: мамонт, лошадь, заяц, северный олень, росомаха, волк, лисица.

8.2.2. Борщёво 2/II

Культурный слой II располагался только в верхней (северо-западной) части стоянки. Он вскрыт на площади 160 м². Слой также переотложен и залегает в виде тонких переслаивающихся прослоек, содержащих костный уголь, охру, осколки костей и кремни.

Общее количество кремнёвых изделий составляет несколько тысяч, но среди них имеется только 60 нуклеусов и около 150 орудий. В отличие от слоя III, здесь преобладает цветной валунный кремень. Из чёрного мелового кремня изготовлено не более 25% орудий, а доля его в общем количестве расщеплённого кремня и того меньше: около 10%.

Тем не менее, техника первичного раскалывания и технологические характеристики орудий близки индустрии нижнего слоя: здесь также преобладают резцы (70 экз.), а среди них — боковые (рис. 128: *24–26*). Скребков 40 экз. (рис. 128: *19–21*). Они представлены теми же разновидностями: концевые на сечениях пластин; редкие концевые на целых пластинках; короткие двойные, переходящие в округлые скребки. Имеется около 20 экз. узких пластинок с узким притупленным краем (рис. 128: *22–23*). Костяные орудия отсутствуют.

В фаунистических остатках преобладают кости лошади; есть немного костей мамонта и зубра.

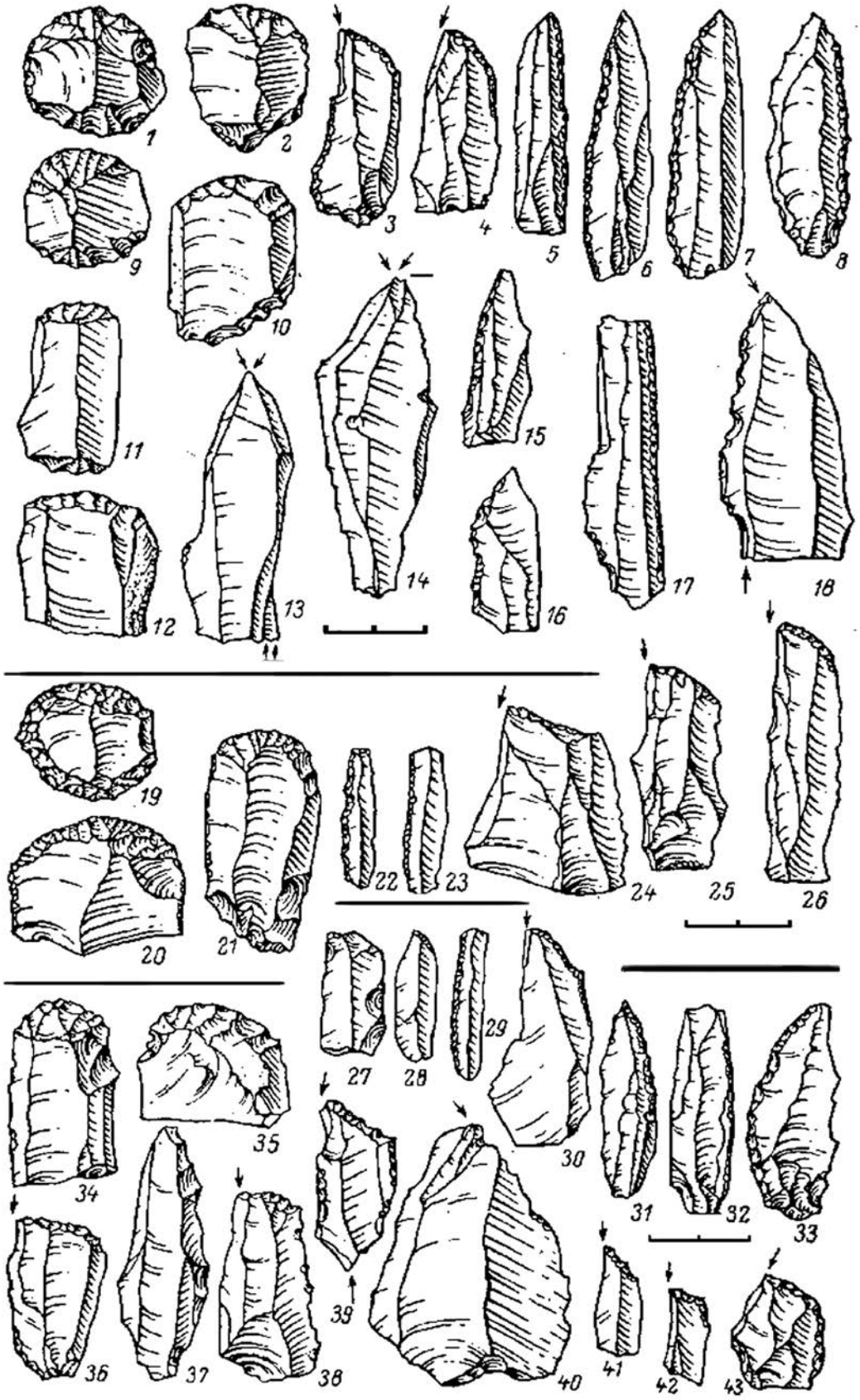

Рис. 128. Борщёво 2. Каменные орудия из верхнего (*1–18*), среднего (*19–26*) и нижнего (*27–43*) культурных слоёв.

8.2.3. Борщёво 2/I

Культурный слой I исследован на площади около 630 м². По мнению П.П. Ефименко и П.И. Борисковского, он залегал *in situ*, хотя, по-видимому, несколько размывался водой, затоплявшей его во время половодий.

Находки (преимущественно, кости) залегают несколькими скоплениями, различными по величине, плотности и содержанию. Внутри таких скоплений не прослеживается ни системы в распределении культурных остатков, ни каких-либо конструктивных деталей.

Коллекция кремнёвого инвентаря насчитывает около 2500 предметов, включая 25 нуклеусов и 325 орудий. Преобладающий вид сырья — чёрный меловой кремень; доля цветного кремня — не более 2%. Техника первичного раскалывания аналогична индустриям нижележащих слоев.

Среди орудий преобладают скребки (около 130 экз.). Налицо все типологические особенности этой группы орудий, отмеченные в нижележащих слоях (рис. 128: *1–2, 9, 11–12*), лишь ярче выраженные здесь за счёт большего их количества. Резцов около 80 экз., причем боковых немногим более 1/3, хотя типологически они аналогичны боковым резцам из нижележащих слоев (рис. 128: *3–4, 13–14, 17–18*). Свыше 20 острий с притупленным краем можно определить, как атипичные острия граветт (рис. 128: *5–8*). Пластинки с притупленным краем (15 экз.) сильно варьируют по размерам и очертаниям. Остальные орудия представлены ретушированными пластинами.

Имеется также несколько костяных острий и украшений: плоские кружочки из кости и камня с отверстиями в центре, миниатюрные трубочки-пронизки из кости и из раковин Dentalium.

По определению В.И. Громовой, в слое преобладают кости лошади (от 8 лошадей), далее следует северный олень (4 особи), волк и заяц (по 2 особи), бык, лось, пещерная гиена, лисица — по 1 особи. Мамонт отсутствует полностью. Именно это последнее обстоятельство послужило аргументом в пользу позднего возраста стоянки, ибо в конце плейстоцена мамонт исчез [Ефименко, Борисковский, 1953: 109]. Однако этому факту могут быть и иные объяснения, тем более, что в период 12.000–13.000 л.н. (если ориентироваться на радиоуглеродные даты, полученные для первого слоя) мамонт на Русской равнине ещё присутствовал. Об этом свидетельствуют данные по Днепро-Деснинскому региону.

8.3. Проблемы хроностратиграфии Борщёво 2

Сопоставление материалов всех трёх культурных слоев Борщёво 2 показывает, что различия между ними слишком существенны для того, чтобы принять гипотезу об их образовании в результате сильного переотложения некогда единого культурного слоя. Как в этом случае объяснить, что цветной кремень попал почти исключительно в среднюю часть пачки? И почему в верхнем горизонте полностью отсутствуют кости мамонта, но налицо анатомические группы костей лошади?

С другой стороны, типологическая близость индустрий всех трёх слоев настолько велика, что можно полностью согласиться с мнением П.П. Ефименко и П.И. Борисковского о том, что здесь мы наблюдаем развитие во времени одного культурного явления (в нашей терминологии — одной АК). К сожалению, мы не знаем в Костёнковско-Борщёвском районе иного памятника, чью индустрию можно было бы с уверенностью соотнести с той же культурной традицией. Пожалуй, П.П. Ефименко и П.И. Борисковский правы и в том, что ближе других к культурным характеристикам Борщёво 2 стоит индустрия Борщёво 1 [Ефименко, Борисковский 1953: 109–110]. Но в данном случае сходство связано с наиболее «банальными» формами и не позволяет делать вывод об их однокультурности.

В самом деле, наиболее специфические характеристики Борщёво 1, позволяющие сопоставлять этот комплекс с Мезинской стоянкой, почти полностью отсутствуют в Борщёво 2. С другой стороны, в Борщёво 1 не найдены двойные, переходящие в округлые скребки, столь характерные для Борщёво 2. Формы острий с притупленным краем здесь также иные (кроме ножей шательперрон).

Таким образом, в настоящее время положение трёх культурных слоев Борщёво 2 (несомненно, связанных между собой генетически) по отношению ко всем остальным памятникам Костёнковско-Борщёвского района остаётся неясным, как в хронологическом, так и в культурно-историческом отношении. С уверенностью можно утверждать лишь одно: Борщёво 2 не входит в ИКО охотников на мамонтов. В настоящий момент этот памятник представляет собой «загадку», которую смогут разрешить только новые полевые исследования, подкреплённые аналитикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, за последние десятилетия Костёнковско-Борщёвский район нисколько не утратил своей исключительности в мировой науке о палеолите. Более того, в результате последних исследований его значимость только возросла. Теперь можно с уверенностью утверждать, что древнейшие верхнепалеолитические памятники Восточной Европы (~45.000 л.н.) находятся именно здесь, за пределами массового распространения мустьерских индустрий. Особенно важно подчеркнуть, что этот древнейший верхний палеолит отнюдь не «архаичен», имеет не «переходный», но вполне развитый облик. Симбиотические («архаичные») верхнепалеолитические индустрии сосуществовали с развитыми, но отнюдь не являлись их родоначальниками: из индустрий Костёнок 12/III вывести индустрию Костёнок 17/II невозможно.

Проведенный анализ показал, что такое явление имеет отнюдь не узко локальный, а общеевропейский характер [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007]

Хронология памятников Костёнковско-Борщёвского района была рассмотрена в главе 2, и нет необходимости возвращаться к ней снова. В периодизационном отношении рассматриваемые памятники распределяются следующим образом:

1) ранняя пора верхнего палеолита. Характеризуется сочетанием симбиотических и развитых верхнепалеолитических индустрий. К первым относятся памятники костёнковско-стрелецкой и городцовской АК. Ко вторым: разнокультурные памятники ориньякоидного ТК (спицынская АК, стоянки типа Костёнки 14/ГВП — Костёнки 1/III), а также памятники, пока не получившие надёжной культурной атрибуции (Костёнки 14/IVб).

В этот же период в Костёнках отмечается первое появление граветтоидного ТК (Костёнки 8/II). Как и в Центральной, и в Западной Европе, он появляется около 28.000 л.н. Но если там это культурное явление фиксирует собой переход от ранней к средней поре верхнего палеолита, то здесь, на востоке, оно представляется скорее случайным эпизодом, не оказавшим существенного влияния на местное течение культурно-исторического процесса.

В общем и целом, РВП Костёнковско-Борщёвского района соответствует тому, что наблюдается в других районах континента. Культурно-исторический смысл этого периода — изживание мустьерских и развитие верхнепалеолитических культурных традиций. Однако хронологические границы РВП в разных регионах весьма подвижны. Нижний рубеж может колебаться в пределах от 50–45 до 32–25 тыс. л.н., а верхний — от 25 до 20 тыс. л.н.

Уже одно это не позволяет нам рассматривать становление верхнего палеолита Европы как результат прямого воздействия тех или иных эколого-географических факторов. Здесь имела место не адаптация к тем или иным природным условиям, но принципиально иная по своему характеру, социокультурная адаптация друг к другу части местного мустьерского населения и пришельцев извне, принесших принципиально иные, развитые верхнепалеолитические традиции.

В Костёнковско-Борщёвском районе хронологические границы РВП определяются между 50–45 и 25–24 тыс. л.н.

2) «ориньякский эпизод». Данное культурное явление, подробно охарактеризованное в главе 5, прослеживается на территории Костёнковско-Борщёвского района. Здесь «ориньякский эпизод» представляет собой сочетание разнокультурных индустрий ориньякоидного технокомплекса, чьи генетические корни различны. Только для некоторых из них (Костёнки 1/III) можно отчасти говорить о местных генетических корнях (Костёнки 14/ГВП). Ситуация осложняется присутствием в регионе этот же период

типичных граветтоидных индустрий (типа Костёнки 4/II), не обнаруживающих каких либо местных предшественников в РВП Костёнковско-Борщёвского района. Об их «мирном сосуществовании» свидетельствуют памятники типа Костёнки 9, в инвентаре которых граветтоидные и ориньякоидные элементы представлены приблизительно в равных пропорциях.

В общем и целом, памятники, относимые к «ориньякскому эпизоду», отличаются от стоянок РВП более сложными конструкциями жилых сооружений и, вероятно, более сложной организацией поселений в целом.

«Ориньякский эпизод» четко фиксируется в интервале 26–23 тыс. л.н. Его культурно-исторический смысл состоит в начале формирования на данной территории ИКО охотников на мамонтов. Это переход от ранней к средней поре верхнего палеолита. В отличие от становления РВП, обусловленность становления СВП природно-климатическими изменениями не вызывает сомнения.

3) средняя пора верхнего палеолита: Восточная граница ИКО охотников на мамонтов. Как было подробно рассмотрено в главе 6, Костёнковско-Борщёвский район представляет собой восточную окраину Днепро-Донской ИКО охотников на мамонтов — уникального историко-культурного явления, сформировавшегося в центральной части Восточной Европы в период поздневалдайского похолодания, включая климатический минимум. Хронологические границы данной ИКО 23 — 15–13 (?) тыс. л.н. В Костёнковско-Борщёвском районе верхняя хронологическая граница стоянок, относимых к данной ИКО, определяется серией радиоуглеродных дат порядка 15 тыс. л.н., полученной для стоянки Борщёво 1 (см. Приложение 2).

Как и в бассейнах Днепра и Десны, в Костёнках четко выделяются два этапа существования ИКО охотников на мамонтов:

23–21 тыс. л.н. Наиболее яркой чертой этого этапа следует считать появление на Русской равнине памятников виллендорфско-костёнковской культуры с чрезвычайно сложной структурой поселения, включающей краевые полуземлянки, ямы-хранилища и цепь крупных, долговременных очагов (см. гл. 6). Сейчас с уверенностью можно сказать, что носители этих культурных традиций пришли на Русскую равнину из Центральной Европы. Однако, наряду с виллендорфско-костёнковской АК, здесь существовали и другие культуры — возможно, местного происхождения. На территории Костёнок к таковым относится аносовско-гмелинская АК.

20–15 тыс. л.н. В этот период памятники виллендорфско-костёнковской АК бесспорно существуют в бассейне Оки (Зарайская стоянка) и скорее всего продолжают существовать в Костёнковско-Борщёвском районе. Но, помимо них, начиная с 20 тыс. л.н. в Среднем — Верхнем Поднепровье, в бассейне Десны и на Среднем Дону распространяются стоянки с округлыми костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа. В инвентаре этих стоянок фиксируется иной набор каменных и костяных орудий, иные традиции мобильного искусства. Происхождение этого пласта новых культурных традиций не установлено. Можно лишь с уверенностью утверждать, что в генетическом отношении они не связаны с виллендорфско-костёнковской культурой.

На территории Костёнок памятники данного типа относятся, преимущественно, к замятнинской АК, однако в кремневом инвентаре стоянки Борщёво 1 отмечаются иные культурные традиции, вероятно, связанные с Мезинской стоянкой на р. Десне.

Таким образом, палеолитические памятники Костёнковско-Борщёвского района относятся к двум подразделениям эпохи верхнего палеолита — РВП и СВП. Средняя пора верхнего палеолита во всех отношениях (домостроительство, техника обработки кремня, костяной инвентарь, искусство) является вершиной развития верхнепалеолитической культуры. Этот тезис остается неизменным не только для ИКО охотников на мамонтов, куда входят и Костёнки, но и для других регионов Евразии, где СВП в археологическом отношении выражена иначе и имеет несколько иные хронологические границы.

В дальнейшем, с исчезновением культур охотников на мамонтов, в Костёнковско-Борщёвском районе исчезают и верхнепалеолитические памятники, как таковые[1]. Возникает закономерный вопрос: в чём причина исчезновения населения со столь высоко развитыми культурными традициями?

На наш взгляд удачное объяснение этому явлению, а также глобальной смене культурных традиций, фиксируемой в других регионах на рубеже 15–14 тыс. л.н., даёт концепция, разработанная А.Л. Чепалыгой. Согласно его представлениям, «в позднем плейстоцене в связи с деградацией и таянием по-

[1] Единственным возможным исключением является-стоянка Борщёво 2 (см. гл. 8) однако возраст памятника окончательно не установлен. Можно с уверенностью утверждать лишь то, что в археологическом отношении он не может быть включен в ИКО охотников на мамонтов.

следнего (валдайского) оледенения наступила Эпоха Экстремальных Затоплений. Значительные обводнения склонов, междуречий и речных долин привели к сверхполоводьям в руслах рек и морским трансгрессиям в приморской зоне бассейнов Понто-Каспия...» [Чепалыга, Садчикова, Лаврентьев и др. 2006: 340; см. также: Чепалыга 2005; 2005а; Чепалыга, Пирогов 2005]. По-видимому, исчезновение населения из бассейна Среднего Дона на рубеже ~15 тыс. л.н. тоже объясняется тем, что изменившийся водный режим сделал непригодными для обитания балочные мысы, защищённые крутыми склонами и столь привлекательные для человека в предшествующие периоды. Да и мегафауна, скорее всего, частично погибла во время половодий, частично покинула районы широких разливов тающих ледников.

Таким образом, и начало, и конец СВП в Костёнковско-Борщёвском районе (как, впрочем, и за его пределами) объясняются адаптацией человеческой культуры к глобальным ландшафтно-климатическим изменениям. Поздневалдайское оледенение на несколько тысячелетий обусловило доминирование в центре Русской равнины ландшафтов открытого типа (тундростепь, опустыненная тундра). Для указанного периода были характерны: сухой климат, холодные, малоснежные зимы и обилие мамонтовой фауны. Верхнепалеолитическое население региона сумело приспособиться к таким условиям. В ходе его адаптации к ним оказались созданы культуры, явившиеся во всех отношениях расцветом, высшими достижениями палеолитической эпохи.

Эти культуры с успехом пережили пик холода (20–18 тыс. л.н.), но не смогли устоять перед новыми глобальными изменениями климата. Гигантские половодья, образовавшиеся после таяния поздневалдайского ледника, подорвали самую основу их существования — мамонтовую фауну. Они сделали хорошо обжитые в течение многих тысячелетий места малопригодными для жизни. Так наступил третий этап верхнепалеолитической эпохи, во многом уступающий по своим культурным достижениям прежним культурам охотников на мамонтов. Характеристика и анализ этого этапа не может быть осуществлена на материалах Костёнковско-Борщёвского района, ввиду практически полного отсутствия памятников.

В последние десятилетия в палеолитоведении стало традиционным объяснять едва ли не каждое культурное изменение исключительно экологическими причинами. Термин «адаптация» понимается, как правило, только как приспособление человеческой культуры к тем или иным ландшафтно-климатическим условиям. Но с самого начала своей истории человек не только адаптировался к определённой природной среде. Помимо того, он создавал вокруг себя некую искусственную среду обитания, названную позднее «культурой». В это понятие входят: весьма сложная система сознательных представлений об окружающем мире и о себе, социальная структура и иерархия социума, различные поведенческие стратегии, особенности восприятия новшеств и т.д.

По нашему мнению, приспособление к этой искусственной среде — т.е. адаптация человека к человеку, социума к социуму — играет для исторического познания не менее, а, возможно, и более важную роль, чем адаптация к природным условиям. Это легко заметит любой, наблюдающий за ходом современной истории. Возможное глобальное потепление, конечно, окажет своё влияние на события XXI в., но всё же на первый план выступают совершенно иные проблемы — взаимодействие Востока и Запада, христианства и ислама; духовная деградация «общества потребления»; поведенческие стратегии, приводящие к экологическим катастрофам и т.д., и т.п. Не следует думать, что всё это — исключительно приметы нашего времени.

В эпоху верхнего палеолита социокультурная адаптация играла не меньшую роль. И в этой, и в предшествующей книге [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007] мы постарались доказать, что сам переход от среднего к верхнему палеолиту — по крайней мере, на территории Европы — следует понимать именно, как социокультурный адаптационный процесс, не обусловленный, в принципе, никакими природными изменениями. Иное дело — переход к СВП. По крайней мере, в центральной части Восточной Европы, как начало, так и конец СВП трактуются нами именно, как результат адаптации к изменяющейся природной среде. Впрочем, и здесь не всё так просто. Если мы взглянем на те же костёнковские материалы под углом социокультурной адаптации, можно сделать некоторые любопытные наблюдения. В период 26–23 тыс. л.н. («ориньякский эпизод») здесь сосуществовали носители, как типично ориньякоидных, так и типично граветтоидных традиций обработки кремня. Наличие индустрий со смешанным инвентарём (Костёнки 9, Борщёво 5/I) показывает, по нашему мнению, что социумы с разными культурными традициями были открыты для контактов. В последующий период картина резко меняется. Памятники виллендорфско-костёнковской АК на протяжение нескольких тысячелетий (23–16 тыс. л.н.) существовали на территории Костёнок исключительно в Покровском логу. Параллельно, в соседнем Аносовом логу 22–21 тыс. л.н. существовало поселение аносовско-гмелинской АК (Костёнки 11/II. Никаких следов взаимного влияния, контактов и пр. в археологических материалах не обнаружено. Позднее, около

20 тыс. л.н. в том же Аносовом логу появляются стоянки замятнинской культуры с округлыми жилищами аносовско-мезинского типа. Они просуществовали в регионе, по крайней мере, до 16 тыс. л.н. И вновь никаких следов контактов с виллендорфско-костёнковской АК. Единственное исключение — находка в Костёнках 11/Ia костяной рукояти, которую можно трактовать, как грубое подражание изящным рукоятям лопаточек с головчатым навершием из Костёнок 1/I. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что «виллендорфцы» волей или неволей вели в Костёнках замкнутый образ жизни. С соседями, видимо, не враждовали, но и не вступали в контакты.

Уникальность Костёнковско-Борщёвского района заключается в том, что здесь и только здесь в концентрированном виде фиксируются основные тенденции культурно-исторических процессов, протекавших на территории Восточной (а отчасти — Центральной и Западной) Европы на протяжении первых двух периодов эпохи верхнего палеолита (РВП и СВП). Материалы палеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района нельзя воспринимать, как беспорядочную культурную чересполосицу. Анализ этих материалов выявляет закономерности, сопоставимые, в общем и целом, с тем, что наблюдается на других частях Европейского континента.

В этом и состоит особое значение Костёнковско-Борщёвского района в мировом палеолитоведении.

SUMMARY

The right bank of the Don River over a stretch of 10 km contains a famous group of Upper Paleolithic sites. The area is situated 700 km south of Moscow and 35 km south of Voronezh city (the villages Kostenki, Alexandrovka and Borshchevo). It contains more than 30 separate locations, of which 10 have more phases of habitation. The material from this region is essential in the discussion of chronology, cultural history and environment of the East European Upper Paleolithic. It actually caused the formation of the National Russian School of Prehistory. Many ideas about Paleolithic culture have been developed and changed in Kostenki.

Compared to other concentrations of Upper Paleolithic sites in Eurasia, Kostenki keeps an outstanding role due, not only to the high quantity of the sites aggregated in a small area or to the geological positions of their cultural layers, but also to the unique variety of modes of cultural adaptation represented there.

In the last decades, the Kostenki-Borshchevo region has by no means lost its unique position in the world archaeology of the Paleolithic period. The recently obtained absolute dates allow us to assert that it is here, outside the range of mass distribution of the Mousterian industries, that the earliest Upper Paleolithic sites of East Europe (~45.000 kya) are concentrated. It should be stressed that this oldest Upper Paleolithic looks neither "archaic" nor "transitional", and can well be characterized as "full-fledged". The symbiotic ("archaic") Upper Paleolithic industries co-existed with the full-fledged ones, but the former were not ancestral to the latter: it is impossible to imagine how the industry of Kostenki 17/II could have evolved from the industry of Kostenki 12/III.

The two first chapters present a short historical survey of the archaeological investigations in the Kostenki-Borchevo region and followingly its chronology and environmental conditions through the Upper Paleolithic. The third chapter deals with some methodological problems of primitive archaeology and basic generalizing concepts.

The main part of the book is devoted to a broader discussion of the cultural remains of the Kostenki sites, their change through time, and their relations to the cultural units in other regions. Opposite earlier general presentations of the material yielding a more or less full description of the sites in order of their site number or their stratigraphical/chronological position [Klein 1969; Paleolithic... 1982], the focus of the present book is to describe the general cultural development in the Kostenki-Borshchevo region through the Upper Palaeolithic and its relation to the development in the Upper Paleolithic in other European regions.

The sites of the Kostenki-Borshchevo region can be subdivided into a number of chronological groups:

1) **Early Upper Paleolithic (EUP)** is characterized by the co-existence of the symbiotic and full-fledged Upper Paleolithic industries. The former include the sites of the Kostenki-Streletskaya and Gorodtsovskaya cultures, while the latter are represented by a number of Aurignacoid assemblages belonging to different cultures (the Spytsinskaya culture, Kostenki 14/ash horizon, Kostenki 1/III), as well as some assemblages with unclear cultural affiliation (Kostenki 14/IVb).

It is during this period that the assemblages belonging to the Gravettoid technocomplex appeared at Kostenki for the first time (Kostenki 8/II). They are roughly coeval to the earliest Gravettoid sites of Central and West Europe. However, whereas in the west this cultural phenomenon marks the transition from the early to the middle stage of the Upper Paleolithic, in the east it appears to be just a transitory episode, which did not exert any particular influence on the character of the future cultural and historical processes in the region.

Speaking in general terms, the cultural-historical significance of the EUP stage at Kostenki (as well as elsewhere) consisted in the disappearance of the Mousterian traditions and the development of the Upper Paleolithic ones. However, the chronological boundaries of this stage in different regions are highly variable. The lower

boundary can vary from 50-45 to 32-25 kya, and the upper one from 25 to 20 kya. This fact alone is enough to conclude that the formation of the Upper Paleolithic in Europe cannot be considered a result of the direct influence of environmental factors. What did take place there was not an adaptation to natural conditions, but quite a different process of sociocultural co-adaptation of indigenous Mousterian groups and newcomers, who brought with them well-developed Upper Paleolithic traditions.

In the Kostenki-Borshchevo region the EUP stage lasted from ca. 50–45 to ca. 25–24 kya.

2) **"Aurignacian episode".** In the region under consideration this cultural phenomenon (see chapter 5) represents a combination of a number of industries belonging to the Aurignacoid technocomplex, but showing different cultural affinities indicative of different genetic roots. Only some of them could have had local origins (Kostenki 14/ash horizon). The situation is further complicated by their co-occurrence in space and time with the typical Gravettoid industries (Kostenki 4/III), showing no connection to the local EUP. Their "peaceful co-existence" is evidenced, for example, by the assemblage of Kostenki 9, which contains the Gravettoid and Aurignacoid elements in approximately equal proportions. The sites attributed to the "Aurignacian episode" differ from those of the EUP stage in having more complex dwelling constructions and more elaborated settlement structure in the whole.

The "Aurignacian episode" is securely dated to the period from 26 to 23 kya. Its cultural-historical significance consists in the beginning of the formation of what is called the mammoth hunters' cultural area. It marks the transition to the middle stage of the Upper Paleolithic (MUP). It is beyond any doubt that this transition was caused primarily by environmental changes.

3) **Middle Upper Paleolithic.** The Kostenki-Borshchevo region represented the eastern fringe of the Dnieper-Don mammoth hunters' cultural area, which formed in the central part of East Europe during the Late Valdai glacial maximum, ca. 23 to 15-13 kya (see chapter 6). The Upper chronological boundary for the Kostenki-Borshchevo sites attributed to this group is indicated by a series of radiocarbon dates of ca. 15 kya obtained for Borshchevo 1.

In Kostenki, as well as in the Dnieper and Desna basins, the period of existence of the mammoth hunters' cultural area can be divided into two stages:

23–21 kya. The most conspicuous feature of this stage is the appearance in the Russian Plain of the sites of the Willendorf-Kostenki culture, characterized by a highly complicated settlement structure, including semi-subterranean dwellings, storage pits, and big long-term heaths arranged in lines (see chapter 6). Now it is possible to say with confidence that the bearers of these cultural traditions came to the Russian Plain from Central Europe. However, the Willendorf-Kostenki culture was not the only one that existed in the region during the period under question. There were also other cultures of presumably local origin. In Kostenki they are exemplified by the Anosovka-Gmelin culture.

20–15 kya. During this period, the sites of the Willendorf-Kostenki culture were certainly present in the Oka basin (Zaraisk), and probably they continued to exist in the Kostenki-Borshchevo region as well. In addition to them, sites with circular bone-earth dwellings of the Anosovka-Mesin type started to spread in the Middle-Upper Dnieper, Desna, and Middle Don basins since the 20th millennium bp. Their inventory shows a peculiar set of stone and bone tools, as well as mobile art objects. As to the origins of these new cultural traditions, it remains to be established. The only thing one can assert now is that they are not linked genetically with the Willendorf-Kostenki culture. In Kostenki most of these sites belong to the Zamyatnin culture. However, the stone inventory of Borshchevo 1 is different and seems to display some parallels to the Mesin site on the Desna river.

Thus, the Paleolithic sites of the Kostenki-Borshchevo region belong to two subdivisions of the Upper Paleolithic epoch: EUP and MUP. The middle stage of the Upper Paleolithic in every its aspect (building, flint working technology, bone inventory, art) represents the peak in the development of the Upper Paleolithic culture. This thesis applies equally well both to the mammoth hunters' cultural area and the other parts of Eurasia, where MUP can have different archaeological characteristics and chronology.

The disappearance of the mammoth hunters' cultures coincides with the total disappearance of the Upper Paleolithic sites from the Kostenki-Borshchevo region.[1]. The question arises: Why did they disappear? A felicitous explanation gives the hypothesis proposed by A.L. Chepalyga. In his opinion, "the degradation and thawing of the last (Valdai) glaciers caused the onset of the Epoch of Extreme Inundations. Substantial water encroachment of slopes, interfluvial areas, and river valleys led to super-floods and sea transgressions ..." [Chepalyga, Sadchikova, Lavrentiev et al. 2006: 340]. Obviously, the depopulation of the Middle Don basin some 15 kya also can be ex-

[1] The only possible exception is the site of Borshchevo 2 (see chapter 8), but its chronology is still under question. From the archaeological point of view, it cannot be included into the group of mammoth hunters' sites.

plained by the changes in the water regime, which made the most attractive ravine promontories, actively settled by humans in the previous periods, unsuitable for living. In addition, most big mammals probably either died or left the inundation-prone areas.

Therefore, both the beginning and the end of the MUP stage in the Kostenki-Borshchevo region was brought about by the adaptation of human culture to global environmental changes. The Late Valdai glaciation caused the spread of open landscapes (tundra-steppe, deserted tundra) in the center of the Russian Plain. This period was characterized by dry climates, cold winters with little snow, and the abundance of mammoth fauna. The Upper Paleolithic populations successfully adapted to these harsh conditions. Moreover, they created the cultures that represent the highest achievements of the Paleolithic epoch.

These cultures survived the peak of cooling (20-18 kya), but were not able to resist new global climatic changes. The giant floods caused by the thawing of the Late Valdai glaciers undermined the very base of their existence — the mammoth fauna. After this, the third stage of the Upper Paleolithic began, which in many respects was inferior to the previous one regarding its cultural achievements. Due to the nearly total absence of relevant sites, it is impossible to characterize this stage on the materials of the Kostenki-Borshchevo region.

A number of interesting observations can be made regarding the sociocultural adaptations in Kostenki during the MUP stage. From ca. 26 to 23 kya (the "Aurignacian episode") the region witnessed the co-existence of the typically Aurignacoid and typically Gravetoid industries. The presence of some industries with mixed inventory (Kostenki 9, Borshchevo 5/I) shows that societies with different cultural traditions were open for contacts. Quite a different situation is characteristic of the succeeding period. During many millennia the sites of the Willendorf-Kostenki culture (23-16 kya) co-existed in Kostenki with the sites of the Anosovka-Gmelin (22-21 kya) and Zamyatnin (20-16 kya) cultures. The former are concentrated exclusively within the limits of the Pokrovsky ravine, and the latter are found only outside it — in the Anosov ravine, on the first terrace of the Don, etc. No traces of mutual influence or contacts between them have ever been found. The only possible exclusion is a wooden handle found at Kostenki 11/Ia, which can be interpreted as a crude imitation of the elegant shovel handles from Kostenki 1/I. Thus, the behavioral strategies of the EUP and MUP people of Kostenki were very different.

The Kostenki-Borshchevo region occupies a truly unique position in the study of the Upper Paleolithic, because it is here and only here that the main tendencies in the development of cultural and historical processes that took place in Eastern (and partly Central and Western) Europe during the EUP and MUP can be recorded in their most concentrated form. The materials of the Kostenki-Borshchevo sites should not be perceived as a disorderly alternation of cultures. By and large, the analysis of these materials reveals regularities comparable to those observed in other parts of the European continent.

We are immensely grateful to the members of Kostenki-Borshchevo archaeological expedition and to all Russian and foreign scientists who treated the data. We would particularly like to thank Ph. D. John Frank Hoffecker (Institute of Arctic and Alpine Research, University of Colorado) for his extremely fruitful work in Kostenki and help in the organization of lab analysis.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Поляков И.С.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ И ВОСТОЧНУЮ РОССИЮ, ИСПОЛНЕННАЯ ПО ПОРУЧЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК (ГЛАВА 2)[1]

Раскопка, произведённая в 1878 году около села Карачарова графом А.С. Уваровым и мною, с поразительной ясностью убедила нас в том, что некогда, во времена от нас чрезвычайно отдалённые, здесь, в Отечестве Ильи Муромца, человек существовал совместно с мамонтом, носорогом и другими ископаемыми животными. Доказательства были настолько убедительны, что подобный вывод неизбежно приходилось распространить и на иные пункты России — такого же совместного сосуществования человека нужно было ожидать и в других местах, где находятся кости вымерших делювиальных животных. Оправдательного приговора нашему выводу не пришлось долго ожидать, помимо находок в Полтавской губернии и в Польше. Дело в том, что в различных географических работах о России весьма часто приводилось указание Гмелина на бывший некогда в Воронежской губернии город Костенск, который будто бы от изобилия находимых в нём костей получил свое название. Желание убедиться в том, действительно ли бывший некогда город Костёнск изобилует ископаемыми костями, которые могли сами по себе представлять для меня высокий интерес, равно как надежда узнать, не сопровождаются ли эти кости какими либо остатками человеческой деятельности — составили цель моей поездки из Тулы в Воронежскую губернию. И я должен прибавить, что результаты этой поездки превзошли всякие, даже самые смелые ожидания.

10 июня я был уже в Воронеже и, как в этот день, так и в следующий, обращался за ближайшими справками относительно Костёнска к представителям местной администрации; но при всём отменном ко мне внимании, как административных, так и частных лиц, я не добыл ничего нового относительно Костёнска. Этого города уже не существует: по описаниям он превращен в село Костёнское; но это название также никому не известно. На картах я нашел село Костёнки, которое и оказалось бывшим некогда городом Костёнском. Но чтобы в нем находились какие-либо кости или тому подобные «редкости» — об этом решительно никто не знал. Мне снова пришлось обратиться к Гмелину и остановиться на его указаниях из «Путешествия по России для исследования трех царств естества, 1771 года». К счастью, я нашел эту книгу в местной публичной библиотеке. Наблюдения Гмелина относятся к 1769 году, следовательно, сделаны ровно 110 лет тому назад. На странице 53, от 1 ноября он говорит: «Уже давно известно, что в окрестности города *Кастинска*, лежащего на Дону в 30 верстах от Воронежа, находят мамонтову кость. Дабы тем лучше о сём удостовериться, поехал я туда, и по приезде моем на место, как скоро начали копать, то на песчаном берегу реки Дона немедленно оказались беспорядочно разбросанные слоновые кости. Зубы, челюсти, рёбра, лбы, стегна и берцы, не окаменелые, но в естественном своем состоянии, или от долговременности трупооореховатые, лежали на 3 локтя в глубину и около 40 сажен в длину. Кроме слоновых остатков, не мог я найти никаких костей от других зверей, и при том совсем невозможно мне так же было собрать полный скелет. Жители заражены ложным мнением о ве-

[1] Текст главы воспроизведён в современной орфографии по изданию: Записки Императорской Академии наук. Прил. к т. XXXVII. С.-Пб. 1880. С. 9–43.

ликом подземном четвероногом звере, которого бытие открывается после его смерти. Хотя и не можно доуметься, откуда бы зашли слоновые кости в сии страны, где ныне не малейшего их следа не находится, по крайней мере, известно, что такое оные суть, и следовательно, рассеянные о том басни не могут нас более привести в заблуждение.» Затем Гмелин и впоследствии не забыл ни Костенска, ни находимых в нём «слоновых костей»; он посвятил этому ещё следующие строки:

Стр. 119, *от 10 апреля.* По полудни отъехал я с г. Д. Гильденштетом из *Воронежа* и в глубокую ночь приехал в Кастинск, на 30 верст отстоящий от Воронежа городок, о котором я уже, объявляя о слоновых костях, упоминал.

«От 11 апреля. Сего утра потребовал я от воеводы работников, дабы ещё осмотреть положение костей и увериться, с надлежащей ли точностью вызнал я в первый раз свойство оных? Хотя и начали уже копать; но, как берег покрыт совсем был выступившей сильно водой, то сие обстоятельство было причиною, что не можно было сию работу продолжать на прежнем месте, ниже избрать то же самое положение. Таким образом учредил я, чтоб, удалясь от берега на два аршина, предприняли сие дело; однако в той же самой линии с примеченным мною местом, где я прошедшей осенью нашёл слоновые кости. При том употребил я сию предосторожность, чтоб с самого начала рыли землю в глубину и с обеих сторон. После верхнего слою следовал даже до уподобляющейся на берегу реки Дона земли, которая в глубину занимала около сажени, более или менее перемешанный с песком мергель, так что я никакой другой земли приметить не мог. Казалось, правда, как будто в глубину на два аршина примешено было несколько глины, простирающейся вглубь почти на два дюйма: однако скоро потом оказались опять мергель и песок, а глины не можно было открыть никаких более следов. Как при копании до того довели, что сравнялись уже с берегом, то в трёх разных местах подле воды велел я рассматривать песок, и для того копать глубже, в том мнении, что я опять увижу найденные мною прежде слоновые кости, хотя работники, изведав, как они сказывали, чрез долговременное искусство, уверяли, что сей труд будет тщетен. Самым делом, они говорили правду, ибо по продолжавшейся через два дня работе совсем не видно было никаких тому признаков, и я не без причины стал думать, что занимаемое оными место весьма малое пространство в себе заключает, и что помянутые кости лежат, покрыты песком, без примесу другой земли. Может статься, что река Дон, разлившись сильно, унесла их с собою; но полно я совсем не мог найти следов ни одной кости, хотя бы то была истлевшая или на части разделённая. Мне было надлежало прежде, то есть при случае объявления, о сих костях упомянуть, что опричь того места, где оные в таком множестве находятся, не можно ни в верху, ни в низу открыть ни малейших примет их присутствия. Какая же была тому причина, что их положение занимает столь малое пространство? И каким образом оно к тому определено, чтоб толь великое их число вместить в свои пределы? Кто видел слоновый скелет, и находящиеся при *Кастинске* кости захочет с ними сравнить, тот ни мало не сумневаясь, почтёт их за настоящие остатки от слонов: ибо кто станет против сего спорить, чтоб сходствующая во всем со слоновыми кости не были прежде самым делом слоновые части? Таким образом, в рассуждении вещи довольно известно, какого она свойства: однако сим вопрос еще не решён: но остаётся показать, откуда взялись сии слоновые кости. В кунсткамере при Императорской Академии Наук показывают великое оных множество, которые в разных странах Российского Государства, особливо в Сибири, найдены. Удивительно, что их по большей части, или, так сказать, почти всегда открывают при берегах рек. Разве в самые древнейшие времена случилась всеобщая перемена и обращение вещей на земном шаре; или другое какое особенное приключение подало причину к скрытым под землёю в сих странах костям? Может легко статься, что находящиеся в Сибири и на *Дону* одинакого происхождения. Возможное дело, что слоны, видя себе погибель, удалились из своего отечества, и померли в более или менее отдалённых южных или северных странах. Близость *Персии* может, конечно, привесть нас на сии мысли в рассуждении находящихся на Дону слоновых костей; а из сего не трудно вывесть, что иные слоны уклонились далее на север, и там погибли. Сколько мне известно, то в Сибири никогда толь великого множества слоновьих костей вместе не находили, как здесь; но оные рассеяны были по разным местам. Если сие в самом деле так находится, то мои догадки несколько подтверждаются. А что речные берега обычно бывают местом погребения слонов, то кажется, сие с великой вероятностью можно изъяснить, что вода, разлившись, влечёт за собою мёртвые их тела. И так, хотя мы подлинно не знаем, каким образом они сюда зашли; однако в сем нет никакого сумнения, что на Дону находятся слоновые кости».

Эти показания Гмелина относительно нахождения в Костёнске костей мамонта, — он называет их слоновыми потому, что тогда ещё не отличали вымершего ископаемого гиганта от ныне живущих его собратьев, — в высшей степени интересны. Из них видно, что кости действительно были находимы на правом берегу Дона и на громадном протяжении, как в этом удостоверился исследователь, посетив

Костенск в первый раз, в начале ноября. Вторая раскопка его в Костёнске кончилась неудачно. Но при этом Гмелин указал на ряд почвенных условий, среди которых он производил раскопку; по ним можно приблизительно определить место, около которого производилась раскопка. В то же время Гмелин вдался в рассуждение относительно истории происхождения костей, не зная, что мамонт — коренной абориген наших стран, а не слон, которому бы было необходимо идти из тёплых стран в холодные искать себе погибели. Точно также замечание знаменитого путешественника прошлого столетия о том, — «что опричь того места, где оные — кости — в таком множестве находятся, не можно ни в верху ни в низу открыть ни малейших примет их присутствия» — требовало проверки. Эту именно проверку показания я и поставил себе задачей, благоприятное решение которой в смысле приращения научных истин повлекло за собою другие, ещё более поучительные результаты.

11 июня вечером я выехал из Воронежа, в сопровождении местного станового пристава, который, вместе со своими служебными делами, должен был также водворить и устроить меня в Костёнках, как ныне назывался бывший во времена Гмелина городок Кастёнск. Проводя ночь в селе Гремячем, на следующий день утром я был уже в Костёнках. Пришлось на первый раз остановиться в сельской избе, куда мой спутник собрал сельский сход для своих служебных целей. После решения разных мирских дел, был предложен, между прочим, роковой вопрос о костях. Как и следовало ожидать, ответ на него был получен отрицательный; представители сельского мира стояли на своем даже тогда, когда пришел к нам почтенный старец, о. Семен, состоящий в селе священником уже 35 лет.

– Нет! Нет! — какие кости!..

– Не видали, нет, — где!..

– Да, вот, было... — начинает один мирянин.

– Да что было?!.. — перебивает его другой, более авторитетный, и т.д.

Хотя показания местных жителей были бы для меня в высшей степени полезны и обеспечили бы предстоящие изыскания, тем не менее, настойчивость в вопросах я считал вполне излишнею; нужно было только терпение. Да и отрицания обывателей насчёт костей не были настолько существенны и решительны; сам тон их, выражение лица и позы говоривших, с неизбежным почёсыванием затылков, не лишали надежды на благоприятные результаты. Я переехал затем на постоянную квартиру и, оставшись один, должен был тотчас же приступить к обзору местности, среди которой расположено село Костёнки. По указанию одного рыбака, я осмотрел берег Дона, из которого весной вымываются кости больших зверей; затем обошел так называемый Чекалин овраг, в котором по рассказам тоже находят кости. По возвращении на квартиру, я нашёл у себя старуху с обломком кости мамонта, найденной также в Костёнках. Старушка получила за неё весьма «приличное вознаграждение», — в силу чего мне не пришлось долго ждать других приношений. К позднему вечеру в моём распоряжении была уже порядочная куча обломков от мамонтовых костей, с указанием места, где они были найдены, а также приблизительно с условиями нахождения. 13 июня я совершил экскурсию поперёк долины Дона и по левому его берегу; по приезде домой, нашел новый запас костей, найденных в разные времена крестьянами и крестьянками в Костёнках или в окрестностях села. На следующий день был осмотрен правый берег Дона, с его обрывами и лугами. 15 июня я обошёл вершины всех оврагов, лежащих около Костёнок, осмотрев при этом целый ряд обнажений почвы. После этих четырёхдневных странствий, я имел возможность более или менее ознакомиться с топографией местности, с распределением почв, а вместе с тем получил указания относительно мест, в которых залегают ископаемые остатки.

Кости были находимы местными жителями при рытье погребов и других ям, также при добывании глины; кроме того, они обнажались в берегах в тех случаях, когда они были подмываемы водами р. Дона, во время его половодья; обнаруживались также кости в оврагах и т.д. Разбирая условия залегания костей, я пришел к тому заключению, что в одном случае они лежат в тех именно местах, где животное погибло или кончило свое существование, в другом они находятся во вторичных пластах, будучи увлечены, в особенности водой, из своего первоначального местозалегания. Случаи второго рода мне пришлось наблюдать много раз; кости лежали одиночно, даже в разных слоях, не сопровождаясь никакими человеческими остатками. Интереснее для меня было найти кости в их первоначальном положении и для этого мне предстояло сделать раскопку. Но так как остатки вымерших животных лежат на различных высотах, начиная от уровня Дона до вершин оврагов, восходящих на высоту, большую 200 футов, то при этом необходимо было взять во внимание топографию всей местности.

Как и у большей части наших рек, у Дона правый берег возвышенный; на эти высоты правого берега я выехал в первый раз на пути из Воронежа, около селения Гремячего, до которого дорога шла сначала по высотам правого берега р. Воронежа, затем по лугам, расстилающимся в долине Дона. Подъезжая

к Костёнкам, по пути от Гремячего, можно вполне ясно видеть, что высоты правого берега в здешнем месте образованы отложениями меловой эпохи. Меловые образования, будучи подмыты водами Дона, представляют к его долине целые ряды крутых обрывов. В то же время, возвышаясь над уровнем долины футов на 240–250, они в виде плоской возвышенности уходят на запад от реки. На всей своей поверхности плоская возвышенность покрыта, сверх меловых отложений, толщами глины, имеющих иногда до нескольких сажен мощности; в глине весьма часто встречаются валуны из диорита, а также из гранита, который во многих местах представляется почти рассыпавшимся в дресву; в числе валунов встречается и красный шокшинский кварцит, с весьма заметными на нём ледниковыми шрамами и штриховатостью. Вообще, эти глины с валунами, которые я мог наблюдать в обнажениях, в особенности в вершине Покровского оврага, на протяжении многих верст, нельзя не принять иначе, как за продукты отложения ледникового периода. И весьма интересно то, что уже на этих глинах лежит пласт чернозёма, изменяющийся в своей мощности от полуаршина до двух.

При спуске с возвышенности к берегу Дона заметна терраса, состоящая из толщи глины, в которой мне не приходилось замечать валунов; не заметно также в этой глине слоеватости. На подобных преимущественно глинах расположено село Костёнки; можно сказать, что это — вторая терраса на берегу Дона, никогда не заливаемая его разливом. В виде первой террасы, ныне обыкновенно заливаемой водой, является целая долина лугов в долине реки. У подошвы правого берега Дона, из-под слоя глины бьют источники; вода их прохладная даже летом, имеет светло-молочный или серый цвет. Иногда подобные ручьи, выходя на поверхность почвы, размывают себе овраги, которые в особенности увеличиваются, благодаря дождевым и снеговым водам. Из ручьёв, перерезывающих высоты правого берега в Костёнках, замечательны три: Чекалин, Покровский и Александровский. Каждому из этих ручьёв соответствуют овраги, служащие им долинами; наиболее огромный овраг Покровский, дробящийся в своих вершинах на целый ряд второстепенных ветвей. Отложения этих ручьёв весьма характерны; само собою разумеется, они слоисты и состоят из глины, красноватой или серой, иногда с гальками из белого мела, или же с примесью чернозёма, снесённого сверху и окрашивающего глину в черноватый цвет; иногда же ручьи отлагают щебень из более или менее чистого мела. Левый берег Дона, против Костёнок, отложе, чем правый; он начинается пологими песчаными холмами, которые далее, к востоку, вглубь материка, становятся более возвышенными. Впрочем, в некоторых местах и по левому берегу почти непосредственно от долины начинаются высокие холмы, с крутыми скатами к реке, например, около деревни Каменки, ниже Костёнок. Толщи чернозёма на холмах по левому берегу менее значительны, чем по правому.

Кости ископаемых животных, с различными при них остатками, находимы были мною исключительно на правом берегу Дона, если не принимать во внимание находок, сделанных мною на чернозёме, что имело место и на левом берегу. Но прежде, чем приступить к описанию пунктов, в которых кости были найдены, я должен сказать, чем объясняют их изобилие местные жители Костёнок. По их рассказам, жил некогда на земле зверь, по названию *индер*. Однажды он подошёл из глубины материка к Дону; голова его была у вод реки, туловище тянулось по всему Чекалину оврагу, с вершинами которого кончался хвост животного, так что великан, сообразно с длиной оврага, имел более двух вёрст в длину. Индер должен был перейти на другой, противоположный берег Дона; но так как за чудовищем шли его дети, и он боялся, что при переходе через реку они могут потонуть, то он «вздумал перепить Дон». И действительно, он начал пить, река стала уменьшаться и наконец стала не больше Чекалина ручья. Тогда зверь подумал, что пора переходить и чтоб дать знать об этом детям и заставить их идти, он оглянулся назад, но в это время от натуги лопнул, так что кости его разлетелись на большое протяжение. Одни рассказывают, что их разнесло на семь верст, другие — на тридцать семь; вероятно, при этом, что обе стороны основывают свои показания на действительных случаях нахождения костей индера на указанных расстояниях, относя кости различных особей к одному баснословному чудовищу, сообразно вышеприведённому об нём рассказу. Сказочные размеры индера настолько занимательны и поразительны для детского воображения, хотя иногда и старых рассказчиков, что действительная величина мамонта-индера кажется им ничтожною и невероятною, вызывающею вопрос: «неужели он был такой маленький?» Предание о мамонте, как о животном подземном, приведённое Гмелиным, в Костёнках мне слышать не удалось; хотя известно, что сходный с этим рассказ о мамонте существует у якутов Восточной Сибири и у многих других азиатских народов.

Я лично осмотрел несколько пунктов, в которых кости мамонта залегали, будучи перенесены из своего первоначального положения. Обнажение в Чекалином овраге было одним из таковых. Сверху лежал толстый слой чернозёма; мощность его не превосходила 11 вершков (0,5 м); в некоторых местах она была значительно меньше, притом внизу слоя была примесь песка и гальки. Затем наклонно, клином

лежал слой из чистой белой меловой гальки; другой слой гальки направлялся клином в противоположную сторону; в первом были заметны прослойки из перегнившей растительности. Под ними ниже лежала серая глина в виде фигуры, напоминающей в продольном разрезе треугольную шляпу; под этой же глиной лежал снова глинистый пласт, содержащий белую меловую гальку, как это было видно в одном уже раньше названном слое. По тому же оврагу в разных местах можно было видеть нанос наслоенным несколько иначе; так, серая глина лежала непосредственно под чернозёмом; изменилась она и по оттенкам, так же, как и другие пласты глины. Одним словом, здесь виден нанос быстротекущего горного источника; вода во время своего весеннего половодья, после таяния снегов, быстро стремится к крутому скату с высот к уровню Дона; на пути она захватывает встречающийся ей материал, в особенности же мел, обнажения которого находятся в вершинах оврага, и галька из которого так часто распространена в наносах; размывает она и пласты чернозема, раствором которого так часто окрашивает свои осадки. Порядок расположения слоёв в вышеописанном обнажении совершенно такой же, какой мне пришлось видеть в различных горных странах Сибири и Кавказа; вышеописанный нанос не принадлежит к особенно древним. Тем не менее, в нём были найдены мною кости мамонта; они лежали в вышеназванном слое серой глины, на глубине около 2 метров (немного меньше сажени). Кости были сильно раздроблены, так что в большей или меньшей степени сохранились в целости тела позвонков; при них не было никаких остатков человеческой деятельности.

Второй пункт, в котором были найдены кости при условиях, подобных вышеописанному случаю, — это берег Дона, недалеко от выхода Чекалина ручья в долину реки, на так называемом Глинище. Во время лета Дон отступает довольно далеко от этого места, в половодье же воды его подходят непосредственно к Глинищу, которое в таком случае служит берегом. При размывах, из берега выступает всегда более или менее значительное количество костей; в одном из пунктов, где они попадаются после разлива реки наиболее часто, я произвел раскопку и убедился в справедливости показаний местных жителей. Кости были раздроблены и находились в глине на значительной глубине; сама же глина имела серый цвет, была, может быть, слегка песчаниста и частью слоиста. Вообще, по виду её можно заключить, что она — продукт водного отложения и кости в ней замыты; они не сопровождались остатками человеческой деятельности. Место, подобное Глинищу, было, вероятно, раскопано Гмелиным.

Был осмотрен мной ещё один пункт на берегу Покровского ручья, по левой его стороне, почти на краю Костёнок. Один из крестьян рыл погреб и встретил при этом большое количество костей мамонта. Кости были расположены в слое, в состав которого в изобилии входил мел в виде гальки и щебня. Но орудий здесь, как и в предыдущих местах, встречено не было. Не буду, впрочем, перечислять дальнейшие места, в которых встречаются кости ископаемых животных; укажу только на берега Александровского ручья, также на самый берег Дона, на второй террасе. Нужно упомянуть и о том, что кости находятся под чернозёмом на самой плоской возвышенности. Образчики костей из этих мест были доставлены мне крестьянами; по внешнему виду костей видно, что они подвергались действию воды, лежали в слоях наносных; впрочем я не производил здесь раскопок, по недостатку времени, хотя и уверен, что существует ещё много пунктов, где кости находятся в их первоначальных местозалеганиях, к описанию каковых и обращаюсь.

Пункт, на котором я должен был, после всех моих разведок в селе Костёнках, сосредоточить свое главное внимание, лежал на левом берегу Покровского ручья, недалеко от его выхода в долину Дона. Как и с правой стороны, слева от впадения Покровского ручья в долину Дона поднимается высокая гора Коновалова; более или менее круто понижаясь, она образует мыс, по одну сторону которого лежит долина Дона, по другую долина ручья. Вся гора меловая, оконечность её или мыс соответствует второй террасе и состоит из серой глины. Здесь мне нужно было избрать местечко, которое не было бы подмываемо ни донскою водой, ни ручьевой; такой пункт скоро нашелся, и мне представился удобный случай начать в нем систематические раскопки. Дело в том, что псаломщику Фёдору Абрамовичу Мануилову, большому любителю пчёл, нужно было выкопать *амшаник*, яму, в которой сохраняются пчёлы во время зимы. Я с удовольствием взял на себя эту работу. Новый амшаник нужно было выкопать около старого, который уже давно заброшен, завален мусором; густая чаща вишнёвнику раскинулась теперь там, где прежде проводили зиму медоносные насекомые. По рассказам, в старину, когда рыли этот амшаник, находили здесь много костей. Фёдор Абрамович, под каковым именем его знает все село, отвёл мне местечко, сообразное с его хозяйственными потребностями, обозначив его четырьмя, воткнутыми в землю палками. 16 июня с 8-мью нанятыми рабочими, я принялся за дело; исполнение моих надежд послужило мне лучшей наградой за работу. Я вырыл помещение для трудолюбивых насекомых в той самой почве, на которой некогда совершалась жизнь самая своеобразная, самая поучительная. И очень может быть,

что пчёлы по многим фактам своего общественного благоустройства превзойдут того человека, который оставил следы своего существования в глубине земли на слое глины, послужившем основанием для их нынешнего жилища.

Рано утром зазвенели заступы и железные лопатки моих рабочих; на пространстве, отведенном мне Фёдором Абрамовичем, я проложил канаву. Пришлось снимать слой чернозёма, оказавшийся весьма толстым и в то же время тучным. На глубине его, около полуаршина, начали попадаться мелкие осколки кремней, очевидные остатки каменного века, но только новейшего периода; изредка встречались даже обломки довольно грубой глиняной посуды; эти вещи не представляли, впрочем, для меня особенного интереса, так как таковые я уже не раз находил в окрестностях Костёнок. Тем не менее, они не переставали показываться в чернозёме до глубины около аршина; затем прекратились — наступила безотрадная пора раскопок. Внизу пошел слой чернозёма, не содержащий никаких, ни человеческих, ни животных останков. Наконец к вечеру, когда весь слой чернозёма, мощностью от 1,15 м до 1,4 м (1 арш. 10 верш. до 2 арш.) был снят, обнаружилась серая глина, а вместе с нею те ископаемые остатки, которые произвели на меня неизгладимо глубокое, потрясающее впечатление. В глине, как раз на границе её с чернозёмом, я начал встречать первоначально типичные кремнёвые осколки каменного века, потом заметил глину, перемешанную с золой и втиснутыми в неё кремнёвыми осколками и, наконец, тут же рядом были найдены осколки коренных зубов и лопатка мамонта. Таким образом, к концу работ первого дня были вырыты мною из глубины почвы самые неопровержимые доказательства того, что здесь, как и во многих других местах, — на р. Удае Полтавской губернии и около Карачарова, Владимирской губернии, — человек не только существовал вместе с мамонтом и охотился на него, но даже больше, он преследовал его шел по пятам за ним. Мамонт же, этот гигант делювиальной эпохи, был как бы единственным животным, на которого были обращены все взоры, силы и внимание человека; можно сказать, что человек был хищным спутником мамонта в такой же степени, как, по выражению покойного Ф.Ф. Брандта, ископаемый носорог был его вечным товарищем «ewiger Begleiter» — по распространению; впрочем, в пользу последнего, сказать между прочим, я не нашёл пока здесь доказательств, признавая всю справедливость выражения покойного академика по отношению к другим местностям.

Все последующие дни приносили мне всё большую и большую массу доказательств в пользу заключения, сделанного мною в первый день. На следующий день я раскопал остальное пространство, отведённое под амшаник, снявши первоначально всю толщу чернозёма, в верхней части которого также содержались орудия; затем следовал промежуток в нижних частях без осколков кремней, наконец, глина, давшая мне ещё большую массу орудий и костей мамонта. Как кремневые осколки, так и очевидно обделанные орудия отличались своим чрезвычайным изяществом. Кости, принадлежавшие преимущественно мамонту, были различных сортов; здесь находились рёбра, трубчатые кости, вероятно, разбитые, коренные зубы, бивни и пр. Как орудия, так и кости не были рассеяны на всём пространстве равномерно; были пункты, где они не встречались, в других лежали одиночно; но в некоторых местах они были скучены и притом так, где кости, там и орудия и другие следы пребывания человека или обратно, тогда будут и кости. Это правило было до такой степени очевидно, что мои рабочие, совершенные скептики по отношению ко всем моим предприятиям и словам, быстро его усвоили. Обыкновенно занятый выборкой орудий из глины, выбрасываемой из ямы, я нередко слышал возглас того или другого из рабочих: «Барин, маслы (кости) пошли!» — кричавший уж знал, что будут орудия, нужно было мне спускаться в яму самому и вести раскопку собственными руками или же непосредственно наблюдать как за положением остатков, так и за действиями рабочего. Случалось и обратно, — «барин, кремни пошли!» — значит, кости будут, снова нужно лезть в яму. Это соотношение в изобилии костей и орудий сопровождалось другим, в высшей степени важным обстоятельством; в таких именно местах, изобилующих костями и орудиями, появлялась зола и в большом количестве пережжённые кости, угли а также пережжённые камни; очевидно, в таких пунктах человек жил и разводил огонь; здесь он сидел, отдыхал и грелся, также готовил себе пищу. Замечательно ещё то, что в одном из таких мест, где кости были скучены, костяных углей и перегорелых камней было изобилие, — я добыл часть мамонтовой тазовой кости с вертлюжной впадиной. Впадина этой кости была обращена вверх; похожая объемом и формой на весьма порядочную чашку, она была заполнена золой и пережжёнными костями, как будто она служила первобытному человеку посудиной, на что и в самом деле существует большая доля вероятности. Но есть ещё не менее значительный факт, указывающий, что в подобных случаях мы имеем дело с пепелищем, оставленным человеком. Из числа орудий, встречающихся обыкновенно с массой костей, золы и угля, большая часть — самые лучшие экземпляры, хорошо, даже изящно обделаны. В других же местах, где мало костей, встречаются только осколки кремня; значит, около пепелища человек употреблял орудия

в дело, здесь в то же время он готовил их, отбрасывая осколки в сторону от очага. К концу второго дня амшаник был почти готов; это была яма в пять с половиною аршин, около 4 метр. в длину, в четыре с небольшим аршина, или 3 метра в ширину и в 2 аршина, 6 вершк. (1,7 м) в глубину. Яма имела, в общем, вид четырехугольника; один из углов её был обращен на север, и в нём-то было сосредоточено наибольшее количество костей с пеплом и орудиями. Другой угол, где также орудия и кости были скучены, но в меньшей степени, чем в первом, был обращен на юг. Оба пункта с костями и пеплом отстояли друг от друга не больше, как на 3 аршина.

На третий день я нашёл необходимым проложить новую канаву, вне амшаника, на северо-запад от него, так как в вырытой раньше яме, во время двух первых дней, кости преимущественно попадались, кроме северного угла ямы, и по северо-западной её стороне. Канава была вырыта 18 июня параллельно северо-западной стороне амшаника; она имела также длину около 4 метров, с шириною до 1,4 м (около 2-х аршин). Мы сняли слой чернозёма, в верхней части которого встретили большое количество кремнёвых обломков; затем следовал, как и при всех других, раньше произведённых раскопках, нижний чернозёмный слой без остатков каменного века; в слое глины — опять орудия и кости. Канава была проложена на расстоянии около 2 аршин от первой; проложить её ближе не было возможности, так как по среди обеих ям лежал плетень, разделяющий владения Фёдора Абрамовича от его соседа, крестьянина Фокина. Во вновь вырытой яме кости первоначально начали попадаться на стороне, обращённой к амшанику, нами вырытому, так что стена, разделявшая две ямы, была впоследствии нами значительно подрыта и для забора представлялась некоторая опасность обрушиться. Но ещё в большем изобилии кости с орудиями начали попадаться с северо-восточном конце канавы, именно в том, который ближе всего прилегал к северному концу раньше вырытого нами амшаника, который, как я уже сказал, также отличался изобилием остатков человеческой деятельности. Около этих именно мест я сосредоточил внимание на четвёртый день; так в новом амшанике был подрыт угол к старому амшанику, а в соседней канаве был сделан значительный подкоп к близ лежащей риге и вообще, во всем северо-западном конце ямы было вырыто большое расширение, которое почти подходило к северному концу нашего амшаника. Эти последние пункты были как бы центром изобилия всех ископаемых остатков; из костей здесь преобладали бивни мамонта; в большинстве случаев они были поломаны на отдельные куски и лежали или горизонтально, или же торчали из земли почти стоймя; некоторые большие куски бивней были поломаны очевидно уже после того, как были оставлены человеком; обломки лежали рядом, и место излома одного куска соответствовало другому. Благодаря этому, я мог составить значительные куски, а в одном случае собрал почти целый бивень, принадлежавший одному молодому экземпляру. Вообще, как бивни, так и другие кости относились к экземплярам мамонтов разных возрастов, начиная от самого юного до вполне совершенного. Несмотря на то, что бивни сохранились весьма плохо, часто распадались в труху и щепки или на пластинки, совершенно теряя свой первоначальный вид, я успел выбрать, составить и привезти в Петербург для образчика обломки бивней трёх экземпляров мамонта, вполне различных возрастов; притом очевидно, как бивень самого юного экземпляра лежит на другой, очевидно, трубчатой кости. То же самое можно было усмотреть и на коренных зубах: множество зубов были одной величины и принадлежали экземплярам взрослым; затем следовали зубы средних размеров, один такой был найден в полной целостности сидящим в лунке — альвеоле; наконец добыт зуб самого молодого экземпляра. Но не только разнообразие по возрастам, а и число экземпляров, от которых добыты остатки, можно усмотреть на лопатках; я вырыл до 15 штук лопаток или, сказать точнее, сочленительных впадин их, с прилагающимися к ним частями; я уже не говорю о различии их размеров и, следовательно, о различии возрастов животных, которым они принадлежали. Ясно и из лопаток, что здесь опять-таки были животные разных возрастов; главное же то, что из 15 лопаток — 10 штук относятся к одной стороне, левые лопатки; следовательно, здесь были остатки, по меньшей мере, 10 мамонтов. Десять экземпляров — это наименьшее число потому, что невозможно определить, принадлежали ли другие части лопаточных частей тем же особям; точно так же нельзя сказать, к тем ли же особям относятся коренные зубы, бивни и пр., найденные при той же раскопке. При этом замечательно то, что обломки лопаточных частей были сосредоточены по преимуществу в одном месте, именно в амшанике, где была найдена и тазовая кость с чашеобразной вертлюжной впадиной. Вообще нужно заметить, что кости были как-то сортированы, так как выше я уже указал пункт, в котором по преимуществу были сосредоточены бивни. Третий и четвёртый день дали вместе с массою костей, преимущественно, бивней, и прелестнейшие каменные, кремнёвые орудия. То были скребки, с прекрасно, весьма правильно обитыми режущими краями; тут же были орудия, принадлежащие частью к ножам, частью напоминающие копья; концы их были ланцетообразны, обоюдоострые; притом ясно видно, что эти концы имели не всег-

да режущие края происшедшими от простого удара, но что здесь острие было обделано через целый ряд ударов, так, как впоследствии получалось острие у кремнёвых наконечников копий и стрел. Между этими орудиями, которые будут ниже описаны, около пепелищ находились также грубые камни, которым иногда придана топорообразная форма рядом ударов: эти камни напоминают Сант-Ашельские топоры; подобные же камни, грубо оббитые, встречались около Карачарова с костями ископаемых животных и с кремнёвыми обломками. Но есть ещё одно, в высшей степени замечательное обстоятельство — это топорообразные обломки коренных зубов мамонта. Дело в том, что на большей части костей можно легко отличить излом: т.е. свежий ли он, происшедший во время раскопки; или же, принимая в соображение положение костей в почве, произошёл после, под влиянием массы чернозёма, под его давлением; или же, наконец, можно сказать, что такой обломок имел тот же вид, когда ещё жил доисторический человек и что в таком виде вышел осколок из рук последнего. Есть случаи, когда последнее утверждать невозможно, относительно многих костей, довольно сильно разрушившихся, о других же — это возможно. К числу таких костей относятся — зубы мамонта, конечно коренные. Из всех костей мамонта они наименьше всего подвержены разрушению; доказательством тому служат два зуба, сохранившиеся ещё в альвеолах; один из них совершенно целый, другой с несколько разрушенной коронкой; сюда же нужно отнести зуб самого молодого экземпляра, совершенно целый. Все же другие коренные зубы, найденные при раскопках, были разбиты и, мне кажется, не без участия человека. Правда, зубы эти могут и естественным образом, под влиянием давления и некоторой степени гнилости, распадаться поперек, параллельно эмалевым складкам. Но все найденные мною осколки весьма крепки, прочно сохранились, так что не дают никакого повода думать о их самостоятельном распадении. И судя по их положению, мне кажется, что не было ни одного зуба, принадлежащего большому экземпляру мамонта и который бы человек оставил в целости, кроме зубов молодых животных, на которые я только что указал. Все весьма многочисленные осколки коренных зубов, принадлежащих большим экземплярам мамонта, были разбросаны в разных местах раскопок и притом, как и орудия, в большем количестве находились около пепелищ, там же, где встречались хорошо выделанные орудия. Вместе с тем, из всей массы нельзя было подобрать хотя несколько, из которых бы можно было составить хоть один зуб или только часть его. Рядом лежало нередко множество осколков, о которых можно было сказать, что они очевидно относятся к различным зубам, а не к одному или двум, тут же на месте распавшимся. По самым плоскостям излома было напротив очевидно, что они старинные и именно в таком виде оставлены человеком. На мысль об участии человека в разбивке зубов наводит и преобладающая форма осколков: они в плоскости имеют вид овала и весьма напоминают каменные топоры новейшей эпохи каменного века: и в самом деле, будучи прикреплёнными к черену, они весьма легко могли заменять частью топоры, частью молот, как и те грубо оббитые камни, которые рядом с ними находились и, как я сказал, напоминают Сант-Ашельские топоры. У некоторых из топорообразных осколков мамонтовых зубов края несколько оббиты, указывая на то, будто осколки в самом деле употреблялись, заменяя топоры. Рядом с топорообразными осколками встречались в громадном количестве весьма мелкие, происшедшие может быть частью от разрушения некоторых зубов, но вероятно также и от работ инструментами из зубов мамонта.

Весь материал, касающийся истории человека и мамонта, вырыт мною сравнительно с небольшого пространства; тем не менее, в нём можно усмотреть целый ряд поразительных данных а отношениях первобытного человека к животным, весьма давно вымершим. Имея в виду всё вышесказанное, едва ли можно сомневаться в том, что человек жил вместе с мамонтом, составляющим для него господствующую пищу. Кости мамонта, найденные около пепелищ, суть действительные кухонные остатки первобытного человека. Но прежде, чем набросить хоть слабый контур картины из жизни человека глубочайшей древности, я должен сказать, что попавший в мои руки материал может быть ничтожен, сравнительно с тем его количеством, которое до последних времён сохранилось в недрах земли, в селе Костёнках. Кости и орудия были собраны мною с небольшого пространства, в несколько квадратных сажен; здесь по крайней мере в трёх местах были самые неоспоримые следы огня, с углями и золой и, так сказать, с кухонными остатками. Далее на северо-восток от вырытого нами амшаника, на расстоянии одного или двух аршин, лежал старый амшаник, ныне заваленный и заросший вишнёвником; при рытье его, по рассказам, также находились кости, с совершенно таким же характером, как и вырытые мною в новом, с орудиями. Поэтому едва ли можно сомневаться в том, что и в старом амшанике были также остатки следов человека, как и в новом. Затем в северо-западном конце канавы, параллельной новому амшанику, кости были найдены в наибольшем изобилии, но вести раскопку дальше было невозможно: с одной стороны был уже старый амшаник, с другой, куда именно направилась масса костей,

стояла рига, строение, подкоп под которое повлёк бы за собой много неприятностей со стороны хозяев; но также несомненно, что кости распространялись и под ригу. Все работы по исследованию доисторического человека пришлось мне заключить так, чтоб это не было убыточно для современных обитателей ската, лежащего по левому берегу Покровского ручья. Так, по рассказам, во дворе того же крестьянина Фокина, во владениях которого лежала канава около нового амшаника, при рытье погреба была встречена большая масса костей. Здесь, с одной стороны, около погреба представилась мне возможность проложить канаву, без вреда постройкам хозяина; яма имела так же около 4-х метров в длину, с шириною около одного метра; на глубине 1½ метра в слое, лежащем между черноземом и глиной, я нашел снова кремневые осколки, в числе пяти штук, затем кусочки перегорелых костей и наконец мелкие осколки от коренных зубов мамонта. Хотя на массу костей я не наткнулся, (может быть она направилась в какую-нибудь другую из остальных трех сторон от погреба), тем не менее, найденные мною и вышеназванные мелкие остатки убеждают, что человек эпохи мамонта жил и здесь, разводя огонь, работая и правя свое оружие, это в каких-нибудь саженях 50–60 от места первой раскопки. Наконец, укажу на третий пункт, который лежит к северо-востоку от вырытого мною амшаника, на расстоянии приблизительно 200 саженей от него, во дворе крестьянина Григория Шаева. Несколько времени тому назад здесь был вырыт так же погреб, при рытье которого были найдены и кости. Спрашивая хозяйку, которая рыла погреб и вынимала кости, из которых некоторые я получил, были ли находимы с костями «кремешки», я получил ответ, как и во многих других случаях:

– Не знаю, может, и были, да я не смотрела, ведь нам это «не-к-чему».

Проложивши канаву около погреба, именно около той его стороны, где, по указанию хозяйки лежали кости, я сам убедился в истине; хозяйкой была вырыта только часть; на остальной запас костей наткнулся я; кости лежали на той же глубине, как и во всех вышеописанных случаях, только сверху чернозёма был навален мусор от здания, бывшего некогда около этого места. Из костей встречались исключительно только трубчатые, также кости ног, те же трубчатые были доставлены мне самой хозяйкой. Но золы и углей не было найдено здесь; однако же между костями было найдено несколько кремнёевых обломков, которые и указывают, что гибель животного, оставившего здесь свои кости, находилась в связи с участием человека. Итак, очень может быть, что здесь не было человеческого жилища, человек не разводил здесь огонь; убив животное, взяв лучшие его части, он оставил излишек. В высшей степени интересно то, что на одной из вырытых здесь костей я нашел следы зубов небольшого хищника, вроде хорька или ему подобного; это именно доказывает, что кости лежали ещё свежие и, может быть, с мясом — в некоторой дали от человеческого жилья и доставляли пищу диким животным, так как предполагать домашних животных у тогдашних людей вполне невероятно.

Таким образом, все три раскопанные мною пункта указывают на весьма тесное отношение доисторического или, сказать точнее, палеолитического человека к мамонту; и, действительно, нужно согласиться, что человек преследовал гиганта на всех пунктах, видя в нём главную добычу для своего пропитания. Что человек питался мамонтом, это видно из разбитых его трубчатых костей, встречающихся около пепелищ; там, где кости встречаются вдали от жилья, они остались не расколотыми; в таком виде найдено большинство костей во дворе Григория Шаева, о которых, как я сказал, нужно думать, что они были оставлены, может быть, даже с мясом. И трудно было бы остановиться на ином заключении, кроме того, что человек стаскивал кости мамонта к своему жилью для своего пропитания, в виду имевшегося на них мяса, частью же для того, чтобы иметь их при себе, как орудие. Человек того времени обладал, очевидно, аппетитом в большей степени, чем современный; чем же он мог питаться, кроме мамонта? — Кости других животных около пепелищ составляют ничтожную величину; сам Гмелин находил кости исключительно мамонтовые; притом другой из современников тогдашнего человека был медведь, повидимому, обыкновенный бурый; от него я нашел между костями весьма хорошо сохранившийся клык; затем тут же был, вероятно, ему принадлежавший обломок кости ноги, окорок от которой, очевидно, разнообразил кухню палеолитического человека; сохранился еще обломок кости, трубчатой, животного, равнявшегося величиной волку. Можно конечно предположить, что кости мелких животных или даже средней величины вполне разрушились от времени; такое предположение справедливо только частью, ибо между костями мамонта я нашел маленький клык, принадлежавший хищнику, похожему на хорька или куницу, такому именно, следы зубов которого я нашел на мамонтовой кости, вырытой во дворе крестьянина Фокина. При всем этом, оценивая пищевой материал первобытного человека, не нужно забывать и того, что он едва ли мог шкурой мамонта прикрывать свою наготу или делать из неё себе одежду, которая так же была для него необходима, как и пища. В этом отношении для него была гораздо полезнее шкура медведя, ценимая ещё и до сих пор, или же шкуры других хищников, до хорька

и куницы включительно. Можно с другой стороны полагать, что едва ли первобытный человек оставлял без употребления, по отношению к защите от холода, и шкуру мамонта, покрытую густыми и длинными волосами; в виду этого соображения представляется только вопрос, мог ли тогдашний человек справляться со шкурой мамонта, так как мы знаем, что шкура ближайшего родственника этого вымершего толстокожего, нынешнего слона, с трудом поддается металлическому ножу, а остатки мамонтовой кожи, найденные в Сибири, скорее могут быть распилены, чем разрезаны. Конечно, первобытному человеку представлялось много работы со шкурой гиганта; но если он имел средства убивать его, то справляться с его шкурой было делом второстепенным, в особенности, когда человеку приходилось иметь дело с мамонтом в свежем его виде.

Вопрос о вероятном назначении шкуры мамонта в хозяйстве первобытного человека весьма интересен по отношению к мысли о его жилище; мы знаем, что до сих пор жители глубокого севера пользуются не только мясом убиваемых ими животных, но также и шкурами, идущими на одежду и в то же время на защиту от холода, при устройстве их жилища. Достаточно указать на зимние чумы остяков, самоедов и тунгусов: это — конус из более или менее высоких палок, одетый оленьими шкурами. Весьма вероятно, что нечто подобное было известно и нашему палеолитическому человеку, для которого одна мамонтовая шкура и с большим успехом могла заменить при устройстве жилища до десятка оленьих. Останавливаясь на таком предположении, я однако же очень хорошо помню пещерную теорию первобытного жилья, помню в то же время и то, что при обсуждении вопросов, касающихся глубокой древности человека, нужно прежде всего иметь в виду факты, а не теорию, хотя бы даже касающуюся пещерных жилищ, которую кстати сказать, в последнее время многие из занимающихся судьбами первобытного человека начали с увлечением переносить из богатых пещерами гористых стран Западной Европы на равнины Европейской России, где пока мы ещё не знаем с надлежащей точностью ни одной пещеры. Вполне отдавая справедливость сообразительности людей палеолитического периода, способностям их пользоваться всеми теми удобствами, которые создавала им природа, в том числе и пещерами, как жильём, где они находились, я однако же должен указать на три случая нахождения следов палеолитического человека в различных пунктах Европейской России, и во всех этих случаях человек жил на открытом воздухе; так было около Карачарова, около Гонцов на р. Удае и то же мы видим в Костёнках. Исключая опять-таки гористые окраины Европейской России, богатой пещерами, нужно сказать, что палеолитический человек сумел устроиться и в центральных её частях, бедных пещерами или их совершенно не имевших; отсюда следует, что во времена глубокой древности не одни только пещеры служили жильём человеку и что он для спасения себя от холода должен был устраивать себе жильё, хотя бы даже наподобие нынешнего самоедского или остяцкого, но только из шкур гигантских, ныне вымерших животных. Принимая в соображение массы костей, найденных мною в Костёнках, также прекрасные орудия, следует заключить, что человек палеолитического периода достиг на равнинах Европейской России значительного культурного развития. Очевидно, что он был сплочён в это время в порядочные общества; такого именно сообщества требовала охота на гигантских животных; с другой стороны, требовалось много усилий, и не нескольких только человек, собрать эту массу костей и многочисленных экземпляров мамонта, раскинуть ее на широком пространстве. На ту же общественность указывают несколько рядом лежащих пепелищ, или же это доказывает только то, что несколько семейств разводили себе огонь в разное время и в разных местах.

Громадный период времени должен был отделять нас от этой эпохи, когда жил человек палеолитического периода в окрестностях нынешнего села Костёнок; местность того времени имела совершенно иной характер, чем тот, который она имеет в настоящее время; тогда не существовало целых толщ почвы, составляющих ныне характерную особенность центральной России и обусловливающих её плодородие, — это чернозём; тогда не существовало этих громадных чернозёмных толщ, составляющих одно из самых характерных звеньев в последелювиальных образованиях Европейской России. Вместо чернозёма, верхний слой почвы составляла глина, с валунами из северо-западной части России, Олонецкой губернии и Финляндии; валуны попали сюда через посредство ледников, может, покрывавших ещё часть северо-русского края и Финляндию в то время, когда человек уже жил в Воронежской губернии. Доходили ли ледники до Воронежской губернии, или же северные валуны были принесены сюда через посредство водных бассейнов, — сказать трудно; тем не менее, ледниковые явления должны были приходить к концу в то время, когда мы встречаем здесь человека. Однако же климатические условия были видимо очень суровы, как можно заключить по окружающей человека в то время фауне. Кроме мамонта, медведя и небольшого хищника, в течение палеолитического периода в центральной России жили, как это можно судить по останкам, найденным в Полтавской губернии и в Карачарове, иско-

паемый носорог, благородный олень, первобытный бык, заяц, средний по признакам между беляком и русаком. Первобытный бык и лось жили, очевидно, в конце делювиальной эпохи и в Воронежской губернии, около Костёнок; по крайней мере, я имею отсюда остатки скелета этих животных; и очень может быть, при дальнейших исследованиях в здешнем крае найдутся доказательства, что эти животные, вместе со многими другими, были также предметом промысла для первобытного человека. Почва, служившая местом поселения для человека, была, как я уже сказал — глина, отложенная может быть действием воды; коль скоро она обсохла, то начала частью покрываться атмосферной пылью, служащей обыкновенным материалом для образования лёсса; на глине также строил себе жилища человек, стаскивая к нему предметы добычи; таким образом накопился глинистый же слой, более рыхлый, чем ниже лежащий и достигающий около ¾ аршина в толщину, с человеческими остатками. Судя по костям, они долго лежали на открытом воздухе и сильно выветрились. Затем наступил период времени, с более благоприятными климатическими условиями; бесплодная и голая почва начала покрываться растительностью травянистой и древесной, и видимо весьма богатой; эта растительность дала материал для образования чернозёма. С началом этого периода человек делювиальной эпохи исчез или перешёл на другое место искать себе пропитания; по каким причинам, сказать трудно, может быть потому, что с изменениями климатических условий изменился и животный мир. Как бы то ни было, с началом образования чернозёма прекратились остатки человеческой деятельности; образовалась толща чернозёма, мощностью от ¾ до 1 аршина, в которой не было никаких орудий; следовательно, местность в течение всего этого, должно быть, весьма продолжительного периода образования чернозёма не была обитаема. Наконец, в пласту чернозёма на глубине от ½ до 1 аршина, мы снова встречаем остатки человеческой деятельности; но человек этого периода жил при совершенно иных условиях. Это человек сравнительно нового периода; его окружал уже иной животный мир; гиганта мамонта и всех его спутников не было и следа. Лошадь, небольшие жвачные, небольшие хищники составляли предмет его добычи. Но промысел был, по-видимому, скуден, так что жители этого периода искали и в воде себе пропитания. На берегу Дона, на вышеописанном Глинище, я нашел массу раковин с остатками зубов жвачного животного, также с углями и обломками горшков. Это очевидно кухонные остатки, подобные несколько датским киекенмёддингам и вполне сходные с таковыми же из долины Оки в имении князя Голицына, с озера Буртнек, в Ост-Зейском крае и пр. Человек этого периода, также не знавший употребления металлов, выделывал орудия из кремня того же сорта, как то было и у людей палеолитического периода; научились люди эпохи употребления в пище ракушек готовить из глины посуду, хотя и грубую; из глины же делали они и разные домашние принадлежности. Наконец, должно было прекратиться и существование этих народов; домашние их принадлежности снова покрылись толщей чернозёма, среди которого в верхних слоях встречаются следы пастушеских народов, очевидно, уже знавших металлы.

Теперь мне остаётся остановиться на найденных мною орудиях и главным образом на добытых с костями мамонта. Я нашел только одно довольно хорошее ядро, от которого отбивались осколки для различных потребностей; ядро это небольшое и от него могли отбиваться только мелкие осколки; плоскости на ней и ребра не вполне правильны, общая же его форма коническая; оно представлено в натуральную величину на fig. 1*. Был мною найден также довольно большой камень из кремня, по форме подобный вышеназванному ядру; он мог служить также материалом для осколков, а также орудием для их отбивания от других ядер. Вообще же, по форме большей части осколков и орудий нужно предполагать, что у современников мамонта существовали ядра более правильной формы и более изящные. В самом деле из громадной массы осколков большая часть отличается и правильностью формы, и величиной, начиная от имеющего до 110 мм. в длину до самых мелких. Наибольший из найденных мною изображен в двух видах на fig. 2а и 2б.; за тем следует второй, средней величины (fig 3а и 3б) и наконец два еще меньшей величины (fig. 4 и 5). Кроме того, осколки подобной формы, как последние два, но едва достигающие длины 10–15 мм, также находятся в собранной мною коллекции. Плоскости излома у наших осколков гладки, края остры, — самые плоскости и грани осколков обыкновенно правильны. Встречаются исследователи, называющие все осколки ножами, но это название едва ли можно считать верным; правда, многие из них могут быть употребляемы в своем первоначальном виде для резания, но с другой стороны не нужно забывать, что из осколков же готовились другие, настоящие орудия. Ряд таких орудий, найденных с костями мамонта, изображен у нас, начиная с fig. 6. Это первое в ряду орудие относится к числу самых лучших в собранной мной коллекции и служит ясным доказательством той степени искусства, которой достиг человек палеолитического периода в обработке камня. При взгляде на

* Рисунки И.С. Полякова не воспроизводятся.

орудие, приходит в голову мысль, что это нож. И в самом деле, — орудие снизу имеет совершенно гладкую поверхность, сверху представляет ряд красивых граней; конец его и один из боков весьма остры, так что здесь было лезвие; вся нижняя часть орудия отбита рядом ударов, и большая половина бока, противоположного острию, так что при резании можно было очень удобно с этой стороны надавливать пальцем на орудие и вообще, вся нижняя часть так обделана, что орудие удобно держать в руке или же вставить его в черен. Второе из изображённых на fig. 7а и 7б сделано по тому же типу, как и первое; у него существует верхний приострённый конец и острие, противоположный которому бок притуплен целым рядом ударов; по-видимому этот инструмент был уже в работе, так как острие его притуплено. К тому же типу относятся ножи, представленные на fig. 8 и 9, притом на последнем также ясны следы употребления. От него существует целый ряд переходов к таким кремнёвым обломкам, в которых на первый раз никак нельзя предположить орудия, но, тем не менее, в конце концов приходится на подобном предположении остановиться. Одно из таких орудий представлено на fig. 10; у него также существует острие, противоположная сторона которого притуплена; от этого, в свою очередь, существует переход к таким осколкам, которые слегка напоминают топор, с приставленным к нему череном; и на лезвии этих орудий видны следы употребления, — fig. 11. Укажу еще на два орудия, в высшей степени характерные. Одно из них представляло первоначально простой ланцетовидный осколок, с весьма острым острыми краями и концом. Житель каменного века, очевидно, воспользоваться этим осколком, применив его к употреблению, как орудие; для этого он отбил рядом ударов один бок, как было у предыдущих орудий, и получил ланцет, подобный тем, какими ещё недавно камчадалы пускали себе кровь, — fig. 12. Но, как на верх совершенства, в котором выразилась идея ножа и ланцета, нужно указать на орудие, изображённое на fig. 13. Здесь первобытный обитатель у ножа приготовил ланцетовидный конец искусственно, последовательными ударами, которые были весьма правильны, так что края ланцета вышли очень остры, притом удары были делаемы с двух сторон на одном и том же крае.

Коль скоро первобытный человек эпохи мамонта достиг искусства заострять края инструментов и сознал пользу ланцетной формы, то для него не трудно было дойти и до идеи о стреле и копье. И действительно, между найденными мною орудиями есть такие, которые доказывают, что первобытный человек дошёл и до этого изобретения. Этот вывод можно подкрепить, имея в виду следующие три орудия, fig. 14, 15 и 16. На первый взгляд, эти орудия вполне напоминают конец изображенного ножа-ланцета на fig. 13, так что даже приходит на мысль принять их за обломки от подобного орудия. Но такое заключение едва ли было бы основательно. Орудие могло сломаться тогда, когда было бы в употреблении. Между тем следов употребления не видно ни на концах, ни на острых краях; притом невероятно, чтоб ланцет мог сломаться не на конце, а в наиболее толстом своём месте. Края наших орудий остры, довольно правильны, хотя с одной стороны, оббиты; на одном из боков они имеют по выемке, что и приближает их к ножу-ланцету. Но эта общность формы вытекает, очевидно, из того, что человек не сразу специализировал форму ланцета к различным применениям, к разным инструментам и что первоначально у него даже должны были различные орудия мало отклоняться друг от друга по своему виду. Что человек эпохи мамонта более или менее знал форму стрелы, можно видеть на орудии, изображённом на fig. 17.

Есть ещё один сорт орудий, которые выделывались первобытным человеком с замечательным совершенством, — это скребки. Наилучший из них изображён на fig. 18, сверху; снизу на верхнем его конце выделан в форме полукруга, весьма правильно, край, долженствовавший играть при скоблении главную роль; как по тщательности выделки скребущего края, так и вообще по изяществу своей внешней формы это орудие не уступает наилучшим представителям этого типа инструментов новейших времён. Следующие скребки изображены на fig. 19–20. Скребущие края этих орудий, на верхнем конце, с нижней стороны также выделаны весьма искусно, хотя и с меньшим вниманием, чем употреблённое при выделке скребка вышеописанного. В заключение укажу еще одно орудие, которое частью напоминает скребок, fig. 21; скребки подобной формы довольно часто встречаются во французских пещерах, судя по экземплярам, имеющимся у нас от раскопок Лартэ и Кристи. Но в нашем орудии [край], соответствующий скребущему, не имеет надлежащей обработки и скорее на нём можно заметить следы употребления, как режущего инструмента.

Итак, я представил целый ряд принадлежностей из домашнего обихода первобытного человека, современника мамонта; я изобразил произведения рук человеческих, начиная с кремнёвого ядра и осколков до ножей, копий и скребков. Ещё раньше, при описании мест залегания орудий с костями, я указал на вероятное употребление осколков, имеющих вид топора, от коренных зубов мамонта, также на более или менее значительной величины камни, служившие, может быть, молотками и топорами. Имея в виду представленный мною очерк кремнёвых орудий, едва ли кто может сомневаться в том, что они суть

произведения рук человеческих; точно так же, принимая во внимание условия их залегания, с золою, углями и с костями разных животных, придётся остановиться на том заключении, что в Костёнках мы имеем неопровержимые доказательства в пользу того, что человек отдалённого от нас палеолитического периода жил одновременно с преобладавшим в то время мамонтом. Но в описанных выше орудиях заключается ли действительно всё, чем располагал человек для удовлетворения своих собственных нужд и для борьбы с природою? — Можно сказать, что конечно не всё, что в придачу к орудиям каменным, которые он умел уже выделывать со значительным совершенством, у него, наверное, существовали и костяные изделия; подобное совместное существование орудий из камня и кости имело место у всех народов древнего и нового периода каменного века, начиная с древнейших обитателей Французских пещер до современных диких народов крайнего Севера и островов Тихого Океана. Только для сохранения костяных орудий на открытом воздухе существует гораздо меньше шансов, чем, например, в пещерах, где влияние климатических условий, дождя, снега и холода, гораздо менее на них отражается. Но, может быть, и в Костёнках найдется уголок, где подобные орудия сохранились; скажу даже больше, — как в Костёнках, так и вообще по правому берегу Дона есть большая вероятность отыскать материал ещё более богатый для восстановления быта палеолитического человека, и для определения его отношений не только к мамонту и медведю, но даже и к другим, ныне не существующим здесь животным, как то: носорогу, первобытному быку, к разным видам оленя и пр. Ограничившись на нынешний год вышеописанными раскопками в селе Костёнках, я прекратил работы с намерением продолжать их в ближайшем будущем. Теперь же, после десятидневного пребывания здесь, я должен был спешить в далёкий путь.

В заключение я должен указать на тот общеизвестный факт, что в орудиях каменного века, находимых в чернозёме, и принадлежащих к неолитическому периоду, мы знаем более искусную форму, чем какая заметна на орудиях, лежавших под чернозёмом и принадлежавших к периоду палеолитическому; хотя странно то, что большая часть осколков, найденных в черноземе, в амшанике, в глубине полуаршина, весьма напоминала найденные под чернозёмом и притом, между осколками я нашел также наконечник стрелы или копья fig. 22, весьма напоминающий найденные с костями мамонта и изображённые на fig. 14, 15 и 16. Но зато в том же чернозёме находятся орудия, вроде изображённого на fig. 23. Это наконечник стрелы, выделанный со всею правильностью; он напоминает орудия, найденные мною в Тульской губернии. Он сделан из темного мелового кремня и этим отличается от всех принадлежностей каменного века, эпохи мамонта. Из подобного же кремня или же имеющего роговой цвет, я добывал орудия на левом берегу Дона, против Костёнок.

Уложивши собранные мною вещи, 21 июня, я отправил их в Воронеж; поздно вечером того же числа оставил я село Костёнки с его обитателями, в которых трудно признать бывших некогда горожан; отдавая должное их добродушию, я должен сказать, что они сохранили в своих нравах и обычаях столь много старинных элементов, что антрополог и этнограф найдут здесь обильную для себя пищу. Замкнутые в кругу своих сельских и земледельческих занятий, они относятся с крайним недоумением ко всему, что выходит за пределы этого круга. Мой приезд возбудил в них суеверный страх, мои занятия были приняты, как дело «антихриста», так что иногда я с трудом мог найти рабочих. Но в последние дни, по-видимому, этот страх исчез, и охотники, даже из женщин, появлялись на работы в избытке. И те добрые отношения, в которых я расстался с представителями Костенок, послужат в будущем верным залогом за дальнейший успех исследования здешней, в высшей степени интересной местности. По приезде в Воронеж, я занялся укупоркой и укладкой добытого мной материала; 23 июня 9 ящиков с костями и орудиями были заколочены, увязаны и сданы для отправки в Петербург. Ночью на 24 июня я оставил Воронеж и через Козлов и Ряжск направился на Рязань.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

РАДИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДАТЫ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РАЙОНА

Хронологическая группа III (поздняя)

Хронологическая подгруппа IIIC (период отложения лёссовидных суглинков, выше гмелинской почвы)

Костёнки 2 (стоянка Замятнина)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
1	IIIC	Суглинок светло-палевый, известковистый (№ 3)*	Однослойная стоянка, раск. П.И. Борисковского 1950-х гг.	Кость	11.000±200	ГИН-93	1, 5
2	"	"	"	"	16.190±150	ЛЕ-1599	"
3	"	"	"	Кость мамонта	17.300±160	ГИН-8570	1, 5, 10, 11
4	"	"	"	Тазовая кость мамонта	23.800±150	ГИН-7992	"
5	"	"	"	Кость мамонта	37.900±900	ГИН-7993	"

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 67].

Костёнки 3 (Глинище)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
6	IIIC	Суглинок желтовато-серый, лёссовидный. Вмещает линзы культ. слоя*	Однослойная стоянка	Кость	19.800±210	ГИН-8022	1, 5, 10, 11

* Стратиграфические привязки указаны в соответствии с описанием в: [Палеолит... 1982: 76–82].

Костёнки 10 (Аносовка 1)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
7	IIIC	Суглинок коричневый, лёссовидный (№ 3)*	I	Кость мамонта плохой сохранности и кость бизона	22.600±1000	ГИН-8573	1, 5, 10, 11
8	"	"	"	Кость мамонта	28.250±300	ГИН-8027	"

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 113–114].

Костёнки 11 (Аносовка 2)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
9	IIIC	Серо-коричневый лёссовидный суглинок (№ 2)*, верхняя часть	Ia	Кость мамонта	12.000±100	ЛЕ-1403	1, 5
10	"	"	"	"	14.610±120	ЛЕ-1637	"
11	"	"	"	Кость	16.040±120	ЛЕ-1704а	"
12	"	"	"	"	17.310±280	ЛЕ-1704б	"
13	"	"	"	Кость мамонта	18.700±80	ГИН-8079	1, 5,10, 11
14	"	"	"	Костный уголь	19.900±350	ГИН-2532	"

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 116–119].

Костёнки 12 (Волковская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты IRSL/OSL	Индекс	Источник
15	IIIC	Бурый лёссовидный суглинок, выше «гмелинской» почвы (№ 3)*	Культурных остатков не содержит	Бурый лёссовидный суглинок	19.890±1730	UIC-1418	5, 7, 9

* Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [9: 74–75].

Костёнки 18 (Хвойковская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
16	IIIC	Могильная яма, вырытая в сеноманском песке*	Перекрытие погребения	Кость мамонта	17.900±300	ГИН-8028	1, 5, 10, 11
17	"	"	"	"	19.300±200	ГИН-8576	"
18	"	"	"	"	20.600±140	ГИН-8032	"
19	"	"	Погр. человека	Кость человека	21.020±180	OxA-7128	1, 5

*Стратиграфические привязки см.: [Палеолит... 1982: 188–189]

Костёнки 19 (стоянкам Валукинского)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
20	IIIC	Бурый лёссовидный суглинок (№ 2)*	Однослойная стоянка	Кость мамонта	11.800±500	ГИН-107	1, 5
21	"	"	"	"	17.420±150	ЛЕ-1705а	"
22	"	"	"	Кость	18.900±300	ЛЕ-1705б	"
23	"	"	"	"	18.700±600	ГИН-8577	"

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 191–192].

Костёнки 21 (Гмелинская)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
24	IIIC	Бурый лёссовидный суглинок (№ 5)*, средняя часть	II	Кость	19.100±150 метод Лонжина	ЛЕ-1437а	1, 5
					20.250±100 метод Арсланова	ЛЕ-1437б	
					22.900±150 комплексная методика	ЛЕ-1437в	

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 199–200].

Борщёво 1

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
25	IIIC	Основание горизонта В современной почвы (№ 2)*	Однослойная стоянка	Кость мамонта	15.140±100	ГИН-11197	11
26	"	"	"	Кость лошади	15.200±100	ГИН-11198	"
27	"	"	"	Кость мамонта	15.200±200	ГИН-11199	"
28	"	"	"	Кость мамонта (1923)	15.600±70	ГИН-8086	1**, 5, 11
29	"	"	"	Кость мамонта (1980)	17.200±150	ЛЕ-3727	1, 5

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 211–212].

**В [1: 49] индекс этого образца указан: ГИН-8085.

Борщёво 2

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
30	IIIC	Тёмно-серый (до чёрного) гумусированный суглинок ниже поймы (ископ. почва?)*	I	Почва	12.300±100	ГИН-88	1, 5

31	"	"	Гиттия, нижний прослой	Гиттия, нижний прослой	12.550±200	ГИН-3268	"
32	"	"	I ?	Обожжённые кости лошади (1925)	10.400±200	ГИН-8084	1, 5, 11
33	"	"	"	Обожжённые кости лошади (1925)	10.900±300	ГИН-8415	"
34	"	"	I	Древесный уголь	13.210±270	ЛУ-742	1, 5
35	"	"	"	Гумус	11.760±240	Mo-636	"
36	"	"	I, горизонт 1	"	9.520±300	ЛЕ-4865	"
37	"		"	"	9.330±390	ЛЕ-4866	"
38	"		I, горизонт 2	"	14.030±200	ЛЕ-4867	"
39	"	Серый суглинок, песчанистый, верхняя часть	II**	Древесный уголь	13.480±720	ЛЕ-4837	"
40	"	Серый суглинок, песчанистый, нижняя часть	III	"	13.540±300	ЛЕ-4834	"

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 217–219].
**В источниках допущена опечатка: вместо «II культурный слой» напечатано: «I культурный слой».

Хронологическая подгруппа IIIB (период отложения гмелинской почвы)

Костёнки 1 (стоянка Полякова)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
41	IIIB	Серо-коричневый лёссовидный суглинок со следами почвообр. (№ 2)*	I	Костный уголь	8.700±270	ЛЕ-451	Не публ.
42		"	"	Кость	10.390±100	ЛЕ-1403	"
43		"	I, землянка А	"	16.350±150	ЛЕ-1402	"
44	"	"	"	"	16.410±150	ЛЕ-1401	"
45	"	"	I	Костный уголь	18.230±620	ЛЕ-3280	1
46	"	"	I, кв. П-70	Зуб мамонта	18.400±3.300	ЛЕ-4351	"
47	"	"	I, кв. ПР-72, ямка-хранилище	"	19.010±120	ЛЕ-2950	"
48	"	"	I, кв. Н-76, ямка	Костный уголь	19.540±580	ЛЕ-3292	"
49	"	"	I, кв. О-78	"	19.620±460	ЛЕ-3281	"
50	"	"	I	Зуб мамонта	19.860±200	ЛЕ-2949	"
51	"	"	"	Костный уголь	20.100±680	ЛЕ-3277	"
52	"	"	"	"	20.315±200	AA-4800	"
53	"	"	"	"	20.855±260	AA-4799	"
54	"	"	I, кв. О-73, 74, яма	"	20.800±300	ГИН-4851	1, 10, 11
55	"	"	I, кв. Р-78	"	20.950±100	GrN-17120	1
56	"	"	I, кв. Р-73, яма	"	21.150±200	ГИН-4231	1, 10, 11

57	"	"	I, кв. Н-79, очаг	"	21.180±100	GrN-17119	1
58	"	"	I, земл. «А», северная камера, пол	"	21.300±400	ГИН-2534	1, 10, 11
59	"	"	I, кв. Л-77	Зуб мамонта	21.680±700	ЛЕ-3279	1
60	"	"	I, «объект со стенкой"	?	21.800±200	ЛЕ-2801	"
61	"	"	I, кв. Н,О-72–73, очаг	Костный уголь	21.800±300	ГИН-4230	1, 10, 11
62	"	"	I	Зуб мамонта	22.000±300	ГИН-8041	1**, 10, 11
63	"	"	I, кв. К-78, ямка-хранилище	Зуб мамонта	22.020±310	ЛЕ-3282	1
64	"	"	I, кв. П-76	Кость	22.060±500	ЛЕ-3290	"
65	"	"	I, кв. В,Г,Д-65–67, яма	Костный уголь	22.200±300	ГИН-3634	1, 10, 11
66	"	"	I, земл. Т,У,Ф,Х-72–75	"	22.200±500	ГИН-4903	"
67	"	"	I, земл."А», центр. камера	"	22.300±200	ГИН-2533	"
68	"	"	I, кв. И-М-5–6	"	22.300±230	ГИН-1870	"
69	"	"	I, кв. Н-79, очаг	Древесный уголь	22.330±150	GrN-17118	1
70	"	"	I, кв. П-69	Зуб мамонта	22.600±300	ГИН-6249	1, 10, 11
71	"	"	I, кв. Н-62, очаг	Костный уголь	22.600±300	ГИН-3633	"
72	"	"	I	Зуб мамонта	22.700±250	ЛЕ-2969	1
73	"	"	I, кв. Ж-70	"	22.760±250	ЛЕ-2800	"
74	"	"	I, земл. «Ж"	Костный уголь	22.800±200	ГИН-2530	1, 10, 11
75	"	"	I, земл. «А"	"	22.800±300	ГИН-3632	"
76	"	"	I, земл. «А», центральная камера	"	23.000±500	ГИН-2528	"
77	"	"	I, кв. Л-78	Зуб мамонта	23.010±300	ЛЕ-3276	1
78	"	"	I, земл. Т-Х-72–75	"	23.260±680	ЛЕ-3289	"
79	"	"	I, земл. Т-Х-72–75	Костный уголь	23.490±420	ЛЕ-3286	"
80	"	"	I, земл. «А», центральная камера	"	23.500±200	ГИН-2527	1, 10, 11
81	"	"	I, земл. Е-З-72–74, пол	Древесный уголь	23.600±410/400	GrA-5244	1
82	"	"	I, кв. К-78, яма	Бивень мамонта	23.640±320	ЛЕ-3283	"
83	"	"	I, земл. Т-Х-72–75	Зуб мамонта	23.770±200	ЛЕ-2951	"
84	"	"	I, кв. П-74, яма	Древесный уголь	24.030±440/410	GrA-5243	"
85	"	"	I, земл. «З"	Костный уголь	24.100±500	ГИН-2529	1, 10, 11
86	"	"	I, земл. «И"	Обломки зубов мамонта	24.570±3.930	ЛЕ-4352	1

*Номер стратиграфического горизонта указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 42].
**В [1: 47] для образца с этим индексом указано значение: 21.950±250.

Костёнки 4 (Александровская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
87	IIIB	Суглинок светло-бурый, вмещает 2 тесно сближенных культ. слоя*	Раскопки 1937 г. (слои не разделены)	Ребро мамонта	22.800±120	ГИН-7995	1, 5, 10, 11
88	"	"	Раскопки 1927–1928 гг. (то же)	Фаланга лошади	23.000±300	ГИН-7994	"

* Стратиграфические привязки указаны в соответствии с описанием в: [Палеолит... 1982: 76–82].

Костёнки 5 (Святой лог)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
89	IIIB	Углистая прослойка на поверх. мел. галечника	II, шурф на кв. Аа-67, 68*	Ребро мамонта	20.600±140	ГИН-7996	1, 5, 10, 11
90	"	"	"	Кость мамонта	20.900±100	ГИН-8029	"
91	"	"	"	Кость лошади	22.920±140	ГИН-8571	"

* Стратиграфические привязки указаны в соответствии с описанием в: [Палеолит... 1982: 85–87].

Костёнки 11 (Аносовка 2)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
92	IIIB	Серо-коричневый лёссовидный суглинок, средняя часть, со следами гумусированности*	II	"	21.800±200	ГИН-2531	1, 5, 10, 11
93	"	"	"	Кость	15.200±300	ТА-34	1, 5

* Стратиграфические привязки указаны в соответствии с описанием в: [Палеолит... 1982: 116–119].

Костёнки 14 (Маркина гора)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
94	IIIB	Суглинок бурый, нижняя часть (№ 3)*	I	Кость мамонта	19.700±1300	ЛЕ-5567	2, 5
95	"	"	"	Ребро мамонта (1987)	19.900±850	ГИН-8024	1, 2, 5, 10, 11
96	"	"	"	Кость (1982)	20.100±1500	ЛЕ-5269	1, 2, 5
97	"	"	"	Кость (1994)	22.500±1000	ЛЕ-5274	"
98	"	"	"	Кость (1987)	22.780±250	OxA-4114	"

* Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Палеолит... 1982: 145–146].

Костёнки 21 (Гмелинская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты ^{14}C	Индекс	Источник
99	IIIB	Суглинок светло-серый, песчанистый: ископаемая почва (№ 6)	III	Древесный уголь	16.960±300	ЛЕ-1043	1, 5
100	"	"	"	Тот же образец	22.270±150	GrN-7363	"
101	"	"	"	Древесный уголь	21.260±340	GrN-10513	"
102	"	"	"	Обожжённая глина под очагом	26.765±2000	TA-TL	"

*Стратиграфические привязки см.: [Палеолит... 1982: 198–201]

Борщёво 5

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
103	IIIC	Суглинок слабо-гумусированный, пепельно-бурый (горизонт почвообр.) (№ 3)*	I	Ребро мамонта	17.400±2000	ЛЕ-5571	5, 13
104	"	"	"	Ребро мамонта	22.500±700	ГИН-10239	5, 11, 13
105	"	"	"	Зуб мамонта	20.000±300	ЛЕ-6947	5, 13
106	"	"	"	Кость лошади	14.060±110	ЛЕ-6809	"
107	"	"	"	Кость	20.000±300	ЛЕ-6947	Не публ.

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [3: 69].

Хронологическая подгруппа IIIA (период отложения лёссовидных суглинков,ниже гмелинской почвы)

Костёнки 8 (Тельманская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
108	IIIA	Суглинок бурый лёссовидный*	I	Ребро мамонта	22.000±160	ГИН-7998	1, 5, 10, 11
109	"	"	"	Зуб, ребро мамонта	22.900±120	ГИН-7997	"

*Стратиграфические привязки см.: [Палеолит... 1982: 92–94]

Костёнки 11 (Аносовка 2)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты 14C	Индекс	Источник
110	IIIa	Серо-коричневый лёссовидный суглинок, средняя-нижняя часть	III	"	16.040±120	ЛЕ-1638а	1, 5
111	"	"	"	"	22.760±340	ЛЕ-1638б	"
112	"	"	"	Кость мамонта	20.500±300	ГИН-8080	1, 5, 10, 11

* Стратиграфические привязки указаны в соответствии с описанием в: [Палеолит... 1982: 116–119].

Костёнки 12 (Волковская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой	Материал	Даты IRSL/OSL	Индекс	Источник
113	IIIA	Светло-бурый лёссовидный суглинок, ниже «гмелинской» почвы (№ 5)	"Верхний горизонт находок"	Светло-бурый лёссовидный суглинок	25.770±2.500	UIC-1419	5, 7, 9
					24.020±2.120	UIC-1419Q	
					24.740±2.190	UIC-1418Q-IR	

* Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [9: 74–75].

Хронологическая группа II (средняя)

Хронологическая подгруппа IIB стоянки, приуроченные к средней-верхней части верхней гумусированной толщи

Костёнки 1 (стоянка Полякова)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	^{14}C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
114	IIB	Верхняя часть ВГТ*, палеопочва, деформированная мерзлотными процессами	III, кв. Ж-72	Древесный уголь	20.900±1.600	–	ГИН-4848	1, 5
115	"	"	"	Бивень мамонта	>22.000	–	ГИН-2942	"
116	"	"	III, кв. Д-72	Древесный уголь	24.500±1.300	–	ГИН-4850	"
117	"	"	"	Древесный уголь	25.400±400	–	ГИН-6248	"
118	"	"	"	Костный уголь	25.600±1.000	–	ГИН-4852	1, 5, 11
119	"	"	"	Костный уголь	25.700±600	–	ГИН-4902	"
120	"	"	III	Древесный уголь	25.730±1.800	–	ЛЕ-3541	1, 5
121	"	"	III, кв. Ж-72	Древесный уголь	25.900±2.200	–	ГИН-4849	"
122	"	"	III	Древесный уголь	25.820±400	–	GrN-22276	"
123	"	"	III, кв. Д-72***	Древесный уголь	26.200±1500	–	ГИН-4885	"
124	"	"	III	Древесный уголь	32.600±400	–	GrN-17117	"
125	"	"	"	Кость человека	32.600±1.100	–	OxA-7073	"
126	"	"	"	Древесный уголь	38.080±5.460/3.200	–	AA-5590	"
127	–	Белесый суглинок, насыщенный карбонатами (№ 4)**	Выше слоя III	Белесый суглинок, насыщенный карбонатами	–	30.760±2.750	UIC-1522	5, 7, 8

128	–	Светло-бурый лёссовидный суглинок (№ 7)	Ниже слоя III	Светло-бурый лёссовидный суглинок	–	30.580±2.740	UIC-1523	"

* ВГТ — верхняя гумусированная толща

**Номера стратиграфических горизонтов даны только для образцов из раскопок 2000-х гг., в соответствии с описанием разреза в: [8: 82–83].

***В [11: 237] указан кв. д-74.

Костёнки 8 (Тельманская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14С-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
129	IIB	Верхняя-средняя часть ВГТ	II	Обожжённые кости черепа человека	23.020±320	–	OxA-7109	1, 5
130	"	"	II (1959 г.)	Кости лошади	24.500±450	–	ГИН-7999	1, 5, 11
131	"	"	II	Древесный уголь	27.700±750	–	GrN-10509	1, 5

Костёнки 12 (Волковская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14С-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
132	IIB	Верхняя-средняя часть ВГТ	I	Гумус	23.600±300	–	ГИН-89	1, 5
133	"	"	"	Тазовая кость мамонта	24.000±800	–	ГИН-8019	"
134	"	"	"	Кость бизона	26.300±300	–	ГИН-8574	"
135	"	Верхняя и средняя части ВГТ, серо-коричневый среднегумусир. суглинок (№ 8)*	"	Серо-коричневый среднегумусир. суглинок	–	27.360±2.360 30.030±2210	UIC-916	5, 7, 8, 9

* Номера литологических горизонтов даны только для образцов из раскопок 1999–2004 гг., в соответствии с описанием разреза в: [9: 74–75].

Костёнки 14 (Маркина гора)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14С-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
136	IIB	Верхняя часть ВГТ, слоистый суглинок (№ 11)*	?	Древесный уголь	29.240±330/320	–	GrA-13312	4, 5
137	"	Верхняя-средняя часть ВГТ, слоистый суглинок (№ 12)	?	Древесный уголь	27.860±270/260	–	GrA-13292	"
138	"	Верхняя-средняя часть ВГТ, слоистый суглинок (№14)	?	"	26.700±190	–	GrA-10945	"

139	"	Средняя часть ВГТ, слоистый суглинок (№ 15)	II	Кость	19.300±200 Тот же образец в лаборатории ЛУ: 25.090±310	–	ЛЕ-1400	1, 2, 4, 5
140	"	"	II, 1954 г.	"	25.600±400	–	ГИН-8030	1, 2, 3, 4, 5, 10
141	"	"	II	Кость (фр. А)	26.400±660	–	ЛУ-59а	1, 2, 3, 4, 5
142	"	"	"	Кость (фр. В)	28.200±700	–	ЛУ-59б	"
143	"	"	"	Древесный уголь	28.380±220	–	GrN-12598	"
144	"	"	"	Кость	28.580±420	–	OxA-4115	"

*Номера стратиграфических горизонтов в данном случае приведены по: [4: 173].

Костёнки 15 (Городцовская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14С-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
145	IIB	Верхняя-средняя часть ВГТ	1-слойн. посел.	Кость	21.720±570	–	ЛЕ-1430	1, 5
146	"	"	То же, жилище	Кость бизона	25.700±250	–	ГИН-8020	1, 5, 10, 11

Костёнки 16 (Углянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14С-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
147	IIB	Верхняя-средняя часть ВГТ, погребённая почва (№ 5)*	1-слойн. посел. (?)	Кость	25.100±150	–	ЛЕ-1431	1, 5, 14
148	"	"	"	"	27.400±100	–	ЛЕ-5270	"
149	"	"	То же, верх. гориз.	Кость лошади	26.800±600	–	ГИН-8033	1, 5, 10, 14, 14
150	"	"	То же, нижн. гориз.	"	28.200±500	–	ГИН-8031	1, 5, 10, 11, 14

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [3: 61].

Костёнки 17 (Спицынская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14С-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
151	IIB	Верхняя часть ВГТ*, слоистый суглинок, уровень гумусированности "а"	I, кв. Ж1–2 (1980)	Кость мамонта	21.100±600	–	ГИН-8076	1, 5, 10, 11
152	"	"	I, кв. Е1–2 (1980)	"	23.000±800	–	ГИН-8074	"

153	"	"	I, кв. Ж1–2 (1980)	"	24.300±500	–	ГИН-8075	"
154	"	"	I	Древесный уголь	26.750±700	–	GrN-10511	1

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Величко 1963: 212–217].

Борщёво 5

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
155	IIB	Верхняя часть ВГТ, верх суглинка слоистого, тёмно-серого (№ 4)*	II	кость (лошадь)	13.300±190	–	ЛЕ-6808	5, 13
156	"	"	"	кость (лошадь)	17.500±190	–	ЛЕ-8610	"
157	"	"	"	кость (лошадь)	20.800±410	–	ЛЕ-6946	"
158	"	"	"	кость	21540±400	–	ЛЕ-7368	Не публ.
159	"	"	"	кость	20800±410	–	ЛЕ-6946	

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [3: 71–72].

Хронологическая подгруппа IIA
стоянки, приуроченные к основанию верхней гумусированной толщи

Костёнки 1 (стоянка Полякова)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
160	IIA?	Основание ВГТ (?), серо-коричневый суглинок	V (вост.)*	Древесный уголь (сборный)	>18.800	–	ГИН-6247	1, 11
161	"	"	"	Зуб мамонта	27.390±300	–	ЛЕ-2030	1
162	"	"	"	Древесный уголь	30.170±570	–	ЛЕ-3542	"

* Дополнительная номенклатура «зап.» и «вост.» указывает на планиграфическую привязку образцов к восточной и западной частям стоянки Костёнки 1. Корреляция восточного и западного участков культурного слоя Костёнки 1/V между собой пока является предметом дискуссии (см.: 2.2.5; 4.4.2.2).

Костёнки 12 (Волковская стоянка)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
163	IIA	Основание верхней гумусированной толщи	Ia*	Древесный уголь	28.500±140	–	GrA-5552	1, 5, 9
164	"	"	"	Кость	28.700±400	–	ЛЕ-1428а	"
165	"	"	"	Кость	30.240±400	–	ЛЕ-1428б	"
166	"	"	"	Зуб мамонта (коллаген)	31.150±150	–	ЛЕ-1428в	"

167	"	"	"	Зуб мамонта (ДТА)	31.900±200	–	ЛЕ-1428г	"
168	"	"	"	Древесный уголь	32.700±700	–	GrN-7758	"

*Три даты, приведённые в: [1: 50] (№№ 117–119) не учитываются, ввиду отсутствия точной стратиграфической привязки.

Костёнки 14 (Маркина гора)

№	Хрон. этап	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
169	IIA	Основание ВГТ, слоистый суглинок (№ 16)*	?	Древесный уголь	14.355±120		AA-4798	1, 2, 3, 4, 5
170	"	"	?	"	15.260±260	–	GrN-10510	"
171	"	"	III	Кость	14.300±460	–	ГИН-79	"
172	"	Основание ВГТ	"	?	–	24.600±1.600 25.640±2.160 26.340±1.920	UIC-1126	3**, 5, 7
173	"	Основание ВГТ, слоистый суглинок (№ 16)	III a+b	Древесный уголь	30.080±590/550	–	GrN-21802	"
174	"	"	"	"	26.970±180	–	OxA-9566	2, 5
175	"	"	IIIa	"	28.370±140	–	GrA-15960	2, 4, 5
176	"	"	"	"	29.320±150	–	GrA-15955	"
177	"	"	"	"	31.760±430/410	–	GrA-13288	"
178	"	Основание ВГТ	"	?	–	24.000±2.500 31.330±2.800 32.230±2.310	UIC-1127	3***, 7
179	"	Могильная яма ниже культурного слоя III	?	Кость человека	4.705±40	–	OxA-7126	1, 2, 3, 4, 5
180	"	"		Кость человека	3.730±40	–	GrA-9303	"
181	"	"		Кость из заполнения могильной ямы	20.640±170/160	–	GrA-18232	"
182	"	Основание ВГТ, слоистый суглинок (№ 17)	IV	"	27.460±390	–	OxA-4116	"
183	"	"	"	"	27.710±410	–	OxA-4117	"

*Номера стратиграфических горизонтов в данном случае приведены по: [4: 173].

**В [3: 42] приведена IRSL дата без индекса, со значением 24,6±1,6 ka и с привязкой к культурному слою III. В [7: 228] приведена OSL дата (в двух значениях) и индекс образца, но допущена опечатка при указании высоты, с которой образец был взят.

*** В [3: 42] приведена IRSL дата без индекса, со значением 24,0±2,5 ka и с привязкой к культурному слою IIIa. В [7: 228] приведена OSL дата (в двух значениях) и индекс образца.

Хронологическая группа I/II (стоянки, приуроченные к периоду выпадения и переотложения вулканического пепла)

Костёнки 14 (Маркина гора)

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
184	15 см выше вулк. пепла	?	?	–	31.330±2.800 32.230±2.310	UIC-1127	7
185	Рыжеватый гумусированный суглинок с линзами вулканического пепла (№ 15)*	ГВП**	Древесный уголь	32.420±440/420	–	GrA-18053	2, 3, 5
186	"	ГВП	Кость	20.640±170/160	–	GrA-18230	"
187	Бурый гумусированный суглинок, погребённая почва (№ 17)	IVa	Кость лошади	27.400±5500	–	ЛЕ-5271	1, 2, 3, 5
188	"	"	Кость лошади	29.700±400	–	ГИН-8025	"
189	"	"	Древесный уголь (AMS)	32.060±260	–	OxA-9567	2, 3, 5
190	"	"	Древесный уголь	32.180± 450/420	–	GrA-13293	"
191	"	"	Древесный уголь	33.280± 650/600	–	GrN-22277	1, 2, 3, 5
192	"	"	Древесный уголь	33.200± 510/480	–	GrA-13301	2, 3, 5

*Номера стратиграфических горизонтов приведены по: [3: 42–43].
**ГВП — горизонт в пепле

Борщёво 5

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
193	Суглинок мергелистый св.-серый, с линзами вулк. пепла (№ 6)*	III	Кость лошади	23.000±500	–	ЛЕ-6811	5, 13
194	"	"	Обломки кости	19.500±500	–	ЛЕ-6812	Не публ.
195	"	"	Кость	19.300±800	–	ЛЕ-7367	5, 13

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [3: 69].

Хронологическая группа I (древняя) (стоянки, приуроченные к нижней гумусированной толще)

Костёнки 1 (стоянка Полякова)

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
196	Верхняя часть НГТ*, серо-коричневый суглинок	V(зап.)	Древесный уголь	32.300±220	–	GrA-5557	1, 5
197	"	"	"	34.900±350	–	GrA-5245**	"

*НГТ — нижняя гумусированная толща
**В [1: 51] под тем же индексом (GrA-5245) приведена ещё одна дата по древесному углю (37.900±2800/2100). Источник не указан. Не указано также, получена ли дата по тому же образцу иной методикой?

Костёнки 6 (Стрелецкая 2)

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
198	Заполнение древнего оврага ниже линз вулканического пепла	Раскоп 5	Кость мамонта	21.100±200	–	ГИН-8023	1, 5, 10, 11
199	"	Раскоп 1952 г.	Кость лошади	31.200±500	–	ГИН-8572	"

Костёнки 12 (Волковская стоянка)

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
200	Слоистый гумусир. суглинок с черными линзами — горизонт почвообразования A (№ 12)*	III	Кость мамонта	>31.000	–	ГИН-8021	1, 5
201	"	"	Древесный уголь	36.280±360/350	–	GrA-5551	"
202	"	"	То же (AMS)	31.760±230	–	OxA-X-2158–14	6
203	"	"	То же (AMS)	35.820±230	–	OxA-15482	"
204	Погребённая почва B (№ 14)	IV	То же (AMS)	35.540±260	–	OxA-15555	"
205	Серо-палевый суглинок (№ 15)	Между IV и V	Серо-палевый суглинок	–	44.330±3.700 44.620±3.820 48.870±3.620	UIC-915	5, 7, 12
206	"	Между IV и V	"	–	43.470±3.670 43.870±3.740 47.390±3.470	UIC-946	"
207	"	Между IV и V	"	–	46.910±3.860 47.380±3.930 50.120±3.630	UIC-947	"
208	Коричнево-бурый, доходящий до черного, горизонтально слоистый суглинок — горизонт почвообр. D (№ 18)	V	Коричнево-бурый суглинок	–	44.150±3.780 44.650±3.800 45.200±3.260	UIC-945	"
209	"	V	Древесный уголь (AMS)	34.710±330	–	OxA-X-2158–15	6
210	"	V	Древесный уголь (AMS)	41.300±450	–	OxA-15556	"
211	"	V	Древесный уголь (AMS)	38.410±300	–	OxA-15902	"
212	Серо-палевый суглинок (№ 19)	Ниже V слоя	Серо-палевый суглинок	–	51.060±4.430 51.330±4.950 52.440±3.850	UIC-917	5, 7, 12

*Номера стратиграфических горизонтов приведены по: [9: 74–75].

Костёнки 14 (Маркина гора)

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
213	Бурая погребённая почва (№ 22)*	ГП**	Кость мамонта	34.550±610/480	–	GrA-13297	2, 3, 4, 5
214	Серовато-бурый, нечётко слоистый суглинок (склон берега ручья) (№ 24)	IVб/1	Древесный уголь	36.540±270/260	–	GrA-15961	"
215	"	IVб/1	Серовато-бурый суглинок	–	46.570±3.880 46.930±3.930 47.780±3.480	UIC-1128	2, 3, 4, 5, 7
216	Чёрный интенсивно гумусированный суглинок с линзами кирпично-красной обожжённости (№ 26)	IVб (ГО)***	Древесный уголь	32600±280 (AMS)	–	OxA-9568	2, 3, 4, 5
217	"	IVб (ГО)	Древесный уголь	35.280±330 (AMS)	–	OxA-9569	"
218	"	"	"	34.940±630/590	–	GrA-13302	"
219	"	"	"	36.040±250	–	GrA-15957	"
220	"	"	"	35.330±240/230	–	GrA-15958	"
221	"	"	"	35.870±250	–	GrA-15962	"
222	"	"	"	36.010±250/240	–	GrA-15965	"
223	"	"	"	36.320±270/260	–	GrA-15956	"
224	"	"	"	37.240±430/400	–	GrA-10948	"
225	"	"	Чёрный интенсивно гумусир. суглинок	–	34.300±2.900 34.170±2.700	UIC-749	2, 3, 4, 5, 7
226	"	"	"	–	44.900±3.800 44.880±3.580	UIC-748	"

*Номера стратиграфических горизонтов приведены по: [3: 42–43].
**ГП — горизонт в погребённой почве
***ГО — горизонт очагов

Костёнки 17 (Спицынская стоянка)

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14C-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
227	Коричневый среднегумусированный суглинок (№ 10)*	II	Кость	32.780±300	–	ЛЕ-1436	1
228	"	"	Древесный уголь	32.200± 2.000/1.600	–	GrN-10512	"
229	"	"	"	36.780± 1.700/1.400	–	GrN-12596	"

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [Величко 1963: 212].

Борщёво 5

№	Стратиграфический горизонт	Культ. слой	Материал	14С-даты	IRSL/OSL -даты	Индекс	Источник
230	Суглинок углисто-чёрный, однородный (№ 10)*	V	кость	32.700±2.000	–	ЛЕ-7369	Не публ.

*Стратиграфический горизонт указан в соответствии с описанием разреза в: [3: 69].

Источники:

1 — Радиоуглеродная хронология... 1997;
2 — Синицын 2002а;
3 — Синицын, Хоффекер, Синицына и др., 2004;
4 — Haesaerts, Damblon, Sinitsyn et.al. 2004;
5 — Аникович 2005;
6 — Housley, Higham, Anikovich et. al. 2006;
7 — Holliday, Hoffecker, Goldberg et. al. 2007;
8 — Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006;
9 — Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005;
10 — Сулержицкий 2004;
11 — Праслов, Сулержицкий 1999;
12 — Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2004;
13 — Лисицын 2004;
14 — Синицын А.А., Синицына Г.В., Спиридонова и др. 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Поспелова Г.А.[1]

МАГНИТНЫЕ И ПАЛЕОМАГНИТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТЛОЖЕНИЙ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИОННОЙ ПРОБЛЕМЫ ГЕОМАГНИТНОГО ЭКСКУРСА КАРГАПОЛОВО-ЛАШАМП[2]

Весьма важной проблемой в деле археологического изучения Костёнковско-Борщёвского района является хронология культурных слоёв. Для её установления, наряду с методами абсолютного датирования, привлекают магнитные и палеомагнитные исследования пород, которые могут дать дополнительную информацию о возрасте отложений. Следует учитывать, что для оценки «абсолютного» возраста древнейших памятников региона (I хронологическая группа), данные по ^{14}C представляются недостаточно надёжными. Они указывают лишь на то, что соответствующие памятники едва ли моложе 36 тыс. л.н.

В отложениях верхнего палеолита чётким временным репером является геомагнитный экскурс Каргаполово-Лашамп. Он установлен в лавовых потоках, в континентальных лёссовых и покровных отложениях, в донных отложениях океанов и морей в различных точках Земного шара, что свидетельствует о его глобальном характере [Поспелова, Петрова, Шаронова 1998]. Хронологические рамки данного экскурса в разных публикациях определяются по-разному, поэтому не лишним кажется сказать несколько слов об истории проблемы.

Возраст экскурса Лашамп, обнаруженного на лавовом потоке Лашамп и Олби [Bonhommet, Babkine 1967], первоначально был определен ~10 тыс. л.н., а позднее ~20 тыс. л.н. Ситуация кардинально изменилась, когда в разрезе аллювиальных отложений р. Оби у с. Каргаполово (Юго-Западная Сибирь) автором и её аспиранткой Л.С. Куликовой была обнаружена запись геомагнитного экскурса Каргаполово, залегающая ниже радиоуглеродной датировки 38.800±550 л.н. (СОАН-25) [Куликова, Поспелова 1979]. Экскурс Каргаполово происходил при пониженной напряжённости геомагнитного поля в период тёплого климата. В разрезе с записью экскурса наблюдались прослои гумусированного суглинка. Возраст экскурса в то время был определен ~40–42 тыс. л.н. Такую оценку его продолжительности (всего в 2000 лет) обусловило то, что первоначально авторы не учли замедленную скорость осадкообразования горизонтов гумусированного суглинка.

Возможно, появление этих новых данных отчасти стимулировало то, что и возраст экскурса Лашамп оказался радикально пересмотрен [Condomines 1978; Hail, York 1978]. По последним данным, он усреднённо датируется ~42.000 л.н. [Guillou, Singer, Laj et al., 2004; Leduc, Touveny, Bourles 2006]. Однако подобное «усреднение», само по себе, может стать причиной некоторых ошибочных представлений. В связи с этим необходимо подчеркнуть: продолжительность экскурса Лашамп, действительно, минимальна, но *только потому, что он записан на лавовом потоке*, который изливался быстро. На деле, «кратковре-

[1] Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Москва

[2] Выполнено при поддержке РФФИ № 08-06-00161а.

менное» изменение направления геомагнитного поля Земли в этом случае (как и в большинстве других) заняло не одну тысячу лет, что позволяет *прослеживать его запись не единичной точкой, а на нескольких стратиграфических уровнях* [Pospelova 2007].

В 1990–1998 гг. автором был подробно изучен геомагнитный экскурс в разрезе обнажения и в скважине-дудке в лёссах Узбекистана, длившийся, по нашим расчётам, около 6000 лет. По приблизительной оценке возраста, а также по местоположению и поведению виртуального геомагнитного полюса, он был подобен экскурсу Каргаполово. В настоящее время практически нет сомнений, что это один и тот же экскурс, тождественный экскурсу Лашамп. Возраст его оценён ~ 45–39 тыс. л.н.

Экскурс Каргаполово-Лашамп происходил, как и другие экскурсы, на фоне низкой напряжённости геомагнитного поля, составляющей 0,30–0,25 от современной напряжённости геомагнитного поля [Поспелова, Шаронова 1999]. Низкая напряжённость наблюдалась до и после экскурса (~3400 и ~1300 лет, соответственно).

Сопоставление данных спорово-пыльцевого анализа с изменениями напряжённости геомагнитного поля показало, что максимальные значения напряжённости поля происходили в период прохладного климата, а минимальные — тёплого [Поспелова, Левковская, Пилипенко 2000]. Таким образом, экскурс Каргаполово-Лашамп формировался в период тёплого климата. В Костёнковско-Борщёвском районе, где основным носителем намагниченности отложений являются псевдооднодоменные зёрна магнетита, о колебаниях палеоклимата можно судить не только по палинологическим данным, но и грубо — по изменениям скалярных магнитных характеристик пород (СМХП) [Поспелова 2005; Поспелова, Аникович, Хоффекер и др. 2007].

Сопоставление магнитозон, выделенных на основании значений СМХП, с палинозонами показало чёткую сходимость данных [Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005]. Магнитозоны с повышенными значениями СМХП коррелируют с термомерами, а магнитозоны с низкими значениями СМХП — с криомерами. Таким образом, геомагнитный экскурс Каргаполово-Лашамп в разрезах Костёнковско-Борщёвского района может быть прослежен в отложениях, формировавшихся в период термомера, в литологических горизонтах, залегающих ниже горизонта, содержащего вулканический пепел Y5 (CI). Выброс данного пепла происходил ~40–38 тыс. л.н. [Pyle, Ricketts, Margari et al. 2005], т.е. после завершения экскурса.[1] При анализе конкретных разрезов стоянок важно установить, переотложен ли сам пепел или залегает in situ.

В разрезе многослойной стоянки Костёнки 17 Е.Г. Гуськовой была обнаружена запись экскурса Каргаполово-Лашамп на уровне II культурного слоя и под ним [Синицын 2005]. В разрезе Костёнок 14 также изучена «запись» этого экскурса в почвенном горизонте между культурными слоями IVа и IVб (к сожалению, всего по одному образцу) [Герник, Гуськова, 2002; Синицын, Хоффекер, Синицына и др. 2004].

В отложениях разреза Костёнок 12 (раскоп 2002 г.) автором были выполнены детальные магнитные и палеомагнитные исследования семи образцов, ориентированных по магнитному меридиану, отобранных Г.М. Левковской. В результате поэтапного размагничивания температурой до 600–680^{0}С три образца из семи оказались намагничены по направлению аномально, что, возможно, обусловлено записью в породах геомагнитного экскурса Каргаполово. Наиболее надёжные результаты получены по образцу № 4, взятому из гумусированного литологического горизонта 12 (III культурный слой). Два других образца с аномальной намагниченностью происходили из нижележащих литологических горизонтов №№ 13 и 15. Четыре оставшихся образца обладали направлением, близким к современному геомагнитному полю [Поспелова 2005].

Бесспорно, единичные образцы с обратной намагниченностью, обнаруженные в разных культурных горизонтах на стоянках Костёнковско-Борщёвского района, пока нельзя считать достоверной записью экскурса Каргаполово-Лашамп. Для этого необходимо подтвердить запись аномального направления намагниченности на дублях образцов. Тем не менее, на базе рекогносцировочных палеомагнитных исследований пород стоянки Костёнки 12, нами были сделаны следующие выводы:

---

[1] Геомагнитные экскурсы вызываются процессами, происходившими в жидком ядре Земли. Поскольку изменение направления геомагнитного поля способно серьёзно влиять на процессы в мантии Земли, оно вполне может стать исходной причиной природных катаклизмов. В этом плане вызывает интерес явная хронологическая близость экскурса Каргаполово-Лашамп и катастрофической вулканической деятельности, сопровождавшейся выпадением вулканических пеплов на Русской равнине и, судя по последним данным, на Северном Кавказе. Отметим, что прослойки пепла всегда залегают *выше* тех литологических горизонтов, в которых фиксируется или предположительно должен быть записан данный экскурс.

а) породы, несмотря на низкие значения скалярных магнитных характеристик, вполне могут быть использованы для палеомагнитного изучения;

б) породы сохранили первичную остаточную намагниченность времени их формирования;

в) можно предполагать, что в разрезе имеет место запись геомагнитного экскурса.

Отбор ориентированных образцов (450 штук) из раскопа на Костёнках 12 (2003 г.) не дал положительного результата. Аналогичная картина была получена и по палеомагнитным исследованиям образцов из разрезов Костёнки 1 и Костёнки 14, выполненным R. Løvlie в 2004 г. Ни в том, ни в другом разрезе записи экскурса обнаружить не удалось [Løvlie 2006].

В 2007 г. палеомагнитные исследования в разрезе Костёнок 1 (в западной части стоянки) были повторены автором настоящей статьи, но запись экскурса вновь не была обнаружена[1]. В принципе, такая закономерность не удивительна. Если индустрия древнего человека сохраняется в отложениях, как правило, хорошо, то первичная остаточная намагниченность в осадочных породах может стираться за счёт процессов выветривания, вторичных промачиваний, промерзания пород, почвообразования, деятельности человека и других причин. В результате, породы полностью или частично перемагничиваются по направлению современного геомагнитного поля. При отборе образцов из свежего глубокого раскопа запись геомагнитного экскурса прослеживается, но через год или два его запись может быть в этом разрезе ликвидирована по причинам, названным выше. Самые лучшие результаты экскурсов были получены по керну скважин либо в разрезе-дудке [Поспелова, Ларионова 1973; Поспелова, Петрова, Шаронова 1998]. Таким образом, можно сделать вывод, что однажды обнаруженное присутствие записи геомагнитного экскурса в разрезе является более значимым фактом, чем его отсутствие.

[1] При этом проведённые петрофизические исследования показали, что все породы нижней части разреза Костёнки 1(зап.) (лит. гор. 8а-14) содержат переотложенный вулканический пепел [Поспелова, Аникович, Цельмович и др. 2008].

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Саблин М.В.[1]

ФАУНА РАННИХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СТОЯНОК КОСТЁНКИ 6, КОСТЁНКИ 12, КОСТЁНКИ 17 ИЗ РАСКОПОК П.И. БОРИСКОВСКОГО, П.П. ЕФИМЕНКО, А.Н. РОГАЧЁВА[2]

Изучение палеонтологического материала из Костёнок проводилось с момента обнаружения памятника (Верещагин, Кузьмина 1977). В отличие от предыдущих исследователей, в настоящей работе костные остатки рассматриваются как результат человеческой деятельности, отображающий специфику хозяйствования и охотничьих пристрастий древнего населения этого региона в раннем верхнем палеолите. Для археозоологического анализа использовался материал из раскопок П.И.Борисковского (Костёнки 17/II, раскопки 1953, 1955 гг.), П.П.Ефименко (Костёнки 6, 1935 г.), А.Н. Рогачева (Костёнки 6, 1953–55 гг., Костёнки 12/III, 1953, 1954, 1957, 1958, 1963 гг.) хранящийся в Зоологическом Институте РАН. Абсолютная датировка культурных слоев, содержащих фауну, лежит в пределах периода 42–45 тыс. л.н. [Anikovich, Sinitsyn, Hoffecker *et al.,* 2007].

В пределах перигляциальной зоны Русской равнины обитавших там в это время млекопитающих традиционно относят к «среднеднепровской» фаунистической группировке [Саблин 2002]. Всех их можно, по нашему мнению, условно разделить на зверей, способных существовать в тундре, и более теплолюбивых животных, предпочитающих степи. К первой группе могут быть отнесены следующие виды определенные из ранних верхнепалеолитических культурных слоев стоянок Костёнки 6, 12, 17: *Lepus tanaiticus* — заяц; *Canis lupus* — волк; *Alopex lagopus* — песец; *Gulo gulo* — росомаха; *Mammuthus primigenius* — мамонт; *Rangifer tarandus* — северный олень. Вторая группа: *Citellus supercitiosus* — суслик; *Equus latipes* — широкопалая лошадь; *Coelodonta antiguitatis* — шерстистый носорог; *Cervus elaphus* — благородный олень; *Bison priscus* — первобытный бизон (рис. 1–3). вст рис 1–3 Такое разделение достаточно условно, так как очевидно, что в позднем плейстоцене стада копытных и хоботных совершали сезонные, охватывавшие гигантские пространства равнин, миграции из тундры в степь и обратно. Поэтому на территории одного и того же первобытного племени в различные сезоны охота могла вестись на разные группы животных. Таким образом, процентное соотношение ископаемого костного материала отражает скорее некое усредненное присутствие тех или иных животных в окрестностях стоянки в течение года. В культурных слоях всех трёх изученных нами памятников присутствуют как тундровые, так и степные виды млекопитающих. Вероятно, на обитателей тундры чаще охотились зимой, на обитателей степи — летом. Наиболее эффективной охота на травоядных была весной и осенью на переправах, во время сезонных миграций, а добыча зайца, песца, волка и росомахи чаще велась ради меха в холодное время года при помощи пастей и петель. Могло также использоваться метательное оружие. Анализ костных остатков из ранних верхнепалеолитических культурных слоев стоянок Костёнок 6 и Костёнок 12/III, показал, что здесь совпадают наиболее добываемые виды. На обеих стоянках на первом месте — лошадь, на втором — мамонт, на третьем — северный олень, на четвертом — волк. Иная картина в Костёнках 17/II.

---

[1] Зоологический институт РАН

[2] Работа выполнена при поддержке РФФИ № 05-06-80329а и РФФИ № 08-06-00161а.

Виды		кости	особи
Заяц	*Lepus tanaiticus*	4	1
Волк	*Canis lupus*	15	2
Песец	*Alopex lagopus*	2	1
Мамонт	*Mammuthus primigenius*	19	2
Лошадь	*Equus latipes*	144	4
Носорог	*Coelodonta antiguitatis*	1	1
Благородный олень	*Cervus elaphus*	2	2
Северный олень	*Rangifer tarandus*	19	2
Бизон	*Bison priscus*	10	2

Рис. 1. Фауна из Костёнок 6

Виды		кости	особи
Суслик	***Citellus superciliosus***	**1**	**1**
Волк	***Canis lupus***	**10**	**1**
Песец	***Alopex lagopus***	**1**	**1**
Мамонт	***Mammuthus primigenius***	**15**	**2**
Лошадь	***Equus latipes***	**117**	**3**
Носорог	***Coelodonta antiguitatis***	**1**	**1**
Благородный олень	***Cervus elaphus***	**4**	**1**
Северный олень	***Rangifer tarandus***	**14**	**2**

Рис. 2. Фауна из Костёнок 12/Ш

Виды		кости	особи
Волк	*Canis lupus*	126	2
Росомаха	*Gulo gulo*	1	1
Мамонт	*Mammuthus primigenius*	9	1
Лошадь	*Equus latipes*	21	2
Северный олень	*Rangifer tarandus*	11	1
Бизон	*Bison priscus*	12	1

Рис. 3. Фауна из Костёнок 17/II

Здесь на первом месте волк, на втором — лошадь, на третьем — бизон, на четвертом — северный олень. Предпочтение в охоте на те или иные виды млекопитающих в данном случае, скорее всего, зависело от культурных особенностей первобытных племен.

Анализ процентного соотношения между остатками различных частей скелета зверей необходим для правильного понимания хозяйственной деятельности человека. Например, в Костёнках 6 и Костёнках 12/Ш, Костёнках 17/II кости скелета мамонта представлены относительно равномерно, что говорит о том, что древние люди доставляли на стоянки все части этого животного, включая ребра и позвонки (рис. 4–6). Это, несомненно «кухонные отходы», что вызывает сомнение в состоятельности гипотезы об пассивном сборе и транспортировке ископаемых костей давно погибших хоботных древними людьми с так называемых «мамонтовых кладбищ» для возведения построек на стойбище.

В Костёнках 17/II были найдены фрагменты двух скелетов волков, принадлежавших некрупным взрослым животным. Костные остатки не несут на себе следов расчленения для кулинарного потребления и, скорее всего, звери были добыты ради меха. Поскольку туши были доставлены на стоянку и захоронены целиком, из костей здесь преобладают фрагменты черепа, позвоночника и ребер этого хищника.

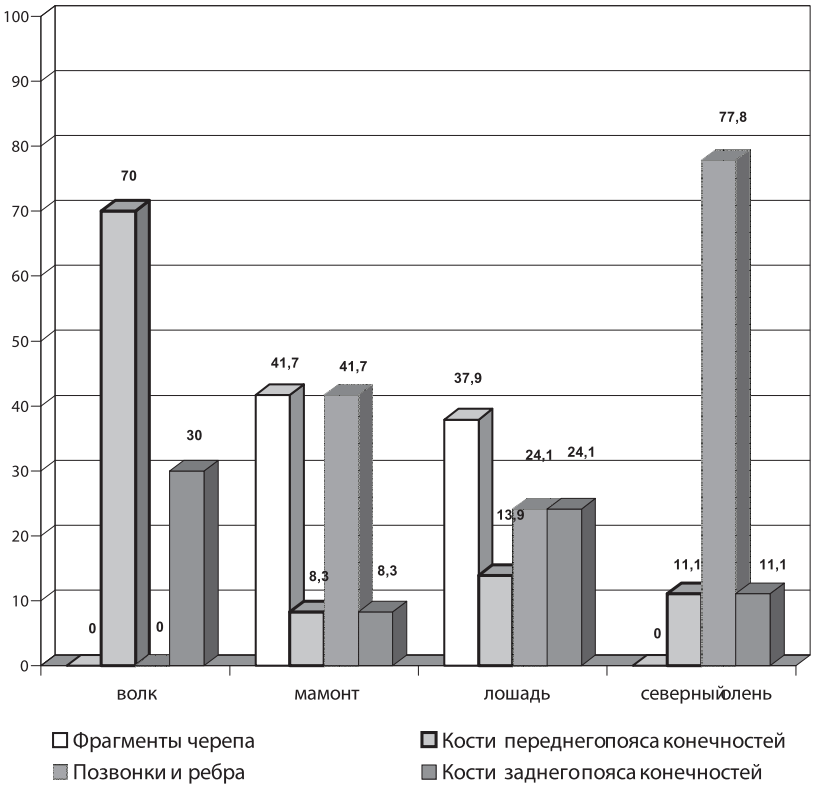

Рис. 4. Процентное соотношение частей скелета млекопитающих на стоянке Костёнки 6

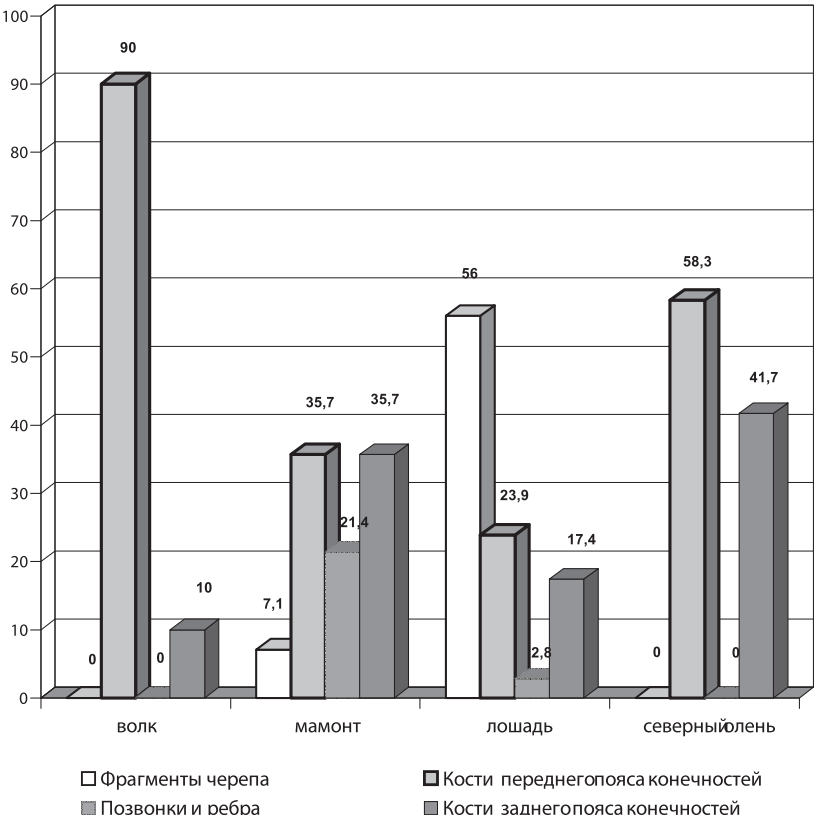

Рис. 5. Процентное соотношение частей скелета млекопитающих на стоянке Костёнки 12/Ш

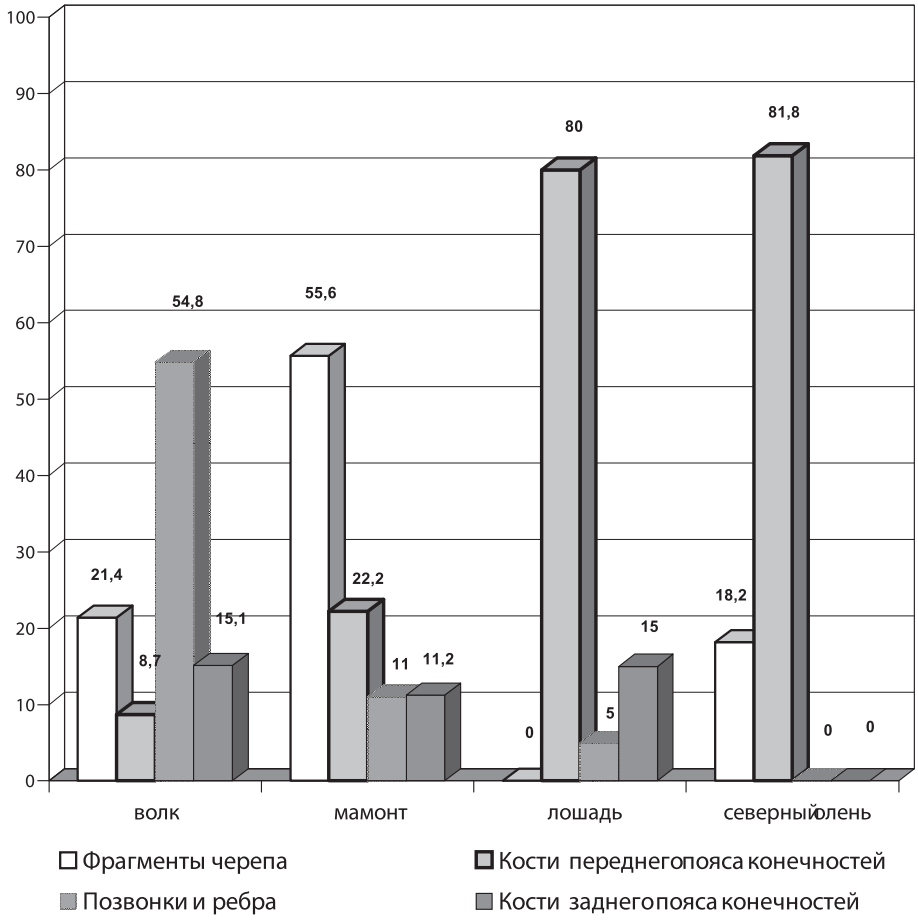

Рис. 6. Процентное соотношение частей скелета млекопитающих на стоянке Костёнки 17/II

В культурных слоях стоянок и Костёнки 6 и Костёнки 12/Ш, от волка найдены только изолированные кости передних и задних конечностей (рис. 4–5).

Лошадь в Костёнках 6 и 12/Ш представлена большим количеством фрагментов черепа (37,9 % и 56 % соответственно), тогда как остатков черепов северных оленей не зафиксировано. В Костёнках 17/II фрагменты черепа лошади отсутствуют вовсе, при этом кости переднего пояса конечностей составляют 80 % от общего количества костей (рис 6). Северный олень здесь также представлен в основном — 81,8 % — костями переднего пояса конечностей, сохранились и кости черепа — 18,2 %. Характер разделки добычи, а также транспортировка на стоянку тех или иных частей животных есть отражение культурных традиций первобытных людей. На Костёнках 17, II слой, мы, очевидно, имеем дело с остатками трапез, а не отходами разделки туш лошадей и северных оленей. Вероятнее всего разделка этих животных производилась каких-то специальных местах, а на стоянку избирательно доставлялись в основном передние конечности, остатки которых и составили большую часть фаунистической коллекции.

Анализ фаунистических комплексов из ранних верхнепалеолитических культурных слоев стоянок Костёнки на Дону по раскопкам П.И. Борисковского, П.П. Ефименко, А.Н. Рогачева показал, что хозяйственная деятельность и культурные традиции обитателей стоянок Костёнки 6 и Костёнки 12/Ш, были сходными. Они существенно отличались от таковых у обитателей стоянки Костёнки 17/II. Учитывая одновременность памятников, залегающих в сходных стратиграфических условиях [Аникович 2005], мы не можем интерпретировать эти особенности как хронологические. В целом, наше исследование подтверждает данные археологов [Палеолит... 1982] о сосуществовании в эту эпоху на Дону двух верхнепалеолитических культур — спицынской (Костёнки 17/II) и стрелецкой (Костёнки 6 и Костёнки 12/Ш).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. — М.-Л.: АН СССР (Лен. отд.). — 85 с.

Абрамова З.А. 2005. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. — С.-Пб.: Европейский Дом. — 352 с. (Труды ИИМК РАН, т. XV).

Алпысбаев Х.А. 1958. Позднепалеолитическое поселение Костёнки II. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л.: ЛОИА АН СССР.

Алпысбаев Х.А. 1959. Некоторые результаты изучения кремнёвых орудий // КСИИМК. — Вып. 76. — С.10–16.

Акиньшин А.Н. 2002. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899–1959). Воронежские страницы биографии // Исторические записки. — Вып. 2. — Воронеж. — С. 207–214.

Амирханов Х.А. 1998. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт. — М.: Научный мир. — С. 15–34.

Амирханов Х.А. 2000. Зарайская стоянка. — М.: Научный мир. — 245 с.

Амирханов Х.А. 2005. К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево (по поводу одной рецензии) // РА. — № 2. — С. 93–101.

Амирханов Х.А., Бужилова А.П., Лев С.Ю. 2009. Изолированный молочный зуб человека из второго культурного слоя стоянки Зарайска // Исследования палеолита в Зарайске. 1999-2005. — М.: Палеограф. — В печати.

Амирханов Х.А., Лев С.Ю., Селезнёв А.Б. 2001. Проблема «палеолитической деревни» в свете исследований Зарайской стоянки // КСИА. — Вып. 211. — С. 5–16.

Аникович М.В. 1977. Строение верхней гумусированной толщи в с. Костёнки и относительный возраст залегающих в ней стоянок // Палеоэкология древнего человека. М.: Наука. — С. 66–74.

Аникович М.В. 1983. К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района // КСИА. — Вып. 173. — С. 16–23.

Аникович М.В. 1987. Новая антропологическая находка в с. Костёнки. Археологический аспект // КСИА. — Вып. 189. — С. 3–8.

Аникович М.В. 1988. О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторического познания. — Л.: «Наука». — С. 73–98.

Аникович М.В. 1989. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. — № 4. — С. 115–127.

Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. — Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — СПб.: ИИМК РАН. — 40 с.

Аникович М.В. 1991а. Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // Археологические культуры и культурные трансформации. — Л. — С. 40–48.

Аникович М.В. 1992. К определению понятия «археологическая эпоха» // РА. — № 1. — С. 85–94.

Аникович М.В. 1992а. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите // КСИА. — Вып. 206. — С. 34–42

Аникович М.В. 1993. О значении Костёнковско-Борщёвского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. — № 3. — С. 3–19.

Аникович М.В. 1994. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // АВ. — № 3. — С. 144–157.

Аникович М.В. 1995. Судьбы верхнепалеолитического населения Русской равнины // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. — С.-Пб. — С. 10-13.

Аникович М.В. 1997. «Восточный граветт» и проблема миграций в верхнепалеолитическую эпоху // «Восточный граветт». Тезисы докладов Международного коллоквиума. (Зарайск — Москва, 1-7 сентября 1997). — М. — С. 10–13.

Аникович М.В. 1997а. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: Материалы симп. «Первичное расселение человечества». — М. — С. 143–155.

Аникович М.В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. — М.: Научный мир. — С. 35–60.

Аникович М.В. 2003. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // АЭАЕ. — № 2 (14). — С. 15–29.

Аникович М.В. [2004]. Происхождение Костёнковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // SP. — 2001–2002. — № 1: В начале был камень. — С. 266–290.

Аникович М.В. 2005а. О хронологии палеолита Костёнковско-Борщёвского района // АЭАЕ. — № 3 (23). — С. 70–86.

Аникович М.В. 2005б. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // SP. — 2003-2004. — № 1: В эпоху мамонтов. — С. 487-505.

Аникович М.В. 2005в: О конкретно-историческом подходе А.Н. Рогачёва // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. — СПб.: ООО «Копи-Р». — С. 33–47 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Аникович М.В. 2005г. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // АЭАЕ. — № 2 (22). — С. 37–47.

Аникович М.В. 2007а. Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и Горного Алтая // АЭАЕ. — № 1 (29). — С. 2–15.

Аникович М.В. 2007б. А.Н. Рогачёв и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // РА. — № 4. — С. 64–71.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К. 2001. Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Мамонт и его окружение. 200 лет изучения. — М.: ГЕОС. — С. 315–327.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К. [2004]. Охота на мамонтов в палеолите Евразии // SP 2001-2002. — № 1. — С. 479–501.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. 2007. Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. — М.: Наука. — С. 98–112.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. 2007а. Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. — М.: Наука. — С. 98–112.

Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю. 1997. Технологический анализ стрелецких наконечников // Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий // Археологические изыскания. Вып. 43.– СПб.: ИИМК РАН. — С. 152–161.

Аникович М.В., Попов В.В., Анисюткин Н.К., Хоффекер Дж.Ф., Холлидэй В.Т., Форман С.Л., Картер Б. Ловлие Р., Дудин А.Е., Кузьмина И.Е, Платонова Н.И., Макаров С.С. 2006. Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костёнки 1 (стоянка Полякова) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 81–100 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., Кузьмина И.Е., Левковская Г.М., Поспелова Г.А., Форман Ст., Холлидэй В.Т. 2004. Новые данные о многослойной стоянке Костёнки 12 (Волковская) // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. — Воронеж: Истоки. — С. 18-38.

Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., Дудин А.Е., Левковская Г.М., Поспелова Г.А., Кузьмина И.Е, Платонова Н.И., Форман С., Холлидэй В.Т., Картер Б. 2005. Хроностратиграфия многослойной стоянки Костёнки 12 (Волковская) в контексте хроностратиграфии палеолита Костёнковско-Борщёвского района // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. — СПб.: ООО «Копи-Р». — С. 66–86 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Анисюткин Н.К. 2002. Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта // АВ. — № 9. — С. 11–23.

Анисюткин Н.К. 2006. Северный пункт Костёнок 4 и культурно-хронологическая интерпретация памятника // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 101-113 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Анучин Д.Н. 1952. И.С. Поляков // Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). — М.: Географгиз. — С. 96–104.

Бадер О.Н. 1978. Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. — М.: Наука. — 271 с.

Бадер Н.О., Лаврушин Ю.А. (ред.). 1998. Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). — М.: Научный мир. — 270 с.

Баскаков Н.А. 1971. Жилища приилийских казахов // СЭ. — № 4. — С. 104–115.

Богораз В.Г. 1991. Материальная культура чукчей. М.: Наука. — 223 с.

Бозинский Г. 2002. Верхний палеолит Германии в структуре палеолита Европы // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. Материалы Международной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Александра Николаевича Рогачёва. — СПб. — С. 8–19.

Болховитинов Е. 1800. Историографическое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. — Воронеж.

Борисковский П.И. 1953. Палеолит Украины // МИА СССР. — № 40. — 464 с.

Борисковский П.И. 1954. Вопросы периодизации палеолита. // СА. — XXI. — С. 30–37.

Борисковский П.И. 1957. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины. // МИА. — № 59. — М.-Л.

Борисковский П.И. 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках. // МИА. — № 121. — М.-Л.

Борисковский П.И. 1970. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области // Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. — М.: Наука. — С. 9–10.

Борисковский П.И. 1989. Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика. // СА. — № 3. — С. 253–259.

Борисковский П.И. 1989а. Критерии выделения позднепалеолитических историко-культурных областей (на примере степной зоны) // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. — Л. — С. 24–27.

Борисковский П.И., Дмитриева Т.Н. 1982. Костёнки 2 (стоянка Замятнина) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 67–72.

Борисковский П.И., Праслов Н.Д. 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья // САИ. — М.; Л.: Наука (Лен. отд.) — 56 с.

Борисковский П.И., Праслов Н.Д., Аникович М.В. 1982. Костёнки 17 (Спицынская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879-1979. — Л.: Наука. — С. 181–186.

де Бруин К. 1989. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. — Л.: Лениздат. — С. 17–188.

Валох К. 1969. Начало верхнего палеолита в Средней Европе // БКИЧП. — № 36.

Васильев С.А. 1996. Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). — СПб. — 224 с. (Archaeologica Petropolitana. — № 1).

Васильев С.А. 1999. Русская дореволюционная археология палеолита // На пользу и развитие русской науки. — Чита. — С. 5–28.

Васильев С.А. [2004]. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // SP 2001-2002. — № 1. — С. 21–170.

Васильев С.А. 2008. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских учёных. — СПб.: ИИМК РАН. — 179 с.

Векилова Е.А. 1953. Палеолитическая стоянка Боршево 1 // МИА. — № 39. — С. 111–136.

Величко А.А. 1963. Стоянка Спицына (Костёнки XVII и её значение для решения основных вопросов геологии Костёнковско-Борщёвского района) // МИА. — № 121. — М.-Л.: АН СССР. — С. 201–220.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи (к XV Международному конгрессу INQUA, ЮАР). — М. — 191 с.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. 1997а. Ландшафтно-климатические условия расселения палеолитического человека на территории Восточной Европы // «Восточный граветт». Тезисы докладов Международного коллоквиума. (Зарайск — Москва, 1-7 сентября 1997). — М. — С. 20–25.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю. 1999. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. — М.: Институт географии РАН. — С. 19–50.

Величко А.А., Зеликсон Э.М. 2006. Перигляциальная среда как ресурсная основа существования позднего мамонта эпохи верхнего палеолита эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине // // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 9–25 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Величко А.А., Иванова И.К., Муратов В.М. 1969. Геологическая история Русской равнины, Крыма и Кавказа в плейстоцене и возраст палеолитических культур // Природа и развитие первобытного общества на территории СССР. — М. — С. 8–41.

Величко А.А., Маркова А.К., Морозова Т.Д., Ударцев В.П. 1985. Опыт применения методов абсолютной и относительной геохронологии при детальном расчленении четвертичных отложений Восточной Европы // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Геохронология четвертичного периода.» — Таллин. — С. 7.

Величко А.А., Писарева В.В., Тимирева С.Н. 2005. Интерпретация условий формирования толщ, вмещающих памятники ранней поры позднего палеолита Костёнковско-Боршевского района в свете новых данных. — Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология. — Воронеж: Воронежский государственный университет. — С. 35–39.

Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Труды Зоологического института АН СССР. — Т. 72. — С. 77–110.

Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. 1982. Фауна млекопитающих // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л. — С. 223–232.

Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. **1979.** — Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию, посвящённому 100-летию открытия палеолита в Костёнках (20–25 августа 1979 года). — Воронеж.

Гаврилов 1997. Хотылёвская верхнепалеолитическая стоянка // Восточный граветт. Тезисы докладов Международного коллоквиума. (Зарайск-Москва, 1-7 сентября 1997). — М. — С. 25–29.

Гаврилов К.Н. 2004. Типология и пространственное распределение каменных орудий Сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Путеводитель и тезисы докладов конференции, посвященной 125-летию открытия палеолита в Костёнках. — Воронеж: Истоки. — С. 97–98.

Гаврилов К.Н. 2004а. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. — М.: Научный мир. — С. 262–284.

Гарутт В.Е. 2001. Двести лет со времени установления вида шерстистого мамонта Mammuthus primigenius (Blumenbach, 1799) // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. — М.: ГЕОС. — С. 7–21.

Гвоздовер М.Д. 1964. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // САИ А1-5. — М.; Л. — С. 37–41.

Гвоздовер М.Д. 1967. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. — № 27.

Гвоздовер М.Д. 1985. Типология женских статуэток Костёнковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. — 75. — С. 27-66.

Гей Н.А., Зайцева Г.И., Цыганов Ю.Ю. 1994. Комплексное исследование верхнепалеолитической стоянки Борщёво 2 // Международная конфереция по применению методов естественных наук в археологии. — С. 44.

Генко А.Н. 1923. К вопросу о языковом скрещении (два случая с греческим языком) // Яфетический сборник. — Вып. 2. — Пг. — С.121-136.

Герник В.В., Гуськова Е.Г., 2002. Палеомагнитные характеристики отложений разреза ст. Костёнки 14 (Маркина Гора) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: АкадемПринт. — С. 247–249 (Тр. Костёнковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Гиря Е.Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 2. — Археологические изыскания. Вып. 44. — СПб.: АкадемПринт. — 198 с.

Гиря Е.Ю. 1999. Есть ли переходные технологии в Костёнках? // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докладов на Международной конференции, посвящённой 100–летию со дня рождения С.Н. Замятнина. — СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. — С. 120–122.

Гладких М.И. 1973. Поздний палеолит лесостепного Поднепровья. — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Л. — 22 с.

Гмелин С.-Г. 1771. Путешествие по России для исследования трёх царств естества. — Ч. 1. — СПб.

Григорьев Г.П. 1966. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Прага, 1966. Доклады и сообщения археологов СССР. — М.: Наука. — С. 27–35.

Григорьев Г.П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens* // Л.: Наука. — 220 с.

Григорьев Г.П. 1970. Верхний палеолит // МИА. — № 166. — С. 43–63.

Григорьев Г.П. 1972. К методике установления локальных различий в палеолите // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. — Л.: Наука. — С. 14–17.

Григорьев Г.П. 1981. Развитие классификации палеолита и восстановление общественного устройства по данным археологии // Преемственность и инновации в развитии древних культур. — Л.: Наука. — С. 27–31.

Григорьев Г.П. 1988. Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. — Л.: Наука. — С. 13–15.

Григорьев Г.П. 1989. Виллендорфско-Костёнковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. — Л.: Наука. — С. 45–48.

Григорьев Г.П. 1992. Итоги исследований Авдеева и проблемы археологической культуры // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. — СПб.: ИИМК РАН. — С. 13–16.

Григорьев Г.П. 1993. О соотношении типа и археологической культуры // ПАВ. — № 6. — С. 15–16.

Григорьев Г.П. 1994. Единство Европы в первый раз: граветтийский эпизод // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. — СПб. — С. 12–14.

Григорьев Г.П. 2004. Понятие: ранняя пора верхнего палеолита // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. — Воронеж: Истоки. — С. 100–101.

Григорьев Г.П. 2006. Ранняя пора верхнего палеолита: методика выделения // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125–летию открытия палеолита в Костёнках, 23–26 августа 2004 г.). — СПб.: «Нестор-История». — С. 39–50 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Григорьев Г.П., Булочникова Е.В. 2004. Методика исследований палеолита: микростратиграфия и хронология. Рец. на: *Амирханов Х.А.* Зарайская стоянка. М., 2000 // АВ. — Вып. 11. — С. 329–332.

Григорьева Г.В. 1967. Большая Аккаржа и её место среди позднепалеолитических памятников юга СССР // КСИА. — Вып. 111. — С. 86–90.

Грищенко М.Н. 1950. Палеогеография Костёнковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита // КСИА. — Вып. XXXI. — С. 75–88.

Грищенко М.Н. 1976. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. — М.: Наука. — 228 с.

Громов В.И. 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). — М.: АН СССР. — 521 с.

Гулыга А.А. 1969. История как наука // Философские проблемы исторической науки. — М.: Наука. — С. 7–50.

Дебец Г.Ф. 1955. Палеоантропологические находки в Костенках (предварительное сообщение) // СЭ. — № 1.

Диков Н.Н. 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы. — М.: Наука. — 392 с.

Д.Н. Анучин (по поводу 25–летия его деятельности в Императорском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии). **1900** // РАЖ. — Кн. 1. — С. 1–24.

Докучаев В.В. 1882. *Археология России. Каменный период. ТТ. I и II графа А.С. Уварова. 1881.* Доклад В.В. Докучаева Отделению геологии и минералогии С.-Петербургского Общества естествоиспытателей 20 ноября 1881 г. // Труды С.-Петербургского Общества естествоиспытателей. — Т. XIII. Вып. 1. — СПб. — С. 1–54.

Долгих Т.Б. 1971. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур // СЭ. — № 4. — С. 93–103.

Древности 1909. Труды МАО. Кн. XXII. Вып. 1.

Ефименко П.П. 1915. Костёнковская палеолитическая стоянка // Ежегодник РАОПУ. — Т. V. — С. 13–26.

Ефименко П.П. 1915а. К вопросу о стадиях каменного века в Палестине // Ежегодник РАОПУ. — Т. V. — С. 63–88.

Ефименко П.П. 1923. Доисторическая археология, её задачи и перспективы в областном изучении // Краеведение. — № 2. — С. 93–98.

Ефименко П.П. 1928. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. — № 1. — С. 45–59.

Ефименко П.П. 1931. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК. — Т. XI. Вып. 3–4. — 73 с.

Ефименко П.П. 1938. Первобытное общество. — Л.: Соцэкгиз. — 636 с.

Ефименко П.П. 1953. Первобытное общество (очерки по истории палеолитического времени: изд. III — Киев: АН УССР. — 663 с.

Ефименко П.П. 1958. Костёнки 1. — М.-Л.: АН СССР. — 452 с.

Ефименко П.П., Борисковский П.И. 1953. Палеолитическая стоянка Боршево II // МИА. — № 39. — С. 56–110.

Ефименко П.П., Борисковский П.И. 1957. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) // МИА. — № 59. — С. 191–234.

Жук А.В. 1987. Палеоэтнологи Санкт-Петербурга — Петрограда. Из предыстории научного становления М.П. Грязнова // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции. — Омск. — С. 18–21.

Заверняев Ф.М. 1974. Новая верхнепалеолитическая стоянка на реке Десне // СА. — 4. — С. 142–161.

Загоровский В.П. 1996. Пётр Великий на Воронежской земле. — Воронеж: ВГУ. — 167 с.

Замятнин С.Н. 1922. Очерки по доистории Воронежского края. Каменный и бронзовый век в Воронежской губернии. — Воронеж.

Замятнин С.Н. 1929. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. — № 2. — С. 209–214.

Заррина Е.П., **Краснов И.И., Спиридонова Е.А. 1980.** Климатостратиграфическая корреляция и хронология позднего плейстоцена Северо-Запада и центра Русской равнины. // Четвертичная геология и геоморфология, дистанционное зондирование. Доклады советских геологов к XXVI сессии Международного геологического конгресса. — М. — С.

Захарук Ю.Н. 1980. Об одной концепции археологической культуры. // Первобытная археология. Поиски и находки. — Киев: Наукова думка. — С. 256–259.

Иванова М.А. 1985. Структура Гмелинского палеолитического поселения. — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Л.: ЛОИА АН СССР.

Иванова Ю.В. 1999. Пётр Фёдорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. — М.: «Восточная литература» РАН. — С.235–264.

Исследования А.А. Спицына в Воронежской губ. **1908** // ОАК за 1905 г. — СПб. — С. 82–84.

Кардаш О.В. 2007. Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI — первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка). — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — СПб. — 21 с.

Кельсиев А.И. 1883. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // Труды МАО. — Т. 9. № 2–3. — С. 154–180.

Кильпе Т.Л. 1984. Основы архитектуры. М.

Кинд Н.В. 1974. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. — Труды ГИН. — Вып. 257.

Клейн Л.С. 2005. Византиец // Кондаковские чтения — 1. Проблемы культурной преемственности. Материалы 1 Международной научной конференции. — Белгород: БелГУ. — С. 5–24.

Клейн Л.С. 2007. Из истории научных школ и традиций античной археологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского (1928–2004). — С.Пб.: Нестор-История. — С. 121–138.

Коен В., Степанчук В. 2000. Вариабельность перехода от среднего к верхнему палеолиту // SP. — № 1. Время последних неандертальцев. — С. 31–53.

Козинцев А.Г. 2003. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // АЭАЕ. — № 1. — С.58–64.

Козинцев А.Г. 2004. Сунгирь: старый спор, новые аргументы // АЭАЕ. — № 1. — С. 19–27.

Козловский Я.К. 2005. Значение переходных индустрий, являющихся производными леваллуа, для начала верхнего палеолита в Западной Евразии // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск. — ИАЭт СО РАН. — С. 98–114.

Криштафович Н.И. 1906. О геологическом исследовании палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г. // Труды МАО. — Т. 21, вып. 1. — С. 174–183.

Кузьмин Я.В. 2006. *«Радиоуглерод и археология»*. Труды 4–го Международного симпозиума, 9–14 апреля 2002 г., Оксфорд, Великобритания. — Oxford University School of Archaeology Monograph. V. 62. 2004. 348 p. — Рецензия // РА. — № 2. — С. 162–176.

Куликова Л.С., Поспелова Г.А. 1979. Кратковременная инверсия геомагнитного поля 42–40 тыс. лет тому назад // Известия АН СССР. Сер. Физика Земли. — № 6. — С.53–64.

Лазуков Г.И. 1957а. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костёнковско-Борщёвском районе // СА. — № 3. — С. 84–104.

Лазуков Г.И. 1957б. Геология стоянок Костёнковско-Борщёвского района // МИА. — № 59. — С. 135–173.

Лазуков Г.И. 1979. Геолого-геохронологическая характеристика стоянок Костёнковско-Борщёвского района и условия обитания позднепалеолитического человека // Верхний плейстоцен и развитие позднепалеолитической культуры в центре Русской равнины. — Воронеж. — С. 8–14.

Лазуков Г.И. 1982. Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 13–37.

Левковская Г.М., Бердовская Г.Н., Хомутова В.И. 1983. Морфологическая изменчивость пыльцы ели — возможный источник ошибок при палеогеографических реконструкциях // Материалы IV Всесоюзной палинологической конференции: «Палинология и палеогеография». — Свердловск: Уральский научный центр АН СССР. — С. 53–57.

Левковская Г.М., Хоффекер Дж.Ф., Аникович М.В., Форман С.Л., Холлидэй В.Т., Поспелова Г.А., Попов В.В., Карцева Л.А., Стеганцева В.Я., Санько А.Ф. 2005. Климатостратиграфия древнейших палеолитических слоев стоянки Костёнки 12 (Волковская) // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. СПб.. — С. 93–130 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Лепёхин И. 1795. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. — Изд. 2. — Ч. 1. — СПб.

Лисицын С.Н. 1999. Эпиграветт или постграветт? Особенности кремнёвого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством // Stratum plus. — № 1. Время собирать камни. — С. 83–120.

Лисицын С.Н. 2004. Хроностратиграфия стоянки Борщёво 5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Путеводитель и тезисы докладов конференции, посвященной 125–летию открытия палеолита в Костёнках. — Воронеж: Истоки. — С. 66–79.

Лисицын С.Н. 2005. Культурные слои, связанные с вулканическим пеплом, на стоянках Костёнки-14 и Борщёво-5 // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология. — Воронеж: ВГУ. — С. 67–68.

Лисицын С.Н. 2006. Третий культурный слой стоянки Борщёво 5, связанный с горизонтом вулканического пепла // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125–летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 114–124 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Літоучанка Л.М. 1966. Палеалітычная стаянка Біручы Лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук 3:

Литовченко Л.М. 1969. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. — № 3. — С. 110–123.

Малясова Е.С., Спиридонова Е.А. 1982. Палеогеография Костёнковско-Борщёвского района по данным палинологического анализа // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 гг. — Л.: Наука. — С. 234–245.

Марков К.К., Величко А.А. 1967. Четвертичный период. (Ледниковый период — антропогеновый период). Т. III. — М.

Марр Н.Я. 1909. Барон В.Р. Розен и христианский Восток // Памяти барона Виктора Романовича Розена. — ЗВОРАО. — Т. XVIII. Приложение. — СПб.

Матюхин А.Е. 2004. Мустьерские и позднепалеолитические индустрии в устье Северского Донца // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное. — Воронеж: Истоки. — С. 112–114.

Матюхин А.Е. 2005. Позднепалеолитические индустрии с двусторонними остриями долины Северского Донца // АВ. — № 12. — С. 44–61.

Матюхин А.Е. 2006. Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125–летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 157–182 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Медникова М.Б. 2003. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе: Дискуссионные аспекты таксономического ранга верхнепалеолитических скелетных остатков // АЭАЕ. — № 4(16). — С. 17–29.

Медникова М.Б. 2004. Об участии европейских неандертальцев в происхождении человека // РА. — № 3. — С. 113–119.

Мелекесцев И.В., Кирьянов В.Ю., Праслов Н.Д. 1984. Катастрофическое извержение в районе Флегрейских полей (Италия) — возможный источник вулканического пепла в позднеплейстоценовых отложениях Европейской части СССР // Вулканология и сейсмология. — № 3. — С. 35–44.

Никонова А.А. 2004. О пользе общего дела (документы о коллекциях каменных орудий И.С. Полякова) // Невский археолого-историографический сборник. — СПб. — С. 153–159.

Отт М., Козловский Я.К. 2001. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 3. — С. 51–62.

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. 1998: Гарчи 1 — памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы. — Северное Приуралье в эпоху камня и металла. — МАЕСВ, вып. 15. — Сыктывкар. — С. 4–17.

Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879 — 1979. /Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачёв/. **1982.** Л.: Наука. — 286 с.

Петряев Е.Д. 1954. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. — Чита.

Пидопличко И.Г. 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. — Киев.: Наукова думка. — 163 с.

Пидопличко И.Г. 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. — Киев.: Наукова думка. — 239 с.

Платонова Н.И. 2003. Фёдор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С.И. Руденко) // АВ. — № 10. — С. 367–373.

Платонова Н.И., Аникович М.В. 2005. Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания, размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. — СПб.: ИИМК РАН — ООО «Копи-Р». — С. 10–28 (ТКБАЭ, вып. 3).

Поляков И.С. 1873. Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губернии: (Ч. 1: Следы каменного века на юго-востоке Олонецкой губернии, с 8–ю таблицами рисунков; Ч. 2: Взгляд на экономическое состояние и современный быт жителей в связи с природой и развитием культуры на Севере). — Записки ИРГО по Отделению этнографии. — Т. 3. — СПб. — 190 с.

Поляков И.С. 1880. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Академии наук. — СПб. — Приложение к т. XXXVII Записок Академии наук. — 81 с.

Поляков И.С. 1881. Каменный век в России // Живописная Россия. — Т. 1. Ч. 1. — СПб. — М. — С. 381–402.

Поляков И.С. 1881а. Несколько замечаний о местонахождениях каменных орудий в Олонецкой губернии // Труды II Археологического съезда в С.-Петербурге. — Вып. 2. — Протоколы заседаний Съезда. — С. 7–9.

Поляков И.С. 1882. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // Зап. РГО по отд. этнографии. — Т. IX. — 167 с.

Попов А.А. 1961. Жилище. Историко — этнографический атлас Сибири. — М.- Л.

Попов В.В. 1983. Анализ кремневого инвентаря стоянки Костёнки 11 (II культурный слой) // Древние памятники на территории Восточной Европы. — Воронеж. — С. 5–13.

Попов В.В. 1989. Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костёнки 11. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Ленинград. — 23 с.

Попов В.В. 1994. История исследования стоянки Костёнки 11 (Аносовка 2) // Труды Воронежского областного краеведческого музея. — Вып. 2. — Воронеж. — С. 6–21.

Попов В.В. 2002. Жилище аносовско-мезинского типа на стоянке Костёнки 11 // Археологические памятники Восточной Европы /ред. А.Т. Синюк/. — Воронеж: Воронежский Гос. пед. университет. — С. 4–12.

Попов В.В. 2005. Кости мамонта в конструкции жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костёнки 11 (Аносовка 2) // Stratum plus. № 1, 2003–2004. — С. 157–186.

Попов В.В. 2005а. Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки» и проблемы современного состояния памятников Костёнковско-Борщёвского района // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. — СПб.: ООО «Копи-Р». — С. 48–65 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Поспелова Г.А. 2005. Рекогносцировочные палеомагнитные исследования пород палеолитической стоянки Костёнки 12 // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. — СПб.: ООО «Копи-Р». — С. 87–92 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Поспелова Г.А., Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф. 2005. Реконструкция палеоклимата времени формирования пород разреза палеолитической стоянки Костёнки 12 по их скалярным магнитным характеристикам // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. — СПб.: ООО «Копи-Р». — С. 131–160 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Поспелова Г.А., Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Кадзилко-Хофмокл М. 2007. Разработка магнитного метода реконструкции палеоклимата времени формирования пород (на примере разреза палеолитической стоянки Костёнки-12, Воронежская обл.) // Физика Земли. — № 12. — С. 55–71.

Поспелова Г.А., Аникович М.В., Цельмович В.А., Водовозов В.Ю., Дудин А.Е. 2008. Петрофизические исследования осадочных пород верхнепалеолитической стоянки Костёнки-1// Материалы IX Международной конференции физико-химических и петрофизических исследований в науках о Земле. — М.: РАН. — С. 255–259.

Поспелова Г.А., Ларионова Г.Я. 1973. О возрасте отложений Кочковской и Краснодубровской свит по палеомагнитным данным (скв. Елунино и Харьково) // Методы и результаты палеомагнитного изучения осадочных формаций кайнозоя Западной Сибири. — Новосибирск: Наука. — С. 44–59.

Поспелова Г.А., Левковская Г.М., Пилипенко О.В. 2000. Динамика напряжённости геомагнитного поля и палеоклимата 53–32 тыс. лет тому назад // Докл. РАН. — Т. 375. — № 1. — С. 98–102.

Поспелова Г.А., Петрова Г.Н., Шаронова З.В. 1998. Геомагнитное поле во время и вблизи экскурсов, записанных в разрезе Янгиюль (Узбекистан) // Физика Земли. — № 5. — С.65–79.

Поспелова Г.А., Шаронова З.В. 1999. Напряженность геомагнитного поля 53–22 тыс. лет // Физика Земли. — № 9. — С. 74–83.

Праслов Н.Д. 1982. История изучения палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сложение костёнковской школы // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л. — С. 7–13.

Праслов Н.Д. 1982а. Костёнки 3 (Глинище) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л. — С. 72–75.

Праслов Н.Д. 1984. Геологические и палеогеографические рамки палеолита. Развитие природной среды на территории СССР и проблемы хронологии и периодизации палеолита // Археология СССР. Палеолит СССР. — М.: Наука. — С. 18–40.

Праслов Н.Д. 1985. Костёнковская группа палеолитических стоянок // Краевые образования материковых оледенений. Путеводитель экскурсий VII Всесоюзного совещания Комиссии по изучению четвертичного периода. — М. — С. 24–28.

Праслов Н.Д. 1992. О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // АВ. — Вып. 1. — С. 28–39.

Праслов Н.Д. 1999. Сергей Николаевич Замятнин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899–5.11.1958) // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докладов на Международной конференции, посвящённой 100–летию со дня рождения С.Н.Замятнина. — СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. — С. 6–11.

Праслов Н.Д., Желтова М.Н. 2007. Об одной малоизвестной странице исследований в Костёнках // Записки ИИМК РАН. — 2. — С. 182–192.

Праслов Н.Д., Иванова М.А. 1982. Костёнки 21 (Гмелинская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 198–210.

Праслов Н.Д., Малясова Е.С. 1979. Стратиграфический шурф на северной окраине Костёнок // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. — Воронеж. — С. 58–60.

Праслов Н.Д., Сулержицкий Л.Д. 1999. Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костёнках на Дону // Доклады Академии наук. — Т. 365. — № 2. — С. 236–240.

Преображенский П.Ф. 1929. Курс этнологии. — М.-Л.: Госиздат.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. **1997** / Синицын А.А., Праслов Н.Д. (ред.) / СПб. — 141 с.

Рогачёв А.Н. 1940. Палеолитическое поселение Костёнки IV // КСИИМК. — Вып. IV. — С. 36–41.

Рогачёв А.Н. 1953. Исследование остатков первобытно-общинного поселения у с. Авдеева на р. Сейме в 1949 г. // МИА. — № 39. — С. 137–191.

Рогачёв А.Н. 1953а. Некоторые вопросы верхнего палеолита (по материалам Тельманской стоянки в Костёнках) // СА. — Т. XVII. — С. 149–160.

Рогачёв А.Н. 1955. Костёнки IV— поселение древнекаменного века на Дону. — МИА. — № 45.

Рогачёв А.Н. 1957. Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. — Вып. 59. — М.; Л.: АН СССР. — С. 9–134.

Рогачёв А.Н. 1970. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР. — МИА. — № 166. — М. — С.64–77.

Рогачёв А.Н., Аникович М.В. 1982. Костенки 4 (Александровская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 76–85.

Рогачёв А.Н., Аникович М.В. 1982а. Костенки 9 (Бирючий лог) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 109–113.

Рогачёв А.Н., Аникович М.В. 1982б. Костенки 6 (Стрелецкая) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 88–91.

Рогачёв А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н. 1982. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 92–109.

Рогачёв А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. — М.: Наука. — С. 162–271.

Рогачёв А.Н., Беляева В.И. 1982. Костенки 13 (Кельсиевская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С.140–145.

Рогачёв А.Н., Беляева В.И. 1982. Костенки 18 (Хвойковская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 186–190.

Рогачёв А.Н., Попов В.В. 1979. Костёнки 11 (Аносовка II) // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию, посвящённому 100–летию открытия палеолита в Костёнках (20–25 августа 1979 г.). — Воронеж. — С. 84–87.

Рогачёв А.Н., Попов В.В. 1982. Костёнки 11 (Аносовка 2) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879 — 1979. Л.: Наука. — С. 116–132.

Рогачёв А.Н., Праслов Н.Д., Аникович М.В., Беляева В.И., Дмитриева Т.Н. 1982. Костенки 1 (стоянка Полякова) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 42–66.

Рогачёв А.Н., Синицын А.А. 1982а. Костенки 14 (Маркина гора) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 145–162.

Рогачёв А.Н., Синицын А.А. 1982б. Костенки 15 (Городцовская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. — Л.: Наука. — С. 162–171.

Руденко С.И. 2003. Памяти Фёдора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) (подготовка текста, публикация и комментарии Н.И. Платоновой) // АВ. — 10. — СПб. — С. 361–366.

Саблин М.В. 2002. Фауна крупных млекопитающих центра Русской равнины в позднем плейстоцене, среднем голоцене // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: АкадемПринт. — С. 213–217. (Тр. Костёнковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Савич В.П. 1975. Пізньопалеолітичне населення Південно-Західної Волині. — Київ.

Свеженцев Ю.С. 1997. Радиоуглеродная хронология в археологии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. — СПб.: АкадемПринт. — С. 11–15.

Семёнов С.А. 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.

Синицын А.А. 1982. Городцовская позднепалеолитическая культура и ее место в палеолите Русской равнины. — Автореф. дисс. ... канд ист. наук. — Л.: ЛОИА АН СССР. — 18 с.

Синицын А.А. 1987. «Западный граветт» Восточной Европы // «Восточный граветт». Тезисы докладов Международного коллоквиума. (Зарайск — Москва, 1–7 сентября 1997). — М. — С. 60–63.

Синицын А.А. 1997. Хронология Восточного граветта // Восточный граветт. Тезисы докладов Международного коллоквиума. (Зарайск — М., 1–7 сентября 1997). — М. — С. 63–66.

Синицын А.А. 1999. Костёнки 14 (Маркина гора). 1998–1999 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов Международной конференции, посвящённой 120–летию открытия палеолита в Костёнках. — СПб.: ИИМК РАН. — С. 61.

Синицын А.А. 2000. Нижние культурные слои Костёнок 14 (Маркина гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита// SP. — № 1. — С. 125–147.

Синицын А.А. 2002. Нижние культурные слои Костёнок 14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: АкадемПринт. — С. 219–236 (Тр. Костёнковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Синицын А.А. 2002а. Костенки 14 (Маркина гора). Абсолютные даты // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — С.-Пб.: АкадемПринт. — С. 255 (Тр. Костёнковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Синицын А.А. 2005а. Палеомагнитные экскурсы и вулканический пепел Костёнок (Воронежская обл.) как реперные горизонты геологической и археологической хронологии неоплейстоцена Восточной Европы // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. — Сыктывкар. — С. 398–399.

Синицын А.А. 2005б. Сходство и различие Кара-Бомского пласта и начального верхнего палеолита Восточной Европы // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск: ИАЭт СО РАН. — С. 179–184.

Синицын А.А. 2005в. Стилистический аспект анализа. Кремнёвый инвентарь, орнаменты, нательные украшения // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск: ИАЭт СО РАН. — С. 172–178.

Синицын А.А., Хоффекер Дж. Ф., Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Форман С., Очередной А.К., Бессуднов А.А., Миронов Д.С., Рейнолдс Б. 2004. Костёнки 14 (Маркина гора) // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. — Воронеж: Истоки. — С. 39–59.

Синицын А.А., Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Богданов Д.Н. 2004. Костёнки 16 (Углянка) // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. — Воронеж: Истоки. — С. 60–65.

Соффер О.А. 1993. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. — М. — С. 99–118.

Спиридонова Е.А. 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. — М.

Спиридонова Е.А. 2002. Палинологическое обследование возраста отложений стратиграфической колонки стоянки Костёнки 14 (Маркина гора) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: АкадемПринт. — С. 237–246 (Тр. Костёнковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Степанчук В.Н. 2006. Нижний и средний палеолит Украины. — Черновцы: Зелена Буковина. — 464 с.

Сулержицкий Л.Д. 2002. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. Материалы Международной конференции, посвящённой 90–летию со дня рождения Александра Николаевича Рогачёва. — СПб. — С. 58–62.

Сулержицкий Л.Д. 2004. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. — № 3. — С. 103–112.

Сунгирь. Антропологическое исследование. **1984.** — М.: Наука. — 215 с.

Тарасов Л.М. 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. — Л.: Наука (Лен. отд.). — 168 с.

Тихонов И.Л. 1995. Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. — СПб.: С.-ПбГУ. — С. 109–113.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. 1889. Русские древности в памятниках искусства. — Вып. 1. — СПб.

Трусов А.В. 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. — Труды ГИМ. — Вып. 88. — С. 94–116.

Уваров А.С. 1881. Археология России. 1. Каменный период. — М. — 439 с.

Уваров А.С. 1910. Лекции, читанные в Московском Археологическом обществе // Сборник. Граф А.С. Уваров. К 25 летию со дня кончины. — Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. — М.: МАО. — С. 191–210.

Фёдорова Р.В. 1963. Природные условия в период обитания верхнепалеолитического человека в районе с. Костёнки Воронежской области по данным спорово-пыльцевого анализа отложений из стоянки Спицына (Костёнки XVII) // *Борисковский П.И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках. // МИА. — № 121. — С. 220–229.

Формозов А.А. 1983. Начало изучения каменного века в России. — М.: Наука. — 128 с.

Формозов А.А. 2004. Пётр Петрович Ефименко // *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. — М.: Знак. — С. 110–163.

Цыганов Ю.Ю. 1995. Стоянка Борщёво 2 и её место в палеолите Восточной Европы. — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — СПб. — 20 с.

Чабай В.П. 1999. Финал среднего палеолита и ранняя пора позднего палеолита в Крыму // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов Международной конференции, посвящённой 120–летию открытия палеолита в Костёнках. — СПб. — С. 73–74.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1984. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. — М. — С. 34–64.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1985. Народы, расы, культуры. — М.: Наука.

Чеботарёва Н.С., Макарычева И.А. 1974. Последнее оледенение Европы и его геохронология. — М.

Чепалыга А.Л. 2005. Эпоха экстремального затопления (ЭЭЗ) как прототип "Всемирного потопа": Понто-Каспийские бассейны и северное измерение // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. — Сыктывкар: Геопринт 447–450.

Чепалыга А.Л. 2005а. Прототип Всемирного потопа? // Знание — сила. — № 12. — С. 85–91.

Чепалыга А.Л. Пирогов А.Н. 2005. События эпохи экстремальных затоплений в долине маныча: сброс Каспийских вод через Маныч-Керченский пролив // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. — Сыктывкар: Геопринт. — С. 445–447.

Чепалыга А.Л., Садчикова Т.А., Лаврентьев Н.В. Пирогов А.Н., Цыбрий В.В. 2006. История долины Маныча и древний человек в позднем палеолите // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы международного симпозиума. — Ростов-на-Дону. — С. 340–348.

Чердынцев В.В. 1971. Абсолютная геохронология палеолита // МИА. — № 173. — С. 298–313.

Чердынцев В.В., Алексеев В.А., Кинд Н.В., Форова В.С., Завельский Ф.С., Сулержицкий Л.Д., Чурикова И.В. 1965. Радиоуглеродные даты лаборатории Геологического института АН СССР // Геохимия. — № 12. — С. 1410–1422.

Чердынцев В.В., Алексеев В.А., Кинд Н.В., Форова В.С., Завельский Ф.С., Сулержицкий Л.Д., Форсенкова И.В. 1965. Данные лаборатории Геологического института АН СССР. Сообщение 2 // Верхний плейстоцен. Стра-

тиграфия и абсолютная геохронология /ред. В.П. Гричук, И.К. Иванова, Н.В. Кинд, Э.И. Равский/. — М. — С. 270–276.

Черныш А.П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре. — М.: Наука. — С. 7–77.

Чубур А.А. 1991. Мамонт в верхнем палеолите: добыча охотников или жертва половодий? // VI Координационное совещание по изучению мамонтов и мамонтовой фауны. — Л. — С. 57–58.

Чубур А.А. 1993. «Мамонтовое собирательство» в бассейне Десны // Природа. — С. 54–57.

Чубур А.А. 2006. Эксплуатация мамонтовых «кладбищ» как элемент адаптации палеолитического человека к природным условиям эпохи экстремальных затоплений // Позднекайнозийская геологическая история севера аридной зоны. Материалы международного симпозиума. — Ростов-на-Дону. — С. 348–352

Шовкопляс И.Г. 1965. Радомышльская стоянка — памятник начальной поры позднего палеолита // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. — М. — С. 104–116.

Шренк Л. 1899. Об инородцах Амурского края. Т. 2. — СПб.: Изд. Императорской Академии наук.

Allsworth-Jones Ph. 1990. The Szeletian and the stratigraphic succession in Central Europe and adjacent areas: main trends, recent results, and problems for resolution // P. Mellars (ed). The Emergence of Modern Humans. Ithica: Cornell University Press. — P. 160–242.

van Andel T.H., Davies W. (eds.) 2003. Neandertals and Modern Humans in the European Landscape during the Last Glaciation. — Cambridge. McDonald Institute.

Anikovich M.V. 1992. Early Upper Paleolithic Industries of Eastern Europe // JWP. — Vol. 6 (2). — Plenum Press. New York and London. — P. 205–245.

Anikovich M.V., Sinitsyn A.A., Hoffecker J.F., Holliday V.T., Popov V.V., Lisitsyn S.N., Forman S.L., Levkovskaya G.M., Pospelova G.A., Kuz'mina I.E., Burova N.D., Goldberg P., Macphail R.I., Giaccio B., Praslov N.D. 2007. Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans // Science. — Vol. 315 (12.01.2007). — P. 223–226.

Bar-Yosef O. 1998. On the nature of transitions: The Middle to Upper Paleolithic and the Neolithic revolution — Cambridge Archaeological Journal. — Vol. 8. N. 2. — P. 141–163.

Bar-Yosef O. 2002. The Upper Paleolithic revolution // ARA. Vol. 31. — P. 363–393.

Behre K.E., van der Plicht J. 1992. Towards an absolute chronology for the last glacial period in Europe: radiocarbon dates from Oerel, Northern Germany // Vegetation History and Archaeobotany. — Springer-Verlag. — № 1. — P. 111–117.

Bordes F. 1968. The Old Stone Age. New York: McGrawHill.

Bradley B.A., Anikovich M., Giria E. 1995. Early Upper Paleolithic in the Russian Plain: Streletskian flaked stone artifacts and technology // Antiquity. — No 69. — P. 989–998.

Chiu T., R.G. Fairbanks, R.A. Mortlock, A.L. Bloom. 2005. Extending the radiocarbon calibration beyond 26,000 years before present using fossil corals // QSR. — Vol. 24. — P. 1797–1808.

Chmielewski W. 1961. La civilisation de Jerzmanowice. Wroclow.

Clarke D.L. 1968. Analytical Archaeology. — London: Methuen and Co. Ltd.

Condomines M. 1978. Age of the Olby-Laschamp geomagnetic polarity event // Nature. — № 276. — P. 257–258.

Debrosse R., Kozlovski J. 1988. Hommes et climates a l'age du mammouth. — Le Paléolithique supérieur d'Eurasie Centrale. — Paris. Milan. Barselone. Mexico: MASSON.

Fairbanks R.G., R.A. Mortlock, T.-C. Chiu, Li Cao, A. Kaplan, T.P. Guilderson, T.W. Fairbanks, A.L. Bloom, P.M. Grootes, M.-J. Nadeau. 2005. Radiocarbon calibration curve spanning 0 to 50.000 years BP based on paired 230Th/ 234U/ 238U and ^{14}C dates on pristine corals // QSR. — Vol. 24. — P. 1781–1796.

Forman S. L. 2006. OSL Dating of Kostenki: methods and results // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125–летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 125–130 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Gey N.A., Zaytseva G. I., Tsyganov Y.Y. Praslov N.D. 1994. Some methodical aspects for establishing the age of cultural layers of the palaeolitic site Borschevo 2 in central Russian plain // Vilnius University Press. — P. 17–14.

Grigoriev G.P. 1990. Sungir // Feulles de pierre. Les industries a pointes foliacees du Paleolithiqoue superieur europeen. Etudes et recherches archeologiques de l'Universitede Liege. № 42. — P. 137–139.

Grigor'ev G.P. 1993. The Kostienki-Avdeevo Archaeological Culture and the Willendorf-Pavlov-Kostienki-Avdeevo Cultural Unity // Soffer O., Praslov N. (eds.). / From Kostienki to Clovis. Upper Paleolithic - Paleo-Indian Adaptations: New York&London: Plenum Press. — P. 51–66.

Guillou H., B.S. Singer, C. Laj, C. Kissel, S. Scaillet, B.R. Jicha. 2004. On the age of the Laschamp geomagnetic excursion // Earth and Planetary Science Letters. — Vol. 227. — P. 331–343.

Gvozdover M.D. 1995. Art of the Mammuth hunters. The finds from Avdeevo. — Oxbow. Monograph 49. — 186 p.

Haesaerts P. 1990. Nouvelles Recherches au gisement de Willendorf (Basse Autriche) // Bulletin de l'Institut royal des Sciences naturelles de Belgique (Sciences de la Terre). — No 60. — P. 203–218.

Hail C.M., York D. 1978. K-Ar and ^{40}Ar/^{39}Ar age of the Laschamp geomagnetic polarity reversal // Nature. — Vol. 274. — N 5670. — P. 462–464.

Harrold F.B. 1989. Mousterian, Chatelperronian and Early Aurignacian in Western Europe: Continuity or Discontinuity? // P. Mellars, C. Stringer (eds) / The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. Edinburgh: Edinburgh University Press. — P. 677–713.

Hedges R.E.M., Pettitt P.V. 2000. On the validity of radiocarbon dates >30 Ka BP // Revue d'Archeometrie, supplement. — P. 137–141.

Hoffecker J.F. 1987. Upper Pleistocene Loess Stratigraphy and Paleolithic Site Chronology on the Russian Plain // Geoarchaeology. An International Journal. Vol. 2. No 4. — P. 259–284.

Hoffecker J.F. 1988. Early Upper Paleolithic Sites of the European USSR // The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East. BAR. International Series 437. — P. 237–272.

Hoffecker J.F. 2002. Desolate landscapes. Ice-age ettlement in Eastern Europe. Rutgers University Press. New Brunswick, New Jersey, and London. — 299 p.

Hoffecker J.F., Kuz'mina I.E., Anikovich M.V., Popov V.V. 2005. Taphonomy of an Early Upper Paleolithic Bone Bed at Kostenki 12 (Volkovskaya) // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. — СПб.: ООО «Копи-Р». — С. 161–176 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Holliday V.T., Hoffecker J.F., Anikovich M.V., Sinitsyn A.A. 2006. Geoarchaeological studies at Kostenki-Borshchevo // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 57–80 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Holliday V.T., Hoffecker J.F., Goldberg P., Macphail R.I., Forman S.L., Anikovich M., Sinitsyn A. 2007. Geoarchaeology of the Kostenki-Borshchevo Sites, Don River Valley, Russia // Geoarchaeology: an International Journal. — Vol. 22, No. 2. — P. 181–228.

Homo sungirensis. 2000. Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. — М.: Научный мир. — 460 с.

Housley R.A., Higham T.G., Anikovich M.V. 2006. New AMS Radiocarbon Dates from Kostenki 12 // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125–летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 152–155. (ТКБАЭ. Вып. 4).

Klein R.G. 1969. Man and Culture in the Late Pleistocene. A case study. — San Francisco: Chandler Publishing Company. — 259 p.

Kozlowski J.K., Kozlowski S.K. 1975. Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p.n.e. Warszawa.

Kozlowski J.K. 1986. The Gravettian in Central and Eastern Europe // Advances in World Archaeology. Vol.5.

Kozlowski J.K. 2000. The problem of cultural continuity between the Middle and the Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // O. Bar-Yosef, D. Pilbeam (eds). The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Cambridge: Harvard University Press. — P. 77–105.

Kuhn S.L., A. Bietti. 2000. The late Middle and early Upper Paleolithic in Italy // O. Bar-Yosef, D. Pilbeam (eds). The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Cambridge: Harvard University Press. — P. 49–76.

Labeyrie J. 1984. Le cadre paléoclimatique depuis 140000 ans. // L'Anthropologie. — T. 88, No. 1. — P. 19–48.

Leduc G., N.Touveny, D.I. Bourles et al., 2006. Earth and Planetary Science Letters. — Vol. 245. Issues 1–2. — P. 19–28.

Løvlie R. 2006. Paleomagnetic results from Kostenki archeological sites 1 and 14: preliminary report // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125–летию открытия палеолита в Костёнках). — СПб.: Нестор-История. — С. 131–151 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Matioukhine A.E. 1990. Les formes bifaciales d'ateliers et de stations-ateliers // Feules de pierre. Les industries a pointes foliacees du Paleolithique superieue europeen. Etudes et Recherches archeologiques de l'Universite de Liege 42: 141–162.

McBurney C.B.M. 1976. Early Man in the Soviet Union. The Implications of Some Recent Discoveries. London: The British Academy.

Mellars P. 1989. Major issues in the emergence of modern humans. — Current Anthropology. — Vol. 30. — P. 349–385.

Otte M. 1981. Le Gravettien en Europe Centrale. Vol. 1–2. Dissertationes archaeologicae gandenses. Vol. XX. Le Tempel. Brugge.

Otte M, Matyukhin A.E., Flas D. 2006. La Chronologie de Biryuchya Balka (Région de Rostov, Russie). — Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках, 23–26 августа 2004 г.). — С.-Пб: Нестор-История. — С. 183–192 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Pettitt P.B. 1999. Disappearing from the world: an archaeological perspective on neanderthal extinction // OJA. Vol. 18. № 3. — P. 217–240.

Pettitt P.B., C.B. Ramsey, R.E.M. Hedges, G.W.L. Hodgins. 2000. AMS radiocarbon dating at Oxford and its contribution to issues of the extinction of Neanderthals and the spread of *Homo sapiens sapiens* across Eurasia // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research, B. — Vol. 172. — P. 751–755.

van der Plicht J. 2002. Calibration of the C-14 time scale: towards a complete dating range // Netherlands Journal of Geosciences. — Vol. 81. — P. 85–96.

Pospelova G.A. 2007. Paleomagnetic charachteristics of the sediments of Kostenki-Borschevo region in context of discussion problem of geomagnetic excursion Lashamp-Kargapolovo // **European Association of Archaeologists. 13th Annual Meeting. Zadar, Croatia 18th-23th September 2007. — Abstract book. Programme and Abstracts. — Zadar: University of Zadar. — P. 284–286.**

Prošek F. 1953. Szeletien na Slovensku // Slovenska Archeologia. — T. I. — P. 133–194.

Pyle D.M., Ricketts G.D., Sinitsyn A.A., Praslov N.D., Lisitsyn S.N., Margari V., van Andel T.H. 2003. Y5 tephra from the Campanian ignimbrite eruption: a key chronostratigraphic marker for the Mediterranean and Eastern Europe // XVI JNQUA Congress. Program with Abstracts. — Reno, Nevada: Desert Research Institute. — P. 147.

Pyle D.M., Ricketts G.D., Margari V., Andel T.H., Sinitsyn A.A., Praslov N.D., Lisitsyn S.N. 2005. Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene 'Campanian Ignimbrite/Y5' eruption, Italy // Quarternary Science Reviews.– P. 1–43.

Sinitsyn A.A., Haesaerts P., Damblon F., van der Plicht J., Forman S.L. 2002. New absolute dates in radiocarbon sequences in Kostenki 14 (Markina gora) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: Академ-Принт. — С. 219–236 (Тр. Костёнковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Sinitsyn A.A., Otte M., Hedges R.E.M. 2002. New AMS radiocarbon dates: Oxford series (brief communication) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: Академ Принт. — С. 255 (Тр. Костёнковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Soffer O.A. 1985. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando: Academic Press.

Soffer O., Praslov N. (eds.). 1993. From Kostienki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations. New York&London: Plenum Press.

Ton-That T., B. Singer, M. Paterne. 2001. 40Ar/39Ar dating of latest Pleistocene (41 ka) marine tephra in the Mediterranean Sea: Implications for global climate records // Earth and Planetary Science Letters. Vol. 184. — P. 645–658.

Zilhão J., d'Errico F. 1999. The chronology and tafonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // Journal of World Prehistory. — Vol. 13. № 1. — P. 1–68.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА — Археологический альманах. Донецк.
АВ — Археологические вести. С.-Пб.
АЗ — Археологические записки. Ростов-на-Дону.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./С.-Пб.
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БКИЧП - Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода Европы. М.
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы. М.
ДВО — Дальневосточное отделение РАН. Владивосток.
ИА — Институт археологии РАН. М.
ИАЭт — Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
ИрГТУ — Иркутский государственный технический университет.
ИЭА — Институт этнографии и антропологии РАН. М.
ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН. С.-Пб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Л. / М.
Л. — Ленинград.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
М. — Москва.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии РАН. С.-Пб.
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
ПАВ — Петербургский археологический вестник. С.-Пб.
ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. С.-Пб.
РА — Российская археология. М.
РО НА ИИМК — Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. С.-Пб.
СА — Советская археология. Л./М.
СО РАН — Сибирское отделение Российской Академии наук.
С.-Пб. — Санкт-Петербург.
ТКБАЭ — Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. С.-Пб.
ТМАИЧПЕ — Труды и материалы Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. М.
ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода Европы. М.
OJA — Oxford Journal of Archaeology.
QSR — Quarternary Science Reviews.
SP — Stratum plus. Международный археологический журнал. Кишинев.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю ... 5

Введение ... 6

Глава 1. История изучения палеолита Костёнковско-Борщёвского района (*Н.И. Платонова, М.В. Аникович, В.В. Попов*) ... 11

1.1. От зверя «индера» до первых раскопок ... 11
1.2. И.С. Поляков и открытие палеолита Костёнок ... 14
1.2.1. Иван Семёнович Поляков ... 14
1.2.2. И.С. Поляков и начало исследований палеолита в России ... 15
1.3. От И.С. Полякова до Костёнковской палеолитической экспедиции ... 18
1.4. Создание Костёнковской палеолитической экспедиции: П.П. Ефименко и «стадиальная концепция» ... 21
1.4.1. Первые шаги ... 21
1.4.2. П.П. Ефименко и его позиции в науке ... 23
1.5. Смена парадигм: Александр Николаевич Рогачёв и его идеи ... 28
1.6. Создание музея-заповедника «Костёнки» ... 32
1.7. Костёнковская палеолитическая экспедиция в 1970–1990-х гг. ... 35
1.8. Новый этап ... 37

Глава 2. Условия залегания, хронология и природное окружение верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района (*М.В. Аникович, В.В. Попов*) ... 39

2.1. Условия залегания стоянок ... 39
2.2. Относительная хронология палеолита Костёнковско-Борщёвского района: история и современное состояние вопроса ... 41
2.2.1. Хронология и периодизация ... 41
2.2.2. Основные этапы формирования относительной хронологии палеолита Костёнковско-Борщёвского района ... 42
2.2.3. Проблемы костёнковских гумусов и палеопочв ... 44
2.2.4. Вулканический пепел как хроностратиграфический маркер ... 48
2.2.5. Некоторые результаты палеомагнитных исследований ... 49
2.3. «Абсолютная» хронология верхнепалеолитических памятников Костёнковско-Борщёвского района ... 49
2.3.1. Проблемы методов ... 49
2.3.1.1. Корреляция различных радиометрических шкал ... 49
2.3.1.2. Проблема калибровки радиоуглеродных дат ... 50
2.3.1.3. Разброс радиоуглеродных дат — проблема метода или проблема памятника? ... 50
2.3.2. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников I хронологической группы ... 52
2.3.3. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников хронологической группы I/II ... 53

2.3.4. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников II хронологической группы ... 53
2.3.5. «Абсолютный» возраст и взаимная корреляция памятников III хронологической группы ... 55
2.4. Природная среда в бассейне Среднего Донав верхнепалеолитическую эпоху ... 58
2.4.1. Палеозоологические материалы ... 59
2.4.2. Данные палинологического анализа ... 59
2.5. Заключение ... 66

Глава 3. Обобщающие понятия (*М.В. Аникович*) ... 67
3.1. Конкретно-исторический подход ... 67
3.2. Археологическая культура ... 67
3.3. Технокомплекс ... 69
3.4. Историко-культурная область ... 71

Глава 4. Ранняя пора верхнего палеолита по материалам Костёнковско-Борщёвского района (*М.В. Аникович, В.В. Попов, Н.И. Платонова*) ... 74
4.1. Общие характеристики ... 74
4.2. Охота ... 76
4.3. Жилища, организация поселений ... 79
4.4. Симбиотические («архаичные») культуры ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района ... 85
4.4.1. Древнейшие симбиотические индустрии РВП в Костёнках ... 85
4.4.1.1. Костёнки 12/V — древнейший палеолитический памятник Костёнковско-Борщёвского района ... 85
4.4.1.2. Костёнки 12/IV — симбиотическая или развитая индустрия? ... 85
4.4.2. Костёнковско-стрелецкая АК ... 87
4.4.2.1. Первый этап развития стрелецких традиций в Костёнках ... 89
4.4.2.2. Второй этап развития стрелецких традиций в Костёнках ... 94
4.4.2.3. Финальные этапы костёнковско-стрелецкой АК ... 104
4.4.2.4. Проблема происхождения костёнковско-стрелецкой АК ... 106
4.4.3. Городцовская археологическая культура ... 107
4.4.3.1. Технико-типологические характеристики ... 107
4.4.3.2. Проблема сходств/различий памятников за пределами «ядра» городцовской АК. ... 119
4.4.3.3. Проблемы генезиса городцовской культуры ... 121
4.5. Развитые культуры РВП в Костёнковско-Борщёвском районе ... 122
4.5.1. Костёнки 14/IVб — древнейшая высокоразвитая индустрия Восточной Европы ... 122
4.5.2. Спицынская культура ... 125
4.5.3. О начале «ориньякского эпизода» ... 128
4.5.4. Первое проявление граветтоидного ТК: аносовско-тельманская археологическая культура ... 128
4.6. Проблема взаимодействия архаичных и развитых культур РВП в Костёнках ... 132
4.6.1. Аккультурация как вариант социокультурной адаптации ... 132
4.7. Антропологические находки в памятниках РВП Костёнковско-Борщёвского района ... 136
4.7.1. Костёнки 14/IVб ... 136
4.7.2. Спицынская АК ... 136
4.7.3. Костёнковско-стрелецкая АК ... 136
4.7.4. Городцовская АК ... 137
4.7.4.1. Описание погребений ... 137
4.7.4.2. Проблемы культурно-исторической интерпретации погребений на памятниках городцовской АК ... 139
4.7.5. Аносовско-тельманская АК ... 141
4.7.6. Костёнки 1/III (ориньякоидный ТК) ... 141

Глава 5.«Ориньякский эпизод» в палеолите Костёнковско-Борщёвского района (*М.В. Аникович*) 143
5.1. Определение, хронологические границы 143
5.2. Поздний валдай: изменения природной среды и культурные инновации.....144
5.2.1. Начало «ориньякского эпизода»: Костёнки 1/III.....144
5.2.2. Хронологическая подгруппа IIIA: аносовско-тельманская культура.....149
5.2.3. Слабо изученные ориньякоидные индустрии подгруппы IIIA.....155
5.2.4. Завершение «ориньякского эпизода»: Костёнки 4/I.....157
5.2.5. Синхронные индустрии граветтоидного ТК в Костёнковско-Борщёвском районе и их связь с ориньякоидными индустриями.....164
5.3. «Ориньякский эпизод» Костёнковско-Борщёвского района в восточно-европейском контексте.....172

Глава 6. Костёнковско-Борщёвский район как часть Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонтов *(М.В. Аникович, В.В. Попов, Н.И. Платонова)* 173
6.1. Средняя пора верхнего палеолита Восточной Европы и Днепро-Донская ИКО 173
6.1.1. Общие характеристики СВП 173
6.1.2. Пространственно-территориальные границы и характеристики Днепро-Донской ИКО.....173
6.2. Источники и предпосылки появления виллендорфско-костёнковской культуры на Русской равнине 174
6.2.1. Охотники на мамонтов в Центральной Европе.....174
6.2.2. Появление «виллендорфцев» в Восточной Европе 175
6.3. Виллендорфско-костёнковская культура в Костёнках 176
6.3.1. Общие характеристики.....176
6.3.2. Костёнки 1, верхний культурный слой 180
6.3.2.1.Структура поселения.....180
6.3.2.2. Каменный инвентарь 184
6.3.2.3. Костяной инвентарь.....186
6.3.2.4. Керамика 188
6.3.2.5. Изобразительное искусство 189
6.3.2.6. Краски 190
6.3.3. Иные памятники виллендорфско-костёнковской культуры на территории Костёнок.....190
6.3.4. Радиоуглеродный возраст стоянок виллендорфско-костёнковской АК в Костёнках.....193
6.3.5. Судьбы виллендорфско-костёнковской культуры в Восточной Европе.....196
6.3.6. Памятники аносовско-гмелинской АК в Костёнках 199
6.3.6.1. Костёнки 1/ II (Аносовка 2).....199
6.3.6.2. Костёнки 21/III (Гмелинская) 201
6.3.6.3. Костёнки 5/III 206

Глава 7. Поздний этап верхнего палеолита в Костёнках (хронологическая подгруппа IIIC) *(В.В. Попов, М.В. Аникович)* 207
7.1. Второй этап существования Днепро-Донской ИКО: новые традиции.....207
7.2. Стоянка Костёнки 11/Ia: жилые комплексы аносовско-мезинского типа 207
7.2.1. Общие сведения о памятнике.....207
7.2.2. Первый жилой комплекс 208
7.2.2.1. Кольцевое нагромождение костей мамонта: конструктивные особенности.....208
7.2.2.2. Внутренняя часть жилища 211
7.2.2.3. Ямы-кладовые 212
7.2.3. Проблемы реконструкции и интерпретации жилищ аносовско-мезинского типа 213
7.2.4. Каменный и костяной инвентарь стоянки Костёнки 11/Ia 215
7.3. Стоянка Костёнки 2 (Замятнинская).....218

7.4. Замятнинская археологическая культура 224
7.4.1. Костёнки 3 (Глинище) 224
7.4.2. Костёнки 19 (стоянка Валукинского) 226
7.4.3. Функциональные характеристики стоянок замятнинской АК.
Все вышеизложенное позволяет констатировать следующее 228
7.4.4. Основные характеристики замятнинской АК и проблемы её происхождения 228
7.4.4.1. Общая характеристика каменных индустрий 228
7.4.4.2. Проблема происхождения замятнинской АК 229
7.5. Иные культурные традиции: стоянка Борщёво 1 230
7.6. Охота или собирательство? 232

Глава 8. Загадка Борщёво 2 *(М.В. Аникович)* 236
8.1. Общая характеристика памятника 236
8.2. Культурные слои Борщёво 2 237
8.2.1. Борщёво 2/III 237
8.2.2. Борщёво 2/II 237
8.2.3. Борщёво 2/I 239
8.3. Проблемы хроностратиграфии Борщёво 2 239

Заключение *(М.В. Аникович)* 240

Summary 244

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Академии наук (глава 2) 247

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
Радиометрические даты верхнепалеолитических памятников Костёнковско-Борщёвского района 260

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.
Поспелова Г.А. Магнитные и палеомагнитные характеристики отложений Костёнковско-Борщёвского региона в контексте дискуссионной проблемы геомагнитного экскурса Каргаполово-Лашамп 276

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.
Саблин М.В. Фауна ранних верхнепалеолитических культурных слоев стоянок Костёнки 6, Костёнки 12, Костёнки 17 из раскопок П.И. Борисковского, П.П. Ефименко, А.Н. Рогачёва 279

Список литературы 285

Список сокращений 298

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И.

Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы

Редактор *Н. И. Платонова*
Компьютерная верстка *Л. А. Философова*

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton
Усл.-печ. л. 38. Тираж . Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., Розенштейна ул., д. 21
тел.: (812)622-01-23